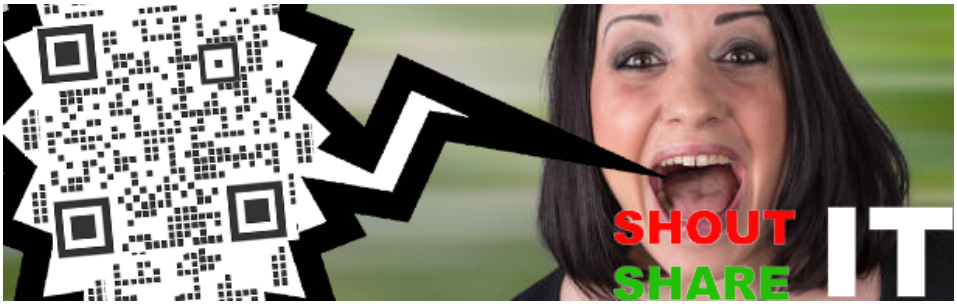
Вальтер Морз

13½ жизней капитана по имени Синий Медведь


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Барон Мюнхаузен улетел на Луну, теперь главный выдумщик — капитан Синий Медведь. Взрослые и дети будут восхищаться его историями, удивляться и, конечно же, верить…

Не стоит завидовать кошкам с их девятью жизнями. У капитана по имени Синий Медведь их двадцать семь, и каждую он проживает невероятно изобретательно. Однажды его, плывущего по Замонийскому морю в ореховой скорлупке, спасли карликовые пираты и заботились о нем, пока он не вырос слишком большим. Две волны-болтушки научили Синего Медведя говорить, а динозавр Мак спас его от острова-хищника. Разным премудростям капитан научился в ночной академии…

Даже не слишком усидчивый читатель без труда одолеет нескончаемую череду удивительных приключений Синего Медведя. Словом, 13 1/2 жизней — это тринадцать с половиной удивительных путешествий по сказочной стране, где возможно все, кроме скуки.

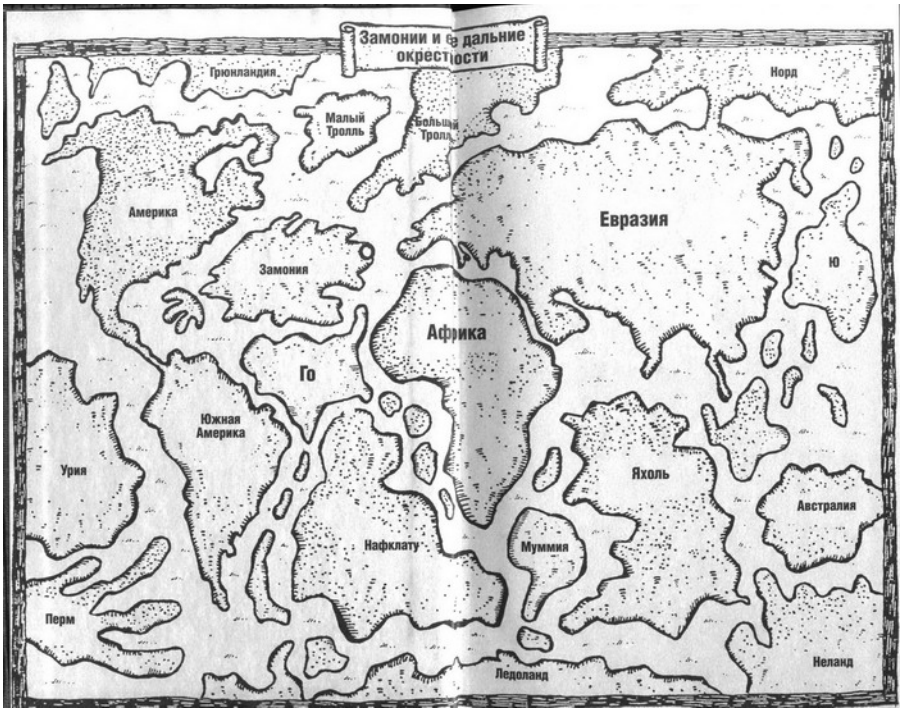
Перевод с немецкого Людмилы Есаковой.
Иллюстрации автора.

- Вальтер Моэрс
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - 1. Моя жизнь у карликовых пиратов
  - 2. Моя жизнь с химериадами
  - 3. Моя жизнь в океане
  - 4. Моя жизнь на острове Гурманов
  - 5. Моя жизнь у динозавра-спасателя
  - 6. Моя жизнь в Темных горах
  - 7. Моя жизнь в Большом лесу
  - 8. Моя жизнь в черной дыре
  - 9. Моя жизнь в Сладкой пустыне
  - 10. Моя жизнь в торнадо
  - 11. Моя жизнь в Большой голове
  - 12. Моя жизнь в Атлантисе
  - 13. Моя жизнь на «Молохе»
  - 13. Половина жизни в покое
- notes
  - 1

Вальтер Моэрс
13 1/2 жизней капитана по имени Синий Медведь

Жизнь слишком дорога, чтобы доверять ее воле случая.

Х. Машина



Замония
и ее ближайшие окрестности
(упрощенный вариант)
Гренландия
Нептундия
коралловые пиратты
волны-болтушки
остров Химериад
дом престарелых динозавров-спасателей
Жердоток
Северный перст
Геркулесовы столпы
Зельцелина
Фторит
Фторитский залив
Темные горы
Темнотон
Старый канал
Калейдоскопское море
Мезенц
Сельсина
остров Ланда
Селькольский залив
Цапа
Перст
залив Блуждающих Огоньков
Твердый мор
боллог
Сладкая пустыня
Амагрим Атлас
Всемирный тополь
Атлантис
порт
Одинова щель
Ая
Уйстран
Большой Замонийский залив
Восточная Нептрофия
Далезамонийский залив
Добрынск
Жуткие горы
Карта составлена на основе «Лексикона» профессора Филологиуса
Чертовы клыки
«Молли»
Нафлату
Яволь

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня, как и у любого другого синего медведя, всего двадцать семь жизней. Тринадцать с половиной из них я решил описать в этой книге, об остальных же предпочитаю умолчать. Каждый медведь должен иметь свои секреты, темные пятна так сказать, это делает его фигуру куда более таинственной и значительной.

Меня часто спрашивают: как оно было раньше? Как было раньше? Раньше всего было больше. Да, были острова, удивительные страны и целые континенты, которые теперь навсегда исчезли под толщей вод Великого океана. Ведь море постоянно наступает на сушу, медленно, но настойчиво, так что в один прекрасный день вся наша планета покроется водой, — вот почему мой дом стоит на высокой скале и представляет собой все еще пригодный для плавания корабль. Именно об этих островах и странах я хочу рассказать, о замечательных существах и чудесах, навсегда ушедших вместе с ними.

Я бы солгал (а всем известно, что склонность ко лжи отнюдь не является отличительной чертой моей натуры), заявив, что в первых моих тринадцати с половиной жизнях не было ничего примечательного. Судите сами: карликовые пираты, химериады, паук-ведун, волны-болтушки, пещерный тролль, темногорский червь, бергина, громила без головы, голова без громилы, чудичи, плененная Фата Моргана, йети-лунатики, Вечный торнадо, демоны-рикши, злые вампиры, принц из другого измерения, профессор с семью мозгами, Сладкая пустыня, свинские варвары, коротышка с навыками ближнего боя, думающий песок, гигантский корабль, адская душегубка, остров-плотожор, злобные пустынники, драконы, драматические дуэли лжецов, пространственные дыры, люди-невидимки, натифтофы, монолитоподобные песчаные бури, венецианские человечки, симпатичные мидгардские змеи, отвратительные крысохвостые, долина никчемных идей, длинноногие берты, ржавые горы, собакоподобные летучие мыши, унки и зельцы, носопыры, фатомы, Жерлоток, серодород, смертельные опасности, вечная любовь, спасения в последнюю секунду… Но не буду забегать вперед!

Вспоминая о тех временах, я испытываю чувство безграничной тоски, только колесики часов жизни все равно не заставишь вертеться назад. От этого немного грустно, но что поделаешь.

Вот и теперь, как положено, на смену осени пришла зима. Солнце, холодное как луна, опускается в свинцовые воды ледяного

океана, а в воздухе пахнет снегом. Правда, в нем пахнет еще кое-чем — далеким костром с легкой примесью аромата корицы, именно так пахнут приключения! Раньше я всегда устремлялся на этот запах, но сегодня у меня есть дела поважнее — будущие поколения должны увидеть мои мемуары. Духи холода уже просочились под дверью в каюту и безжалостно хватают за пальцы, невидимые снежные ведьмы рисуют ледяные узоры на окнах. Не самое лучшее время года, зато отличный повод вскипятить побольше какао, добавить в него капельку рома, набить тринадцать с половиной курительных трубок, приготовить тринадцать с половиной плиток марципана, отточить тринадцать с половиной карандашей и начать излагать на бумаге свои тринадцать с половиной жизней. Боюсь только, занятие это, требующее отваги и немалых душевных и физических сил, в результате выльется в мероприятие эпического масштаба. Ведь, как я уже говорил, раньше всего было больше — и приключений тоже.

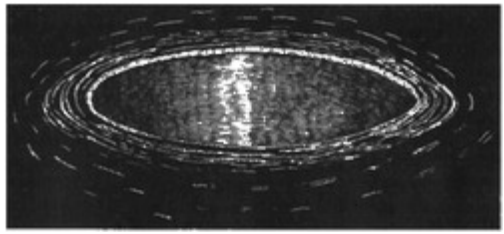
1. Моя жизнь у карликовых пиратов

Необычное появление на свет. Любая жизнь начинается с рождения. Любая — только не моя. Во всяком случае, я не помню, как появился на свет. Возможно — чисто теоретически — я вышел в мир из пены морской или вырос в ракушке, подобно жемчужине. Или, может быть, свалился с неба во время сильного звездопада.

Доподлинно известно только одно — в один прекрасный день я вдруг очутился посреди океана. Вокруг плескались огромные волны, а я, абсолютно голый, один-одинешенек плыл среди них в скорлупке от грецкого ореха. Ведь сначала я был очень маленький.

Помню еще, был какой-то звук. Очень большой звук. Когда ты маленький, все вокруг кажется невероятно большим. Правда, теперь-то я точно знаю, что это действительно был самый большой на свете звук.

Жерлоток. А шел он из пасти кошмарного, гигантского, опаснейшего водоворота, разверзшегося на том месте, где встречаются семь океанов. Тогда я еще не знал, что название этой адской воронки — Жерлоток. Вот к нему-то, покачиваясь на волнах, и приближалась моя скорлупка. Но тогда мне просто слышался нарастающий рокот воды, вот и все. В тот момент я, вероятно, думал (если предположить, будто я уже умел думать), что нет ничего естественнее, чем плыть нагишом посреди океана в ореховой скорлупе навстречу оглушительному реву воды.



Звук между тем становился все громче. Скорлупка раскачивалась все сильнее, а я, само собой, и не подозревал, что волны неумолимо влекут меня к центру жадной пасти водоворота. Моя утлая лодчонка, возможно самая крохотная во всем Мировом океане, с каждым витком огромной, длиной во многие километры, спирали неминуемо приближалась к краю бурлящей бездны.

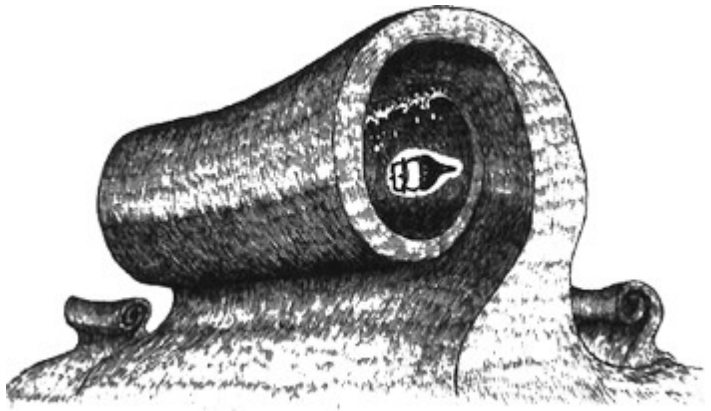
Нужно ли объяснять, в какую безнадежную ситуацию я попал? Ведь любой моряк, у которого сохранилась хоть капля здравого смысла, старается обходить Жерлоток за многие мили стороной. И если бы даже сыскалась какая-то добрая душа, захотевшая мне помочь, ее, несомненно, постигла бы та же самая участь, что и меня. Водный вихрь увлек бы ее на дно океана, поскольку нет в мире такого корабля, который мог бы противостоять дикой силе разверзшейся пучины.

А скорлупка моя начала уже потихоньку вращаться вокруг своей оси и так, пританцовывая, легкомысленно скользила по волнам навстречу своей гибели, в клокочущую страшную пасть. Я же тем временем любовался пляшущими звездами на ясном ночном небе, наслаждался диким завыванием Жерлотока и не подозревал ничего дурного.

Именно в этот момент мне впервые довелось услышать леденящее душу пение карликовых пиратов.

Карликовые пираты. Карликовые пираты испокон веков бесчинствовали на морских просторах Замонии. Только об этом никто не догадывался, поскольку крошки были такие маленькие, что их невозможно было разглядеть невооруженным глазом. А между тем для них не существовало ни слишком больших волн, ни слишком сильного ветра, ни водоворота, которому они побоялись бы бросить вызов. Самые смелые из всех моряков, они ежечасно и ежесекундно искали повод сразиться с разбушевавшейся стихией, чтобы в очередной раз доказать

непревзойденность своего навигационного искусства. Им одним было под силу противостоять Жерлотоку, ведь на всем белом свете не найдется, пожалуй, моряков отчаяннее и искуснее, чем они.



Именно благодаря своей отчаянной храбрости и бесшабашному упрямству малыши заплыли почти в самый центр бурлящей воронки, лихо горланя свои пиратские песни. Впередсмотрящий на сигнальной мачте, оглядывая морское пространство вокруг корабля в поисках подходящего туннеля внутри загнутого гребня волны или попутного течения, заметил в свою крошечную подзорную трубу мою скорлупку. Еще немного, и она исчезла бы в жадной пасти водоворота.

Это было настоящей удачей, что меня обнаружили именно карликовые пираты, ведь любой другой мореплаватель обычных размеров вряд ли обратил бы внимание на такую мелочь, как я. Они затащили меня на борт, замотали в промасленные снасти и крепко-накрепко привязали канатом к самой толстой мачте, что показалось мне тогда довольно странным, но в результате спасло жизнь. Сами малыши, как ни в чем не бывало, продолжали отважно бороться со стихией. Они, словно, белки сновали туда-сюда по высоким мачтам, поднимая одни паруса и спуская другие, с такой удивительной скоростью, что у меня голова закружилась, пока я на них смотрел. Они все как один сломя голову бросались на бак, когда корабль кренило на корму, чтобы выровнять его своим весом, а потом снова мчались обратно к рубке или вихрем неслись и свешивались на правый борт, чтобы уже через минуту устремиться на левый. Они откачивали воду, выскакивали с полными ведрами из трюмов, снова ныряли в люки или карабкались по длинным веревочным лестницам. Они находились в постоянном движении, крутили штурвальное колесо, громко выкрикивали команды, дружно висли на парусе,

чтобы он поскорее раскрылся, сматывали и разматывали канаты и ни на секунду не прекращали распевать свои пиратские песни. Помнится, один из них успевал даже между делом драить палубу.

Корабль врезáлся носом в гигантские валы, сильно кренился то на один борт, то на другой, снова выравнивался. Временами он полностью погружался под воду, но не тонул. Тогда я впервые отведал морской воды, и должен признаться, она пришлась мне по вкусу. Мы скользили по бурлящим туннелям внутри огромных волн, выныривали на гребень и скатывались вниз, взлетали чуть не к самому небу и погружались глубоко под воду. Океан безжалостно швырял пиратский корабль из стороны в сторону, хлестал его по бортам порывами ураганного ветра, плевался в него холодной соленой водой, но пираты и не думали отступать. Они выкрикивали ругательства, злобно плевались в ответ и еще грозили морю абордажными крюками. Они улавливали любое, самое незначительное движение волны, самое слабое дуновение ветерка, предвосхищая реакцию судна и зная наперед, что будут делать в следующий момент. У них не было капитана, перед лицом рассвирепевшей стихии все они были равны. Совместными усилиями им все же удалось одержать верх над мощью Жерлотока. Я сам видел это собственными глазами, стоя привязанный к своей мачте.

Когда ты такой же маленький, как и карликовые пираты (а в то время я был именно таким), ты живешь в другом временнóм измерении. Тот из вас, кто когда-либо пытался поймать муху рукой, знает, насколько это крошечное создание превосходит нас с точки зрения реакции и скорости маневра. Дело в том, что муха все наши движения видит словно при замедленной съемке, поэтому ей так легко своевременно реагировать и увертываться. То же самое можно сказать и про карликовых пиратов. Что для обычного корабля выглядело несущимся с сумасшедшей скоростью бурлящим потоком, для них было всего лишь вялым течением. Гигантские морские валы мы видели распавшимися на множество мелких волн, которые не представляли для нашего судна никакой опасности. Подобно урагану, который, пронесясь над городом, превращает в руины большие каменные дома, но не в состоянии причинить вреда тонюсенькой паутинке, самый чудовищный в мире водоворот был против нас бессилен. Нас спасло именно то, что мы были слишком маленькими.

Так нам удалось избежать гибели в пасти Жерлотока. Но, как уже было сказано выше, в то время я еще не догадывался о подлинной его опасности, по-настоящему оценить ее мне довелось значительно позже. Тогда я лишь отметил про себя, что волнение за бортом постепенно стало стихать и пираты сновали

по палубе уже не так шустро. А когда ситуация изменилась настолько, что они смогли оставить свои корабельные снасти, малыши собрались вокруг мачты, к которой я был привязан, чтобы как следует меня рассмотреть.

Я же в свою очередь рассматривал их.

Карликовые пираты, как уже ясно из названия, роста были самого что ни на есть небольшого. Те, кому посчастливилось вырасти сантиметров до десяти, слыли среди них великанами. Малыши плавали по морям и океанам на своих крохотных корабликах в постоянных поисках подходящей по размеру добычи. А такая добыча встречалась им крайне редко. По правде говоря, никогда. Если уж быть совсем откровенным, за всю историю мореплавания на Замонии не было случая, чтобы карликовым пиратам удалось взять на абордаж какой-нибудь, пусть даже самый маленький, катер или прогулочную лодку. Время от времени, правда, — и это уже от отчаяния — они нападали и на большие суда, среди которых попадались даже океанские лайнеры. Чаще всего, однако, усилия эти оказывались совершенно тщетными — разбойников просто не замечали. Карликовые пираты цеплялись крохотными абордажными крюками за борт своей жертвы, и она тащила их за собой, как буксир, пока им не надоедало. Или начинали палить из малюсеньких пушек, ядра которых никогда не достигали цели: не пролетев и пары метров, они с жалким плеском вяло плюхались в воду.

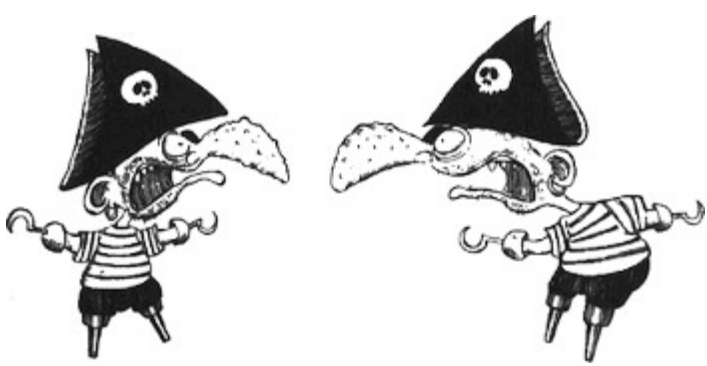
Поскольку пиратам не везло с добычей, они вынуждены были питаться морскими водорослями или мелкой рыбешкой, которую в состоянии были вытащить из воды, например анчоусами или мальками кильки. А если заставляла нужда, не брезговали и планктоном.

Вместо рук у карликовых пиратов были два железных крюка, а вместо настоящих ног — деревянные протезы. И мне ни разу не доводилось видеть карликового пирата без черной повязки на одном глазу. Сначала я думал: все это следствие тяжелых увечий, полученных в результате отчаянных попыток захвата чужих кораблей, но каково же было мое удивление, когда я узнал, что малыши рождаются именно такими, включая усы и треугольную шляпу.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

КАРЛИКОВЫЕ ПИРАТЫ. Вопреки или как раз вследствие полнейшей своей безобидности карликовые пираты изо всех сил стараются производить впечатление как можно более свирепое и кровожадное. Они охотно хвастаются своими подвигами, рассказывают о пережитых нападениях и богатой добыче. Хвастовство вообще является главной их слабостью. Если встречаются два карликовых пирата (а это на небольшом корабле случается довольно часто), они тут же принимаются яростно спорить, кто из них потопил больше кораблей и кто погубил большее количество невинных жертв, отправленных за борт на корм акулам или вздернутых на рее. При этом они громко кричат, размахивают руками и стучат по палубе деревянными протезами, жадно прихлебывая из бутылки вром, напиток, приготовленный из сока водорослей и сахарного тростника, который еще больше подогревает их и без того разгоряченную фантазию и от которого быстро начинает заплетаться язык, хотя напиток этот не содержит ни капли алкоголя. Но карликовым пиратам не много надо.

В то время мне частенько доводилось бывать свидетелем подобных стычек и бурных перепалок между карликовыми пиратами. Справедливости ради надо сказать, этот залихватский разгул фантазии, от души приправленный самыми смачными подробностями, производил на меня очень сильное впечатление. Тогда я впервые узнал, что умело поданная ложь нередко бывает куда интереснее всякой правды. Это все равно что получить в подарок дешевый леденец в яркой, блестящей обертке.



Скука, хвастовство и пиратские песни. Для карликовых пиратов не было в жизни ничего страшнее скуки. Стоило только

кому-нибудь из них заскучать, и он начинал так убиваться, что невозможно было смотреть на беднягу без слез. Он вздыхал и стонал, грозил небу крохотной ручкой с крюком на конце, в сердцах хватал себя за волосы, а порой даже рвал на себе одежду, что еще больше усугубляло его скорбь, поскольку он тут же принимался рыдать над останками своего гардероба, проклиная злую судьбу, которая немилосердно посылает на его бедную голову жесточайшие невзгоды и испытания. А так как скука нередкая гостья на борту любого корабля в открытом море, то и уныние царило среди карликовых пиратов почти постоянно. Вздохи и стенания прекращались только тогда, когда малыши начинали хвастаться друг перед другом своими подвигами. Когда же им надоедало и это, они принимались горланить пиратские песни. Вот в какой атмосфере прошло мое детство.

Постепенно я сделался для карликовых пиратов смыслом их незатейливой жизни. Те пять лет, что я провел у них, все на корабле вертелось вокруг меня. Казалось, мое появление наконец-то наполнило абсурдную жизнь этих отчаянных малышей разумным содержанием. Они трогательно старались научить меня всему тому, что знали сами: как стать настоящим пиратом и что для этого нужно делать. Целыми днями мы разучивали пиратские песни, напичканные самыми непристойными ругательствами, тренировались поднимать черный флаг с изображением черепа и перекрещенных костей и изготавливать карты с указанием местонахождения сокровищ. Однажды они ради меня даже попытались захватить корабль, который был по меньшей мере раз в сто больше их собственного. В этот день мне суждено было познать горечь неудачи и разочарование поражения.

Морское дело. Кроме того, я познал и другие тонкости корабельного дела — например, как поднимать якорь, конопатить щели или ставить паруса, только всему этому меня никто не учил, я просто наблюдал за пиратами и время от времени им помогал.

А началось мое обучение корабельному делу с мытья палубы, то есть с задачи, требующей особого понимания и большой сноровки. Попробуй-ка надраить палубу так, чтобы она сверкала на солнышке, чтобы на дереве не осталось ни одной вредной бактерии, и все же не слишком гладко, потому что доски не должны скользить под ногами (учитывая, что карликовые пираты

передвигались по кораблю на узеньких деревянных протезах, для них это было как нельзя более актуально). Мыльная пена с добавлением морского песка — вот лучшее средство для того, чтобы драить дощатую палубу: мыло — для безупречной чистоты, песок — для усиления силы трения. Но кроме мытья палубы я научился еще ходить под парусом при сильном ветре, дрейфовать при полном штиле, использовать попутный бриз, выполнять поворот фордевинд, быстро менять курс в открытом море и, наконец, совершать аварийное торможение (трюк, которым владеют одни лишь карликовые пираты; а используется он для того, чтобы нечаянно не налететь в открытом море на какую-нибудь гигантскую рыбину — то есть любую рыбу размером больше селедки).

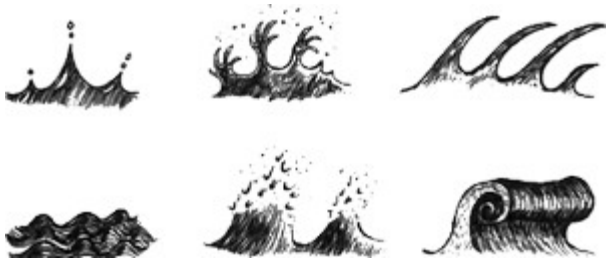
Узлы. Еще одна важная вещь в жизни любого морского волка — морские узлы. Только не те узлы, которыми измеряют скорость корабля, потому что она измеряется тоже в узлах, нет, я имею в виду те разнообразные способы, которыми скрепляют друг с другом корабельные снасти. Всего я выучил 723 таких способа и любой из них могу повторить даже сейчас с закрытыми глазами. Я умею (естественно!) вязать обычный морской узел, а кроме того, еще двойную пиратскую удавку, «галерный галстук», «абордажную кноту», «улыбку химериады» и, наконец, двойной гордиев узел. Крученые канаты я связывал ничуть не хуже, чем плетеные тросы, я мог связать толстенный манильский шпагат с тонюсенькой пеньковой веревкой; да что там говорить, попадись мне под руку два самых скользких и вертких угря, я связал бы их так, что они до конца дней своих не смогли бы разъединиться. На корабле я стал чем-то вроде главного специалиста по узлам; если кому-то нужно было что-то связать, он обращался ко мне. Я мог связать узлом что угодно, даже рыбу, а в случае экстренной необходимости и сам узел.

Волны. Но самое главное для моряка — овладеть навигационным искусством. У карликовых пиратов на корабле, однако, не было никаких навигационных приборов, они даже не знали, что такое компас. Свой курс малыши выверяли по волнам, в которых разбирались как никто другой. Когда очень долго наблюдаешь за морем, то понимаешь, что все волны разные. Хоть и говорят, что они одинаковы, это не так. Волны как раз очень разные, они отличаются друг от друга по форме, размеру, изгибу спинки: есть, например, волны высокие и крутые, а есть низкие и пологие, есть толстые и тонкие, зеленые и синие, черные и голубые, прозрачные и мутные, большие и маленькие, широкие и длинные, холодные и теплые, соленые и пресные, громкие и тихие, быстрые и медленные, безобидные и очень опасные.

Каждая волна имеет, так сказать, свой собственный облик, свое лицо, свою прическу наконец, то есть форму пены на макушке. Их различают еще и по походке, которая у моряков называется ходом волны. На юге, например, волны плещутся весело, непринужденно, зато на севере они движутся более осторожно, можно сказать даже с опаской, это из-за холода и постоянного страха напороться на льдину. На Гавайях валы бьются о берег в такт зажигательной румбы, а в Шотландии тянутся скучными рядами, под стать заунывному пению волынки. Если очень долго внимательно наблюдать за волнами, изучать их повадки, то в конце концов будешь знать, какие из них в каком месте появляются чаще всего. Так, маленькие зеленые волны с веселыми белыми барашками встретишь скорее в тропиках на мелководье, а темные суровые, с могучими шапками пены появляются у берегов, где неподалеку в море впадает широкая река, высокие синие вздымаются в холодном северном море на большой глубине, и так далее. Перечислять можно бесконечно.

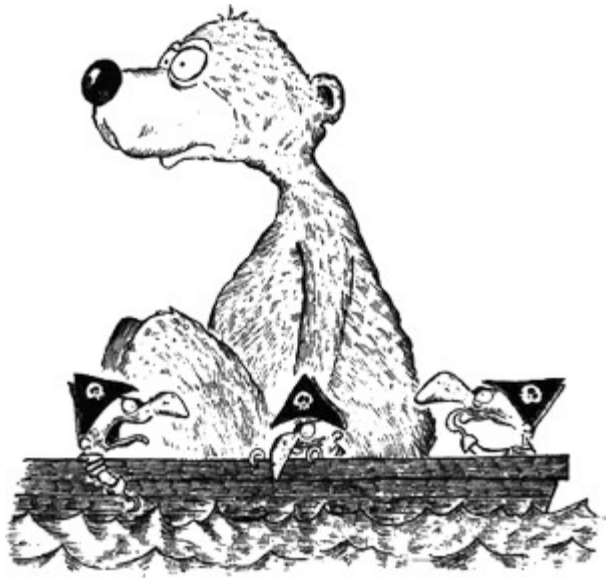
Одним словом, по форме и внешнему виду волн можно точно определить, где находишься, есть ли поблизости бездонные

омуты, невидимые глазу песчаные отмели или коралловые рифы, далеко ли земля, нет ли опасности быть захваченным врасплох сильным течением, водятся ли в этих местах акулы или только всякая мелкая рыбешка вроде кильки. Когда неподалеку акулы, волны едва заметно дрожат.



Помимо всего прочего, я научился еще и другим, менее значительным вещам, составляющим будни любого матроса: чинить переборки, отдирать ракушки с бортов (карликовые пираты потом готовили их под соусом из морских водорослей), запросто разгуливать вразвалочку по палубе при сильной качке, спускать на воду спасательную шлюпку, бросать спасательный круг и нести вахту на сигнальной мачте. Уже спустя год я превратился в настоящего морского волка, меня даже не тошнило в разгар самого сильного шторма.

Водоросли. Надо сказать, что карликовые пираты все это время неплохо меня кормили, в основном водорослями и мелкой рыбкой. Они знали более 400 способов приготовления даров океана, от свежих морских водорослей а-ля натурель до очень сложных в приготовлении изысканных суфле, и мне приходилось пробовать каждое из этих блюд. Мое сегодняшнее отвращение к морской капусте, по всей видимости, связано именно с особенностями меню на корабле у карликовых пиратов.



Но как бы то ни было, водоросли очень полезны для молодого, растущего организма, они содержат все необходимые витамины и минералы — возможно, даже в некотором избытке. Поэтому я рос и прибавлял в весе с невероятной скоростью, которая вскоре стала пугать не только меня самого, но и моих добрых друзей. Сначала я был намного меньше своих спасителей, но уже через год нагнал их в росте. За второй год я вырос еще вдвое, а спустя четыре года был выше их уже в пять раз.

Нетрудно догадаться, что на низкорослых карликовых пиратов, которые по природе своей вынуждены опасаться всего большого, мой стремительный рост производил самое неблагоприятное впечатление. И вот спустя пять лет размеры мои достигли наконец критической точки — корабль, казалось, в любую минуту готов был пойти ко дну.

Тогда я этого еще не понимал, но пираты поступили совершенно верно, высадив меня в один прекрасный день на берег. И я уверен, что решение это далось им нелегко. Снабдив меня на дорогу бутылкой сока из водорослей и буханкой хлеба собственного приготовления из того же самого продукта, они, плача и причитая, уплыли в лучах заходящего солнца. Малыши прекрасно знали, что их жизнь лишилась вместе со мной основного смысла.

Один под пальмами. А я, снова один-одинешенек, сидел на

берегу острова, куда меня высадили карликовые пираты, и размышлял над тем положением, в которое попал. По сути говоря, размышлял я вообще впервые в жизни, ведь в шуме и сутолоке, царивших на борту пиратского корабля, мне еще ни разу не удалось собраться с мыслями.

Поэтому неудивительно, что мысли мои по первости не отличались особой оригинальностью, а придерживались скорее знакомого, проторенного фарватера. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была — хочу есть. Вторая — пить. Поэтому, отложив на время свои размышления, я с жадностью набросился на хлеб из водорослей, а покончив с ним, так же быстро разделался и с бутылкой сока. Постепенно в желудке моем распространилось приятное тепло, как будто там кто-то зажег невидимый огонек, а вместе с ним пришла уверенность в своих силах и желание бросить вызов судьбе и пойти осмотреть тот пальмовый лес, что начинался неподалеку, в нескольких шагах от берега. Открытие, совершенное мной в тот момент и не раз выручавшее меня на протяжении последующих лет жизни, заключалось в следующем: как бы ни была трудна поставленная задача, выполнение ее окажется намного проще, если загодя как следует подкрепиться.

Ночь. Потом настала ночь, вокруг стемнело.

Тьма… Раньше я вообще не знал, что это такое. У карликовых пиратов всегда было светло, даже ночью. С наступлением сумерек на судне зажигалась великолепная иллюминация. Пиратский корабль представлял собой ночью маленькую сияющую феерию. Он был похож на миниатюрный ярмарочный балаганчик, хозяин которого не поскупился на пиротехнику и закулисные шумовые эффекты. Дело в том, что карликовые пираты отчаянно боятся темноты. Бывалые морские волки, они свято верят, что ночью на корабль потихоньку приходят химериады, пожирающие души беспечных моряков. А чтобы прогнать этих злых духов, следует осветить корабль как можно ярче и поднять на нем такой оглушительный шум, который в силах выдержать разве что самые закаленные барабанные перепонки. Поэтому малыши не только зажигали на ночь всевозможные лампы, факелы, разноцветные гирлянды, жгли бенгальские огни и обыкновенные свечи, но еще и без устали палили в небо сигнальными ракетами и одновременно пением, криком и стуком молотков по чугунным горшкам устраивали такой шум, что о сне нечего было и мечтать. Спали на корабле днем. Зато химериады нас не беспокоили.

Страх. И вот теперь я впервые оказался один в темноте. С наступлением ночи в сознание мое прокралось чувство, о существовании которого я раньше не подозревал. Страх!

Очень неприятное чувство, словно сама тьма просачивается под кожу и течет потом вместо крови по жилам. Раскидистые зеленые пальмы, которые при свете дня так славно покачивались на ветру, превратились вдруг в гигантских свирепых страшилищ, неприветливо машущих мне своими кошмарными лапами.

На небе появился тонкий серп луны, который поразил меня ничуть не меньше, чем все остальное. Ведь при ярком освещении на борту пиратского корабля у меня еще никогда не было возможности его созерцать. Ветер завывал в чаще пальмового леса, превращая его в стаю шипящих чудовищ, тянущихся ко мне холодными длинными пальцами. И тут мне вспомнились химериады.

Я попытался выбросить их из головы. Не тут-то было. Ах, как не хватало мне в тот момент диких воплей карликовых пиратов и ослепительных разноцветных огней у них на корабле. Огней, которые бы прогнали химериад. Мне стало ясно, что моя молодая жизнь зашла в беспросветный тупик. Что может быть хуже, чем всеми покинутым, нагим, одиноким сидеть посреди темного незнакомого леса и дрожать от панического страха. Внезапно в лесной чаще забрезжили какие-то подозрительные огоньки. Зеленые, змееподобные, поначалу они были еще далеко от меня, но довольно быстро приближались. При этом от них исходил странный электрический треск, а время от времени слышался

даже мерзкий блеющий хохот, подобный тому, что издают некие рогатые существа, живущие на дне колодцев. Именно так — мне рассказывали карликовые пираты — и выглядит приближение химериад.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ХИМЕРИАДЫ. Химериады являются одной из разновидностей довольно многочисленного отряда так называемых вредных существ (см. также: паук-ведун, пещерный тролль, боллог), объединившего всех непривлекательных обитателей Замонии и ее окрестностей, смысл жизни которых заключается прежде всего в том, чтобы вызывать страх и ужас у своих менее агрессивных земляков, что проявляется в ярко выраженной асоциальной форме поведения, то есть в стремлении разрушать всякую гармонию и повсюду сеять раздор и смуту. По внешним признакам химериады разделяются на противных, очень противных и невыносимо ужасных, а появляются они, как правило, не в одиночку, а целой толпой, издающей самые жуткие звуки и леденящее душу пение. Жертвами химериад становятся чаще всего самые слабые и беззащитные существа, над которыми можно вволю безнаказанно поглумиться.

Первые слезы. Это было уже слишком. Я почувствовал, как к горлу подступила горячая волна. Глаза, рот и нос наполнились теплой жидкостью, и мне не осталось ничего другого, как дать выход распиравшему меня изнутри потоку, — я заплакал. Впервые в жизни я плакал! Огромные соленые слезы одна за другой катились по моей шкуре, в носу хлюпало, и все тело сотрясалось в такт рыданиям. Окружающий мир перестал существовать. Обступившие меня химериады, темнота, страх — все это отошло на второй план, пасовало перед неистовым натиском вырывающихся наружу чувств. Я то тихо всхлипывал и причитал, то принимался топать ногами и кричать во все горло. Двумя горными потоками слезы текли по моему телу, и на шкуре вскоре не осталось ни одного сухого волоска. Я весь без остатка предался своему горю.

Затем пришло успокоение. Слезы мои постепенно иссякли, сотрясавшие меня волны рыданий утихли. По телу распространилось приятное тепло и усталость. Страх исчез. Мне даже хватило храбрости поднять голову и взглянуть опасности в лицо. Химериады обступили меня тесным полукругом: шесть или семь полупрозрачных существ, мерцающих призрачным, фосфорическим светом. Извивающиеся руки и ноги вяло болтались на их телах, словно сдутые велосипедные камеры. Существа еще несколько секунд таращились на меня молча, даже изумленно. А потом начали аплодировать.

Скажу вам со всей откровенностью, химериады и вправду представляли собой крайне непривлекательное зрелище. Их аморфные, растекающиеся тела, легкие электрические разряды, которыми они били любого, кто имел неосторожность подойти слишком близко, тонкие, пронзительные голоса и прежде всего, конечно же, извращенное стремление получать удовольствие от страха слабых и беззащитных — все это было в высшей степени гадко. Потом еще неприятный запах гнилого дерева, который они распространяли вокруг себя (следствие определенной среды обитания), не говоря уже о необычном, а точнее, жутчайшем способе насыщения. Но об этом позднее.

Да, химериады были последними существами на свете, с которыми стоило бы водить дружбу. И все же я пошел вместе с ними. А что мне еще оставалось делать?

Я не понял ни слова из того, что они говорили, — их язык я не понимаю и по сей день, но мне вскоре стало ясно, что они предлагают мне следовать за ними. Рассудив здраво, что это наименьшее зло, которое в моем положении могло со мной

приключиться, — действительно, кто знает, какой вред они могли бы мне еще причинить, — я согласился.

Химериады быстро скользили среди деревьев, похожие на зеленых, прозрачных змей, без труда, даже с некоторым изяществом огибая любое препятствие. Если же оно оказывалось слишком большим, как, например, обрушившийся кусок скалы или гигантский ствол, они просто просачивались сквозь него, как сквозь облачко легкого тумана.

Мне было бы ни за что за ними не угнаться, и я бы отстал и, вероятно, заблудился один в лесу, но химериады время от времени останавливались и вежливо ждали, пока я их догоню. Дожидаясь меня, они распевали свои чрезвычайно неприятные заунывные песни, поэтому я был рад, что не понимаю слов.

Кладбище поваленных деревьев. Я уже чуть не валился с ног от усталости, мой мех был покрыт толстым слоем листвы, колючек, каких-то семян и мелких сучков, когда мы наконец добрались до цели. Это была просторная поляна в лесной чаще. На ней громоздились сотни поваленных стволов гигантских деревьев, испускавших довольно сильный гнилостный запах. Кладбище мертвых деревьев, населенное сотнями, а может быть, даже тысячами химериад. И это место на ближайшее время должно было стать моим домом!

2. Моя жизнь с химериадами

Вскоре выяснилось, что химериады пригласили меня к себе не бескорыстно. В ту же самую ночь своими красноречивыми пантомимами они доходчиво объяснили мне, что я должен буду для них делать. Мне предстояло плакать.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

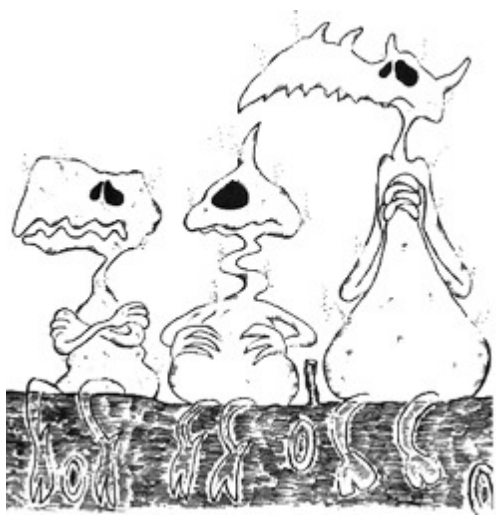
ХИМЕРИАДЫ [продолжение.]. Химериады появляются на свет в результате соединения блуждающих огоньков (Lux Dementia) с замонианским кладбищенским газом. Кладбищенский газ — неприятно пахнущее летучее соединение, выделяемое гниющими гробами и вырывающееся на поверхность из могил, в случае если они недостаточно утрамбованы. Блуждающие огоньки появляются вследствие попадания молнии в обычного светлячка, который потом продолжает летать в контуженном состоянии. Когда же блуждающий огонек встречается с кладбищенским газом, что по вполне понятным причинам случается чаще всего на кладбищах, происходит слияние молекул газа с атомами огонька, в результате чего появляется весьма устойчивое, беспозвоночное и очень несчастное существо, известное под названием «химериада».

Думаю, не стоит объяснять, что такое существо не может представлять собой ровным счетом ничего хорошего. Существо, лишенное позвонков, не нуждается в нервной системе, а тот, у кого отсутствуют нервы, не способен испытывать чувства — отсюда и повышенный интерес к чужим эмоциям. Ведь каждому больше всего хочется иметь именно то, чем его обделила природа. А учитывая необычный способ появления химериад на свет, вполне понятно, почему интерес их распространялся прежде всего на неприятные чувства, такие, как страх, отчаяние и тоска. Так что истерика, в которой так удачно соединились все эти чувства, совершенно естественно была предметом их самых

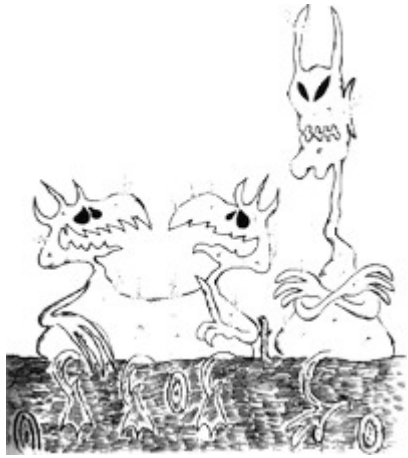
страстных желаний.

В компании лесных духов. Химериады отвели мне место на одном из исполинских стволов, похожем на упавшую фабричную трубу, подстелили несколько пальмовых листьев, чтобы было помягче, и начали ждать.

Поляна быстро наполнялась лесными духами. Они проворно проскальзывали между стволов и с электрическим гулом и треском занимали зрительские места в партере. У меня волосы зашевелились на затылке, когда кладбище деревьев осветилось сотнями колышущихся и извивающихся тел. Все вместе они сливались в одно зеленоватое облако светящегося тумана, парившее на некотором расстоянии от земли. То и дело слышалось возбужденное покашливание или нервный смешок, пока последняя из химериад не заняла свое место и в ожидании не уставилась на меня. Тут воцарилась полная тишина.



Я знал, чего они ждут, только настроение у меня в тот момент было неподходящее. Мне, конечно, было не по себе, но все же не настолько плохо, чтобы разреветься. Казалось, в теле моем вообще не осталось больше ни капельки жидкости. Никогда еще рот и горло не были такими сухими. Но я изо всех сил старался. Я нахмурил брови, наморщил нос и перепробовал все возможные гримасы, чтобы выдавить из себя хотя бы слезинку.



Я попробовал всхлипнуть, но вместо этого довольно глупо закряхтел. Химериады заволновались. Некоторые из них уже завели свои заунывные песни, и по залу прокатилась волна электрических разрядов. Я несколько раз вздрогнул всем телом, изображая рыдания, и начал тереть глаза, чтобы заставить их наконец смочиться слезами, но все эти жалкие, фальшивые ухищрения ровным счетом ни к чему не привели — слез по-прежнему не было.

Некоторые химериады уже начали вскакивать с мест. Послышалось громкое шипение, как из неисправной газовой горелки. Кое-кто из них стал медленно подступать ко мне, совершенно очевидно не имея на уме ничего хорошего. Я попробовал разжалобить себя мыслями о том, какой я несчастный, одинокий, голодный, всеми покинутый медведь, без крова над головой, родителей и друзей. Я вспомнил о счастливых временах на корабле у карликовых пиратов и о том, что они для меня — увы! — навсегда остались в прошлом. Тут я и впрямь почувствовал себя самым несчастным, самым одиноким и самым голодным синим медвежонком на всем белом свете, самым жалким существом, какое только можно себе представить. И вот

наконец на глаза мои навернулись слезы!

Я заплакал. Слезы текли все сильнее, превращаясь в два бурных потока, два соленых водопада. Они просто фонтаном били у меня из глаз, наводняя нос и пузырясь на губах. С протяжным, душераздирающим воплем я плюхнулся плашмя на землю и принялся молотить кулачками по стволу дерева, который гулко отзывался пустым нутром, так что по чаще гуляло громкое эхо. Я дрыгал ногами и вырывал из шкуры коротенькие волоски. Потом встал на четвереньки, запрокинул голову и завыл на луну, как последний бездомный пес. Это была первоклассная истерика, гораздо лучше, чем в первый раз.

Закончилась она так же внезапно. Продолжая еще по инерции всхлипывать, я сел и смахнул последние слезинки. Сквозь завесу слез химериады выглядели еще кошмарнее. Они сидели на поляне совершенно неподвижные и жадно таращились на меня.

Повисла гробовая тишина.

Я шмыгнул носом, готовый ко всему. Что они собираются делать, сожрут меня или еще что похуже? Но, как ни странно, в тот момент мне было совершенно все равно. И вдруг откуда-то из последних рядов послышались робкие хлопки. Большинство химериад сидели по-прежнему неподвижно. Вскоре, однако, захлопала еще одна из них, потом еще, и вот уже вся поляна как по команде встала и разразилась бурными овациями, на которые лес отвечал многоголосым эхом. Они хлопали в ладоши, кричали «браво» и даже пытались свистеть, засунув в рот тонкие прозрачные пальцы. Некоторые отчаянно колотили по стволам палками. Шум поднялся невероятный. В мою сторону полетели букеты цветов. То там, то тут в небо зеленой ракетой взмывала одна из химериад. Короче говоря, эти обычно такие холодные и бесчувственные существа выказывали на редкость бурный восторг. И должен вам сказать, я растрогался.

Еще бы, не каждому удается в одночасье стать настоящей суперзвездой. Я, правда, не получил никаких денег (тогда я вообще не знал, что это такое), однако химериады щедро снабдили меня едой, пусть даже самой незатейливой: орехами, ягодами, бананами, кокосами и родниковой водой, но в те минуты ни о чем другом я и не мечтал. Слава Нептуну, лесные духи быстро смекнули, что их собственный странный способ насыщения мне не подходит. Сами-то они питались чужими страхами. Я слышал еще от карликовых пиратов, что химериады

по ночам летают над морем, высматривая в темноте корабли, а потом пугают команду своим пением и воем. Попадется им на пути такой корабль, и они будут медленно, с наслаждением, как молочный коктейль сквозь соломинку, тянуть из своих жертв весь их страх до последней капельки.

Когда я встречал возвращающихся с ночной охоты лесных духов, сытых и довольных, насквозь пропитанных страхом, разбухших, словно губка, у меня волосы вставали дыбом. Поначалу они и меня собирались приобщить к своим ночным вылазкам, но вскоре оставили эту затею, заметив, что я не умею, как они, разгуливать по воде.

Несмотря на мое первоначальное отвращение к химериадам, со временем я стал получать настоящее удовольствие от своих ежевечерних концертов. Лихорадочное волнение перед выходом на сцену, с каждым днем становящиеся все более и более утонченными спектакли, восторженные аплодисменты в конце, — я уже не представлял себе жизни без этого. Теперь мне не составляло большого труда в нужный момент разразиться рыданиями (и по сей день я сохранил эту способность: если того требует мизансцена, могу тотчас залиться слезами).

Стоило мне только подумать о чем-нибудь грустном, и слезы сами собой градом катились из глаз. Со временем я научился разнообразить представления художественными трелями, то есть нарастающими завываниями, чередуя их с многообещающими, захватывающими паузами. В моем арсенале имелись все средства — от тяжких вздохов и горьких стенаний до истерических воплей и припадков ярости. Я научился координировать темп всхлипов и мелодию завываний так, что они сливались в одну замечательную симфонию. Я мог довести истерику до самой высокой ноты, чтобы тут же снова спуститься на тихие и низкие причитания. Иногда я долго и нудно бормотал что-то себе под нос — публика просто с ума сходила, томясь ожиданием, — а потом вдруг разражался протяжным воем раненого тюленя.

Успех. Химериады целиком и полностью были в моих руках. С каждым вечером овации становились все громче, продолжительнее и фанатичнее. Лесные духи осыпали меня цветами, чуть не душили пышными венками и буквально заваливали ягодами и фруктами — неудивительно, что я все больше и больше привыкал к своей роли и она начинала мне

даже нравиться. Когда стоишь в свете огней рампы и слышишь восторженные крики публики (пусть даже это тусклый фосфорический свет прозрачных тел химериад и их невнятный, таинственный вой), нетрудно потерять голову. Не следует забывать, что в те времена я был еще очень молод — это была всего лишь вторая моя жизнь.

Вскоре мои концерты снискали мне невероятную славу, и я, как и полагается примадонне, начал капризничать. Если публика, к примеру, аплодировала не слишком бурно, я просто вставал и уходил со сцены, не проронив ни звука. Иногда я специально симулировал приступ мигрени, чтобы отложить выступление и помучить химериад. Я сделался очень противным, почти таким же противным, как они. Я начал даже подражать их отвратительному пению, пытаясь копировать жуткие звуки. Сначала я спал отдельно ото всех под открытым небом, но потом уже не гнушался общества моих зеленых друзей и залезал вместе с ними на ночлег в катакомбы древесных завалов. Я сладко спал, устроившись в самом центре гудящей стаи, и мне снились кошмарные сны химериад. Вскоре я, как и они, насквозь пропах древесной гнилью и стал даже немного светиться в темноте, поскольку мой мех впитал их фосфоресцирующий газ. Мало того, я даже стал учиться ходить по воде, чтобы сопровождать лесных духов во время ночной охоты, — правда, вскоре от этой затеи пришлось отказаться, после того как я раз чуть не утоп в болоте.

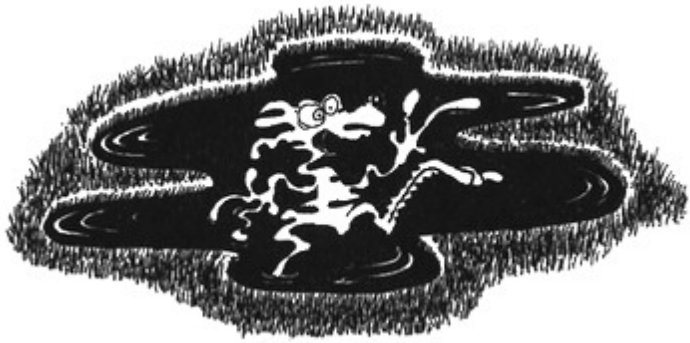
Сам я не замечал, что изо всех сил стараюсь походить на химериад. Молодым людям вообще свойственно желание быть как все. Страшно было не это, а то, что я, казалось, вполне смирился с перспективой провести на острове, среди лесных духов всю оставшуюся жизнь.

Ходячий ужас. Однажды вечером, продолжая свои упражнения в хождении по воде (теперь я выбирал для этого самые мелкие лужицы), я вдруг увидел свое отражение в зеркальной глади водоема. Я с удивлением отметил, что пытаюсь копировать неуверенную, шаткую поступь химериад и даже пытаюсь подражать их гадкому, блеющему смеху. Поверхность воды подернулась рябью, отразив мое тело, извивающееся как у зеленых духов. Я пришел в ужас.

«Что, — молниеносно пронеслось у меня в голове, — что подумают обо мне карликовые пираты, если увидят меня в таком виде?» Мне стало стыдно. Краска стыда и сейчас заливает мое лицо, как только я вспоминаю, до чего тогда докатился.

В тот самый момент я твердо решил бежать. Когда дурные манеры входят в привычку, необходимо срочно менять

окружение.



3. Моя жизнь в океане

Однажды утром, когда густой туман окутал кладбище поваленных деревьев, я потихоньку выбрался из леса. Химериады крепко спали в своих берлогах. Прошлой ночью они совершили удачную вылазку и вернулись назад лишь под утро, утомленные, но довольные удачной охотой. Теперь они спокойно переваривали во сне собранный за ночь страх, громко храпя и причмокивая, как объевшиеся крысы. Бросив на них последний, полный отвращения взгляд, я повернулся и быстро пошел к берегу океана.

Побег. Там меня уже ожидал приготовленный загодя плот — несколько добротных стволов, крепко связанных лианами. Вместо паруса я использовал огромный пальмовый лист. Не забыл я позаботиться и о припасах: опорожнил несколько недозрелых кокосов, наполнил водой и снова закупорил. Им вместе с другими, целыми орехами полагалось стать провизией на моем корабле. Все это богатство было тщательно привязано к мачте.

Я вытолкал плот к воде, его тут же подхватило течением и понесло в открытое море, поскольку к этому моменту уже начался отлив. В какую сторону погонит меня резвый морской ветерок? Я специально не стал делать на плоту руль. Надо же иногда и судьбе дать маленький шанс.

Настроение было отличное. Ветер весело теребил шерсть у меня на спине, вокруг задорно плескались своенравные волны — все это, казалось, было создано для того, чтобы нести меня навстречу приключениям. Есть ли на свете что-то прекраснее, чем пускаться в далекое путешествие, плыть навстречу неизведанному, не зная заранее, куда занесет тебя непредсказуемый океан?!

Штиль. Три часа спустя мой плот плавно покачивался на поверхности исполинского водного бассейна. Можно ли представить себе что-либо скучнее морского путешествия? Море — подумаешь! Бесконечная соленая пустыня, гладкая и однообразная, как огромное зеркало. Да любая лужа на острове у химериад в тысячу раз интереснее! А здесь абсолютно ничего не происходило. За все время мимо не пролетела ни одна чайка. Я мечтал о далеких континентах и таинственных островах или уж на худой конец надеялся на встречу с карликовыми пиратами, а

мне до сих пор не попалось ни одной бутылки с письмом. Спустя долгие часы плавания на горизонте наконец-то показался какой-то предмет. Обломок полусгнившей мачты! Прошла целая вечность, прежде чем он проплыл мимо меня. Это было самое захватывающее событие, произошедшее за все время моего путешествия. Я привалился спиной к мачте, расколол один кокос и начал скучать.

Чем ты моложе, тем острее страдаешь от скуки. Секунды кажутся минутами, минуты — часами. Тебе кажется, что время растянуло тебя на жестоком орудии пыток и медленно, с наслаждением поворачивает зловещее колесо. Вокруг плещутся бесконечно однообразные, скучные волны, над головой лучезарным куполом распростерлось бесконечно однообразное небо. Новичок в открытом море постоянно наблюдает за линией горизонта; ему кажется, что вот-вот там откроется что-то волшебное, невероятно чудесное, притягательное. Но единственное, что предстает его взору, — это новая и новая однообразная даль. Я с благодарностью принял бы любое, даже самое страшное изменение, будь то ураган, шторм или гигантское морское чудовище. Но нет, на протяжении нескольких недель вокруг не было ничего, кроме воды, неба и горизонта.

Отвратительное общество химериад стало теперь казаться мне пределом мечтаний, но события неожиданно приняли драматический оборот. Уже несколько дней назад я заметил, что море стало каким-то подозрительно неспокойным, хотя внешне вокруг по-прежнему продолжал царить абсолютный штиль. Безмятежная лазоревая синь океана постепенно превратилась в нервозную серую массу, воздух наполнился дымом и запахом ржавого металла. Я взволнованно метался по плоту, тщетно пытаясь установить причину столь разительных перемен. Потом появился звук, похожий на равномерные раскаты грома, который постепенно приближался и становился все оглушительнее. Небо темнело с каждой минутой. Вот он, мой первый шторм!

Гигантский корабль. Я уже предвкушал жестокую схватку с необузданной, дикой стихией, когда на горизонте вдруг показался невероятных размеров, гигантский корабль с черными металлическими бортами.

У него было не менее тысячи труб. Они исчезали в далекой вышине, окутанные густыми облаками серого дыма, который сами же выпускали. Небо скрылось за плотной завесой из чада и копоти, а море окрасилось в иссиня-черный цвет от жирных хлопьев гари, которые грязным снегом непрерывно падали вниз.

Я был уверен, что корабль этот послан самой преисподней, и

не за кем-нибудь, а именно за мной, настолько явно и настойчиво двигался он в моем направлении. Но стоило ему приблизиться, килевая волна подхватила мой жалкий плот и отбросила его в сторону, прочь с дороги надменного гиганта. Теперь, с безопасного расстояния, я мог как следует рассмотреть мрачную, медленно проплывающую мимо меня махину. Винты, приводившие в движение эту гору металла, должны были быть никак не меньше жерновов самого большого в мире ветряка.

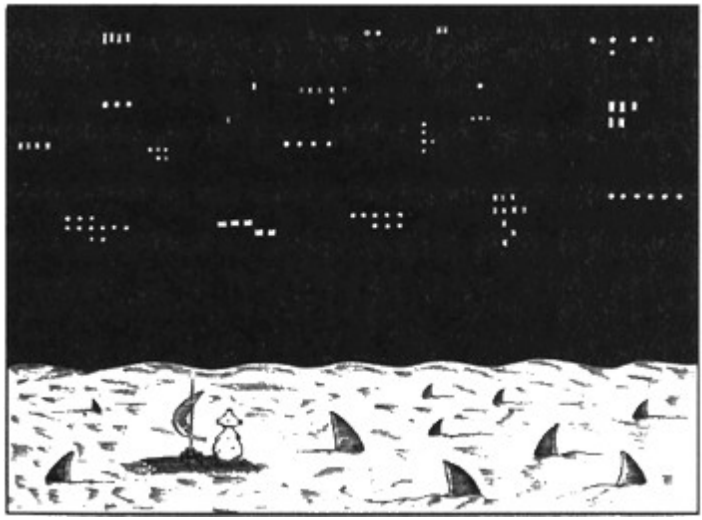
Трудно сказать, сколько времени потребовалось кораблю, чтобы проплыть мимо и снова скрыться из виду, но думается, я был свидетелем этого зрелища не менее суток. Тогда я еще не знал, что это «МОЛОХ», самый огромный корабль из тех, что плавают по нашим морям.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

«МОЛОХ». Имея водоизмещение 936 589 тонн и 1214 труб, «Молох» по праву считается самым большим кораблем в мире. Более подробные сведения об этом гиганте, к сожалению, отсутствуют, поскольку еще никому, кто попал на корабль, не удавалось вернуться обратно и все о нем рассказать. Разумеется, с этим чудом света связано множество всевозможных легенд, но все они настолько фантастичны и неправдоподобны, что не стоит, пожалуй, о них даже упоминать.

Ночью ярче звезд на небе горели иллюминаторы на бортах гигантского плавучего города. Грохот работающей машины был совершенно невыносимый — словно мимо маршировала миллионная армия в тяжелых стальных доспехах.

Целый день я тщетно пытался разглядеть, что происходит на палубе, но она располагалась на такой высоте, что мне снизу ровным счетом ничего не было видно. То и дело, правда, какие-то существа свешивались за борт, чтобы выплеснуть в море помои, и тогда я устраивал для них целый спектакль: кричал, свистел, улюлюкал, подпрыгивал на плоту, размахивая пальмовым листом, только толку от всего этого было ровно столько, сколько от устрашающих маневров карликовых пиратов.



То есть нельзя сказать, чтобы толку не было вовсе. Несколько раз меня чуть не засосало под лопасти гигантского винта, а рядом с плотом сновали целые стаи голодных акул, собравшихся вокруг корабля и беспрерывно устраивавших свару из-за летевших за борт объедков. По скользким акульим спинам легко можно было бы добраться до самого борта, настолько кишело ими все вокруг.

Голос в голове. Но самое удивительное было другое. Несмотря на отвратительный вид гигантского корабля, от него исходило какое-то странное, сладостное притяжение. И это было чрезвычайно удивительно, поскольку во внешнем облике монстра не было абсолютно ничего привлекательного, и тем не менее всем моим существом овладело жгучее желание во что бы то ни стало пробраться на борт корабля. Желание это впервые забрезжило в моем сознании в тот самый момент, когда гигант едва появился на горизонте крохотной точкой, и становилось все отчетливее по мере того, как он приближался. Когда плавучий город поравнялся с моим плотом, оно стало невыносимым.

— *Иди!* — пел тихий голос в моей голове. — *Иди на «Молох»!*

Голос звучал необычно, словно шел из другого мира от существа, лишенного плоти.

— *Иди!* — продолжал петь голос. — *Иди на «Молох»!*

О, с каким удовольствием последовал бы я этому совету! Это теперь я знаю, насколько мне повезло, что вода между плотом и кораблем бурлила от плавников кровожадных акул, но тогда

обстоятельство это буквально рвало на куски мою молодую душу; полными слез глазами я смотрел вслед уплывающему кораблю.

— *Иди! Иди на «Молох»!*

В конце концов «Молох» скрылся из виду. Но небо еще долго чернело на горизонте, словно там собиралась гроза.

Голос в голове становился все тише и тоньше.

— *Иди!* — шептал он уже чуть слышно. — *Иди на «Молох»!*

Потом они вовсе исчезли: корабль, а вместе с ним и голос. От этого мне стало совсем грустно. Я был уверен, что больше никогда, никогда его не увижу. Откуда мне было знать, что «Молоху» еще предстояло сыграть в моей жизни отнюдь не последнюю роль.

На протяжении последующих дней океан снова умиротворенно поблескивал серебром, лишь изредка на горизонте проплывало безобидное белое облачко. С тех пор как я повстречал «Молох», мною всецело завладело отвращение к собственному плавательному средству. Неудивительно, ведь более разительную разницу между кораблем и жалким плотом трудно было себе вообразить.

Я как раз размышлял о возможности броситься в воду и вплавь добраться до ближайшей земли, когда рядом со мной отчетливо прозвучали два голоса.

— Да, да, именно так все и было, — говорил один.

— Ничего подобного! — отвечал другой.

Я обалдело заозирался по сторонам. Никого.

— Говорю тебе! — не унимался первый.

— Можешь говорить сколько хочешь! Мне все равно! — отвечал другой.

Я даже приподнялся на цыпочки. Никого. Ни единой живой души на мили вокруг, только волны.

— А я тебе говорю! Вот послушай!

Неужели я начал сходить с ума? А что, однообразие водной пустыни сводило с ума не одного отважного моряка. Вокруг были только волны: маленькие и чуть побольше, да еще две довольно крупные, движущиеся как раз к моему плоту. Чем ближе они подплывали, тем отчетливее становились голоса.

— Не болтай! Если кто и знает, как было дело, так это я!
Так и есть. Это волны. И они спорили между собой.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВОЛНЫ-БОЛТУШКИ. Волны-болтушки встречаются преимущественно в самых отдаленных, тихих и редко посещаемых судами уголках океана, в особенности в периоды затяжного штиля. Детальный научный анализ и описание причин возникновения этого феномена на сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют, поскольку в истории еще не было случая, чтобы повстречавшемуся с ними удалось сохранить трезвый ум и здравый рассудок. Те немногие ученые, которые все же отважились на изучение этого феномена, находятся сегодня в хорошо охраняемых психиатрических лечебницах либо покоятся на дне океана жалкой кучкой выбеленных солью костей, под которыми устраивают свои норы морские рачки.

Волны-болтушки обычно встречаются бедолагам, потерпевшим кораблекрушение. Они целыми днями, а порой даже неделями преследуют несчастных, изводя их и без того пошатнувшийся разум пошлыми шуточками и циничными замечаниями по поводу безнадежности их положения до тех пор, пока те, обессиленные жаждой и измученные жгучими лучами тропического солнца, совсем не потеряют голову и не впадут в безумие. Согласно древней замонианской легенде, породившей, кстати, множество заблуждений и предрассудков, волны-болтушки являются не чем иным, как материализовавшимися мыслями скучающего океана.

От этой напасти погибло гораздо больше потерпевших кораблекрушение, нежели от жажды. Но я этого тогда еще не знал. Для меня две болтливые волны представляли собой долгожданное развлечение в однообразии бескрайнего океана.

А парочка между тем подплыла уже совсем близко. Заметив меня на утлом плоту, голого, с выгоревшей под лучами беспощадного солнца шкурой, они разразились ехидным смехом.

— Ой, не могу! — давясь от смеха, воскликнула одна. — Ты только посмотри, что это такое!

— Не видишь, океанский лайнер! — хихикала другая. — Турист принимает солнечные ванны!

Они снова зашлись безудержным смехом. Я не совсем понял, о чем они говорят, но тоже рассмеялся, за компанию так сказать.

Волны кружили вокруг плота двумя акульими плавниками.

— Наверное, думаешь, что ты сошел с ума? — поинтересовалась первая.

— Разговаривающие волны — первый признак солнечного удара, — подхватила вторая.

— Да, а потом еще рыбы начнут петь. Не стоит ждать самого худшего, давай лучше сразу бросайся в море!

Они принялись раскачивать плот, корча при этом жуткие гримасы.

— Ой-ой-ой! — причитала одна.

— Ай-ай-ай! — вторила другая.

— Мы самые страшные волны, мы волны ужаса!

— Не мучай себя, прыгай в воду!

А я и не думал прыгать. С какой это стати? Наоборот, я был очень рад, что у меня наконец появилось общество. Я сел на край плота и, свесив ноги, стал наблюдать за спектаклем.

— Послушай, малыш, — вдруг серьезно спросила одна, заметив, что номер не прошел, — откуда ты? Как тебя зовут?

Впервые в жизни меня о чем-то спросили. И я бы ответил, с большим удовольствием, если бы только знал, как это делается.

— Эй, что с тобой? — презрительно фыркнула мне в лицо другая. — Язык проглотил? Или не умеешь разговаривать?

Я кивнул. Я действительно мог только слушать, а говорить пока еще не умел. Ни карликовые пираты, ни химериады никогда не пытались учить меня говорить. А сам я серьезно задумался над этой проблемой только сейчас.

Обе волны сначала долго и пристально смотрели на меня, потом так же долго и изумленно друг на друга.

— Не умеет разговаривать! Ужас! В жизни не видела ничего более трагичного! — воскликнула одна.

— Кошмар! — подхватила другая. — Это тебе пострашнее, чем… испариться!

Волны плавали вокруг плота, то и дело сочувственно поглядывая на меня.

— Бедный, бедный малыш! Обречен вечно хранить молчание! Такой маленький и уже такой несчастный!

— Не говори! Никогда не встречала более жалкого существа! Какая беда! Какая беда!

— Беда?! Разве можно назвать бедой такое чудовищное несчастье?! Да это просто ужас, кошмар, катастрофа!

— Трагедия! — завывала одна.

— Классическая драма! — вторила другая.

Тут обе горько-горько заплакали.

Но продолжалось это недолго, спустя всего лишь пару секунд они снова успокоились, подплыли совсем близко друг к другу и начали совещаться.

— Давай не будем больше его мучить, — предложила одна.

— Давай, — согласилась другая. — Мне тоже очень, очень жалко бедняжку. Так жаль, что я даже думаю… ему помочь.

Вторая волна легонько задрожала.

— Вот именно. Я тоже так думаю. Странное чувство, правда?

— Да, необычное. Зато совсем новое, удивительное. Даже приятное!

— Новое, удивительное. Даже приятное! — эхом повторила другая волна в полном восторге.

— Только как ему помочь, такому бедненькому? Надо подумать.

Волны замолчали и в глубокой задумчивости продолжали плавать какое-то время вокруг плота.

— Придумала! — наконец воскликнула одна. — Мы научим его говорить!

— Думаешь, получится? — неуверенно переспросила вторая. — Мне кажется, что он не очень способный.

Первая волна вынырнула прямо передо мной.

— Скажи «А»! — потребовала она, глядя мне прямо в глаза и высунув вперед длинный мокрый язык из соленой воды.

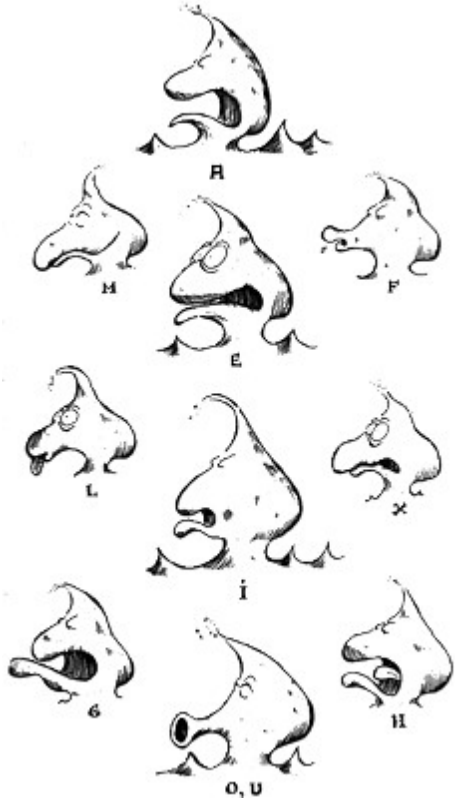
— А! — сказал я.

— Вот видишь! — обрадовалась она. — Кто сказал «А», тот сможет сказать и «биноминальный коэффициент».

Уроки устной речи. Следующие несколько недель волны-болтушки неустанно кружили вокруг моего плота и терпеливо учили меня говорить. Сначала я повторял за ними совсем простые слова, такие как «волна» или «вал», но постепенно у меня стали выходить и более сложные, например «волнообразный» или «взволнованный». Я выучил короткие и длинные слова, слова, обозначающие действие, обстоятельство действия и вопросы, важные слова и слова второстепенные, союзы и междометия; красивые слова, а также те, которые никогда не следует произносить. Я выучился диктовать слова по буквам с правильной артикуляцией, а кроме того, склонять и спрягать, изменять по лицам и числам, субстантивировать, вербализовать и правильно коннотировать. Потом настала очередь предложений: простых и сложных, главных и придаточных, самостоятельных и подчиненных, а также тех, что серединка на половинку, вопросительных и восклицательных, полных и неполных, усеченных, обделенных и даже настоящих деловых предложений.

Одним словом, волны-болтушки учили меня всем премудростям устной речи. Письмом мы не занимались. Что толку, находясь в открытом море, попусту марать бумагу, если она рано или поздно все рано размокнет.

Выучив меня говорить, волны-болтушки не успокоились. Они решили довести мое мастерство до совершенства.



Они научили меня бубнить, орать во все горло, шептать, ворчать, распинаться, сплетничать, молоть чепуху, вести светскую беседу, разливаться соловьем и, само собой, просто болтать. Волны-болтушки обучили меня держать речь, разговаривать с самим собой, а также посвятили меня во все тайны искусства переубеждения: как прожужжать собеседнику все уши, наврать с три короба и выйти сухим из воды. Самым тяжелым делом было научиться сохранять дар красноречия в экстремальных условиях. Для этого я тренировался говорить, стоя на одной ноге, вниз головой, с кокосом во рту и под градом колючих брызг морской воды.

Удивительно, что мои новые подружки за это время тоже преобразились, от прежней их вредности не осталось и следа. Вероятно, ни разу в жизни у них не было еще такого интересного и ответственного занятия. И они отдались ему целиком и полностью, без остатка. Надо признать, лучших учителей мне вряд ли удалось бы сыскать. Язык у обеих был подвешен что надо.

Да и я очень быстро постигал все тонкости мастерства. По прошествии пяти недель волны уже ничему не могли меня научить, я, пожалуй, даже чуточку их превзошел. Я мог свободно

произносить любое из существующих слов, с любой интонацией и в любой тональности, при необходимости даже задом наперед. «Биноминальный коэффициент» давным-давно уже превратился в простенькое упражнение для разминки.

Я умел ораторствовать, произносить тосты, давать клятву (и тут же ее нарушать), сыпать проклятиями, читать монологи, ловко ввернуть сочиненный экспромтом стишок, расточать комплименты, нести несусветную чушь и бормотать нечленораздельный вздор. Я мог говорить начистоту, негодовать, критиковать, ругаться, драть глотку, разражаться тирадами, разглагольствовать, выступать с докладом, проповедовать и, само собой, рассказывать небылицы о своих морских приключениях.

Выучившись говорить, мне захотелось общаться, и первыми моими собеседниками, естественно, стали волны-болтушки. Только вот жизненного опыта у меня пока еще было маловато, так что рассказывать было особенно не о чем. Зато они знали массу всяких интересных и полезных вещей. Веками — так, во всяком случае, они утверждали — подружки скитались по морям-океанам и за это время повидали немало. Они поведали мне о чудовищных ураганах, высверливающих в море огромные воронки, о гигантских змеях, которые бьются друг с другом, выплевывая длинные языки пламени, о розовых прозрачных китах, заглатывающих корабли, об осьминогах, у которых щупальца такой длины, что они могут обхватить ими целые острова, о крошечных морских чертенятах, пляшущих на гребне волны и охотящихся за выпрыгивающими из воды рыбешками, о горячих метеоритах, от которых закипает вода в океане, о затонувших и, наоборот, появившихся из воды континентах, о подводных вулканах, о кораблях-призраках, о водяных и русалках, о морских духах, всевозможной нечисти и о подводных землетрясениях. Но больше всего любили они сплетничать друг про друга. Стоило только одной отплыть от плота чуть подальше, вторая тут же принималась нашептывать мне о том, насколько скверный и подлый характер у ее подруги, которой и доверять-то совсем нельзя, и так далее и тому подобное. Хуже всего было то, что я никак не мог научиться их различать. Они походили друг на друга как две капли воды. Видимо, заблуждение, что все волны похожи, время от времени, как исключение, тоже попадает в точку.

За это время я привязался к обеим. Когда ты молод, друзей приобретаешь легко, и кажется, что они останутся с тобой

навсегда. Но в один прекрасный день безмятежной идиллии, царившей между нами, настал конец. Уже несколько часов волны кружили вокруг моего плота, не издавая ни звука. Меня это озадачило. Я стал уже было подумывать, что чем-то обидел их, как вдруг обе подплыли совсем близко к плоту и, немного поколебавшись, заговорили.

— Понимаешь, нам надо… — промямлила одна.

— Закон океана! — всхлипнула вторая.

Тут обе разрыдались.

Успокоившись, они наконец объяснили, в чем дело. В последние дни море вокруг нас стало удивительно неспокойным — давало знать о себе одно из океанских течений. Волны-болтушки понимали, что рано или поздно им придется ему подчиниться. Слишком долго оставаться на месте они не могли. Это грозило им измельчанием и полным исчезновением. Обреченные вечно скитаться по бескрайнему океану, они не могли противиться своей судьбе.

— Большое-пребольшое вам спасибо! — сказал я, потому что теперь умел говорить.

— Ерунда, — отозвалась одна, и в ее голосе слышались слезы. — Впервые в жизни не знаю, что сказать!

— Но у нас есть для тебя подарок, — сказала вторая. — Мы придумали тебе имя!

Имя на всю жизнь. — Да, мы придумали тебе имя, — подхватила первая. — Мы решили назвать тебя Синим Медведем.

Мне стало ясно, что волны-болтушки не отличаются богатой фантазией. Хотя это был и вправду подарок! Ведь до сих пор у меня не было имени. После влажных прощальных объятий — я сам чуть было не разревелся — они, вздыхая и всхлипывая, уплыли прочь.

Солнце уже клонилось к закату, но, до тех пор пока не погас последний луч, я мог наблюдать вдалеке два знакомых силуэта, скользящие по направлению к горизонту. Правда, стоило им отплыть от плота всего на несколько метров, как они тут же взялись за старое и начали спорить.

— А я тебе говорю…

— Ну и говори себе на здоровье!

— Повтори, что ты сказала?!

Продолжая ругаться, они плыли дальше, а я, спустя несколько часов, когда обе уже скрылись из виду, все еще слышал ставшие такими родными голоса.

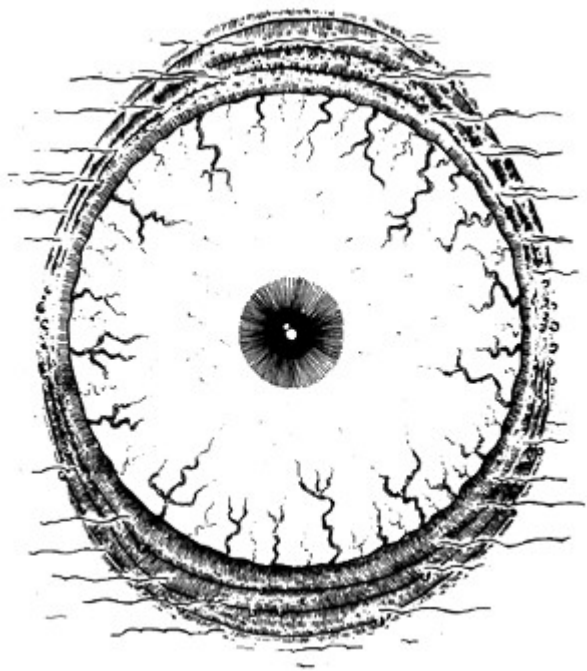
Кокосового провианта на плоту между тем заметно поубавилось, и резервный запас воды вследствие тяжких речевых упражнений неожиданно быстро подошел к концу. Да еще солнце с каждым днем все жарче и яростнее палило мою непокрытую голову, ведь течение неумолимо уносило меня все дальше на юг.

Огромный глаз. Через три дня мой мозг иссушился настолько, что я мог только тупо сидеть на плоту, вперив бессмысленный взгляд в однообразную гладь океана. Если целый день неотрывно смотришь на волны, можешь разглядеть в них множество самых необычных созданий. Например, какого-нибудь дракона или динозавра или даже целые полчища чудовищ, сражающихся друг с другом, пляшущих зеленых человечков, русалок и подозрительных серых существ с рожками на голове и длинными тонкими хвостами. Вскоре мне стало казаться, что я могу взглядом проникать на самое дно океана. Я видел фантастические дворцы, подо мной проплывали прозрачные подводные лодки. Однажды передо мной просеменила огромная каракатица на тысяче проворных ножек. Потом появился пиратский корабль со страшными, звенящими костями скелетами, которые пели зловещие песни о мертвецах. И наконец я увидел самый жуткий кошмар из всех, какие только можно себе представить. Это была огромная, раз в десять больше моего плота, голова, с единственным гигантским, размером с дом,

глазом, который дико вращался в глазнице, закатываясь так, что оставался виден один лишь белок. А под этим чудовищным окуляром еще и отвратительная здоровенная пасть, какой не составит труда проглотить даже самый большущий корабль, — огромная челюсть, оснащенная бесчисленным множеством тонких и длинных зубов. Чудовище жадно разевало рот, похожий на гигантскую пропасть, так что было видно чуть ли не самое дно этой влажной могилы. Голова его была покрыта твердой чешуей и роговыми наростами, заканчивающимися гадкими кратерами, и вся испещрена глубокими шрамами. Не в силах отвести глаз, я, как загипнотизированный, смотрел на исполинского урода.

Нет, тебе не напугать меня, страшная рожа! Ты просто видение, ты существуешь только в моем иссушенном жаждой мозгу.

Как бы не так! Это был самый настоящий тираннокит Рекс.



Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ТИРАННОКИТ РЕКС. Живоглот из отряда

хрящекостных, близкий родственник кита-убийцы, гигантской мурены, акулы, плотоядного ящера и циклопа. С китом его роднят размеры, с муреной — форма челюсти, с акулой — кровожадность, с ящером — охотничий инстинкт, а с циклопом — наличие одного-единственного глаза. При длине тела 45 метров, тираннокит Рекс по праву считается самым крупным хищником во всем мире. Его тело сплошь покрыто роговыми наростами и имеет угольно-черный цвет, из-за чего его нередко называют Черным Китом. Голова этого гигантского животного полностью покрыта костяным панцирем, так что он легко может протаранить любое, даже самое большое торговое судно. К счастью, за последнее время численность тираннокитов значительно уменьшилась, некоторые ученые утверждают даже, что во всем мире остался всего один-единственный экземпляр, который уже много лет обитает в водах Замонии, наводя ужас на путешественников и морских обитателей. Многие отважные китобои отправлялись на поиски этого чудовища, большинство из них больше никогда не переступили порога родного дома.

Когда Черный Кит вынырнул передо мной из воды, я тут же очнулся от грез. Посреди океана словно вырос остров — огромная гора из темного рыбьего жира, покрытая бородавками, похожими на гигантские валуны. Бурными горными реками морская вода стекала по кожным складкам животного с вершины его холмоподобной спины обратно в океан, образуя вокруг монстра тысячи пенящихся водоворотов, один из которых подхватил мой плот и закружил его вокруг своей оси.

В нос мне ударила страшная вонь, от которой перехватило дыхание.

Я судорожно вцепился в мачту, стараясь не дышать. Вода тем временем немного успокоилась, но теперь кит выпустил в небо огромный столб воды, высотой в стоэтажный дом, не меньше. Я, как зачарованный, легкомысленно залюбовался этим чудесным явлением, даже не задумываясь о том, какие серьезные последствия оно может иметь для меня.

На одно мгновение мне показалось, что фонтан застыл в воздухе. Прозрачный, переливающийся на солнце, словно замерзший водопад, он повис в небе. В нем видны были тысячи рыб, маленьких и больших, целые стаи трески, тунца и даже несколько акул, огромный осьминог и штурвальное колесо

какого-то корабля.

Потом вода ринулась вниз. Она обрушилась на мой плот с такой силой, словно в море опрокинули целый состав грузовых вагонов. Мое плавательное средство, не выдержав такого натиска, развалилось, и я, увлекаемый массой воды, стал погружаться. Вокруг меня дико били плавниками акулы, которые, к счастью, были слишком заняты собой, чтобы обратить внимание на меня.

Китовые усы. Наконец давление воды ослабло, я перестал погружаться и в скором времени поплавком выскочил на поверхность. Не успел я еще прийти в себя и осмотреться (а вынырнул я как раз перед циклопическим глазом чудовища), как вдруг огромная пасть монстра раскрылась, чтобы набрать очередную порцию воды. И мощный поток потянул меня за собой. Уверен, что все это произошло чисто случайно, думаю, монстр меня даже не заметил, — во всяком случае, я был для него слишком малой добычей, не стоящей даже таких ничтожных усилий. Кит просто вздохнул, вот и все. С его верхней губы свисали бесчисленные волоски, длинные, похожие на лианы усы, через которые он фильтровал воду, отсеивая пищу. Барахтаясь в воде, мне все-таки удалось зацепиться за один из его губных волосков. Я остался висеть на нем, а вода лавиной обрушилась животному в глотку. Висеть на китовом усе оказалось непросто: волоски были скользкие и источали омерзительный запах тухлой рыбы, но я держался изо всех сил.

Всосав нужную порцию воды, кит начал закрывать пасть. Теперь главное было не остаться внутри. Поэтому я потихоньку начал раскачивать ус, на котором висел, туда-сюда, наружу-внутрь. Если к тому моменту, как рот закроется, я окажусь внутри, можно считать, что все кончено.

Пасть закрывалась очень медленно.

Качок внутрь.

Из воды показалась нижняя челюсть животного, огромная, как песчаная отмель.

Качок наружу.

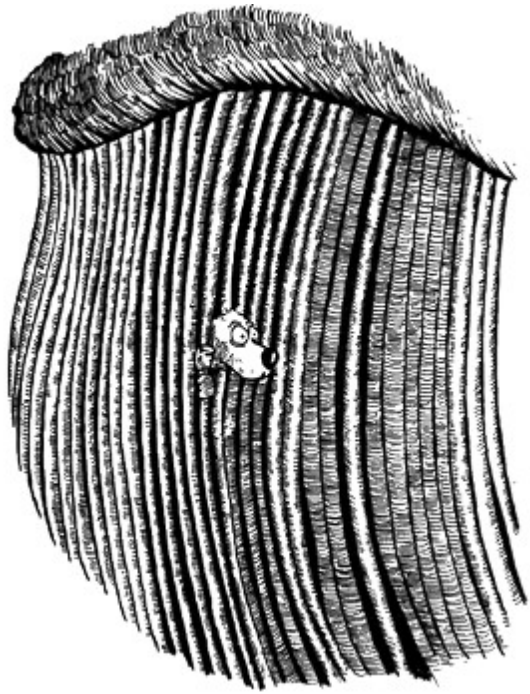
Глухо клокоча, остатки воды исчезли в пасти гиганта.

Качок внутрь.

Я взглянул в черную пропасть китовой пасти. И лучше бы мне этого не делать! Передо мной разверзлась жуткая бездна из темно-зеленой слизи, гигантская дышащая дыра, наполненная едким пищеварительным соком. От ужаса я чуть не лишился чувств, лапы мои ослабли, я заскользил вниз по волоску. Живо опомнившись, я снова вцепился в него, еще крепче прежнего.

Качок наружу.

Челюсти животного ударились друг о друга. У меня получилось! Мне удалось с последним качком остаться снаружи! Теперь я сидел на нижней губе кита.

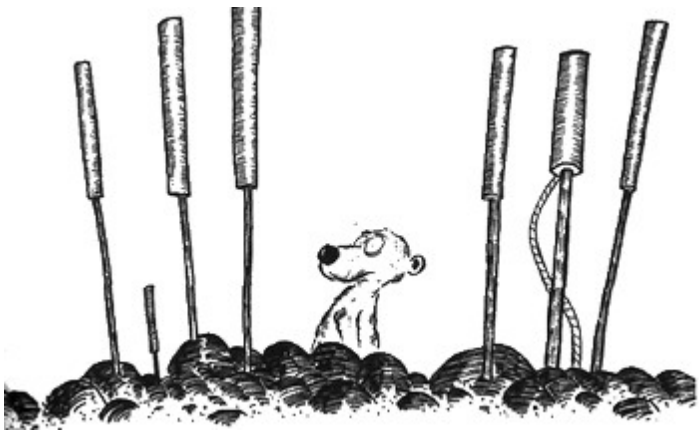


Надо мной вращался циклопический глаз животного, но он меня не замечал. Недолго думая, я ухватился за первый попавшийся нарост на верхней губе, подтянулся и начал восхождение.

Карабкаться вверх по неровной, скользкой шкуре животного было занятием не из легких, но выбирать не приходилось. Отчаянно цепляясь за наросты и бородавки, я поднимался все выше и выше, мимо гигантского глаза, миновал бровь, представлявшую собой целую гору ороговевшей кожи, и наконец очутился в глубоких складках на лбу. Оттуда взбираться стало гораздо проще, поверхность сделалась более пологой, и вскоре я достиг огромного плато на спине чудовища.

Ту вонь, что преследовала меня на протяжении всего восхождения, невозможно описать более или менее приличными словами. А здесь, наверху, возвышались целые коралловые рифы, произрастали леса тростника и обширные колонии всевозможных улиток. В мелких лужицах бились рыбешки, беспокойно сновали туда-сюда в поисках воды крабы и рачки.

Лес из гарпунов. С трудом переставляя ноги в вязкой жиже, я заметил удивительное зрелище — настоящий лес из гарпунов, застрявших в толстой шкуре монстра. Их были сотни — старые, поржавевшие, с гнилыми деревянными рукоятками, и новые, сверкающие на солнце отполированной сталью. Размеров они были тоже самых различных: от обычных, которые без труда мог бы метнуть, к примеру, я, до больших, пятиметровых, брошенных великанами, и совсем крошечных, с зубочистку, выпущенных, по всей видимости, карликовыми пиратами. На веревке, прикрепленной к одному из гарпунов, болтался скелет незадачливого китобоя.



Кит тем временем пришел в состояние полного покоя, как корабль, вставший на якорь на мелководье. Воспользовавшись неожиданной передышкой, я решил присесть и как следует обдумать ситуацию, в которую попал. Мой плот развалился и стал пищей тираннокита, рано или поздно чудовище снова нырнет и утянет меня за собой под воду или же бросит на произвол судьбы в открытом море, беспомощного, обреченного на гибель. Поэтому я решил, не теряя времени даром, смастерить себе новый плот из древков гарпунов. Многие из них были вполне подходящих размеров. Мало того, на большинстве все еще болтались длинные веревки, которыми можно было отлично скрепить деревяшки. Первым я выдернул из шкуры кита отличный новехонький гарпун метра три длиной.

Пока я тянул, изо всех сил упираясь ногами, тело животного чуть встрепенулось — не слишком опасно, просто по коже его пробежала мелкая дрожь, сопровождаемая долгим, протяжным вздохом облегчения, раскаты которого слышны были, наверное, даже за горизонтом. Когда я вытащил следующий гарпун, произошло то же самое, только вздох был еще длиннее и

протяжнее, возможно, потому, что и гарпун был побольше и потяжелее.

Киту явно нравилось то, что я делал. Ясно было одно: пока я вытаскиваю гарпуны, мне не угрожает никакая опасность. Я принялся тянуть их один за другим, действуя крайне осторожно и бережно, чтобы нечаянно не причинить гиганту боль слишком резким движением или не поцарапать его шкуру отточенным наконечником. За короткое время я вполне освоился с этим занятием. Сначала надо было раскачать древко, чтобы освободить наконечник, засевший в подкожном жире, потом тянуть, медленно и осторожно, продолжая раскачивать рукоять.

Чем легче и увереннее я удалял очередной гарпун из тела кита, тем довольнее звучал его вздох. Океан огласился звуками беспредельной радости, было слышно, с каким облегчением избавлялся монстр от давно надоевших заноз. Я даже не заметил, что животное пришло в движение, настолько был поглощен своей работой. Только ощутив дуновение легкого встречного ветерка, я догадался, что кит медленно, спокойно работая хвостом, плывет по поверхности океана. Нырять под воду он не собирался.

Вытаскивать гарпуны было очень непросто, некоторые сидели так глубоко и так упорно цеплялись заточенными крюками, что мне приходилось подолгу возиться с ними, чуть не выбиваясь из сил. Особенно самые длинные, запущенные уверенной, твердой рукой, сидели прочно и ни за что не хотели поддаваться. Но я не отступал, я упорно тянул, обливаясь по́том. Это было даже приятно — после долгих дней полного бездействия немного подвигаться.

Думаю, кроме меня, никто никогда не слышал, как вздыхает тираннокит Рекс. Этот звук невозможно ни с чем сравнить. Годы, возможно даже столетия, тяжких мучений выходили из его тела вместе со стонами глубокой признательности. Представьте себе десять тысяч морских сирен, собравшихся вместе в глубокой пещере и одновременно ахнувших от восторга, прибавьте к ним еще жужжание миллиона довольных, напитавшихся медом шмелей и получите звук, лишь отдаленно похожий на тот полный радости и восторга вздох облегчения тираннокита.

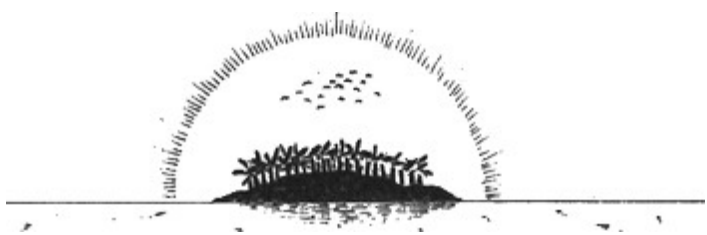
Почти полдня я провел, вытаскивая гарпуны. Сотни их были удалены из тела кита. Остался последний, который я с подобающей моменту торжественностью извлек из толстой кожи животного. Последний стон облегчения прокатился над океаном. Отныне тираннокит Рекс был свободен от гарпунов.

И уже в следующий момент мне стало ясно, какую глупость я совершил. Вместе с последним гарпуном я избавил кита и от необходимости терпеть мое присутствие у себя на спине. Он

приготовился нырять, что было ясно по тому, как глубоко он вдохнул. Увлекшись работой, я совсем забыл о строительстве плота и все вытащенные гарпуны легкомысленно выбрасывал в море.

Да, так и есть, кит стал погружаться, но делал он это настолько медленно и осторожно, что непосредственно само погружение не могло причинить мне никакого вреда. Он плавно опускался все глубже и глубже, как огромный корабль, давший незначительную течь. Я легко и безболезненно соскользнул в зеркально-спокойную воду, в то время как животное тихо и беззвучно скрылось в глубине. Больше я его не видел. На поверхность вырвалось только несколько больших пузырей — прощальный вздох тираннокита.

Вдоволь наплескавшись в теплой воде, я попытался сориентироваться. Тут и там покачивались на волнах поплавки от гарпунов. Возможно, удастся еще собрать их и смастерить себе нечто похожее на спасательный круг. Подплывая к одному, я вдруг заметил чайку. Первую чайку за долгое-долгое время! Она держала курс на запад, в сторону заходящего солнца.



Целая туча галдящих чаек кружила над одной точкой у самого горизонта, в том месте, где вечернее солнце задумчиво растворялось в спокойной и гладкой воде. Корабль? Или, может быть, тираннокит снова поднялся там из воды? Я поплыл по направлению к этой загадочной точке. И чем больше я к ней приближался, тем отчетливее проступали внизу, под стаями птиц, очертания пальм. Вскоре я уже мог различить береговую линию, великолепный белый песчаный пляж на фоне пышной растительности.

Земля. Случайно или намеренно, тираннокит высадил меня неподалеку от острова. До меня долетали соблазнительные, аппетитные запахи. Это были незнакомые мне, но невероятно приятные ароматы ванили, тертого муската, толченого чеснока и жареного мяса. Остров пах удивительно хорошо, и я решил на правах первооткрывателя присвоить его себе.

Когда я выбрался на берег, солнце уже почти скрылось за горизонтом. Я так устал, что, не в силах подняться, распластался на песке и моментально заснул. Последним звуком, долетевшим до моего погружающегося в сон сознания, было смущенное хихиканье, доносящееся из подступившей к берегу лесной чащи. Но мне было уже все равно. Ведь все здесь принадлежало мне, а значит, находилось в моей власти.

4. Моя жизнь на острове Гурманов

Завтрак. Многоголосый хор веселых птичьих голосов пробудил меня утром от глубокого сна первооткрывателя. Огромный, невероятной красоты мотылек сидел у меня на носу и обмахивал меня, словно веером, большими разноцветными крыльями. С пальмы, под которой я лежал, упал кокос и раскололся на две совершенно равные половины, да так аккуратно, что не пролилось ни единой капли драгоценного нектара. Кокосовое молоко оказалось очень приятным на вкус, прохладным и бодрящим, а мякоть, подобно густым сливкам, просто таяла на языке.

Небольшая стайка колибри ненадолго зависла надо мной, потом с веселым, беззаботным щебетом птички одна за другой быстро исчезли в густом пальмовом лесу. Казалось, остров радушно приветствует своего первооткрывателя, говорит ему: «Добро пожаловать!» Что ж, пришло время заняться осмотром своих владений. Я встал, тщательно отряхнул шкуру от песка и направился вглубь острова.

По сей день у меня не хватает слов, чтобы во всей красе описать райскую роскошь острова Синего Медведя. Представьте себе густой пальмовый лес, могучие, раскидистые пальмы с золотистыми листьями и белоснежными стволами, одна краше другой, а между ними порхают стаи разноцветных мотыльков. Некоторые из этих мотыльков размером были не меньше чайки, а крылья у них переливались перламутром. Внизу, на земле, росли удивительные, невиданные цветы, с серебряными бутонами и хрустальными листочками.

У иных цветов бутоны излучали голубоватый свет, и из них доносилось нежнейшее пение — тихие, сладкие голоса, как у крошечных эльфов.

Я шел мимо высоких, пышных растений, пахнущих ванилью, листья которых то складывались, то раскрывались, как хвосты у павлинов. Другие растения, похожие на тюльпаны, на тоненьких желтых стебельках, ежесекундно меняли свою окраску. А стоило задержать на них взгляд чуть подольше, как они становились пунцово-красными и смущенно хихикали. Понятно теперь, чьи странные голоса я слышал вчера вечером, перед тем как уснуть.

Я вышел на поляну. На опушке в глубокой тени от

раскидистых пальм мерцали фосфорическим светом бледно-зеленые орхидеи, бутоны которых то и дело выпускали в воздух разноцветные мыльные пузыри. Другие орхидеи, стоявшие рядом, прокалывали эти пузыри длинными тонкими хоботками, и те глухо лопались, исчезая навсегда. Над поляной на мгновение зависла целая эскадрилья колибри и тут же скрылась из виду стремительным нервным полетом.

Необычный пруд. Но самое удивительное ожидало меня в центре острова. Это был небольшой пруд с кипящим растительным маслом. Стоило мне подойти ближе, как масло забулькало и забурлило. По краям пруда стояли высокие растения, на длинных стеблях которых висели плоды, похожие на клубни картофеля. При моем приближении все растения, словно по команде, дружно опустили кроны в кипящее масло. Мне не осталось ничего другого, как остановиться и завороженно наблюдать, что будет дальше. Вскоре моего нюха коснулся чудесный, соблазнительнейший аромат жареного картофеля. Потом растения выпрямились и к моим ногам упало несколько аппетитных, подрумяненных клубней. Я подобрал один и робко надкусил. О, можно ли описать словами это блаженство?! Никогда в жизни я не ел ничего вкуснее. Разделавшись с одной картофелиной, я с жадностью набросился на остальные, и спустя короткое время все они исчезли у меня в желудке.

Чем больше я углублялся в лес, тем необычнее становились растения. По земле тут и там журчало множество звенящих ручейков. Рассмотрев их поближе, я с удивлением отметил, что вода в них была разного цвета. Некоторые, казалось, были наполнены обычной родниковой водой, в других текла белая жидкость, похожая на молоко, в третьих — оранжевая, как апельсиновый сок. Я наклонился и сделал глоток из оранжевого ручейка. Так и есть, апельсиновый сок!

Молочные реки. В белых ручейках текло настоящее, приятно прохладное молоко. По берегам росли кусты с темно-коричневыми плодами-орешками. Я случайно задел одну ветку плечом, скорлупки тут же раскрылись, из них в молоко посыпался коричневый порошок, и оно на какое-то время окрасилось в темный цвет. Зачерпнув немного жидкости, я отведал превосходнейшего какао.

По берегам рек росли фрукты и овощи, которых я никогда прежде не видел. Синяя цветная капуста, например, имела вкус жареного, аппетитно хрустящего мяса. Я заметил цветы, бутоны которых до краев были наполнены золотистым, тягучим медом. Интересно, что даже листья у этих растений были съедобными и по вкусу напоминали подсушенный в тостере белый хлеб. С деревьев свисали тонкие лианы спагетти, источавшие нежнейший аромат чеснока. Дупла деревьев наполнялись всевозможными соусами и пряными специями, стоило только постучать по коре кулаком. Грибы размером с гигантскую тыкву томились, поджариваясь в собственном соку, словно под землей была спрятана невидимая плита. Я отломил у одного кусочек шляпки, и она снова заросла прямо у меня на глазах.

На острове будто вообще не водилось ничего неприятного. Не было здесь кровожадных каннибалов, опасных болот, химериад и хищных зверей. Я не видел даже самых обычных малоприятных животных, таких, как пауки, комары, змеи и летучие мыши, встречались только те, которые радовали глаз, ну или по крайней мере не вызывали отвращения: мотыльки, бабочки, небольшие птички, крольчата, белочки, хомячки, фламинго, колибри и маленькие ласковые кошечки. Все они были очень спокойные и ничего не боялись, что свидетельствовало о том, что на острове царила самая мирная атмосфера. Поскольку еды было вдоволь, животным не приходилось охотиться друг на друга.

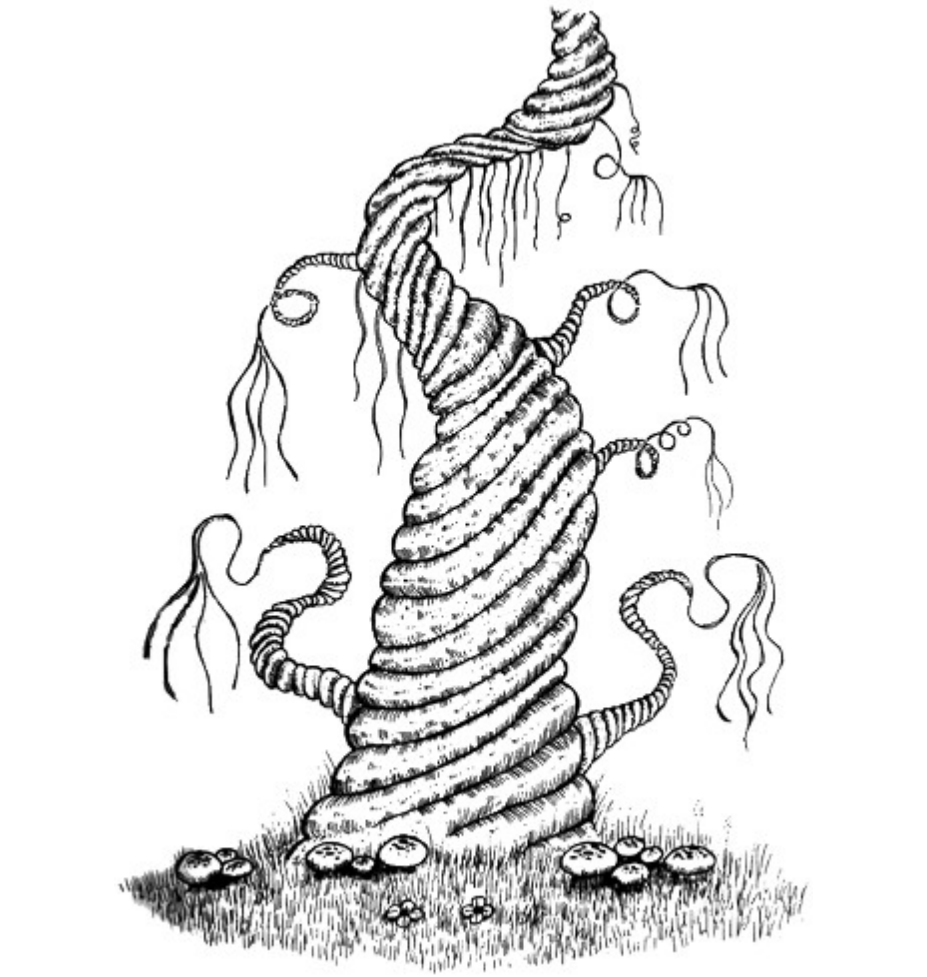
Я открыл настоящий рай на земле.

Климат был тоже самый что ни на есть благоприятный, ни холодный, ни жаркий, градуса двадцать три в тени плюс легкий, освежающий ветерок. Даже ночью здесь невозможно было замерзнуть, от земли распространялось приятное тепло, и она ласково мурлыкала, как довольная кошка, стоило только устроиться где-нибудь на ночлег.

О таком роскошном приеме я не мог и мечтать, он меня даже немного смутил. Это надо же, первый самостоятельно открытый остров — и такая удача! Я чувствовал себя так, словно после долгих, полных лишений скитаний наконец вернулся домой.

Первые дни я бродил по острову будто в волшебном,

чудесном сне, едва осмеливаясь прикоснуться к соблазнительным лакомствам и яствам, боясь, что они исчезнут, растворятся в воздухе как мираж. Но все они были настоящие. Спустя какое-то время я достаточно осмелел и отведал всего понемножку: кусочек тут, глоточек там. Некоторые кушанья казались мне непривычными. Неудивительно, учитывая, что раньше я питался исключительно водорослями, лесными ягодами, орехами и чистой водой. Другие же с первого раза показались изумительно вкусными, как, например, какао из молочной реки или мед из бутонов цветков.



Конечно, я не сразу освоился с необычной флорой на острове, но она с готовностью раскрывала передо мной все свои секреты. Длинные, похожие на спагетти лианы оказались особенно хороши в сочетании с теплой мякотью растущих неподалеку гигантских

томатов. Даже траву и ту можно было есть. Она немного горчила и отдавала орехом и как нельзя лучше подходила к жаренному в масле картофелю.

Разнообразие фруктов поражало воображение. Кроме обычных кокосов, бананов, апельсинов, яблок, орехов и винограда росли здесь и удивительные, экзотические плоды, пахнущие ванилью и корицей, таящие на языке сладким желе или, наоборот, хрустящие на зубах, как засахаренный миндаль. Красные, похожие на бананы плоды имели вкус марципана, а мясистые листья небольшого, приземистого дерева напоминали медовый пряник.

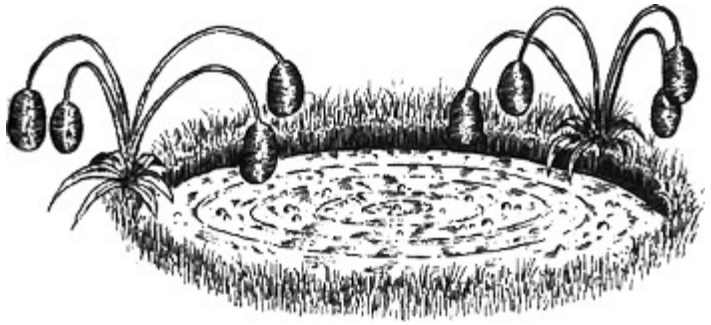
В конце концов я перепробовал все, во всех возможных сочетаниях и комбинациях.

Распорядок дня. По утрам, едва проснувшись, я не спеша отправлялся к молочной реке, тряс кусты с коричневыми «орешками» и жадно пил большими глотками какао. Затем наносил визит медоносным цветам, срывал себе пару тостов, после чего, удобно устроившись на поляне, с наслаждением поедал свой завтрак и наблюдал за стайками колибри, устраивавшей для меня настоящие авиашоу. Ко мне подбегали лесные кошки, терлись, мурлыча, о ноги и, довольные, нежились и кувыркались на солнышке.

После завтрака — обязательный обход владений. Остров мой был невелик, пожалуй не более двухсот метров в диаметре, зато буквально напичкан сюрпризами. Поющие цветы, например, каждый день разучивали новую песню, и я немало времени проводил, наслаждаясь их чистыми, серебристыми голосами, одновременно наблюдая за мотыльками, которые слетались на пение повальсировать. Белочки охотно радовали меня своими акробатическими номерами, после чего кто-нибудь из них обязательно забирался мне на голову или на плечи и мы вместе путешествовали по острову.

В обед я предпочитал заправляться у кипящего маслом пруда, лакомясь жареным картофелем с синей цветной капустой.

Вздремнув немного после плотного обеда, я отправлялся на пляж искупаться в ласковом море. Вода вокруг острова была спокойная, и в ней, очевидно, не было хищников. Я часами качался, лежа на спине, в легких волнах прибоя либо сидел у кромки воды, любуясь пестрыми ракушками, которые море тысячами выносило к моим ногам.



Я предпочитал оставаться на берегу до самого вечера и в компании кошек любовался закатом. Потом снова шел в лес, устраивался там калачиком на теплой, мурлыкающей, покрытой бархатистым мхом земле и засыпал, мечтая во сне, что я капитан гигантского железного корабля.

Поначалу я вел здоровый, размеренный образ жизни: ел не много, старался как можно больше двигаться и, главное, был вполне доволен предлагаемым разнообразием блюд. Но спустя пару месяцев в перерывах между основной едой я начал устраивать мелкие перекусы. Ничего особенного: картофелинка там, тостик тут и уж на закуску непременно увесистый плод шоколадного дерева. Хотя меня иногда раздражала скудность гастрономического ассортимента на острове, спустя полгода я уже не мог отказать себе в удовольствии устраивать второй завтрак из двойного тоста с медом, в полдник — из листьев пряничного дерева, слегка закусывая перед ужином грибами с цветной капустой, и всегда ел фрукты на ночь перед сном. Долгие прогулки уступили место удовлетворенному отдыху после еды. Со временем перерывы между едой становились все короче и короче. Я устраивал теперь перекусы между первым и вторым завтраком — это называлось у меня «промежуточный завтрак», — незадолго до обеда для улучшения аппетита лакомился первым десертом, состоявшим из марципана, шоколада и меда без тостов, а потом еще уминал пару пряников, чтобы не наедаться сразу основными блюдами на голодный желудок. Затем следовали жареный картофель, спагетти по-итальянски с томатным соусом и опять-таки пряники и фрукты. Ужин был разделен на несколько трапез с той целью, чтобы растянуть его до самого сна. Обычно он состоял из большого гриба с цветной капустой на гарнир, после чего устраивался небольшой перерыв, чтобы отведать молока из молочной реки. Потом шел жареный картофель с шафраном и

опять же пряники. А перед самым сном несколько тостов с медом.

Вскоре я дошел до того, что просыпался ночью, чтобы поесть. Пробираясь на ощупь по темному лесу, я свешивался вниз головой в молочную реку, поспешно набивал рот плодами какао, а потом еще долго и жадно чавкал в медоносном цветке, после чего во сне меня мучили гастрономические кошмары.

Сюрпризы природы. А между тем с растительностью на острове происходили удивительные перемены. Как только я объедался одним блюдом так, что глаза мои больше на него не смотрели, щедрая природа тут же выращивала где-нибудь в лесной чаще новый деликатес. Под землей вдруг стали находиться отборные, крупные, ароматные трюфели. Я не сразу привык к их необычному, резковатому вкусу, но зато, когда это произошло, меня от них было уже за уши не оттащить. В сочетании со спагетти они доставляли мне ни с чем не сравнимое, райское удовольствие. На месте, где раньше росли вульгарные шампиньоны, теперь красовались отличные белые грибы высотой в человеческий рост. Они радовали меня, приправленные гвоздикой и кориандром. С недавних пор прибоем стало выбрасывать на берег множество устриц. Раньше мне бы и в голову не пришло глотать сырых скользких моллюсков, но со временем мой вкус стал утонченнее, язык избирательнее, а аппетит еще более всепоглощающим. Теперь в перерывах между едой я обязательно заглатывал одну-две дюжины устриц. Потом я вдруг стал свидетелем массового исхода из моря омаров и их фанатичного прыжка в кипящее масло. Научившись вскрывать твердый панцирь, я открыл для себя лакомство, которое до сих пор не в силах забыть.

Теперь каждый день был подчинен строгому графику трапез. Спать я уже больше не мог, — мешал набитый желудок. Мне удавалось только время от времени ненадолго проваливаться в тягучую дрему, во время которой я продолжал грезить о предстоящей еде. Физические упражнения были давно позабыты, сил хватало только на то, чтобы кое-как перекатиться от одного блюда к другому.

Год спустя. Минул год. Я превратился в откормленного, круглого, как футбольный мяч, поросенка. Я весил теперь в десятки раз больше, чем тогда, когда впервые ступил на остров гордой ногой первооткрывателя. Вот уже несколько месяцев я не видел моря. Я зарос грязью и пах дешевой закусочной. Тело мое каждой по́рой источало вонючий и липкий жир. Я не мылся и не причесывался и неделями не поднимался с места. Любое движение давалось мне с невероятным трудом, пот градом катился по грязной шкуре. Дышать и то было тяжело, в горле свистело и хрипело, а глядя на землю, я не видел ног, потому что обзор заслонял огромный, раздутый живот. Да и веки отяжелели настолько, что у меня едва хватало сил ненадолго их приподнять. Все мои мысли теперь были посвящены одной лишь еде. Мозг постоянно работал над составлением нового, еще более изысканного меню, над поиском неизведанных вкусовых ощущений и изобретением самых невероятных блюд из самых редких продуктов.

И вот однажды, примерно между тринадцатой и четырнадцатой переменой блюд, размышляя над тем, хватит ли

мне на ужин большого, высотой в человеческий рост, белого гриба, я вдруг заметил, что ветер переменился, и неожиданно уловил носом запах, которого прежде не чуял на острове. Это была мерзкая, затхлая вонь, словно от водорослей, гниющих в теплой стоячей воде. И тут я вдруг почувствовал себя совсем зрелым, даже, может быть, чуточку перезревшим, как яблоко, которое вот-вот упадет на землю. Или, лучше сказать, как поросенок, которого пришла пора заколоть.

Остров просыпается. И тут остров подо мной задрожал. Я попытался вскочить, но, едва приподнялся, в глазах потемнело, и мне пришлось снова обреченно опуститься на землю. Я разучился стоять!

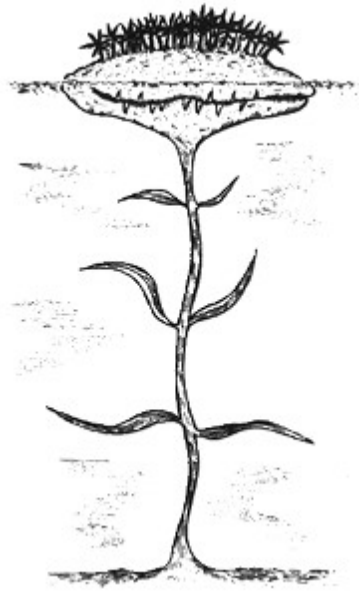
Пальмы вокруг меня, словно по мановению волшебной палочки, дружно засохли и скрючились, превратившись в отвратительные сухие коряги, торчащие из земли черными костлявыми лапами. Все остальные растения тоже моментально пожухли, сочная трава превратилась в сплошной черный ковер и стала похожа на пепелище. Повсюду в земле образовались кошмарные дыры, которые открывались и закрывались подобно омерзительным рыбьим ртам. Мне даже казалось, что я вижу в них острые мелкие зубы. В одно мгновение рай превратился в ад.

Птицы и мотыльки, будто сраженные громом, падали ниц; корчась и ежась, они превращались в труху, и их прах быстро рассыпался по ходящей ходуном земле. Со всех сторон слышались страшные, жуткие звуки — хрюканье и чавканье, словно меня окружило разъяренное стадо диких кабанов. Я в очередной раз попытался встать, чтобы бежать, — не тут-то было, мне не удалось сдвинуться с места. Одно из засохших растений, которое некогда было поющим цветком, мертвой хваткой вцепилось мне в ногу. А потом оно стало расти, очень и очень быстро.

Оно поднималось все выше и выше, увлекая меня за собой. В конце концов я завис вверх тормашками на двадцати-тридцатиметровой высоте. Взглянув вниз, я, вне себя от ужаса, обнаружил, что по голой, черной поверхности острова расползлась гигантская трещина, разверзшаяся подо мной громадной акульей пастью. Я смотрел в огромную вонючую пропасть, обрамленную тысячами гнилых зубов.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

GOURMETICA INSULARIS. Gourmetica Insularis — редкое морское растение из семейства гетеротрофных плотожоров, то есть таких растений, которые, вопреки существующим в природе законам, питаются органической пищей. Gourmetica причисляется к немногочисленной группе самых коварных существ Замонии, которые используют запрещенные приемы приманки добычи. Кроме gourmetica к этой группе относятся также крохотная звезда-мухоловка и исключительно редкий паук-ведун. Gourmetica может превращаться в подобие плавучего рая, приманивая таким необычным способом свою добычу и откармливая ее до нужных размеров. Взрослое растение достигает в диаметре километра, но ему достаточно трех кубических сантиметров живой плоти, чтобы прожить целый год. При этом в пищу ему не годятся ни плавниковые, ни пернатые, так что охотится оно исключительно за существами высшей организации, а именно млекопитающими. С помощью длинного корня gourmetica прирастает к морскому дну, что является несомненным благом. Попробуйте-ка представить себе, что мог бы натворить такой плотожор, будь у него возможность свободно передвигаться, например, в каком-нибудь густонаселенном портовом городе.



Итак, я висел в воздухе, черная лапа держала меня на весу над гигантской прожорливой пастью точно так же, как пару минут назад я держал надо ртом кисть аппетитного винограда. Подо мной зиял гигантский отвратительный зев растения, я видел, как в него ручьями течет жадная слюна. Зеленый, похожий на исполинского змея язык тянулся из пасти ко мне. Меня достигло зловонное дыхание монстра, от ядовитых газов которого я чуть не лишился чувств. И тут державшие меня за лапу тиски начали подозрительно ослабевать, еще мгновение — они разжались, и я вверх тормашками ринулся вниз, прямиком в глотку коварного плотожора.

Говорят, что перед смертью в голове, словно кино, проносится вся твоя жизнь. В моем случае фильм получился короткометражный: карликовые пираты, химериады, волны-болтушки, остров Гурманов, — неужели это конец?! Несомненно. Ведь я лечу вниз головой в глотку гигантского голодного плотожора, у которого и в мыслях нет отказаться от лакомого кусочка.

Удивительно, насколько четко воспринимается все вокруг в такие минуты. Я, например, сразу же обнаружил, что зубы растения находятся в плачевном, страшно запущенном состоянии: поросшие водорослями и колониями ракушек, гнилые, покрытые

толстым слоем слизистого налета, они источали тошнотворнейший запах, какой только можно себе представить. Мало того, в щелях между зубами красовались застрявшие там ребра акул, останки мелких китов, скелеты тюленей и морских котиков, заплывших, как видно, сюда по ошибке. А в самой глубине пасти я разглядел прогнившую деревянную лодку с двумя человеческими скелетами в ней. Не ускользнул от моего внимания и клокочущий пищевод, жадно ловящий свою добычу, чтобы отправить ее дальше в желудок. Мне даже удалось проанализировать различия между ситуацией, в которой я оказался теперь, и моей встречей с тираннокитом Рексом. Их оказалось три, а именно: кит чуть не проглотил меня чисто случайно, плотожор же подло спланировал все с самого начала и отлично довел свою игру до конца. Потом, в китовую пасть меня занесло вместе с водой, а сейчас я пикировал в глотку растения в свободном полете. И наконец, здесь не было усов, за которые можно было бы ухватиться.

Я закрыл глаза. Тут что-то крепко схватило меня за лапу, и я, перестав падать, повис в воздухе. Уже в следующую секунду я быстро полетел в обратном направлении, то есть вверх. Раскрыв зажмуренные от страха глаза, я обнаружил, что чудовищная пасть действительно удаляется, неведомая сила тянет меня ввысь.

Челюсти монстра с лязгом захлопнулись, пытаясь еще ухватить меня на лету, но в тот самый момент, когда огромные зубы ударились друг о друга, я был уже на свободе. Меня продолжало тянуть вверх. Внизу бесновался разъяренный плотожор. Он снова и снова разевал свою перекошенную от злобы пасть и изо всех сил пытался до меня дотянуться. Но я был уже на недосягаемой высоте. Растение только впустую щелкало зубами. Потом оно вдруг запрокинуло громадную голову и издало душераздирающий вопль отчаяния, который раскатился по всему океану.

Только теперь я отважился поднять глаза.

Странная птица. Очень большая птица — не уверен, что это слово здесь уместно, — держала меня за лапу. Я болтался в ее когтях, как пустой рюкзак, который вот-вот бросят на землю.

— Ну что, дружок, опять повезло, да? — обратилась она ко мне.

У меня не было слов. А птица разжала когти, и я полетел вниз, как раз в рычащую пасть растения. Мой спаситель тем временем описал в воздухе петлю, и я плашмя рухнул ему на спину. С трудом удерживая равновесие, я осторожно приподнялся и сел.

— Эхм… Спасибо! Ты спас мне жизнь, — услышал я свой дрожащий голос.

Необычная птица медленно повернула голову в мою сторону и внимательно посмотрела на меня большими круглыми белесыми глазами.

— Не за что. Это моя работа.

— Твоя работа? Ты что, спасатель? — удивился я.

— Да. Прихожу на помощь в последнюю секунду! — заявил мой благодетель с нескрываемой гордостью в голосе. — Такая у меня работа!

Потом он помолчал, очевидно, чтобы дать мне время переварить услышанное, и добавил:

— Разреши представиться — Дэус Экс Ма́хина! Вообще-то это мой псевдоним. Но ты можешь называть меня просто Мак. Меня все так зовут.

— Очень приятно! — ответил я. — А меня зовут Синий Медведь.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

PTERODAKTYLUS SALVATUS. Птеродактиль, или

странствующий динозавр-спасатель, наряду с замонианским морским драконом и тираннокитом Рексом, относится к группе вымирающих гигантов. Живых птеродактилей во всем мире сохранилось не более нескольких тысяч, и их численность, к сожалению, очень быстро сокращается. Несмотря на то что птеродактили обладают некоторыми чертами, роднящими их с классом птиц, — передвижение по воздуху посредством взмахов гигантских крыльев, а также наличие твердого костяного клюва, — они все же не откладывают яиц и отличаются абсолютно несвойственной для птиц манерой поведения. Питаются динозавры-спасатели опять же не червями и полевыми мышами, а, следуя своеобразной диете, исключительно вегетарианской пищей. Они обладают также способностью говорить, причем развивают ее до вполне приличного уровня. Все птеродактили испытывают постоянную внутреннюю потребность приходить на выручку другим живым существам, попавшим в беду. Особенно примечательно то, что сами они считают спасение чужих жизней своей работой, поэтому любая спасательная операция подчиняется строгим законам профессионального кодекса. Акт спасения жизни обязательно должен быть обставлен в наивысшей степени захватывающе и драматично. Птеродактили даже соревнуются между собой, кто продержится дольше, прежде чем броситься на выручку. Динозавр-спасатель сначала долго кружит над своим клиентом и устремляется на помощь в тот самый момент, когда надежды на спасение не остается никакой, то есть в самую последнюю секунду. Этому самоотверженному поведению крылатых ящеров до сих пор не найдено никакого разумного объяснения. Сами они, отличаясь характером крайне замкнутым и необщительным, избегают каких бы то ни было комментариев по этому поводу. Предположительно это связано с предстоящим вымиранием летучих гигантов. Поскольку большинство динозавров за время своей многовековой истории не прославили свой род ничем, кроме прожорливости, вполне вероятно, что нынешние динозавры-спасатели своим жертвенным поведением стараются, пока не поздно, оставить по себе добрую память в веках.

Так было и со мной. Мак уже несколько дней кружил над островом, прекрасно зная, какая участь меня ждет. Он мог бы вытащить меня гораздо раньше, но нет — положено ждать до последней секунды.

— Ты такой толстый. Видно, оторвался там внизу по полной программе, да? — поинтересовался Мак, не поворачивая головы.

Я покраснел.

— Поганая тварь! — процедил Мак сквозь зубы и смачно сплюнул вниз. — Ненавижу! Каждый год приходится спасать тьму простофиль. И находятся же идиоты, которые покупаются на такие дешевые штучки.

Я покраснел еще сильнее.

— Это тебе урок, — добавил Мак. — Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! Усек?

Я поклялся сделать соответствующие выводы.

Впереди, у линии горизонта, маячил остров с высоченной горой. Мак держал курс прямо на нее.

— Эта планета полна опасностей, — кричал он мне через плечо. — Нельзя расслабляться, и глазом не успеешь моргнуть, как влипнешь в историю. Так что гляди в оба! Понятно?

Каждый взмах его мощных крыльев приближал нас к вершине горы.

— Э-эхм-м, — попытался предупредить его я.

Мак не слышал.

— Всегда начеку! Вот мой девиз! А стоит чуть зазеваться — пиши пропало!

Мы с бешеной скоростью неслись к вершине горы. Еще один-два взмаха гигантских крыльев, и мы разобьемся!

— Осторожно! — завопил я. — Скала!

Мак прищурился, потом вытаращил глаза.

— О-о-го! — испуганно рявкнул он и резко принял вверх.

Острие горы просвистело в миллиметре под его животом.

На некоторое время воцарилось неловкое молчание. Потом Мак вздохнул:

— Молодец, спасибо. У тебя хорошее зрение, малыш.

Он снова вздохнул:

Предложение. — Открою тебе секрет, только поклянись, что ни за что на свете никогда никому ничего не расскажешь!

Ради него я был готов на все. Он спас мне жизнь.

— Знаешь, мои глаза уже совсем не те, что раньше. С годами

развивается близорукость. Мне ведь уже три тысячи лет.

Насколько это верно, не могу сказать даже сейчас. Все динозавры-спасатели склонны к преувеличению.

— Только прошу тебя, никому ни слова! Если коллеги узнают — мне конец! — Он вздохнул. — Осталось продержаться всего один год. Потом выхожу на пенсию. Но до тех пор надо держаться. А это непросто. Знаешь, тебя я заметил только потому, что ты толстый как бочка да еще синего цвета.

Мак обернулся и посмотрел на меня печальными глазами:

— Послушай, малыш, я хочу сделать тебе предложение. Оставайся со мной на этот год. Будешь моим навигатором, впередсмотрящим, моими глазами. Жилье и еду гарантирую. Посмотришь мир. Соглашайся! Чудесные спасения в последнюю секунду. Симпатичные девочки на краю гибели. Как тебе, а?

5. Моя жизнь у динозавра-спасателя

Свитер и штаны. Прежде чем я начал работать у Мака навигатором, он снабдил меня теплой одеждой. Нам с ним предстояло летать на большой высоте, где воздух разрежен, а холод такой, что не спасает даже самая толстая шкура, как у меня.

Мак высадил меня на вершине горы, а сам исчез. Через два часа он вернулся с одеждой — теплым красным свитером и синими штанами.

— Позаимствовал в деревне, — объяснил он. — Висели на дворе, и я их стянул с веревки. Но я не считаю это воровством. Возможно, когда-нибудь в будущем мы спасем их хозяину жизнь.

Когда смотришь на вещи сверху, они видятся совсем по-другому. За тот год, что я провел вместе с Маком, мне открылась масса разных полезных вещей, которые потом очень пригодились мне в моей дальнейшей скитальческой жизни. Раньше, например, я думал, что мир представляет собой чан с водой, по поверхности которой плавают малюсенькие островки. Во время полетов с Маком я не без удивления обнаружил, что мир круглый и только частично покрыт водой, остальное место занято обширными материками. Раньше мне бы и в голову не пришло, что бывает так много земли одним куском сразу. Иногда мы неделями летали над сушей, а моря все не было видно. Впервые в жизни я увидел могучие горные цепи, широкие реки, голубые озера и дремучие леса. Мы с Маком пролетели над полюсами, и меня поразило зрелище исполинских гор из сияющего чистейшего льда. Я познакомился с джунглями — бескрайним зеленым ковром, где из-под шапок раскидистых крон гигантских деревьев то и дело высовываются головы настоящих драконов. Мы кружили над действующими вулканами, греясь у гигантских кратеров с раскаленной лавой, словно у печки.

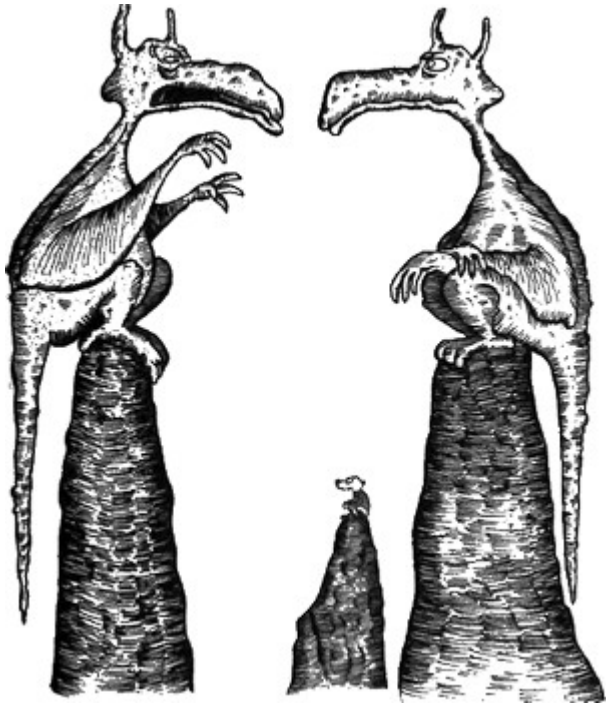
Коварные опасности. Мак показал мне пустыни, из песка и из разноцветных каменных глыб. Он не уставал посвящать меня во все тонкости геологической науки. Познакомил меня с альпийскими ледниками и торфяными болотами, барханами, плывунами и бездонными пропастями. Между тем интерес Мака к миру носил чисто профессиональный характер, за любым природным явлением для него прежде всего скрывалась опасность. В болота, топи и трещины можно провалиться, в коварных плывунах подстерегает мокрая смерть. Пролетая над лесом, Мак автоматически осматривал его на предмет наличия

опасных зверей и лесных чудовищ, попутно рассчитывая возможность самовоспламенения стволов из-за засухи; реки мы изучали с точки зрения обитания в них пираний (бросишь в воду дохлую рыбу, если вода забурлит, значит, надо поставить на берегу предупреждающий знак); моря — с перспективы присутствия в них акул; озера — на предмет выявления змей, саламандр и крокодилов.

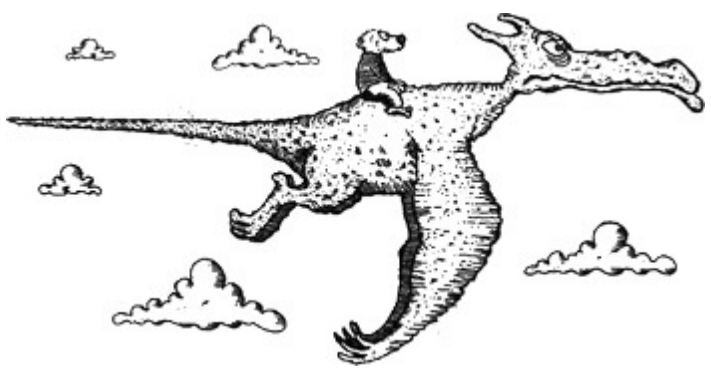
Сверкающий в лучах заходящего солнца айсберг представлял для Мака не завораживающее зрелище, а опасность, подстерегающую мореплавателя, чудесный лесной водопад — не освежающую прохладу, а ловушку для неопытного гребца, нагромождение облаков над островами в Карибском море — не удивительное атмосферное явление, а предупреждение о надвигающемся тайфуне. Даже неподвижная, мертвая пустыня под пристальным взором Мака оборачивалась полной смертоносных опасностей западней: прячущиеся под камнями плотоядные ящеры, ядовитые пауки, злые скорпионы, миражи, доводящие легковерного путешественника до безумия, жгучее, беспощадное солнце, расплавляющее мозги.

Спокойное море во время полного штиля не менее опасно, чем самый страшный шторм, ведь от жажды в стоячей водной пустыне ежегодно погибает еще большее количество моряков, чем под гребнями диких, разбушевавшихся волн. Скептические настроения Мака были продиктованы его ежечасной заботой обо всем и всех. Любая, большая или малая, тревога обязательно оставляла на его коже морщинку, с годами превратив его шкуру в настоящую карту забот.

У динозавров-спасателей своя собственная, очень сложная система слежения за миром. По правде говоря, мне так и не удалось в ней до конца разобраться. Вся планета у них делится на квадраты, за каждый из которых отвечает один птеродактиль. Время от времени квадраты перераспределяются заново. На всякий случай, чтобы не было привыкания.



Иногда Мак встречался с кем-нибудь из коллег на вершине скалы. Я тогда тихонько сидел в сторонке и слушал, как они обмениваются информацией, делятся последними новостями: кому какой квадрат достанется в следующем году, дают друг другу ценные спасательские советы, а иногда даже позволяют себе пару-другую сдержанных шуток. Дело в том, что все динозавры-спасатели по природе своей одиночки, и потребность в непринужденном общении напрочь отсутствует в их характере (касается всех особей этого вида без исключения).



Я между тем успел скинуть все лишние килограммы. Летая на спине у Мака, я не терял времени даром, а выполнял по пути

всевозможные полезные упражнения: отжимания, круговые движения корпусом, «лодочку» и «велосипед». Иногда я цеплялся за когти Мака и подтягивался на них, как на брусьях. Он же, в свою очередь, обеспечивал меня правильным, полезным питанием. Посадив меня на верхушку какого-нибудь высокого дерева или горы, он улетал и возвращался обратно с полным клювом свежих фруктов и овощей. Потом мы сидели рядышком, молча жевали свой ужин и наслаждались чудесным видом заката. Вскоре я вернул себе прежний вес, да еще крепкие мускулы в придачу.

Я так и не понял, как Мак узнавал, что кому-то грозит опасность. Возможно, это был просто инстинкт. Обычно мы безо всякой цели кружили над нашим квадратом, пока Мак вдруг не вскидывал голову и не зависал в воздухе, отчаянно маша крыльями. «Есть работа!» — говорил он и резко менял курс. Мы долетали до цели, и тут к делу подключался я. Мне нужно было четко, с точностью до миллиметра, подвести Мака к клиенту. Используя вместо штурвала рога у него на голове, я управлял им, как летательным аппаратом. Или просто говорил, куда лететь: «Чуть левее, ниже, еще, правее, хватай!» Примерно так.

Спасения в последнюю секунду. Мы спасали путешественников из лап кровожадных лесных чудовищ, пока те еще не успели превратиться в отбивную котлету; спасали падающих в глубокие овраги и бездонные пропасти; вытаскивали моряков, потерпевших кораблекрушение, из ледяной воды и из зубов гигантских акул; спасали детей, заблудившихся в темном лесу, прежде чем им успевали заморочить голову болотные кобольды. Спасали мы и одержимых вулканологов, летевших в кипящую лаву, выхватывая их из огнедышащего жерла; вытаскивали случайных бедолаг из болот и зыбучих песков и, конечно же, выручали жирных, раскормленных простофиль, ставших жертвами коварного острова-плотожора.

Но каждый раз непременно ждали до последней секунды.

Закончив акт спасения, мы, как правило, доставляли спасенных куда-нибудь в безопасное место и быстренько улетали. Мак терпеть не мог выслушивать благодарности. Спасенные же обычно пытались устроить праздники в нашу честь, осыпать нас подарками, принять в семью, усыновить, предложить руку и сердце и так далее и тому подобное. Я бы, в общем-то, был не прочь немного попраздновать, но Мак сухо говорил: «Не стоит благодарностей, это моя работа. А вам впредь следует быть осторожнее. Будьте внимательны и не ешьте мясного!»

И мы исчезали.

Случай на скале Смерти. Основным источником всех опасностей было, есть и будет легкомыслие. Многие из наших клиентов, конечно, попадали в затруднительные ситуации в результате несчастного случая, но встречались и такие, и их было явное большинство, которые сами искали себе приключений, шальные головы, которые по какой-то непостижимой причине выискивали случая помериться силами с дикой природой, точно в непролазные чащи обязательно надо залезть, по бурным порожистым рекам непременно проплыть, а топи с нечистой силой изучить, и притом по возможности в темное время суток. Некоторые, беззаботно посвистывая, разгуливали в лесах, о которых говорили, что там водятся кровожадные вервольфы, другим надо было присутствовать при извержении вулкана, стоя на самом краю кратера, или же наблюдать за разбушевавшимся торнадо в непосредственной близости от него.

Один случай, произошедший на скале Смерти, я до сих пор не могу забыть, и вряд ли найдется другой, более удачный пример вопиющего легкомыслия. Мы тогда как раз работали над Замонией и уже в течение нескольких дней издали наблюдали за одним скалолазом, которого неизвестно каким ветром занесло в эти страшные, знаменитые своей опасностью края. Мало того, он, очевидно, был еще совсем неопытным новичком: ведь полез в горы в одиночку в легких сандалиях, да еще при самой скверной погоде, под моросящим дождем.

— Быть беде, — сказал Мак, и я изо всех сил напряг зрение, потому что мой друг не торопился подлетать к альпинисту поближе, так как нам не положено раньше времени обнаруживать свое присутствие.

Внизу, под скалой Смерти, рос целый лес из отполированных острых кристаллов. Их длинные отточенные клинки торчали повсюду, на некоторых уже виднелись нанизанные потускневшие скелеты таких же неугомонных сорвиголов, как и наш чудак. Разумные альпинисты обходили скалу Смерти стороной, так же как и опытные моряки обходят стороной Жерлоток.

И все же нашему удальцу каким-то чудом удалось добраться до вершины. Правда, восхождение считается наиболее легкой и безопасной частью горного путешествия, гораздо сложнее потом спуститься обратно. Так что мы запаслись терпением и стали ждать того момента, когда придется вытаскивать безумца из какой-нибудь расселины, куда он рано или поздно должен был

угодить.

Но все произошло совсем иначе.

Добравшись до вершины, скалолаз поднялся на ноги и широко раскинул руки.

— Стоит, раскинув руки, — сообщил я Маку, который сам на таком расстоянии ничего не видел.

— Раскинул руки? Значит, будет прыгать.

— Прыгать?

Альпинист бросился в пропасть.

— Прыгнул! — закричал я.

— Говорил же, — буркнул Мак.

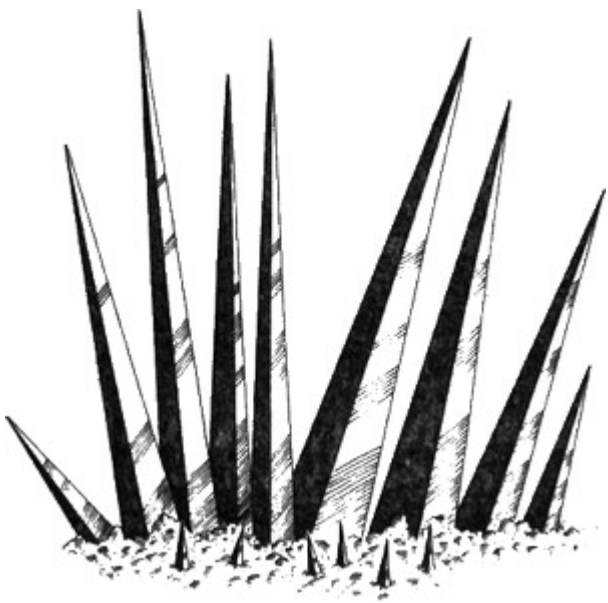
Безумец камнем летел вниз со скалы Смерти. Внизу на расстоянии нескольких километров от вершины его поджидали отточенные клинки кристаллов.

— Скорей! — завопил я.

— Нет, — ответил Мак.

— Что?!

— Сам виноват. Так ему и надо.



Человек пролетел уже целый километр. Если мы сейчас бросимся ему на помощь, то, возможно, еще успеем.

— Мак, ты не можешь так поступить! Давай же, летим!

— Не-а, — протянул Мак, беззаботно помахивая крыльями на прежнем месте.

Полкилометра до трагической развязки.

— Мак! Мы не можем просто смотреть!

— Подумаешь. Я все равно ничего не вижу.

Триста метров. Моросящий дождик вдруг превратился в ливень, теперь уже и мне стало почти ничего не видно.

— Мак! Я приказываю тебе — лети!

— Ты мне не указ.

Двести метров.

— Мак! Я не могу этого видеть.

— Отвернись.

Пятьдесят метров.

— Пора! — заорал Мак и с такой силой взмахнул крыльями, что я чуть не свалился от неожиданности. Таким он еще никогда не был.

Он летел как ракета, но не в ту сторону. Мне пришлось изо всех сил потянуть его за рога, чтобы выправить курс.

— Пора! — снова закричал он и опять с такой силой ударил крыльями, что мы одним махом преодолели метров сто.

Двадцать метров до кристаллов.

— Пора! — рявкнул Мак, и его крылья рассекли воздух, так что у меня зазвенело в ушах.

Еще десять метров, и скалолаз окажется нанизанным на острые пики, а нам лететь еще добрых метров триста. Я осторожно направил Мака вниз.

— Пора!

Пять метров. Двести — для нас.

— Пора!

Два метра. Сто — для нас.

— Пора!

Сантиметр между падающим альпинистом и острием кристалла.

— Хватай! — закричал я.

Мак выбросил вперед лапу, схватил скалолаза и рывком выдернул его наверх.

Потом мы доставили альпиниста на плато, где Мак устроил ему хорошую взбучку, пытаясь вправить ему мозги, если таковые еще остались. И о чем только он думал, строго поинтересовался Мак.

— Да ни о чем, — признался тот. — Просто хотел посмотреть, правду ли говорят, что вы, динозавры-спасатели, так хороши.

— Вот видишь! Я тебе говорил! — возмущался Мак, когда мы летели обратно, присматривая себе местечко для ужина.

Я оказался талантливым навигатором. Пусть даже Мак не выражал мне словами свою признательность (он этого попросту не умел), я все же научился определять по его поведению, что он высоко ценит мою работу. После каждой удачно проведенной операции он принимался довольно мурлыкать себе под нос, словно кошка, решившая научиться петь. Услышав эти, по правде говоря, не очень-то музыкальные трели, я понимал, что выполнил свою работу как надо. Со временем у меня тоже развилось чутье на опасность. Иногда я узнавал, что нас ждет работа, одновременно с Маком или, может быть, даже чуточку раньше. Я чуял опасность по запаху, который внезапно распространялся в воздухе. Это был запах далекого пожарища. С легкой, едва уловимой примесью корицы. Так, квадрат за квадратом, в голове моей наконец сложилась картина мира. Мы летали над Африкой и Антарктикой, над Рудными горами и Борнео, Тасманией и Гималаями, Сибирью и Катманду, Гельголандом и долиной Смерти, Большим Каньоном и островом Пасхи, а также над континентами Нафклату, Урия и Яхоль, которых теперь уже нет. Да, мир предстал передо мной разноцветной мозаикой, в которой осталось лишь одно белое пятно — Замония.

Замония. С высоты птичьего полета Замонию можно было узнать по расположенному неподалеку от континента острову в форме отпечатка медвежьей лапы, который поэтому назывался остров Лапа. К квадрату своего нового назначения мы подлетели с севера, где равнину рассекает надвое плотная череда высоченных гор. Мак несколько недель непрерывно кружил над материком, чтобы я как следует смог его рассмотреть. Природа на Замонии была удивительно разнообразной: я увидел пустыню, заснеженные вершины, тропический лес, обширные пашни, каменистые плато и смешанные леса. На самом западе выделялся горный массив значительно выше всех остальных. Это были Темные горы. Поразила меня и пустыня в самом центре континента, такая большая, каких я еще никогда не видел. Но сильнее всего разжигала мое любопытство столица Замонии. Атлантис в то время по праву считался самым крупным городом мира.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

АТЛАНТИС. Столица и правительственная резиденция континента Замония, мегаполис, состоящий из пяти округов, каждый из которых представляет собой автономное королевство: Налтатис, Ситналта, Титаланс, Татиланс и Лиснатат. Эти округа, в свою очередь, поделены на районы. НАЛТАТИС включает в себя районы Санталит, Тисалант, Саталин, Титасал, Тансалит и Анстлати; СИТНАЛТА — Сталинта, Сатинтал, Станилат, Талнатис, Настилат, Титанлас и Тинсалат; ТИТАЛАНС — Аластинт, Лисатант, Аслитант и Сантатил; ТАТИЛАНС — Снататил, Линстата, Нитсалат, Титсалан и Статинал; ЛИСНАТАТ, разделен чисто географически на районы Северный Лиснатат, Западный Лиснатат, Восточный Лиснатат, Южный Лиснатат и Центральный Лиснатат. Все районы поделены на более мелкие административные единицы — субрайоны, число которых так велико, что перечислить их в данной публикации не представляется возможным. В каждом из округов в настоящий момент проживает около 25 миллионов различных живых существ, то есть численность всего мегаполиса, по самым скромным подсчетам, составляет около 125 миллионов. Если же прибавить к ним еще незаконных эмигрантов и обитателей канализации, то фактическое число всех жителей города выйдет далеко за пределы 200 миллионов.

С высоты птичьего полета Атлантис выглядел игрушечным конструктором, случайно рассыпанным по земле каким-то чудаком-великаном. Маленькие смешные домишки с красными, зелеными и желтыми крышами, белые минареты и черные дымящие трубы заводов. Были здесь сооружения из дерева, камня и стали, а кроме того, из серебра, золота и хрусталя. Высоченные спиралевидные башни пронзали небо на высоте нескольких километров, мне пришлось проявить немалую сноровку, чтобы провести Мака затейливым курсом меж ними. Внизу виднелись пагоды и палаточные городки, дворцы и лачуги, златоглавые купола, мраморные дворцы и внушительных размеров соборы. Город был изрезан густой сетью рек и каналов, берега которых соединялись многочисленными мостами самой разнообразной конструкции. И все это находилось в постоянном движении. По рекам и каналам скользили теплоходы, парусники и гондолы, в лабиринтах между башнями небоскребов не спеша проплывали

пузатые дирижабли. Но больше всего мне понравились шумные улицы Атлантиса, наводненные тысячами всевозможных живых существ и транспортных средств. Как бы мне хотелось сделать здесь остановку, но Мак не разрешил.

— Где угодно, только не здесь, — заявил он. — Города — это сплошное безумие.

Он твердо стоял на своем, как бы слезно я его ни молил. И мне не осталось ничего другого, как смириться, дав себе слово когда-нибудь обязательно снова вернуться сюда.

Квадрат, который теперь находился под нашим контролем, включал в себя южную часть Замонианского моря, ту, что на карте расположена ниже Дальнезамонианска, между Дальнезамонианским заливом и Обкушенным островом, на котором высились Жуткие горы. Три дня мы кружили над своей территорией, не пережив ровным счетом ничего примечательного, не считая спасения горной козочки из лап разъяренного демона. Поэтому, когда Мак в конце третьего дня вдруг вскинул голову, явно почуяв что-то серьезное, я был несказанно рад. В ту же секунду и мой нос уловил знакомый запах. Мак повернул на юго-запад. Я занял свой навигаторский пост, придвинулся к самой голове динозавра, одной лапой взялся за рог-штурвал, а другую приложил ко лбу, затеняя глаза от солнца. Только на этот раз в воздухе ощущалось что-то необычное, совсем не такое, как при рутинных спасательных операциях, он колебался по-особому, словно сквозь него двигалось что-то громадное, образуя мощные вихревые потоки.

Бу-буммс!

Странный пугающий звук, словно долетавшие издалека раскаты грома.

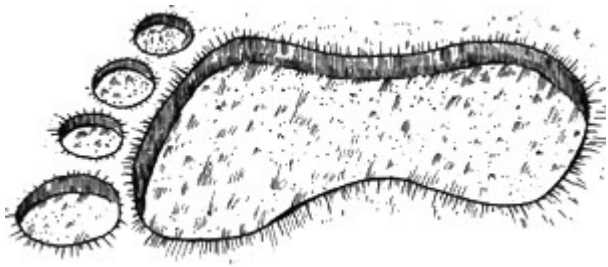
Мы снизились и полетели над пашнями Житости. Внизу среди бесконечных, колосящихся зерном полей, разбросанные там и тут, виднелись крохотные хуторки и уж совсем редко маленькие деревушки. Вот где поистине трудно было попасть в беду — ни тебе коварных болот, ни отвесных скал, ни одной паршивой речушки, где может свести ногу во время купания.

Бу-буммс!

Земля вздрагивала при каждом звуке будто от

повторяющихся землетрясений. Через каждые полкилометра колосья на поле были примяты. Я посмотрел повнимательнее и вдруг понял, что это одинаковые овальные отпечатки гигантской ноги.

Бу-буммс!



— Боллог, — заявил Мак таким тоном, словно каждый обязан знать, что это такое.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

БОЛЛОГ. Боллог (Cydopus stupidus) — живое существо из семейства гигантских циклопов. К этому семейству условно причисляются все исполины Замонии ростом от 25 метров и одним-единственным глазом. В то время как обычные гигантские циклопы не переходят рубеж 150 метров, боллоги могут достигать 2 километров и выше, благодаря чему они единственные среди живых существ Замонии относятся к разряду природных катаклизмов (см. Вечный торнадо, Шарах-иль-аллах). Археологические раскопки свидетельствуют о том, что в былые времена водились боллоги высотой до 20 километров. К величайшему счастью, в настоящее время на замонианской земле обитает не более полудюжины таких гигантов.

Кроме всего прочего, боллоги обладают уникальной способностью обходиться без головы. Хотя все боллоги рождаются, как положено, с головой, в процессе роста они постепенно утрачивают социальные навыки и коммуникативные инстинкты. С достижением высоты

50 метров у них полностью отпадает потребность в общении, а вместе с ней и способность к нему, уже изначально выраженная крайне примитивно, что приводит к тому, что функции мозга постепенно сводятся к нулю. Приблизившись к высоте 1500 м, боллоги достигают состояния практически полной автономии, ставящей под сомнение необходимость существования органов чувств, таких как зрение и слух. Поэтому большинство боллогов, перешагнув рубеж 1700 м, сбрасывают голову, как ненужную, атавистическую часть тела. С этой минуты они питаются исключительно через поры своего огромного тела, которые настолько велики, что способны поглотить целую птицу, мышь или даже небольшого поросенка. Добыча поступает затем прямиком в систему кровообращения и переваривается там. По этой причине боллогу достаточно залечь на каком-нибудь поле, чтобы в течение нескольких месяцев не испытывать нужды в полноценной еде. Голова же, достигающая в диаметре 400 метров, остается, как правило, лежать на том самом месте, где упала, а безглавое тело продолжает самостоятельно блуждать по свету, возможно как раз в поисках своей утраченной головы.

Бу-буммс!

Боллог. И тут на горизонте показался настоящий боллог, высотой километра два, не меньше, он грузно шагал по одному из южнозамонианских пшеничных полей. Мех у него был темно-коричневый, почти черный, как у гориллы, да и всем остальным — длинными, свисающими чуть не до самой земли руками и неуклюжими кривыми ногами — он ужасно смахивал на огромную обезьяну, с той лишь разницей, что гориллы все-таки не вырастают больше шкафа и, как правило, имеют голову на плечах.

БУ-БУММС!

Он уже раздавил пару крестьянских домов, попавшихся ему на пути. К счастью, кажется, никто не пострадал. Боллога слышно издалека, так что, пока он идет, можно успеть убраться подобру-поздорову.

Некоторые крестьяне уже показались из укрытий, они горько

оплакивали свое разоренное хозяйство. Но мы со свистом пронеслись мимо них, держа курс на боллога, до которого оставалось несколько километров и который теперь стоял на месте. Мак уже давно что-то почуял, и я тоже отметил резко возросшую концентрацию опасности в атмосфере. Тут у ног исполина я заметил небольшое строение, из зарешеченных окон которого выглядывало не меньше дюжины маленьких, жалобно скулящих животных.

— Добраньские коровки, — сказал Мак.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ДОБРАНЬСКИЕ КОРОВКИ. Основой животноводческой отрасли сельского хозяйства Южной Замонии является разведение добраньских коровок, сосредоточенное главным образом в городе Добраньске и его окрестностях. Благодаря небольшому росту и необыкновенно ласковому, привязчивому характеру добраньские коровки быстро завоевали сердца жителей Южной Замонии и стали одними из самых любимых домашних животных наряду с дальнезамонианскими лизунами и волнистыми свинками.

Это был типичный хлев, в котором крестьяне этих мест держат своих коровок. Хозяева, видно, обратились в бегство и в панике, забыв обо всем на свете, бросили своих беспомощных питомцев в закрытом сарае на произвол судьбы. Я покачал головой, возмущенный такой безответственностью.

Если бы только существовала шкала, измеряющая обаяние животных, боллоги находились бы в самом низу, а добраньским коровкам по праву принадлежало бы первое место. Это самые милые и безобидные существа, каких только можно себе представить. Существа, которые, возможно, и не приносят никакой ощутимой пользы, но вся их жизнь подчинена одной-единственной цели — радовать нас, вызывая самые теплые чувства своим трогательным видом и ласковым поведением. Говорят, их даже не надо кормить, им достаточно только заботы, внимания и симпатии.

> ДОБРАНЬСКИЕ КОРОВКИ [продолжение]. Существует даже мнение, не подкрепленное, правда, никакими научными фактами, что добраньские коровки в невинном возрасте могут питаться одной лишь симпатией со стороны окружающих. Считается, что они обладают некими уникальными телепатическими способностями, помогающими им преобразовывать чужое внимание в калории для своего организма. И все же необходимо отметить, что эти забавные, столь милые в юном возрасте существа рано или поздно превращаются в довольно крупных, дородных добраньских быков. К периоду полового созревания эти животные достигают уже трехметровой высоты, имеют три ряда острых зубов, ходят на двух ногах и отличаются крайне вспыльчивым и раздражительным нравом. Рост и развитие добраньских коровок происходят очень стремительно, в течение полугода, что нередко вызывает у неопытных хозяев этих ласковых малышей эмоциональный шок.

БУ-БУММС!

Боллог остановился.

— Надо спешить, — сказал Мак. — Сейчас будет садиться.

«Где сядет боллог, там тысячу лет потом не растет натифтофская трава» — гласит книга натифтофских мудростей. Боллог садится редко, но метко. Вот и этот собирался приземлиться не куда-нибудь, а на сарай, полный добраньских коровок.

К счастью, как и все гиганты, боллоги неповоротливы. Садятся они медленно. Очень медленно. Так медленно, что у нормального существа не хватает терпения наблюдать за тем, как они это делают. Наш экземпляр уже начал сгибать колени, но до того момента, когда его зад коснется крыши сарая, было еще далеко. Его медлительность давала нам шанс. Не менее тридцати коровок, жалобно поскуливая, теснились у зарешеченных окон. Нам предстояло, прежде чем гора мяса опустится на хлипкое, почти игрушечное сооружение, вытащить оттуда всех животных одного за другим и отнести на безопасное расстояние. Кроме меня на спине у Мака места хватало еще для трех-четырех. Боллог опускался со скоростью около ста метров в минуту, а это означало, что придется слетать туда и обратно как минимум десять раз. Нет, не успеть! Нереально! Исключено!

Никогда еще я не видел, чтобы Мак работал так быстро. На этот раз речь шла действительно о последней секунде, драматическое фиглярство было здесь ни к чему. Мы подлетели к окну, я выдернул тонкую решетку, схватил четырех малышей, Мак пулей вылетел из радиуса приземления гигантского зада, ссадил животных в сторонку и очертя голову ринулся назад.

За это время боллог, огромный и черный, опустился еще ниже, густая зловещая тень легла на место заточения беспомощных малышей. Вторая партия добраньских коровок была доставлена в безопасное место. Из третьей четверки один соскользнул по дороге на землю, и нам пришлось возвращаться, чтобы его подобрать.

Драгоценное время было потеряно.

На четвертый раз один из зверьков заупрямился, как сейчас помню, у него еще было рыжее пятно на лбу. Бедняга настолько обезумел от страха, что никак не мог решиться прыгнуть из окна на спину Маку. Мне пришлось с риском для жизни, ухватившись одной лапой за рог Мака, изо всех сил вытянуться вперед и, чуть дыша от напряжения, схватить малыша за шкирку. А тот вместо благодарности извернулся и больно тяпнул меня зубами за палец.

Когда мы в пятый раз вернулись назад, зад боллога навис уже над самой крышей сарая и начал медленно крошить печную трубу. Кирпичи с хрустом сыпались вниз, внутрь строения, что привело оставшихся там коровок в еще большее смятение. Стропила угрожающе трещали. На седьмой нашей ходке зад боллога коснулся крыши. Куски дерева с оглушительным треском разлетались в разные стороны. Один из обломков звонко врезался Маку между глаз, но он даже бровью не повел. У всех птеродактилей надежный, непробиваемый панцирь.

Потолочные балки, не выдержав нагрузки, лопнули и вылезли наружу, ломая стены верхнего этажа, черепица со свистом разлеталась, осыпая нас градом осколков. Казалось, дом открыл по нам артиллерийский огонь. Из сарая доносился душераздирающий визг добраньских коровок. На восьмой ходке сложились стены верхнего этажа, изрыгнув напоследок целый фонтан щепок, камней и осколков цемента. Одна вырванная скоба дротиком просвистела в миллиметре у меня над головой и непременно превратила бы меня и четырех сидящих за спиной добраньских коровок в отбивную, если бы Мак вовремя не успел совершить элегантный маневр.

На девятой ходке строение было разрушено почти до самого основания, уцелели только часть нижнего этажа и погреб, куда и сбежали оставшиеся животные. Они жалобно поскуливали, выглядывая из низких подвальных окошек. С грохотом и треском пали стены нижнего этажа, подняв клубы красной кирпичной пыли, от которой стало почти ничего не видно. Мы в это время высаживали пассажиров предпоследнего рейса.

На последней ходке зад великана опустился уже так низко, что нам с Маком едва удалось проскользнуть в узкую щель между боллогом и землей. Судорожно похватав последних животных, мы развернулись и ринулись назад.

Лететь было уже невозможно, между боллогом и землей оставалось не больше метра. Нам пришлось, каждому с двумя коровками на спине, лечь и по-пластунски пробираться из опасной зоны наружу. От запаха, исходившего от боллога, у меня чуть было не помутился рассудок. Позади с треском рухнул пол

первого этажа. И тут я вдруг очутился в лабиринте из густых сальных волос. Длинная вонючая шерсть боллога свисала уже до самой земли. Она была повсюду. Я не знал, куда мне ползти.

— Сюда! Сюда! — послышался голос запыхавшегося Мака. — Мы уже на свободе.

Я пополз на его голос.

— Поднажми! Осталось совсем чуть-чуть!

Наконец впереди забрезжил слабый свет, сплошная шерстяная завеса расступилась. Мы спасены! Я видел Мака, высаживающего своих пассажиров на безопасном расстоянии от боллога, и собирался уже проделать то же самое со своими, как вдруг обнаружил, что на спине у меня из двух коровок осталась всего одна. Не раздумывая, я бросил ее Маку и помчался назад, в темный лес из густых волос.

Несчастное, до смерти перепуганное существо беспомощно барахталось, застряв в липких волосах гиганта. Оно приклеилось, словно муха к липучке. Сдернув коровку и крепко прижав ее к груди, я, чуть живой, пустился в обратный путь. За спиной зад боллога с шумом грузно опустился на землю, она содрогнулась, и во все стороны быстро расползлись длиннющие трещины.

Потом воцарилась гробовая тишина. Я робко открыл глаза и увидел Мака: он лежал на спине чуть дыша и обливаясь по́том, а спасенные коровки ползали по нему и, радостно визжа, покусывали за крылья.

Сидящий боллог не представляет собой опасности, во всяком случае на какое-то время. Гигант может просидеть, не вставая, на одном месте года два, не меньше. Пока Мак летал по округе, созывая других динозавров, чтобы те помогли нам разыскать для коровок новое жилье, я нянчился с потешными малышами. Мы расположились под сенью гигантской живой горы. Животные постепенно пришли в себя, сгрудились вокруг меня и, визжа и похрюкивая от удовольствия, требовали, чтобы я их чесал и гладил. Бедняжки совсем изголодались и теперь с жадностью ловили мое внимание.

Устроив коровок на новом месте и хорошенько отчитав их прежних хозяев, мы полетели дальше. Меня распирала гордость за успешно проведенную операцию. Мак, как обычно, не проронил ни слова, но, пока мы летели, всю дорогу довольно урчал, словно кошка на печке.

Остаток года пролетел в прямом смысле слова как на крыльях. Я уже настолько освоился с нашей с Маком кочевой жизнью, что, пожалуй, готов был остаться с ним навсегда. У меня и в мыслях не было что-то менять — во всяком случае, до тех пор, пока Мак однажды вечером не сообщил мне, что нам в скором времени придется расстаться.

— Думаю податься на север. В доме ветеранов на полуострове Черв скоро освободится местечко. Полный пансион. Неплохие соседи. Понимаешь? Вид из окна. Белые вершины Ледяных Торосов. А осенью там морские змеи устраивают свои брачные танцы. Незабываемое зрелище! — говорил он, потупившись.

Я не знал, что ответить.

— Понимаю, играть в шахматы в доме престарелых, на твой взгляд, не лучшая перспектива. Но что поделаешь? Сам знаешь, что у меня с глазами. Да и тебе, дружок, пора чему-нибудь поучиться, чтобы в конце концов выйти в люди.

Я ответил, что мне и так хорошо и не собираюсь я выходить ни в какие люди.

Мак пропустил мое замечание мимо ушей.

— Я знаю такое место, где действительно можно кое-чему научиться. Подумай только: учение тьмы, тайные науки, замонианская лирика, священный демонизм. Я определю тебя в Ночную школу профессора Филинчика.

— В школу?

— Это не совсем обычная школа. Ты ведь тоже не совсем обычный малыш и заслуживаешь самого лучшего образования. А такое дают только в одном месте — в Ночной школе Абдула Филинчика.

— Но это невозможно, — робко запротестовал я. — Ты же знаешь, у меня совершенно нет средств!

Мак смерил меня долгим взглядом своих огромных, в красных прожилках, глаз.

— Не беда, — наконец сказал он. — Профессор мой должник. Однажды я и ему спас жизнь. В последнюю секунду, разумеется.

Прощание. Прощание с Маком было коротким. Пять дней мы летели почти без остановок, пока не достигли замонианских Темных гор.

Чем выше образование ты собираешься получить, тем выше,

похоже, надо забраться. Мак высадил меня на вершине самой высокой горы у едва заметного входа в пещеру, мрачного и неприветливого. Над входом виднелась выбитая в камне буква «Н», а черная стрелка на стене пещеры указывала внутрь.

— Вход в Ночную школу, — объяснил Мак.

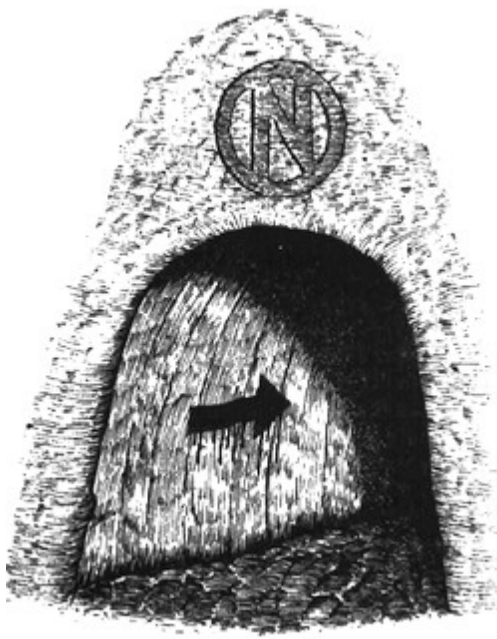
Я молча пожал ему лапу. Целый год он был для меня семьей, а его спина — родным домом.

— Гляди в оба! — с трудом выдавил он хриплым голосом. — И старайся не есть мясного.

Он крепко стиснул мне лапу и быстро взмыл в небо. Это был чудесный полет, не считая того, что прямо по курсу маячила огромная скала.

— Бери выше! — закричал я.

В последний момент, как и положено, Мак круто взял вверх и гордо проплыл над острой вершиной. Затем его силуэт растворился на фоне высоких Темных гор.



Мрачный, таинственный коридор черной дырой зиял передо мной в каменной стене. В очередной раз одна из жизней закончилась, осталась позади, а новая, неизвестная и темная, ждала впереди. Не лучше ли, пока не поздно, сбежать, вернуться к свободе и приключениям. А учеба, она подождет. Тем более что выглядит она пока не очень-то заманчиво.

В течение нескольких тяжких минут я сомневался, готовый развернуться и убежать. Затем взглянул вниз — там зияла

глубокая, черная пропасть. Скала отвесная, гладкая — ни тебе уступа, ни выемки. Глубоко вздохнув, я двинулся вперед по темному коридору.

6. Моя жизнь в Темных горах

— Учение, — выкрикивал профессор Филинчик в класс со своей кафедры, при этом выпучивая глаза так, что они становились размером с чайные блюдца, — учение — тьма!

Это было основное положение идеетской филофизики, предмета, изучаемого только в Ночной школе в Темных горах.

В Ночной школе. Профессор Филинчик говорил подобные вещи нередко, естественно, чтобы сбить нас, желторотиков, с толку. В этих мнимо бессмысленных высказываниях и заключалась основа методики его обучения: прежде чем ученики придут к выводу, что все это вздор и бессмыслица, им придется напрячь мозги и как следует ими пораскинуть. А это именно то, чего профессор желал больше всего: мы должны были научиться думать, и притом во всех возможных направлениях.

Правда, в этом конкретном высказывании содержалась немалая доля истины, поскольку профессор Филинчик был идеет. А идееты считаются самыми умными существами во всей Замонии, если даже не во всем мире, а возможно, и во всем универсуме. При нормальном освещении квоциент ума идеета равняется приблизительно 4000, но в темноте он достигает невообразимых высот. Вот почему идееты предпочитают по возможности держаться в тени и Ночная школа профессора расположилась не где-нибудь, а в самом темном пещерном лабиринте Темных гор. Все свободное время профессор трудился над созданием своей новой теории и ставил опыты по сгущению тьмы. С этой целью он даже оборудовал для себя специальную темную лабораторию, куда, кроме него самого, никому не разрешалось входить. Да никто из нас и не рвался туда попасть, поскольку звуки, которые нам случалось подслушать под дверью, вовсе не располагали к визитам.

У обычного идеета три мозга, у одаренного четыре, у тех, кого принято считать гениальными, пять. У профессора Филинчика их было семь. Один, как и положено, находился у него в голове, еще четыре росли, словно наросты, на черепе, шестой засел там, где у всех нормальных существ селезенка, а местонахождение последнего, седьмого, постоянно оставалось предметом жарких споров его учеников.

Внешне профессор казался очень слабым и хилым. Крохотные ручки вяло болтались по бокам тщедушного костлявого тельца, с трудом державшегося на двух шатких, похожих на тряпичные пожарные шланги ногах. Тонкая, страусиная шея на узких понурых плечах едва ли могла служить достойной опорой для тяжелой головы со всеми ее мозгами. Огромные, сверкающие глаза лезли из орбит, так что казалось, вот-вот вывалятся наружу, особенно когда профессор волновался.

Да, внешне Филинчик производил самое что ни на есть жалкое впечатление, и тем не менее оно было обманчиво. Просто профессор предпочитал решать проблемы силой своего ума. Однажды я видел собственными глазами, как он открыл банку сардин одним только сосредоточением мысли. После этого я навсегда прекратил во время уроков потихоньку бросать ему в спину бумажные шарики.

— Вы все здесь особенные! — ревел профессор Филинчик так громко, что мы испуганно вжимали головы в плечи. Он снова и снова напоминал нам, что все выпускники Ночной школы по-своему гениальны. И это была чистейшая правда — мы все действительно были по-своему неповторимы.

Всего нас в то время в школе было трое: Фреда, бергина, Кверт Цуиопю, желейный принц из 2364-го измерения, и я, Синий Медведь. Профессор Филинчик принимал в свою школу только тех учеников, о которых точно знал, что они единственные во всем мире. Одним словом, школа представляла собой настоящее закрытое элитарное учебное заведение. Но, пожалуй, прежде чем

перейти к подробному рассказу о ней, следует сначала остановиться на описании учеников и профессорского состава, поскольку они тоже являли собой достойные образцы чудес и феноменов Замонии.

Фреда

Бергина. Фреда была в школе единственным существом женского пола, да еще втюрилась в меня по уши с самого первого дня. Это то, что касается позитивных моментов. Относительно всего остального… Она была бергина. А бергины, как известно, самые кошмарные существа, которых только можно себе представить. И если уж говорить совсем откровенно, то они еще хуже, чем те кошмарные существа, которых можно себе представить.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

БЕРГИНА. Обитающая в южнозамонианских Жутких горах бергина обыкновенная, наряду с горным человеком и снежной бабой, относится к семейству так называемых безобидных троллей, которые, в отличие от пещерного тролля и лавинной ведьмы, никому не причиняют никакого вреда. Несмотря на безобидный нрав, бергина обречена на полное одиночество, что объясняется ее крайне жуткой, практически невыносимой наружностью. И это при том, что подлинное ее уродство скрыто от посторонних глаз. Добрая природа сжалилась над несчастным созданием, покрыв все его тело густой длинной шерстью, под которой очертания кошмарной фигуры едва различимы, что является несомненным благом, поскольку вида побритой бергины не сможет вынести определенно никто. Бергина обычно живет на самой высокой вершине Жутких гор, карабкаясь по ней на четырех цепких обезьяньих лапах, и ходят упорные слухи, что она может даже запрыгивать на облака. Этот факт, правда, до сих пор научно не доказан и относится

скорее к разряду домыслов и преувеличений.

В действительности бергина очень нежное и привязчивое существо, но чувства ее, к сожалению, не находят отклика в чужих сердцах, что, по-видимому, и привело к постепенному вымиранию вида. Бергина обычно подкарауливает в горах альпинистов, прыгает им на плечи с какого-нибудь дерева или скалы и разражается душераздирающим воем. Этим диким, неистовым воем она выражает им свою симпатию, что, вероятно, объясняет, почему многие альпинисты вдруг ни с того ни с сего бросают занятие альпинизмом и переучиваются на водолазов или шахтеров.

В свои четыреста лет Фреда была сущим ребенком. Она постоянно мешала учителю, издавая потешные звуки, и забрасывала меня записочками с нарисованными на них сердечками и признаниями в любви. На переменках она ставила мне подножки, потом запрыгивала на спину и буравила ухо карандашом до тех пор, пока я не давал торжественную клятву жениться на ней. Ничего поделать с этим я не мог, Фреда обладала силой десяти горилл, скоростью пумы и терпением дельфина. Никто в классе не мог бы с ней справиться, разве что профессор Филинчик.

Фреда не умела говорить, она могла только писать, но профессор Филинчик очень скоро выучил ее письму и подарил толстый блокнот с карандашом, которые она с тех пор постоянно носила с собой. Она общалась с нами посредством записочек, аккуратно выведенных красивым каллиграфическим почерком. Наши с ней разговоры выглядели приблизительно так.

Я: Привет, Фреда!

Фреда:
Привет, Синий Медведь!

Я: Хорошо выспалась?

Фреда:
Так себе. В моих волосах поселилась целая стая летучих мышей, они пищали мне в ухо всю ночь.

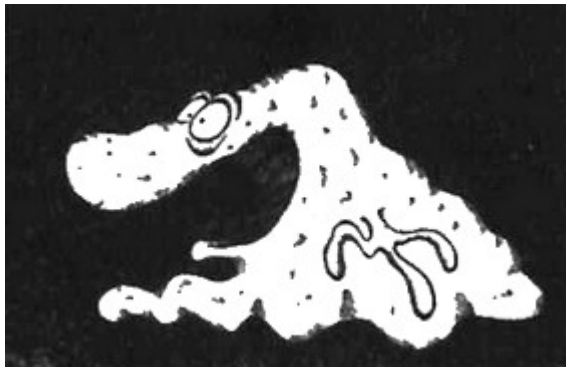
Я: Брр!

Как уже было сказано выше, я, к сожалению, не мог разделить Фрединых чувств, но она мне была небезразлична. Когда тебя любят, ты волей-неволей проникаешься ответной симпатией, даже если речь идет о какой-то бергине.

Кверт Цуиопю

Желейный принц. Желейный принц из 2364-го измерения, прозрачный, как фруктовый пудинг, был моим лучшим другом на протяжении всей учебы в школе. Мы все тогда представляли собой нечто особенное, но Кверт был самым особенным из всех нас. Он прибыл в школу из 2364-го измерения, мира, который можно себе представить, только если у тебя не меньше четырех мозгов.

А Кверт был там самым настоящим принцем и мог бы даже стать правителем всего 2364-го измерения, но, по несчастью, во время коронации случайно споткнулся о складку на красном ковре и бухнулся в черную пространственную дыру. Все 2364-е измерение усеяно этими дырами. Стоит провалиться в одну из них, и ты несешься сквозь весь универсум к какой-нибудь далекой галактике. А вернуться назад очень сложно. Для этого нужно сначала отыскать пространственную дыру — что само по себе уже непросто, — и эта дыра должна быть именно той единственной, которая тебе нужна, иначе опять попадешь невесть куда. Потом я еще расскажу об этом подробнее.



Так Кверт оказался среди нас, и всех поражало и трогало, с какой стойкостью он переносил свое горе. Он держался поистине молодцом, не показывал виду, что скорбит, и при каждой возможности беззаботно шутил. Принц всего себя посвятил заботам о ближних, и никто, кроме меня, его лучшего друга, не знал, что, оставшись наедине с собой, он проливает желейные слезы и горячо молит судьбу вернуть его обратно на родину.

Музыка из молока. Там все было устроено не так, как у нас. Кверт, например, привык питаться музыкой, но наша музыка, какой бы изысканной она ни была, казалась ему безвкусной и примитивной. Это все потому, что в 2364-м измерении музыку исполняют на инструментах из молока. Но профессор Филинчик и тут нашел способ, как кормить принца Цуиопю: он записал сверхчувствительным подводным микрофоном пение морских коньков, подмешал к нему раскаты далекого грома, прибавил завывание болотных эльфов, неуловимые простым ухом крики летучих мышей, стоны могильных червей и добавил еще парочку шумов собственного изобретения. Потом все это переписал задом наперед с удвоенной скоростью. Кверт утверждал, что музыка у него на родине звучит именно так. Мы все выходили из комнаты, когда он собирался обедать.

Профессор Абдул Филинчик

Помимо профессорской кафедры в Ночной школе, Филинчик снискал себе в тогдашней Замонии еще и непоколебимую славу ученого, изобретателя и исследователя мирового масштаба. Так, например, именно ему принадлежит изобретение муравьиного двигателя, машины, приводимой в движение усилиями замонианских светящихся муравьев. Насекомые вырабатывают

тепло, вместе с которым высвобождается энергия, достаточная для того, чтобы разогнать паровую машину чуть не до скорости звука. А топлива на это уходит всего одна чашка меда, оно заливается в двигатель сверху через специальную воронку.

Термоскафандр, акваботы и сельсильский душ. Профессор изобрел термоскафандр, комбинезон, сотканный из ртутного волокна с вкраплениями жаропрочного льда (еще одно изобретение Филинчика), в котором можно было не только нырнуть в раскаленную лаву вулкана, но и, сняв шлем, покрасоваться на какой-нибудь техновечеринке.

Во время одного из погружений в кратер действующего вулкана Кракатау Филинчик открыл новый вид огнедышащих вулканических рыб, которых он научился ловить и приручать, чтобы потом использовать в своем новом изобретении, уникальном способе создания искусственных гейзеров. Если выловить вулканическую рыбу из лавы и поместить ее в обыкновенную воду, то рыба моментально изменяет свою молекулярную структуру и сама превращается в сгусток раскаленной лавы. Этот плавающий огонек, как и все нормальные рыбы, использует для дыхания воду, с той лишь разницей, что жидкость почти мгновенно превращается в кипяток. Вулканических рыб вполне можно использовать для варки кофе, только после них остается легкий рыбный привкус, так что в кулинарии они лучше всего годятся для приготовления рыбных бульонов.

Изучая сложный механизм образования хлорофилла в наскальной плесени Темных гор, профессор открыл так называемую суперкалорию. Всего одной такой суперкалории достаточно, чтобы взрослое существо целую неделю не нуждалось в еде. Профессор даже пытался официально включить эту плесень в ежедневное меню школьной столовой, но, столкнувшись с яростным сопротивлением учеников, был вынужден отказаться от этой затеи.

Акваботы, с помощью которых можно ходить по загущенной под воздействием H_2O-лучей воде, до тех пор держались на первом месте в списке хитов сезона, пока не выяснилось, что загущенная ими вода ни при каких условиях не может быть разгущена. Когда почти все водоемы в Замонии превратились в непригодное для судоходства желе, акваботы были запрещены законом. Но Филинчик даже из этой ошибки сумел извлечь выгоду: приправив желе различными ароматизаторами и нарезав его небольшими кусочками, он стал продавать загущенную воду как изысканный замонианский деликатес под названием «Студень

Филинчика», который, правда, так и остался киснуть на складе, поскольку никто не хотел есть продукт, по которому ходили ногами.

Филинчику также принадлежало изобретение сельсильского душа — небольшой кабинки из деревянных реек с воронкой наверху. В этой воронке, как утверждал профессор, если закрыться в кабинке и усиленно думать о серьезных проблемах, будут собираться сельсилии. Сельсилиями, по его всемирно известной сельсильской теории, назывались зачатки идей, представлявшие собой не что иное, как невидимых глазу крохотных электромагнитных червячков, беспорядочно носящихся повсюду в воздухе. Исходя из того, что хорошие идеи приходят нам в голову именно тогда, когда мы ожидаем их меньше всего, Филинчик сделал вывод, что все зависит от концентрации сельсилий в окружающей нас атмосфере. Профессором было выдвинуто смелое предположение, будто сельсилии чаще всего собираются в темноте, вокруг пахнущих елью предметов. Поэтому если засесть в темном, пахнущем еловой смолой помещении и размышлять о чем-нибудь очень важном, то сельсилии будут собираться в воронке на потолке и оттуда струиться тебе на голову, словно из душа. Ни существование сельсилий, ни действенность сельсильского душа, правда, не были научно доказаны, но мы, ученики, с удовольствием забирались в душевую кабинку и тайком покуривали там самокрутки, набитые темногорским мхом.

Филинчик изобрел также златосос — прибор, похожий на пылесос, находящий золото даже в самой бедной породе, фильтрующий его и самостоятельно отливающий маленькие золотые монетки; он сконструировал также алмазный пресс, за одну секунду прессующий из куска угля алмазы (именно благодаря этим изобретениям профессор обрел полную финансовую независимость), кроме того, он имел патент на изобретение самоочищающейся туалетной бумаги, магнитной краски, летающей ковровой дорожки, обоев-хамелеонов, супермелкого эльфоскопа, с помощью которого мы с Квертом проводили лабораторные исследования, очков для циклопа и крохотного топорика, которым можно разрубить даже атом, главное только научиться удерживать его в руках. Скорее романтического, нежели практического, свойства, было изобретение под названием «Преобразователь гнева», преобразующее крики ярости в приятную музыку арф.

О самоубийственном фанатизме профессора в делах, касающихся научного прогресса, ходили легенды. Вряд ли скоро забудется случай с опробованием на себе вибрационного пояса.

Принцип действия этого пояса заключался в том, что он расшатывал атомы любого надевшего его существа до такого состояния, в котором тот беспрепятственно мог проходить сквозь стену или какой-либо другой твердый предмет. Надев такой пояс, можно было бы преспокойно войти во все закрытые двери, даже самые прочные и секретные, например в банках, не причиняя ни им, ни себе никакого вреда. Проведя серию удачных экспериментов с массивными каменными стенами и металлическими пластинами, Филинчик решился на конец с помощью вибрационного пояса преодолеть толщу самих Темных гор. Поначалу все шло хорошо, профессор, распавшись на атомы, спокойно достиг центра твердых, богатых железом гор. Но в этот самый момент пояс неожиданно вышел из строя — профессор застрял посреди самых темных и плотных молекул горной породы, не в состоянии двигаться дальше или вернуться назад. Что для других, вероятно, стало бы ужаснейшим из кошмаров, для Филинчика было высшим блаженством, ведь именно здесь он впервые познал абсолютную, полную тьму. Говорят даже, все последующие идеи для своих гениальных открытий пришли ему в голову именно в этой кромешной темноте. Как бы то ни было, этот случай действительно изменил его жизнь, с тех пор профессор посвятил себя исключительно изучению тьмы, что, естественно, стало возможным только благодаря незначительному горному землетрясению, от которого пояс вдруг снова заработал. Этот прибор вместе с другими неудачными изобретениями Филинчика хранился в одном из чуланов Ночной школы, дверь которого была оснащена гидравлическим замком, приводимым в движение сжатым кислородом (еще одно изобретение профессора), и имела табличку:

Хранилище недоработанных патентов

В этой комнате, среди прочих изобретений, находились также велосипед с квадратными колесами для преодоления лестниц, вихревой пылесос, так называемые трясиноходы и, конечно же, акваботы. О каждом из экспонатов Филинчик мог рассказывать часами. В истории с трясиноходами впервые было упомянуто имя Дэуса Экса Ма́хины. Оказывается, несколько лет тому назад Мак действительно вытащил профессора из трясины, в которую тот залез, чтобы испытать очередное изобретение. По принципу действия трясиноходы напоминали пояс-вибратор и, к сожалению, имели те же самые недостатки. Болотная жижа быстро забила свечи зажигания в примитивном моторе, и тот заглох, а профессор остался торчать посреди опасной топи. Не вытащи его тогда Мак из болота, не было бы сейчас никакой Ночной школы. Правда, тот, как всегда, сначала дождался последней секунды.

Школа. Не могу сказать, что учеба доставляла мне огромное удовольствие, но уроки профессора обладали удивительным свойством: стоило им только начаться, и окружающий мир будто вовсе переставал для меня существовать. Как только профессор врывался в класс своей неровной походкой (он постоянно опаздывал) и снимал пять своих магистерских шапочек, которые носил, может быть, из тщеславия, а может, чтобы не застудить торчавшие наружу мозги, он тут же принимался вещать.

Куда только девалась обычная его хилость и слабость! Он словно балерина порхал перед классом, выделывая такие пируэты, что им позавидовал бы даже самый искусный танцор, помогая себе жестами и мимикой, которые могли бы снискать мировую известность любому актеру. Он обладал непревзойденным талантом перевоплощения и умудрялся изображать все, о чем шла речь на уроке. На наших изумленных

глазах он с помощью одних только жестов и гримас мог превратиться в зебру или колокольчик, горный кристалл или микроб, в атом или теорему Пифагора. Ремесло учителя из области образования он перенес в сферу искусства. А в искусстве, как и в любой другой освоенной им дисциплине, он достиг совершенства, то есть был гениален.

У нас отсутствовали обычные, принятые в других школах уроки, не было и разделения школьного плана на предметы, вместо них — одна бесконечная лекция Филинчика, во время которой он, как могло показаться, совершенно случайно перескакивал с темы на тему, от использования ветряной энергии к разведению пуделей и выращиванию конопли, ловко вворачивая между делом то иностранное словцо, то формулу, то царапая на доске какую-нибудь диаграмму или чертеж. Когда он таким образом перепрыгивал с одного на другое, можно было наблюдать, как он переключает свои мозги, — для этого он вставлял в левое ухо указательный палец и делал движение, как будто поворачивал там невидимый винт. Слышался легкий щелчок, словно хрустел вставший на место сустав. Иногда он промахивался, и тогда раздавался отвратительный скрежет, похожий на лязг ржавых шестеренок. При этом меня каждый раз пробирал мороз по коже, а у Фреды ее и без того взъерошенные волосы вставали дыбом. Только Кверту этот звук был по душе, потому что напоминал популярную песенку из 2364-го измерения.

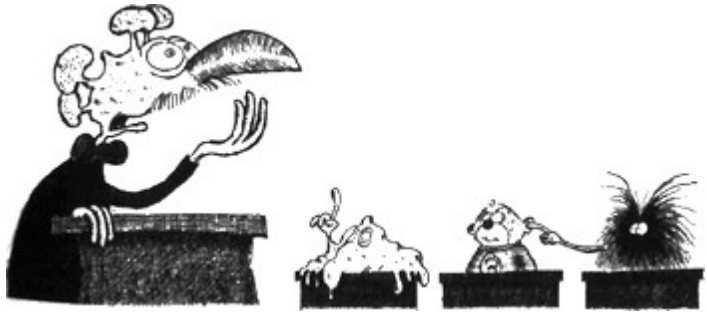
И тем не менее эти, казалось бы беспорядочные, прыжки по темам вовсе не были произвольными и хаотичными. Правда, к такому выводу я пришел значительно позже — это все равно что, читая толстенный роман со множеством отступлений и подробностей, под конец отдать должное стройной логике повествования или же годами наблюдать за созданием гигантской мозаичной картины. А в Ночной школе прошли именно годы, но пронеслись они так незаметно и принесли с собой столько событий, что мне даже некогда было их сосчитать.

История Замонии. Если с Маком я видел мир с высоты птичьего полета, то теперь познавал его изнутри. Я начал понимать взаимосвязь всего сущего в универсуме, от деления клеток семян подсолнуха до взрыва далекой звезды в туманности Андромеды. Я выучил историю возникновения и освоения Замонии, знал имена всех королей, царей, князей, шерифов,

президентов, халифов, пап, тиранов, извращенцев и обжор, когда-либо правивших континентом. Я изучал их детство и юность, пристрастия и привычки, прогрессивные и безумные идеи до тех пор, пока не стал понимать, что привело их к тому или иному стилю правления или же начисто лишило рассудка. Я узнал о существовании таких непохожих друг на друга монархов, как Полпах Петч Самоотверженный, который правил страной, сидя на утыканной гвоздями доске, и Кивдул Второй, который ради собственного удовольствия выстроил настоящий вулкан в натуральную величину, чтобы в гордом одиночестве наслаждаться в его кратере операми на стихи Хильдегунста Сказителя.

Мы услышали о появлении материка Замония, вышедшего из моря около миллиона лет тому назад, о его былых обитателях — динозаврах, драконах, боллогах и демонах, большинство из которых теперь уже вымерли, уступив место другим формам жизни со всего света. Филинчик рассказал нам и о войне циклопов, которая длилась ровно две тысячи лет, о восстании вольтерков, о строительстве Атлантиса и о многих других событиях, произошедших за это время на континенте.

Элементы. От истории Филинчик вдруг сделал резкий поворот в сторону физики. Все существующие на Земле элементы профессор изображал с помощью своих удивительных пантомим. Сначала он показал нам четыре основные стихии: огонь, воду, землю и воздух. Перевоплощаясь в огонь, профессор вытягивал вверх дрожащие, имитирующие языки пламени руки и издавал такое правдоподобное шипение, что мы и в самом деле ощущали тепло и как будто даже улавливали запах горящей смолы. Чтобы показать нам воду, Филинчик растянулся на полу, покатался туда-сюда, демонстрируя приливы и отливы, а потом вдруг вскинулся во весь рост и с высоко поднятыми руками, как гигантская волна, с ревом и рокотом бросился на нас, сидящих в полном оцепенении и готовых уже попрощаться с жизнью. Изображая землю, он сначала свернулся клубком (это был комок чернозема), потом, постепенно проникая сквозь толщу коры все глубже и глубже в недра, один за другим представил нам все виды пород и, наконец, эффектно вырвался наружу потоком раскаленной лавы. Как сейчас помню, бедная Фреда от страха чуть не свалилась со стула.



Став ветром, профессор опять-таки начал вполне безобидно со слабого дуновения легкого бриза. Он, пританцовывая, прошелся по классу, слегка взъерошил и без того растрепанные волосы Фреды и, помахав руками, нагнал нам в лицо приятный прохладный ветерок, который, однако, постепенно становясь все сильнее и сильнее, вскоре превратился в настоящий ураган и в конце концов обрушился на класс разъяренным торнадо, во время чего профессор, кружась, как взбесившийся смерч, носился по классу, сметая все на своем пути и разбрасывая в разные стороны бумаги и карандаши. При этом он ревел так, словно в класс ворвалось обезумевшее стадо диких быков. Мы прижались к партам, готовые при первой же возможности сползти под них.

Затем мы познакомились с химическими элементами: серой, железом, оловом, йодом, кобальтом, медью, цинком, мышьяком и другими, каждый из которых был наглядно продемонстрирован пантомимой Филинчика. Мышьяк, к примеру, он изображал, схватившись за горло, кашляя и задыхаясь, показывая, что случается с тем, кто отведает этого коварного вещества. Изображая ртуть, он так изогнул свои руки и ноги, что казалось, они вот-вот растекутся, словно масло на сковороде; перевоплотившись в серу, он издавал отвратительные, тошнотворные — одним словом, адские — булькающие и чавкающие звуки.

А еще профессор представил нам очень редкие элементы, которых теперь уже больше нет на свете. В те времена существовали элементы, умеющие, например, летать или думать, что сегодня кажется совершенно невероятным. В первую очередь это, конечно же, цемолам, ронк, перпем и унциум, с которыми связана масса самых неправдоподобных легенд. И по сей день находятся еще смельчаки, отправляющиеся на охоту за этими сказочными веществами.

Но самым редким и удивительным из всех элементов был замоним. Когда речь зашла о нем, я весь напрягся, привлеченный, видимо, необычным тоном профессора. Такого раньше с

Филинчиком не случалось — пока он объяснял этот материал, ему как будто было не по себе. Он явно нервничал и старался покончить с темой как можно скорее, сообщил только, что замоним является единственным замонианским веществом, умеющим думать, что его всегда имелось не очень много, а несколько лет назад он и вовсе исчез при самых загадочных обстоятельствах. И тут же засунул в ухо указательный палец, чтобы переключиться на новую тему.

Во время уроков Фреда забрасывала меня бумажками, исписанными стишками, которые всегда были посвящены одной из двух ее излюбленных тем — тоске по родине в Жутких горах или дикой страсти ко мне. До настоящей поэзии они, может, и не дотягивали, зато с рифмой все было в порядке.

Жуткие горы высокие,
Жуткие горы далекие.
Жуткие горы ужасные,
Невыразимо прекрасные.

Или:

Синий-синий мой любимый,
Синий, как синяя моря синь.
Синий, как сладкая голубика,
Синий, как ясная неба ширь.
Желтый цвет совсем некрасивый,
Зеленый тоже — спасибо, нет.
Красный цвет чересчур агрессивный,
Лучше синего в мире нет.

Динозавр. Особенно сильное впечатление производили на меня экскурсы в прошлое. Так назывались лекции профессора по истории возникновения жизни на нашей планете, в которых он рассказывал нам о появлении живых организмов (от одноклеточных до самых высокоразвитых форм).

Сначала он изобразил пустоту: пригнувшись и сгорбившись, заявил слабым, тоненьким голосом, что он еще не появился на свет, и в это было нетрудно поверить, настолько незаметным и несущественным казался он в тот момент. Скажи он тогда, что

пошел погулять, мы дружно бросились бы в коридор его искать. Потом он начал развиваться, сначала стал клеткой, крохотным дрожащим существом, которое, нервно подергиваясь, хаотично двигалось в теплой воде первозданного океана. Поднимая и опуская плечи, Филинчик изображал, как первобытная клетка плавала в доисторическом океане до тех пор, пока не превратилась в медузу. Он надулся, раскинул руки и, медленно вращаясь вокруг своей оси, словно затонувший раскрытый зонтик, элегантно заскользил по классу. Затем он превратился в первую в мире рыбу, с огромной челюстью и острыми, торчащими наружу зубами, шныряющую на глубине в поисках добычи. Филинчик нырнул за свой пульт, и некоторое время его действительно не было видно, но потом он вдруг выскочил оттуда с вытаращенными, дико вращающимися глазами, отчего у Кверта чуть не случился инфаркт.

Потом он надул щеки и стал жирной морской лягушкой, которая, громко квакая, вылезла на сушу и вскоре превратилась в шипящего, очень опасного аллигатора. Это превращение профессору самому так понравилось, что он дважды прополз на животе по всему классу, пытаясь попутно схватить кого-нибудь за ногу, а мы, громко визжа, взобрались на парты. Довольный своей шуткой, профессор перешел к превращению в динозавра.

Сначала Филинчик стал ленивым травоядным, огромным, но совершенно безобидным бронтозавром. Он неуклюже топтался в проходе между партами, вытягивая длинную шею в сторону стоявшей на пульте герани. Оборвав губами несколько зеленых листочков, он, ко всеобщему удовольствию, с наслаждением, не спеша начал их пережевывать, а потом проглотил. И наконец — этот момент мне не забыть никогда — он превратился в тираннозавра Рекса, самого страшного и кровожадного хищника нашей эпохи.

Он выпрямился, принял вертикальное положение, огляделся, оскалил острые зубы, затем медленно, с чувством провел по губам языком и почесал за ухом маленькой поджатой передней

лапкой. Потом вскинул голову, сощурил обычно огромные умные глаза ученого до крохотных злобных щелок и угрожающе потянул носом воздух.

Мы все вдруг ощутили себя кормом для динозавров.

Филинчик, или, вернее, тираннозавр Филинус, запрокинул голову и издал душераздирающий рев. Это был самый жуткий звук из тех, что мне когда-либо доводилось слышать, включая вопль острова-плотожора. Фреда подпрыгнула как ошпаренная, вскарабкалась мне на спину и замерла, дрожа всем телом и крепко обхватив меня за голову руками. Кверт Цуиопю принял вертикальную оборонительную стойку, насколько это возможно для желейного существа из 2364-го измерения. А я попрощался с жизнью.

Чудовище помотало головой, словно не могло решить, кого сожрать первым, потом грузной, но шаткой походкой рептилии двинулось прямо на нас. Могу поклясться: земля дрожала при каждом его шаге. Из его пасти текла отвратительная слюна, и я был уверен, что профессор Филинчик лишился рассудка во всех своих семи мозгах одновременно и на этот раз уже точно доиграет свою роль до кровавой развязки. В панике мы все забились под мою парту и, крепко обнявшись, ожидали конца. Тираннозавр Филинус нагнулся к нам, демонстрируя исходящую пеной пасть. На наших глазах слюна капала на пол. Но тут он вдруг замер, настороженно вскинул голову, будто услышал какой-то далекий шум. Издав странный звук, он схватил со стола листок бумаги, скомкал его, подбросил и поймал на голову. Смертельно раненным зверем Филинус пошатнулся, сделал шаг вперед и, издав напоследок еще один душераздирающий вопль, замертво рухнул в нескольких миллиметрах от наших ног. Это он показал, как вымерли динозавры в результате падения метеоритов.

— После полного исчезновения динозавров на планете остался всего один-единственный заслуживающий внимания вид, — объявил профессор Филинчик в конце лекции. Он развел руками и склонил голову. — Прошу любить и жаловать: идеет — вершина мироздания.

У нас не было классных работ, домашних заданий, оценок и устных экзаменов. Филинчик никогда не задавал нам вопросов, никогда не проверял уровень наших знаний и никогда не взывал к нашему вниманию. Он просто говорил, а мы слушали.

Задавать вопросы во время лекций было не принято. Только

сам Филинчик мог решать, когда и о чем говорить, какой материал подавать в данный момент и когда пора менять тему. Лекции профессора походили на испорченный радиоприемник, который самостоятельно переключается с волны на волну. От молекулярной биологии он вдруг переходил к геологоразведке, от геологоразведки — к египетской архитектуре, от которой делал поворот к учению о возникновении ядовитых газов на других планетах и снова к инсектологии, с упором на изображения замонианской трехкрылой пчелы в атлантисской восковой живописи четырнадцатого столетия. Так, например, мы могли познакомиться с самыми значительными шедеврами известковой флоринтской скульптуры, кариатическими сакральными постройками в Граальском заливе, узнать о целебных свойствах перуанского корня ротана, о брачных играх мидгардских червей, о самых ярких представителях замонианской спелеологии (одним из которых был сам Филинчик) и о двухстах пятидесяти тезисах декларации о независимости Бухтянска — и все это за одно утро.

Свободное время. Между лекциями мы слонялись по мрачным коридорам внутри горы или же просто валяли дурака в своих темных, лишенных окон каморках. Время от времени мы предпринимали отчаянные вылазки на террасу перед входом в Ночную школу, где когда-то меня высадил Мак. Но экскурсии эти длились недолго: из-за большой высоты там даже теплым солнечным днем царил ледяной холод и дул сильный ветер, к тому же мы так жадно вдыхали свежий воздух, что вскоре у нас начинали появляться галлюцинации. Удовлетворив потребность в кислороде, мы снова брели назад темными, затхлыми коридорами. Никакими физическими упражнениями мы не занимались вовсе, в Ночной школе это не считалось необходимым. Филинчик был уверен, что занятия спортом убивают важные клетки мозга. «Каждый накачанный мускул — преступление против совести», — неустанно повторял он.

У нас не было никаких развлечений, ни игр, ни книг — словом, ничего, что могло бы отвлечь от материала, которым насыщал наши головы профессор Филинчик. Закончив урок, он исчезал в своей лаборатории, где проводил опыты по сгущению тьмы, а мы бродили по классу, ели сардины или просто дремали за партами, пока он не возвращался и пе начинал новый урок. Кроме лекций Филинчика, в Темных горах не было ровным счетом ничего интересного, что, вероятно, и стало главной причиной, по которой профессор устроил свою школу именно здесь.

2364-е измерение. Иногда по вечерам мне удавалось уговорить Кверта рассказать о 2364-м измерении. Он всегда долго отнекивался — вспоминать о родине ему было нелегко, — но уж если начинал, то его было не остановить.

По определенным причинам в этом измерении очень много ковров, можно даже сказать, оно все сплошь застлано ими, ведь там, где нет ковров, зияет черная пространственная дыра. Поэтому ковры в 2364-м измерении символизируют стабильность и безопасность. Стоит оступиться, и ты летишь в пустоту. Понятно, что профессия ткача там самая уважаемая.

В настоящее время обучение ткацкому делу в 2364-м измерении (из-за отсутствия официального названия приходится именовать родину Кверта именно так) стало всеобщей обязанностью. Все остальные занятия считаются пустым времяпрепровождением. Разнообразие рисунков, сочетаний цветов, форм, размеров и материалов, из которых изготавливаются ковры, не поддается описанию: как бы Кверт ни старался создать в моем воображении подлинную картину, его красноречие все же оказывалось бессильным.

При этом никому не приходит голову использовать обычный ковролин. Это у них считается дурным тоном. И хотя существуют ковры огромных, небывалых размеров, они все равно никогда не достают от стенки до стенки, потому что в 2364-м измерении стен вовсе нет. Кверт поведал мне о дорожках из чистого золота, бережно вытканных руками искуснейших мастеров, и из шелковых нитей, многократно переплетенных из соображений надежности и безопасности. Жители 2364-го измерения довели искусство ткачества и прядения до невероятных высот, собственно говоря, они без труда превращают в ковровую нить любой из известных материалов. Кверт заверил меня, что у него на родине существуют ковры из стекла, дерева, жести, мрамора и даже из чая.

Чего только не ткут на коврах на родине Кверта: стихи, романы, целые эпосы — все это выходит в свет в виде ковров; для взрослых выпускаются тканые газеты, а для детей — длинные цветные дорожки со множеством картинок и почти полным отсутствием текста, о которых Кверт вспоминал с особой нежностью. Тончайшие мини-ковры используются в качестве денег, а транспортными средствами служат небольшие летающие экземпляры или же более крупные пассажирские ковробусы, для

которых по всему 2364-му измерению устроены остановки.

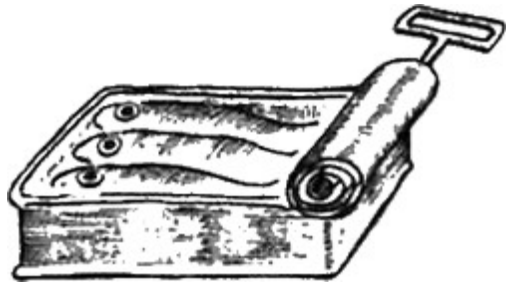
В свободное время жители 2364-го измерения ходят в ковровые музеи. Там весь пол застлан первобытными коврами из допотопных материалов, с примитивными рисунками, покрытыми таинственными рунами на древнем магическом языке, а также представлены античные экспонаты, вытертые от вечного топтания по ним настолько, что через них можно свободно смотреть вниз, в пустоту. Современные художники находятся в постоянном поиске нового цвета и форм, поэтому существуют ковры не только квадратные и прямоугольные, но и круглые, треугольные, в форме звезды и с волнистым краем, а также невероятно большие, и еще с таким длинным ворсом, что сквозь него приходится пробираться, как по полю колосящейся ржи.

Каждый житель 2364-го измерения до конца дней работает над своим ковром жизни — это нечто вроде дневника, развлечения на старости лет и похоронного ритуала одновременно. На протяжении всей жизни каждый запечатлевает на своем ковре даты и события, переживания и мысли, которые кажутся ему наиболее значительными. Потом, когда они умирают, их заворачивают в эти самые ковры жизни и бросают в черную пространственную дыру, что мне лично, учитывая тот страх, который жители 2364-го измерения испытывают перед пространственными дырами при жизни, кажется просто кощунственным.

Кверт ужасно расстраивался, что не может больше работать над своим ковром жизни.

Сардины в масле. Питание учеников в Ночной школе происходило следующим образом. Сам профессор Филинчик вообще ничего не ел, во всяком случае, так нам казалось. Ходили слухи, что он питается исключительно тьмой. Для всех остальных, не считая Кверта, имелись сардины в масле. Поскольку профессор был равнодушен к еде, то и учеников не баловал разносолами. «Мне все равно, чем вас кормить, лишь бы это было одно и то же», — говаривал он. Идеальным продуктом, с его точки зрения, был тот, что обладал наибольшим сроком хранения, был достаточно прост в приготовлении, питателен и занимал не очень много места в кладовке. Всем этим требованиям как нельзя лучше отвечали рыбные консервы. Нам пришлось проявлять немалую изобретательность и пускаться на всевозможные хитрости, чтобы разнообразить свой стол,

придумывая новые оригинальные блюда из сардин в масле. А пили мы только родниковую воду, которой в Темных горах было предостаточно.



Как я уже говорил, в школе не было ни домашних заданий, ни экзаменов — словом, ничего, чтобы заставить нас слушать или уж тем более запоминать услышанное. Но все же я постепенно стал замечать, что умнею, и было видно, что с остальными происходит то же самое.

Теперь после занятий мы уже не слонялись без дела по классу, а обсуждали вопросы, только вскользь затронутые профессором на уроке, изо всех сил стараясь самостоятельно докопаться до сути. Дискуссии эти с каждым днем словно по лесенке поднимались на все более высокий уровень; сначала мы пытались решить примитивные математические задачки или спорили о правилах правописания, потом самостоятельно составляли алгоритмы и расшифровывали древнезамонианские иероглифические письмена. А спустя несколько месяцев мы уже грызли гранит трудов Ману Кантимеля, основателя учения граландской демонологии, и не только смогли полностью опровергнуть его главные тезисы, но и доказали, что он откровенно списал их с яхольских манускриптов одиннадцатого столетия. Когда Фреда не сидела у меня на спине и не буравила мою голову всевозможными письменными принадлежностями (теперь ее больше всего интересовали мои ноздри), мы собирались в столовой и спорили о дальнезамонианской ксеноплексии, то есть изменении молекулярного строения крыльев эльфов под воздействием электромагнитного излучения.

Философский диспут. Дискуссии между Фредой, Квертом и мной выглядели примерно так.

Я: Я сейчас изучаю основы южнозамонианского хаммитизма.

Кверт: А, того философского учения, которое утверждает, что добраться до сути явления можно, только отбросив излишние сантименты и называя вещи своими именами?

Я: Именно.

Кверт: Любопытная теория, нечего сказать. Если следовать ей, получается, что для любого познания необходима изрядная доля цинизма, да еще солдафонская прямолинейность в придачу.

Фреда:

Подумаешь, нашел чем заниматься. Да будет тебе известно, эту теорию придумали первобытные варвары. Разве не знаете: основоположник этого вашего хаммитизма жил на болоте и ото всех оппонентов отбивался дубиной. Предлагаю заняться чем-нибудь действительно стоящим. Как насчет астрономии? Я, например, недавно пришла к выводу, что Вселенная не расширяется и не сужается — она пульсирует.

Кверт: Скажите пожалуйста! Эта теория уже давным-давно описана как пространственная модель с коэффициентом кривизны $K = +1$, у которой фазы расширения и сужения чередуются между собой.

Я: А вот и нет. Я не согласен!

И так далее в том же духе.

Солидное образование. Со временем я стал невероятно начитанным, хотя во всей академии не было ни единой книги. Стоило только профессору вскользь упомянуть на лекции эпическое произведение Хильдегунста Сказителя под названием «Венец циклопа», и спустя несколько часов я уже цитировал его наизусть от начала и до конца, знал имена всех древнезамонианских богов и, кроме того, без труда самостоятельно сочинял вполне приличные гекзаметры. А если Филинчик читал на лекции отрывок из четырехтомного (каждый том по тысяче страниц) романа Йохана Цафриттера «Черный кит», повествующего об охоте на тираннокита Рекса, я вскоре не только помнил чуть не наизусть содержание всей книги, но и знал, как затаскивают тушу кита из моря на судно, а потом переправляют на швартовый кнехт и как называется кит на латинском, греческом, исландском, полинезийском и яхольском языках, а именно: *cetus,* κητοζ*, hvalur, piki-nui-nui u trôm.*

Боюсь показаться нескромным, но я действительно превратился в ходячую энциклопедию. Я овладел всеми живыми и мертвыми языками, известными к тому времени, да еще всеми замонианскими диалектами, которых, между прочим, более двадцати тысяч.

Я стал знатоком и ценителем замонианского сонета периода барокко, экспертом в области квельтальской воздушной живописи, дульсгардского минезанга и спектрального анализа

небесных тел. Я мог рассчитать расширение галактики по пульсации клеток темногорской плесени, аккуратно, пинцетом, вставить на место выскочившую слуховую косточку, определить по останкам древних насекомых их группу крови, сосчитать с закрытыми глазами число вредных бактерий в стакане воды по отклонению массы. Регистр Бленхаймской библиотеки, в которой хранятся все основные труды по замонианскому демонизму, насчитывает, пожалуй, меньшее количество книг, чем было собрано к тому времени у меня в голове. Я не любил математику, но квадратура круга, кубатура эллипса и спрямление всех возможных кривых были для меня детской забавой.

Мои познания между тем не ограничивались литературой, естествознанием, философией и искусством, в Ночной школе я изучил также ремесла, полезные в обычной, повседневной жизни. Так, например, при необходимости я смог бы починить башенные часы, наладить работу турбины, рассчитать статическую прочность плотины, произвести трепанацию черепа и собрать часовой механизм взрывного устройства, отлить колокол и прочистить засорившийся унитаз, настроить виолончель и пунктировать печень. Я мог создать чертеж кафедрального собора и дирижировать симфоническим оркестром, одновременно рассчитывая траекторию полета ядра при встречном ветре. Из куска грубой, необработанной кожи я за считаные секунды шил элегантные женские туфли, а если под рукой имелось достаточное количество тростника, легко и просто выстилал им надежную, ровную крышу. Я знал, как шлифуются линзы и варится качественное пшеничное пиво. Мне были знакомы названия всех небесных светил и всех микроорганизмов океана.

Не знал я, пожалуй, только одного — откуда все это берется в моей голове.

Прощание с Фредой. Потом настал день расставания с Фредой. Ее обучение подошло к концу, и перед ней распахнулись двери большого мира. Мне, казалось бы, следовало ликовать, избавившись наконец-то от надоедливого тирана, но на деле все вышло иначе. Что ни говори, а Фреда была моей первой любовью. Пусть даже она и не блистала красотой и чувства наши носили явно односторонний характер, но я к ней привязался. Кроме того, она была единственным существом, кому удавалось во время диспутов направить полет нашей коллективной мысли в разумное русло. Я не понимал, почему Филинчик так жестоко обошелся с ней, выставив бедняжку за дверь (по-другому не назовешь!). К счастью, бергины от природы лишены способности плакать, иначе истерики было бы не избежать.

Прощальная церемония прошла очень сдержанно. Не было ни выпускного бала, ни вручения аттестата зрелости или какой-либо другой бумажки, Фреда просто попрощалась с каждым из нас (мне достались страстные объятия и влажный, слюнявый поцелуй) и зашагала вслед за профессором к одному из боковых коридоров. Помедлив с минуту, она побрела по темной штольне, то и дело оборачиваясь, чтобы грустно помахать мне рукой. Это был официальный выход из Ночной школы, ведущий, по слухам, в запутанный лабиринт, расположенный в самом сердце Темных гор.

Вернувшись в класс, мы обнаружили, что место Фреды уже занято новым учеником. Это был единорог по имени Миролюб.

Миролюб. Бóльшую противоположность Фреде трудно было себе вообразить. Миролюб отличался уравновешенным нравом, на занятиях сидел тихо как мышка, говорил спокойным, ровным голосом и был страшным занудой. В свободное время он еще сочинял стишки о единорогах, одиноких и очень печальных, которые все как один звались у него Миролюбами.

Перемены. Не знаю, что именно, но что-то переменилось в лекциях профессора, мне стало трудно их воспринимать. Темы, казалось, не стали сложнее, да и Филинчик, как всегда, был на высоте, и все же я перестал усваивать материал. Урок заканчивался, и я уже не помнил, о чем шла речь.

Все чаще и чаще я с ужасом замечал во время урока, что не слушаю, а думаю о своем. Иногда я еще ловил на себе пристальный взгляд профессора и готов был провалиться сквозь

землю от чувства жгучего стыда. Я будто с каждым уроком становился глупее, хотя в свободное время легко решал в уме дифференциальные уравнения.

Грот и Цилле. Скоро в Ночной школе появились еще два новых ученика, два хмурых и неприветливых типа по имени Грот и Цилле.

Грот был последним представителем редкого вида свиноварваров, что говорило уже само за себя. Фигурой он походил на откормленную гориллу, а манерами доводил окружающих чуть не до слез. Разговаривая, он постоянно тыкал собеседника кулаком в грудь или наступал ему на ноги своей тяжелой мозолистой лапой. У Грота были короткие жирные волосы, неприятный запах изо рта и уже вполне заметная бородка, хотя ему едва исполнилось восемь. При этом он страшно ругался, поминая в своих выражениях всех известных богов, гоблинов, великанов и других мистических существ, например: «Донар вас всех побери!» или «Ядрёна Горгона!». Вечерами, когда все ложились спать, он бессовестно портил воздух, чем страшно гордился и изводил всех остальных. «Внимание, внимание, — оповещал он о приближающемся выходе слезоточивых газов, — залп!» Мы накрывались с головой одеялами и, затаив дыхание, ждали, пока развеется ядовитый туман. Увещевать и взывать к порядку было бесполезно, ведь, с тех пор как ушла Фреда, во всей Ночной школе не было равных Гроту по силе.

Цилле был клопидом, последним из семейства низкорослых циклопов. Клопиды — это выродившаяся ветвь на генеалогическом древе циклопов, поэтому они не отличаются ни особой силой, ни гигантским ростом, которые присущи остальным их сородичам, зато все они очень противные, вредные, мелочные, злопамятные, трусливые, ленивые, жадные, лживые и несговорчивые. К тому же Цилле, как и большинство циклопов, был близорук и имел раздражающую привычку назойливо

пялиться на собеседника своим единственным глазом, поэтому с ним никто не хотел разговаривать.

Удивительно, как в таком маленьком существе вмещалось столько пороков. Последнее слово всегда непременно должно было оставаться за ним, даже когда ему совершенно нечего было сказать, ведь умом Цилле не сильно отличался от Грота. Этот коротышка циклоп специально провоцировал всех на споры, чтобы потом спрятаться за спину сильного и подзуживать его на выяснение отношений с помощью кулаков. Одним словом, Грот и Цилле нашли друг друга, как хороший кулак дурной глаз.

Прощание с другом. Когда пришло время расставания с Квертом, почва окончательно ушла у меня из-под ног. С этого момента я чувствовал себя чужим среди чужаков.

— Прощай, — сказал Кверт напоследок тихим голосом. — Не думаю, что увидимся снова. Я собираюсь прыгнуть в первую же пространственную дыру, которая попадется мне на пути. Шансы встретиться снова — один к четыремстам шестидесяти миллиардам!

— Один к четыремстам шестидесяти трем миллиардам, — поправил я его спустя некоторое время, выполнив в уме необходимые математические вычисления. И правда, почти никаких: вероятность пятнадцать тысяч раз подряд угадать в лото шесть правильных номеров и то выше.

Мы молча пожали друг другу руки, и Кверт вслед за Филинчиком двинулся к выходу.

Теперь пребывание в Ночной школе превратилось для меня в сплошную муку. Занятия больше не доставляли никакой радости,

я скучал, мне было все равно, что профессор рассказывает о структуре снежного кристалла, о выращивании араукарий или о правильном положении кисти при написании натифтофских иероглифов, его знания отскакивали от меня почище гороха от стенки. В конце концов дошло до того, что я вообще перестал понимать его лекции, порой мне даже казалось, будто он читает их на каком-то неизвестном мне языке.

Еще один философский диспут. Еще невыносимее было свободное время в компании одноклассников. Их знания пока еще находились на самом низком уровне. Они только еще начинали производить в уме простейшие арифметические вычисления и спорили о правилах употребления прописных букв после знаков препинания, в то время как я размышлял над сложнейшими проблемами из области астрофизики. Как-то вечером между мной и Гротом завязался спор о построении универсума. Примитивность его рассуждений чуть не вывела меня из себя.

— Мир — это булочка, которая плавает в ведре с водой, — уверенно заявил он.

— И на чем же стоит это ведро? — ехидно поинтересовался я.

— Известно на чем, на спине гигантской тетки, которая моет универсум, — ничуть не смутился он.

— А на чем стоит универсум, который моет эта тетка?

— Универсум не стоит, он лежит, потому что он плоский, как кусок колбасы, — вмешался Цилле.

— Хорошо, скажи тогда, на чем лежит эта колбаса? — презрительно фыркнул я.

— Естественно, на булочке, — ответил Грот.

Что тут скажешь: варвар, он и есть варвар.

Чтобы как-то отвлечься от выходок Грота, нытья Миролюба и хвастовства Цилле, я взял за обыкновение размышлять перед сном над проблемами, которые не успел в свое время обсудить с моими друзьями. Как-то раз ночью мне не давала покоя одна из таких проблем, а именно: я больше Цилле, значит, я большой, но, с другой стороны, я меньше Грота, тогда получается, что я маленький, — как одно и то же существо может быть большим и маленьким одновременно? Обдумывая это, я слонялся по пустым коридорам Ночной школы и, случайно забредя в тупичок, где хранились запасы сардин, подошел к двери лаборатории Филинчика.

Лаборатория. Дикий треск достиг моего слуха даже сквозь толстую дверь лаборатории. Профессор, как всегда, когда он ломал голову над какой-то серьезной задачей, издавал звуки, похожие на треск раскалываемой скорлупы грецкого ореха. Эти звуки производили его мозги, что меня восхищало и наполняло благоговейным ужасом одновременно. Я уже собирался было тихонько, на цыпочках прокрасться мимо, как четкое и громкое «заходи!» заставило меня застыть на месте с поднятой ногой.

Никому прежде не позволялось проникать в таинственные владения Филинчика. Я замер в нерешительности — а вдруг мне только послышалось, — но тут из-за дверей снова раздался голос профессора:

— Если у тебя нет с собой фонаря, можешь зайти!

Открыв дверь лаборатории, я почувствовал, как тьма хлынула мне навстречу и захлестнула меня мощной тяжелой волной.

— Входи, входи, — подбодрил Филинчик, — только не забудь закрыть дверь.

Я послушно проскользнул внутрь.

Мгла, окутавшая меня со всех сторон черной ватой, была настолько плотной и непроглядной, что мне стало не по себе. Она буквально облепила меня, так что я почувствовал ее всем своим телом, как тогда на острове у химериад, когда я впервые узнал, что такое ночь. Но черноту в лаборатории Филинчика можно было не только чувствовать, но и слышать. Она обхватила меня жадными холодными лапами и гудела в ухо монотонным, отупляющим гулом, от которого все шерстинки у меня на шкуре словно по команде встали дыбом.

Я пробыл в лаборатории считаные секунды, но уже чувствовал себя так, словно был слепым с детства и никогда в жизни не видел белого света. Я машинально начал шарить в темноте в поисках двери, однако потерял всякую ориентацию и не знал теперь, где зад, где перед, да и где верх и низ тоже. Мне казалось, будто я лечу в беззвездном космическом пространстве, невесомый и безнадежно одинокий.

— Стоять! — рявкнул профессор. — Сейчас привыкнешь.

Я не видел его и с удовольствием бросился бы наутек, но сдержался, чтобы не показаться невежливым.

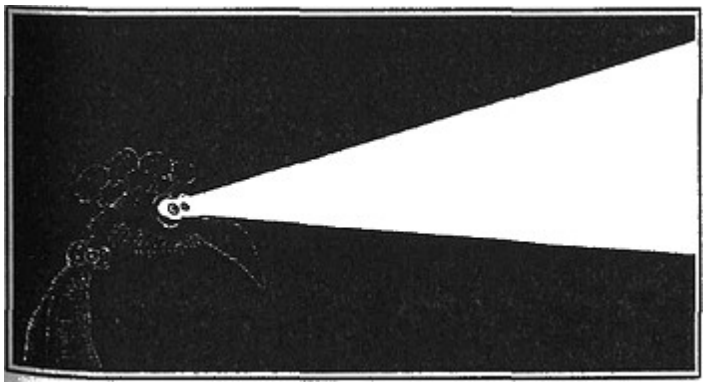
— Да, — протянул я, — темновато тут у вас.

— Еще бы, — усмехнулся профессор. — Четыреста фили́нов.

«Фили́н» — это, как мне уже было известно из лекций профессора, изобретенная Филинчиком единица измерения темноты. (Скромностью профессор никогда не страдал.) Один фили́н соответствует тьме, царящей беззвездной ночью при полном лунном затмении, что равняется примерно темноте в

плотно закрытом холодильнике, после того как там погаснет свет. Четыреста фили́нов, таким образом, — это тьма в четырехстах холодильниках одновременно. И холод в лаборатории стоял точно такой же.

— Филинотрон работает еще не на полную мощность. Мне даже пришлось завязать глаза, чтобы не мешал лишний свет, — заявил профессор.



Затем он снял повязку. Я заметил это, потому что его глаза вдруг вспыхнули в темноте, как два фонаря. Глаза идеетов вообще светятся, даже когда светло, но в темноте это производит ошеломляюще сильное впечатление. Возможно, свет вырабатывается за счет работы расположенных поблизости друг от друга мозгов. Точно не знаю.

Два луча испытующе уставились на меня. Я виновато потупился.

— Ну и что ты тут делаешь, один среди ночи? — Лучи скользнули снизу вверх и озарили мое лицо.

— А я, э-э-э… не мог заснуть. Все думал над одной задачкой. А она… хм… никак не решается.

— Чушь! — резко оборвал меня профессор. — Ты не можешь заснуть, потому что Грот, это ископаемое животное, бессовестно портит воздух! Ты не можешь заснуть, потому что тебе надоела детская болтовня твоих одноклассников! Ты не можешь заснуть, потому что тоскуешь по спорам с Квертом и Фредой!

Профессор знал все! Филинчик покачал головой, и лучи из его глаз заскользили по комнате, как прожектора маяков.

— Ты просто засиделся в школе. Пришло время проводить и тебя. Подожди, только выключу филинотрон.

Филинотрон. Послышалась целая серия необычных, постепенно затухающих звуков, потом стало немного светлее. Естественно, и теперь в лаборатории была непроглядная тьма, но

по сравнению с тьмой, царившей здесь вначале, можно было сказать, что стало почти светло. Я даже смог различить причудливые очертания аппарата, рядом с которым возился Филинчик.

Это было что-то вроде миниатюрной фабрики или скорее странной комбинации множества крохотных фабрик с сотнями маленьких труб, котлов, цилиндров, поршней, проводов, шестеренок, насосов и всевозможных агрегатов. Тут и там раздувались мехи, колбы булькали, из малюсеньких топок вырывались языки пламени, а из труб валил черный пар. (Надо заметить, что в природе черного пара не существует, но я не оговорился, из труб филинотрона Филинчика действительно вырывались клубы обычного водяного пара, только был он не белый, а черный как ночь.)

Мне даже показалось, что среди всего этого нагромождения я вижу маленькие металлические лесенки, по которым снуют крохотные рабочие с малюсенькими гаечными ключами в руках, но это скорее всего была уже просто игра воображения. Механический гул и грохот становился все тише и медленнее, но не прекратился совсем.

— А что такое филинотрон? — собравшись наконец с духом, спросил я.

— Филинотрон, — встрепенулся профессор, как будто только и ждал этого вопроса, — это такой аппарат для сгущения тьмы, который я сам лично изобрел! С помощью этого удивительного агрегата, производящего так называемые фили́новы лучи, можно выреза́ть из ночного неба самые темные, лишенные света звезд куски, переносить их сюда, в эту комнату, да еще утрамбовывать, добиваясь наибольшей плотности. Аппарат собирает и прессует самую темную тьму, после чего ее можно наливать из крана, как воду. Я могу изменять концентрацию тьмы по собственному желанию. Одним словом, перед тобой самое уникальное изобретение за всю историю изучения тьмы, или филинистики, как принято называть эту дисциплину в научных кругах!

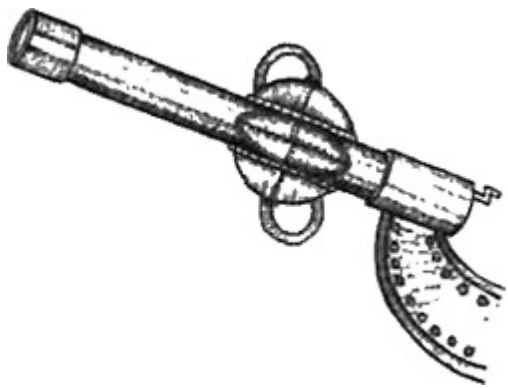
Единственным экспертом в этой области, насколько я знал, был сам профессор Филинчик. Тут я заметил большую телескопическую трубу, идущую от филинотрона к потолку, но в отличие от обычных подзорных труб посередине у нее имелось сферическое утолщение. Проследив взглядом за стволом трубы, я обнаружил в потолке отверстие, закрытое подобно диафрагме фотоаппарата. По всей видимости, за ним находился туннель, сквозь который профессор наблюдал за ночным небом.

— Так, значит, тьма в лаборатории — это тьма межзвездного пространства? — вежливо поинтересовался я, чтобы поддержать

разговор.

— Именно так, мой мальчик, именно так! Это единственное место, где можно черпать настоящую, достойную тьму. Космическая мгла! Знаешь ли ты, что универсум на девяносто процентов состоит из темных материй? Правда, до сих пор никому еще не удалось их обнаружить, о существовании этих материй только догадывались по отклонениям силы гравитации между космическими телами. А вот я с помощью моего филиноскопа сумел их найти!

Филиноскоп. С этими словами он не без гордости указал на подзорную трубу.



— Глядя на звезды, мы наблюдаем их в прошлом. Свет звезд, который мы видим на небосводе, старше нас на миллионы и миллиарды лет. Но почему-то принято говорить только о звездах, в то время как тьма в космосе такая же древняя, если еще не древнее, — и ее гораздо больше! Космическая мгла, она как вино: чем старее, тем лучше. Вот, например, тьме, которая собрана в этой комнате, почти пять миллиардов лет. Отличная выдержка, правда?

Он повел носом и зачмокал губами, словно и вправду отведал изысканного вина.

— Ну, не буду забивать тебе голову излишними подробностями, тем более что они хранятся в строжайшем секрете, скажу только, что мне удалось создать сложнейшую систему из призм, линз и зеркал, с помощью которой можно преломлять и изгибать фили́новы лучи так, что они проходят сквозь спираль.

Он смолк с самодовольным видом, сцепив руки на животе и перебирая большими пальцами, как адвокат, который только что выложил перед присяжным неопровержимое доказательство невиновности своего подзащитного.

Спиралью — в Ночной школе Филинчика это было известно каждому первоклашке — профессор называл нечто вроде пространственно-временно́го сокращения универсума, или же, попросту говоря, потайного туннеля, посредством которого можно почти мгновенно перемещаться из одной точки космического пространства в другую. Таким образом, если я правильно понял, Филинчик утверждал, что изобрел способ посылать свои лучи путешествовать во времени.

— И не только!

Он указал рукой на одну из деталей филинотрона, похожую на механического ежа.

— Фили́новы лучи могут также вырезать из космического пространства большие куски тьмы и собирать ее с помощью вот этого ретромагнетического пылесоса — изобретения, зарегистрированного под названием «Филинчик-3000»! Тьма, миллионы лет существовавшая в вакууме в самых далеких точках космического пространства, теперь запросто попадает сюда, ко мне на стол! Ну скажи, разве можно представить себе что-то еще темнее?

Профессор самодовольно хмыкнул.

Черные дыры. — В космосе, там, где я вырезаю темную материю, остаются дыры, настолько черные, что в них теряется даже свет! Ученым будущего еще предстоит поломать себе головы: откуда это в космосе берется столько дыр? Ха-ха-ха!

Потом Филинчик вдруг сделался очень серьезным и что-то тихо забубнил себе под нос.

— К сожалению, — наконец произнес он вслух, — мне до сих пор не удалось найти тьме разумного применения. Да, она здесь, но никак не хочет разумно применяться. Такая негодная!

Филинчик снова тихо заворчал.

Надо было срочно сказать что-то утешительное.

— Может быть, просто стоит подождать, когда она здесь обвыкнется. Знаете, когда я впервые попал в Темные горы, мне тоже не сразу…

— Вот еще, выдумал! — фыркнул Филинчик, не дав мне договорить. — Что ты понимаешь в мистериях мирового пространства?

И правда, много ли я понимал в этих самых мистериях? Я почувствовал себя уличенным в попытке умничать на совершенно незнакомую мне тему и после такого позора не думал уже ни о чем другом, кроме как о возможности поскорее убраться восвояси.

— Э-хм… — промямлил я. — Уже поздно. Не хочу отвлекать

вас от дел. Пойду-ка лучше к себе. — И медленно, шаг за шагом, стал двигаться в том направлении, где предположительно находилась дверь.

— Выход в другой стороне, — машинально буркнул профессор, потом вдруг вскинул голову, словно очнулся от мыслей. — Нет, постой, — сказал он неожиданно мягким голосом. — Останься, нам надо поговорить.

Вот это была действительно ошеломляющая новость! До сих пор Филинчик ни разу не предлагал мне поговорить. Он вообще никогда ни с кем не разговаривал, то есть не вел диалогов. Его общение с окружающими заключалось в том, что он говорил, а остальные прилежно слушали. Один-другой робкий вопрос — это еще куда ни шло, даже желательно, как повод для нового, еще более длинного монолога, но диалог — никогда. Идееты просто не приспособлены к двустороннему общению.

— Задавался ли ты когда-либо вопросом, как за такое короткое время в твоей голове накопилось столько знаний, — начал профессор наш разговор.

— Это потому, что я особоодаренный, да? — скромно поинтересовался я.

Бактерии интеллекта. — Одаренный?! Ха-ха-ха! Чушь собачья! — выдохнул профессор с таким жаром, что мне пришлось сделать шаг назад. — Ладно, не обижайся, — снова заговорил он мягким голосом; видно, действительно не привык к диалогам, но старался изо всех сил. — Что, по-твоему, Грот тоже одаренный? Да будет тебе известно: в его квадратной башке мозгов с муравьиное яйцо! Когда в комнате гасят свет, он твердо верит, что окружающий мир на время перестает существовать. Зато в конце обучения он сможет с завязанными глазами построить подводную лодку или изобрести лекарство от насморка. Одаренность здесь ни при чем. Все дело в бактериях!

— В бактериях? — Я, естественно, знал, что бактерии — это маленькие организмы, переносящие всякие опасные болезни.

— Вот именно. Представь себе, знание — это тоже болезнь. Чем ближе ты к идеету, тем больше заражаешься от него этой болезнью. Подойди!

Я сделал шаг вперед, хотя сознание того, что профессор заразный, требовало как раз обратного. Никогда еще я не находился от него так близко, даже во время занятий.

— Ближе! — приказал он.

Я сделал еще один шаг. И тут в голову мне потоком хлынули знания. Это были исследования в области тьмы, которыми я никогда раньше не занимался, но теперь вдруг почувствовал себя

экспертом в этом вопросе.

— Скажи мне, — потребовал Филинчик, — что ты знаешь о тьме?

— О, это очень просто. Тьму принято считать противоположностью света, а она есть не что иное, как самостоятельный важный источник энергии, — не без удивления услышал я свои заумные рассуждения. — Для изучения тьмы очень важно научиться рассматривать свет и тьму в качестве равноправных источников энергии.

— Совершенно верно, — довольно крякнул Филинчик. — Все дело в том, что за тьмой надежно закрепилась дурная слава! Ее принято связывать со всевозможными неприятными вещами, в то время как тьма — это просто другая степень освещенности, а именно более слабая, вот и все! Мы нуждаемся в тьме ничуть не меньше, чем в свете. Без нее жизнь была бы гораздо сложнее: не было бы необходимого всем нам сна. Без тьмы не было бы отдыха, пополнения энергетических запасов, роста. Ночь дает нам силы выстоять день. Задумывался ли ты когда-нибудь, почему, проснувшись утром, мы чувствуем себя свежими, бодрыми и полными сил?

— Честно говоря, нет. — Стыд и позор: сколько раз я размышлял над важнейшими проблемами мироздания, а этот простой вопрос ни разу не приходил мне в голову.

— Все дело в темноте, питающей нас ночью своей энергией. Сон днем ничего не дает, наоборот, после него чувствуешь себя вялым и разбитым. А тьма состоит из чистой энергии. В течение дня мы расходуем накопленные за ночь запасы, устаем и опять нуждаемся в сне. Ночью мы черпаем новые силы. И так далее. Уверен, если найти способ существовать только в темноте, то можно жить вечно.

Казалось, профессор забыл о моем существовании и разговаривал сам с собой. Он был очень взволнован. Его сверкающие, бешено вращающиеся глаза сияли в темноте, как два раскаленных огненных шара. Голос его становился все громче и громче.

— Мало того, ты будешь постоянно черпать новую энергию, расти, развиваться до невообразимых высот. Представь себе, интеллект помноженный на бессмертие. Вечная жизнь! Вечная ночь! Вечный разум!

Тут послышался звук, словно между двух шестеренок застрял гаечный ключ. У Филинчика в голове снова заклинило. Он ударил кулаком по одному из своих внешних мозгов.

— Э-хм… так о чем это я?

— О бактериях интеллекта.

— Точно! Находясь рядом со мной, ты становишься все умнее и умнее. Это закон. Жаль только, что способности твоего мозга не безграничны. Не каждому посчастливилось родиться с семью мозгами. Твой мозг вобрал в себя столько, сколько смог. Поэтому ты уже ничего не усваиваешь на занятиях.

Я покраснел. Он все знал.

— Не переживай. Так и должно быть. Пришло и твое время, дружок.

В голосе его вдруг послышались так хорошо знакомые мне смущенные нотки, не предвещающие ничего хорошего. Я слышал их у волн-болтушек, у Мака, у Фреды и у Кверта. Означать они могли только одно — мы расстаемся.

— Я больше ничему не могу тебя научить. У тебя в голове достаточно знаний в самых разнообразных областях науки и техники, от игры в шахматы до нейрохирургии. Этого вполне достаточно, чтобы сделать неплохую карьеру. Новые ученики уже ждут своего места. Я не могу держать вас здесь бесконечно. Одним словом, учеба закончилась. Утром я провожу тебя к выходу из Ночной школы. Тебе, конечно, придется немного поплутать в лабиринте, но, не сомневаюсь, с твоим уровнем интеллекта ты найдешь выход из Темных гор. А теперь отправляйся спать. Доброй ночи!

Беседа, которая все же носила несколько односторонний характер, подошла к концу. Я нащупал в темноте дверь.

— А что касается твоей философской проблемы… — крикнул Филинчик мне вслед.

— Да?

— Ты не большой и не маленький.

— Какой же тогда?

— Ты средний.

Выходит, он действительно умел читать чужие мысли.

На следующее утро я вошел в класс как в первый раз. Он показался мне необыкновенно чужим. За моей партой уже сидел новый ученик. Это был додо, а точнее, додо-альбинос с ярко-красными глазами и молочно-белыми перьями.

Я попрощался со всеми по очереди, пожал руку Миролюбу, Гроту, Цилле и додо, которого звали Тугодум. Мне не было грустно, расставание с одноклассниками меня совершенно не трогало. Пока я брел вслед за профессором по темному коридору, меня охватило странное чувство страха и торжественного волнения.

«Лексикон». Подойдя к выходу, Филинчик сделал то, чего я меньше всего от него ожидал, — он меня обнял. Так близко к профессору я еще никогда не подходил, даже минувшей ночью. Как только он прижал меня к своей груди, на голову мне лавиной сошел новый поток знаний. Поначалу он состоял из тысяч беспорядочно теснящихся букв, которые потом вдруг стали складываться в слова, формулы, научные факты и в конце концов превратились в книгу, заглавие которой на мгновение четко и ясно высветилось в моем мозгу, а потом снова исчезло.

Филинчик, если можно так выразиться, при помощи телепатии записал на винчестер моей памяти главный труд своей жизни — энциклопедический словарь, вобравший в себя основные сведения о Замонии и ее окрестностях.

— И еще, — тихо сказал профессор, — запомни два правила: если захочешь есть или пить, просто лижи стены туннеля. От жажды поможет конденсат, который собирается на камнях, а голод отлично утоляет плесень, которая не только освещает туннель своим фосфорическим светом, но и содержит все нужные витамины, минералы, углеводы, жиры и белки.

— А второе?

— Остерегайся пещерного тролля! — ответил Филинчик.

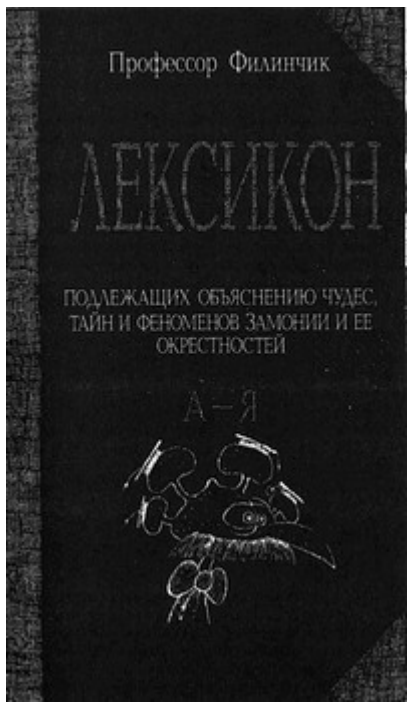
— Пещерного тролля? А кто это такой? — поинтересовался я, но профессор уже подтолкнул меня к темному проему туннеля и зашагал прочь размашистой, скорой походкой.

Дорога на свободу. Насколько бы мрачным и неприветливым ни казался мне вход в лабиринт Темных гор, я шагнул в него с чувством странного облегчения. Учеба закончилась! Впереди ждала настоящая взрослая жизнь.

Глаза мои быстро привыкли к сумеркам узкого коридора; полный надежд, я бодро шагал вперед. Тупоумные варвары, подлые мини-циклопы, вечное нытье уставшего от жизни единорога, однообразие сардин и скука на переменах — все это осталось позади. Мрачный сырой туннель с каждым шагом нравился мне все больше, ведь он вел меня на свободу.

Спустя примерно час оптимистического марша в голову ко мне наведались первые сомнения. Что я делаю в этом бесконечном, безрадостном лабиринте? Где выход? Да еще ужасно хотелось есть.

Баночка сардин в масле была бы сейчас как нельзя кстати. Почему я не остался в Ночной школе? Почему надо обязательно уходить? Почему с нами так поступают? Тоже мне, придумали правило!



Почему нельзя было сделать меня ассистентом учителя? Да что там, на худой конец, хотя бы завхозом. Я согласился бы даже

мыть полы, и притом совершенно бесплатно! Все лучше, чем плутать по темному, скользкому лабиринту, полагаясь на волю безразличного случая! А что ждет меня впереди, когда я выберусь из Темных гор? Непредсказуемый, враждебный мир, полный опасностей, злых и подлых существ. За год, проведенный вместе с Маком, я узнал о нем предостаточно. Но одно дело наблюдать за жизнью, преспокойно сидя на спине динозавра-спасателя, и совсем другое — столкнуться с ней нос к носу, когда знаешь, что рассчитывать можешь только на самого себя.

Решение. Я твердо решил вернуться и умолять профессора оставить меня в Ночной школе. Как только я не додумался до этого вчера, во время нашего с ним разговора?

Я развернулся и, недолго думая, затрусил назад. Воображение мое уже рисовало радужные картины тихой, спокойной жизни под сенью титанического ума Филинчика: я буду помогать ему нести факел знаний нескончаемому потоку благодарных учеников, а в свободное от занятий время всецело посвящу себя изучению тьмы. Вдруг профессор действительно нашел ключик от ларчика вечной жизни. Я мог бы ассистировать ему в его экспериментах, а может быть, в решающий момент даже помочь дельным советом. И тогда мы поделим все официальные премии и награды и мне достанется частичка его великой славы.

Пересечение двух туннелей? Что-то я не припомню, чтобы здесь проходил. Один туннель разветвлялся на два — это было, но пересечение двух туннелей — нет. Я остановился, беспомощно вертя головой в разные стороны. С потолка сорвалась капля собравшегося там конденсата темно-горской воды и шлепнулась мне прямо на нос.

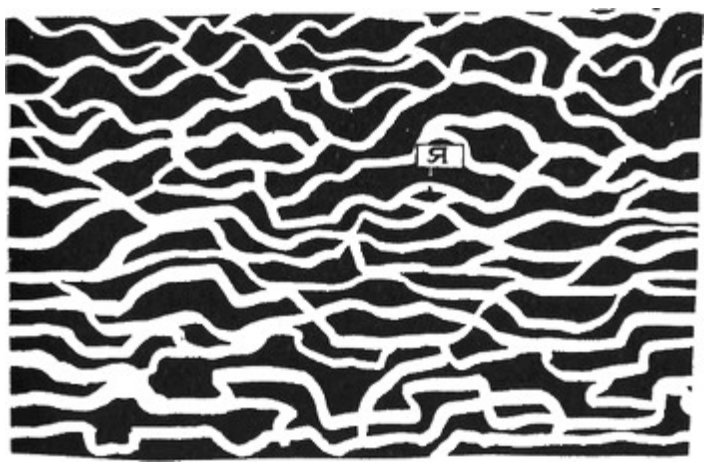
Я заблудился, это точно.

За каждым поворотом мне чудился выход, долгожданный свет в конце туннеля. Но вместо этого там оказывалась новая развилка или, что было еще хуже, пересечение нескольких коридоров. Я решил, что надо стараться двигаться вниз, поскольку было известно, что выход из лабиринта находится где-то у подножия горы. Однако, какой бы путь я ни выбрал, он неумолимо вел меня наверх. Похоже, я забрел совсем не в ту часть Темных гор и теперь поднимался все выше и выше.

Иногда на меня вдруг веяло сквозняком, и я поначалу верил, что это свежий ветер, ворвавшийся в лабиринт снаружи, который

поможет мне найти выход на волю. Но потом до меня вдруг дошло, что это один и тот же поток воздуха, такой же пленник, как и я, отчаянно блуждающий по лабиринту в поисках пути на свободу, возможно уже не одну тысячу лет.

Я попытался убедить себя, что учеба еще не закончилась и что это всего лишь очередной экзамен, придуманный профессором и заключающийся в поиске выхода из лабиринта. Поэтому надо сосредоточиться и, как учил Филинчик, думать во всех возможных направлениях.



Какая же из дисциплин понадобится мне для решения данной задачи? Математика? Философия? Биология? Геология? Астрономия? Замонианская лирика? Как ни крути, выходило, что лапы в этом деле полезнее всего. А они-то как раз были не в самой лучшей форме, учитывая долгое сидение на одном месте, недостаток физических упражнений и однообразное питание.

Я двигался вперед по туннелю, то припуская рысцой, то еле волоча ноги, но все же упорно перемещаясь вперед, только вперед, без передышек, до изнеможения. Иногда, не в силах сдвинуться с места, я отключался на несколько минут, потом резко раскрывал глаза и тащился дальше — часами, днями, неделями.

Время от времени я лизал стены туннеля, подкрепляя силы ржавым пещерным грибом и утоляя жажду влагой, налипшей на камни еще миллионы лет назад, во всяком случае, так казалось на вкус. А потом — снова вперед. Сначала — одна нога, потом —

другая. Ходьбой это уже нельзя было назвать: я словно пьяный шарахался от одной стены к другой, с понурыми плечами и болтающимися лапами, голова на груди — сама беспомощность, мешок песка на ватных, подгибающихся ногах. В конце концов силы оставили меня. Я рухнул на землю с твердым намерением никогда больше не подниматься.

Я ржавею. Раскинув в стороны все четыре лапы, я несколько часов кряду пролежал на спине, тупо вперив глаза в бугристый свод потолка. Я серьезно решил остаться здесь навсегда, врасти в камень, раствориться в нем, покрыться ржавчиной, как старая железяка, стать частью темногорской породы.

Похоже, плесневелые стены туннеля оказывают какое-то странное, нездоровое действие на организм, иначе как еще объяснить подобные мысли. Но когда голова твоя несколько часов занята подобной ерундой, то тело и впрямь как будто начинает ржаветь. Это совершенно особое, пожалуй даже приятное, ощущение. Ты лежишь спокойный и безмятежный, всецело предоставив себя силам природы, тело словно наливается свинцом, а потом по нему постепенно расползается тонкая коричневая корочка, она затягивает его целиком, и наконец верхний слой начинает крошиться. А ржавчина проникает все глубже и глубже, откалывая от тела все более крупные куски, и вот ты уже лежишь посреди туннеля жалкой кучкой бурой пыли, которую поднимает заблудившийся в лабиринте ветерок и разносит по бесконечным коридорам.

Старый друг. Вот как далеко зашел я в своем безумии, когда плеча моего коснулась скользкая, липкая и в то же время удивительно знакомая масса. Кверт Цуиопю.

— Что ты тут делаешь? — тревожно спросил он.

— Не видишь? Ржавею, — ответил я.

Прошло немало времени, прежде чем мне удалось несколько приподняться, и я был немало удивлен, что не рассыпался при этом, как старый сухарь. Кряхтя и отдуваясь, я медленно отрывался от пола туннеля, а Кверт стоял рядом и терпеливо ждал. В конце концов я кое-как распрямился, и тело мое постепенно наполнилось жизнью. Присутствие Кверта давало надежду. Вместе нам доводилось решать задачки астрономического масштаба, значит, найдем выход и теперь.

Пространственная дыра. — Я нашел пространственную дыру, — сообщил Кверт.

— Пространственную дыру? Отлично! — ответил я, хотя в голосе не прозвучало должного энтузиазма, ведь это означало, что нам снова придется расстаться.

— Ничего особенного. Наткнулся случайно. Представляешь, чуть опять не свалился, как тогда, во время коронации. Идем, покажу.

Пространственная дыра находилась в двух шагах, за углом, в одном из параллельных туннелей.

По правде говоря, ворота, ведущие в другое измерение, представлялись мне намного торжественнее. В общем, я просто ничего не заметил.

— Ее нельзя видеть, — объяснил Кверт. — Я чую ее по запаху.

Я принюхался. В воздухе и вправду витал какой-то слабый незнакомый мне запах.

— Это точно она. Чувствуешь запах серодорода? — спросил Кверт.

Я понятия не имел, что такое серодород, да и знать этого не хотел. Кверт нашел дыру уже несколько дней назад. Все это время он ломал себе голову, стоит ли туда прыгать. Вероятность того, что именно эта дыра приведет его на родину, была один к нескольким миллиардам.

— А вдруг я попаду в мир, полный чудовищ, которые питаются исключительно желейными принцами из 2364-го измерения? Огромный риск. Понимаешь?

— Но может, тебе повезет.

— Вряд ли. Видишь ли, я из тех, кто перед самой коронацией падает в пространственную дыру.

Я ни разу еще не видел Кверта таким неуверенным. Что поделаешь, как бы мне ни хотелось обратного, но я был вынужден подбодрить его и уговорить все же прыгнуть. Это был мой долг. Если он не решится сейчас, то не сделает этого никогда и навсегда будет обречен скитаться по нашему измерению, оплакивая свою горячо любимую родину. Я стал подыскивать подходящие слова, слова добрые, задушевные, утешительные и в то же время побуждающие к действию, наполняющие решимостью и не оставляющие сомнений.

— Прыгай! — сказал я.

— Не могу! — всхлипнул Кверт. — Что, если я упаду в кипящую смолу или прямиком в пасть динозавра? Страшно подумать! В универсуме столько мест, в которых желейному принцу нечего делать! Есть такие измерения, состоящие из одной

пустоты. В общем, тысячи, миллионы, миллиарды возможных ситуаций, по сравнению с которыми теперешняя — просто рай.

— Это все потому, что ты слишком много думаешь. А ты представь себе, что можешь упасть, например, в объятия симпатичной принцессы из 2364-го измерения.

— У желейных принцесс нету рук.

— Ты хотя бы уверен, что это действительно пространственная дыра?

— Да. — Кверт повел носом. — Я ее чувствую.

— Понюхай еще. Вдруг ты ошибся.

Кверт подступил ближе к тому месту, где предположительно находилась дыра, и снова принюхался.

— Серодород, — пробормотал он. — Определенно серодород.

И в этот момент я легонько подтолкнул его сзади. «Ах!» — только и успел выдохнуть он, прежде чем исчез в пустоте.

Ох уж это легкомыслие молодости, когда ты из самых благих побуждений, не думая о последствиях, бездумно толкаешь друга в пространственную дыру! А это, между прочим, не то же самое, что столкнуть кого-то с кромки бассейна в воду. Падение в такой космический туннель имеет совсем другие последствия. Вот взрослый в такой ситуации начал бы думать — подумал бы, подумал, да и оставил все как есть. Только спустя несколько минут, после того как Кверт растворился в буром грунте туннеля, в душу мне закрались первые сомнения. А что, если он был прав в своих опасениях? Вдруг он уже сварился в кипящей лаве или барахтается в зубах гигантского кровожадного динозавра? Неужели я отправил своего лучшего друга на верную гибель?!

Выяснить это можно было только одним способом — прыгнув вслед за ним. Если Кверт погиб в пасти гигантского динозавра, сам я заслуживаю ничуть не лучшей участи. Я приготовился к прыжку.

С другой стороны, если Кверт действительно попал в свое родное 2364-е измерение, тогда мой поступок не будет иметь ровным счетом никакого смысла. Не говоря уже о том, что скорее всего я попаду в какую-нибудь совершенно незнакомую точку мирового пространства. И даже если представить, что это будет 2364-е измерение, разве смогу я когда-нибудь научиться питаться музыкой, которую исполняют на инструментах из молока. Я сделал шаг назад.

Но разве так поступают настоящие друзья? В конце концов,

что я теряю? Может быть, эта пространственная дыра вообще единственный выход из проклятого лабиринта. Я зажал пальцами нос, как делают, когда собираются прыгнуть в воду, и приготовился нырнуть в пространственную дыру.

— Нырять здесь запрещено! — проскрипел чей-то злобный голос у меня за спиной.

Я обернулся. Из-за угла показалось довольно странное существо. Маленькое и приземистое, раза в два ниже меня, все покрытое бородавками с пучками жестких коротких волос. Оно походило на засохшую свеклу, страдающую какой-то страшной кожной болезнью.

— Кто… кто ты? — с трудом выдавил я.

Пещерный тролль. — Пещерный тролль! — проблеяло существо. — Нет, постой! Я смотритель бассейна! Но из пижонства маскируюсь под пещерного тролля! Видишь, я действительно похож на пещерного тролля! Но на самом деле это не так. Я смотритель бассейна! Кхе-кхе-кхе!

Даже смех у тролля и тот был какой-то чудной.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ПЕЩЕРНЫЙ ТРОЛЛЬ. Являясь дальним родственником клопидов обыкновенных, пещерный тролль по праву считается одним из наиболее нелюбимых существ Замонии, даже по сравнению с боллогом. В то время как все остальные злобные существа славятся удивительной силой или гигантским ростом, пещерному троллю щеголять совершенно нечем, он не обладает ни одной внушающей уважение способностью, с чем он, правда, не считает нужным мириться, с лихвой компенсируя этот недостаток своей выдающейся гнусностью. Выражение «пещерный тролль» в большинстве округов Замонии считается запрещенным ругательством, за которое полагается штраф и которое может привести к экономическому бойкоту, междоусобице, дуэлям или даже гражданской войне.

Пещерный тролль является дегенеративным теневым паразитом самой низшей организации, обитающим

преимущественно в темных, сырых местах, избегающим света и бессовестно использующим чужие жилища (см. железный червь), не спрашивая на то разрешения и не платя никакой арендной платы.

— Знаешь, по правде говоря, никакой я не смотритель бассейна! — продолжало тараторить существо. — Я инспектор. Инспектирую шахты.

Он сосредоточенно осмотрел стену туннеля.

— Отлично, отлично. Сработано на славу, — пробормотал он, усердно простукивая костяшками пальцев неровные камни. — Да нет же, зачем врать! — вдруг завопил он, театрально разведя руками. — Никакой я не инспектор! Я кайзер Замонии! Только это секрет! Инкогнито, так сказать! Приходится маскироваться! Пусть внешне я самый обычный пещерный тролль, но на самом деле — могущественный монарх! Отсутствие короны и эти лохмотья — просто маскарад! Ничего не поделаешь, тайная миссия!

Я тихонько, по стеночке начал отступать назад, готовый в любую секунду броситься наутек. Сумасшедший! Ясно же: сумасшедший!

— Да что там, ладно, тебе скажу: никакой я не кайзер Замонии! — продолжало вопить существо, с легкостью отказываясь от своих слов. — Я клопид. Мы, клопиды, конечно,

похожи на пещерных троллей, но по характеру вовсе не такие подлые. Так что знай: я клопид в наряде пещерного тролля! Понятно?

— Понятно, — покорно ответил я, продолжая отступать назад. Еще немного. Дотянуть бы до поворота, а там — бежать, бежать сломя голову.

— Хотя, знаешь, я ведь и вправду пещерный тролль, — неожиданно призналось существо. — Да, я пещерный тролль, вечный заложник тьмы! Мерзкий, волосатый карлик, с прескверным характером!

Тут он бухнулся на колени и заползал вокруг меня на четвереньках. Ситуация становилась все более и более неприятной.

— Ну лягни меня, пни ногой! — скулил он, подняв на меня полные слез глаза. — Они все так делают.

Я осторожно приблизился к троллю и ободряюще похлопал его по спине.

— Ну-ну, не надо так, — попытался я успокоить его и тут же пожалел об этом, так как лапа моя коснулась чего-то липкого и я почувствовал отвратительный кислый запах пота.

— Тебе легко говорить! — заревел он мне в лицо с таким жаром, что я отскочил от него, как от бешеной собаки, хотя речь шла скорее о бешеном тролле.

— Думаешь, мне нравится такая жизнь?! Думаешь, нравится, да?! — Он вскочил и грозно двинулся на меня. — Эта грязная шкура, бородавки, вечное хождение по темным туннелям, без света, без воздуха — без надежды! Думаешь, я об этом мечтал, да?!

Ну как утешить беднягу, не покривив при этом душой? Я осторожно нащупал за спиной стену, чтобы вытереть лапу.

— А мне, может, хотелось стать мотыльком! — Его голос вдруг сделался нежным и светлым. — Я был бы красивый, порхал бы беззаботно в лучах ласкового солнышка, меня бы все любили.

Он пару раз неуклюже подпрыгнул, пытаясь подражать порханию мотылька. Я почувствовал острую жалость к этому несчастному существу.

— Жить, чтобы радовать глаз и возвышать сердца, жить для того, чтобы быть хорошим… — Пещерный тролль изобразил передо мной еще пару нелепых пируэтов, потом остановился как вкопанный и потупил глаза. — Разве это плохое желание?

Похоже, он и вправду совсем не плохой. Во всяком случае, всей душой желает стать лучше.

— Но я всего лишь пещерный тролль! — Его голос звучал снова словно со дна колодца. — Самое жалкое, отвратительное

существо во всей истории мироздания! Хуже не бывает!

Он в отчаянии боднул головой стену. Послышался неприятный пустой звук.

— Уж лучше быть тараканом! — продолжал завывать он. — Или клещом. К бактериям и то относятся с большим уважением.

— Внешняя красота еще ничего не решает, — попытался утешить его я. — Подлинная красота, она внутри!

Даже сегодня я заливаюсь краской, вспоминая эту банальную фразу.

— Ну и что! — всхлипнул тролль в ответ. — Я противный не только снаружи, но и внутри! Я вру, обманываю! Я злой, очень злой, и горжусь этим! Вот я какой! В подлости мне нет равных! Если тебе нужен подлый урод, не страдающий угрызениями совести, пожалуйста, он перед тобой! Но добрых дел от меня не жди!

Тут в голову мне пришла одна чуть ли не гениальная мысль. Я вспомнил о волнах-болтушках. Они ведь тоже сначала не желали мне добра, но смогли измениться, обрели новый смысл жизни, обучая меня говорить.

— Послушай, я знаю, что делать! Так мы убьем сразу двух зайцев! Помоги мне найти выход из лабиринта. Я наконец выберусь на свободу, а ты совершишь первый в своей жизни добрый поступок. Это решит сразу обе наши проблемы. Ты ведь знаешь, где выход, правда?

Пещерный тролль смерил меня недоверчивым взглядом:

— Знаю. Даже бываю там часто. Очень неприятное место. Слишком много свежего воздуха. Но если хочешь, могу тебя туда проводить. Думаешь, это поможет?

— Обязательно поможет, не сомневайся! Я знаю кое-кого, чья жизнь изменилась от одного лишь доброго шага.

Во всяком случае, я был уверен, что этот поступок пойдет на пользу мне.

— Ну, не знаю, — промямлил пещерный тролль. — Хотя можно попробовать.

Хороший поступок. Тролль бодро шагал впереди. Я удовлетворенно отметил произошедшую с ним перемену. Если сначала он плелся вяло и нехотя, то теперь шел, расправив плечи. Походка стала легкой, почти танцующей.

— Кхе-кхе-кхе! Невероятно! — бросил он мне через плечо. — Чем ближе мы к выходу, тем легче у меня на душе. Это такое

ощущение… Я чувствую себя… э-э-э… как бы сказать…

— Хорошо?

— Да, хорошо! Именно хорошо! Совершенно верно!

— Это плата за хороший поступок, — пояснил я. — Когда совесть чиста, чувствуешь себя по-другому.

— Думаю, теперь я стану другим! — радостно кричал тролль. — Буду совершать хорошие поступки. Пойду с тобой. Забуду о Темных горах. Буду бродить по свету и помогать нуждающимся. Ни дня без хороших поступков. Кхе-кхе-кхе!

— Верно! Правильное решение! — одобрительно кивал я. — Сделав однажды доброе дело, уже не сможешь остановиться никогда. К этому быстро привыкаешь.

Меня распирала гордость за самого себя. Разве не здорово, когда удается кому-то помочь, да еще без особых усилий со своей стороны?

— Вот именно! Не могу дождаться новой возможности совершить еще что-нибудь хорошее! Никогда не думал, что я на это способен!

— Просто ты никогда не пробовал.

— А ты правда возьмешь меня с собой? В большой мир? — спросил пещерный тролль.

— О чем это ты?

— Ну, просто подумал, что мы можем вместе… когда выберемся отсюда… — Он запнулся.

— Ты действительно хочешь уйти из Темных гор?

— Один я бы, конечно, не решился. Но с таким, как ты, — совсем другое дело.

Я искоса взглянул на пещерного тролля и пожалел, что решился ему помогать. С таким типом на шее вряд ли удастся чего-то добиться в жизни. Но, раз уж назвался груздем, ничего не поделаешь, придется полезать в кузов.

— Конечно возьму! Без вопросов!

Пещерный тролль исполнил передо мной трогательный танец радости и протянул мне свою ладонь. Я пожал ее. Она была еще более мокрая и скользкая, чем спина.

Мы шли уже несколько часов, но выхода так и не было видно.

— Далеко еще? — поинтересовался я.

— В общем, да, — захихикал в ответ пещерный тролль и нырнул в один из боковых коридоров. — Кхе-кхе-кхе!

— Эй, что ты делаешь?! — крикнул я ему вслед.

— Бросаю тебя на произвол судьбы! — долетело до меня из темноты.

— Что?! Но почему?

Ответ прозвучал уже откуда-то из глубины Темных гор:

— Почему? Сам не знаю. Я же пещерный тролль. Просто не могу иначе. — Его голос был уже так далеко, что я еле расслышал последние слова. — Я завел тебя еще глубже. Когда мы встретились, ты был почти у самого выхода. Кхе-кхе! Кхе-хе-хе-хе-хе!

Когда отзвучал его блеющий смех, вокруг стало совсем тихо. Я снова остался один. Я сел на дно туннеля и расхохотался. Это был страшный, недобрый смех, у меня самого мурашки бегали по спине от этого звука. И если я вправе дать читателю этих заметок добрый совет, то пусть постарается держаться подальше от пещерного тролля!

Все пропало. У меня не осталось ни сил, ни надежды, ни веры (особенно пещерному троллю). Я устал и чувствовал себя как минимум в конце своей сотой жизни. Добрел кое-как до развилки, которая показалась мне страшно знакомой, сел, привалившись к стене, и тотчас заснул.

Ветерок, приносящий плохие новости. Это был слабенький ветерок, который, подув мне в ухо, разбудил меня ото сна. Я раскрыл глаза и поднялся.

— Привет! — произнес слабый голосок.

Вокруг не было ни души.

— Ты где? — спросил я.

— Здесь. Прямо перед тобой, — прошуршал голос.

— Я тебя не вижу.

— Меня никто не видит. Я ветерок.

Это был тот самый ветерок, который уже не раз встречался мне в лабиринте. Мне еще не доводилось разговаривать с ветром, но я решил все же попробовать.

— Не мог бы ты показать мне дорогу из лабиринта? — спросил я.

— Если бы я знал дорогу из этого душного лабиринта, то меня бы здесь давным-давно не было, — ответил ветерок. — Я веял бы там, на свободе, над горами и морями, вместе с моими братьями и сестрами! Мы бы вместе с ними гоняли тучи по небу или вызывали страшные бури. Я бы делал что-то полезное: помогал кораблям переплывать океаны или вращал гигантские

жернова ветряков — все, что угодно, но не слонялся бы здесь, в этом мрачном, сводящем с ума лабиринте.

— А как ты сюда попал?

— Как я сюда попал? Это был несчастнейший день в моей жизни! Да будет он проклят! Я веял над Темными горами, прозрачным, светлым осенним днем совершенно свободный… — Ветерок вздохнул. — И вот я подлетел к этой вершине. Она вся была в дырах. Я подлетел ближе и заглянул в одну из пещер. А что, если посмотреть, как выглядит гора изнутри, подумал я. И посмотрел. Вот и вся история. Я до сих пор ищу выход. А как попал сюда ты?

— Меня послал сюда мой учитель.

— Филинчик? — спросил ветерок.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я встречал многих несчастных, вспоминавших его имя недобрым словом. Их кости рассыпаны по всему лабиринту!

Я оцепенел.

— Может, нам стоит объединиться, — предположил я. — Возможно, вдвоем мы найдем выход быстрее.

— Не думаю, — ответил ветерок, презрительно свистнув. — Ты слишком медленный. Пока ты тут топчешься на одном месте, я уже обшарил коридоров сто, не меньше. А плутаю я здесь уже четыре тысячи лет. Подумай сам, есть ли у тебя шансы! Кхе-кхе-кхе!

Ветерок разразился презрительным смехом, который показался мне на редкость знакомым. Продолжая хихикать, он вдруг начал сгущаться и наконец материализовался в пещерного тролля.

— По-твоему, я пещерный тролль? — хмыкнул он. — Ничего подобного. Я не пещерный тролль. Я ветерок, который случайно принял облик пещерного тролля. Верь мне. Это правда.

Я уже напряг все свои мускулы, чтобы подскочить к подлому гному, схватить его за горло и душить до тех пор, пока не покажет дорогу, как вдруг земля у меня под ногами задрожала.

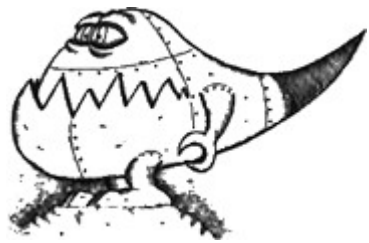
— Землетрясение! — воскликнул тролль. — Советую последовать моему примеру и испариться! Иначе я не ручаюсь за твою безопасность. Кхе-кхе-кхе!

Противно хихикая, он растворился в воздухе.

А я проснулся.

Одно мне действительно не приснилось: вокруг все на самом

деле ходило ходуном. Да еще слышался какой-то очень странный звук: громкий, опасный, страшный будто сама угроза. Он звучал так, словно что-то двигалось сквозь железистую породу, упорно, без остановок, и прямо на меня. Грохот и скрежет стояли такие, словно две горы решили сожрать друг друга, а порой мне даже казалось, что я слышу звуки отрыжки, такой громкой и гулкой, будто ее издавал гигантский дракон, сидящий на дне колодца. А потом снова яростные шипение и клокот. При этом в пещере сделалось невыносимо жарко, стена туннеля раскалилась как печь, сначала став красной, потом желтой и, наконец, белой. И тут из нее потекли белые языки расплавленного металла.



Мне пришлось отскочить в сторону, чтобы шипящий металл не поджарил мне пятки. Вдруг звук прекратился. Из дыры в стене повалил черный дым. Страх уступил место любопытству: кто же устроил этот невероятный спектакль? Когда дым чуточку просветлел и рассеялся по туннелю, я смог различить в дыре очертания странного существа, раза в три больше меня и целиком и полностью покрытого прочной сверкающей сталью.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ТЕМНОГОРСКИЙ ЧЕРВЬ. Темногорский червь (mado inferioris) принадлежит к семейству — хотя по внешнему виду этого и не скажешь — самых обычных червей, возможно только более высокой организации. Биологическое строение темногорского червя обнаруживает сходство с примитивными ленточными червями типа trichocephalus dispar, что в первую очередь касается устройства органов пищеварения, и тем не менее он обладает чертами, которые роднят его с червями, находящимися на гораздо более высокой

ступени эволюции, с такими, как, например, трубчатый червь (hermella komplexiensis). Взрослые особи достигают размеров парнокопытного степного единорога, являясь, таким образом, третьими по величине червями Замонии, после нижнезамонианской членистоногой пиявки и мидгардского червя. Темногорские черви обитают в Темных горах, прокладывая там туннели и питаясь исключительно железистой породой, из которой они фильтруют все необходимые для жизнедеятельности полезные вещества, чему способствует уникальное строение жевательного аппарата, которому позавидовал бы любой крупный хищник. Взрослый темногорский червь может также изрыгать огонь, подобно огнедышащему дракону, какие водятся еще в бразильских тропических лесах, что, правда, никоим образом не является признаком их родства, поскольку драконы относятся к семейству бородавчатокожих, в то время как темногорский червь абсолютно гладкий. Он покрыт отполированными до блеска гладкими пластинами нержавеющей закаленной стали. Его нижняя челюсть по форме напоминает ковш экскаватора и оснащена сверхпрочными зубами с алмазным напылением. Вместо рук у темногорского червя плоскогубцы, вместо ног — огромные кусачки, а тело заканчивается гигантским стальным напильником. Напоминающий робота внешний вид стального червя может навести на мысль, что это искусственно созданное существо, прилетевшее к нам с другой планеты или даже из другого измерения, но вероятнее всего, темногорский червь явился своеобразным ответом природы на непригодные ни для какой формы жизни условия Темных гор. Это существо по праву считается самым сильным на всем континенте, а кроме того, еще и самым опасным, так как своим буйством сравнимо разве что с разъяренным всеядным саблезубым драконом, у которого украли детеныша.

Тут уж профессор Филинчик точно загнул! Спору нет, существо, стоявшее передо мной в потоке расплавленного металла, не обращая на это никакого внимания, выглядело довольно опасно. Я мог бы, конечно, сейчас приврать, внести свою лепту в развитие мифа о кровожадности темногорского стального червя, поведать читателю о жесточайшей схватке с

чудовищем, но моя жизнь и без того полна захватывающих, головокружительных приключений, так что, на мой взгляд, нет никакого смысла выдумывать и сочинять и тем самым вводить замонианское общество в еще большее заблуждение относительно этого существа. И так хватает книжек типа «Как я поборол темногорского червя» или «Стальная бестия», в которых авторы, объявив себя экспертами в области стальных монстров, рассказывают о своих будто бы состоявшихся на самом деле схватках с темногорским червем. А это только лишний раз доказывает, что они никогда не видели темногорского червя живьем и всю информацию об этом мирном существе почерпнули из вторых или даже третьих рук, то есть из каких-нибудь выдуманных историй и легенд или литературы самого низкого сорта.

ТЕМНОГОРСКИЙ ЧЕРВЬ [продолжение]. Сведения о появлении стального червя уходят в далекое прошлое и теряются в сказаниях и легендах доисторического периода, то есть время и место появления на свет этого удивительного существа науке пока не известны. В одних источниках говорится, что первый стальной червь выполз из экскрементов гигантского циклопа, в других — будто он появился из слез бога Грозы (см. темногорские грозы). Доподлинно известно только одно: стальные черви начали буравить Темные горы многие и многие тысячи лет тому назад, так что те сегодня являют собой пористую, губчатую структуру. Существуют также предположения, лишенные, правда, всякой научной базы, что стальные черви находятся в некотором дальнем родстве с термитами, но это мнение основано исключительно на внешней схожести изрешеченных Темных гор с термитниками.

Темногорские черви живут поодиночке. Время от времени пути их все же пересекаются, но они не обращают друг на друга ровным счетом никакого внимания. Самые жаркие споры ученых касаются как раз того, каким образом стальным червям удается самозарождаться, если они практически полностью лишены любых контактов с себе подобными. Ответ на этот вопрос дает еще одна замонианская легенда, повествующая об огромном черве, стальной королеве, сидящей в самом сердце Темных гор и откладывающей там стальные яйца, из которых потом вылупляются

стальные черви. Этот факт, однако, является пока только гипотезой, не имеющей научного подтверждения.

Червь как будто не заметил моего присутствия. А если и заметил, то уделил моей персоне внимания не больше, чем какой-нибудь букашке. Он просто продолжил свою работу: подошел к противоположной стене туннеля, раскрыл огромную, сверкающую нержавеющей сталью пасть и выпустил из нее толстый язык пламени.

Потом отхватил лапой здоровенный кусок расплавленного металла, запустил его себе в глотку и с шумом проглотил. За считаные секунды в стене образовался новый проход, и червь двинулся по нему дальше. Я стал одним из редких свидетелей захватывающего зрелища, мне довелось своими собственными глазами наблюдать, как это существо проделывает свои ходы в Темных горах.

Расплавится железо,
И в дыры хлынет свет.
Я лезу, лезу, лезу —
И мне предела нет.

К чему бы это?

«ТЕМНОГОРСКИЙ ЧЕРВЬ» (стихотворение). Семидесятивосьмистрофное стихотворение поэта Хильдегунста Сказителя — самое выдающееся произведение замонианской поэзии отшельников.

Поэзия отшельников? Не тот ли это изысканный жанр замонианской лирики, который оказался не по зубам многим посредственным поэтам? Но при чем тут темногорский стальной червь?

ПОЭЗИЯ ОТШЕЛЬНИКОВ. Высокий жанр зомонианского искусства стихосложения, в котором поэт ассоциирует себя с каким-нибудь одиноким существом, например с динозавром-спасателем или с темногорским

червем, то есть подражает его неординарному, отличному от толпы видению мира. Самым выдающимся произведением поэзии отшельников считается стихотворение «Темногорский червь» поэта Хильдегунста Сказителя.

Теперь все стало на свои места. Я знал наизусть все сонеты Хильдегунста Сказителя, но стихотворение «Темногорский червь» так и не смог выучить до конца из-за большого количества строф.

«ТЕМНОГОРСКИЙ ЧЕРВЬ» (стихотворение) [продолжение]. В этом стихотворении Хильдегунсту Сказителю удалось исключительно точно передать чувства и мысли стального червя, пробирающегося сквозь толщу породы Темных гор. В конце стихотворения поэт все же позволяет своему герою увидеть солнечный свет, что придает титаническим усилиям этого несгибаемого существа некий смысл, делая их небесполезными. В стихотворении нашла воплощение мысль поэта о пользе труда и о том, что всякий труд в конце концов будет вознагражден.

Ну конечно! Естественно! Если кто и может найти выход из лабиринта Темных гор, то это стальной червь. Нужно только идти вслед за ним и ждать, когда он проделает ход в стене, отделяющей нас от свободы. Стараясь не касаться еще не остывших краев пролома, я осторожно прошел вслед за червем в другой коридор. Он ушел уже далеко в сторону и снова принялся плавить там стену своим жарким дыханием. Наконец у меня появился реальный шанс вырваться из этого злосчастного лабиринта. Вот что значит солидное образование!

Путь червя. Идти вслед за червем было совсем не сложно. Он не обращал на меня никакого внимания, а если я вдруг терял его из виду, свежеопаленные края туннелей и страшный грохот и треск безошибочно подсказывали мне, где его искать.

«Лексикон» профессора Филинчика развлекал меня по пути, я вспоминал из него одну за другой строфы стихотворения «Темногорский червь». Так я выучил его наизусть.

Туннели образуя
И сверху и внизу,
Грызу, грызу, грызу я,
Покуда не сгрызу!

Грызу себе и лезу,
И все сгрызу до дыр.
Моим зубам железо,
Как вашим мягкий сыр.

До троллей догрызу я,
Моя дыра точна.
Врагу несу грозу я
Безостановочно.

С уверенностью можно сказать, что Хильдегунсту Сказителю действительно удалось перевоплотиться в стального червя. Особенно мне понравилась строка про пещерных троллей.

Единственная проблема была в том, что червь работал как заведенный. Он не останавливался, не делал перерывов и не думал спать, во всяком случае все то время, пока я шел за ним.

> ТЕМНОГОРСКИЙ ЧЕРВЬ [продолжение]. Темногорский червь принадлежит к редкому типу односыпов, он спит всего один раз в своей жизни, зато сразу четырнадцать лет подряд. Это происходит незадолго до того, как он достигает двухсотлетнего возраста. Во время спячки он расходует накопленные ранее запасы железа и дышит с частотой один вдох в месяц.

После трех дней неутомимого следования по пятам стального червя я понял, что силы мои на исходе. Скорость работы и рвение этого существа были необыкновенные. Мне все чаще приходилось садиться и отдыхать, временами меня даже одолевал сон. Как-то, проснувшись, я обнаружил, что червя давно уже нет поблизости. Стены туннеля успели остыть, и, как я ни напрягал слух, мне не удалось различить даже слабого шума работы его челюстей. Я стоял на развилке. Куда идти? Свернешь не в тот туннель — и все

усилия предыдущих дней насмарку!

По узкому проходу
За мною ты ползи.
Мы выйдем но свободу!
Грызи, грызи, грызи!

Последний раз мы повернули направо, поэтому я, следуя указаниям стихотворения, сделал два поворота налево. Надежды, что эта формула действует в реальной жизни, не было практически никакой. Ведь не исключено, что Сказитель все это придумал.

Но что поделаешь, других вариантов не было. И вот удача — уже в следующем коридоре я нашел довольно свежий пролом. Осторожно обходя шипящие лужи еще не застывшего металла, я прислушался, и от сердца у меня отлегло. Из соседнего коридора доносились знакомые звуки скрежета стальных челюстей о горную породу. Я побежал на звук, по пути удивленно отмечая, что вокруг как-то странно посветлело. Еще поворот — и я уперся в стену света.

Расплавится железо,
И в дыры хлынет свет.
Я лезу, лезу, лезу —
И мне предела нет.

Дыра в горе. Постепенно глаза привыкли к яркому свету. Овеваемый волнами свежего ветерка, я стоял позади темногорского червя, контуры которого отчетливо выделялись на фоне пролома, ведущего на свободу. Забыв осторожность, я подошел ближе и остановился рядом с ним. Он снова не уделил мне никакого внимания, возможно слишком захваченный представшей перед нами величественной картиной. Заслоняя и наслаиваясь друг на друга, повсюду возвышались могучие хребты гор, выраставшие из раскинувшейся внизу молочно-белой ватной равнины. Мы, вероятно, находились на вершине самой высокой горы, взгляд вниз увязал в облаках. Лучи солнца согрели мое заиндевевшее тело, и в душе возродилась надежда.

Тут на солнце наползла жирная грозовая туча, и меня снова

обдало ледяным холодом. Я бросил отчаянный взгляд вниз: туда уходили многие километры. Внешняя поверхность горы была гладкая, как отполированный мрамор, — ни единой зацепки, даже для бывалого альпиниста. Надежда в душе снова погасла. Темногорский червь тем временем как-то странно запыхтел и закрякал; он нервно вертелся на одном месте, издавая непонятные звуки, нечто похожее на «и-их!» или «у-ух!». Потом резко развернулся и ринулся обратно в туннель. Не раздумывая ни секунды, я бросился вслед за ним. Какой прок от свободы на такой высоте? Оставалось одно — продолжать следовать за червем и ждать, пока он проделает выход из горы в другом, более подходящем месте.

Червь мчался очень быстро — как мне казалось, куда глаза глядят, — увлекая меня все глубже и глубже, в сердце горы. Я не отставал.

Бббббббоооооонннннггггг!

Что это? Колокол в центре горы? Стальной червь остановился.

Бббббоооооонннннггггг!

Снова удар колокола. На этот раз несколько тише и дальше.

Ббббббббббббббоооооооооооооонннннннннннгггггггг!!!!!!!

Третий удар, громче и ближе, чем два предыдущих. «И-их! У-ух!» — взвизгнул червь.

Тут разразился такой звон, какого я еще никогда не слышал: бесконечные раскатистые удары, сопровождаемые долгим вибрирующим эхом, как будто мы сидели внутри гигантского колокола, на который градом сыпались камни.

Бонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонгбонг

До сих пор я еще не знал, что такое гроза в Темных горах. Грозы в этих местах случаются редко, можно сказать, их почти не бывает, но если уж разражаются, то в полную силу.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ТЕМНОГОРСКАЯ ГРОЗА. Атмосфера в районе Темных гор из-за большого содержания в них металлов очень сильно заряжена электричеством, поэтому когда здесь случается гроза, что само по себе уже явление крайне редкое, это превращается в настоящее стихийное бедствие, не идущее ни в какое сравнение ни с какими другими природными катаклизмами и носящее название «темногорская гроза» или же «проклятие богов». Гигантская иссиня-черная дождевая туча за считаные минуты покрывает все небо на многокилометровой высоте и низвергается небывало крупными каплями, такими большими и тяжелыми, как чугунная печь. Одной капли темногорского дождя достаточно, чтобы наполнить целую ванну и убить лося. Миллионы молний, вспыхивающих одновременно, превращают ночь в день и бьют с такой силой и таким ожесточением, которые несвойственны даже обычным электрическим разрядам. Тонкие длинные молнии достигают долины и, ударяясь о сырую землю, рассыпаются шипящими фонтанами белых искр, иные, шириной в целую улицу, раскалывают надвое горные вершины. Шаровые молнии сыплются на землю метеоритным дождем. Там, где они падают, происходят взрывы и остаются дымящиеся кратеры, наполненные кипящим металлом. Молнии появляются самые разные: одни гигантскими змеями обвивают целые горы, другие, короткие и острые, как стрелы, нервно вспыхивают всего на долю секунды и тут же испуганно исчезают. При этом грохот поднимается совершенно невыносимый, словно банда обезумевших великанов устроила в горах гонки на ржавых экскаваторах.

То, что мы слышали, было первыми каплями дождя, которые падали на поверхность горы и заставляли ее звучать словно колокол. Потом загремел гром, тысячекратно усиленный эхом туннелей. Никогда в жизни я еще не слышал такого грохота.

Впервые я был рад, что оказался внутри темногорского лабиринта. Сколько бы ни бесновались разбушевавшиеся стихии, о лучшей защите, чем надежный панцирь из многокилометровой

сверхпрочной породы, нельзя было и мечтать. Стальной червь между тем вел себя очень странно. Он вертелся волчком, поскуливал и как будто что-то искал.

— И-их! У-ух! И-их! У-ух! У-ух! И-их! И-их!

Вид беспокойства такого грозного, почти неуязвимого гиганта привел в беспокойство и меня. Почему он так боится грозы, если мы находимся под защитой толщи горной породы?

> ТЕМНОГОРСКАЯ ГРОЗА [продолжение]. Темные горы внутри пористые, изъеденные туннелями, как термитник (см. темногорский червь). При этом многие из коридоров выходят наружу, так что стены гор, изрешеченные большим количеством дыр, во время темногорской грозы пропускают водную массу внутрь, где она с огромной скоростью проносится по туннелям лабиринта, сметая все на своем пути. Это очень полезно с точки зрения гигиены внутренностей горы, однако смертельно опасно для живых существ, находящихся внутри лабиринта. Обычные обитатели Темных гор, такие как темногорский червь или пещерный тролль, наделены незаурядными способностями, помогающими им выживать в условиях темногорской грозы. Темногорский червь, к примеру, может задерживать дыхание на два часа.

Опасность. А что делать тем, кто не относится к «обычным обитателями Темных гор» и, следовательно, не обладает «незаурядными способностями» длительное время существовать под водой. Гигантские черные капли дождя собирались меж тем в коридорах лабиринта, они стекали по наклонному дну туннелей, сначала тонкими струйками, потом жизнерадостными, бойкими ручейками и наконец превращались в грозные, бурные потоки. Кое-где они даже размывали стены, спрямляя себе дорогу. Надо мной нависла смертельная опасность, только я этого пока еще не знал.

Стальной червь нашел какой-то выступ в стене и впился в него всеми своими стальными клешнями. Стиснув гигантские челюсти, он изо всех сил прижался к стене. Так стальные черви пережидают темногорские грозы: цепляются за скалы, затаивают дыхание и ждут, пока все не закончится.

Колоссальные массы воды теснили воздух в туннелях, и он несся по ним ураганом, предвещающим надвигающуюся катастрофу. Не успел первый порыв ветра приподнять шерстинки

моей шкуры, как я уже знал, что грядет большая беда. Сначала послышался звук, как на станции в метро, когда приближается поезд. Потом из-за поворота вынырнула река.

Она выстрелила оттуда зарядом шипящей пены и с ревом понеслась на меня. Окатила фонтаном брызг темногорского червя и погрохотала дальше в моем направлении. Я бросился бежать, но почти в тот же миг волна накрыла меня с головой.

Под водой. Я, конечно, умею нырять, но не дышать в течение двух часов — это уж слишком. Я могу задерживать дыхание на некоторое время, если немного потренируюсь, то с помощью медитаций и дыхательных упражнений выдержу, наверное, минут двадцать. В море ведь всякое может случиться: вдруг тебя захлестнет гигантской волной, или произойдет кораблекрушение, или же корабль проглотит огромный кит, или утащит на дно большущая каракатица… Одним словом, без умения задерживать дыхание не обойтись ни одному морскому волку. Но в данном случае на медитации времени не было, я даже не успел толком вздохнуть.

За несколько секунд вода полностью заполнила все пространство вокруг меня, что привело меня в совершенное замешательство, ведь последнее время я привык обитать в экстремально сухих условиях. Подхваченный потоком воды, я, словно выпущенное катапультой ядро, понесся по коридорам лабиринта. В ушах булькало и клокотало, перед глазами кружил белый вихрь бурлящих пузырьков спрессованной под диким напором воды. Потом я уже ничего не видел, поскольку инстинктивно — и это было самое верное — зажмурил глаза. Так,

в кромешной мгле, беспомощно размахивая передними и задними лапами, я летел дальше, кувыркаясь в водовороте. Воздух в моих легких постепенно стал давать о себе знать. Когда мы дышим в обычных условиях, воздух гостит у нас в легких совсем недолго, мы вдыхаем его, он поступает в дыхательное горло, спускается в легкие и, не успев как следует там осмотреться, уже торопится вверх, в обратный путь. Но сейчас ему пришлось задержаться. Через некоторое время он как будто разбух и начал давить на стенки грудной клетки, словно пойманный зверь, отчаянно ищущий путь на свободу. Чтобы немного отвлечь себя от этого неприятного ощущения, я решил приоткрыть глаза. Вода оказалась на редкость прозрачной, пронизанной фосфорическим светом светящейся плесени, я даже отчетливо разглядел пузырьки, неистово пляшущие вокруг меня. Воздушные пузырьки! В каждом из них по капельке кислорода, в сотне, пожалуй, хватит на целый вдох — а здесь их многие тысячи! Возможно, это даже тот ветерок, который встречался мне в коридорах лабиринта. Догнать и высосать из них весь необходимый мне кислород! Я сложил губы трубочкой, изогнулся и вытянул шею в сторону мерцающей стайки аппетитных воздушных пузырьков.

Едва я дотянулся до замыкающего, как вся команда спасительных бусинок кислорода дружно прибавила ходу. Я отчаянно заработал лапами и снова стал их догонять. Осталось совсем немного, всего пара толчков и взмахов. Раз, два — и еще одна блестящая бисером резвая стайка обогнала меня, достигла хвоста пузырьковой змеи и вместе с ней исчезает в одном из ответвлений туннеля.

Я взвыл от отчаяния и тем самым, естественно, лишил себя последних запасов воздуха в легких. Теперь я чувствовал себя как подводная лодка, сжимаемая толщей воды.

И тут я увидел пещерного тролля. То есть скорее всего я думал, что вижу пещерного тролля, а на самом деле это была всего лишь галлюцинация, возникшая в моем воспаленном, лишенном кислорода мозгу. Тролль проплывал мимо, лежа на спине и заложив руки за голову. Он плыл отвратительно медленно, радостно мне улыбаясь, и, прежде чем скрыться за

поворотом, еще помахал рукой. Я не сомневался, что это конец. Мои внутренности как будто раздулись и готовы были все разом взорваться. Глаза лезли из орбит, а в ушах грохотало так, словно я стоял у подножия Ниагарского водопада. Мне казалось, что по венам моим течет кипяток, который собирается в легких. Внезапно меня одолел приступ кашля.

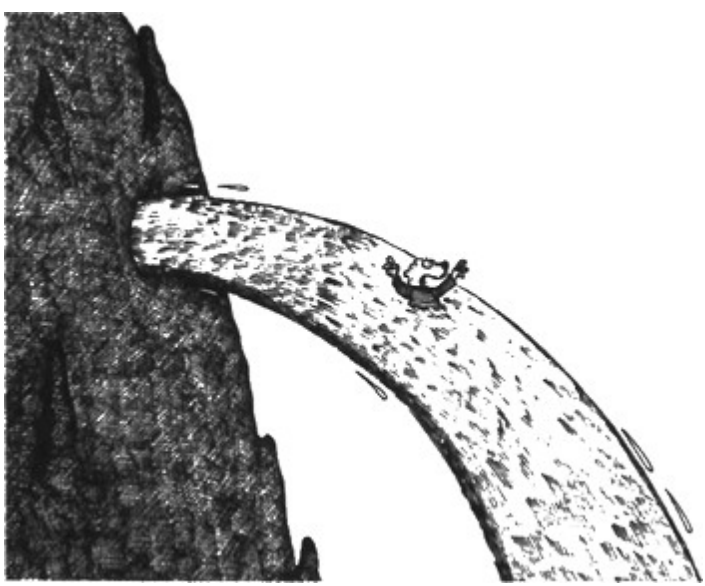
Я был уже готов разом покончить со всем, открыть рот, и пусть вода спокойно течет внутрь. Все лучше, чем эти мучения. Так я и сделал — раскрыл рот и вдохнул, полный решимости захлебнуться.

Но то, что заструилось мне в легкие, было совсем не водой, а чистейшим, свежайшим горным воздухом.

Дождевая вода тоже искала выход из лабиринта и, найдя его, выплеснула меня наружу именно из того хода, который проделал недавно темногорский червь.

Наконец-то я был на свободе.

Выход. Только какой ценой! Выход находился километрах в пяти от подножия горы. Я летел вниз, подобно рыбе, нечаянно заплывшей в водопад. В очень тонкую, длинную струю воды. Должно быть, вид на просторы Замонии открывался великолепный, жаль только, что мне не удалось как следует им насладиться. Так нелепо закончилась моя жизнь в Темных горах.



Переход от одной жизни к другой протекал стремительно («протекал» в прямом смысле этого слова!). Я летел вниз, до удара о землю оставалось еще около двух километров. Ситуация

требовала от меня невероятной концентрации и четкого взаимодействия всех душевных и физических сил.

— Сардины в масле, — вдруг сказал голос у меня в голове.

— Что?

— Сардины в масле.

Голос очень смахивал на голос Филинчика. Что за глупости?! Какие еще сардины в масле?

— Знание — тьма, — снова сказал голос Филинчика.

Лететь оставалось уже километра полтора. Я заметил, что струя воды падает в озеро. Слабое утешение. Шлепнувшись с такой высоты, так или иначе расшибешься в лепешку — хоть о землю, хоть о гладкую поверхность воды. Между прочим, классический случай для динозавра-спасателя. Вот только в поле зрения не было ни одного. Наверное, это именно тот квадрат, который после выхода на пенсию Мака остался безнадзорным.

— Тираннозавр Рекс.

Похоже, «Лексикон» в моей голове просто сошел с ума.

— Знание — тьма.

Остался километр.

Этим заявлением Филинчик пытался заставить нас мыслить во всех возможных направлениях. Так, что еще он говорил?

— Сардины в масле.

Ну да, сардины. Они очень питательные. Это консервы. Банки перед едой нужно открывать. Для этого Филинчик использовал силу своего интеллекта.

— Бактерии.

Филинчик заразил меня своими бактериями интеллекта. Может, он хочет сказать, что и я способен на такие же фокусы? Приблизительно восемьсот метров до воды.

— Тираннозавр Рекс.

Профессор умел перевоплощаться в динозавров. То есть с помощью силы мысли можно превращаться в другое существо. Я должен стать динозавром? И что? Ведь тогда я буду еще тяжелее и ударюсь с еще большей силой. Шестьсот метров.

— Сардины в масле.

Перевоплотиться в сардину! Рыба, случайно заплывшая в водопад. Вполне возможно. Мелкая рыбешка точно не разобьется о воду. Но Филинчику хорошо, у него семь мозгов. А что делать мне, с одним?

— Знание — тьма.

Тьма. Ну конечно! В темноте интеллектуальные способности возрастают. Я закрыл глаза. Пятьсот метров.

Я сосредоточился на сардинах. В моем воображении возникла целая стайка этой мелкой рыбешки. Поблескивая серебром, они скользили вместе со мной в струе водопада.

Четыреста метров.

Путь сардины. Я перевоплотился, но не в сардину. Я превратился сначала в простейшую клетку, как и Филинчик во время занятий. Я рос, постепенно становясь многоклеточным существом, малюсенькой, полупрозрачной рыбешкой. Потом мое тщедушное тельце покрылось чешуей, наросли плавники и хвост. Я почувствовал, как затвердели и налились силой кости скелета. Вместо воздуха я теперь дышал водой. Перевоплощение в сардину благополучно завершилось.

Вода вздрогнула и расступилась. Вокруг меня вспенился рой мелких пузырьков. Я погрузился в озеро, сам того не заметив. Чтобы выбраться на поверхность, я отчаянно заработал плавниками, только теперь это были уже не плавники, а лапы. Я вынырнул из воды и жадно глотнул воздух. Видно, я уже совсем перестал быть сардиной, потому что с большим трудом, мокрый насквозь, с набрякшей шкурой, добрался вплавь до берега.

Я выполз на берег, снял и выжал одежду и отряхнул шерсть. Голый и озябший, но живой и здоровый, я устроился на берегу и стал осматривать местность. Озеро окружали высокие ели, я жадно потянул носом воздух, впуская в легкие пропитанный ароматом смолы свежий запах леса. На небе еще громоздились черные тучи, но гроза уже улеглась, тут и там сквозь просветы в

облаках били сияющие лучи заходящего солнца. У меня были все основания чувствовать себя счастливым. Я не только выбрался из лабиринта, но и чудом дважды избежал верной гибели — не задохнулся в лабиринте и не разбился о воду. Ну разве это не чудо?!

Удалось ли мне перевоплотиться в настоящую рыбу? Или же Филинчик так загипнотизировал меня своим «Лексиконом», что я почувствовал себя рыбой в воде?

Как бы то ни было, переход к новой жизни состоялся.

7. Моя жизнь в Большом лесу

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

БОЛЬШОЙ ЛЕС. Своим довольно-таки примитивным названием Большой лес обязан тому факту, что никто не хотел заниматься им всерьез, хотя бы даже придумывать имя. Его попросту избегали, обходя далеко стороной и советуя всем и каждому поступать так же. Упрямцы, пренебрегшие мудрыми советами земляков и вошедшие в Большой лес, больше никогда не вернулись домой. Существует поверье, будто Большой лес населен злыми духами и коварными ведьмами, а может, и сам представляет собой некое гигантское злобное существо, уходящее корнями в саму преисподнюю, где его возделывает всякая рогатая нечисть. Происхождение подобных легенд, равно как и факты, послужившие поводом к их возникновению, до сих пор остаются загадкой. Ясно одно: все жители Замонии, словно сговорившись, категорически отказываются входить в Большой лес.

Когда я вошел в Большой лес, была ночь. Только разве могли смутить меня какие-то детские сказки? Лесная чаща совсем не казалась мне чем-то ужасным. Спасибо времени, проведенному на острове в компании химериад, — теперь меня вообще нелегко напугать. Напротив, я наслаждался прохладной тишиной и, конечно же, свежим воздухом. После долгого пребывания в душном лабиринте Темных гор, свежий воздух явился для меня самой настоящей роскошью. Непогода улеглась так же быстро, как и разыгралась, только легкий ветерок все еще покачивал кроны высоких деревьев, но под ними, внизу, было тихо и прохладно, как в храме. А наверху, в редких просветах зеленого купола, простиралось темное космическое пространство со множеством сияющих звезд.

Единственным, что действительно удивляло и настораживало, была тишина. Даже на острове у химериад я привык слышать в лесу обычные лесные звуки: уханье сов,

щебетание птиц и морзянку дятлов, шуршание о кору быстрых лапок белок и постоянный шелест сухой листвы, в которой копошились всевозможные насекомые. Здесь же ничего этого не было, только глухой звук моих собственных шагов по мягкой земле, к которому изредка примешивался хруст раздавленной сухой веточки или гнилого сучка. Чем же так страшен этот странный лес, если его избегают даже букашки?

Когда наконец от долгой ходьбы и обилия свежего воздуха меня одолела усталость, я свернулся калачиком на земле, зарылся в листву и заснул. Впервые за долгие-долгие дни я забылся крепким здоровым сном, глубоким, спокойным и абсолютно пустым, как и сам Большой лес.

На следующее утро я проснулся очень поздно, уже ближе к полудню. Собрал по пригоршне ягод, орехов, каштанов, заел все это несколькими листочками одуванчика и запил чистой родниковой водой.

Планы. Затем, не раздумывая, отправился в путь, полный решимости поскорее выбраться из леса и снова прибиться к цивилизованной жизни. Мне уже виделась маленькая деревушка на опушке, где я с полученными в Ночной школе знаниями легко освою любое полезное ремесло. Могу, например, стать учителем и преподавать детворе астрономию и геологию, филинистику, замонианскую археологию или же ферромагнетическую глубоководную ботанику. Пусть называют любую профессию — мне все по плечу. Требуется прядильщик? Пожалуйста. Лучшего вам не сыскать! Могу стать ныряльщиком или скрипичных дел мастером, виноделом, настройщиком, зубным врачом — все равно. А если захотят, стану переводчиком, буду переводить книги с других языков на замонианский и наоборот. Может, им требуется оптик или специалист по искривлению электромагнитного поля на полюсах. Со временем я мог бы открыть свою собственную частную школу и нести в массы зажженный Филинчиком факел знаний. Одним словом, возможности трудоустройства с полученными в Ночной школе знаниями были почти безграничны.

Большой лес. Вопреки своей дурной славе, лес оказался

просто чудесным. И чудеснее всего в нем было именно то, что он оказался самым обыкновенным лесом. Здесь не было длинных густых лиан и непроходимых чащоб, как в лесу на острове у химериад, и не было тропического рая с поющими цветами и растениями из хрусталя, как на острове-плотожоре, это был самый нормальный лес, типичный для средних широт, с высокими елями, раскидистыми дубами, стройными тополями и бесчисленным множеством белых стволов берез, стоящих друг от друга на таком одинаковом расстоянии, словно их специально высадила чья-то заботливая рука. Ветви кустарников ломились от тяжести спелых ягод, тут и там виднелись залитые солнечным светом полянки с фиалками и мухоморами и прозрачными, кристально чистыми ручейками.

Шагать по такому лесу было одно удовольствие — никакого препятствия на пути, ни тебе пенька, ни поваленного непогодой дерева. Хроническая мигрень, астматический кашель от ржавой пыли темногорского лабиринта, боли в спине от долгой ходьбы внаклонку — все это исчезло без следа. Я шел не останавливаясь почти целый день, просто потому, что мне было несказанно приятно шагать по нетронутому, чистому лесу. Потом начало смеркаться. Пришла пора устраиваться на ночлег, благо укромных уголков и живописных полянок вокруг было предостаточно — выбирай, что душа пожелает. Я уже почти вышел на одну из полян, как вдруг в нос мне ударило странное, незнакомое чувство.

Тут читатель, наверное, справедливо заметит, что чувство не может ударить в нос, но это было именно так.

Я потянул носом воздух и вдруг почувствовал, что вернулся домой.

Естественно, чувство это меня немного смутило, но оно отнюдь не было неприятным. А тут еще появился звук, самый сладостный из всех звуков, какие только мне доводилось слышать за все свои предыдущие жизни. Кто-то напевал, притом таким чистым, безупречным голосом, что у меня на глаза навернулись слезы. Я тихонько подкрался к раскидистой ели, раздвинул зеленые лапы и выглянул на поляну.

Там, в окружении целого моря фиалок, высвеченная последними лучами заката, словно святая с иконы, сидела — девушка. И это была не обычная девушка, а юная медведица с точно таким же синим мехом, как у меня.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и

феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

БОЛЬШОЙ ЛЕС [продолжение]. Древняя легенда гласит: много-много лет назад, в те времена, когда Большой лес был обитаемым, его населяли медведи очень редкой породы, с разноцветным мехом (см.: разноцветные медведи). Эти существа славились на редкость добродушным нравом, вели оседлый образ жизни и были выдающимися пчеловодами. Но однажды все они бесследно исчезли из леса, никто не знает, почему и куда.

Неудивительно, что я почувствовал себя здесь как дома. Возможно, в Большом лесу жили мои предки. Чутье подсказывало: в легенде определенно содержится доля истины, а наличие синей медведицы делало этот факт практически неоспоримым.

Правда, от избытка чувств я решил поначалу, что мех у девушки того же самого цвета, что у меня, но это было не так. Моя шкура — темно-синего цвета с примесью ультрамарина, словно морские суровые волны на большой глубине, у нее же мех был намного светлее и напоминал скорее цвет неба в погожий день, василек или незабудку.

Ни разу в жизни не видел я ничего более прекрасного. С той самой минуты медведица превратилась для меня в центр мироздания. Вся моя жизнь была теперь подчинена одной-единственной цели — любить ее. Я точно знал, сама судьба предназначила нас друг для друга. Но в тот момент меня захлестнуло еще одно незнакомое до сих пор чувство — робость. Я инстинктивно попятился, ища еще более надежного укрытия, и нашел его в густых зарослях крапивы.

Сомнения. От одной только мысли покинуть свое убежище и попасться ей на глаза меня бросало то в жар, то в холод. А что, если я споткнусь и растянусь перед ней во весь рост? Вот смеху-то будет! Или она испугается и убежит. А первое впечатление, как известно, самое важное. Вдруг я ей не понравлюсь? Может, у меня грязная шкура? И зубы. Когда я в последний раз мыл уши? Такие или похожие мысли роились у меня в голове, и тогда, в том моем состоянии, они казались мне совершенно разумными и справедливыми. Поэтому я так и остался тупо сидеть в своих кустах, ограничившись лишь наблюдением за красавицей со стороны.

И все последующие дни я продолжал заниматься тем же самым: сидел, спрятавшись где-нибудь в густых зарослях, и тихонько любовался ею. Лес с его буйной растительностью, раскидистые кроны мощных дубов, высокая трава, крапива, кусты малины и папоротник милосердно заботились о моем укрытии.

Дом на поляне. Синяя медведица жила в маленьком домике на той самой поляне, где я ее впервые увидел. Домик был деревянный с соломенной крышей. И тут, как ни странно, водилось множество всяких зверей, которых так не хватало в лесу. Словно ища спасения и защиты, все они собрались рядом с домиком, расположились вокруг него или даже внутри. Птицы свили себе гнезда на крыше, белки и мыши по-хозяйски сновали туда-сюда, будто у себя дома. Над поляной порхали яркие бабочки, толстые шмели в поисках меда гудели свои протяжные шмелиные песни, а в ручье, разделявшем поляну на две половины, плавало семейство уток с семью утятами. Перед домиком был разбит небольшой садик, разделенный на две части: огородную и цветочную. В огороде за круглыми тыквами возвышались мясистые шапки цветной капусты, блестели сочные тяжелые грозди спелых томатов, а темно-зеленые листья ревеня защищали две грядки редиса от полуденного зноя. Розмарин, петрушка и чеснок росли рядом с алыми дикими маками и шиповником. Аккуратненькое картофельное поле распростерлось по соседству с рядами моркови и лука, за которыми кустились заросли настурции, майорана, мяты и шалфея. Весь этот стройный порядок выдавал не только отменный вкус, но и глубокие познания в области кулинарии и сочетаемости основных продуктов питания с разнообразными местными и заморскими приправами. Шалфей соседствовал здесь с луковичной травой и листовым укропом, сентябрин — с мятной корицей, мышиный горошек — с серебристым салатом, земляной гриб — с кориандрином, заячьи лапки — с зелеными ноготками, вешенки

— с горчичницей, сапожки — с коралловыми пальчиками.

Ведьмина радость и цветок папоротника. В цветочной части росли самые красивые из замонианских цветов в чудесном сочетании с очень редкими, экзотическими растениями. Ведьмина радость и золотая примула, бергинум и мандраголин, цветок папоротника, ангелин и вербоцвет, дальнезамонианская роза, трубчатый тюльпан, лютикерия, бархатная орхидея, болотная капуста, касафранские усы и натифтофский мох, кокосовые лепестки, Черная Сусанна и райские лилии — все это было высажено с таким вкусом и в таком безупречном порядке, что походило скорее на картину кисти какого-то знаменитого мастера-пейзажиста. Одним словом, это было место, где хотелось остаться жить навсегда.

Синяя медведица целый день проводила в хлопотах по хозяйству: кормила зверей, ухаживала за растениями в саду, а иногда рано утром уходила в лес и возвращалась только под вечер с целой корзиной спелых плодов, ягод или белых грибов. Вечером, когда она начинала готовить ужин, по всей поляне расползались аппетитнейшие ароматы.

Я наблюдал за ней, что бы она ни делала: полола ли грядки, кормила зверей или читала на лужайке перед домом — кроме всего прочего, она была еще и образованна! Я не без восторга отметил, что книга, которую она читала, была не каким-то любовным романом, а **«Лексиконом подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленным профессором Абдулом Филинчиком.**

У нее был печатный экземпляр этой книги! Какая великолепная почва для долгих, глубоких научных бесед! Возможно, она тоже закончила Ночную школу. Я подвел итоги: девушка была красива, умна, образованна, любила животных, умела готовить, петь, была медведицей, и мех у нее был такого же синего цвета, как у меня. Сплошные плюсы.

Потом я стал сопровождать ее и в лесных прогулках, на безопасном расстоянии, разумеется, быстро перебегая от одного дерева к другому, как обезумевший, напуганный лесной дух. Навстречу моей красавице выходили из чащи лесные звери, они выбирались из своих укрытий повсюду, куда бы она ни шла, и ласкались к ней, а она их гладила. Белки прыгали вслед за ней с ветки на ветку, весело щебеча в такт ее шагам, большой белый олень иногда нес на своих рогах ее корзину. Казалось, все в этом лесу любили синюю медведицу, и она, надо признать, этого заслуживала. Даже самые свирепые дикие кабаны, стоило ей только приблизиться, превращались в смирных, безобидных овечек.

Я шпионил за ней теперь целый день напролет, начиная с того момента, когда она, зевая и потягиваясь, выходила рано утром на крыльцо, и до позднего вечера, когда она уже в сумерках появлялась в окошке, чтобы задуть на ночь свечу. А еще — вспоминая это, заливаюсь краской стыда — я наблюдал за ней во время утреннего купания в ручье.

Никогда в жизни не испытывал я такого странного чувства безграничного счастья, наблюдая за другим существом и — что уже совершенно непостижимо — думая о нем. А между тем чувство это росло во мне с каждым часом и с каждым днем, проведенным вблизи синей медведицы, наряду с постоянно растущим отвращением к своей собственной персоне и особенно

к робости, не позволявшей мне подойти к своей избраннице. Каждое утро я обещал себе выбрать подходящий момент, выйти из леса, представиться по всей форме и сделать ей предложение. А в результате целый день проводил под листьями ревеня, как жалкий, трусливый кролик.

Однажды утром я проснулся позже обычного и в ужасе обнаружил, что медведица уже ушла в лес. Не на шутку разозлившись и обругав себя соней, я вдруг пришел к неожиданной и в общем-то не очень достойной мысли, что это отличный шанс проникнуть в частные владения моей красавицы. Прокравшись на цыпочках по поляне, я мигом взлетел на крыльцо. Первая ступенька прогнулась под непривычным весом, вздохнула и издала такой душераздирающий визг, что он был слышен, наверное, в самой глубине лесной чащи. Я замер и прислушался. Но все по-прежнему было тихо.

Непрошеный гость. Недолго думая, я шмыгнул внутрь и оказался в небольшой, но уютной кухоньке. Господи, до чего же хорошо там было! На полочках, аккуратно расставленные, стояли маленькие симпатичные чашечки, словно специально сделанные для милых, изящных лапок, рядом с ними тарелочки, совсем крохотные, почти детские, — да, все в этом доме предназначалось для существа гораздо меньше меня. Я подошел к небольшой печи и приподнял крышку маленькой симпатичной кастрюльки. О небо!

Клецки. Там в густом коричневом соусе плавало пять аккуратненьких маленьких клецек, и не успел я опомниться, как одна из них уже оказалась у меня во рту.

Ах, что это было за наслаждение! Круглый, скатанный из тончайшей картофельной муки шарик, в меру приправленный солью и шафраном, бархатистый снаружи и мягкий внутри, словно персик, с душистой начинкой из изысканного, неземного сочетания толченых сухариков, изюма и чернослива,

оставляющий на языке приятно щекочущий аромат лука, муската и черного перца и тающий во рту густыми сливками. Я и не подозревал, каких высот может достичь кулинарное искусство в приготовлении такого элементарного блюда. Но это было ничто по сравнению с соусом. Он представлял собой пасту из белых грибов, которые, наверное, целый день томились на слабом огне и уварились до такой степени, что превратились в концентрат чистейшего вкуса. Сам лес с пряным запахом смолы, ароматом сосновых иголок, свежестью утренней росы и живительным соком ягод и трав расцвел у меня на языке неповторимым букетом. Я был сражен. Это превзошло все мои ожидания по поводу кулинарных способностей синей медведицы. Когда клецка, растаяв во рту, проскользнула в желудок, я вознесся на небеса истинного блаженства.

А потом вернулся на землю. Теперь медведица точно узнает, что в домике кто-то был. Что, если она запомнила, сколько клецек оставалось в кастрюльке?

Вместо пяти там плавало теперь только четыре. Какое-то глупое, слишком правильное, квадратное число! Возможно, три будет несколько гармоничнее и не вызовет подозрений.

Бог любит троицу, это все знают. Так что четвертая тут совсем ни к чему. Я и не думал, что вторая клецка может оказаться гораздо вкуснее первой, но это было именно так. Начинка у нее была из абрикоса с корицей с пикантной нотой молотого белого перца. Райское наслаждение! Я крякнул, причмокивая, готовый броситься на пол и кататься по нему, дрыгая ногами от восторга. Ничего подобного я ни разу в жизни еще не ел. Интересно, что за сюрпризы таят под своими нежными белыми шубками три оставшиеся в кастрюльке клецки? Какая разница, останется там три или две? Пожалуй, никакой. У следующей начинка оказалась из ревеневого варенья и меда. Как описать вам это блаженство! Не стоит, наверное, объяснять, что значит мед для любого из медведей, в том числе и для синего вроде меня. В самом центре картофельного шарика, защищенная двойной мантией из теста и начинки, таилась добрая, размером с лесной орех, капля чистейшего цветочного меда, которая, неожиданно оказавшись на языке, заставила меня пережить гастрономический экстаз, отчего я запрыгал и захлопал в ладоши. Я исполнил нечто вроде благодарного танца кулинарному богу, во время которого, довольно мыча и воздевая лапы к небу, скакал рядом с плитой, между делом уничтожая оставшиеся клецки (одна оказалась со сливовым джемом, другая — с творогом и брусникой). Затем я принялся вылизывать дно кастрюльки.

Засунув туда целиком всю морду, я лакал соус, как изголодавшийся, измученный жаждой бродячий пес.

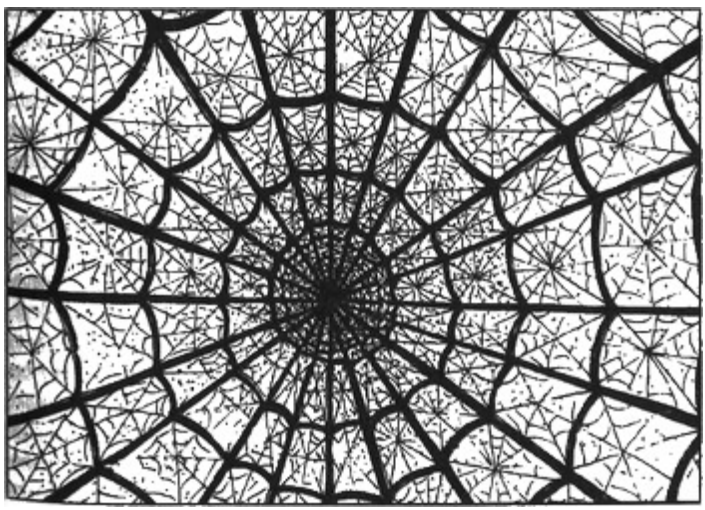
— Здравствуйте! — послышался голос у меня за спиной.

Застыв от ужаса, я медленно повернул голову. В моей жизни было всего два момента, позволивших мне понять, что есть абсолютная, совершенная красота. Первый — зрелище Ледяных Торосов, озаренных изумительным светом северного сияния. Это было во время полета с Маком. А второй — несмотря на всю катастрофическую неловкость ситуации — вид синей медведицы, стоявшей в дверях своего домика с полной корзиной груш и улыбавшейся мне.

— А я… тут… вот… — неуклюже промямлил я.

Она смотрела на меня, и в глазах ее не было ни удивления, ни страха, не говоря уже о злости или раздражении. Напротив, я прочел в них нечто такое, что полностью отражало мои собственные чувства. Это был взгляд без памяти влюбленной девушки.

О, какими глупыми показались мне теперь все эти детские игры в прятки, на которые было потрачено столько дней! Ведь очевидно же, что мы созданы друг для друга. Мы будем жить вместе на этой самой поляне или на корабле в открытом море; куда бы ни забросила нас судьба, мы будем вместе — навсегда. Наконец я нашел свое место в жизни; одиночество, скитания — все это теперь было позади, каких-то три шага отделяли меня от моего будущего счастья. Отбросив ненужную скромность, я ринулся к ней и заключил в свои объятия.



На ощупь она оказалась очень тонкой и липкой, как канат на судне, пропитанный дегтем. И внешне вдруг стала похожа именно

на пропитанный дегтем канат. Или нет, скорее синяя медведица просто испарилась, а на ее месте вдруг образовался липкий канат. Домик тоже рассеялся в воздухе, словно туман. Поляна, правда, осталась, но на ней теперь вдоль и поперек были растянуты тонкие черные тросы, искусно сплетенные в огромную паутину. И в этой ужасной паутине, приклеенный к одному из тросов, беспомощно барахтался я.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ПАУК-ВЕДУН. Паук-ведун обыкновенный [tarantula valkyria], или, как его еще называют в народе, смердопряд, принадлежит к семейству гигантских четырехполостных пауков, таких как, например, пауколев, но выделяется среди опальных своих сородичей гораздо большими размерами и обладает якобы какими-то уникальными органами прядения паутины, которые, правда, до сих пор не изучены, поскольку не было еще случая, чтобы ученый, которого угораздило подойти к пауку-ведуну слишком близко, вернулся назад. Паук-ведун также причисляется к замонианским бессовестным хищникам, то есть таким существам, которые завлекают добычу нечестными способами (см.: *устрица-вампир, остров-плотожор* и *ядовитая фея-лягушка*). Тело паука-ведуна обычно черное, покрытое густой косматой шерстью коричневого или рыжего цвета, которая на концах длинных лап и щупальцах отливает пурпурно-красным. Своим безобразным поведением и откровенной подлостью паук-ведун снискал отвращение почти у всех существ замонианской фауны, кроме разве что некоторых мелких паразитов, нашедших пристанище на его омерзительном теле. Укус паука-ведуна (в зависимости от размера жертвы) может быть практически безопасным, вредным для здоровья или же смертельным. Так, например, для взрослого боллога укус этого монстра совершенно безвреден, в то время как у шестидесятиметровой океанской улитки он может вызвать длительное воспаление, сопровождаемое тошнотой,

головокружением и приступами удушья. Для любого существа ростом ниже пятнадцати метров укус паука-ведуна не только смертелен, но и приводит к полному растворению тела жертвы и превращению его в слизистую, легко перевариваемую жидкость, которую паук затем высасывает своим хоботком. Паук-ведун достигает в высоту восьми метров, имеет, в зависимости от возраста, от четырех до восьми ног (рождается с четырьмя, затем каждые сто лет приобретает еще по одной), шесть пар глаз, четыре клювообразные пасти, а на макушке у него возвышается заостренный роговой нарост, напоминающий перевернутую воронку, или, как его еще называют, «ведьмин колпак», потому что он очень на него похож. Нарост этот предположительно служит для транспортировки жертв к месту хранения съестных припасов. Специальные железы паука-ведуна вырабатывают клейкий секрет, вызывающий у жертвы видения самого приятного содержания, то есть галлюцинации, в которых осуществляются ее заветные мечты и сокровенные желания. Этим секретом паук пропитывает свою паутину. Поскольку паук-ведун не вписывается ни в одну эволюционную схему, многие ученые склоняются к мысли, что этот вид был занесен на нашу планету каким-нибудь метеоритом или же прибыл к нам через пространственную дыру. Водится это животное исключительно в Большом лесу, посему еще раз настойчиво напоминаем о необходимости обходить этот лес стороной.

Спасибо, профессор! В Ночной школе я изучил Большой лес вдоль и поперек, я узнал, например, что он представляет собой густо покрытую всевозможной растительностью территорию в семь тысяч квадратных километров, являющуюся многоступенчатой сложной системой обитания разнообразных форм растительной жизни: от вечнозеленых деревьев и кустарников, возвышающихся над покрытой мхом и травой землей, до глубоких подземных слоев, где прячутся трюфели. И все эти растения я мог бы назвать, в том числе на латыни, а также по состоянию коры определить возраст каждого отдельного деревца в этом лесу, но о существовании плотоядного паука-ведуна я узна́ю именно теперь, когда уже сижу намертво приклеенный к его паутине.

И ведь любой, наверное, на моем месте давным-давно почуял

бы неладное, но что поделаешь, любовь слепа. Тем более что прекрасная медведица оказалась просто миражом, галлюцинацией в моей пустой, безмозглой голове! На самом деле не было никакой медведицы, не было вообще никакой девушки — ничего! Это все действие гипнотических паров слюны паука, которой он пропитал свою паутину. Я думал, что провел на поляне несколько дней, а в действительности все эти картины пронеслись в моем воспаленном мозгу за считаные минуты, а может быть даже секунды. В последний момент я, вероятно, раскинув лапы, сам бросился на паутину и вот теперь засел в ней, как какая-то глупая муха.

Я попытался освободиться. Слюна паука оказалась удивительно вязкой и липкой, мне едва удалось оттянуть лапы на сантиметр, и они тут же снова устремились назад к паутине, как на резинке. Мне пришлось мобилизовать весь свой оптимизм. Возможно, паука нет поблизости. Мог же он устроить ловушку, а потом уйти в другую часть леса? Могло быть такое? Могло. И вообще, кто сказал, что он обязательно должен вернуться назад?

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ПАУК-ВЕДУН [продолжение]. Едва закончив прядение одной паутины, паук-ведун тут же уходит в другую часть леса, чтобы устроить там новые искусные ловушки. Время от времени он обходит все свои сети и проверяет их на предмет добычи. Иногда проходят дни и недели, прежде чем он вернется назад к своей паутине, но то, что рано или поздно он к ней непременно придет, за это можно смело ручаться головой, руками, ногами и здоровьем всех своих родственников.

В общем, я сидел крепко, а паук так или иначе должен был вернуться назад и растворить меня своим пищеварительным соком. Великолепно! Чудесно! Что за дурацким «Лексиконом» снабдил меня на дорогу Филинчик! Что толку, если сведения из него поступают всегда слишком поздно? Почему профессор ни словом не обмолвился на занятиях о существовании паука и о гипнотических свойствах его слюны? Уверенность в безусловной пользе образования, полученного в Ночной школе, начала быстро

ослабевать.

Сеть из сетей. От нечего делать я начал внимательно рассматривать паутину. Надо отдать должное ловкости паука — его сеть представляла собой подлинное произведение искусства. Он не только закрепил длинные прочные нити на деревьях и аккуратно, методично переплел их между собой, но и каждую клетку паутины мастерски залатал еще более тонкой сетью. А приглядевшись, в каждой клетке этих маленьких паутинок я обнаружил еще более мелкие, которые — в этом не было никаких сомнений — в свою очередь тоже состояли из других, совсем крохотных и тонюсеньких. Любое живое существо, будь оно даже микроскопического размера, не могло миновать этой адской ловушки.

О, это была не обычная паутина, а воплощенная в ней сама гениальность! Если бы только существовал конкурс на самую изощренную технику создания самых подлых ловушек, то этой точно досталось бы первое место. Паук явно знал толк в технике создания шедевров поимки добычи, отдавая этому делу весь свой разум и силы, и, наверное, напичкал ими Большой лес повсюду. Неудивительно, что здесь совсем не осталось зверей. Паук сожрал их всех, одного за другим, так что рано или поздно настало время последней лани, последней птички, последнего жука, мотылька и бабочки-однодневки — все они окончили жизнь в кошмарных сетях.

> Нет ничего страшнее, чем встретить конец в сетях паука-ведуна. Он не спеша, основательно покрывает жертву едкой, тошнотворно-вонючей слюной, которая сначала растворяет кожу, затем невыносимо медленно, вызывая страшные боли, превращает мускулы в жидкую, легкоперевариваемую кашу, затем достигает костей, обрекая жертву на адские муки…

Спасибо, спасибо, избавьте меня от излишних подробностей! А не соблаговолит ли достопочтеннейший «Лексикон» дать мне пару-тройку полезных советов? Например, есть ли способ как-нибудь выбраться из паучьих сетей?

> Существо, застрявшее в сетях паука-ведуна, не может самостоятельно или с чьей-либо помощью освободиться из паутины, если только сам паук не использует

подробно описанное выше действие своей слюны для растворения оной. Среди всех известных в мире клейких веществ липкий секрет паука-ведуна по праву занимает самое первое место. До сих пор не найдено ни одного химического, растительного или другого вещества, которое способно было бы нейтрализовать клейкость жидкости, выделяемой железами этого коварного хищника…

Спасибо за хорошие новости. Приятно слышать, что ты не только засел в сетях самого подлого существа всего континента, которое рано или поздно приползет, чтобы растворить тебя своей слюной до состояния каши, так оказывается еще — научно доказано, — что клейкое вещество, которым оно прилепило тебя к своим сетям, не поддается растворению ни одним из известных в мире средств!

…кроме воды.

Что?!

…кроме воды. Удивительно, но обычная родниковая, дождевая или водопроводная вода в состоянии нейтрализовать секрет паука-ведуна и победить клейкость вещества, выделяемого его железами.

Ага. Так, значит, вода. И она здесь, неподалеку. Целый ручей чистейшей родниковой воды, только до него метров двадцать, не меньше. Что делать? Может, «Лексикон» и тут знает подсказку? Эй, «Лексикон»! Ты где? Заснул?

Тишина.

Остается надеяться, что паук сплел эту сеть совершенно недавно и вернется назад, может быть, недели через две. А за это время успеет пойти дождь и паутина сама собой растворится.

БОЛЬШОЙ ЛЕС [продолжение]. Практически вся вода, текущая по Большому лесу в виде ручьев, поступает на поверхность из разнообразных подземных источников, которыми богаты земные недра этого

региона. Дожди в этой местности выпадают крайне редко, по сути только тогда, когда в Темных горах разражается гроза. После того как она отгремит, следующий дождь ожидается никак не раньше чем спустя несколько месяцев, а порой даже лет.

Опять очень ценная, а главное, позитивная, заражающая оптимизмом информация! Мои мысли снова вернулись к суровой действительности. Скорее всего, паук устроил эту ловушку уже давно и сейчас как раз направляется к ней, чтобы проверить, не попался ли туда какой-нибудь зверь. Не исключено, что он даже притаился где-то в кустах и с наслаждением наблюдает за мучениями своей беззащитной жертвы.

Что это? Показалось или там действительно что-то шуршит?

Нет, ничего. Просто померещилось. Это у меня уже от страха шумит в ушах. Или, может, ветер шуршит листвой.

Вот опять! Снова этот звук! А ветра нет. На соседнем кусте веточки как-то странно дрожат. Явно там кто-то сидит! И кто это может быть? Кроме меня и паука, в лесу больше нет никого.

В кустах снова зашуршало. На этот раз еще более отчетливо.

Потом ветки раздвинулись, и из кустов прямо на меня выползло самое гнусное и отвратительное существо из всех, что мне доводилось когда-либо видеть.

Но не паук, а пещерный тролль.

Старый знакомый. — Кхе-кхе-кхе! — захихикал он. — Думаешь, я пещерный тролль, да? Ничего подобного. Перед тобой лесничий. Главный смотритель Большого леса. Только никто не должен об этом знать. Приходится маскироваться. Как тебе костюмчик, а? Нравится? Или сразу признаться, что я пещерный тролль?

— Послушай, мне не до шуток! Видишь, я тут застрял. Не мог бы ты принести мне немного воды?

— Вижу, вижу, — бросил тролль, беззаботно пританцовывая в густой траве. — И как тебя только угораздило? По-моему, надо быть полным идиотом, чтобы приклеиться к одной из таких штуковин. Они развешаны тут повсюду, но мне и в голову не пришло лезть с ними обниматься. Похоже на гигантскую паутину, да? Зачем ты только туда полез? У тебя что, не все дома, да?

— Так получилось.

— Расскажи.

— Понимаешь, эта паутина заставляет тебя верить, что ты видишь перед собой вовсе не паутину, а что-то очень приятное,

такое, о чем ты мечтал всю свою жизнь… Она тебя просто гипнотизирует… вот… это трудно объяснить… Странно, что на тебя она не действует.

Пещерный тролль повел носом, а потом равнодушно пожал плечами:

— Наверное, это потому, что я не могу представить себе ничего приятного, только разные гадости, кхе-кхе-кхе!

— Ну, ладно, не важно. Не мог бы ты сходить к ручью, принести немного воды и полить мне на лапы? Это единственный способ освободиться.

— Принести воды из ручья? И все?

— Да. Пожалуйста, очень тебя прошу.

— Ладно, уговорил! — небрежно бросил карлик, направляясь к ручью.

Он наклонился, зачерпнул полные пригоршни воды и осторожно, как официант с бокалом шампанского, пошел ко мне.

В двух шагах от паутины он остановился.

— Ну же! В чем дело?! — нетерпеливо закричал я. — Чего ты стоишь?

— Да чуть было не забыл, кто я такой! Я тебе не какой-то там бойскаут, а пещерный тролль. Понимаешь разницу?

— Ну и что, подумаешь, — ответил я как можно более равнодушно, потому что догадался, куда он клонит. — Иди скорее. Я жду.

Тролль медленно пролил воду сквозь пальцы в траву.

— Фу-у-у! — с облегчением выдохнул он. — Обошлось! Чуть не совершил из-за тебя хороший поступок. — И театральным жестом вытер якобы выступившую на лбу испарину.

— Эй! Ну что тебе стоит? Принеси воды и помоги мне освободиться, — взмолился я. — Паук может вернуться в любой момент. По-твоему, это смешно?!

— Несмешно. Пещерные тролли не умеют смеяться. Ты что, забыл наше маленькое приключение в горах?

— Нет, не забыл. Но я не сержусь. Я тебя уже простил. Послать кого-то на ложный путь не такое уж страшное преступление, другое дело — оставить беззащитного погибать в пасти кровожадного паука. На такое не способен даже ты.

— Еще как способен!

— Неправда!

— Послушай, малыш! — сказал вдруг тролль очень серьезным голосом, и мне даже показалось, что в глазах у него на мгновение промелькнуло сожаление. — Похоже, ты так и не понял, кто я такой. Я — пещерный тролль. Самое гнусное существо во всей Замонии. Даже если бы я захотел — что в

принципе невозможно! — я все равно не стал бы тебе помогать. Это против моей природы. Ясно? Единственное, что я могу, и хочу я того же самого, так это — не помогать тебе. Жаль, правда? Ну, извини, ничего не поделаешь, кхе-кхе-кхе! Помочь тебе очень просто. Раз плюнуть. Но я все равно не стану этого делать. Там, в лесу, сидит огромный паук, большой, как гора. А чтобы тебя спасти, нужно всего ничего — принести воды из ручья. Но я не пойду за водой, а брошу тебя здесь на произвол твоей неизвестной, а скорее даже очень известной, судьбы. Вот какие подлые пещерные тролли! На такое способны только такие, как мы. Скорее сам паук отпустит тебя на свободу, чем я. Заруби себе это на носу и обмозгуй еще раз хорошенько, когда я уйду.

Тролль шмыгнул в ближайшие кусты и был таков.

— Мне правда очень, очень жаль! — послышался оттуда его голос. — А если честно, то ничуточки, кхе-кхе-кхе!

Я прямо-таки взбесился от злости. Сам не знал, что когда-нибудь испытаю такое. Я бился в паутине, фыркая и изрыгая вслед проклятому троллю ругательства, каких, наверное, даже такой мерзавец, как он, не слышал ни разу в жизни (и я, между прочим, тоже). Я неистово дергал липкую паутину, деревья шатались, ненависть словно придала мне богатырскую силу. Я все дергал и дергал за нити, пока в висках не застучало. А паутина действительно растянулась, и казалось, нити ее стали значительно тоньше, теперь она стала совсем тоненькой, почти прозрачной, но рваться по-прежнему не хотела.

В конце концов я выбился из сил, а нити паутины снова ужались и вернулись в первоначальное состояние, превратившись в толстенные канаты. Мне оставалось только одно: реветь во всю глотку и проклинать ненавистного тролля, кричать, что буду преследовать его всю свою жизнь и горе ему, если он когда-нибудь попадется мне на пути. Это был, вероятно, самый шумный спектакль, разыгранный в Большом лесу за всю его многовековую историю. И тут я внезапно похолодел от ужаса. Что я делаю? Я сам даю пауку знать, что жертва уже в ловушке. Представьте себе, что значит кричать в лесу, где царит полная, гробовая тишина? Все думают, самое громкое эхо бывает в горах или в огромном соборе. Не тут-то было. Нет звука более громкого и раскатистого, чем крик в пустынной, мертвой чаще. Ни уханья совы, ни писка комара, никакого другого звука — полная тишина, и только твой собственный голос мечется многоголосым эхом от дерева к дереву, от листочка к листочку, от сосновой иголки к иголке, пока не сольется со всеми своими братьями-близнецами и не превратится в оглушительный рокот, в тысячу крат сильнее того, что был вначале. От одного только этого чудовищного звука вся

шерсть у меня на спине встала дыбом. А тут еще его заглушил грохот, производимый самым настоящим чудовищем.

Пауки обычно ползают очень тихо, почти бесшумно, но это, по всей видимости, относится только к представителям низшей весовой категории. А вот паук-ведун, весом не меньше пятисот килограммов, уже издали предупреждал о своем приближении громким топотом многометровых лап, глухо врезавшихся в землю, словно бетонные сваи. Сначала я ощутил слабую вибрацию, но уже вскоре отчетливо слышал звук каждого шага гиганта, который быстро и целенаправленно полз прямо ко мне.

Бум! (раз) **Бум!** (два) **Бум!** (три) **Бум!** (четыре) **Бум!** (пять) **Бум!** (шесть) **Бум!** (семь) **Бум!** (восемь). Восемь раз. Восемь ног. Значит, паук уже немолод.

Над поляной на многокилометровой высоте проплывало маленькое дождевое облачко, скорее всего отбившееся от стаи своих собратьев после темногорской грозы. Я впился в него гипнотическим взглядом. А вдруг удастся остановить и умолить пожертвовать страждущим несколько капель? Я все смотрел и смотрел, мысленно приказывая облачку остановиться и пролиться дождем, глаза чуть не вылезали из орбит. На какой-то момент оно и вправду замешкалось, вероятно столкнувшись со встречным потоком, но потом преспокойненько, как ни в чем не бывало, заскользило дальше и вскоре скрылось за макушками елей, оставив после себя сияющее синевой ясное небо. Теперь уже точно до следующего дождя ждать месяцы, а может быть, даже годы.

Бум! (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!) **Бум!** (Воды!)

«Воды! Воды! Воды!» — мысленно вопил я, как странник в пустыне.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВОДА ЗАМОНИАНСКАЯ: Замонианская вода существует в самых разнообразных формах, чаще всего,

естественно, в жидкой, однако бывает и твердой (лед) или газообразной (туман). Еще реже встречается вода загущенная, напоминающая по консистенции желе (см.: акваботы). Самым большим водным резервуаром Замонии является омывающий материк Замонианский океан, воды которого, прежде чем использовать для питья, следует тщательно очищать от содержащихся в них солей.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

А посему питьевую воду берут обычно из рек, озер или подземных источников. Самая чистая пресная вода добывается в подземных пещерах Сладкой пустыни, а красная и зеленая вода находится в подземных озерах, где ее специальным методом перегонки окрашивают крохотные тролли.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Магнитная родниковая вода, которая может течь даже снизу вверх, собирается на склонах содержащих большое количество железа Темных гор. Революционный метод изготовления из такой, текущей снизу вверх, воды пива, открытый монахами-молчальниками церкви Бичевания Бича и призванный облегчить производство и потребление этого любимого всеми напитка (монахи надеялись, что такое пиво достаточно будет поднести ко рту, как оно само ринется в глотку), потерпел неудачу, так как пиво самовольно стало выливаться из бочек и растекаться повсюду, куда ни заблагорассудится.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Бесполезная болтовня «Лексикона» еще больше усугубляли мои страдания. Я был готов на все, только бы заставить его замолчать.

> Сок бироланских берез, который порой во время сильной жары выступает на стволах бироланских болотных берез, почитается жителями Замонии чем-то вроде живой воды, поскольку якобы может исцелять долго не заживающие раны и язвы. Другими источниками жидкости в экстремальных условиях являются: дождевая вода, собранная с листьев растений, утренняя роса, сок, выдавленный из кактуса, влага, выжатая из камедаровых колючек (см.: камедар), и, конечно же, слезы, а также слюна, которые на девяносто девять процентов состоят из воды.

Слезы! Слюна! Я сам по большей части состою из воды! Достаточно только плюнуть! Поразительно, как это ценные мысли вылетают из головы в самый нужный момент!

Я стал собирать во рту слюну.

Вернее, я попытался собрать слюну во рту, но у меня ничего не вышло, поскольку в горле совсем пересохло. Страх превратил мою пасть в безводную пустыню, язык — в кусок наждака, нёбо — в пергамент. Казалось, даже слюна испугалась гигантского паука и поспешила спрятаться подальше, вглубь тела, так что мне не удалось выманить на поверхность ни капли.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Хорошо, попробуем со слезами! Надо постараться заплакать! Пустить слезу в нужный момент для меня не задача, да что говорить! — я непревзойденный мастер этого дела, возможно даже специалист экстра-класса!

Только слишком давно не тренировался, да еще экстремальные условия не давали возможности как следует сосредоточиться. Потому что паук в это время подошел уже совсем близко к поляне, о чем возвещали его громкие, отчетливые шаги:

Бум! Бум!
Бум! Бум!
Бум! Бум!

Я изо всех сил зажмурился, стараясь представить себе какую-нибудь печальную сцену, момент, исполненный скорби, трагедию,

вселенскую катастрофу. Например, похороны лучшего друга или даже свои собственные. Ни слезинки. Похоже, я совсем растренировался. А может быть, просто стал старше. Пока ты маленький, ревешь по любому поводу, а станешь старше, и надо, да не заплачешь. Возможно, я уже достиг того возраста, когда перестают плакать совсем.

Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!

Б
У
М
!

Последний раз совсем близко. И вот он уже на поляне. Сначала его не было видно, только сквозь листву проглядывал один из восьми глаз — решил сперва полюбоваться, что за добыча попалась в сети. Потом над вершинами деревьев взгромоздилась гигантская туша. Надо мной нависли блестящие нити желто-зеленой слизи, вытекающей из какой-то дыры, наверное рта. Что это, та самая смертоносная, разлагающая слюна, которой паук умерщвляет свои жертвы?!

И тут я впервые услышал голос паука-ведуна, этот кошмарный, лишающий разума вопль, вобравший в себя голоса всех самых опасных хищников животного мира: разъяренное рычание льва, ядовитое шипение кобры, самодовольное карканье коршуна, жадное сопение летучей мыши и хриплый хохот гиены. По спине у меня пробежали мурашки, а на глаза навернулись слезы ужаса.

Я разрыдался — не по расчету, не потому, что растрогал себя печальными сценами, — я просто был очень напуган. Слезы хлынули у меня из глаз двумя ручьями, и я приложил все усилия, чтобы текли они прямиком на приклеенные к паутине лапы. Но то ли глаза мои от страха косили, то ли я слишком тряс головой от рыданий, только слезы постоянно капали мимо и приземлялись в добрых десяти сантиметрах от намеченной цели.

У каждого в жизни бывают моменты, когда ему кажется, что

весь мир ополчился против него. То же самое чувствовал я. Но бывают и такие минуты, когда начинаешь снова верить в удачу. В течение двух или трех секунд слезы мои, капая мимо цели, собирались в бутоне большой тигровой лилии, откуда они все вместе, как ядро катапульты, отпружинили вверх, описали дугу и упали на березовую ветку, прижимавшую высокий куст папоротника, который в свою очередь, тотчас освободившись, резко выпрямился и ударил снизу вверх в молодой каштан, листья которого были обильно напитаны минувшим дождем, — меня окатило прохладным, живительным душем, и этот момент запомнился мне как счастливейший в жизни. Лапы наконец-то отклеились от паутины, и начался марафонский забег по Большому лесу.

Марафонский забег по Большому лесу

Первый час. По правде говоря, я еще ни разу в жизни не бегал. На корабле у карликовых пиратов было слишком мало места, на острове у химериад мешали поваленные деревья, на плоту — тем более не разбежишься, на острове-плотожоре мне некуда было спешить (особенно под конец), с Маком мы почти все время проводили в полетах, а в Ночной школе не было уроков физкультуры.

Итак, впервые в жизни мне пришлось бегать — и заметьте, не ради забавы! — речь шла о жизни и смерти. Я настроил себя на долгий забег: как известно, побеждает либо быстрейший, либо самый выносливый. А шансы в этом забеге явно были не на моей стороне. У меня только две короткие, нетренированные ноги, и вообще я всего лишь медведь, а не какая-нибудь антилопа. У

паука же лапы куда длиннее, да еще их ни много ни мало, а восемь штук.

И вот я побежал, достаточно быстро, чтобы сразу несколько оторваться от паука, но все же не слишком резво, чтобы как можно дольше сохранить темп и дыхание. Небольшой по сравнению с пауком рост сослужил мне и добрую службу — я беспрепятственно несся между стволов, толстые ветви мелькали высоко над головой, в то время как пауку приходилось прокладывать себе дорогу сквозь чащу, ломая и топча все на своем пути, будь то кроны деревьев, могучие стволы или густые кусты. Сила паука, казалось, была беспредельной, гигантские ели он валил весом своего тела, словно солому. И все же ему постоянно приходилось бороться с препятствиями, тратя на это драгоценное время и силы, пока я не разбирая дороги, сломя голову летел по прямой. На открытом пространстве наша гонка завершилась бы очень скоро, длина его ног сыграла бы решающую роль.

Главное в беге — правильное дыхание. Вдох — два шага, выдох — еще два. Передние лапы слегка согнуты на уровне груди, стопы приземляются на пятку, затем плавно перекатываются на носок. Первый час я пробежал довольно легко. Я летел ласточкой между деревьев, быстро и равномерно; молодая сила в теле и панический страх в голове удивительно окрыляют. У меня открылся настоящий талант к марафону. С каждой минутой я все больше и больше отрывался от паука, а он оставался позади. Я даже начал надеяться, что он наконец отстанет и повернет назад. Его шаги звучали уже далеко позади, не меньше чем в получасе быстрого бега от меня:

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Второй час. Второй час прошел еще легче. Будто сама энергия текла вместе с воздухом в тело и питала силы в ногах. Постепенно я впал в состояние опьяняющего автоматизма, шаги мои становились все размашистее и увереннее. Чем дольше я бежал, тем больше, казалось, были запасы энергии. Энергия производится только путем потребления оной — никаких передышек! Паузы утомляют, после них не двинешься с места. Я даже прибавил ходу. Паук оставался все дальше позади:

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Третий час. Третий час прошел не так легко, как два предыдущих. Я начал потеть, сильнее, чем когда-либо в жизни, даже на самой страшной жаре. Соленая жидкость стекала по шкуре. При этом пот не капал на землю, а оставался висеть на волосках — ведь я не мог остановиться, чтобы как следует отряхнуться. От этого тело мое делалось все тяжелее, словно на него одно за другим набрасывали мокрые полотенца. Порою пот застилал глаза так, что надо было соблюдать крайнюю осторожность, чтобы с размаху не наскочить на какое-нибудь дерево. И все же я был уверен, что выиграю гонку, хотя пауку снова удалось сократить разрыв и его шаги звучали теперь чуточку громче:

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Четвертый час. Четвертый час снова принес некоторое облегчение, возможно, потому, что я уже совершенно не чувствовал тела. Я превратился в летучего духа, лишенного тела, парящего над землей, словно на воздушной подушке. То ли тело мое преодолело боль и усталость, то ли оно — что казалось мне более вероятным — просто осталось сидеть где-то далеко позади — в общем, я его совершенно не чувствовал. Только сознание все еще продолжало рваться вперед, и оно стало быстрым как ветер. Паука уже почти не было слышно.

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Пятый час. С наступлением пятого часа непрерывного бега я

уже не знал, кто я, что я и где нахожусь. Временами я прекращал бежать и останавливался, обалдело озираясь вокруг, не понимая, что делать дальше, но тогда, к счастью, сознание возвращалось, предостерегая от наихудшего. Меня посещали самые странные мысли и видения, и я все больше проваливался в состояние полного умопомрачения. Порой мне казалось, что лес создан только для того, чтобы я мог по нему бежать. Мое невесомое тело поднималось все выше и выше, и я уже твердо верил, что с высоты птичьего полета обозреваю весь лес целиком, мало того, распоряжаюсь его судьбой, повелеваю каждым корешком, каждой травинкой или сучком. Потом я взлетел еще выше и мог уже окинуть взглядом всю Замонию со всеми ее обитателями, которых я видел всех по отдельности, будто через гигантскую лупу, при этом знал каждого по имени и мог единовластно решать, какая участь ждет любого из них. Наконец я вырвался в космос и оттуда наблюдал уже за всей нашей планетой, уверенно контролируя скорость ее вращения и регулируя силу притяжения. Ради шутки я даже устроил парочку ураганов над океаном.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

МАРАФОНСКАЯ ГОРЯЧКА. Редкое состояние, в которое впадают исключительно бегущие по замонианскому Большому лесу. Спустя пять часов непрерывного бега температура тела бегуна в результате резкого увеличения концентрации в нем кислорода, вырабатываемого замонианским смешанным лесом, поднимается до 45° С, что для любого находящегося в неподвижном состоянии существа означало бы верную смерть. У бегущего же это вызывает лишь высвобождение так называемых независимых бацирр, которые, представляя собой похожие на бацилл микроорганизмы, мгновенно распространяются по всему телу и, достигая мозга, вызывают самые удивительные галлюцинации, которые, правда, никоим образом не мешают бегуну, а, напротив, помогают ему забыть об усталости и способствуют достижению еще больших спортивных результатов. Все эти галлюцинации имеют исключительно приятный характер и всегда связаны с

быстрым передвижением вперед, так, например, бегущий часто представляет себя антилопой, леопардом или ласточкой — одним словом, кем-нибудь очень и очень быстрым.

В моем случае речь, видимо, шла о каком-то летающем боге. Но какая разница, если это помогало бежать быстрее. Паук к этому времени уже вовсе перестал для меня существовать. Может, он уже повернул назад?

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Шестой час. К началу шестого часа моего марафона всё снова вернулось на свои места: и сознание, и тело, отчетливее и тяжелее, чем когда-либо. Мне казалось, что на меня навесили мешки с цементом, ноги еле передвигались, словно налитые свинцом, шкура насквозь пропиталась по́том, я спотыкался при каждом шаге, и мне стоило неимоверного труда удерживать равновесие. Марафонская горячка прекратилась так же незаметно, как и началась, умопомрачение уступило место ясному и четкому осознанию того, что силы мои на исходе, а паук упорно приближается:

Бум! Бум! Бум! Бум!
Бум! Бум! Бум! Бум!

Седьмой час. С наступлением седьмого часа моего бега по лесу начало смеркаться. Сумерки принесли приятную прохладу, несколько остудив мой жар и подсушив пот.

А потом пришла ночь и стало темно. Я неплохо чувствую себя даже при самом скудном освещении, это выяснилось еще во время учебы в Темных горах. Великолепная ориентация в пространстве, обычная для морского волка, и развитые органы обоняния помогают мне даже в кромешной мгле перемещаться свободно, не хуже летучей мыши. Я чую запах деревьев, прежде чем успеваю на них наскочить, а внутренний голос подсказывает направление — это инстинкты, которыми обладаем только мы, синие медведи. И все же шаги паука-ведуна слышались все отчетливее, расстояние между нами сокращалось, он с грохотом, словно паровоз на ходулях, пробирался за мной по пятам в лесной чаще, разъяренно шипя и жадно скрежеща челюстями. Я собрал воедино все свои силы, чтобы сделать последний рывок. Раз и навсегда оторваться от монстра или окончить дни в его

пасти. На карту было поставлено все.

И в этом мне пригодились знания, полученные в Ночной школе, особенно в области биологии. Сверкая пятками, словно кролик, ныряя под корнями, как настоящий лис, я понесся галопом, как зебра, учуявшая погоню. Подобно ящерице, я менял направление, ежом зарывался в листву, выглядывая оттуда осторожным глазом ужа.

Только у паука было целых восемь глаз, и ориентировался он в темноте ничуть не хуже. Да еще его подгонял голодный желудок, заставлявший развивать небывалую скорость. Кроме меня, в лесу, наверное, уже давным-давно не осталось никакой живности, поэтому нетрудно представить, что он почувствовал, завидев добычу после длительной голодовки. Пауки, правда, могут голодать очень долго, но когда-то приходит конец и последней накопленной калории. Если я уйду от него сейчас, у него не останется больше сил заманить в ловушку и умертвить новую жертву, особенно после такого грандиозного марафона по лесу. Придется несолоно хлебавши уползти обратно в чащу и встретить там голодную смерть.

Я отчетливо слышал, что он ускорил темп:

Бум! Бум!
Бум! Бум!
Бум! Бум!
Бум! Бум!

Восьмой час. А я не мог ответить ему тем же, ведь я все-таки не какая-нибудь ласка или газель, а обыкновенный медведь, то есть существо в нормальной жизни скорее неповоротливое и склонное к неторопливости. Ноги мои при каждом шаге падали на землю, как тяжелые гири, каждый мускул изможденного тела болел на свой особый, сводящий с ума манер, но хуже всего было то, что внутренний голос постоянно шептал на ухо, что надо остановиться, устроиться поудобнее на земле и немного вздремнуть. А паук-ведун в это время, будто учуяв мое настроение, воспрянул духом и стремительно стал приближаться. Стволы деревьев веером разлетались у него из-под ног, кусты, вырванные с корнями, он отшвыривал далеко в сторону и при этом еще шипел мне в спину ругательства на своем паучьем языке. Он настойчиво надвигался на меня, а силы мои были исчерпаны до последней капли.

Бум! Бум!
Бум! Бум!

Бум! Бум!
Бум! Бум!

И все-таки я кое-как заставлял себя двигаться вперед. Правда, от усталости начали отказывать природные инстинкты, и я то и дело налетал на деревья, спотыкался о корни или путался в кустах, — одним словом, несмотря на все усилия, практически топтался на одном месте, в то время как паук пыхтел у меня почти за самой спиной:

Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!
Бум!

Б
У
М
!

Паук-ведун приблизился почти вплотную, от долгожданной жертвы его отделял теперь какой-то один-единственный паучий шаг. Все пропало! Столько часов бесполезного бега! Последние силы покинули меня! А не лучше ли остановиться и встретить врага лицом к лицу? Кто знает, может, в открытом бою у меня будет больше шансов, вдруг паук устал ничуть не меньше меня. И тут в нос мне ударил необычный и в то же время знакомый запах.

«Странно, — подумал я, — кажется, пахнет серодородом!»

Не успев сообразить, где слышал это странное слово, я камнем ухнул в пространственную дыру.

8. Моя жизнь в черной дыре

Упав в черную пространственную дыру, ты летишь сразу во всех возможных направлениях одновременно: вниз, вверх, налево, направо, на юг, на север, на запад и на восток. При этом несешься во временном континууме с удвоенной скоростью света, описывая так называемый фили́нов октаметр, то есть открытую Филинчиком октаметрическую спираль. Филинчик, как всегда, первый занялся изучением этого феномена. Октаметрической спиралью он назвал вычисленную им двойную спираль, поделенную на восемь частей, которая одной своей частью существует в пространстве, другой — во времени и оставшимися шестью — в различных других измерениях, благодаря чему во время полета ты находишься как бы во всех точках универсума одновременно.

Я знаю, представить это очень непросто. И мой вам совет: не пытайтесь! Даже идеету требуется чуть не вся жизнь, чтобы представить всего лишь один квадратный метр пространственной черной дыры. И для этого у него должно быть как минимум четыре мозга.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ПРОСТРАНСТВО ЧЕРНОЙ ДЫРЫ. Представить один квадратный метр пространства черной дыры совсем не сложно, при условии, если у вас семь мо́згов.

> Представьте себе поезд, мчащийся с горящей свечой на крыше в черной дыре, в то время как вы сами со свечой на голове стоите на высокой башне на Марсе и заводите башенные часы размером ровно один квадратный метр. Затем представьте филина, который также со свечой на голове несется со скоростью света навстречу поезду в туннеле, который сам находится в некой черной дыре, у которой на голове тоже установлена горящая свеча (правда, чтобы представить себе черную дыру с зажженной свечой на голове, вам потребуется не меньше четырех мо́згов). Теперь нужно только соединить цветным карандашом полученные точки, в которых в этот момент находятся свечи, и у вас получится ровно один квадратный метр пространства черной дыры. А по часам на башне вы сможете определить время на Марсе, даже в темноте, поскольку на голове у вас горит свеча.

Итак, ты находишься одновременно во всех точках нашей планеты: в Альпах и Атлантическом океане, на Северном полюсе и в пустыне Гоби, на Ниле и в бразильском тропическом лесу. К тому же еще и в любой точке временного континуума: миллионы лет назад и позавчера в половине четвертого, осенью, летом, весной и в канун Рождества, на протяжении многих и многих тысячелетий — одним словом, повсюду, всех возможностей просто не перечесть.

Мало того, ты находишься не только на Земле, но и на Луне, на Сатурне, и в туманности Андромеды, и на любой из пяти звезд Кассиопеи, позади Бетельгейзе, под крылом у Пегаса, на левом роге Тельца, в созвездии Рака и во всех остальных известных местах универсума! То есть, упав в пространственную черную дыру, ты в одно и то же время оказываешься очень много где, а именно — везде.

От такого обилия впечатлений у любого нормального существа вполне может помутиться рассудок, но мозг при падении в пространственную дыру включает механизм экстренной самозащиты, впадая в состояние сумеречного сознания, названного профессором Филинчиком вульгарной кататонией.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВУЛЬГАРНАЯ КАТАТОНИЯ. Состояние душевного и физического оцепенения, в которое впадает организм, длительное время пребывающий в пространственной дыре. Это состояние почти полного телесного и умственного паралича характеризуется отсутствием всякой реакции на какие бы то ни было внешние раздражители, в том числе и на само падение в черную дыру. По телу распространяется приятная леность, уши краснеют, а на лице запечатлевается дурацкая блаженная улыбка. Отдаленно это состояние напоминает состояние беспомощного экстаза, возникающее на так называемых «американских горках» после двойной петли.

Вот в этом-то состоянии я и повстречал Кверта. Я как раз болтался где-то в созвездии Ориона, а Кверт, судя по всему, все еще парил в свободном полете в той самой дыре, куда я его столкнул, а может, и в другой, куда прыгнул сам.

Поскольку, как я говорил, упав в пространственную дыру,

находишься во всех точках пространства одновременно, вопрос нашей встречи зависел только от времени. Кверт неторопливо, словно при замедленной съемке, плавно паря и вращаясь вокруг своей оси, выплыл на меня из глубины космического пространства и, поравнявшись со мной, тупо осклабился. Похоже, и его не миновало состояние вульгарной кататонии, поэтому к событию нашей встречи мы отнеслись с обоюдным хладнокровием.

— Привет, Кверт! — сказал ему я.

— А, Синий Медведь! — равнодушно махнул мне рукой Кверт.

И поплыл дальше, куда-то в сторону Ригель, самой яркой звезды созвездия Ориона, а я заскользил в противоположном направлении. После этой уникальной встречи шансов увидеться снова уже точно не было никаких, во всяком случае по теории вероятности.

Состояние вульгарной кататонии позволяет даже спать во время полета, по правде говоря, от нее так и клонит в сон. Во всяком случае, я очень утомился, пока парил в космическом пространстве, или, вернее, — в космосе пространств.

Глаза мои постепенно сомкнулись, и я погрузился в сладкую, богатую сновидениями дрему, во время которой видел, наверное, всех, кто сыграл в моей жизни какую-то, пусть даже самую малую и ничтожную, роль. Карликовые пираты отчаянно горлопанили свои пиратские песни, волны-болтушки, непрерывно ругаясь и споря, плескались вокруг моего плота, химериады улюлюкали, вызывая меня на бис, и я непрерывно падал в жадную пасть острова-плотожора, откуда меня в конце концов непременно спасал Мак, Фреда забрасывала меня записочками, профессор Филинчик скакал верхом на своем филинотроне, темногорский червь грыз стальную луну, и, конечно же, мимо, весело болтая ногами, проплывал пещерный тролль. Появлялись в моих грезах и существа, которых я никогда раньше не видел: существа, с ног до головы закутанные в черное, путешествовали по пустыне на животных, отдаленно напоминающих верблюдов, город-мираж появлялся на горизонте и снова исчезал, а на пути у меня лежала огромная, величиной с настоящую гору, голова. А потом передо мной замелькал пестрый поток самых разных существ и жизненных форм, великанов, карликов, демонов, кошмарных червей и гигантских хищных птиц, отталкивающих и удивительно притягательных одновременно. Тогда я принял все это за пустые

видения, но теперь знаю точно — то было реальное будущее.

Из приятного сладкого сна меня вдруг выдернул оглушительный грохот. Нет, оказывается, сон продолжался, только на этот раз я встретил «Молоха». Он проплывал мимо меня в космическом пространстве и выглядел удивительно натурально, только теперь можно было разглядеть его целиком, вместе с килем, поросшим целыми рифами кораллов, колониями ракушечника и густыми водорослями. Сопровождал корабль-великан почетный эскорт из тысяча и тысяч акул, медуз и мурен.

Вот в таком состоянии между сном и кататонией ты скользишь себе сквозь пространство и время, пока наконец не вынырнешь где-нибудь на другом конце света, в какой-то другой точке универсума, куда выходит одна из невообразимого множества пространственных дыр. Интересно, куда занесет меня? Только бы не в другое измерение!

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЧЕРНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЫРЫ [продолжение]. Отваживаясь на прыжок в пространственную дыру, нужно не забывать, что в другом измерении решительно все устроено по-другому. Может даже случиться, что там не хватает чего-то очень важного и необходимого для вас, например, атмосферы. Или же атмосфера состоит не из воздуха, а из свинца или бетона. Может также случиться, что привычные для нас законы природы там не функционируют, а вместо них действуют какие-то другие. Например, нет силы тяготения, а возможно даже самих понятий пространства и времени. Другое измерение может запросто целиком и полностью состоять из одной лишь замороженной скуки или музыкального холода, из какого-нибудь ядовитого газа или раскаленной тысячеградусной лавы, из тока высокого напряжения или несбыточных желаний.

Есть измерения, в которых печаль является главным продуктом питания для существ, живущих в крошечных

храмах, сложенных из тоски. Есть также измерения очень маленькие, в которых наша планета сжалась бы до размеров булавочной головки, — это такие мини-измерения с совершенно крохотными законами природы. А другие, наоборот, такие огромные, что атомы там размером чуть не с нашу планету. Есть измерения, где живут только мысли, а в иных — неприятные чувства, такие как, например, голод и зависть, и существуют они в виде маленьких, подрумяненных кренделько в, которые еще умеют петь, — одним словом, все возможно!

Если попадаешь в двухмерное измерение, то станешь плоским, как блин на сковороде, а в одномерном вытягиваешься до бесконечности, словно тонкая резинка, в пятимерном превращаешься в нечто среднее между радиоволной и головной болью, а описать, как выглядит существо, попавшее в восьмимерное измерение, вообще не хватит возможностей нашего языка. Из всего этого ясно следует одно: попав в другое измерение, вам придется в корне изменить все свои привычки, и притом самым радикальным образом.

Другое измерение. Когда я выбрался из пространственной дыры, у меня было такое чувство, словно кто-то рукой залез мне в желудок и вывернул его наизнанку — более аппетитного сравнения, к сожалению, не могу придумать. Сделав несколько быстрых кувырков и совершив пару отчаянных пируэтов, я наконец пришел в неподвижное состояние.

Сидя на корточках и стараясь справиться с приступом тошноты, я посмотрел вниз, чтобы определить, на что это я приземлился.

Одно из наиглавнейших правил путешествия в пространственных дырах гласит: по приземлении первым делом определи, на чем ты сидишь. Если пол под тобой из бетона, значит, можно рассчитывать на более или менее стабильные законы природы, если же из жидкой лавы или кометного газа — пиши пропало. То, на что приземлился я, казалось мягким на ощупь и было украшено искусно выполненным орнаментом.

Это был ковер.

Подо мной находился очень длинный, шириной примерно сто метров ковер, по краям которого зияла черная пропасть. Все

пространство над головой вдоль и поперек было изрезано другими коврами, тянущимися во всех возможных направлениях интергалактическими, тканными автобанами. Мимо с шумом проносились летающие ковры-самолеты.

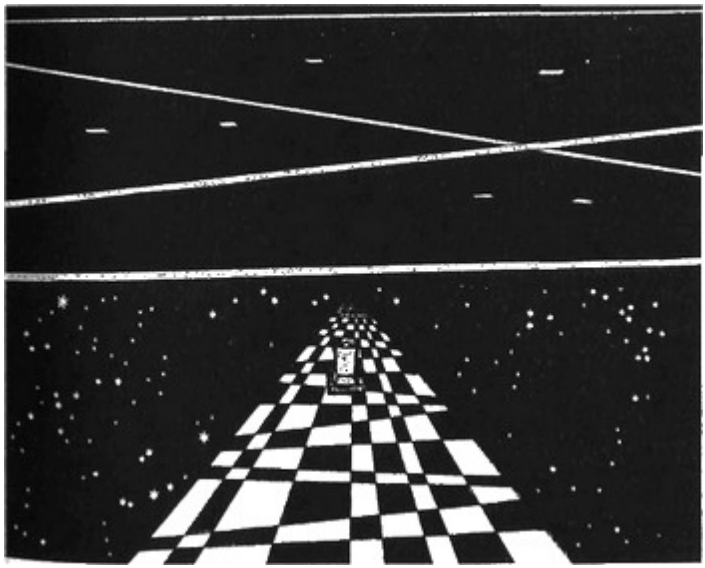
Метрах в ста от меня возвышался красивый, величественный трон. Я поднялся, все еще в некотором замешательстве, и стал приводить в порядок свой гардероб. Кто-то похлопал меня сзади по плечу. Я обернулся.

И увидел Кверта.

То есть не совсем Кверта, а очень похожее на него существо, как и несколько сотен тысяч других, столпившихся позади меня на ковре. Целая армия квертоподобных желейных существ! Меня потащили назад, в самую гущу бурлящей толпы, так как я, похоже, загораживал им трон, который по какой-то причине казался им в этот момент очень важным. И больше никто не обращал на меня внимания. Неподалеку небольшая группка желейных существ пыталась изобразить что-то вроде музыки, которая самым жутким образом резала слух, и я готов поклясться, что играли они ее на инструментах из молока.

Потом толпа беспокойно задвигалась, и сквозь нее величественно прошествовала небольшая процессия, во главе которой — на этот раз я уж точно не ошибся! — важно выступал Кверт. Лучшего друга узнаешь даже среди многотысячной толпы его двойников. Я окликнул его по имени, но мой голос потонул в море всеобщего ликования, и меня еще больше оттеснили назад. Кверт с высоко поднятой головой величаво вышел из толпы и медленно, с достоинством зашагал к трону, музыка в это время зазвучала патетически, то есть еще ужаснее. Разве мог он в таком гвалте что-то расслышать? Кое-как пробравшись вперед, я побежал к нему.

Не знаю, каким чудом я попал в это измерение именно к моменту коронации Кверта, но надо было приложить все усилия и предупредить его, чтобы он не свалился в пространственную дыру.



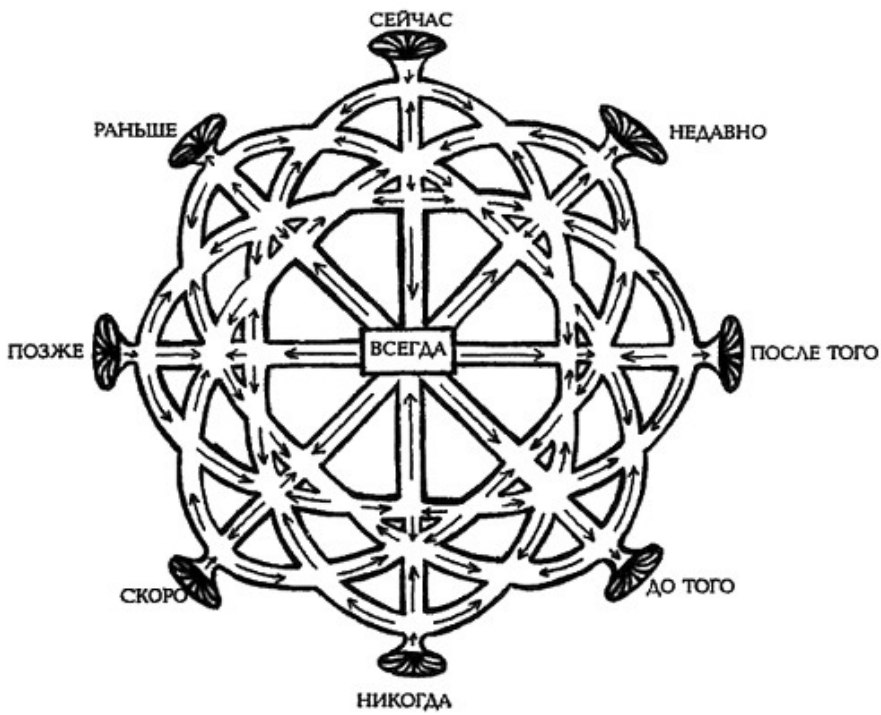
Исторический момент. Негодующий шум поднялся в толпе, пока я бежал к Кверту, но он из-за музыки опять ничего не слышал и, не оборачиваясь, твердым шагом продолжал свой путь. Наверное, он в этот момент страшно волновался. Я уже почти настиг его, как вдруг моя нога застряла в складке ковра, я оступился, потерял равновесие и полетел ему в спину. От сильного толчка Кверт кубарем покатился по ковру, перелетел через край и разом ухнул в космическое пространство, где в один миг растворился в темноте. Толпа застыла от ужаса, музыка смолкла. Я подошел к краю ковра и испуганно посмотрел вниз.

На меня пахнуло серодородом.

Это не Кверт споткнулся и упал во время коронации, как он всегда думал, это был я. Я в ответе за то, что он попал в наше измерение. Оказывается, самая невероятная случайность, какую только можно себе представить, в действительности была не такой уж случайной — хотите верьте, хотите нет. Толпа угрюмо двинулась на меня. Я, не раздумывая ни секунды, прыгнул в дыру вслед за Квертом.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ТУННЕЛИ. Привычное нам понятие времени делится, как известно, на: прошлое, будущее, настоящее, раньше, позже, сейчас, до того, после того, в тот момент, вчера, сегодня, завтра, в скором времени, наконец, с той минуты, до той поры и тем временем. При этом любое событие происходит в определенный момент, который является для него настоящим и который принято у нас обозначать понятием «сейчас»; но проходит время, и «сейчас» очень скоро превращается в «тогда», а еще спустя какое-то время оно становится «раньше», после чего временные границы еще больше размываются и оно переходит в неопределенное «некогда», или, как выражались наши предки, «в былые времена». Как происходит это превращение? Никто не знает. Известно только, что различные измерения соединены временны́ми туннелями. Время сквозь эти туннели свободно перетекает из одного измерения в другое, что дает ответ на извечный вопрос, куда утекает время.



Надеюсь, теперь вам более-менее ясно, как получилось так, что я, прибыв из будущего, принял участие в событии,

произошедшем в далеком прошлом, и притом еще в другом измерении. Меня самого в тот момент проблема эта волновала постольку-поскольку. Гораздо важнее был вопрос: где я вынырну из дыры в следующий раз? После неслыханного совпадения, нашей с Квертом встречи, шансы попасть обратно на родину были еще ничтожнее, то есть теперь уже точно равнялись нулю.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЧЕРНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЫРЫ [продолжение]. Попавший из одного измерения в другое вряд ли когда-либо сможет той же дорогой вернуться назад, в прежнее измерение. Во всяком случае, это еще никому не удавалось, поскольку шансы попасть в исходное измерение равны один к филлиону.

Что еще за филлион?

Филлион: математическая величина, вычисленная профессором Абдулом Филинчиком. Это число может представить себе только существо, у которого как минимум шесть мо́згов. Короче говоря: филлион означает «невообразимо много».

Итак, я снова путешествовал по просторам универсума и должен признать, на этот раз полет не произвел на меня и десятой доли того впечатления, что вначале. Кто однажды видел спиралевидную туманность и знает, что представляет собой фили́нов октаметр, вряд ли будет потрясен этим зрелищем вторично. Как опытный, бывалый посетитель пространственных дыр, я приготовился уже к длительному состоянию вульгарной кататонии, но мое падение вдруг резко оборвалось, и я мячиком выкатился на поверхность нового измерения.

Я знаю, что на этом месте повествования рискую потерять последних самых стойких своих читателей, но ничего не поделаешь — раз уж обещал писать только правду и ничего, кроме правды, другого выхода нет, придется честно сообщить вам, что я приземлился не где-нибудь, а именно в том измерении, откуда нырнул в черную дыру изначально. Событие это было не только самым невероятным из всех возможных во всем универсуме, но и пренеприятнейшим для меня, ведь у самой черной дыры должен был поджидать меня гигантский паук-ведун. А путешествие в космическом пространстве не только не увеличивало шансы спастись от него при встрече, но и немилосердно их сокращало, поскольку теперь наряду с усталостью от бега по Большому лесу, я еще был основательно выбит из колеи полетами сквозь черные дыры.

Так или иначе, жизнь моя между двух измерений закончилась. Не знаю, была ли она самой короткой или самой длинной из всех предыдущих. Пожалуй, и то и другое одновременно.

Во всяком случае, паука я не обнаружил.

И вокруг была не темная ночь, как в момент моего падения, а яркий, солнечный день.

Место то же, время другое. Это было бы уже *совершенно* невероятно, если бы я вывалился из дыры обратно еще в то же самое время. Поэтому объяснить отсутствие паука было несложно: значит, я действительно попал в другое время. Может быть, я появился там на следующий день. Или даже через неделю. Через месяц или целый год. Сотни лет спустя. А может, за миллион лет до нашей встречи с пауком. Все возможно.

Главное, паука на месте не оказалось. Уполз ли он в лес, чтобы встретить там голодную смерть, или же в тот момент еще не родился? А может быть, прыгнул вслед за мной в пространственную дыру и любовался теперь красотами

универсума. Лучше всего, чтобы он сварился где-нибудь в доисторической лаве или же сам стал жертвой какого-нибудь страшного чудовища.

Хотя не буду злорадствовать. Пусть бы он лучше отыскал дорогу обратно, в то измерение, откуда, по теории Филинчика, прибыли к нам его предки. Даже если вероятность такого совпадения ничтожна мала, это все же возможно. Мы уже знаем, что универсум способен на любые сюрпризы.

И тем не менее я как можно скорее постарался покинуть это страшное место и выбраться из леса. Частокол могучих стволов постепенно начал редеть, расступаться, и спустя приблизительно час я вышел на опушку. Передо мной словно подняли занавес, открыв взгляду другой, новый мир. Я стоял на краю белой, казавшейся бесконечной равнины, тянущейся до самого горизонта и растворяющейся там в светлой небесной дали. Насколько хватало глаз, вокруг не было видно ни одного деревца, ни единой горы, что меня абсолютно устраивало, принимая во внимание негативный опыт, собранный в горах и лесах.

Из ручья на опушке мне наконец-таки удалось напиться. Я пил очень долго, жадно и громко. Затем спустился по засохшей траве с пологого холма и оказался на равнине. Под ногами тихонько захрустел белый, очень мелкий песок, он прилипал к ногам и пах ванилью. Я поднял щепотку и попробовал на вкус. Так и есть — мельчайшая сахарная пудра. Должно быть, это и есть та самая Сладкая пустыня, о которой рассказывал нам Филинчик. Где-то там, на другом конце этого сахарного океана, лежит Атлантис. Вот куда я стремился всей душой.

Прежде чем пуститься в дальний, непредсказуемый, наверняка полный опасностей и лишений путь, нужно было сначала как следует выспаться. Недолго думая, я просто растянулся на белом песке. Солнце стояло еще высоко, но мне при моей усталости оно было не помеха. Закрыв глаза, я попробовал перед сном прикинуть все плюсы и минусы создавшейся ситуации и сделать из этого для себя соответствующие выводы.

Я не знал, в каком времени нахожусь, а именно — настоящее сейчас, прошлое или будущее? Только две вещи не вызывали сомнения: во-первых, я точно был в родном измерении, а во-вторых, определенно в Замонии. Кроме того, у меня не было ни перед кем никаких обязательств. Прошлое осталось в прошлом, будущее ожидало впереди, и я никому ничего не был должен. Так

что не все ли равно, какое сегодня число.

На этой оптимистической ноте я заснул.

9. Моя жизнь в Сладкой пустыне

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

СЛАДКАЯ ПУСТЫНЯ. Пустынями называют обширные равнинные области, которые, вследствие отсутствия воды, значительно обеднены растительностью, за исключением тех мест, где выход на поверхность подземных источников делает возможным образование зеленых оазисов.

В зависимости от основной составляющей грунта пустыни делятся на: каменистые, песчаные, соляные и сахарные. Сладкая пустыня, представляя собой одну из разновидностей последних, является смесью докембрийской ракушечной пыли, раннезамонианского вулканического пепла и доисторической сахарной пудры с калорийностью около 55 000 калорий на квадратный метр. Сладкая пустыня возникла на месте степи, некогда густо покрытой дикорастущими сахаросодержащими травами, которые под воздействием палящих солнечных лучей за многие века кристаллизовались и превратились в чистый рафинад. Сахарный песок Сладкой пустыни представляет собой сладкий на вкус, легко растворимый в воде и алкоголе, но не в эфире, углевод, образующийся в соединении с пенилгидрацином озазона, который, в зависимости от количества атомов в молекуле, может называться: триозоном, тетрозоном, пентозоном, гексозоном, гектозоном, октозоном и нонозоном.

Рельеф Сладкой пустыни, по причине высокой клейкости основной ее составляющей, отличается бóльшим разнообразием и обилием причудливых форм, чем в других пустынях. Главную роль в скульптурном оформлении Сладкой пустыни играет, естественно, ветер, служащий здесь не только основным транспортером, но и единственным, непревзойденным зодчим. Он поднимает сахарную пыль, переносит ее за многие километры, чтобы завершить там уже начатую композицию, но спустя несколько часов может все снова разрушить, так что от произведения не останется и

следа. Поэтому внешний облик Сладкой пустыни постоянно меняется, и происходит это куда более эффектно, чем в других местах. При достаточной влажности воздуха и одновременно активной работе ветра из песка возникают подлинные шедевры, способные вызвать зависть даже самого талантливого скульптора.

Удивительные, сказочные ландшафты пустыни во все времена магнитом притягивали искателей приключений и других шалопаев, ценящих изменчивость выше порядка и основательности. Многие из них отправились пытать счастья в Сладкую пустыню, но лишь единицы вернулись назад, и притом в до неузнаваемости измененном состоянии духа.

С добрым утром! Разбудил меня паук-ведун. Ослепленный ярким солнечным светом, я, открыв глаза, сначала увидел лишь длинные, тонкие волосатые ноги. Он стоял прямо надо мной и с наслаждением капал свою ядовитую слюну мне прямо на нос. Разлагающее действие его секрета, по-видимому, уже началось, потому что мне не удалось пошевелить даже пальцем. Неужели мое тело начало растворяться или, может, его уже вовсе нет. Я раскрыл рот, чтобы закричать, но из этого тоже ничего не вышло.

И тут наконец сон окончательно меня отпустил. Вполне безобидный, только, может быть, чуточку глуповатый с виду камедар стоял надо мной на своих тоненьких, шатких ногах и лизал мне морду.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

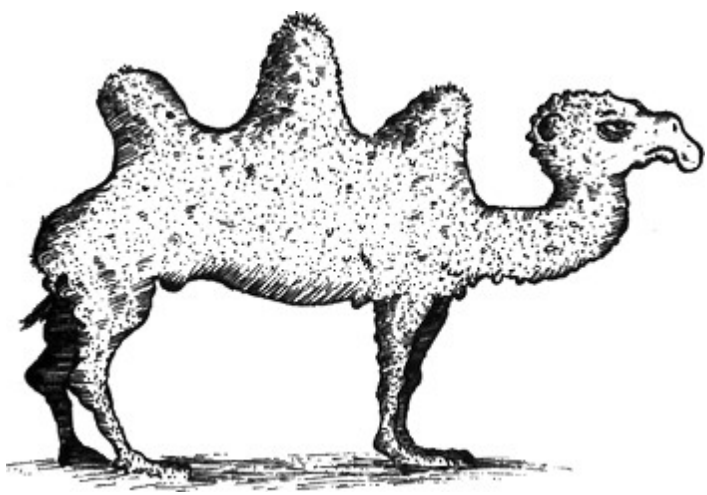
КАМЕДАР. Млекопитающее из отряда парнокопытных двупалых мозолистоногих. Выведен путем скрещивания верблюда и дромедара, обладает признаками и того и другого, поэтому на спине имеет не менее трех горбов. Длина взрослого животного от головы до хвоста составляет три метра тридцать сантиметров, а высота до верхней точки самого высокого горба — два метра двадцать. Все камедары отличаются крайне низким уровнем интеллекта, однако хорошо

приспособлены к жестоким условиям жизни в пустыне. Благодаря большому числу горбов, они могут накапливать огромное количество жидкости и при необходимости в состоянии до трех недель обходиться без воды, не снижая при этом физической активности. К тому же на горбах камедара имеются специальные соски, из которых легко и просто можно в любое время надоить себе питьевой воды. С виду камедары крайне некрасивы, можно даже сказать, безобразны. Скатанная шерсть, шаткая походка, полузакрытые глаза и тупое мычание делают их, на первый взгляд, неприглядными и малопригодными для верховой езды. Однако при всех своих минусах животные эти очень добродушны, привязчивы и легко управляемы с помощью самой примитивной уздечки. Кроме того, они очень неприхотливы в еде. Сухой помет камедара представляет собой отличное топливо. Разводят этих животных в основном кочевые племена (см.: *чудичи*), испокон веков скитающиеся по просторам Сладкой пустыни в поисках легендарного города Анагром Атаф.

Следующим, что я увидел, окончательно придя в себя после сна, были три существа, с ног до головы замотанные в черное, у которых в том месте, где должны быть глаза, сквозь прорези в материи выглядывали маленькие перископы.

Один из них наклонился ко мне.

— Смотри-ка, синий медведь! Чудно́! — сказал он, обращаясь к своим товарищам.



Я наконец поднялся на ноги и стряхнул с себя сладкую пыль. Чуть поодаль обнаружилась уже значительно бóльшая группа похожих друг на друга существ в черных одеждах — наверное, сотен пять, не меньше, и как минимум столько же камедаров.

— Кто вы такие? — спросил я чуть хрипловатым спросонья голосом и по той же причине несколько бесцеремонно.

— Мы чудилы без квартиры! Идем по свету, немного с приветом! — живо ответил тот, что наклонялся ко мне, потом взял меня под руку и добавил доверительным тоном: — С приветом, понимаешь? Это потому что мы такие чудики…

— Мы — чудичи, — вмешался его долговязый товарищ. — Ты, наверное, о нас уже слышал. Идем в Анагром Атаф. Пойдешь с нами?

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЧУДИЧИ. Кочевой народ, проживающий в замонианской Сладкой пустыне; случайно возникшее сообщество изгоев и отщепенцев, которые изначально скитались по пустыне в одиночку, но, не вынеся тягот одинокой жизни, были вынуждены объединиться, образовав небольшое племя, численность которого с тех пор выросла многократно. Стоит только чудичам

обнаружить в пустыне какую-нибудь попавшую в беду, заблудшую личность, они тут же принимают ее в свои ряды, не задаваясь лишними вопросами и совершенно не интересуясь ее происхождением, материальным положением, полом и вероисповеданием. Чудичи упорно не хотят следовать общепринятым потокам так называемой официальной миграции, придерживаясь своих собственных идеалов свободы, поэтому скитаются сами по себе в условиях по возможности максимально высоких температур.

Чудичи терпеть не могут спорить и выяснять отношения, известны любовью к животным, гостеприимством, нередко разделяют бредовые политические воззрения и обожают длинные, трудно запоминаемые имена. На протяжение многих веков они блуждают по просторам пустыни в поисках легендарного города Анагром Атаф, занимаясь попутно разведением камедаров.

Одежда чудичей состоит из длинных полотен чудобумажной материи темно-синего, почти черного цвета (материя производится из растущих в пустыне съедобных синих грибов, основного продукта питания чудичей), которую они тщательно обматывают вокруг тела, так, чтобы до него не добрались палящие лучи солнца. В прорезях на месте глаз они носят миниатюрные перископы, с помощью которых могут обозревать окрестности, даже зарывшись в песок во время бури в пустыне.

Возможно, я еще не до конца пришел в себя после сна или же слишком сильно хотел как можно скорее убраться подальше от зловещего леса, но, как бы то ни было, я, не задумываясь, согласился пойти вместе с ними. К решению этому меня, верно, подтолкнуло и то, что они держались со мной вполне дружелюбно. Во всяком случае, никто из них не пытался растворить меня ядовитой слюной, что уже было несомненным благом по сравнению с недавно приобретенным опытом.

Посвящение меня в члены племени также прошло очень просто, без проволочек и бюрократических формальностей. Они обмотали меня длинной темно-синей материей (от глазных перископов я вежливо отказался), кто-то громко выкрикнул: «Анагром Атаф!» — все остальные поддержали его гулким эхом, потом караван двинулся дальше, и я засеменил вслед за ним.

Спустя какое-то время ко мне подошел один из чудичей и предложил поесть, протянув мне кусочек чудно́го гриба.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЧУДНО́Й ГРИБ: с научной точки зрения не совсем точное название центральнозамонианского синего кактусоподобного гриба, произрастающего исключительно в Сладкой пустыне. Центральнозамонианский кактусоподобный гриб встречается лишь в местах, расположенных гораздо ниже уровня океана, круглый год открытых палящим солнечным лучам и содержащих достаточное количество сахарного песка. Это необычное растение известно высокой калорийностью и особенно ценится обитающими в пустыне кочевниками.

Чудичи питались почти одними синими кактусогрибами. А так как я теперь был, можно сказать, почетным членом племени, то и я, разумеется, тоже. В общем-то, другой еды в пустыне и не было, не считая, конечно, сахарной пудры да гадюк и скорпионов, ловить которых, само собой, никто не хотел.

А вот кактусогрибы росли в Сладкой пустыне чуть не у каждого камня, и их можно было собирать почти круглый год. Готовились они тоже несложно. Наевшись чудны́х грибов (а чудичи, как я сказал, питались исключительно ими), и в самом

деле становишься несколько чудаковатым. С одной стороны, всему, что видишь и слышишь, начинаешь придавать слишком большое значение, а с другой — все это кажется невероятно смешным и глупым. Большинство чудичей постоянно пребывали в состоянии некоего жизнерадостного упоения, и нередко всему каравану приходилось останавливаться и ждать, потому что кто-то вдруг предавался восхищенному созерцанию кактусного листа или рельефа бархана и ни за что не хотел двигаться дальше.

В колонне то и дело раздавался веселый смешок или оживленный шепоток, а порой случались даже приступы истерического хохота. Стоило кому-то зайтись в приступе смеха, весь караван останавливался и покорно ждал: ведь всем известно, что чудич в таком состоянии совсем беззащитный и его нельзя оставлять одного на произвол судьбы в Сладкой пустыне, — рано или поздно такое может случиться с каждым. Приступы порой длились не по одному часу, и тогда беднягу приходилось привязывать к горбу камедара, иначе его было просто не сдвинуть с места. А иной раз чей-нибудь взрыв хохота оказывался настолько заразительным, что постепенно, один за другим, мы все принимались кататься по песку, давясь и корчась от смеха. Так, с многочисленными остановками, мы и передвигались по пустыне.

С другой стороны, любым продвижением вперед мы все же были обязаны именно чудны́м грибам. Под влиянием сока этого удивительного растения самая обыкновенная ходьба превращалась в подлинное удовольствие. Мы часами шагали под лучами беспощадного солнца, не чувствуя усталости и сохраняя прекрасное расположение духа, а штурмуя, к примеру, при

полуденном зное барханы, представляли себе, что прыгаем на пружинах-ходулях по Луне.

Необычный гриб. Кроме всего прочего, кактусогрибы обладали еще и приятным вкусом — что-то среднее между нежным мясом тунца и жареной свининой, аппетитно приправленной шафраном. Сильнее всего дурманили голову сырые растения, но вкуснее и в то же время безопаснее они были в вареном или жареном виде. Их также запекали в золе, тушили, жарили на решетке или уже отваренные подрумянивали в растительном масле. Сушеные и герметично упакованные, кактусогрибы хранились почти бесконечно, еще лучше сохранялись они в виде концентрата, приготовленного из толченых сухих грибов, соли и муравьиного молока, скатанного в небольшие шарика, которые мы потом жевали вместо конфет. Засахаренные в ванильной пудре Сладкой пустыни и нарезанные на маленькие кусочки, они заменяли нам мармелад. Истертые в порошок грибы использовались в качестве приправы для разных блюд из кактусогрибов, что, на мой взгляд, было совершенно бессмысленно — все равно что поливать лимонным соком дольки лимона. Единственную неприятность доставляли колючки, поскольку были чрезвычайно ядовиты. Уколовшись такой колючкой, тотчас же валишься с ног и отправляешься на тот свет, даже не успев коснуться земли.

Вот только на камедаре скакать я выучился далеко не сразу. Надо сказать, что эти пустынные животные совершенно не приспособлены для верховой езды и требуется немалое время, чтобы к ним привыкнуть.

Если лошадь гарцует в такт классической музыке, то на спине у камедара чувствуешь себя так, словно скачешь под бой барабана, по которому колотит пьяный. Камедар переставляет ноги безо всякой последовательности, как захочет: то переднюю, то заднюю, то обе ноги сразу, при этом раскачивается из стороны в сторону — того и гляди упадет. Он никогда не идет по прямой, постоянно спотыкается и даже падает на колени, опять поднимется и продолжает раскачиваться дальше. Если я когда-то в жизни и узнал, что такое морская болезнь, то не в открытом море на корабле, а в пустыне на спине у камедара.

Тайна чудичей. Мне ужасно хотелось узнать, как выглядят чудичи под своими мрачными одеждами, но они старательно это

скрывали. Как я со временем понял, они не разоблачались из длинных полотен материи, даже когда спали или мылись. Внешний вид чудича, наверное, был самой большой загадкой Сладкой пустыни. Ученые, всецело посвятившие себя изучению этой проблемы и создавшие немало трудов на эту тему, выдвинули теорию, что чудичи — это в прошлом бергины, которые по какой-то причине вдруг облысели и, не вынеся позора, сбежали в пустыню и теперь вынуждены скрывать безобразие своего тела под темной одеждой. Только я не верю в эти басни. Вся теория основывается лишь на находке трех волосков бергины, случайно обнаруженных неким антропологом на полпути от Жутких гор к Сладкой пустыне.

Жизнь в караване протекала на удивление мирно. Споры, распри, выяснения отношений были чудичам не по душе, поэтому они всегда старались найти компромиссное решение. Время от времени появлялись, правда, разногласия по поводу того, в каком направлении следует двигаться дальше, но чудичи не устраивали голосования, поскольку это уже само собой означало конфликт, а просто продолжали маршрут не по прямой, а зигзагообразно.

Чудичи любили музыку, но только в своем собственном исполнении на собственноручно изготовленных инструментах, которые они с удовольствием доставали, когда собирались вечером у костра. На мой взгляд, в музыке этой не было ничего особенного, просто она служила поводом собраться вместе, скоротать вечер и помочь друг другу пережить ночь. Инструменты в большинстве своем представляли собой высушенные, выпотрошенные и ощипанные от колючек листы кактуса, в которые не дули, а бубнили. Некоторые были обтянуты кожей камедара, на них отбивали (всегда неторопливый) такт. Те чудичи, у которых не было инструментов, просто раскачивались под музыку и время от времени выкрикивали «Чудно!», подбадривая музыкантов.

Наверное, со стороны мы представляли собой самое курьезное зрелище: длинная процессия закутанных в темно-синее, постоянно хихикающих мумий, бодро шагающих по пустыне. Внешне мы казались сплоченным сообществом, но на самом деле все чудичи закоренелые индивидуалисты. Такой вот ходячий парадокс пустыни — вынужденное объединение по сути разъединенных.

Послание в бутылке. Послания в бутылках были не редкостью в Сладкой пустыне. В общем-то, это был единственный способ, особенно в ситуации экстренной необходимости, послать сообщение. Его помещали в бутылку и оставляли где-нибудь на склоне бархана, практически не надеясь, что песок когда-нибудь доставит его по назначению. К сожалению, скорость и направление движения песков в пустыне не поддаются расчетам, поэтому вероятность того, что почта когда-нибудь попадет в руки к нужному адресату, ничтожно мала. Одно из таких посланий, найденное чудичами, было, по всей видимости, очень старым, поскольку бумага уже пожелтела, а буквы, выведенные старинным шрифтом, сильно истерлись. Но в тот момент, когда была обнаружена бутылка, поднялась страшная буря, и чудичи, сочтя это знаком судьбы, решили повиноваться двенадцати правилам, начертанным на листке, как закону. Вот они:

1. Уповай на чудо!

2. Никогда не кличь белого петуха по имени!

3. Не вкушай дерево!

4. Если обнаружишь на пути своем две палочки, лежащие крест-накрест на земле, то перешагивай через них не правой ногой вперед, а левой назад; не трапезничай ими!

5. Если на костер падет тень ворона, огонь следует погасить и снова разжечь и повторить это три раза, дабы не случилась большая беда!

6. Если узришь белого петуха, восседающего на двух перекрещенных ветках, не губи его, не кличь по имени и не тщись к себе приманить!

7. Нареки себя так, как не зовут ни одно существо универсума! Встретив своего соплеменника, без запинки назови его полным именем! (К этому пункту чуть позже я добавлю некоторые подробности.)

8. Если тень ворона коснется белого петуха, восседающего на двух перекрещенных головешках потухшего костра, тебя ожидает горе-злосчастье. Не следует те(неразборчиво)**ха, а также кликать петуха по имени, трапезничать головешками, изводить ворона и обращаться к соплеменнику не полным именем!**

9. Никогда не шныркай назад! (Поскольку никто из чудичей не знал, что означает это «шныркай», они никогда этого и не делали, и, таким образом, этот пункт

правил выполнялся автоматически.)

10. Никогда не шныркай вперед! (То же самое.)

11. Никогда не укладывайся почивать на зыбучих песках, если они текут в сторону полудня! Если же они текут в сторону заката — приятных снов!

12. Ищи град под названием Анагром Атаф. Если сумеешь найти его и изловить, он станет твоим домом, и ты поселишься в нем навсегда!

Поскольку в пустыне не водились белые петухи, и я не испытывал желания поедать деревяшки, правила эти меня вполне устраивали, не считая того, что я их не совсем понимал. Последний пункт казался мне самым загадочным. Как можно «поймать» город? По правде говоря, я и не думал воспринимать их всерьез. Я был уверен, что написана вся эта галиматья была не иначе как под воздействием сильнейшего солнечного удара. Чудичам о своих подозрениях я, правда, ничего не рассказал — пусть себе тешатся, зачем оскорблять чудаков в лучших чувствах.

Итак, найдя бутылку с посланием сумасшедшего, чудичи еще более, чем раньше, отдались идее найти город под названием Анагром Атаф, поймать его и населить. Разумеется, идея эта была не нова, только чудичи стали первым сообществом, сделавшим ее основным пунктом своей программы.

Анагром Атаф. Из глубины веков до наших дней дошла легенда о сказочном, прячущемся где-то в глубине Сладкой пустыни городе Анагром Атаф, который многие путешественники видели издалека своими собственными глазами, но ни разу не смогли к нему приблизиться и уж тем более его посетить. Ходили слухи, будто в городе этом можно жить без забот и хлопот —

словом, так хорошо, как ни в одном другом месте нашего континента, там якобы не надо платить за квартиру, нет преступности и выхлопных газов, зато сколько хочешь места для парковки камедаров и в изобилии все остальные удовольствия, какие только можно ожидать от города-мечты. Во всяком случае, многие были не прочь помечтать о предполагаемых преимуществах этого райского уголка.

А таковых будто бы — по крайней мере, чисто внешне — действительно было немало: аккуратненькие белые домики с красными или золочеными крышами, раскидистые пальмы и высокие, изящные башни. В общем-то, ничего особенного — типичный южный городок средней величины. Только каждый, кто пытался к нему подойти, к удивлению своему, открывал, что городок удаляется, ускользает, словно мираж в пустыне. И, вероятно, именно потому, что никому еще не удалось ознакомиться с достопримечательностями этого городка, он снискал себе легендарную славу.

Искатели приключений думали, что там спрятаны несметные богатства, старые и больные верили, что найдут там источник вечной жизни, молодости и здоровья, гурманы представляли себе молочные реки и кисельные берега, а некоторые даже предполагали, что это не что иное, как ворота в Эдемский сад. Многие отправлялись на поиски города Анагром Атаф, но ни один не вернулся назад, а в пустыне повсюду встречались выбеленные сахарным песком кости тех, кого город-мираж заманил в самую глубь обезвоженного ландшафта. Никому так и не удалось разгадать загадку города-феномена. Кроме профессора Филинчика, разумеется.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

АНАГРОМ АТАФ. Анагром Атаф — своеобразная ландшафтная форма Замонии, Фата Моргана, или же, выражаясь научным языком, условно-стабильный, полуконкретный мираж в виде города-оазиса, встречающийся исключительно в Сладкой пустыне.

При температуре свыше 160° С сахарный песок Сладкой пустыни начинает плавиться (см.: *сахароплав*), закипает и превращается в легкий сахарный пар. Если же

в этот момент произойдет резкое падение температуры (например, при смене ветра), сахар застывает прямо в воздухе, а если еще во время кристаллизации молекул сахарного песка на них случайно попадет отражение реально существующего города-оазиса, то оно запечатлевается в них навсегда. Так появляется условно-стабильное зеркальное отражение города-миража, который под воздействием ветра перемещается во всех возможных направлениях, так что кажется, будто город путешествует сам по себе.

Правда, я со своей стороны был абсолютно уверен, что Анагром Атаф стал попросту результатом многовекового пристрастия чудичей к чудны́м грибам и их безрадостного существования в Сладкой пустыне, что и вызвало в размягченном изголодавшемся разуме картины идеального города-рая. Но я ни в коем случае не собирался отнимать у своих соплеменников их заветную мечту. Ведь город-мираж был единственным, что заставляло их двигаться вперед.

Чудичи шли весь день, а спали по ночам, что, с моей точки зрения, было в высшей степени неразумно, поскольку двигаться ночью, когда гораздо прохладнее, куда легче, чем при сумасшедшей жаре днем. Так мы смогли бы уменьшить расходы пресной воды и ориентироваться по звездам, ведь тучи над Сладкой пустыней явление крайне редкое. Да к тому же ночью в Сладкой пустыне светло как днем, ведь белый песок прекрасно отражает лунный свет.

Но чудичи панически боялись темноты, напоминая мне тем самым карликовых пиратов. Стоило только наметиться вечерним сумеркам, они тут же принимались искать место для стоянки, и оно непременно должно было быть неподалеку от подземного водоема. Мне всегда доставляло огромное удовольствие наблюдать за ними во время поисков воды. Сначала весь караван как следует подкреплялся чудны́ми грибами, чтобы, так сказать, обострить чувства и настроить дух на поисковую волну. Потом, раскинув руки, словно пьяные альбатросы, чудичи разбредались кто куда по пустыне. Если один из них вдруг начинал вертеться на месте и гудеть как волчок, значит, он нашел подземную водную артерию. Все остальные бросались к нему, ведь без посторонней помощи ему было уже не остановиться. Некоторые

по неопытности забредали в поисках воды слишком далеко и вращались так по несколько часов кряду, прежде чем их удавалось обнаружить. Потом у них еще долго кружилась голова, и приходилось по очереди следить, чтобы они не шлепнулись с камедара.

Утешительные истории на ночь. Как только местоположение подземного источника было установлено, чудичи разводили большой костер, сложенный из подсушенного помета камедаров, и рассаживались вокруг огня, чтобы скоротать вечер за музыкой и разговорами. Тем для разговоров у них, правда, было немного, а по сути только одна — какие опасности таит в себе ночная пустыня. Самые безобидные истории повествовали о сахарных коротышках (но об этом немного позже), большинство же были куда более страшные и кровожадные. Рассказывали, например, о неких темных существах со звездами вместо глаз, которые утаскивают бедных чудичей к себе на небо, а потом бросают их оттуда на землю так, что те превращались по пути в огненные кометы. Другая легенда гласила о гигантских змеях, маскирующихся в темноте под подвижные дюны и проглатывающих разом целые караваны. Еще существовало сказание о спящем песке, который днем спит, а в сумерках просыпается и подкарауливает замешкавшихся путешественников. Знали чудичи и легенды о духах ветра, песка и кактуса, бесчинствующих в темноте, а также о невидимых пропастях, ядовитых скорпионах, демонах пустыни и песчаных пиратах. Одним словом, у них было много причин не путешествовать по ночам, а вставать лагерем, обносить его кострами и пережидать темное время суток под защитой огня и своих соплеменников.

Бессонная ночь. Не могу сказать, что истории эти способствовали безмятежному настроению и помогали спокойно и быстро заснуть. Однажды вечером я пролежал без сна дольше обычного. И как будто мало мне было мучений от жесткого, наминающего бока песка, так до слуха моего еще стали доноситься из темноты какие-то очень подозрительные звуки.

Кровожадные пустынные койоты кружили вокруг лагеря с горящими красными глазами, гремучие змеи трещали своими хвостами, саранча собиралась многотысячными стрекочущими стаями, песок шуршал, гудел, скрежетал, пустыня пробуждалась от дневного сна. Семихвостая гидра-скорпион вертелась в самозабвенном танце в такт только что отзвучавшей музыке.

Вокруг костра клубами вились тысячи всевозможных насекомых, которые выбрались из дневных укрытий и теперь, влекомые новым зрелищем, летели на огонь. Колченогие пауки спотыкались о крупные камни, гигантские сороконожки и ядовитые ящерицы теснили друг друга в первых рядах у костра.

Чудичей все это, похоже, ни капельки не беспокоило. Неподвижные, словно мумии, они знай себе посапывали, замотанные в темные лохмотья, в то время как я весь извелся, наблюдая за возней всякой гадости на песке. Переливающийся всеми цветами радуги уж подобрался совсем близко, мне даже пришлось ударить его палкой и отбросить подальше к костру. Толстый подслеповатый тарантул все ползал и ползал вокруг, натыкаясь на меня в темноте, — его тоже пришлось отгонять. Четыре мотылька зависли в воздухе над головой, а огромная саранча, размером с целый батон, перепрыгнула через меня и как специально разразилась над самым ухом душераздирающим, нервно-парализующим стрекотом.

Постепенно я начал осознавать, что не создан для жизни в пустыне. Оставалось только надеяться, что в скором времени мы доберемся до такого места, откуда я смогу продолжить свой путь в одиночку. Я внимательно следил за происходящим вокруг, выспаться можно будет и завтра днем на спине у камедара. Пусть только попробует кто-нибудь снова сунуться, я сумею за себя постоять и живо укажу наглецу его место.

Чуть поодаль вдруг зашевелился песок. Наверное, какой-то заспавшийся жук выбирается на поверхность, чтобы помочь своим друзьям третировать меня. Я напряг зрение. Песок вздыбился и взорвался небольшим фонтанчиком. Но то, что появилось на свет, не было жуком. Это был палец.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного Абдулом Филинчиком

ПУСТЫННИКИ. Из всех неприятных существ, обитающих в Сладкой пустыне, подземные пустынники, пожалуй, самые неприятные. Для появления на свет и пробуждения к жизни пустынника необходимо выполнение следующих условий:

1. Мыслящий зыбучий песок. Первым обязательным условием появления на свет пустынника является мыслящий зыбучий песок. На территории Замонии самые большие залежи мыслящего песка находятся в дюнах Убистран и некоторых областях Сладкой пустыни.

2. Мертвецы с сомнительным прошлым. Для появления на свет пустынника необходимо также, чтобы минимум одна (а еще лучше несколько) личность с самым скверным, порочным характером провалилась в этот песок и обрела в нем вечный покой.

3. Жара. Еще одно непременное условие — зыбучий песок должен на протяжении нескольких столетий подвергаться разогреву под воздействием экстремально высоких температур, в результате чего он спрессовывается до твердого монолита и передает все свои интеллектуальные свойства застрявшему в нем скелету.

4. Жертва. Четвертое и последнее условие — одно или несколько живых существ должны встать лагерем как раз на том месте, где захоронены упомянутые выше скелеты.

В случае выполнения всех этих условий возникает феномен, обозначенный в священной демонологии как «опасное пробуждение». Подобно клещам, скелеты долгое время дремлют под толщей песка, а затем, вдруг проснувшись, выскакивают на поверхность и предательски нападают ночью на ничего не подозревающего, сладко спящего путешественника.

«Опасное пробуждение». За первым пальцем показался второй, затем третий, четвертый, и, наконец, на поверхность вынырнула вся пятерня.

Потом песок рядом с ней вдруг осел и из образовавшейся воронки вылез череп. То же самое произошло еще в нескольких местах на территории лагеря, внутри кольца костров, защищающих нас от непрошеных гостей. Почти все рептилии и насекомые моментально растворились в темноте. Скелеты торчали теперь из песка уже почти по пояс. На них частично

сохранились остатки прежней одежды: проржавевшие кольчуги и шлемы. Некоторые из них размахивали зазубренными мечами; похоже, эти жертвы зыбучих песков в свое время были пиратами.

— Тревога! — закричал я. — Тревога!

Один из скелетов уже полностью выкарабкался из песка. Кости его были покрыты толстым слоем сахарной пудры, что придавало ему еще более зловещий, неестественный, мистический вид. Он запрокинул лысую голову и дробно заклацал зубами, что, по всей видимости, означало довольство собой.

Чудичи повскакали с мест и суетливо забегали, налетая спросонья друг на друга. Повсюду из песка появлялись все новые и новые скелеты.

> ПУСТЫННИКИ [продолжение]. Как уже было сказано выше, непременным условием появления пустынника является его порочное прошлое. В большинстве случаев эти создания в прошлом были преступниками, пиратами или убийцами, сбежавшими от правосудия вглубь Сладкой пустыни. Впитав в себя еще и негативные свойства зыбучих песков, они превратились в убийц, едва ли сравнимых с кем-то своей беспощадностью.

Чудичи, громко крича, сбились в тесную кучку, но не один из них не делал даже попытки как-нибудь защититься. Их врожденное миролюбие не позволяло противостоять даже кровожадным скелетам-убийцам. Бедняжки только плотнее жались друг к другу и жалобно причитали, в то время как из песка выскакивали все новые и новые скелеты.

Недолго думая, я бросился к костру и выхватил оттуда самую большую пылающую головешку. Размахивая факелом, я двинулся к одному из скелетов. Огонь с шипением, разорвав темноту, коснулся плеча чудовища, и какое-то время мы оба стояли в фонтане клубящихся искр.

Скелет запрокинул голову и яростно лязгнул зубами. Потом дернулся ко мне, и не успел я опомниться, как головешка уже была у него в руках. Он разинул пасть и с легкостью перекусил дерево пополам; было видно, как добела раскаленные угли провалились сквозь ребра на землю. При этом пустынник умудрился задержать часть пламени во рту, и уже в следующий миг ночь озарилась ярким факелом выдуваемого огня. Потухший конец головешки он за ненадобностью равнодушно швырнул через плечо в пустыню.

Пустынник вперил в меня взгляд своих полых, мертвых глазниц. Чудичи еще теснее прижались друг к другу.

Скелет поднял правую руку и очертил костлявым пальцем в воздухе круг. Это был знак остальным к наступлению. Они быстро окружили нас плотным кольцом. Я судорожно перебирал в голове возможности защиты от вечно живых мертвецов. Огонь, как видно, был им нипочем.

Пустынники [продолжение]. Причинить вред пустыннику практически невозможно: во-первых, его скелет покрыт толстым слоем спрессованного песка, который отлично защищает кости от любого воздействия, будь то огонь или удары колющими или другими опасными предметами, к тому же, по причине полного отсутствия жизненно важных органов, пустынник вообще в принципе неуязвим. И если бы даже

нашелся способ умертвить пустынника, это все равно не причинило бы ему никакого вреда, поскольку он уже мертв. Единственный совет, который можно дать ставшему свидетелем «опасного пробуждения», — не предпринимать никаких действий и всецело положиться на волю судьбы.

Кольцо пустынников вокруг нас между тем постепенно сужалось. Один камедар чуть отбился от стада — не меньше дюжины скелетов тут же бросилось на него. Ночь пронзил отчаянный, жалобный вопль, и снова воцарилась гробовая тишина.

Нас от пустынников отделяло теперь не больше метра. Они о чем-то тихо переговаривались на своем скрипучем языке, щелкая челюстями. Скорее всего, уже делили добычу. Я отступил назад, в гущу столпившихся за спиной чудичей, и чуть не свалился, потому что нога моя провалилась в дыру. Это оказался засыпанный песком колодец, ведущий в подземный резервуар с водой. Нога прочно засела в вязкой жиже. Мигом подскочившие два чудича быстро помогли мне вытащить ее из липкого размокшего песка. Сладкая каша натужно чавкнула — и через секунду я был на свободе. А вслед за мной из образовавшегося отверстия вырвался фонтан воды.

Пустынники замерли. Один из них указал отвисшей челюстью на бурлящую воду и омерзительно залязгал зубами. Я схватил лежавший неподалеку посох и, недолго думая, вонзил его в песок. Под землей зачавкало и заклокотало, а потом оттуда на поверхность вырвалась могучая, толщиной со ствол дерева и высотой до самого неба, струя воды.

Впервые за долгие, долгие годы пустыня снова оросилась дождем.

Чудичи все еще не понимали, что происходит, а вот пустынники уже заподозрили неладное. Тяжелые, жирные капли забарабанили по скелетам. В панике закрыв головы руками, они пытались спрятаться от падающей с неба воды. Однако вода беспощадно хлестала их по костям — по этой смеси спрессованной костной муки, сахарного песка и злости. У одного скелета уже отвалилась рука, она упала на землю и раскололась на три части. У другого растворилась нога, несколько мгновений она еще сохраняла привычные очертания, но потом вдруг разом осела и растеклась. У третьего отвалилась голова, у четвертого превратившийся в сладкую кашицу череп сполз внутрь грудной клетки. Пустынники растворялись.

Наконец чудичи сообразили, что делать. Они схватили посохи и отчаянно заработали ими, расширяя колодец и освобождая путь воде. Фонтан забил еще сильнее, а дождь припустил с новой силой.

Уцелевшие пустынники беспомощно метались взад и вперед, пытаясь спастись от неминуемой смерти. Один за другим они оседали на песок бесформенной вязкой кашей.

Чудичи плясали под дождем и хлопали в ладоши. Я внимательно следил за тем, чтобы ни одному из пустынников не удалось скрыться.

Почти все они уже растворились и смешались с песком, из которого только что вышли. Тут и там на земле еще валялось несколько отчаянно лязгающих зубами, уже сильно пострадавших от воды черепов, но чудичи быстренько помогли им отправиться вслед за остальными. Вскоре от пустынников не осталось и следа. Чудичи столпились вокруг меня и отдали должное моей сообразительности.

Было решено, в виде исключения, не дожидаясь рассвета, двинуться дальше и разбить лагерь где-нибудь в другом месте.

Решение. После столкновения с пустынниками мне стало окончательно ясно, что я должен во что бы то ни стало как можно скорее выбираться из Сладкой пустыни. Это было совсем не то место, где бы мне хотелось остаться жить навсегда. Не было у меня сомнений и в том, что я никогда не смогу привыкнуть к чудичам и не стану одним из них. Во всяком случае, атмосфера в караване оказалась совсем не такой уж безоблачной и дружелюбной, какой она выглядела вначале. Со временем я открыл для себя в жизни чудичей множество недостатков и изъянов, которые даже самому миролюбивому и дружелюбному

существу могли бы попортить немало нервов.

Проклятие имени. Прежде всего это была, ставшая следствием правила номер семь послания из бутылки, склонность к чудовищно высокопарным или же неимоверно раздутым надуманным именам типа Тарата Тартарарата Солнечная Заря или Цезарь Цезариус Цикцак Малина или Бункель Рункель Универсункель Фрак. В страхе нарушить правило и присвоить себе имя уже существующее в универсуме, они выдумывали самые немыслимые имена, основной отличительной чертой которых являлись непомерная длина и нелепейшее сочетание слов. Неприятнее всего было то, что чудичи, неукоснительно выполняя предписание правила, настоятельно требовали, чтобы их обязательно называли полным именем. Прозвища или сокращения считались оскорблением и якобы даже приносили несчастье.

Такие имена, как, например, Пельменяри Паприкари Пармезани, можно было еще худо-бедно запомнить благодаря некоторой смысловой параллели и схожести звучания, но что было делать с абсолютно непроизносимыми, такими как Клараан Клапракаан Паплакаалакраапа? Стоило ошибиться всего в одном только слоге, и владелец имени чувствовал себя смертельно обиженным и потом целый день преследовал тебя упреками и негодующими взглядами, так что не оставалось ничего другого, как только совершить ритуал, называемый в караване «чудовством» и заключавшийся в следующем: обидчик должен посыпать себе голову сладким песком и кричать во все горло без запинки неправильно произнесенное имя до тех пор, пока обиженный не сжалится и не согласится его великодушно простить. В зависимости от сложности имени и настроения обиженного, продолжаться это могло часами, днями и даже неделями.

Вот почему я в конце концов стал избегать чудичей с особо замысловатыми именами. Их могли звать, к примеру, Шахашахараха Шешахарахашаша Рашаха или Фарферафараафафе М. Мармеладамекамелеконфе, причем я понятия не имел, что означает это «М.». Сегодня мне даже кажется, что многие из этих имен специально были придуманы с такой изощренной фантазией, чтобы все постоянно в них ошибались и можно было подуться в свое удовольствие, ведь пустыня предлагала не так много иных развлечений. Одного чудича я боялся больше всех. Его, как сейчас помню, звали Константин Константинополь Констонтонипель Десятьдевятьвосемьсемьшестьпятьчетыретриодин. Сложность

заключалась как раз в том, что имя на первый взгляд выглядело довольно просто, особенно в последней части, где надо было считать задом наперед. Надо было всего лишь не забыть опустить цифру «два», и все. Поэтому все, естественно, сосредотачивались на этой детали, вследствие чего, вероятно, цифра «два» как-то сама собой слетала с языка. А этот чудич еще, как назло, постоянно пытался со мной заговорить, и ему не раз удавалось завязать со мной беседу, которая выглядела приблизительно так:

Он (буду называть его просто «он», поскольку писать каждый раз Константин Константинополь Констонтонипель Десятьдевятьвосемьсемьшестьпятьчетыретриодин было бы слишком долго):

— Привет, Синий Медведь!

Я (со вздохом):

— Привет… э-эхм… Константин Константинополь Констонтонипель Десятьдевятьвосемьсемьшестьпятьчетыретри… один! (Фу-у-у!)

Он:

— Чудесная погодка, правда, Синий Медведь?

Я:

— Да, погодка что надо… (тяжелый вздох!) Константин Константинополь Констонтонипель Десятьдевятьвосемьсемьшестьпятьчетыретри… один! (Уф-ф!)

Он:

— А скажи, вчера ведь была не такая чудесная погода. Да, Синий Медведь?

Я:

— Да, вчера погода была далеко не такая чудесная, (очень быстро) Константинконстантинопольконстонтонипельдесятьдевятьвосемьсемьш совсем не такая!

Он (радостно):

— Ну ладно, еще увидимся, Синий Медведь!

Я (облегченно, потому не достаточно бдительно):

— Ага, бывай, Константин Константинополь Констонтонипель Десятьдевятьвосемьсемьшестьпятьчетыретри ДВА один… О-о-ох!

Он (демонстративно обиженно, воздев руки к небу):

— За что ты меня так обижаешь, еще никто никогда не наносил мне такого!..

И так далее и тому подобное.

Последующие три дня я занимался тем, что посыпал себе

голову песком и во всю глотку орал его имя, которое уже не буду здесь больше писать.

К счастью, вскоре в голову мне пришла идея, как впредь избегать подобных мучительных ситуаций. Однажды вечером у костра я вышел вперед и торжественно объявил всем, что решил присвоить себе новое имя. Как новоявленный чудич, я уже давно должен был это сделать, просто не сразу сообразил. Теперь все должны называть меня Тиливианипири Кенгклепперкенгкерен Тайдиопертартара Кеек Каак Коек Ку Синий Медведь Стотридцатьчетыретысячисемьсотвосемьдесятдевятый Халифвизирфурункель. Это было самое длинное имя, какое когда-либо давал себе чудич. С тех пор в пустыне воцарился покой. Никто больше не решался со мной заговорить. Мне даже чуточку не хватало общения.

Спустя месяцы бесплодных скитаний в пустыне — выписывания вместе с караваном в условиях невыносимого зноя затейливых, совершенно бессмысленных траекторий: кругов, спиралей или зигзагов — чудичи постепенно стали действовать мне на нервы. Эти их вечные крики: «Чудно́!», постоянная нерешительность, монотонная музыка по вечерам да к тому же еще однообразная кухня (одни чудны́е грибы) совершенно мне опротивели.

Я всегда считал себя созданием в высшей степени дружелюбным и миролюбивым, но должен признать, жизнь в караване протекала настолько раздражительно гармонично, что меня порой так и подмывало прицепиться к кому-нибудь и устроить настоящий скандал. Однообразные россказни о чудесах Анагром Атаф (кроме этого обсуждались лишь качество песка, сила ветра и рецепты блюд из чудны́х грибов), густой липкий воздух, вечное спотыкание камедара и противные сахарные мухи, которые постоянно лезли в глаза, пытаясь высосать из меня последнюю жидкость, — все это довело бы любого, да и мне уже впору было броситься сломя голову в пустыню и проглотить первый попавшийся кактус. Но я упорно терпел, послушно семеня вслед за странной процессией, держащей путь в никуда.

Сахароплав. Как-то раз — мы уже полдня находились в пути, и даже самые стойкие чудичи начали выказывать признаки усталости — я вдруг обратил внимание, что песок будто бы стал более липким, чем обычно. С каждым шагом становилось все труднее и труднее отрывать от него подошвы. Мы словно шагали

по стеклянной поверхности с резиновыми присосками на ногах.

Чудичи это тоже заметили.

— Сахароплав! Сахароплав! — прокатилось по каравану.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

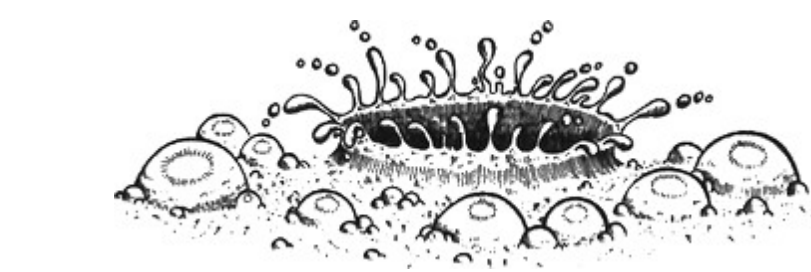
САХАРОПЛАВ. Тростниковый сахар плавится при температуре 160° С, превращаясь затем при охлаждении в гигроскопичную аморфную массу, которая может со временем кристаллизоваться. В результате длительного нагревания тростникового сахара при температуре близкой к 160° С он превращается во фруктовый или в виноградный сахар, а при температуре 190° С — в коричневую горькую карамель. Летом в центральных областях Сладкой пустыни температура воздуха может достигать 200° С, особенно если этому способствует отсутствие перемещения воздушных масс. Поэтому в местах с преобладающими плоскими ландшафтами (долины, высохшие озера) это может привести к явлению, называемому «сахароплавом». Песок пустыни на площади в несколько квадратных километров плавится, превращаясь в сахарный сироп, который потом, при остывании, снова затвердевает.

Сахароплав представляет собой опасность не только для змей и скорпионов, которые как раз предпочитают центральные области пустыни, но и для легкомысленных путешественников, которые по неопытности случайно могут оказаться в центре расплавленного сахарного песка. Клейкая масса сначала бессовестно хватает за пятки, потом постепенно начинает засасывать несчастную беззащитную жертву все глубже и глубже, пока та не погрузится в него целиком и не застынет там, как доисторическое насекомое в янтаре. Или же, что еще хуже, сахар застынет прежде, чем путешественник погрузится в него с головой, так что бедолага, частично замурованный, остается стоять подобно статуе посреди пустыни, пока не встретит там мучительную смерть.

И верно, мы вышли на абсолютно ровную, похожую на

сковороду поверхность и находились теперь как раз в ее центре. Километрах в двух впереди возвышалась небольшая сахарная гора — вот туда-то нам и нужно было попасть как можно скорее. Я пришпорил своего камедара, и мы понеслись что есть духу, насколько, конечно, позволял быстро размягчающийся песок, в сопровождении всего остального племени в сторону горы.

Сахароплав между тем набирал силу: поверхность пустыни покрылась большими булькающими пузырями, тут и там образовались небольшие лужицы расплавленной карамели, и камедары, то и дело попадая в них ногами, останавливались, так что потом едва удавалось сдвинуть их с места, а то и вовсе, не удержав равновесия, всей тушей валились на землю. В таких случаях нам не оставалось ничего другого, как, оставив бедное животное вместе с поклажей, поскорее убираться самим подобру-поздорову подальше от жуткого места.



Когда до цели оставалось уже каких-то полкилометра, мой камедар вдруг увяз в липкой луже. Пришлось спешиться и, бросив беднягу, уносить ноги, пока не поздно. Кое-как балансируя по мягкому песку, я понесся к горе. Это походило на настоящий кошмар: с каждым шагом становилось все труднее и труднее отрывать ноги от горячих цепких лап, которыми сладкий сироп ловил меня и упорно тянул к себе на верную смерть.

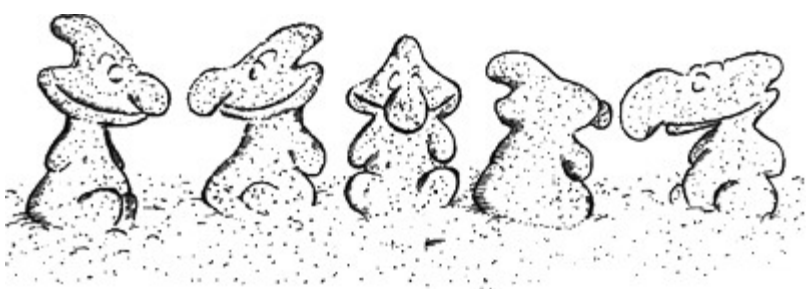
Я постарался мобилизовать все свои силы, как тогда в бешеной гонке по Большому лесу. Песок становился все горячее. Чудичи кричали, подгоняя друг друга, камедары с вытаращенными от страха глазами неслись ломаным галопом, многократное эхо множило панику, разнося наши жуткие вопли над долиной, края которой мы уже почти достигли.

Чуть не падая от усталости, мы принялись карабкаться на скалы, помогая друг другу и подталкивая вверх камедаров. В тот самый миг, когда последний чудич оказался в безопасности, сахарный песок внизу окончательно закипел. В этот день мы потеряли четырнадцать камедаров и две тысячи фунтов сушеных чудны́х грибов.

После этого происшествия я окончательно утвердился в

мысли, что жизнь чудичей, как бы сами они к ней ни относились, необыкновенно тяжела, в этом отношении ей, может быть, даже нет равных во всей Замонии. Бесконечные скитания, невыносимая жара, постоянные поиски воды, насекомые, змеи, пустынники, сахароплав — трудно представить себе более жалкое и опасное существование. В таких условиях начинаешь радоваться любой, даже самой незначительной, мелочи, например легкому прохладному ветерку, освежающему тебя во время похода, или россыпи чудны́х грибов, случайно обнаруженных под каким-нибудь камнем среди песков.

Сахарные скульптуры. Одним из немногочисленных приятных развлечений в пустыне были созданные песчаными бурями скульптуры. Некоторые из них вырастали величиной с целую гору, другие, наоборот, были маленькие, не больше метра, но все они мне очень нравились, и я любил их подолгу рассматривать, пытаясь отыскать сходство с каким-нибудь знакомым предметом. Один раз нам встретилась долина с целым лесом белых деревьев: огромные, почти стометровой высоты скульптуры выглядели точь-в-точь как покрытые снегом исполинские ели; другой раз мы видели настоящее море с гигантскими волнами, из которых торчали гладкие спины китов, выбрасывающих в небо фонтаны сахарного песка; еще одна скульптура походила на засахаренную голову боллога (некоторые чудичи, правда, уверяли, что это она и есть); и повсюду стояли маленькие песочные гномы, которые хитро щурились, глядя на нас (чудичи были уверены, что ночью гномы оживают и воруют у нас чудны́е грибы, а потом еще навевают нам страшные сны).



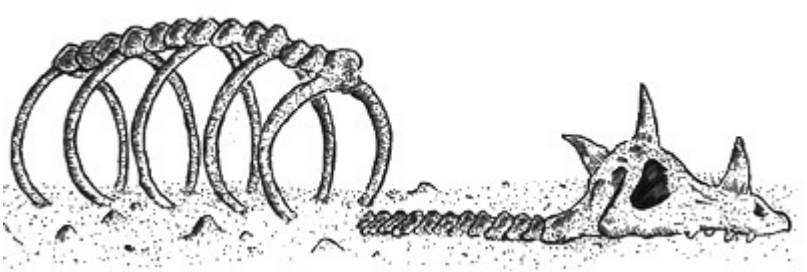
Порой нам казалось, что мы видим бесконечные засевшие в песках засахаренные караваны. Раз нам повстречалось не меньше сотни камедаров и столько же добраньских коровок, удивительно правдоподобных, вполне натуральных. Кто-то из чудичей высказал мысль, будто это и есть настоящий караван, просто его застал врасплох нечастый в этих местах пылевой смерч. Такое

явление случается крайне редко, только в том случае, когда объединяются ночной мороз, жестокий шквальный ветер и коварный зыбучий песок.

Нас всех передернуло от этих слов, но никто не рискнул подойти к скульптурам поближе и проверить подлинность этого утверждения. Все, наоборот, дружно двинулись дальше, не оборачиваясь и стараясь поскорее забыть жуткую картину.

Со временем я взял за обыкновение запоминать каждую песчаную скульптуру и ее точное местоположение, а потом высчитывать расстояние от одной до другой, так что в голове у меня сложилось нечто вроде карты Сладкой пустыни. Это меня развлекало, делая путешествие как бы немного осознаннее, хотя смысла в этом все равно не было никакого, поскольку песок пустыни находится в постоянном движении.

Еще одним развлечением были письма в бутылках, которые мы находили повсюду. Так, например, нам все время встречалось уже описанное мною выше послание с двенадцатью заповедями, написанное тем же почерком и в той же самой последовательности. Это еще больше убеждало чудичей в необходимости строжайшего соблюдения всех перечисленных пунктов. Находили мы и душераздирающие прощальные письма умирающих от жажды путешественников, которые не обладали природным чутьем моих соплеменников и не умели найти в пустыне спасительный источник воды. Шутники любили подбрасывать абсурдные карты с отмеченным местоположением мнимых сокровищ, что, на мой взгляд, было совершенно безответственно, так как могло подвигнуть какого-нибудь простофилю отправиться вглубь пустыни на верную гибель. Но большинство писем имело самое заурядное содержание: описания однообразных ландшафтов, незначительных находок и многочисленные приветы родственникам и знакомым. Некоторые были совершенно безумные, написанные скорее под воздействием солнечного удара. В одной из бутылок мы обнаружили расписание движения торнадо.



Если кто-нибудь из нас находил письмо в бутылке, он обязан был тут же прочесть его вслух перед караваном. Однажды вечером один из чудичей нашел очередное послание. Мы остановились и собрались перед дюной, с которой он собирался его прочесть.

— Жуткие горы высокие, Жуткие горы далекие…

Я тут же бросился к нему и заглянул в листок.

Жуткие горы высокие,
Жуткие горы далекие.
Жуткие горы ужасные,
Невыразимо прекрасные.

Это была одна из записок Фреды, ее любимое стихотворение. Значит, она тоже путешествовала по Сладкой пустыне. Листок бумаги выглядел совсем свежим, никакой желтизны, из чего я сделал вывод, что, блуждая в пространственной дыре, я потерял не очень много времени, всего каких-нибудь пару недель или даже дней.

Послание Фреды заставило меня снова задуматься о своей собственной участи. Я твердо решил, как только представится удобный случай, распрощаться с чудичами и путешествовать дальше самостоятельно. Но до тех пор нужно было запастись терпением.

Где сейчас Фреда? Что с ней?

И это, пожалуй, все, что касалось приятных развлечений в пути. Наряду со своими основными занятиями, продвижением вперед и поисками воды чудичи еще постоянно наблюдали за окружающим миром, дабы предвосхитить все возможные неожиданности.

Кроме сахароплава и разного рода песчаных бурь в пустыне случались еще и серьезные наводнения, что, правда, происходило крайне редко — только когда над ней разражалась гроза. Коварные зыбучие пески маскировались под твердую почву. Чудичи рассказывали мне, что порой в пустыню наведываются даже стаи плотоядной саранчи. В племени умели понимать и ценить окружающий мир, в котором каждая незначительная

деталь могла оказаться жизненно важной, предупреждая об опасности, а значит, и помогая ее избежать.

Песок. Чудичи знали более двух тысяч различных названий песка. Крупный песок и мелкий, темный или светлый имел у них свое собственное название; кроме того, было еще бесчисленное множество обозначений для всевозможных нюансов, таких как, например, липкость, рассыпчатость, гладкость или рыхлость, прозрачность или матовость. Нюансы, в которых я так и не научился разбираться. Зато любой из чудичей мог с расстояния двухсот метров безошибочно определить, состоит ли дюна из «крошки», «стекла» или «веялки». По состоянию песка чудичи могли точно сказать, какой именно вид песчаной бури следует ожидать, то есть к какому из пятисот знакомых им разновидностей надо быть готовым.

Как-то раз — это случилось около полудня — весь караван вдруг встал, словно повинуясь чьей-то беззвучной команде. Все чудичи как один разом замерли и потянули носом воздух.

— Шарах-иль-аллах! — послышался голос в конце каравана.

— Шарах-иль-аллах! — подхватил другой.

— Шарах-иль-аллах! — закричало все племя.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ШАРАХ-ИЛЬ-АЛЛАХ. В настоящее время науке известно всего пятьсот разновидностей песчаных бурь в

Сладкой пустыне: от безобидной пылевой поземки до более грозных, таких как торнадо (см.: *Вечный торнадо*), или смертоносный каменный смерч. Самой опасной формой горизонтальных бурь является так называемый Шарах-иль-аллах. Это арабское название дословно можно перевести как «божий наждак». Отличительной чертой Шарах-иль-аллах является то, что песок прессуется в нем до твердой массы и, принимая форму кирпича, достигающего в длину и ширину нескольких километров, несется со скоростью около 400 км/ч и, словно наждаком, счищает все с поверхности земли, будь то люди, животные, дома или целые горы. С приближением Шарах-иль-аллах рекомендуется зарыться как можно глубже в песок и сидеть там не двигаясь, пока «божий наждак» не пронесется мимо. Горе тому, кого он найдет!

Чудичи исчезли в песке быстрее, чем стайка проворных ящериц, как только вдалеке послышался грохот. Там, где я только что видел панически мечущихся и натыкающихся друг на друга соплеменников, теперь простирался гладкий песок. Только несколько едва заметных округлых холмиков выдавали места, где недавно были вырыты норы. Даже от многочисленных пожитков не осталось следа, и что еще удивительнее — камедары тоже исчезли. Только откуда-то из глубины доносилось их слабое блеяние, приглушенное толщей песка, скрывающей их от меня.

«Божий наждак». Только я, как приклеенный, продолжал стоять на прежнем месте, вперив испуганный взгляд в линию горизонта на западе, где огромная квадратная стена уже заслонила небо и солнце и, продолжая расти, быстро приближалась. Резкий порыв горячего ветра, верный предвестник надвигающегося смерча, швырнул мне в нос пригоршню раскаленного песка и вывел меня из состояния оцепенения. Я бросился копать яму, но, к сожалению, не обладал в этом деле достаточной сноровкой, не то что практиковавшиеся всю жизнь чудичи.

Выкопать яму в песке теоретически куда проще, чем практически. Все почему-то считают, что выкопать яму в пустыне не составляет большого труда, но только попробуйте — и получите хороший урок в области строения земных недр и сопротивления их всякому проникновению. С легкостью сняв тонкий поверхностный слой рыхлого песка, вы обнаружите под

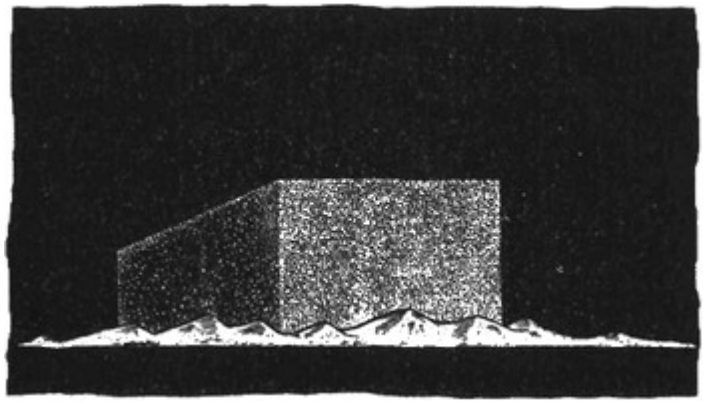
ним невероятно прочный, спаянный в течение пяти миллионов лет пласт с засевшими в нем острыми камнями и ракушками, пронизанный, словно венами, окаменевшими корнями доисторических растений. Из такого материала можно строить военные укрепления. Я сломал четыре когтя, которые у меня прочнее стали, углубившись всего лишь на несколько сантиметров. Но под этим слоем находится уже монолитная гранитная плита толщиной, возможно, несколько километров. Сумей я победить и ее, наверняка уперся бы в древнейший слой железобетона или же какого-нибудь сверхпрочного кремния. Одним словом, мне не осталось ничего другого, как только положиться на судьбу и в полном оцепенении во все глаза смотреть на приближающуюся стену, словно беспомощный кролик на удава, ожидая, когда ураган пройдется по мне своим наждаком.

Будто движущийся по рельсам гигантский кирпич, Шарах-иль-аллах мчался прямо на меня. Ширина его фронта была не менее двух километров, и ему оставалось лететь до меня максимум двадцать секунд, причем я находился ровно по центру, из чего следует, что мне, чтобы спастись, нужно было в течение девяти секунд преодолеть расстояние в тысячу метров, то есть развить скорость, десятикратно превосходящую мировой рекорд. Эти в высшей степени бесполезные вычисления в самый последний момент ураганом пронеслись у меня в голове, еще раз доказав, что от математики в реальной жизни мало пользы. Я в панике дернулся в одну сторону, в другую, схватился за голову и в результате сделал самое разумное, что оставалось в данной ситуации, — лишился рассудка.

Да-да, я совершенно лишился разума, от ужаса перед лицом наждачной смерти мозг мой отказался работать, иначе как еще объяснить то, что произошло в следующий миг на моих глазах. Когда между мной и ревущей махиной оставались какие-нибудь пятьсот метров, на пути у нее вдруг возникло чудесное видение — город со множеством маленьких домиков и башенок, белоснежных и чистеньких, как на картинке.

Тут уж голова моя и вовсе пошла кру́гом, что, конечно, понятно и вполне извинительно, ведь даже самые закаленные ветераны пустыни не в силах сохранить хладнокровие и трезвый разум при виде Шарах-иль-аллах. Поэтому мне показалось совершенно естественным, что в мозгу у меня произошел окончательный сдвиг и он начал воображать себе необыкновенные, сказочно прекрасные картины в виде самых заманчивых архитектурных форм, якобы вставших на мою защиту и преградивших путь смертоносному урагану.

Шарах-иль-аллах, издав оглушительный протяжно-скрипучий лязг, остановился, как поезд, у которого кто-то сорвал стоп-кран. Затем очень медленно приблизился к удивительному видению почти вплотную, постоял в замешательстве несколько секунд, потом резко дернулся в сторону и, с жутким грохотом, быстро набирая скорость, умчался в противоположном направлении, только его и видели.



Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЭТИКЕТ ПРИРОДНЫХ ФЕНОМЕНОВ. Исходя из того, что природные феномены единичного характера, такие как смерчи, северное сияние, извержения вулканов, падения метеоритов и т. д., никогда не происходят одновременно, можно сделать вывод, что в кругу этих исключительных природных явлений принят некий этикет, подобный нашим правилам дорожного движения, соблюдаемый всеми, без исключения, феноменами и регулирующий их появление и повадки. Так, например, в момент сильного землетрясения вы никогда не увидите мираж, а торнадо не бушует в местах, где любуются северным сиянием. Кто придумал эти правила и каким образом они функционируют, до сих пор не установлено, некоторые романтические натуры утверждают, что ураганы якобы имеют душу, а вулканы могут думать, но действительность, скорее всего, гораздо примитивнее и прозаичнее, и рано или поздно настанет час, когда это

явление будет изучено, описано, зафиксировано, каталогизировано и о нем напишут еще не одну диссертацию.

Чудесное видение тем не менее не исчезло. Слегка подрагивая, оно продолжало висеть в воздухе над пустыней, даже когда чудичи вылезли из своих нор и принялись отряхивать одежду от песка. Если это и было помутнение разума, то коллективное, и притом всем известное. Убедился я в этом, когда один из чудичей простер руки в сторону белого города, глубоко вздохнул и завороженно произнес:

— Анагром Атаф!

— Анагром Атаф! — дружно подхватили его остальные. — Анагром Атаф!

Естественно, некоторые, самые нетерпеливые, тут же бросились к городу. Однако все произошло именно так, как гласила легенда: стоило только живому существу, будь то даже обычный камедар, чуть приблизиться к городу, он тотчас отодвигался назад, притом ровно на такое же расстояние.

Поэтому после множества безрезультатных попыток было решено разбить лагерь и в последующие дни ограничиться изучением города со стороны.

Избранный. После того как я так удачно справился с Шарах-иль-аллах и первым обнаружил Анагром Атаф, я стал для чудичей чем-то вроде святого. Теперь, если я шел по лагерю, мне с почтением уступали дорогу, никто не пытался завязать со мной пустых разговоров, и мне все время доставались лучшие куски чудны́х грибов из общего котла. Кроме того, соплеменники мои теперь имели обыкновение собираться небольшими группками и о чем-то шептаться, то и дело красноречиво поглядывая на меня.

Через день после появления Анагром Атаф ко мне в палатку пришли первые делегаты с просьбой поймать город.

— Поймать город?

— Да, так написано в правилах. Пункт двенадцать.

— Но почему именно я?

— Ты тот, кому удалось победить Шарах-иль-аллах. Ты тот, у кого в голове книга. Ты — избранный.

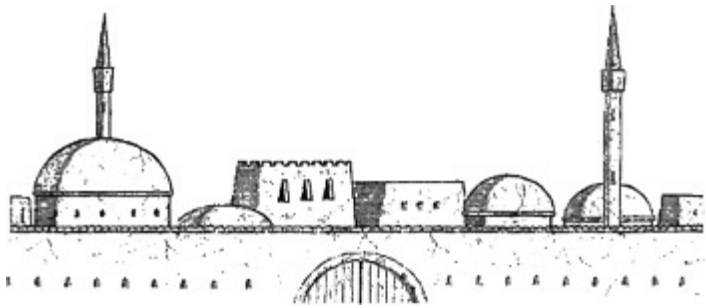
— Избранный! Избранный! — заревело все племя, собравшееся снаружи вокруг моей палатки. Похоже, они единодушно решили избрать меня вождем.

Мне едва удалось подавить в себе уже было начавшие распирать меня чувства гордости и умиления.

— Что вы, что вы! — запротестовал я.

Делегация дружно бухнулась на колени и благоговейно протянула мне кусок копченого чудно́го гриба, которые обычно в племени береглись для самых торжественных случаев.

— Избранный! Избранный! — продолжала реветь толпа вокруг палатки.



Если уж чудичи назовут кого-то «избранным», то ему не останется ничего другого, как покорно вытерпеть соответствующий ритуал посвящения, обставленный самым пышным образом. Заключался этот ритуал посвящения приблизительно в следующем: сначала делегаты вынесли меня на руках из палатки, потом покачали туда-сюда и со всей силы швырнули в толпу, где меня подхватило множество рук. Затем около часа они носили меня кругами по пустыне, передавая с рук на руки и стараясь ни за что не упустить своей очереди.

Дурман. Пока одни носили меня на руках, другие разожгли в центре лагеря огромный костер, на котором жарились горы чудны́х грибов. Дурманящий сок лился в этот вечер рекой. Потом все пустились в пляс, причем каждый танцевал на свой собственный, только ему свойственный манер: кто-то просто тряс головой, кто-то бешено прыгал вокруг костра, словно его укусил тарантул. Чудичи подбадривали друг друга, толкаясь и дурачась, били в барабаны, дули в сушеные кактусы или просто орали что-нибудь нечленораздельное в пустыню. Достаточно насмотревшись на все это массовое безумие и выпив немалое количество сока чудны́х грибов, я тоже не удержался и вышел на импровизированную танцплощадку. Сначала я просто топтался на месте, глупо болтая лапами, потом осмелел, запрыгал, стал кричать что есть мочи всякую глупость и в конце концов, ко всеобщему восторгу, разошелся так, что не снилось ни одному из моих соплеменников. Чудичи даже перестали танцевать и окружили меня кольцом; я, правда, сначала этого не заметил, но зато потом, когда увидел, показал им класс. Все последующие

события этой ночи, к сожалению, навсегда стерлись из моей памяти.

На следующее утро я проснулся с больной головой и сознанием того, что вчера выставил себя полным дураком.

Однако ни один из чудичей ни словом не обмолвился о минувшей ночи. Они принесли в палатку завтрак из свежеприготовленных чудны́х грибов, а потом проводили меня к деревянной вышке, которую соорудили, пока я спал, специально, чтобы мне удобнее было наблюдать за городом-миражом. Я забрался на самый верх и посмотрел в подзорную трубу. Анагром Атаф безмятежно парил в воздухе приблизительно сантиметрах в десяти от земли.

Фата Моргана. Без сомнений, это была Фата Моргана. Но кто мне объяснит, что это такое?

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ФАТА МОРГАНА. Фата Моргана — изначально имя феи, сводной сестры легендарного короля Артура и возлюбленной Ланцелота. Она прославилась тем, что умела вызывать необыкновенно правдоподобные видения, используя пересекающиеся или наслаивающиеся друг на друга воздушные массы с различной температурой и, следовательно, с различной плотностью и преломляющей способностью, в результате чего солнечные лучи изменяли свое первоначальное направление и, отклоняясь, создавали чудесные миражи. Правда, в народе ходят упорные слухи, хранящиеся в строжайшем секрете, что Фата Морганами называются города мертвых, в которых живут духи умерших от жажды в пустыне, что, надо сказать, не лишено определенного смысла, поскольку в пустыне нет никаких строений, куда могли бы прятаться духи и привидения. Поэтому вполне вероятно, что они населили города-миражи, иначе куда бы им еще было деваться.

Эта информация, само собой, не могла удержать меня от соблазна поймать один из таких городов. Тем более я хотел как можно скорее избавиться от роли «избранного». Внизу, вокруг вышки, столпилось все племя — все как один, даже мычащие камедары, замерли в ожидании, глядя на меня.

> ФАТА МОРГАНА [продолжение]. Поймать Фата Моргану невозможно, потому что она удаляется с той же скоростью, с которой к ней приближаются. Невозможность поймать Фата Моргану доказал профессор Филинчик, подкрепив это утверждение следующей формулой: S (расстояние) = X (субъект, приближающийся к миражу), деленное на V (скорость), помноженное на T (время) в квадрате. Из этого уравнения следует, что расстояние S всегда остается неизменным, независимо от того, с какой скоростью движется субъект X.

Профессор Филинчик обладал замечательной способностью любое явление загнать в жесткие рамки науки, так что не поспоришь. И в то же самое время именно он научил меня мыслить во всех возможных направлениях. Только в данный момент это мне как-то не помогало. К тому же надо было поскорее убираться с вышки, чтобы еще, чего доброго, не стать жертвой солнечного удара. Давненько не случалось в пустыне такой жары.

Один из чудичей затряс стойку моего наблюдательного пункта.

— Избранный! Избранный! Нужно сворачивать лагерь и искать другое место. Слишком жарко, в любой момент может начаться сахароплав. Здесь оставаться нельзя, мы можем прилипнуть!

Как поймать город. Ага! Вот оно, решение! Да, нам нужен именно сахароплав! Если мы не можем приблизиться к городу из-за того, что он постоянно отодвигается, значит, надо заставить его стоять на месте. Спускаясь с вышки, я прикинул и взвесил все основные детали моментально созревшего в голове плана, а оказавшись внизу, быстренько набросал на песке несколько уравнений.

Исходя из исследований, проведенных Филинчиком, Фата Моргана должна парить над землей постоянно на одной и той же

высоте, равной 9,2 см. Это расстояние не изменяется, в отличие от положения города-миража в пространстве, которое как раз нестабильно. Получается, если заполнить этот промежуток в 9,2 см каким-нибудь клейким веществом, то мираж накрепко прилипнет к песку и не сможет двинуться с места — во всяком случае, теоретически это выглядело именно так. Все остальное, на мой взгляд, зависело только от точности математических вычислений, которые мне теперь и следовало произвести.

Исходя из направления ветра, угла подъема солнца, температуры, влажности воздуха и предоставленной мне чудичами информации о структуре песка в этой части пустыни, а также моих знаний в области гравитации, геофизики, метеорологии и гастрономии (ведь карамелизация сахара относится именно к этой области), я должен был точно вычислить, где и когда в следующие дни должен случиться сахароплав. Поскольку карамелизация сахара происходит, как правило, в самой низкой точке пустыни, вычислить место ее возможного наступления не составило большого труда.

Гораздо сложнее было заманить туда в нужное время Анагром Атаф и самим не стать жертвами сахароплава.

В соответствии с моим планом, для начала мы окружили город-мираж со всех сторон. После нескольких дней изнурительной жары и полного штиля решено было действовать. Если дело дойдет до сахароплава, то это должно случиться вот-вот. Чудичи, еще с ночи вооруженные своими музыкальными инструментами и получившие от меня подробные инструкции, закопались в песок вокруг города. Теперь они сидели там, жевали пастилки из чудны́х грибов и терпеливо дожидались моего сигнала.

Я сам занял наблюдательный пост на вышке, прихватив с собой нечто среднее между громкоговорителем и примитивной трубой, которую смастерил накануне из сухого кактусового листа.

С чудичами было условлено пять сигналов.

Туууууу!

Чудичи на юге выбрались из своих нор и широким фронтом пошли в наступление на Анагром Атаф. Город, как и предполагалось, начал отступать на север с той же скоростью, с которой к нему приближались.

Туууууу-туууууу!

Чудичи на северном фланге выстроились длинной шеренгой

и принялись медленно наступать на город. Этот маневр привел Анагром Атаф, так сказать, в замешательство, если, конечно, предположить, что город вообще может испытывать какие бы то ни было чувства. Поскольку обе группы настойчиво продолжали приближаться, городу не осталось ничего другого, как выбирать между западом и востоком. Он пометался немного в нерешительности и в конце концов выбрал западное направление.

Тууууу-тууууу-тууууу!

Западное подразделение выстроилось длинной цепочкой и двинулось на город. Фата Моргана тут же изменила направление на восточное.

Тууууу-тууууу-тууууу-тууууу!

Чудичи на востоке были уже готовы и замкнули круг. Анагром Атаф попал в западню. Мираж задрожал, как гигантский желейный пудинг, не зная, что ему делать дальше и какое направление предпочесть. Солнце только что перевалило зенит, настало время самой высокой дневной температуры. Один из чудичей доложил: 159° С. 159° С! Для сахароплава необходимо 160! Не хватало всего одного-единственного градуса. Я спустился с вышки и побежал по долине. Еще несколько секунд, и температура снова начнет опускаться. Недолго думая, я схватил большой плоский камень и запустил его так, чтобы он попал между песком и городом, как это делают, когда хотят пустить блинчики по воде. Заскакав по песку, камень выбил несколько искр. И в этот момент показался первый пузырь. Трение камня о песок добавило необходимый градус. Карамелизация поверхности пустыни началась в нужный момент.

Тууууу-тууууу-тууууу-тууууу-тууууу!!!!

По последнему сигналу чудичи дружно отступили назад, чтобы самим не попасть в уготованную городу ловушку.

Это случилось, наверное, впервые за всю историю существования миражей в пустыне — Фата Моргана прилипла к расплавленному песку. И вряд ли кому-то еще, кроме нас, когда-либо довелось слышать звуки, которые она при этом издавала. В звуках этих, по правде говоря, не было ничего привлекательного. Словно кофе убежал через край кофеварки и запузырился на раскаленном железе плиты: все бурлило и шипело, кипело и чавкало, булькало и хлюпало, а сам город скрежетал так, словно

разваливался по кирпичику. Время от времени оглушительным выстрелом лопался какой-нибудь огромный пузырь.

Город отчаянно сопротивлялся, то и дело приподнимаясь на один-два сантиметра, но потом вязкая масса снова притягивала его назад. Наконец все звуки, до самого тонкого писка, утихли, Анагром Атаф покорно опустился на землю и с глухим, гулким «уф-ф!», от которого содрогнулось все кругом, окончательно склеился с сахарным сиропом. Город намертво прилип к песку пустыни.

Мы поймали Анагром Атаф!

Мы вовсе не выглядели бандой бесстрашных головорезов, когда входили в завоеванный город. В гробовой тишине, нервно кося глазами по сторонам, мы осторожно крались по улицам, пробираясь все глубже, в самое сердце города.

Никому из нас прежде не доводилось поймать мираж, не говоря уже о том, чтобы войти в него. Кто жил в этом городе? Люди? Чудовища? Духи? Привидения? Были его обитатели добрыми или злыми? Пока мы видели только маленькие, низенькие побеленные домики, чистенькие и аккуратные. В некоторых окнах сушилось белье, но нигде не было видно ни души: ни кошки, ни уличного попрошайки, которых так много в обычных южных городах.

Наконец мы вышли на центральную площадь, выглядевшую так, словно в разгар рыночного дня с нее вдруг исчезли все продавцы и покупатели, остались лишь прилавки со свежими фруктами и овощами, колбасой и яйцами, пряностями и хлебом. Огромные корзины были доверху наполнены спелыми красными яблоками и толстыми арбузами. Сыр, ветчина, сушеные бобы, кукуруза, мешки с зерном и мукой, рис и лапша.

Голод. После долгого времени, проведенного в пустыне на одних чудны́х грибах, я набросился на все эти яства, как голодный удав. Почти не жуя, я запихивал в рот целиком бананы, сыр и горсти ягод. Но чувство голода, как ни странно, не уменьшилось. Тогда я съел веточку винограда, заглотил полбуханки хлеба, два яблока и кукурузную лепешку с сыром — и остался голодным. Я отрезал себе добрый ломоть ветчины, заел его двумя бананами, грушей, потом скушал колечко копченой колбасы, горстку инжира, полдыни и сдобную булочку. Я выпил четыре сырых яйца, уплотнив их куском пирога с изюмом и медом, подкрепился еще раз ветчиной, хлебом с отрубями, потом угостился целой палочкой салями и еще какими-то похожими на печенье пирожками с мармеладной начинкой, добавил к ним тарелку кускуса с изюмом и еще липкий шарик, обсыпанный

сахарной пудрой вперемешку с корицей. В животе было по-прежнему пусто. Кто-то протянул мне чудно́й гриб. Откусив от него раз-другой, я почувствовал себя гораздо лучше.

Мы систематически прочесали весь город, улицу за улицей, дом за домом, комнату за комнатой. Повсюду находились признаки жизни: недоеденная еда на столе, теплящаяся зола в печи, кастрюльки с супом, кипящим на плите, — но нигде ни единой живой души. Все остальное было безупречно: чистенькие улочки, свежевыбеленные стены домов, приятная прохлада узких переулков, мягкие, удобные постели и еще множество других полезных вещей, кажущихся невообразимой роскошью существу, привыкшему ночевать под открытым небом на голом песке пустыни.

Поскольку в течение нескольких часов самых тщательных поисков мы не нашли в городе ни одного живого существа, я торжественно объявил Анагром Атаф официальной собственностью племени. Первым делом было решено поделить между собой дома. Еще до захода солнца город был заселен и кипел новой жизнью. Вечером мы устроили небольшой праздник, на котором и чудичи наконец согласились отведать разнообразных яств, но странное дело — ни они, ни я снова не испытали от еды ни сытости, ни удовлетворения, так что нам не осталось ничего другого, как снова вернуться к чудны́м грибам.

На следующее утро я прошелся по городу и проверил еще несколько оставшихся пустыми домов. В одном пахло свежеиспеченными пирогами, а стол был накрыт к завтраку. Заглянув в спальню, я услышал за спиной приглушенный шепот, мигом обернулся, но никого не обнаружил. В некотором смятении я снова вышел на улицу и направился к рыночной площади, где накануне мы устроили наше разгульное пиршество. Чудичи все еще мирно спали в своих постелях (почти все из них первый раз в своей жизни), над городом висел прозрачный утренний туман, который в скором времени должно было выпарить бесцеремонное южное солнце. Я не сомневался, что вчера вечером мы не оставили на площади ничего съестного, но сегодня корзины снова ломились, на прилавках лежала нетронутая свежая ветчина, словно ночью здесь побывали волшебники с чудесной скатертью-самобранкой.

Я съел яблоко и остался голодным.

Чудичи медленно привыкали к городской жизни, но, надо отдать им должное, они старались изо всех сил. Некоторые по ночам бродили во сне, так как им не хватало изнурительных дневных переходов. Иные и вовсе производили самое жалкое впечатление. Раньше им не приходилось задумываться над тем, как убить время, они просто шли вперед, в этом заключался смысл всей их жизни. Теперь они наконец достигли цели, но определенно не знали, что с этим делать.

Навыки городской жизни. Как «избранный», поймавший Анагром Атаф, я чувствовал себя обязанным привить чудичам основные навыки оседлой жизни. С этой целью мною были организованы специальные курсы, на которых я обучал моих кочевых друзей жить на одном месте, что оказалось совсем не просто, принимая во внимание, что все они прежде только и делали, что кочевали с места на место. Сначала я показал чудичам, как нужно сидеть на стуле. Мы расставили на площади несколько стульев, на которых можно было тренироваться. Упражнения эти давались им тяжело, некоторые садились мимо стула, другие вместе со стулом опрокидывались на землю, третьи забирались на сиденье с ногами и потом долго не могли оттуда слезть. В результате стулья стали внушать им панический ужас. Почти то же самое произошло и с кроватями. Чудичи никак не могли научиться вечером ложиться в постель. Матрасы казались им слишком мягкими. Некоторые набивали перины обычным песком, другие ложились спать на голый пол рядом с кроватью или под ней.

Даже самые простейшие навыки, такие как использование двери при входе в дом, были для них в диковинку. Многие предпочитали входить в дом через окно, потому что не могли разобраться с замком, они то запирались в доме и не могли открыть дверь, то теряли ключ. Поэтому большинство предпочитали жить на улице. Домашний уют навсегда остался для них непонятной обременительной роскошью.

Мне как «избранному» приходилось разбираться со всеми проблемами и отвечать на массу вопросов. Как застелить постель? Как развести огонь в печи? Для чего нужен шкаф? Что делать с метлой, столом, вилкой и ложкой? Как открыть окно? Для чего нужна лестница? Вещи, которые любому оседлому существу кажутся вполне естественными, у чудичей вызывали только недоумение. Как надо жить в городе? Зачем надо жить в

городе? Вопросы, вопросы, вопросы.

Странности. Труднее всего оказалось, однако, приспособиться к нестабильности города-миража. Неспроста профессор Филинчик назвал Анагром Атаф условно-стабильной Фата Морганой: любая часть города могла вдруг ни с того ни с сего исчезнуть, а потом снова появиться в самый неожиданный момент. Любой из предметов мог раствориться в воздухе, целые дома исчезали без следа. На следующий день вещи снова возвращались на прежнее место как ни в чем не бывало, каменные стены вырастали на том самом месте, откуда накануне исчезли. Иногда пропадали целые районы, но на следующее утро снова были тут как тут. Одним словом, жизнь в Анагром Атаф была в высшей степени непредсказуемой. Можно было, к примеру, сесть на стул и больно удариться об пол, провалившись в пустоту. И это еще что. Каково было чудичам, которые падали во сне с высоты нескольких метров, потому что легли спать на втором этаже, а дом вдруг взял и растворился. Один чудич на всем ходу налетел лбом на стену, потому что она вдруг выросла из ничего у него на пути. Такие или подобные неприятности случались с нами в городе почти ежедневно. В результате пришлось взять за правило укладываться спать только на первом этаже и передвигаться по городу крайне медленно и осторожно.

В моем доме на кухне, когда я туда впервые вошел, на столе стояла тарелка с дымящимся картофельным пюре, поэтому я выбрал для себя именно этот дом. Там, где на столе стоит тарелка с горячим пюре, как я решил, не может быть ничего дурного.

Каждый вечер я съедал все пюре до последней капли — правда, оно не утоляло мой голод, — а на следующее утро тарелка снова была полной. В остальных домах происходило то же самое. Опустошенные миски с фруктами и овощами за ночь снова наполнялись, убранное белье наутро снова висело на стуле; вообще сами дома вели себя как-то странно — двери сами собой закрывались, ставни на окнах открывались, и все это происходило обязательно ночью или же когда в доме никого не было.

Тревожные слухи. Скоро среди чудичей распространились тревожные слухи, будто мы в городе не одни. Некоторые предполагали присутствие в нем маленьких невидимых человечков, другие, более впечатлительные, утверждали, что это духи усопших жителей города. Тут и там, по пугающе схожим свидетельствам очевидцев, появлялись какие-то призрачные, полупрозрачные существа, которые, как только их обнаруживали,

тут же пугливо прятались. Почти в каждом доме по ночам раздавались странные звуки, стук и шаги, и многие чудичи сообщали о жалобных вздохах и плаче, которые они слышали у себя в домах после захода солнца.

С чудичами тоже творилось что-то неладное. Чего я никак не мог от них ожидать — они начали ссориться. На общегородских собраниях, которые мы теперь периодически проводили, дело частенько доходило чуть не до драки, когда обсуждались такие, на мой взгляд, незначительные вопросы, как уборка мусора или строительство общественной кухни для приготовления чудны́х грибов. Принимая во внимание обычную сдержанность и дружелюбие моих соплеменников, это казалось мне в высшей степени странным.

Все племя разбилось на мелкие группки, каждая из которых имела свое собственное мнение по любому вопросу и яростно отстаивала свои убеждения в спорах с остальными. В результате они приходили ко мне, чтобы я их рассудил. Сам того не желая, я превратился в бургомистра города склочников и скандалистов.

К тому же они еще не могли спать по ночам. Раньше чудичи, измотанные изнурительными переходами за день, едва коснувшись головой песка, тут же засыпа́ли. А теперь они целыми днями слонялись без дела, иногда собирали грибы или искали воду — вот и все развлечения. Поэтому многие из них не могли заснуть, им не хватало по вечерам привычной усталости, да еще эти странные звуки в домах по ночам. Некоторые даже утверждали, будто, стоит только заснуть, кто-то начинает трясти кровать, а как только откроешь глаза, видишь полупрозрачное существо, которое, громко всхлипывая, быстро исчезает.

В общем, к раздражительности прибавилась еще постоянная усталость от бессонных ночей. Меня, к счастью, это не касалось — я всегда отлично сплю, особенно когда постель мягкая и удобная. Чтобы понять, что происходит, я все же решил однажды не ложиться спать вообще. Надо же было, в конце концов, решить загадку вечно полной тарелки картофельного пюре в моем доме.

Вечером я сел за стол, съел, как положено, все пюре без остатка (никаких признаков насыщения) и стал ждать. Ведь каким-то образом пюре попадает ночью в тарелку, и это я

собирался выяснить любой ценой, даже если придется сидеть на стуле целую ночь.

Спустя полчаса глаза мои начали слипаться.

Я задремал, мне снились пещерные тролли, варящие в погребах домов Анагром Атаф отравленное пюре, хотя ни в одном доме города на самом деле не было погреба. Тролли мешали в чугунных котелках, громко стуча ложками о края. От этого стука я и проснулся.

Фатом. У плиты стоял маленький призрачный человечек и громко мешал ложкой в котелке.

Я потер глаза, чтобы убедиться, что не сплю. Полупрозрачный человечек продолжал помешивать картофельное пюре. Он и в самом деле был совершенно прозрачный, как из стекла. Призрак зачерпнул ложкой пюре, наполнил им тарелку и сел напротив меня за стол.

— Приятного аппетита! — вежливо сказал я.

— Обисапс, — ответил он.

Я говорю на всех замонианских языках, включая все существующие в них диалекты, но этот был мне незнаком.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ФАТАМОРГАНСКИЙ ЯЗЫК. Единственный зеркальный язык Замонии, получивший распространение только в Фата Морганах, является чистым зеркальным отражением официально принятого языка Замонии. Этот язык достаточно просто переводится на общепринятый замонианский: письменные тексты переводятся с помощью зеркала, а чтобы перевести устную речь, достаточно думать задом наперед.

— !мотаф Я, — сообщил человечек. — .ясйоб еН .еындерв еикат ен ым он, яинедивирп как мидялгыв ым, юанз Я .ясьтяоб сан одан ен умотэоП

У него был слабый, тоненький голосок.

Для того чтобы вам проще было понимать фатаморганский, в дальнейшем я буду приводить его реплики уже в переводе. Когда я немного освоился, понимать его для меня уже не составило

большого труда. Итак, он сказал:

— Я фатом! Не бойся. Я знаю, мы выглядим как привидения, но мы не такие вредные. Поэтому не надо нас бояться.

Фатом? О фантомах я слышал немало в Ночной школе Филинчика на уроках по священной демонологии. Но о фатомах нам ничего не рассказывали.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ФАТОМ. Самая нестабильная форма из семейства блуждающих духов, для появления которой не требуется факт чьей-либо смерти. Обитают фатомы исключительно в полустабильных Фата Морганах и состоят по большей части из отраженного света, застывших испарений сахарного песка пустыни и сконцентрированных до газообразной консистенции флюидоэссенций.

Как было уже упомянуто в разделе, посвященном полустабильным Фата Морганам, сахарный песок Сладкой пустыни при температуре, превышающей 160° С, начинает плавиться (см.: *сахароплав*), закипает и выпускает в воздух сладкий густой пар. Если же в этот момент температура воздуха резко понижается (например, в результате резкой смены направления ветра), сахарный пар застывает, и если в этот момент на кристаллизующиеся сахарные молекулы попадет еще и отражение какого-нибудь города, то изображение его остается в них навсегда. Точно таким образом появляются и населяющие Фата Моргану живые существа, которые принято называть фатомами. В отличие от обычных привидений, фатомы не являются духами умерших и уникальны тем, что представляют собой полную копию, возможно, все еще живых существ.

Сознание того, что мой ночной гость не является тенью какого-нибудь мертвеца, пробудило во мне к нему чуть ли не симпатию.

ФАТОМ [продолжение]. Фатомы причисляются к

самым несчастным и трогательным из всех известных духов Замонии. Их существование не подчинено никакой конкретной цели, например пугать живых, как это делают все остальные их ближайшие сородичи. Они также не получают удовольствия от своего существования, как, например, химериады. Им суждено вечно повторять одни и те же действия, которые они совершали на момент возникновения Фата Морганы.

Теперь мне стало ясно, что фатомы населяли город с самого момента его возникновения, а после нашего бесцеремонного вторжения вынуждены были прятаться. Дух, живущий в моем доме, на момент появления Анагром Атаф готовил себе картофельное пюре и должен был теперь изо дня в день повторять это действие. В других домах, по всей видимости, происходило то же самое. Мы действительно были в городе не одни.

Фатом тут же подтвердил мои предположения:

— С тех пор как вы появились в городе, все пошло кувырком. Мы боимся. А это неправильно. На самом деле это вы должны нас бояться.

Фатом тяжело вздохнул, зачерпнул ложкой пюре и отправил его в рот. Я видел, как еда на мгновение застыла у него в горле, а затем тонкой струйкой потекла по пищеводу, как по прозрачной соломинке. Продолжение процесса пищеварения милосердно скрыл от меня край непрозрачного стола. Мне вовсе не хотелось знать, во что превращается пюре в желудке фатома. Я был к этому морально не готов.

Мой новый знакомый рассказал мне о жизни в Анагром Атаф. Он объяснил, что все вещи в городе на самом деле не существуют, поэтому все эти исчезновения и появления только мнимые. Любое яблоко, которое ты съедаешь, рано или поздно снова появляется на прежнем месте. Именно поэтому еда не приносит насыщения. Все, что ты съел, еще прежде чем желудок успеет приступить к процессу пищеварения, снова возвращается туда, где было раньше.

Фатомы, пока мы не выбили их из привычного ритма, вели жизнь, полную повторений. Почтальон изо дня в день приносил одни и те же письма, торговец на рынке снова и снова наполнял прилавок одним и тем же товаром, кто-то в доме наливал в один и тот же стакан то же самое молоко. Люди здоровались на улице в стомиллионный раз, горшок с цветком снова и снова падал из окна. Одна женщина вечно подметала одну и ту же лестницу, мужчина на протяжении ста лет забивал в стену один и тот же

гвоздь. Такой была жизнь в Анагром Атаф.

Все, что нормальному существу кажется просто ужасным, для фатомов было совершенно нормально. Они были вполне довольны своей жизнью, полной повторяющихся повторений. Они к ней привыкли. Что их действительно пугало, так это изменение привычного ритма. Особенно такое, какое принесли с собой в город я и мои друзья.

Фатом производил впечатление самого жалкого и печального существа (уж не знаю, можно ли называть его существом, ну пусть будет хотя бы полусущество), какое я только видел. У него и у других полноправных жителей Анагром Атаф мы отняли последнее, что осталось, — вечные повторения. Невозможно было в одно и то же время открывать одну и ту же дверь, когда чудичи то и дело сновали туда-сюда. Как можно было в условленный час переходить улицу, когда на ней толпились чудичи и отчаянно спорили о проблемах вывоза мусора? Разве можно спокойно дремать у себя дома на диванчике, когда под окном блеют камедары?

Жизнь в городе превратилась для фатомов в сущий кошмар. Им не осталось ничего другого, как попрятаться кто куда, хотя, как мы знаем, это не всегда получалось удачно. В страхе, что их увидят, они весь день проводили в своих укрытиях и появлялись только ночью, чтобы снова продолжить заниматься своими привычными повторяющимися занятиями.

Фатом вздохнул, что он делал тоже в зеркальном отражении, так что со стороны его вздох выглядел скорее так, будто он нечаянно проглотил муху. Я пообещал ему — а что еще было мне делать? — в ближайшее время созвать общегородское собрание. Чудичи обязаны встретиться с исконными жителями города и выслушать их. Я сам буду выступать в роли переводчика.

Общегородское собрание в Анагром Атаф стало, наверное, самым неординарным политическим событием за всю историю Замонии. Все чудичи и фатомы собрались на центральной площади и стояли там, неприветливо поглядывая друг на друга. Я произнес небольшую речь, в которой призвал обе стороны к терпению, обоюдному пониманию и развитию добрососедских отношений. Речь была произнесена дважды: один раз на замонианском и второй — на фатаморганском языке.

Оваций не последовало.

— Какие добрососедские отношения, когда нам нечего

есть! — выкрикнул из толпы один из чудичей.

В последнее время ходили слухи, что запасы чудны́х грибов подходят к концу. А чтобы набрать новых, нужно снова отправляться путешествовать по пустыне. Дело в том, что чудны́е грибы не растут большими группами, их невозможно вырастить на огороде или набрать сразу много. Их можно только собирать по пути.

— Что значит проявляйте терпение, когда наши дома исчезают!

Полустабильность Анагром Атаф была на самом деле серьезной проблемой, с которой мы так и не научились справляться. Мне пришлось даже издать указ, запрещающий спать на кроватях, расположенных выше чем на один метр от земли. Но это было скорее попыткой уйти от проблемы, нежели ее решить.

Потом взяли слово фатомы. Один из прежних жителей Анагром Атаф, в прошлом бургомистр города, держал долгую речь, полную упреков, которую я, слово в слово, перевел чудичам. Он назвал нас варварами и захватчиками, заявил, что у нас нет никаких прав на город, что от нас одни беды и что мы не имеем элементарного представления о правилах общежития.

Чудичи возражали; по их мнению, они заселили город на законных основаниях и в качестве доказательства предъявили листок с двенадцатью правилами, особо ссылаясь на последнее из них.

Позиции сторон были более чем непримиримы. Собрание потерпело фиаско. Бургомистр снова и снова зачитывал свою речь, чудичи и фатомы галдели, не слушая и не понимая друг друга, — вряд ли город видел когда-либо бóльшую смуту. Мне стало ясно, что они никогда не придут к обоюдоприемлемому соглашению. Нужно было срочно придумывать что-то другое.

Я попросил всех успокоиться и взял слово.

— Послушайте, — крикнул я, — мы завтра же уходим из города!

Восторженные аплодисменты со стороны бургомистра и фатомов, недовольное гудение среди чудичей.

— Как это — уходим? — выкрикнул кто-то из толпы. — Мы шли в Анагром Атаф. Это была наша цель. Нам некуда больше идти!

Это был аргумент, который я не мог с ходу опровергнуть. Я попросил отложить собрание на несколько дней. Мне требовалось время пораскинуть мозгами.

Я целыми днями бродил по пустыне, ломая голову над неразрешимой проблемой. Можно было, конечно, предложить чудичам пойти вместе со мной в Атлантис. Только это была моя цель, а не их. Чудичам, как показал опыт с Анагром Атаф, в большом городе нечего делать.

Пока я искал решение, жизнь в городе шла своим чередом. Фатомы снова вернулись к своим привычным повторяющимся занятиям. Правда, под пристальными взглядами чудичей повторения, казалось, уже больше не доставляли им прежнего удовольствия. Чудичи упорно продолжали жить в занятых ими домах, где вышедшие из укрытий и свободно передвигающиеся фатомы делали обстановку несколько неуютной. О каком уюте может идти речь, когда на диване в гостиной целый день сидит полупрозрачное существо и пялится на тебя неприветливым взглядом. Обстановка в городе накалилась.

Прогуливаясь по пустыне, я частенько встречал группки чудичей, которые гордо маршировали вокруг города, пытаясь таким образом развеять тоску и достичь к вечеру вожделенного чувства усталости. Они с любопытством следовали за мной, словно непременно хотели стать свидетелями момента, когда на меня снизойдет озарение. При таких обстоятельствах мне в голову вообще не приходило никаких идей. А недовольство в городе между тем росло день ото дня.

Знак. Однажды вечером, когда постоянное присутствие зрителей стало для меня уже совершенно невыносимым, я решил изменить привычный маршрут и на несколько километров углубился в пустыню. Присел отдохнуть на небольшой камень; я с наслаждением вслушался в тишину и осмотрелся кругом.

Политические игры, как показала практика последних дней, были не для меня. Надо обладать определенной долей патриотизма, чтобы стать настоящим бургомистром. А мне было сложно развить у себя чувство привязанности к полустабильному городу-миражу. У чудичей это тоже не получилось. Они, конечно, упорно цеплялись за идею, что наконец-то достигли цели, но на самом деле в душе тосковали по кочевой жизни.

Метрах в ста от меня возвышалась небольшая песчаная дюна. Я поймал себя на мысли, что завидую ей, завидую ее свободе двигаться куда захочет, куда погонит ее ветер пустыни. На склоне блеснул в солнечных лучах какой-то засевший в песке предмет.

Подобные находки большая редкость в пустыне, поэтому он возбудил мое любопытство. Я подошел ближе и обнаружил торчавшую из песка бутылку с письмом. Строчки послания истлели от времени, и их почти невозможно было прочесть. Это навело меня на счастливую мысль: нам нужен знак!

Через три дня один из чудичей галопом примчался в город. Он нашел письмо в бутылке и принес его мне, чтобы я торжественно прочел его перед племенем. Чудичи все еще продолжали считать меня избранным.

Я сделал вид, что искренне удивлен.

— Послание в бутылке! — вскричал я. — Это знак!

— Знак! Знак! — закричало племя, собравшееся вокруг меня, к нам подбегали все новые чудичи и фатомы.

Я торжественно прочитал перед собравшимися послание, содержавшее четыре заповеди:

1. Не вздумай жить в Анагром Атаф!

2. Если ты все же поселился в Анагром Атаф, уходи оттуда как можно скорее и без тени сомнения!

3. Отправляйся на поиски города под названием Ытчем Дорог!

4. Продолжай надеяться на чудо!

Это было так глупо, что я готов был провалиться сквозь землю от стыда за эту бесстыдную и в то же время неуклюжую ложь. Я уже приготовился быть освистанным и закиданным гнилыми кактусогрибами.

— Не вздумай жить в Анагром Атаф! — прокатилось в толпе.

— Если ты все же поселился в Анагром Атаф, уходи оттуда как можно скорее и без тени сомнения! — подхватили новые голоса.

— Отправляйся на поиски города под названием Ытчем Дорог! — скандировали чудичи хором.

— Продолжай надеяться на чудо! — кричало все племя.

Удивительно, как легко оказалось убедить чудичей уйти из Анагром Атаф. Достаточно было дать им новую цель. Никто, правда, не знал, где искать этот загадочный город под названием

Ытчем Дорог. Но ведь и про Анагром Атаф этого поначалу тоже никто не знал. Не теряя времени даром, чудичи тут же принялись собирать пожитки и седлать камедаров. «Ытчем Дорог! Ытчем Дорог!» — выкрикивали они один за другим. В скором времени караван растворился в пустыне, в спешке никто даже со мной не попрощался, что, по правде говоря, после всей этой истории с «избранным» меня несколько разочаровало. Хотя, возможно, они не сомневались, что я отправлюсь в путь вместе с ними. Потом, не исключено, дня через два спохватились и стали искать. С них станется.

Таким решением вопроса фатомы остались очень довольны. Конечно, им не нравилось, что город теперь навсегда будет приклеен к песку пустыни, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Это обстоятельство даже способствовало в дальнейшем процветанию города. В скором времени он превратился в крупнейший туристический центр Замонии. Фатомы заработали целое состояние на овощах и фруктах, которые растворялись у туристов в желудках и возвращались обратно на прилавки. Повсюду, где фатомы совершали свои повторяющиеся действия, они расставили теперь плошки с табличками: «Благодарим за проявленную щедрость». На этом они заработали еще больше, чем на полуреальных овощах, так что призрачные человечки наконец обрели некоторую уверенность, которой им прежде всегда не хватало.

Послание, найденное чудичами в бутылке, тоже должно было впоследствии исчезать и появляться, как и все предметы в городе-мираже, ведь написано оно было карандашом из Анагром Атаф. Надеюсь, однако, что этот факт еще больше мистифицировал правила и заставил чудичей еще сильнее их почитать.

В одиночестве. Благодаря этому случаю я наконец-то расстался с чудичами. Избавленный от необходимости скитаться вместе с ними в пустыне, я решил на свой страх и риск в одиночку отправиться на поиски Атлантиса.

Прихватив несколько канистр воды, я двинулся на северо-восток, где предположительно раскинулся мегаполис.

В отличие от чудичей, я путешествовал вполне осознанно, сверяя направление по солнцу и стараясь совершать переходы по возможности ночью, чтобы расходовать поменьше воды и сил. И тем не менее на седьмой день путешествия я заметил, что запасы воды начинают приближаться к концу, а пустыня по-прежнему

стелется передо мной без конца и без края. Во всяком случае, растительность и другие характерные признаки ландшафта не предвещали приближения к новой географической зоне.

Как-то раз, проведя уже большую часть утра в пути, я остановился, чтобы немного отдохнуть и осмотреть горизонт в поисках хоть какой-то надежды. И тут на глаза мне попалось нечто совершенно ошеломляющее.

Это была остановка.

Пробыв довольно долго под палящими лучами беспощадного солнца, жгущего мне макушку с садистским упорством, я не сомневался, что это очередной мираж, но любопытство взяло верх, и я подошел ближе.

Это действительно был знак остановки, надежно врытый в песок пустыни. И, если я ничего не перепутал, это была остановка торнадо. Вокруг знака грудой были сложены самые разнообразных вещи: продукты, посуда, сосуды с водой, золото, украшения, дорогие безделушки и пряности.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ОСТАНОВКА ТОРНАДО. Самым курьезным феноменом Сладкой пустыни считаются остановки торнадо. Они размещены на пути следования торнадо, который, как утверждают, никогда не утихает, ходит всегда одним и тем же маршрутом и зовется в народе Вечным торнадо. Некоторые путешественники используют его для скорейшего передвижения по Сладкой пустыне, садятся на одной остановке и выходят на другой.

Если бы мне сегодня кто-нибудь посоветовал воспользоваться торнадо с целью экономии времени и быстрейшего достижения цели, я бы, не задумываясь, указал ему дорогу прямиком в сумасшедший дом.

Но в то время я был слишком молод и находился в той возрастной категории, для которой чем безумнее совет, тем он привлекательнее. Торнадо несется с бешеной скоростью — лучшего способа как можно быстрее добраться до края Сладкой пустыни не найти.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВЕЧНЫЙ ТОРНАДО. Вечный торнадо является последним представителем вихревых ураганов, которые движутся по строго определенному маршруту. Маршрут Вечного торнадо пролегает от южных областей Сладкой пустыни, через ее центральную часть, до Пиритонических гор на севере, за которыми раскинулся город Атлантис.

Так, значит, торнадо поможет мне не только выбраться из пустыни, но и доставит в Атлантис! Что может быть лучше?

ВЕЧНЫЙ ТОРНАДО [продолжение]. Судя по содержимому даров, которые оставляют на остановках Вечного торнадо местные жители, внутри у него находится несметное количество всевозможных

сокровищ. Предположительно он содержит в себе тонны золота, серебра, платины, бриллиантов, жемчуга и хрусталя, а также предметы антиквариата и массу замонианских монет различных исторических эпох.

Ну и ну! Получается, этот уникальный вид транспорта не только доставит меня в город моей мечты, но еще и поможет разбогатеть. Кто знает, а вдруг мне удастся прихватить оттуда немного сокровищ и я прибуду в Атлантис не с пустыми руками? Вопрос только, как войти в движущийся торнадо и как потом из него выйти. В любом случае можно остаться здесь и посмотреть. Если покажется слишком страшно, не буду садиться, вот и все.

Итак, я принял решение остаться на остановке и подождать торнадо.

В ожидании вихревого смерча. От нечего делать я начал рассматривать дары, сваленные кучей вокруг знака остановки торнадо. Вазы, наполненные жемчугом. Кубок с золотым песком. Рыцарские доспехи из чистого серебра. Бокалы из золота и перламутра. Столовые приборы на двенадцать персон, украшенные бриллиантами. Кому пришло в голову оставить все эти вещи среди песков? Может быть, это сделали племена, обитающие в оазисах Сладкой пустыни? Но зачем надо делать жертвоприношения урагану?

Я просидел на остановке час.

Торнадо не появился.

Мне надоело ждать, но я сказал себе, что вихревые смерчи наверняка появляются здесь не каждый час. Я снова стал ждать. Прошло еще три часа.

Торнадо не появился.

Настал вечер, затем ночь, но песчаной воронки по-прежнему не было видно. Я прождал еще один день. И еще один. От скуки я обвешался украшениями и гордо прошелся вокруг знака остановки. Представляю, как это выглядело со стороны, скорпионы и змеи наверняка от души посмеялись. Я снова снял украшения, положил их на место, сел и стал ждать.

Смерч по-прежнему не появлялся.

На пятый день мне все это до смерти надоело. Я не сомневался, что попался на чью-то глупую шутку. Остановка торнадо — ха-ха, мечтать не вредно! Между тем оставшиеся запасы воды уменьшились почти вдвое, а я продолжал торчать на

одном месте. Пять дней под палящим солнцем! Мозги у меня в голове сначала расплавились, а затем усохли до размера изюминки. Чтобы спасти последнее, что осталось, я решил двигаться дальше. Взял свой узелок, встал и отправился в путь.

Навстречу мне подул ветерок. На горизонте показалось крошечное пылевое облачко.

Торнадо.

Издалека торнадо выглядит совсем безобидно, как сошедший с ума гигантский чулок, который вырвался на свободу и в бешеном танце пошел гулять по пустыне. Однако чем ближе он подбирается к вам, тем сильнее становится жгучее чувство незащищенности, то есть абсолютной, полной беспомощности. Вскоре вы понимаете, что имеете дело с природным явлением, стоящим в одной весовой категории с вулканами, цунами и землетрясениями в десять баллов по шкале Рихтера. Он не похож ни на песчаную воронку, ни на юркий вихревой смерчик, играющий несколькими засушенными колючками, это настоящий великан номер один в тяжелом весе природных катастроф, который в одну секунду может стереть с лица земли целый город или осушить водоем размером не меньше Жуткого моря.

Чем ближе приближался ко мне торнадо, тем сильнее становился невообразимый рев, исходивший из его жерла, словно разъяренное стадо из тысяч бешеных быков, слонов, львов и павианов с диким воем неслось на меня. А в самой глубине этого хора грохотали басы, от которых содрогалось все кругом и кактусы чуть не валились на землю, в то время как до торнадо оставались еще километры. Когда же он приблизился на расстояние примерно одного километра, я смог различить предметы, которые, прежде чем провалиться вглубь воронки, носились по кругу как сателлиты: целые куски скал размером с многоэтажный дом, кактусы и даже несколько камедаров.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ОСТАНОВКИ ТОРНАДО [продолжение]. Одной из

национальных замонианских традиций является установление в пустыне знаков остановок на пути следования Вечного торнадо. Эти знаки служат в первую очередь ориентирами для желающих приносить дары вихревому урагану, поскольку Вечный торнадо почитается среди жителей Замонии чем-то вроде божества или национальной святыни. Многие из них верят в сверхъестественное происхождение торнадо, считают его почти живым существом, которое может исполнять желания, если его как следует умаслить подарками. Как уже было сказано выше, эти знаки остановок часто сбивают с толку неопытных путешественников и вызывают у самых отчаянных и бесшабашных из них желание прокатиться на торнадо. И по всей видимости, находятся ненормальные, добровольно позволяющие подхватить себя вихрю, несущемуся со скоростью 500 км/ч. Разумные же путешественники, у которых в голове сохранилась хоть капля здравого смысла, понимают, что эти знаки являются не чем иным, как предостережением, и заключают в себе добрый совет убираться подобру-поздорову с пути следования стихийного бедствия.

Ах вот оно что! Бежать, бежать, пока не поздно, пока торна…

Но не успел я додумать свою мысль до конца, как вихрь сшиб меня с ног, поднял в воздух и затряс, как тряпичную куклу. Гигантская рука из грязи, глины и песка схватила меня за

шиворот и увлекла за собой в водоворот вокруг центра торнадо. За считаные секунды я взлетел так высоко, что мог окинуть взглядом всю Сладкую пустыню. Где-то вдалеке виднелись очертания Анагром Атаф. Это было последнее, что я успел разглядеть, прежде чем меня засосало в центр торнадо. Я кувыркался в неопределенной массе из песка, мелкой гальки и сухих веток, которая плотно облепила меня со всех сторон и все же была достаточно рыхлой, чтобы можно было дышать. Самым неприятным при всем этом было странное ощущение, которое все сильнее охватывало меня по мере того, как я приближался к центру торнадо. Это было тягостное, гнетущее чувство безысходной тоски, сродни предчувствию близкой кончины. В то же самое время силы стремительно покидали меня, тело наливалось свинцом и все болело, будто я заразился вирусом гриппа. Потом торнадо вдруг отпустил меня, я стремительно полетел вниз и больно ударился обо что-то твердое. На ощупь это «что-то» оказалось каменной лестницей.

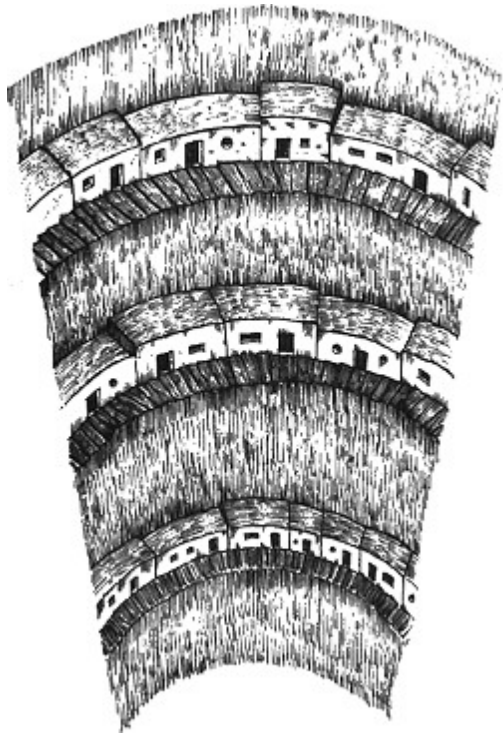
Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВЕЧНЫЙ ТОРНАДО [продолжение]. Вечным торнадо в народе называют последний действующий гигантский торнадо из класса перпето-мобилей, обитающий над Сладкой пустыней. В отличие от обычных торнадо, этот достигает в высоту около 5 километров, а в поперечном сечении 750 метров, обладая при этом рядом других исключительных свойств, таких как, например, предположительно бесконечный срок действия. Еще одной отличительной чертой Вечного торнадо является так называемая мобильная стабильность в его центре, что роднит его с другим гигантом среди вихревых ураганов — смерчем. Некоторые ученые утверждают, что в давние времена произошло столкновение смерча с обычным торнадо, в результате чего и возник Вечный торнадо. Эта теория, однако, противоречит основному постулату так называемого этикета природных феноменов, запрещающего одновременное появление исключительных метеорологических явлений. Если только не предположить, что это противоречие является

как раз тем исключением, которое, вопреки мнению ученых мужей со всей их мудреной латынью, лишь подтверждает правило.

Мобильная стабильность, то есть полный штиль, в центре торнадо у Вечного торнадо выражена настолько, что в его центре можно построить карточный домик и он будет стоять там вечно. Во всяком случае, так утверждают известные торнадологи. Хотя не исключено, что утверждение это все же несколько преувеличено. Однако физические показатели торнадо допускают преобладание в его центре стабильных условий, что делает возможным существование у него внутри даже неких форм жизни, естественно самых примитивных. Мнение это, безусловно, носит чисто теоретический характер, поскольку до сих пор не нашлось еще ни одного безголового существа, которое бы добровольно согласилось проверить его на практике.

Наличие каменной лестницы в центре торнадо едва ли смогло удивить меня должным образом. Ведь в тот момент меня гораздо больше занимала другая проблема — что случилось с моими глазами. Все вокруг расплывалось словно в тумане, и мне никак не удавалось вернуть зрению былую резкость. А ведь раньше зрение у меня было острое, как у орла, вооруженного электронным микроскопом. Я спокойно мог пересчитать в сумерках лапки муравья на расстоянии пяти метров без каких бы то ни было вспомогательных средств. Теперь же я походил на филина, ослепленного, ярким дневным светом: на глаза словно легла пелена, и мне приходилось изо всех сил щуриться, чтобы хоть как-то сфокусировать взгляд. Может, во время полета в глаза надуло песка? Хотелось бы верить, что это временное явление. Я попытался вскочить, но и в теле не обнаружилось былой легкости, лапы отяжелели и не слушались.



С большим трудом, кряхтя и вздыхая, мне удалось кое-как принять вертикальное положение. Да, полет не прошел бесследно. Спина ныла, будто ее скрутил ревматизм, а мышцы как-то странно одеревенели.

Подо мной действительно находились ступени лестницы, на которую я так неудачно приземлился. Еле волоча ноги, я подобрался к краю и заглянул в глубокую, почти бесконечную шахту, куда каменная лестница спускалась широким винтом. Между ее витками у стен шахты тесно лепились друг к другу домики, построенные, скорее всего, из спрессованного песка. Их было много — целый город, сооруженный на внутренней стороне гигантской спирали.

От высоты у меня закружилась голова. Я инстинктивно отпрянул назад, обернулся и обнаружил, что стою у одного из таких домов, совсем простенького, как хижина дикаря.

Старик. В дверях сложенной из серых кирпичей лачуги стоял старик. Только не думайте, что я имею в виду пожилого мужчину в самом расцвете пенсионного возраста, лет семидесяти — восьмидесяти, нет, это был настоящий старик — старец, разменявший вторую сотню. А может, и тысячу! У него были абсолютно белые волосы до плеч, а седая борода свисала чуть не до коленей. Лицо все испещрено глубокими морщинами, а сам он

еле стоял на ногах, тяжело опираясь на посох.

Он одарил меня таким долгим и пристальным взглядом, какой бывает только у очень пожилых людей, когда они смотрят и смотрят, и ты не знаешь, видят они тебя или нет. Вскоре я почувствовал себя неловко и попытался разрядить обстановку непринужденной беседой.

— Э-хм… Добрый день! Как поживаете? Не подскажете, где это я?

Голос мой, прозвучавший как скрип ржавых тюремных ворот, показался настолько чужим и незнакомым, что я похолодел от ужаса. Наверное, и в горло тоже попал песок. Я смущенно откашлялся.

Старик посмотрел на меня пристально, но без удивления, а потом приветливо улыбнулся и ответил:

— Ты в раю!

Ах вот оно что! Ну конечно, как я сразу не догадался. Значит, я, пока летел, сломал себе шею или задохнулся в песке и пыли, а может… В общем, не знаю, какая именно неприятность со мной приключилась, но так или иначе, я почил с миром. Я умер и вознесся на небеса, а этот старик не кто иной, как — Бог. Естественно. Кто же еще? С такой-то внешностью.

Старик между тем доковылял до края шахты, сложил руки рупором и крикнул вниз так громко, что его голос эхом отразился от стен:

— Новенький! Новенький!

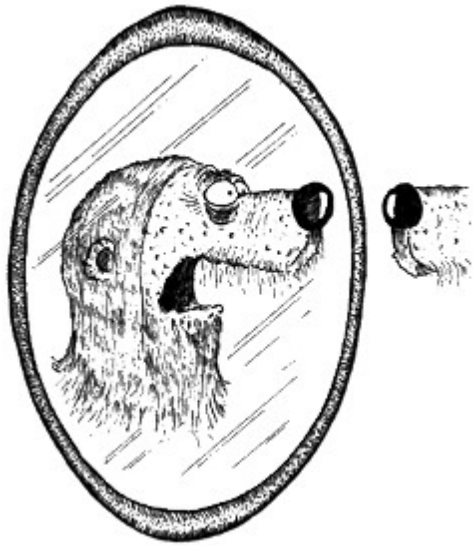
Изо всех домиков, как по команде, на лестницу выползли старики, с такими же белыми волосами и длинными седыми бородами и примерно того же возраста, что и старик, которого я принял за Бога. Они начали медленно подниматься вверх по ступеням, с большим трудом, едва переставляя ноги и не произнося ни слова. Я тоже помалкивал, поскольку боялся услышать свой собственный голос. Старики тем временем обступили меня и принялись ощупывать своими костлявыми пальцами мою голову, что, вероятно, считалось у них своеобразным приветственным ритуалом. Двое из них с торжественным видом поднесли ко мне зеркало.

— Посмотри! — сказал один мягким голосом, но тоном, не терпящим возражений.

У всех остальных на лицах застыло торжественное ожидание, как у родителей, наблюдающих за детьми, которые разворачивают рождественские подарки.

Помедлив с минуту, я взглянул в зеркало. Мне пришлось хорошенько сощуриться, чтобы разглядеть свое отражение: совершенно белый мех, на голове абсолютно белые волосы,

свисающие жидкими прядями на плечи, длинная, почти до коленей, борода и темные мешки под глазами. На вид мне было лет сто, не меньше. Я раскрыл было рот, чтобы закричать от ужаса, но в этот момент ноги мои подкосились и тьма беспамятства милосердно приняла меня в свои объятия.



10. Моя жизнь в торнадо

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на удобном матрасе, вокруг стоят пятеро стариков, один из которых протягивает мне чашку с чаем. Они, видимо, отнесли меня в дом, пока я был без сознания. Из обстановки в комнатке я заметил только стол и два примостившихся рядом с кроватью стула да еще небольшую печь и шкаф для посуды.

— Ну как, получше? — участливо спросил один из стариков. — Ничего страшного. Такое случается. Мы все пережили этот шок.

Его глаза излучали понимание.

— Шок, хе-хе-хе, — проскрипел другой, на вид несколько моложе остальных. — Да, это тебе не шутки.

— Мне приснился кошмарный сон, — проговорил я, все еще в смятении от пережитого. — Мне приснилось, что я вдруг превратился в древнего старика, такого же старого, как вы… — Тут я понял свою бестактность.

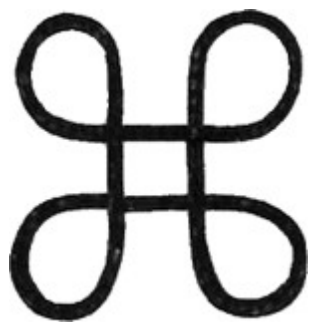
Старики по-прежнему сочувственно мне улыбались.

Потом заговорил тот, у которого была чашка в руках. Его, как выяснилось потом, звали Балдуан Беобаб.

— У нас для тебя две новости: хорошая и плохая, — сказал он. — Плохая заключается в том, что, попадая в торнадо, любое живое существо моментально стареет, за считаные секунды ты становишься старше на десятки лет. Думаю, ты это и сам уже почувствовал. Неприятное ощущение, правда? Попадая сюда, обычно стареют на семьдесят — восемьдесят лет. Ну вот, это все, что касается плохих новостей. Теперь новость хорошая: если ты уже оказался в торнадо, то дальнейшее старение тебе не грозит. Время здесь движется очень медленно. За целый год, проведенный в торнадо, твой возраст изменится приблизительно на минуту. Вот и считай, сколько времени потребуется, чтобы состариться еще на один год. Вечность! Короче говоря, не важно, сколько лет тебе было раньше, ты проживешь здесь еще несколько тысячелетий. Если, конечно, на голову не упадет рояль. Нельзя сказать, что ты теперь совершенно бессмертный, но жить тебе предстоит очень и очень долго. Стоит только привыкнуть, и ты поймешь, что это настоящий подарок. Только не спрашивай меня, как это функционирует, пожилой молодой человек. Чтобы понять это, требуется несколько мозгов.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ВЕЧНЫЙ ТОРНАДО [продолжение]. Вечный торнадо, последний из класса перпето-мобильных торнадо, является своеобразным природным феноменом, возникающим только в условиях чрезвычайно стабильных температур и неизменного состояния атмосферы. В таких условиях торнадо может постоянно обновляться, образуя так называемый двойной фили́нов крендель, получивший свое название по имени знаменитого ученого, кроме всего прочего занимавшегося и изучением торнадо тоже. Образовав двойной фили́нов крендель, достигающий в поперечном сечении двух тысяч километров, Вечный торнадо в дальнейшем следует по одному и тому же маршруту.



Интересная информация. Только какое отношение имеет она к тому, что я за несколько секунд постарел на десятки лет?

В центре торнадо образуется временной вакуум, так как время в результате неимоверной центробежной силы, подобно песку в центрифуге, стремится из центра наружу. В наружной части торнадо время неимоверно сгущается, вследствие чего здесь оно пролетает чрезвычайно быстро. Поэтому тот, кто попадает в торнадо, проходя сквозь его внешнее кольцо, за несколько секунд стареет на десятилетия.

Одним из преимуществ преклонного возраста является то,

что перестаешь волноваться по любому пустяковому поводу, например, по поводу запоздалого поступления информации из имплантированного в голову «Лексикона». Во всяком случае, теперь я хоть понимал, что со мной произошло. Оставалось узнать, почему в центре торнадо за год стареют примерно на одну минуту.

> Раз в год торнадо меняет направление своего вращения, что длится приблизительно одну минуту. В этот момент временной вакуум в его центре снова заполняется временем, поэтому если бы в центре торнадо находилось какое-то живое существо (правда, как уже было сказано выше, это кажется маловероятным, поскольку трудно представить себе чудака, который бы добровольно туда полез), то оно постарело бы за это время ровно на одну минуту.

Я поделился со стариками сведениями, почерпнутыми из «Лексикона» Филинчика, и они понимающе закивали.

Потом они накормили меня размазней, сваренной из геркулеса (любимое блюдо в центре торнадо), мы выпили вместе по несколько чашек чая, и после того, как я немного пришел в себя, мне удалось подняться на непослушные, полуватные ноги.

— Добро пожаловать, теперь это твой дом, — сказал один из стариков, торжественно обведя рукой комнатушку. — Но если тебе здесь не нравится, можешь подыскать себе что-нибудь другое. Внизу еще осталось несколько свободных домов.

— Идем, — сказал Балдуан. — Мы покажем тебе город.

Город внутри торнадо. Как я уже рассказывал, обстановка внутри торнадо была на редкость стабильной, вращение совершенно не ощущалось, так же как не ощущается скорость внутри современного аэробуса, пока он не попадет в турбулентный поток. При большом желании можно было, конечно, заметить некоторую вибрацию, стены легонько дрожали, и изредка ощущались толчки, от которых падали на пол посуда и самые дряхлые из стариков. Оглушительный рев, окружавший торнадо снаружи, благодаря толстому слою песка внутрь доходил тихим, едва различимым гулом. Хотя не исключено, что я теперь

просто хуже слышал.

Порой еще доносились лязг и грохот, свидетельствовавшие, скорее всего, о смене направления движения. Тогда лестница тряслась, плохо закрепленные ступени могли даже вывалиться, некоторые домишки кренились набок, потом снова вставали на место, но никто не обращал на это внимания.

Лестница была построена изо всякого хлама, который за долгое время скопился в центре торнадо. Учитывая преклонный возраст жителей города, оставалось только удивляться размаху и монументальности сооружения; с другой стороны, чем им еще было тут заниматься? Отказавшись от архитектурных излишеств, они всецело подчинили форму функциональности. Домики тоже не отличались разнообразием. Это привело меня к мысли, что с возрастом внешнему лоску также уделяешь намного меньше внимания.

Склад. — Здесь настоящий рай, — рассказывал мне один из трех сопровождающих, которого звали Абрахамиль Кра. Он был в городе кем-то вроде эконома. Как и большинство находящихся здесь, он попал в торнадо чисто случайно: путешествовал с караваном и был захвачен гигантским смерчем врасплох.

(Поначалу я думал, что все остальные жители города такие же жертвы остановок торнадо, как я, но со временем выяснилось, что таким умником был только я один.)

Склад представлял собой ряд одинаковых домиков где-то в центральной части лестницы. Чего тут только не было! Продукты, инструменты, обувь, одежда, ковры, щетки, всевозможная домашняя утварь — почти супермаркет, где каждому предмету отводилось свое место на полке в соответствии со сложной системой, в которой ориентировался один лишь Абрахамиль.

— Да, конечно, мы очень старые, ноги не ходят, глаза не видят — ну и что, здесь все равно не на что смотреть. — Абрахамиль был оптимист. — Нет худа без добра. Понимаешь, главное — не надо ни о чем думать. Нам не приходится работать, у нас все есть. Разве может что-то сравниться с этим вечным покоем? Торнадо щедро снабжает нас всем необходимым, и даже сверх того. Чего только не оставляют эти чудаки на остановках! Вот только взгляни — икра белого кита! Сгущенное птичье молоко. Гуляш из мяса единорога. Такие деликатесы отведаешь разве что в самом изысканном ресторане. У нас здесь целое хозяйство: куры, утки, свиньи, коровы.

Притом, заметь, продукты не портятся. Время стоит на месте, они остаются свежими вечно. Это, само собой, касается только тех продуктов, которые попадают сюда через воронку сверху. Вон — видишь? — тот бидон молока — он попал сюда года два назад, а молоко на вкус все еще как парное.

Люди снаружи считают торнадо почти божеством. Они приходят издалека и приносят подарки. Никто не знает, когда это началось, но наверняка очень давно. Жертвоприношения делают даже короли. Видишь, какие ценные вещи сюда иногда залетают?

Если залетает что-нибудь крупное, мы прячемся по домам и пережидаем опасность. Осторожность не помешает — в прошлом году двух наших чуть не зашибло камедаром. А раз мне на голову свалился тромбон, я потом целый месяц видел все в черно-белом цвете.

В основном предметы падают в самый центр. Что-то приземляется на ступени. Потом мы все это собираем. Правда, полезных вещей тут немного. Большинство никуда не годится. В прошлом году, например, трижды шел настоящий дождь из байдарочных весел. Как ты думаешь, кому нужно несколько сотен байдарочных весел?

Вы, наверное, думаете, что состариться в одночасье на целых восемь десятков лет очень страшно, но на деле все не так трагично. Привыкаешь довольно быстро, достаточно двух-трех дней, вероятно, по той причине, что изменить уже все равно ничего нельзя. В конце концов приходишь к мысли, что быть старым не так уж и плохо, просто все происходит несколько медленнее, ты долго думаешь, прежде чем решиться что-нибудь сделать или куда-то пойти.

Да и куда идти, когда сидишь в центре торнадо? На ступенях лестницы находиться небезопасно, ведь не знаешь, что может засосать в воронку в следующий момент. Так что из домов выходили только в случае крайней необходимости. В основном старики все время сидели дома, всецело посвящая себя своим хобби.

Я подружился с Балдуаном Беобабом, который первым нашел меня на лестнице. Не проходило дня, чтобы я не заглядывал в его каморку. Мы болтали и рассказывали друг другу о своих прежних жизнях.

История Балдуана. Однажды Балдуан поведал мне, как он очутился в торнадо:

— Ах, молодость, молодость! Тогда мне нравилось рисковать, меня манили опасности. Но выходка с динозавром-спасателем оказалась самой опасной и рискованной из всех.

Услышав о динозавре-спасателе, я весь обратился в слух.

— Говорят, как бы ни была велика опасность, в последний момент появится динозавр-спасатель и вытащит тебя из беды. Я решил проверить это на практике. Чего только я не делал: заплывал на каноэ в знаменитый Дальнезамонианский водопад, забредал в самый центр могильных топей Торфяных болот, очертя голову бросался с утеса в самый коварный омут Жуткой реки — и действительно, в последний миг динозавр был тут как тут.

Я вспомнил о Маке, о наших с ним полетах. Как часто я тогда задавался вопросом, что толкает людей совершать отчаянные поступки!

— А я заходил все дальше и дальше в своем безумстве, на сто процентов уверенный в динозаврах-спасателях, — продолжал Балдуан. — В конце концов я решился прыгнуть со скалы Смерти. Без страховки и не задумываясь о возможных последствиях.

Со скалы Смерти? Я снова напряг слух.

— Я просто бросился в пропасть. Только пролетев первые пятьсот метров, я вдруг сообразил, что погода в этот день выдалась самая неподходящая: густой туман и моросящий дождь — динозавр-спасатель не сможет меня разглядеть. Пролетев еще пятьсот метров, я всерьез задумался: что будет, если он так и не прилетит мне на помощь?

А на дне пропасти в Чертовом ущелье растет целый лес отполированных горных кристаллов, таких же острых, как мечи натифтофов. Да если бы даже оно было устлано мягкими матрасами, учитывая высоту падения, шансов у меня не было никаких.

Я старательно отгонял от себя эту мысль, но еще через пару километров меня снова неприятно поразило подозрительное отсутствие в поле зрения птеродактилей. До земли оставалось лететь каких-нибудь пятьсот метров, так что пора было уже обнаружиться на горизонте знакомым спасительным очертаниям крыльев динозавра, пусть бы даже еще очень и очень далеко. Но ничего подобного там не было видно.

Мне оставалось лететь уже не более ста метров, и тут я наконец окончательно осознал свою непростительную ошибку. Это было в высшей степени легкомысленно — прыгать в такую плохую погоду. Вокруг все еще не было видно ни единой гигантской птицы, и это свидетельствовало лишь о том, что

решение броситься в пропасть без парашюта было необдуманным и скоропалительным. Хотя какой прок тут от парашюта? Продлить удовольствие и не спеша, медленно нанизаться на кристаллы.

В десяти метрах от земли я твердо знал, что прыгнул напрасно. Я ругал себя последними словами, проклинал глупое легкомыслие и дал зарок больше не верить в динозавров-спасателей.

Да, я ошибся. Теперь это было уже очевидно. Приблизительно в метре от отточенного острия сверкающего лезвия в голове моей осталась одна-единственная мысль — как можно быть таким идиотом?! В пятидесяти сантиметрах от кристаллических пик я подчеркнул эту мысль трижды красным карандашом у себя в голове.

В десяти сантиметрах от кристаллов из тумана вдруг вынырнул динозавр, схватил меня за шиворот и отнес обратно на скалу Смерти, где устроил мне хорошую взбучку. Никогда в жизни мне еще не было так стыдно, хотя выслушивать нравоучения динозавров, сам понимаешь, мне было не впервой.

Но этот отчитывал как-то особенно, от души. И знаешь, что странно? На спине у него сидел маленький медвежонок! Только не такой, как ты. У тебя шерсть совсем белая, а у того была синяя-синяя.

Старый знакомый. Теперь я уже не сомневался: Балдуан рассказывал об одной из наших бесчисленных спасательных операций с Дэус Экс Ма́хина, проведенных в то время, когда я был вместе с ним. Я вспомнил густой туман, из-за которого ничего не было видно, и упрямство Мака, который непременно хотел ждать до последней секунды. А какой был пилотаж, верх навигационного искусства — двойное слепое пике в условиях ограниченной видимости! Вспомнил я и смущенного молодого человека, которого мы отнесли на скалу Смерти.

Я помог спасти жизнь Балдуана!

Закончилось все трогательной сценой со слезами и объятиями, когда Балдуан узнал от меня, кто был тот маленький медвежонок на спине у динозавра-спасателя. Балдуан плакал от счастья, что снова повстречал своего спасителя, а я — вспоминая о золотой поре своей юности, которую уже не вернуть. Потом мы вместе поплакали о том, что оба стали такими чувствительными. А спустя некоторое время, когда мы успокоились, он, вздыхая и хлюпая, продолжил свой рассказ:

— Происшествие это, к несчастью, настолько укрепило мою веру в надежность динозавров-спасателей, что я стал совершать

еще более безумные поступки. Заплывал в бочке в самый центр Вотанова водоворота, прыгал с воздушного шара в кратер действующего вулкана. Теперь я уже ничего не боялся. И все заканчивалось действительно хорошо: в последнюю секунду появлялась одна из гигантских птиц.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день я не узнал о торнадо. Как видишь, теперь я здесь. Никто не пришел мне на помощь даже в самую последнюю секунду.

Еще бы! Не можем же мы поспевать всегда и везде!

У каждого в городе было какое-нибудь хобби, по большей части связанное с предметами, залетавшими снаружи в центр торнадо. Однажды туда засосало целую библиотеку, и с тех пор один из стариков по имени Гноте Беем Яффуз занимался тем, что разгребал кучи книг, расставлял их по полкам, заносил в каталог и выдавал на руки читателям. Иные специализировались на коллекционировании шелковых подушек, дверных замков или зонтов от солнца. Все только и делали, что чем-то менялись, стараясь при этом выторговать для себя более выгодные условия. Поэтому самым большим общественным событием города была проводимая регулярно ярмарка, во время которой каждый мог выложить у дверей своего домика ненужное барахло, чтобы, совершив удачный обмен, получить что-нибудь ценное для своей коллекции

Сокровища. Правда «барахло» тут слово, пожалуй, не совсем уместное и даже кощунственное, поскольку на обмен предлагались иногда даже очень и очень дорогие вещи. Например, огромные сверкающие бриллианты размером с бильярдный шар, золотые украшения, ларцы, полные серебряных монет и жемчужных ожерелий, резные гребни из слоновой кости, платиновые ложечки для обуви, посуда из небьющегося горного хрусталя, пепельницы из вулканического стекла, шкатулки с золотым песком, кубки, доверху наполненные золотыми монетами, искусно выполненные из всевозможных драгоценных металлов кольца и браслеты, целые сундуки, набитые рубинами и изумрудами, скипетры и короны, столовые приборы, усыпанные бриллиантами, а также инкрустированная посуда из спрессованной под давлением метеоритной пыли.

Все это накопилось за долгие годы в центре торнадо. Но здесь, внутри, именно эти предметы роскоши пользовались

наименьшим спросом, по сравнению, например, с парой свежих яиц или рулоном мягкой туалетной бумаги, которые считались поистине бесценными. От золота, денег и бриллиантов в торнадо было немного прока.

И все же я начал коллекционировать именно их. Я наменял на ярмарке и натаскал к себе в дом груды старинных монет, бриллиантовых диадем, золотых корон, роскошных кубков и столового серебра, у стен один на другом стояли сундуки, набитые золотом, а под кроватью лежали мешки с жемчугом и драгоценными камнями. Спустя две недели моя комнатенка выглядела как сокровищница из сказок «Тысячи и одной ночи». Я разоделся в пух и прах, то есть в парчу и бархат, с самого утра таскал на голове тяжеленную золотую корону и, обвешавшись всевозможными драгоценностями, то и дело гордо прохаживался туда-сюда у дверей своего домика. Я шнырял по ярмарке, выискивая все новые и новые богатства: рулоны китайского шелка, золотые вазы, платиновые кубки, мешки золота, серебряные ведерки, наполненные необработанными алмазами, — и все мне казалось мало.

В домике было уже не развернуться, во сне меня то и дело больно жалили острые зубья королевских корон, которые с целью экономии пространства пришлось разместить на кровати у стены. Мне с трудом удавалось протиснуться среди всей этой роскоши, которая постепенно заполнила каждый свободный уголок, ноги по колено утопали в жемчугах и бриллиантах, толстым слоем лежавших на полу, и мне приходилось тратить уйму времени, перелезая через груды набитых до отказа сундуков, только чтобы добраться от стола до кровати.

Наряду со всем этим шиком мне постепенно начало не хватать кофе, сахара, геркулесовой каши и меда — одним словом, всех тех повседневных радостей, к которым я так привык и которые теперь почти полностью раздал в обмен на сокровища. Я голодал, питался одной лишь водой и теми отходами, что находил на помойке.

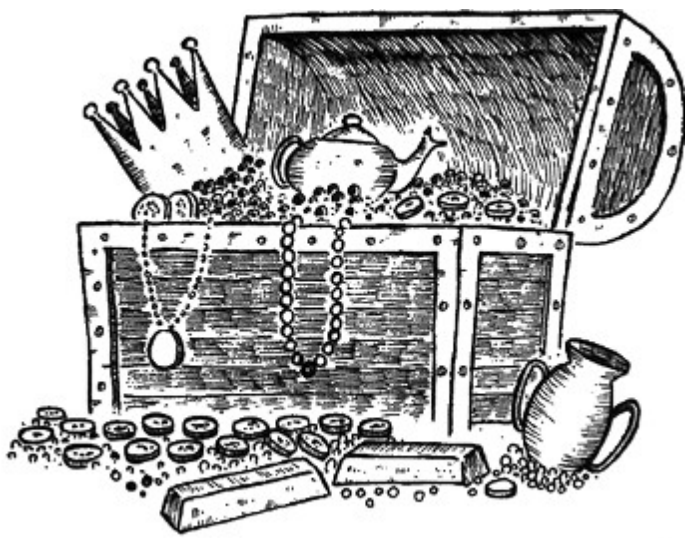
Как-то раз утром меня навестил Балдуан. Войдя в дом, он сразу же скорчил озабоченную гримасу. Давно свыкнувшись с его назидательным тоном, я не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Угощение состояло из картофельного чая, напитка из поджаренной картофельной кожуры, который я изобрел, чтобы как-то пережить нехватку кофе. Еду также заменяли картофельные очистки. На мне была мантия из горностая, украшенная рубиновыми пуговицами; я надел свою любимую корону и, перебравшись через сундуки, сел за стол напротив Балдуина.

— О тебе много судачат в торнадо, — сказал он, сделав глоток мутного напитка и брезгливо отставив в сторону усыпанную изумрудами золотую чашку.

— Да? И что же обо мне говорят? — поинтересовался я, сдвигая на край стола мешки с драгоценностями, которые были свалены посередине и мешали мне смотреть в лицо Балдуану. Хотя и так было ясно, что все просто-напросто завидуют моему богатству.

— Что говорят? Да всё то же. С утра до вечера только и делают, что говорят о тебе. Они все над тобой смеются.

Что?! Наверное, я ослышался. Просто в уши попала золотая пыль. Ведь за это время я стал самым богатым жителем торнадо. Я владел даже золотом натифтофов и контролировал основной платиновый запас торнадо. Что тут смешного?



— Ну, взгляни на себя, — продолжал Балдуан с состраданием в голосе. — На кого ты похож? Клоун, да и только. Посмотри вокруг. Зачем тебе все это? Ты набил мешки бриллиантами, а не можешь угостить меня чашкой приличного кофе! Ты купаешься в золоте, а питаешься на помойке! Неужели ты так ничего и не понял? Ты останешься здесь, с нами, навсегда, до конца своих дней. Обратной дороги нет! Все барахло, которое ты тут набрал, останется вместе с тобой. А здесь оно никому не нужно. Неужели ты так до сих пор и не понял, что все мы тут пленники, нам никогда не вырваться из этой тюрьмы.

Балдуан встал и начал с трудом пробираться к выходу, по пути зацепился за острие золоченой сабли и проделал в плаще здоровенную дырку. Это окончательно вывело его из себя. В

дверях он остановился, еще раз повернулся ко мне и грустно вздохнул:

— Тебе уже почти сто лет — не пора ли повзрослеть?! Чем быстрее ты это поймешь, тем лучше. И, я тебя умоляю, выброси весь этот хлам!

С этими словами он развернулся на каблуках и зашагал вниз по лестнице, в кофейню, чтобы продолжить сплетничать обо мне со стариками.

Прозрение. А я остался сидеть за столом, понурив голову в роскошной короне. Балдуан, конечно, прав, но не во всем. Я знаю, конечно знаю, что от сокровищ в торнадо немного проку, но собираю их только потому, что надеюсь рано или поздно выбраться на свободу. Просто со временем конечная цель, а именно — побег, как-то притерлась и отодвинулась на второй план. Вот с этим-то и нужно было бороться.

Всю следующую неделю я занимался тем, что избавлялся от накопленных сокровищ, и это оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале, поскольку никто не хотел у меня их забирать и уж тем более менять на что-то полезное. На ярмарке дряхлые старики проскальзывали мимо меня и моего богатства на удивление резво. Поэтому мне пришлось пуститься на хитрость и ходить по очереди ко всем жителям города в гости, осыпая их при каждом визите щедрыми дорогими подарками. Отказываться от даров у жителей торнадо, как и в любом другом приличном обществе, считалось невежливым.

Я забегал на чашечку кофе и приносил с собой целый мешок бриллиантов; я заглядывал к кому-нибудь на минутку поделиться последними новостями, и — надо же как удачно! — при мне случайно был целый ларец золотых украшений; я шел на партию в шашки — и одаривал хозяина дюжиной жемчужных ожерелий. В результате мне не только удалось избавиться от ненужного хлама, но у меня появилось и кое-что из действительно ценных вещей, таких как кофе, хлеб и табак, ведь в торнадо было принято на подарок отвечать подарком. Правда, визитам моим теперь уже никто не был по-настоящему рад.

Избавившись от балласта, я сосредоточился на основной задаче — разработке плана побега.

Каждый день я обходил торнадо в поисках возможности

выбраться на свободу. Я внимательно изучал каждую щелку, каждую трещинку: нельзя ли как-то протиснуться, где-нибудь просочиться? Я даже принюхивался: нет ли поблизости пространственных дыр?

Перспектива вечной жизни в торнадо меня не прельщала. Я знал, что не создан для того, чтобы вечно торчать на одном месте, пусть бы даже оно само находилось в постоянном движении! Я хотел снова увидеть небо и море, хотел дышать свежим воздухом и смотреть на километры вперед. Если есть дорога туда, непременно должен быть путь и обратно — эту истину я постиг еще в лабиринте Темных гор.

Я обшарил каждый сантиметр торнадо в поисках хоть какой-то лазейки, запасного выхода, потайного люка. Я простукивал стены, рылся, как крот, в мусоре на помойке и выстраивал в голове самые безумные планы побега: от использования самодельного воздушного шара и парашюта из сшитых вместе трусов до собственноручно построенного вертолета с лопастями из байдарочных весел.

Но торнадо, казалось, был герметичен, напоминая добротную, хорошо продуманную тюрьму. Смущала и неизвестность: что будет, если снова пройти сквозь песчаную стену, — вдруг состаришься еще больше? Такую возможность тоже нельзя было отвергать. А сверху постоянно сыпались разные увесистые предметы, что делало побег с помощью воздушного шара практически невозможным.

Планы побега. Я начал советоваться со стариками. Оказалось, каждый из них в свое время пытался претворить в жизнь какой-нибудь план. Они рассказали мне о попытках подкопа, о туннелях, которые за секунду заносит песком, о крушениях летательных аппаратов, о разбитых надеждах и несбывшихся мечтах. В результате я пришел к выводу, что любое мое изобретение было уже не раз опробовано и ясно продемонстрировало свою несостоятельность. Вырваться из торнадо можно было только одним способом — снова пройдя сквозь стену. А этого еще никто ни разу не пробовал.

— Ошибаешься, — сказал Балдуан, — пробовали и это.

— И что, получилось? — навострил я уши. — Кто это был?

— Понцотар Хьюзо, наш почтмейстер.

Я вспомнил маленький полуразрушенный домик в самом низу лестницы с табличкой «Почта» на дверях. Только я всегда считал это шуткой, ведь у жителей торнадо была возможность общаться друг с другом лично, — кому нужна почта внутри торнадо?

— Неужели там кто-то живет?

— Да, только он очень редко выходит. Сходи к нему сам. Он всегда рад поболтать.

Тут Балдуан прикрыл рот рукой, и я не смог разобрать, то ли он зевнул, то ли тяжко вздохнул.

Понцотар Хьюзо. На следующий день я нанес визит почтмейстеру. В домике у него было темно и неуютно. Вдоль стен тянулись длинные полки, заставленные пыльными пустыми бутылками. По углам кипами валялись желтые листки. У дальней стены за столом, заваленным грудой бумаг, сидел Понцотар Хьюзо и, скрипя пером, тихонько шептал что-то себе под нос.

— Простите, — деликатно откашлялся я. — Это почта?

— Нет, булочная! — фыркнул старик, не отрывая глаз от письма. Закончив писать, он свернул листок трубочкой и засунул его в пустую бутылку.

— Извините… я только хотел узнать, как у нас поставлено почтовое дело. Наверное, это очень сложная система, да?

Похоже, я выбрал правильный тон, поскольку старик заметно смягчился.

— Ничего подобного, — отозвался он скрипучим голосом. — Все очень просто: чтобы послать письмо, нужно просто засунуть его в бутылку и бросить сквозь стену торнадо, а письма, которые приходят, сами падают сверху — только собирай.

— Есть и приходящая корреспонденция?

— Пока нет! Ждем с минуты на минуту.

— Хм… И как долго вы уже ждете?

Понцотар почесал в затылке. Он смотрел сквозь меня куда-то вдаль, словно пытаясь различить что-то на горизонте.

— Ну, не знаю, лет двести, наверное, а может быть, триста. Какое у нас сегодня число?

Я решил, что пора сменить тему.

— Слышал, вы пытались выбраться из торнадо.

— Ах, это было слишком давно. Очень давно, уже не помню.

— Но вы все-таки пытались?

— Да.

— А как?

Понцотар впервые посмотрел мне прямо в лицо. В этот момент он вовсе не выглядел сумасшедшим. Напротив, он производил впечатление умудренного опытом старца, постигшего все тайны универсума.

— Ты хочешь знать как? Недавно попал сюда, да? Никак не можешь смириться, что тебе придется жить здесь до самой смерти, пусть даже продлится это очень долго — целую вечность? Так?

Я кивнул.

— Тогда послушай, что я тебе скажу, мой мальчик. Слушай внимательно, повторять я не стану. Есть только один путь вырваться на свободу — через стену торнадо. Думаю, ты это уже понял.

Я снова кивнул, от волнения не в силах произнести ни слова.

— Я родился в семье знаменитых путешественников. Мои предки исследовали Замонию верхом на стволах поваленных деревьев. Они переплывали целые океаны без навигационных приборов, из чистого любопытства, сидя на голых стволах. Вот что такое отвага!

Я с пониманием закивал.

— Эта страсть к путешествиям передалась по наследству и мне. Я никогда не боялся опасности, как бы велика она ни была и как бы малы ни были шансы остаться в живых. Пробовал ли ты когда-нибудь скатиться, сидя на пальмовом листе, по замерзшему водопаду высотой несколько километров?

Я честно признался, что — увы! — не испытал этого счастья.

— Да что там! Каких только подвигов я не совершил!.. Я мог бы тебе такого порассказать…

Я замер в надежде, что он не будет этого делать.

— Поэтому я оказался здесь, — продолжал он. — И поэтому я пытался сбежать отсюда через стену торнадо.

Да! Да!

Ужас. — Но мне удалось просунуть туда только голову. Ее словно пронзила молния: вошла в одно ухо и вышла из другого. — На лице Понцотара отразился ужас. — Целые армии мертвецов прошествовали в моей голове. Я слышал жуткие звуки, как будто вся Вселенная вопила от страха и боли. Мой мозг превратился в кусок льда. Потом он пошел трещинами и раскололся на тысячи мелких осколков размером не больше снежинки, и каждый из них почувствовал свою нестерпимую, ни с чем не сравнимую боль. Я видел космос. На одной из планет, которая была вся из стекла, сидел крохотный карлик, он за секунды успел сообщить мне двенадцать важнейших правил.

Взгляд Понцотара Хьюзо снова просветлел.

— Не в силах больше терпеть, я выдернул голову из песка. На следующий день я открыл почту.

С этими словами Понцотар снова принялся усердно скрипеть

пером. Похоже, попытка сбежать из торнадо начисто лишила беднягу рассудка. Я понял: пришло время прощаться.

Заповеди. — Эй! Захвати это с собой и брось в стену торнадо. Экспресс-почта! Нельзя терять ни минуты. Вот, возьми.

Он протянул мне несколько закупоренных бутылок. Из вежливости взяв их с собой, я вышел из домика на лестницу. Оказавшись снаружи, я облегченно вздохнул. Как видно, бежать из торнадо сквозь стену было тоже бесперспективной затеей.

По пути наверх меня одолело любопытство, и я заглянул в одну из бутылок. Там лежал небольшой пожелтевший листок. Я достал его и прочел:

1. Уповай на чудо!

2. Никогда не кличь белого петуха по имени!

3. Не вкушай дерево!

4. Если обнаружишь на пути своем две палочки, лежащие крест-накрест на земле, то перешагивай через них не правой ногой вперед, а левой назад; не трапезничай ими!

5. Если на костер падет тень ворона, огонь следует погасить и снова разжечь и повторить это три раза, дабы не случилась большая беда!

6. Если узришь белого петуха, восседающего на двух перекрещенных ветках, не губи его, не кличь по имени и не тщись к себе приманить!

7. Нареки себя так, как не зовут ни одно существо универсума! Встретив своего соплеменника, без запинки назови его полным именем!

8. Если тень ворона коснется белого петуха, восседающего на двух перекрещенных головешках потухшего костра, тебя ожидает горе-злосчастье. Не следует терять расположение духа, а также кликать петуха по имени, трапезничать головешками, изводить ворона и обращаться к соплеменнику не полным именем!

9. Никогда не шныркай назад!

10. Никогда не шныркай вперед!

11. Никогда не укладывайся почивать на зыбучих песках, если они текут в сторону полудня! Если же они текут в сторону заката — приятных снов!

12. Ищи град под названием Анагром Атаф. Если сумеешь найти его и изловить, он станет твоим

домом, и ты поселишься в нем навсегда!

У меня подогнулись колени, и мне пришлось сесть на ступени лестницы, прежде чем до меня дошло, что́ это такое. Я откупорил вторую бутылку, достал листок и начал читать:

1. Уповай на чудо!
2. Никогда не кличь белого петуха по имени!
3. Не вкушай дерево!
4. Если обнаружишь на пути своем две палочки, лежащие крест-накрест на земле, то перешагивай через них не правой ногой…

В третьей бутылке было то же самое. Мне стало дурно. Мимо проходили два старика. Увидев меня на ступенях с бутылками в руках, они весело рассмеялись.

— А, экспресс-почта, — подмигнул один.

Второй покрутил пальцем у виска:

— Он строчит эти письма уже… постой, дай подумать… наверное, лет двести… или, может быть, триста? А сколько мы уже здесь?

Смеясь, они двинулись дальше.

— Никогда не шныркай назад! — фыркнул один.

— Никогда не шныркай вперед! — загоготал другой.

Им пришлось вцепиться друг в друга, чтобы не рухнуть на месте от смеха.

Теперь мне все стало ясно. Из-за этого ненормального чудичи всю жизнь скитаются по пустыне! Из-за него я поймал Фата Моргану! Из-за него мы обидели несчастных фатомов! И в принципе, если разобраться, это по его милости я оказался здесь, в торнадо, ведь не будь этой дурацкой почты, чудичи не стали бы охотиться за Анагром Атаф и в конечном итоге я не оказался бы рядом с остановкой торнадо.

Я был уничтожен. Старик не только стал причиной теперешнего моего бедственного положения, но и отнял последнюю надежду на возможность его как-то исправить. Я бросил бутылки в шахту, туда, где валялся весь остальной ненужный хлам.

С этого момента я решил полностью изменить свою жизнь. Было ясно, что нет никакого смысла продолжать мечтать о свободе и строить планы побега. Оставалось одно — смириться, как это сделали остальные.

Я знал: большинство пленников торнадо нашли утешение в каком-нибудь занятии — в общественно-полезном труде, например, таком, как заведование складом припасов, — или хобби, состоявшем по большей части в собирании всевозможных предметов. Одним удалось составить уникальную коллекцию печных кирпичей, другие собирали ножки от стульев, третьи охотились за антикварными кофейными зернами, — в общем, каждый развлекал себя на свой собственный вкус и манер. Я долго размышлял, чем заняться мне самому. После позорной истории с коллекционированием сокровищ мне хотелось посвятить себя делу, никак не связанному с материальными ценностями и все же имеющему огромное значение для всех остальных.

Хроника торнадо. Я стал собирать истории. Я решил сделаться хронологом торнадо и записать истории всех его обитателей. С этой целью я первым делом заглянул на склад и обзавелся толстым блокнотом, карандашом, точилкой и стирательной резинкой.

Потом я начал по очереди обходить всех стариков и расспрашивать их о прошлой жизни и о том, как они попали в торнадо.

Поначалу к затее моей отнеслись с недоверием. Никто не хотел говорить откровенно, словно каждый хотел что-то утаить. Однако постепенно, польщенные моим вниманием, они вошли во вкус, языки развязались, истории обросли подробностями, и в результате я выслушал не одну правдивую исповедь.

И все же большинство из них в определенном пункте своего рассказа обнаруживало явную склонность к сочинительству — почти все старики старались схитрить, когда говорили о том, как попали в торнадо. Каждый рассказывал сначала историю о караване, случайно оказавшемся на пути следования торнадо, но в конце концов, после долгих, подробных расспросов, они все-таки не выдерживали и открывали мне правду. Настоящая причина того, что они оказались в торнадо, была, как выяснилось позднее, одна и та же: почти все они, как и я, оставались на остановке и дожидались, пока их не подхватит вихрем, — кто из любопытства, кто из обычного юношеского задора. Но главную причину этого редкостного легкомыслия я видел в том, что все

они, кроме меня, были людьми.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЛЮДИ. Существа из семейства говорящих млекопитающих, передвигающиеся вертикально на пятипалых конечностях и наделенные определенной долей интеллекта (всего один мозг). Люди обладают двумя ногами, двумя руками и одной головой, но лишены тем не менее каких бы то ни было телепатических или идеетских способностей, что не позволяет причислять их к высшим формам замонианского животного мира.

По приказу замонианского правительства люди были изгнаны из Атлантиса и встречаются теперь лишь в самых отдаленных областях Замонии, где живут небольшими группами или поодиночке, занимаясь в основном сельским хозяйством. Небольшое количество людей сохранилось на континентах: Африка, Австралия и Яхоль.

Те люди, что еще остались в Замонии, отличались маниакальной склонностью к всевозможного рода приключениям и рисковым мероприятиям: соседство с кобольдами, троллями, боллогами и добраньскими коровками, которых к тому же еще и большинство, требует постоянной закалки нервной системы.

Именно эта тяга к риску и привела большинство из них в торнадо.

Правдивые истории оказались куда интереснее и изобиловали захватывающими подробностями. Все эти дряхлые старики были когда-то молодцами из молодцев. Они рассказали мне истории, полные молодецкой удали, которые я с удовольствием бы пересказал, но боюсь, что на это уйдет слишком много времени, поэтому ограничусь лишь кратким изложением трех самых поразительных из них.

1. Язон Бро — человек, которого не брала смерть

В один прекрасный день Язон Бро решил умереть. Решение это, однако же, не было принято по причине разочарования в жизни, долгов или каких бы то ни было других неприятностей. Напротив, он был жизнелюб в самом расцвете сил и планов на будущее. Просто он решил поскорее пережить смерть, этот неприятный момент человеческой жизни, чтобы потом уже преспокойно наслаждаться жизнью дальше, не испытывая страха перед неминуемой кончиной. Уж он-то, когда умрет, непременно отыщет путь назад, в мир живых, в этом он даже не сомневался.

Язон жил в небольшой деревушке в крае лесных болот, поэтому удобный случай вскоре представился сам собой: он повстречал в лесу одну из тех торфяных кикимор, что своим волшебным пением заманивают несчастных в самую трясину, где их поджидает мучительная смерть. Недолго думая, Язон последовал за злой колдуньей, зашел вглубь болота и, как положено, начал тонуть.

Но не утонул.

Как ни старался он раскрывать рот пошире, чтобы легкие поскорее наполнились гнилой жижей, утонуть ему так и не удалось. Он дышал в воде не хуже рыбы. Кикиморы разозлились, закидали его тиной и прогнали обратно в деревню.

Тогда Язон решил прибегнуть к самосожжению. Ему доводилось слышать о знаменитых мидгардских пещерных огнях, огромных фонтанах расплавленной лавы, вырывающихся из недр земли, в которых сгорают даже металл и камни. Язон прыгнул в самый большой из таких фонтанов.

Но не сгорел.

Наоборот, огонь показался ему холодным как лед, и наш неудачник не только не сгорел, но еще и схватил простуду.

Снова потерпев фиаско, Язон отправился в Бухтянск. Там огромные водные жернова перемалывают выращенное в Житости зерно. Каждый из жерновов — размером с небольшую деревню, и за один поворот они перемалывают зерно с пяти полей. Язон лег между жерновов.

Но остался цел и невредим.

Жернова раскололись на множество мелких осколков и погребли его под собой. Только это опять-таки не причинило ему никакого вреда, не прошло и нескольких минут, как Язон, живой и здоровый, выбрался из-под обломков. Жители Бухтянска с позором изгнали его из города.

Все остальные попытки повстречать смерть отчаянностью своей могли бы сравниться разве что с сумасшедшими выходками Балдуана, но ни одна из них не увенчалась успехом.

Язону не нужны были динозавры-спасатели, смерть сама

каждый раз обходила его стороной. Повторяя свои отчаянные попытки снова и снова, Язон пришел к ошеломляющему выводу — он неуязвим. Но это его не остановило. Он не прекращал выдумывать все более и более изощренные способы расстаться с жизнью.

Только смерть не приходила.

Как-то раз в дверь к нему постучали. Он открыл. На пороге стояла Смерть.

— Послушай, Язон, — сказала она, — можешь делать все, что угодно, но умрешь только тогда, когда я захочу. Пойми: мне не жалко, хочешь умереть сейчас, а не через пятьдесят лет — пожалуйста. Но что скажут остальные? Каждый захочет сам выбирать, когда ему умереть. А что делать мне? Повесить косу на крючок? Запомни: я прихожу, когда меня не ждут, но меня нет там, где меня ищут. Поэтому мой тебе совет — одумайся, все равно ведь ничего не выйдет.

Как бы не так! Язон не остановился, даже когда Смерть сама его попросила. Он бросался в песчаные бури, разгуливал под метеоритным дождем, встречал темногорскую грозу на самой высокой вершине Темных гор и трижды прыгал со скалы Смерти.

Но остался в живых.

Однажды в дверь к нему снова постучали. На пороге стояла дряхлая старуха.

— Хочешь умереть? — спросила она.

— Да, — ответил Язон. — А ты знаешь, как это сделать?

Тут старуха рассказала ему о Вечном торнадо. Никого, кто бы повстречался с ним, больше не видели в живых.

Без единой капли воды Язон отправился в Сладкую пустыню, но не умер от жажды, по нему прошелся Шарах-иль-аллах, а он остался цел и невредим. И наконец, ему повстречался торнадо. Не раздумывая ни секунды, Язон прыгнул в песчаный вихрь. Только и это его не убило.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он, заканчивая свой рассказ.

— Что?

— Я думаю, та старуха была сама Смерть. Она специально заманила меня в торнадо, потому что знала — здесь живут вечно.

Так Язон оказался в торнадо.

2. Слагоуд Змееголов, охотник на боллогов

Слагоуд Змееголов был самым отвратительным существом,

каких мне только доводилось встречать. По сравнению с ним все выходки Грота казались милыми, безобидными шутками. Еще прежде чем Слагоуд выучился ходить, отец заставлял его драться с детенышами удавов. Суть этой воспитательной методы до сих пор остается для меня загадкой, но благодаря ей малыш твердо усвоил презрение ко всем окружающим, даже к тем, кто значительно превосходил его в силе, ловкости, хитрости и каких-либо других способностях.

Когда Слагоуд подрос, отец поинтересовался у своего отпрыска, кем тот хочет стать. Слагоуд задумался. Он думал день, другой, целую неделю. Дрался он хорошо, но думал неважно.

Он думал целый месяц. Все это время он мысленно искал самое большое, страшное и непобедимое существо Замонии. Спустя месяц и два дня его осенила идея:

— Я хочу стать охотником на боллогов.

Тут отец впервые усомнился не только в правильности выбранных воспитательных методов, но и в здравом рассудке сына. Однако Слагоуд к тому времени уже перерос отца на две головы и дрался куда лучше его, и тому не осталось ничего другого, как со словами «Отличная идея, сынок!» отпустить его на все четыре стороны.

Слагоуд отправился бродить по Замонии, по пути сражаясь с йети, демонами гор да еще с многочисленными удавами, но боллоги, как назло, не попадались. Поэтому Слагоуд решил идти к подножию Пиритонических гор, где, как поговаривали, боллоги появляются чаще обычного, достаточно только набраться терпения и ждать: рано или поздно какой-нибудь точно пройдет мимо.

Слагоуд стал ждать. Он ждал год. Другой. Третий. Спустя десять лет он задумался: не сменить ли профессию? Охотой на боллогов, похоже, не прокормиться, не говоря уже о достойном обеспечении в старости. И тут вдруг вдалеке послышался грохот:

Бу-бумс!

Это был боллог. Пусть и не очень скоро, но он все же пришел.

Бу-бумс!

В этот момент Слагоуд вдруг отчетливо осознал, что он понятия не имеет, как его победить.

БУ-БУМС!

Боллог уже почти достиг хижины Слагоуда. Тот метался взад и вперед, ломая голову, как разделаться с великаном, и тут вдалеке послышался новый звук:

У-у-у!..

Еще один боллог?

У-у-у!..

Нет. Боллоги делают: **«Бу-бумс!»**

У-У-У!..

Это был торнадо.

Он несся на хижину Слагоуда с другой стороны.

Боллог и торнадо встретились как раз перед хижиной. Любой другой на месте Слагоуда постарался бы поскорее убраться подобру-поздорову, но только не он. Слагоуда наконец осенила идея, как справиться с боллогом: надо прыгнуть в торнадо, подняться на высоту и броситься оттуда великану на шею, а потом душить его до тех пор, пока он не испустит дух.

Слагоуд, не раздумывая, устремился в вихрь. И действительно, воздушный поток подхватил его и стал поднимать все выше и выше. Тут Слагоуд наконец разглядел, что у боллога нет головы, а значит и шеи, — его невозможно задушить. Это была последняя мысль, промелькнувшая в голове незадачливого охотника, прежде чем его засосало внутрь воронки.

Так Слагоуд оказался в торнадо.

3. Вотан фон Осло, джентльмен-путешественник

Вотан фон Осло был самой знаменитой личностью в торнадо. Он единственный не носил бороды, выделялся среди остальных отсутствием седины и тем, что лет ему было едва за тридцать. В отличие от Слагоуда, Вотан обладал безупречными манерами и происходил из аристократической семьи придворных путешественников. В характере его наблюдался, пожалуй, всего один-единственный недостаток — он был падок на всевозможные пари. Когда ему предлагали спор, он просто не в силах был устоять, независимо от величины ставок и от собственных шансов на выигрыш. Стоило только кому-то сказать: «Ставлю миллион пирас на то, что ты не рискнешь с колокольчиком на шее

прогуляться по лесу, где обитают известные чуткостью своего слуха вервольфы», он уже был в лавке и покупал себе самый громкий из всех колокольчиков.

Вотан выигрывал любое пари, словно удача выбрала его своим любимчиком или с его помощью решила доказать всем, что она действительно существует. Проблема состояла лишь в том, что он, не задумываясь, заключал пари направо и налево, так что на нормальную жизнь времени просто не оставалось.

Как-то ночью он действительно отправился в лес, где водились вервольфы, славившиеся не только необыкновенной чуткостью своего слуха, но еще и редкостной кровожадностью. Они заглатывали безобидных путешественников целиком, прежде чем те успевали позвать на помощь, только потому, что бедолаги имели неосторожность наступить на сухой сучок. Что тут еще добавить? У Вотана на шее висел массивный колокольчик с тремя язычками.

Когда Вотана настигли первые четыре вервольфа, он решил воспользоваться случаем и заодно выиграть еще одно из заключенных на днях пари. Он поспорил с добраньской коровкой (с ней, правда, было заключено еще несколько других пари), что сумеет за одну ночь избавить от проклятия как минимум трех вервольфов, прочитав при полной луне Дульсгардские заклинания задом наперед без единой запинки.

Ночь, на счастье, выдалась полнолунная, волков было даже больше чем надо, а Дульсгардские заклинания Вотан предусмотрительно загодя выучил наизусть, разумеется задом наперед. Он остановился и начал выкрикивать слова заклинания.

Как и ожидалось, трое из вервольфов действительно в скором времени превратились в то, чем были раньше, а именно в лесоруба, охотника за троллями и подмастерье пекаря. А вот у четвертого волка было неважно со слухом, и заклинание на него не подействовало. Так что он повел себя подобающе кровожадному вервольфу — оскалил зубы и бросился на Вотана. Только тот неожиданно взмыл в небо. Его спас один из динозавров-спасателей, инспектирующих Южную Замонию. Привлеченный звоном колокольчика, он уже давно наблюдал за сценой в лесу, но не спешил, дожидаясь драматической развязки.

Динозавр-спасатель, как и положено, для начала Вотана основательно отчитал, а потом предложил доставить его домой, на что тот с радостью согласился. Они пролетали над Сладкой пустыней, когда Вотан, сидевший на спине у динозавра, вдруг заметил торнадо.

— Что это? — спросил он у доисторической птицы.

— Вечный торнадо, — отвечал динозавр. — Очень опасная

штука. Даже мы не рискуем спасать тех, кто в него попадет. *Готов поспорить, что ты тоже не осмелишься в него прыгнуть.*

Так Вотан попал в торнадо, не как все — через стену, а сверху. Поэтому он единственный из нас остался молодым.

Вот из какого теста были слеплены последние люди Замонии. Пусть и не семи пядей во лбу, зато удальцы, каких еще поискать!

В один прекрасный день настал момент, когда торнадо менял направление своего вращения.

Внезапно все вокруг стало тихо. Гул и треск прекратились. Старики на мгновение вскинули головы, а потом спокойно продолжили свои повседневные занятия. Только я внимательно наблюдал за происходящим, ведь для меня такой момент настал впервые. На самом деле не произошло ничего особенного, гул и грохот вскоре снова возобновились, а до этого с минуту стояла полная тишина.

> ВЕЧНЫЙ ТОРНАДО [продолжение]. Предположительно в те редкие моменты, когда торнадо меняет направление своего вращения и временной вакуум внутри него на мгновение снова заполняется временем, вихревой смерч прекращает вращаться и приходит в состояние полного покоя. Это единственный момент, когда существо, попавшее в торнадо (такое, правда, может произойти только с особями, обладающими интеллектом дождевого червя), имеет возможность достаточно безопасно выбраться на свободу. У него есть примерно одна минута, чтобы прокопаться сквозь песчаную стену наружу и убраться подальше. В течение этого времени центр тяжести временного континуума в стенах торнадо меняется, то есть время в течение 60 секунд с удвоенной скоростью мчится назад. Следовательно, тот, кому удастся в этот момент пробраться наружу, может обратить вспять процессы старения, произошедшие с ним в результате проникновения сквозь стену торнадо внутрь. Все эти выводы, правда, чисто теоретические, и никто до сих пор не проверил их на практике.

Едва только последние слова статьи «Лексикона» отзвучали у

меня в голове, торнадо снова пришел в движение. Ох уж этот Филинчик и его манера сообщать ценную информацию! Узнай я все это чуть раньше, уже давно мог бы быть на свободе! Следующий шанс появится не раньше чем через год, да и как узнаешь, когда этот год пройдет. Я почувствовал, как во мне закипает злоба.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЗАМОНИАНСКИЙ ГОД. Замонианский год ровно на один день короче стандартного года на других континентах. Вследствие большей плотности пространственных дыр время здесь течет немного быстрее, чем в других регионах. Эта разница составляет ровно двадцать четыре часа в год. Короче говоря, замонианский год длится 364 дня, или 8736 часов, или 524 160 минут, или, уж если быть совсем точным, 31 449 600 секунд.

Ага, значит, замонианский год длится ровно 31 449 600 секунд. Как интересно! Лексикон Филинчика, похоже, просто решил меня доконать. Я готов был на все, лишь бы выбросить его из своей головы. Что толку знать, сколько секунд длится год на континенте, который я — спасибо «Лексикону»! — больше никогда не увижу.

Хотя…

Замонианский год длится ровно 31 449 600 секунд.

31 449 600 секунд до следующей остановки торнадо.

С момента последней остановки прошло, наверное, минуты три, не больше. Три минуты — это приблизительно…

31 449 600 секунд
−
180 секунд
_____
= 31 449 420 секунд

Теперь нужно отсчитывать секунды назад, и я буду точно знать момент следующей остановки торнадо!

31 449 419… 31 449 418… 31 449 417…

Сложность заключается только в том, что нужно считать не останавливаясь, без перерыва в течение целого года. А это требует неслыханной концентрации. Не каждый может считать и думать одновременно.

31 449 395… 31 449 394… 31 449 393 секунды…

Нет, ничего не получится! Надо же будет когда-то спать. Никто не может считать во сне, да еще задом наперед. Это невозможно. Стоп. А что, если попросить кого-нибудь меня подменять? Например, Балдуан мог бы считать за меня, когда я сплю. На него можно положиться. Он не подведет.

31 449 355… 31 449 354… 31 449 353…

Так, думать и считать одновременно получается, но получится ли считать и говорить? Я попытался потренироваться на любимом стихотворении Фреды:

Жуткие горы **(31 449 328)** высокие **(31 449 327)**,
Жуткие горы **(31 449 326)** далекие **(31 449 325).**
Жуткие горы **(31 449 324)** ужасные **(31 449 323)**,
Невыразимо **(31 449 322)** прекрасные **(31 449 321)**.

Отлично, получается! Я бросился вниз по лестнице в кофейню, чтобы поделиться сенсационной новостью с Балдуаном.

— Привет, Бал**(31 449 111)**дуан! Знаешь **(31 449 110)**, я нашел воз**(31 449 109)**можность выб**(31 449 108)**раться из тор**(31 449 107)**надо. Представляешь? **(31 449 106)**

И так далее в том же духе. Я рассказал ему о своем плане считать задом наперед. Перспектива половину года отсчитывать за меня секунды в обратном порядке не вызвала у него восторга.

— Пойми **(31 449 056)**, это наш един**(31 449 055)**ственный шанс**(31 449 054)**! Мы же не**(31 449 053)** можем здесь **(31 449 052)** определять вре**(31 449 051)**мя по солнцу **(31 449 050).**

Это выглядело так, словно меня разобрала цифровая икота.

В конце концов Балдуан хоть и со скрипом, но согласился.

31 449 023… 31 449 022… 31 449 021…

Уговоры. Теперь я принялся убеждать остальных обитателей торнадо бежать вместе с нами. Вотан фон Осло, Слагоуд Змееголов, Язон Бро и некоторые другие, такие же смелые, как они, ни секунды не сомневались, но подавляющее большинство приняло мою идею в штыки. Вскоре мне надоело ходить за каждым по отдельности и уговаривать (учитывая, что при этом я еще постоянно продолжал считать задом наперед). Поэтому я решил собрать всех в кофейне и изложить свой план во всей его красе, со всеми деталями, прибегнув к помощи большой школьной доски и разноцветных мелков, позаимствованных на складе припасов.

Но и после этого мой план не нашел всеобщего одобрения. Обитатели торнадо уже давным-давно отвыкли вносить изменения в привычный уклад жизни, строить планы на будущее и тем более совершать действия, требующие физической активности. Было нелегко выдвинуть достаточное количество убедительных аргументов. Стоило мне только замолчать, как старики недовольно загудели и из последних рядов послышалось: «Молодо-зелено!», «Послушайте лучше нас, старожилов!» и тому подобное.

— Почему вообще надо куда-то бежать? — спрашивали они меня. — Нам и тут хорошо. Мы живем как в раю. У нас все есть: еда, книги. И еще — вечная жизнь!

У большинства из них уже успел выработаться стойкий менталитет пожизненных заключенных. Они боялись свободы, боялись другого, незнакомого мира, живущего по другим, непривычным законам.

— Где гарантии, что мы снова помолодеем, пройдя сквозь стену торнадо? А что, если мы станем еще старше? Может, мы вообще умрем! — кричали они.

Ну что было на это ответить?

— Здесь я смогу прожить еще две тысячи лет или даже больше, — рассуждал один. — А там в лучшем случае пятьдесят. Да и то, если мы действительно помолодеем. Кому это нужно?

Я попытался напомнить им о свободе выбора и разумном риске, о свежем воздухе и чудесных пейзажах, стараясь не забывать при этом отсчитывать время задом наперед.

— Или вы все хотите стать как Понцотар Хьюзо? — обратился я к ним.

— Что? А при чем тут я? — возмутился Понцотар, который с

некоторых пор снова стал выходить в люди и присутствовал теперь на собрании. Суть моего вопроса была ему непонятна.

Многие встали и, ворча, направились к выходу. Это были те, которых мне так и не удалось уговорить. Даже спустя год. Оставшиеся, а их было около трети, по крайней мере изъявили готовность обсудить мой план. Это были те, кто попал в торнадо сравнительно недавно и еще надеялся застать знакомых и родственников в живых. Или те, которые до самой старости сохранили искру жизни и продолжали жаждать риска и приключений.

15 678 978… 15 678 977… 15 678 976…

Прошло полгода. За это время население торнадо раскололось на два лагеря: одна треть, к которой, само собой, принадлежал и я, готовила план побега, а две остальные отстранились и настороженно взирали на нас со стороны, по-видимому боясь заразиться нашей безрассудностью.

Команда будущих беглецов собиралась теперь каждый день в кофейне обсуждать детали побега. Сначала была теория. Мы подсчитывали оставшееся время, вычисляли внутренние и внешние размеры торнадо, толщину его стен и их высоту. Потом мы спускались по лестнице вниз, где, как нам казалось, находилось самое удачное место для побега. В конце концов мы определили конкретную точку, в которой стена, на наш взгляд, была особенно тонкой и которая должна была оказаться примерно в двух метрах от земли после остановки торнадо.

13 478 333… 13 478 332… 13 478 331…

Тренировки. В течение всего года мы готовились к побегу еще и физически. Все мы находились в ужасной форме, не только по причине преклонного возраста, но и вследствие спокойной жизни внутри торнадо, несбалансированного питания и полного отсутствия физической нагрузки. Зачем заботиться о хорошей форме, если так и так будешь жить почти вечно? А вот побег требовал силы и ловкости, поэтому нам приходилось тренироваться день за днем: нам предстояло не только как можно скорее пробиться сквозь стену песка, но и, упав с высоты нескольких метров, приземлиться по возможности на ноги, чтобы тут же броситься бежать, пока торнадо снова не наберет обороты. Наши кости, мышцы и суставы — мы надеялись — во время рывка сквозь стену снова помолодеют, но им все же не мешала бы определенная подготовка. Поэтому мы целыми днями истязали

себя упражнениями, которые от души веселили остальных жителей города, не принявших идею побега.

Физзарядка начиналась с бега по лестнице: сначала вниз, потом наверх. На это уходило приблизительно десять минут.

9 345 436… 9 345 435… 9 345 434…

Затем следовали отжимания — пятьдесят раз без перерыва. До этого количества мы, само собой, дошли не сразу, а спустя долгие дни упорных тренировок.

8 905 778… 8 905 777… 8 905 776…

Потом приседания для тонуса ног. Не меньше ста в день.

7 670 886… 7 670 885… 7 670 884…

Снова бег вверх-вниз по лестнице. В заключение полчаса йоги для расслабления. И наконец, партия лестничного гольфа для приятного времяпрепровождения.

6 567 113… 6 567 112… 6 567 111…

Подтягивания.

5 654 336… 5 654 335… 5 654 334…

Упражнения для укрепления мышц живота.

4 111 699… 4 111 698… 4 111 697…

Бокс.

3 458 224… 3 458 223… 3 458 222…

Прыжки через скакалку.

2 444 679… 2 444 678… 2 444 677…

Наклоны вперед.

1 343 667… 1 343 666… 1 343 665…

Последний забег по лестнице. И спать. Так продолжалось

день за днем, почти целый год. За это время мы стали самыми натренированными столетними стариками из перпето-мобильного торнадо.

Долгожданный день был уже не за горами. Последний месяц мы занимались тем, что раздаривали свое добро остающимся старикам. Свою рукопись с описанием историй жителей торнадо я решил передать Понцотару.

— Нет, не надо, — отклонил он мой дар. — Я пойду с вами.

— Ты пойдешь с нами?! После того, что ты пережил во время первой попытки?

— Да, — спокойно ответил он, — что мне терять? С головой у меня все равно уже не в порядке. Вдруг удастся вернуть мозги на место.

86 400… 86 399… 86 398…

Настал последний день. Никто из нас не спал уже две ночи. В последний момент кроме Понцотара еще двое решились бежать вместе с нами, необходимо было срочно провести с ними экспресс-курс подготовки. Остающиеся устроили для нас трогательный прощальный вечер с домашними пирогами и разноцветными плакатами: «Желаем счастья!», «Ни пуха ни пера!», «Охота пуще неволи!» Были даже душераздирающие сцены прощания старых друзей (в самом прямом смысле этого слова). Произносились длинные, полные пафоса речи, славящие былые добрые времена, — я молился, чтобы все это закончилось поскорее, не хватало еще, чтобы кто-то растрогался и решил остаться. Потом мы все вместе спустились вниз, на дно смерча.

65 524… 65 523… 65 522…

Сейчас я знаю точно, что это был самый долгий день в моей жизни, хотя провел его я там, где времени вообще не существует. Каждая секунда этого долгого дня скатывалась по моему телу капелькой холодного пота.

12 345… 12 344… 12 343…

Последние упражнения для разогрева мышц.

1 432… 1 431… 1 430…

Вдруг меня одолели сомнения. Где гарантии, что мой план сработает? А вдруг что-то сорвется? Что тогда будет со всеми

нами?

233… 232… 231…

Осталось четыре минуты. Еще не поздно остановиться.

120… 119… 118…

Две минуты. Что, если все мы сойдем с ума, как Понцотар? Целый город сумасшедших внутри торнадо. Остановиться, остановиться, пока не поздно! Или все-таки бежать?..

60… 59… 58…

Последняя минута. Отбросив сомнения, я решил бежать.

20… 19… 18…

Нет. Остаться.

14… 13… 12…

Бежать.

10… 9…

Остаться.

7… 6…

Бежать.

5… 4…

Остаться.

3, 2, 1… Ноль!

Ничего не поделаешь, придется — бежать!

Момент истины. С громким скрежетом торнадо остановился. Теперь у нас была одна минута на то, чтобы покинуть свою перпето-мобильную тюрьму. Мы разбились на группы по двадцать человек, у каждой в распоряжении было

десять секунд. Я и Балдуан находились в последней. Все шло по плану: спустя пятьдесят секунд почти все были уже на свободе.

Осталось десять секунд. Балдуан и я вместе с представителями последней группы сунули головы в песчаную стену. Никаких неприятных ощущений, никаких ужасных видений я при этом не испытал. Это было скорее чувство восторга. Я почувствовал, как мышцы наливаются силой, ощущение слабости и скованности постепенно прошло. Я изо всех сил заработал лапами, быстрыми рывками пробираясь вперед. Песок летел во все стороны, я старался не дышать, чтобы не наглотаться пыли. И вдруг лапы мои заколотили в пустоту, а потом и голова вынырнула наружу. Я снова увидел небо, примерно в трех метрах внизу ковром стелился песок пустыни. Я приземлился не очень удачно, больно ударившись копчиком, но тут же вскочил и бросился бежать. Остальные неслись впереди, только видно было, как сверкали их пятки. Старики рассыпались по пустыне, ища укрытия за расположившимися неподалеку скалами.

В этот момент торнадо загремел и заскрежетал: он снова начал вращаться. Я не смог удержаться от соблазна бросить на него последний прощальный взгляд — когда еще доведется своими глазами увидеть застывший торнадо? Он выглядел как гигантская воронка, как гора, перевернутая вверх ногами. Скрежет превратился в свирепый рев. Я развернулся и припустил к ближайшему бархану. До чего же легкими стали движения и гибким тело! Одним махом я перелетел через гребень вала и притаился за ним, еле дыша от волнения.

Смерч с шумом начал вращение. Каменные глыбы песчинками взмывали ввысь, пыль стояла столбом, до смерти перепуганные скорпионы и змеи кружили по воздуху в бешеном танце.

С грозным рокотом торнадо быстро удалялся, направляясь вглубь пустыни.

Мы еще долго стояли растерянной кучкой, разглядывая наши помолодевшие лица, подбадривая друг друга и поздравляя с удачным спасением. Кто-то захватил с собой зеркальце, и теперь его вырывали друг у друга из рук.

Потом мы разошлись. Язон Бро отправился на поиски Смерти, он слышал о Соляном озере на острове Лапа, вода которого разъедает даже закаленную сталь. Слагоуд направился в Житость, поскольку я имел неосторожность упомянуть о моей встрече с боллогом. Он решил осесть там и ждать, пока мимо

пройдет экземпляр с головой.

Понцотар Хьюзо производил теперь впечатление вполне нормального человека. К нему как будто вместе с молодостью вернулся и здравый рассудок. Но что поразило нас всех еще больше — на руках он держал грудного младенца.

— Это Вотан фон Осло, — объяснил Понцотар, покачивая малыша. — Мы совсем забыли, ведь он единственный из нас был молодым, потому что попал в торнадо не через стену, а сверху. Теперь он стал еще моложе.

Мы долго думали, кому поручить заботу о малыше, и наконец оставили его на попечение Понцотара, тем более что тот ни за что не хотел с ним расставаться. Так жизнь Вотана началась сначала.

Балдуан отправился в Бухтянск, где жила девушка его мечты.

В Атлантис, кроме меня, никто не стремился, что и понятно — людей там не жаловали. Балдуан начертил мне небольшую карту, чтобы я смог добраться до города кратчайшей дорогой. Туда, как правило, приплывают по морю или прилетают по воздуху, поскольку город располагается на полуострове, отрезанном от большой земли цепью непроходимых Пиритонических гор. Балдуан, однако, знал дорогу по суше. Это, пожалуй, был самый необычный путь во всей Замонии. Да что там, существуй хит-парад самых необычных путей Замонии, этому наверняка досталось бы первое место.

После трех дней упорного марша я достиг наконец окраин Сладкой пустыни. Еще раз напоследок взглянув на белое море, я окинул мысленным взглядом свою предыдущую жизнь. Я от души пожелал чудичам, фатомам, жителям торнадо и тем, кто вырвался оттуда вместе со мной, всего наилучшего. С этим чувством я взошел на последний бархан.

Как только я взобрался на гребень, передо мной раскинулось самое потрясающее зрелище из всех виденных мною в Замонии — впереди, в двух или трех километрах, возвышались иссиня-черные склоны пиритонических кристаллов, гладкие и неприступные. Большинство поверхностей были безупречно ровные, словно грани алмазов; взобраться по ним нечего было и думать, ну разве что с помощью специальных присосок, при этом ребра между гранями казались настолько острыми, что без труда разрезали бы, наверное, даже слона. Но поразило меня совсем не это. Примерно посередине горная цепь расступалась, образуя равнину, на которой лежала гигантская голова.

Гигантская голова около двадцати километров в диаметре.

11. Моя жизнь в Большой голове

Балдуан Беобаб мне все объяснил.

— Голова боллога, — сказал он. — Боллоги — это…

— Я знаю, кто такие боллоги.

— Тогда ты, наверное, знаешь, что они могут сбрасывать голову. Эта голова, говорят, валяется здесь уже тысячи лет, а боллог все ходит и ищет.

— Ищет что?

— Как — что? Голову, конечно. Знаешь, боллоги ужасные тугодумы.

— Я знаю.

— Ну вот, с тех самых пор эта громадная черепушка блокирует единственную сухопутную дорогу в Атлантис.

— Ты хочешь сказать, что мне придется на нее влезть?!

— Нет, что ты! Это невозможно. Голова кишит гигантскими блохами. А знаешь, они какие?

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ГИГАНТСКАЯ БЛОХА. Среди крупных кровососущих насекомых Замонии гигантская блоха по праву считается самой гигантской. В высоту она достигает шести метров и может весить до пяти центнеров. Тело гигантской блохи гладкое, лишенное крыльев, чуть приплюснутое по бокам, снабженное длинными, сильными лапами, способными совершать исполинские прыжки. На голове у блохи находятся два длинных щупальца, предназначенные для исследования добычи, а под ними — обрамленный острыми резцами хоботок с присоской на конце, которым она впивается в тело жертвы и высасывает из него всю кровь. Гигантские блохи водятся в основном в сброшенных головах боллогов и питаются преимущественно кровью некрупных горных животных и незадачливых путешественников.

— Да, я знаю, что это такое.

— Ну, тогда сам понимаешь… Так что придется тебе воспользоваться другой дорогой.

— А есть другая дорога?

— То-то и оно, что есть. Только не каждый решится по ней пойти. И никто не знает, чем это может закончиться.

— А что за дорога?

— Дорога внутри головы. Входишь в одно ухо и выходишь из другого, вот и все. Правда, сначала нужно добраться до уха и не попасться в лапы гигантской блохи. Хотя говорят, блохи редко спускаются вниз, на виски, в основном они сидят на макушке и подкарауливают там неопытных коршунов и орлов. Во всяком случае, так было раньше. Но с тех пор прошло уже очень много лет.

— Ты хочешь сказать, что можно пройти голову боллога насквозь? Но ведь внутри она не пустая, там должно что-то быть, мозги например.

— Не знаю, не знаю. Говорю тебе только то, что слышал. У моего троюродного брата был внучатый племянник, прадед которого якобы в молодости знал одну девушку, которая рассказала ему, что приятель кузена ее тетки по материнской линии однажды рискнул проделать этот путь.

— Ну и что? Получилось?

— Кто его знает. Похоже, он остался в Атлантисе.

Мне понравилась эта версия.

— Решено. Так и сделаю. Однажды мне уже удалось найти выход из лабиринта.

Балдуан смерил меня долгим испытующим взглядом:

— Только сначала я должен тебя кое о чем предупредить.

Я удивленно поднял брови.

— В общем, знаешь… хм, говорят, у боллогов с мозгами… того… не все в порядке.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

БОЛЬШАЯ ГОЛОВА. Во многих легендах и преданиях Замонии встречаются подозрительно схожие упоминания о том, что в былые времена на континенте водились боллоги куда более крупных размеров, чем те, которых мы встречаем сегодня. Наглядным доказательством

существования таких доисторических боллогов-великанов является лежащая в восточной части Пиритонических гор гигантская голова. Ученые предполагают, что один из этих теперь скорее всего уже ископаемых боллогов однажды оставил свою голову в долине, а сам отправился ее искать. Высота Большой головы составляет приблизительно 25 км, и примерно таких же размеров она достигает в диаметре. Голова боллога густо покрыта длинной, косматой шерстью, которая все еще продолжает расти, удлиняясь примерно на 20 м в год. В шерсти, что покрывает исполинский череп, живут многочисленные мелкие насекомые, а также горные козочки, хищные птицы и опасные гигантские блохи.

Внутри Большой головы предположительно располагается мозг, общий объем которого составляет 21 км^3. Здесь следует, правда, заметить, что вес и объем мозга никак не связаны с интеллектуальными способностями его обладателя. Мозг слона, например, весит в среднем 5400 г, в то время как мозг идеета едва ли перевесит на весах полуфунтовую гирьку. Можно даже со всей уверенностью сказать, что мыслительные способности практически любого живого существа убывают с увеличением размеров вышеупомянутого органа. Что и понятно, ведь извилины мозга с увеличением его поверхности все больше и больше удаляются друг от друга, а это, в свою очередь, приводит к потере внутримозговой коммуникации и, как следствие, к утрате взаимопонимания между отдельными его частями. Поэтому вместо одного огромного мозга предпочтительно иметь несколько маленьких со значительно лучшими соединениями и проводимостью. Вопреки распространенному заблуждению, голова боллога все еще жива, она просто дремлет, поэтому время от времени рядом с ней можно слышать нечленораздельные звуки и изредка даже храп.

Живая гора. Восхождение к уху боллога было скорее неприятным, чем трудным. Если бы все горы покрывала густая, косматая шерсть, покорение их из опаснейшего мероприятия превратилось бы в чистое развлечение. Шерстинки на Большой голове толщиной своей напоминали канаты, при этом были не гладкие, а ворсистые и узловатые, так что за них всегда можно

было легко уцепиться. Раздражал только отвратительный запах жирных, не мытых в течение целых тысячелетий волос, от которого меня буквально тошнило, прикасаться к волоскам было все противнее и противнее, да еще не давало покоя ощущение неловкости, ведь карабкаться приходилось как-никак по живой голове.

Но объективное неудобство доставляла, пожалуй, одна лишь перхоть, чешуйки которой были размером с тарелку, весили каждая по килограмму и скатывались с головы настоящей шумной лавиной, поэтому приходилось то и дело искать укрытие, чтобы не улететь вместе с ними на землю.

Они наслаивались друг на друга, как черепица на крыше, одним неверным движением можно было вызвать цепную реакцию, в результате чего сотни и тысячи грязных, сальных пластин водопадом летели вниз. Дважды меня чуть не накрыла такая лавина. В первый раз мне чудом удалось удержаться, вцепившись в липкий волосок, а во второй она, к счастью, прошла в миллиметре от меня. В остальном же восхождение шло превосходно, погода была отличная: ни ветерка, ни облачка, безупречно чистое небо. Преодолев за час примерно две трети пути, я сделал привал, удобно расположившись на колтуне перепутанной, слипшейся шерсти.

Отдохнув, я с новыми силами продолжил свое восхождение. Мочка уха боллога маячила уже совсем близко, чуть выше меня, гигантским наплывом из кожи и мяса. Я взял немного правее, чтобы, обогнув ее, выйти прямо ко входу в ушную раковину, тем более что еще раньше заприметил длинный волосок, растущий из самого уха, — зрелище, конечно, не самое приятное, зато отличный способ достичь цели в кратчайшие сроки и с наименьшими усилиями.

Я приподнялся на цыпочки, дотянулся до кончика волоска, подергал его, проверяя на прочность, а потом оттолкнулся задними лапами и подпрыгнул. Меня упруго подбросило вверх, как будто я совершил прыжок с шестом.

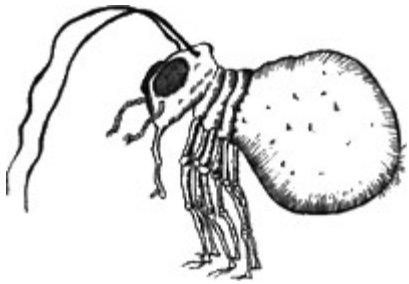
Внезапно волос зашевелился.

Вместо того чтобы быстро взобраться по нему, я беспомощно висел, раскачиваясь, словно маятник.

Подо мной распростерлась бездна глубиной в несколько километров, лапы скользили. Неужели это конец?! Тут вдруг, будто сжалившись надо мной, волосок медленно пополз вверх, и я, обхвативший его мертвой хваткой, очутился за обтянутым кожей валом внутри ушной раковины.

Только это оказался вовсе не волос боллога, а ус гигантской блохи. Осознав свою оплошность, я срочно разжал лапы, что, надо

сказать, не намного улучшило мое положение. Я плюхнулся на дно ушной раковины, вход в пещеру ушного отверстия заслоняло от меня мощное тело исполинского насекомого, в передних лапах которого я заметил ножик и вилку. Блоха алчно клацала ими, предвкушая скорый обед.



К счастью, времени на панику не осталось, действовать надо было молниеносно. Я сделал резкий выпад влево, блоха шагнула туда же, но я моментально отпрянул назад, пригнулся и, проскользнув у нее между ног, бросился ко входу в ушное отверстие. Блоха в силу своего размера была слишком неповоротлива, чтобы среагировать достаточно быстро, это дало мне возможность беспрепятственно нырнуть внутрь головы.

Озеро. Насекомое тем временем сумело кое-как развернуться и, пустившись вдогонку, стало нагонять меня гигантскими прыжками. А у меня на пути лежало небольшое грязноватое озерцо — наверное, снаружи натекла дождевая вода, — оно отливало желтизной и, надо сказать, вообще выглядело довольно противно, но что поделаешь, выбирать не приходилось. Я сделал глубокий вдох и, недолго думая, нырнул в темную жижу, в тайной надежде, что блохи не умеют плавать.

Только идея на самом деле оказалась не слишком удачной. Что касается блохи, то она и вправду от меня отстала: остановилась как вкопанная на краю озерца и не делала больше никаких попыток продолжить преследование. Мне даже показалось, что она как будто сочувственно покачала головой, потом развернулась на сто восемьдесят градусов и печально зашагала назад, к выходу.

А вот в отношении моей безопасности решение нырнуть в озерцо оказалось отнюдь не умным, ведь предполагаемая дождевая вода на самом деле была не чем иным, как скопившейся на дне ушной раковины серой, то есть веществом, своими коварными свойствами сравнимым разве что с болотными топями и зыбучим песком.

Вонючая, вязкая каша облепила меня со всех сторон, сгребла в охапку и потянула вниз, на глубину. Я бешено колотил всеми четырьмя лапами, что, наверное, снова было не самым разумным, но все же помогло мне какое-то время удержаться на плаву. Я даже немного продвинулся в сторону противоположного берега.

Оттуда в озерцо свисало несколько волосков, каждый из которых был в палец толщиной. Я отчаянно потянулся к ним, собрав воедино все свои силы и волю, но в этот момент сера накрыла меня с головой, затекла мне в нос, глаза и, конечно же, уши, отчего я в тот же миг сделался слепым и глухим. А потом я нечаянно раскрыл рот и заглотил добрую порцию горькой жижи, что навечно осталось самым неприятным ощущением всей моей жизни.

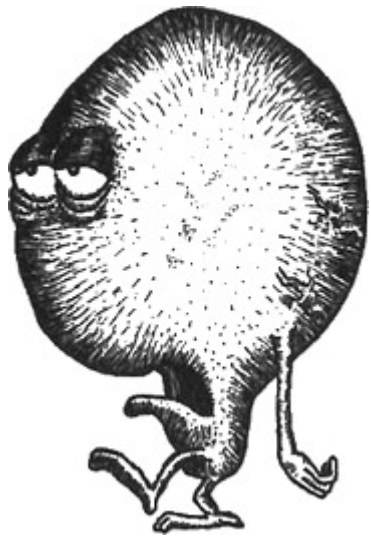
От ужаса и отвращения я перестал барахтаться, из-за чего еще быстрее начал тонуть, погружаясь в теплую, мягкую массу. Только одна лапа все еще оставалась на поверхности, судорожно хватая воздух в поиске спасительных волосков. Но хватательные движения вскоре превратились в нечто больше похожее на прощальные взмахи — силы оставили меня, и я пошел ко дну.

Вдруг кто-то — а может быть, что-то, в моем тогдашнем положении было не разобрать — схватил меня за лапу. На ощупь рука помощи не походила ни на ус гигантской блохи, ни на какой-нибудь другой орган насекомого, поэтому я, недолго думая, жадно вцепился в нее и подтянулся. Я тянул себя к берегу, изо всех сил работая задними лапами, пока они наконец не нащупали твердую почву. С трудом, на четвереньках, выкарабкавшись из гнусной лужи, я первым делом протер глаза, чтобы рассмотреть своего спасителя. Это была прозрачная капля пульсирующего света, которая имела, если можно так выразиться, какой-то смущенный, виноватый вид.

Плохая идея. — Меня зовут 16Ч. Я — плохая идея, — представилась она.

— Очень приятно, — ответил я. — А меня зовут Синий Медведь, потому что я синий медведь.

Мы некоторое время молча стояли друг против друга, не зная, что делать, потом я начал счищать с себя остатки ушной серы.



— Тебе повезло, что я оказалась поблизости, — сказала идея. — Здесь многие тонут. Очень опасное место.

— Да уж! Спасибо тебе. Ты спасла мне жизнь. Я твой должник.

— Забудь. Я рада, что от меня может быть хоть какая-то польза. Вообще-то, я ни на что не гожусь.

— Это почему?

— Понимаешь, пусть я даже идея, но идея плохая. Знаешь, как это бывает? Сначала они с тобой носятся, а потом берут и выбрасывают, как ненужный хлам, потому что вдруг понимают, что ты плохая идея. О тебе забывают, вот и все. Нас здесь тысячи, и все мы скитаемся в лабиринте мозгов. Мы отбросы внутричерепного общества. Сам подумай, кому нужна плохая идея… Вот тебе, например, нужна?

— Хм… не знаю. Возможно. Как насчет того, чтобы показать мне дорогу на ту сторону головы?

— Для этого тебе вообще не нужна никакая идея, она у тебя уже есть: «Я иду на другую сторону головы». Не знаю, правда, насколько она хороша. Это чертовски опасно и очень, очень трудно — сменить одно полушарие на другое. Ты хоть знаешь,

сколько километров извилин тут внутри?

— Нет.

— Я тоже, но думаю, очень много, миллионы.

Это, конечно, было преувеличение, но до меня вдруг начало доходить, что путь на другую сторону на самом деле может оказаться гораздо труднее, чем я думал вначале.

— Тебе нужна карта. Карта извилин. Чтобы не заблудиться. Настоящая карта от картографа, понимаешь?

— Нет.

— Ну, картографы — это те, которые делают карты мозгов. Очень важные типы, только страшные скупердяи. Все очень просто: когда тебе нужны сапоги, ты идешь к сапожнику, а когда нужна карта — к картографу. У меня есть один знакомый, и живет неподалеку. Идем?

Всем идеям, сообщила мне 16Ч, присваивают имена, соответствующие тому времени, когда они возникают. Обычно имена намного длиннее, потому что время рождения идей определяется с точностью до секунды, — например, 23Ч46М12С или 13Ч32М55С и тому подобное. Но 16Ч родилась ровно в 16 часов, ни секундой раньше и ни секундой позже.

Она шла впереди, уводя меня вглубь лабиринта мозгов.

— Правда, это не очень удобно, потому что у многих из нас одинаковые имена. Ведь идеи рождаются здесь чуть ли не ежесекундно. Я лично знаю еще штук пятьдесят, которых тоже зовут 16Ч. И ни одна из них ни на что не годится, представляешь. Похоже, в это время рождаются только плохие идеи…

Слуховое отверстие. Это очень странное ощущение, когда ты через слуховое отверстие пробираешься в чужие мозги. Ты чувствуешь себя чуть ли не преступником. Надо признать, мне было не по себе, я казался себе подлецом, непрошеным гостем, тайком проникающим в дом через заднюю дверь. Ведь даже тот, у кого в мыслях нет ничего дурного, навряд ли обрадуется, если кто-то без спросу залезет к нему в мозги.

Дневной свет уже едва освещал пещеру, по которой мы шли. 16Ч бодро шагала впереди, не хуже заправского экскурсовода знакомя меня с местными достопримечательностями, попадавшимися на пути: «Обрати внимание, сейчас над головой у нас проходит височная кость». Похоже, посетители здесь были не редкость.

Правда, мне приходилось больше смотреть вниз, под ноги, так как дно пещеры было покатым и скользким от ушной серы. Вскоре путь нам преградила стена, тонкая, словно пергамент, закрывающая все пространство туннеля.

— Барабанная перепонка, — пояснила 16Ч. — Идем, я знаю, где можно пролезть.

Барабанная перепонка, вся изрешеченная дырами, походила на сыр, но большинство отверстий были совсем маленькие, размером с кулак. Тут 16Ч указала мне на просвет примерно с футбольный мяч.

— Не волнуйся, — сказала она, — не застрянешь. Она эластичная.

Идеи, наверное, тоже все эластичные, поскольку моей новой подружке не составило большого труда проскользнуть в узенькое отверстие, в то время как мне пришлось хорошенько втянуть живот, и если бы не ощутимая помощь 16Ч, то сидеть бы мне там и по сей день. Теперь мы шли по просторной пещере, где на потолке что-то шевелилось, но из-за скудного освещения я не смог разобрать, что это было.

— Это молоточек, наковальня и стремечко, — пояснила 16Ч. — Только не спрашивай меня, почему они так называются, — я не знаю. Они играют важную роль в процессе восприятия звука.

На другом конце пещеры нас ждала еще одна дырявая мембрана («Улиточный ход базальной мембраны»), пробравшись сквозь которую мы скатились по очень крутому спуску («А это барабанная лестница»), а потом поднялись по каким-то ступеням наверх («А теперь мы идем по величественной вестибулярной лестнице»).

Вокруг было уже совсем темно, только тусклое свечение тельца 16Ч (наверное, слабый отсвет ее идеи) скупо освещало нам путь. Я снова очутился в лабиринте пещер. В голове все время вертелась одна и та же мысль: уж больно все это напоминает мою давнишнюю встречу с пещерным троллем.

Туннель, по которому мы шли, как будто закручивался спиралью внутрь и при этом становился все у́же и у́же. Вскоре пробираться вперед можно было только ползком.

— Не волнуйся, скоро придем, — пообещала 16Ч, что меня почему-то совсем не успокоило.

Идея между тем нырнула в боковой туннель, по стенам которого во всех направлениях тянулись разноцветные скользкие кабели.

— Это нервные окончания. А вот выход из слухового прохода. Ухо закончилось.

Похожие многообещающие разъяснения я уже слышал однажды в лабиринте Темных гор.

В конце прохода зияло небольшое отверстие, через которое в пещеру проникал неясный, бледный свет. 16Ч нырнула в него и скрылась из виду.

— За мной! — послышался ее голос.

Я с трудом протиснулся следом.

Мозг. Теперь мы шли по другому туннелю, который был гораздо просторнее предыдущего и по стенам которого с бешеной скоростью проносились маленькие сверкающие огоньки, напоминающие сигнальные ракеты. У каждого из них как будто был свой собственный голос, тоненький, тихий и все же вполне различимый, мы отчетливо слышали шепот, ворчание, бормотание или хихиканье, стоило только какому-нибудь огоньку поравняться с нами. Некоторые из них были большие, другие маленькие, одни красные, другие белые или зеленые.

Они градом сыпались на нас со всех сторон — спереди, сзади, сверху, снизу, словно мы находились в центре миниатюрного фейерверка. Иногда огоньки, встречаясь, сливались в одной ослепительной вспышке и затем уже вместе неслись дальше в темноту. Я озадаченно остановился, чтобы рассмотреть непосед. Что бы это могло быть?

— Это мысли, — пояснила 16Ч. — Мы находимся у боллога в мозгу.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

МЫСЛИ БОЛЛОГА. Мыслями боллога можно считать любой переход из сферы созерцания или восприятия в сферу осознания, понимания и заключения; в более широком смысле это также любые его ощущения, предмет которых напрямую не связан с органами чувств или же для них недоступен, то есть является продуктом воспоминания или фантазии.

Объяснение «Лексикона», как всегда, пришло само по себе, без приглашения, да еще в самой доступной и понятной форме.

Упрощенная формулировка. Любая мысль представляет собой переходное состояние между чувством и произнесенной фразой. В этом отношении боллоги ничем не отличаются от других думающих существ.

Я почувствовал, что должен что-то сказать. Только вот что?

Формулировка для «чайников». Мысль — это продукт деятельности мозга.

Порой мне казалось, это не «Лексикон» говорит в моей голове, а сам профессор Филинчик дает мне разъяснения по телефону.

Мозг боллога. Головной мозг боллога состоит из двух изрезанных извилинами (мозговыми улицами) частей, так называемых полушарий, разделенных глубокой складкой (центральным проспектом). Строение коры головного мозга боллога делает возможным предположить в нем сознание, память и волю, как у любого другого существа. Все указывает на то, что он также может испытывать чувства, например страх, радость или голод, а некоторые характерные признаки выдают еще и необычную по сравнению с размерами тела скромность ума или же, вернее сказать, его невероятную скудость, граничащую с полным безумием. Мозжечок Большой головы не так интересен, поскольку хоть и отвечает за осязание и мышечный тонус, без которого невозможна координация движений, все же, за полным отсутствием соответствующих органов, оказывается практически бесполезным.

16Ч указала на мигающие световые точки на стенах туннеля:

— Каких только мыслей здесь нет. Они различаются по цветам. Вон видишь, красные — это обычные, повседневные мысли, их больше всего. Желтые — это заботы, их тоже хватает. Синие — вопросы, над которыми мозг упорно работает. Зеленые — ответы. Если встретится синий вопрос и неверный ответ, ничего не будет.

В этот момент на стене как раз столкнулись синий и зеленый огоньки. Посыпались искры, они испуганно шарахнулись друг от друга и визжа понеслись в разные стороны.

— Видишь? Но если синий вопрос встречается с нужным ответом, тогда они сливаются вместе и превращаются в решение. Вот, смотри, большой оранжевый огонек — это решение.

Мимо действительно промелькнул оранжевый огонек.

— А вот когда сталкиваются два решения — рождается идея. Хорошая или плохая, такая, как я, — вздохнула 16Ч.

Хорошая идея. Метрах в двух впереди из-за угла вынырнула яркая капля. Она была раза в два больше 16Ч, светилась изнутри, как электрическая свеча на елке, и гудела, словно линия высоковольтных передач.

— Привет, 16Ч! — надменно бросила она, лениво проплывая мимо нас.

— Здравствуй, 21Ч36М14С! — подобострастно отозвалась 16Ч.

— А разве у боллога могут быть хорошие идеи? — поинтересовался я. — Мне казалось, боллоги не отличаются здравым умом.

Мы шли по извилистому туннелю, казавшемуся бесконечным. Вправо и влево от него уходили ответвления мозговых улиц. Мимо пестрым потоком проносились мысли, вопросы, ответы и решения, все соответствующих цветов.

— Да, боллоги, конечно, не очень умные, но только тогда, когда сбросят голову. Сама голова, она вовсе не глупая, глупое тело.

— Почему же боллог тогда оставил здесь свою голову, если она у него такая умная?

16Ч зарделась. Казалось, она не могла подобрать нужные слова:

— Видишь ли… в общем, в этом была виновата плохая идея.

— Понятно. Но ты-то почему так переживаешь?! — удивился я.

— По правде сказать, это была я, — наконец выпалила она.

За следующим поворотом, где я ожидал увидеть еще одно ответвление улицы, нашим взорам открылась невероятная панорама. Перед нами предстало необыкновенное, захватывающее зрелище — долина, одна из пустот в мозгу

боллога, которых там было огромное множество. Внизу тут и там сновали мысли, они проносились словно яркие переливающиеся кометы по черному небосводу. Дно грота представляло собой затейливый лабиринт мозговых извилин — узенькие, на редкость беспорядочно переплетенные переулки напоминали центр какого-то восточного городка, и повсюду кишели идеи.

— Это долина Плохих Идей, — печально сообщила мне 16Ч. — Здесь мы живем.

По неширокому, серпантином спускавшемуся вниз переулку мы вышли в долину.

16Ч поведала мне о безрадостном существовании живущих здесь неудачных идей. Чтобы как-то оправдать свое существование, они целыми днями носятся по переулкам, пытаясь столкнуться друг с другом, в тайной надежде, что две плохие идеи могут превратиться в одну хорошую.

Все это походило на рыбный базар. На каждом углу стояла светящаяся капля и во все горло рекламировала свои достоинства. Меня то и дело хватали за лапу, пытаясь навязать открытие века. Некоторые стояли небольшими группами, споря, кто из них лучше. Моя необычная внешность, казалось, нисколько не привлекала внимания окружающих, все они были слишком поглощены своей бесполезной торговлей.

С трудом продираясь в толпе, я не заметил, как 16Ч отстала, вступив с кем-то в разговор. Только дойдя до следующего перекрестка, я обернулся и понял, что потерял ее в толчее. Тогда я решил оставаться на месте и ждать, пока она сама меня не найдет.

Кто-то вцепился мне в лапу и запыхтел в самое ухо:

— Ага, ищешь идею? Вижу, вижу. Скорее сюда, у меня есть кое-что для тебя!

Бородатая идея. Первое, что меня поразило в этой идее, — неприятный запах у нее изо рта. Она придвинулась ко мне чуть ли не вплотную и выдохнула мне в нос целое облако смрада. А

второе, что отличало ее от других, была борода. Ни у одной из светящихся капель здесь не было бороды, а вот у этой густая растительность скрывала всю нижнюю часть лица и свисала почти до земли. Из этого я заключил, что имею дело с каким-то необычным, особенным экземпляром.

— И что же у тебя есть? — поинтересовался я из вежливости.

— Ха-ха, — подмигнула мне идея, скривив лицо в подобии усмешки. — То, что тебе нужно, — идея: надо соединить нервные окончания, и будет короткое замыкание. Ну как? Нравится?

— Соединить нервные окончания, говоришь?

— Да, да! Отличная идея, правда?

Я расхохотался. Это было, конечно, бестактно, но спохватился я слишком поздно.

— Что тут смешного? Ну да, я, конечно, не философский камень, — медленно произнесла идея, и в голосе ее прозвучала враждебность. — Ну и что? Чего же ты ждал? Изобретения века? Скажите пожалуйста, какие мы гордые!

Я заозирался в поисках 16Ч. Ситуация начинала выходить из-под контроля.

А ходячая борода окинула меня неприязненным взглядом:

— Кто ты вообще такой? Ты совсем не похож на идею! Откуда ты взялся? Может быть, ты шпион из другого полушария?

Идея вцепилась в меня мертвой хваткой и заорала во всю глотку:

— Эй, все сюда! Смотрите, кого я поймал! Перебежчик!

Суетливый гул в толпе вдруг стих, все головы повернулись ко мне. Идея еще сильнее сдавила мне лапу:

— Полюбуйтесь на этого воображалу! Мы недостаточно хороши для него!

Любопытство в глазах уступило место негодованию, озабоченный гул превратился в осуждающий ропот.

— Что тебе надо? Ты что, и правда один из тех болванов, что живут в правом полушарии? — выкрикнул кто-то из толпы.

Идеи обступили меня плотным кольцом. Случившееся, похоже, их забавляло. Как-никак событие, выходящее за рамки повседневной, будничной жизни.

— Он совсем не похож на нас! — заметил тоненький голосок из толпы.

— Я здесь в гостях, — попытался оправдаться я, но мой голос потонул в криках недовольства.

— Это шпион! Вражеский лазутчик! — визжала бородатая идея. — Он пришел украсть у нас наши идеи!

Тут терпению моему пришел конец. Я оттолкнул бородатую каплю, высвободил лапу и закричал:

— Чушь! Что у вас тут красть?! Кому вы нужны?

Воцарилась гробовая тишина. Правду не всегда встречают овациями. Лица идей стали еще суровее, кольцо вокруг меня постепенно сжималось. А бородатая идея еще подливала масла в огонь:

Море Забвения. — Бросить его в море Забвения!

Десятки рук потянулись ко мне, оторвали меня от земли и подняли вверх.

— Правильно! В море Забвения! Шпион! Туда ему и дорога!

Я поплыл над толпой, как скорлупка на волнах океана.

— В море Забвения! — выкрикивала идея с бородой, шествуя во главе толпы. — Это будет сигналом к восстанию! Они совсем обнаглели! Да здравствует хаос во всех полушариях! Достаточно мы натерпелись! Долой! В море Забвения!

> МОЗГ БОЛЛОГА [продолжение]. В мозгу любого боллога существует море Забвения — напоминающий гигантскую лужу смолы водоем, наполненный жидким беспамятством. Если кто-то или что-то упадет в море Забвения, то его ждет страшная смерть через забвение, которая по праву считается самым радикальным способом перехода в иной мир, поскольку в этом мире тогда не остается уже совсем ничего, даже воспоминаний.

Да уж, действительно, самый страшный конец, какой только можно себе представить, — смерть через забвение. Просто взять и исчезнуть, не оставив по себе никакой памяти, раствориться, не сохранив в сознании современников ни малейшей искорки воспоминаний. А я пришел в этот мир, чтобы прославиться, возможно даже обрести бессмертие. Вечное забвение совсем не входило в мои планы.

Подо мной бурлящей лавой кипело море Забвения, выбрасывая наружу ядовитые пары, от которых перехватило дыхание. Вся процессия остановилась на высоком утесе, четыре идеи крепко держали меня за все четыре лапы, их бородатый предводитель стоял рядом и совершенно безумным голосом произносил речь перед собравшейся вокруг озера толпой.

— Это начало нового времени! — кричал он. — Мы захватим власть в обоих полушариях! Долой порядок! Да здравствует свобода! Наполним извилины хаосом! Пусть этот обломок старого, консервативного режима станет нашей первой жертвой!

Слушайте все мою команду: на счет «три» бросаем его в море Забвения!

Я судорожно искал выход из создавшейся ситуации, но что я мог сделать против такого количества ожесточенных врагов.

— Один! — грозно проревела бородатая идея.

Интересно, что представляет собой это жидкое беспамятство. Может, удастся просто уплыть?

> МОЗГ БОЛЛОГА [продолжение]. Жидкое беспамятство состоит из равных частей концентрированной соляной кислоты и желчи боллога, в которых плавают миллионы прожорливых бактерий забвения. Шансы выжить, попав в море Забвения, не выше, чем бросившись нагишом в кратер действующего вулкана.

— Два!

Идеи подтолкнули меня к краю пропасти.

— И… — Бородатый предводитель поднял руку, чтобы сделать решающий взмах.

— НЕТ! — проревел грозный голос.

Это была 16Ч. Моей маленькой спасительнице удалось протиснуться сквозь толпу. Она решительно наступала на предводителя, который при виде ее смущенно попятился.

И тут она совершила то, чего никто не ожидал. Она ухватила предводителя за бороду и изо всех сил дернула ее. Борода оказалась фальшивой! Под ней скрывалось самое жуткое зрелище, какое только мне доводилось видеть: если представить себе гибрид химериады и пещерного тролля, он бы и то выглядел гораздо приятнее.

— Глупые! — закричала 16Ч. — Вы что, не видите, с кем имеете дело?! Это же безумие!

Толпа с испуганным вздохом отпрянула назад. Разоблаченная идея оскалила зубы, растопырила когти и зашипела:

— Только троньте! Предупреждаю: я буду кусаться! Вы знаете, это заразно! А ну расступись!

Толпа расползлась большим клином, словно ее расстегнули молнией. Никто не хотел прикасаться к безумию, которое, продолжая шипеть и отчаянно размахивая когтями, прокладывало себе дорогу вперед.

— Дорогу! Дорогу! Я безумие, страшное и ужасное! Расступись! Фш-ш-ш!

Безумие ловко вскарабкалось по уступам извилин наверх, к одному из туннелей, где на прощание обернулось и закричало:

— Придет день, и я овладею всеми вами, и тобой тоже. — Оно оскалилось на меня: — Да, с тобой у меня особые счеты! Фш-ш-ш!

С этими словами оно скрылось в туннеле, оставив после себя отвратительные раскаты смеха, от которого все волоски у меня на спине встали дыбом.

16Ч повернулась к толпе:

— Вам что, больше нечего делать?! Решили помочь безумию в его сумасшедших затеях?!

В ответ ей послышалось смущенное бормотание: «Ну да…», «Мы думали…» или «Ловкая маскировка…»

— Зарубите себе на носу: это мой друг, Синий Медведь. Он

путешественник. Понятно? Я его пригласила и надеюсь, вы будете обращаться с ним как с гостем.

В гробовой тишине толпа растворилась. Потом они снова, как ни в чем не бывало, принялись рекламировать себя и торговаться друг с другом.

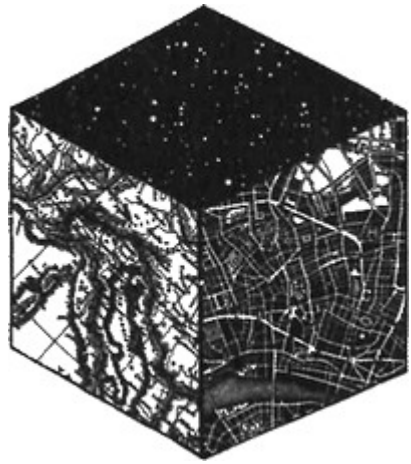
— Оно проделывает этот трюк снова и снова, — рассказывала 16Ч, когда долина плохих идей осталась позади и мы вдвоем вновь шагали пустынным туннелем. — Безумие — самое страшное существо, какое только можно себе представить. Оно шныряет повсюду, стараясь натворить в мозгах как можно больше беспорядка. Оно соединяет нервные окончания и вызывает короткие замыкания. Это настоящий мастер переодевания и интриг, стремящийся к тому, чтобы в мозгах воцарился хаос и там не осталось ни капли рассудка.

— Но это же просто глупо! Ему самому тогда тоже конец.

— Вот именно. И этому есть только одно объяснение. — 16Ч понизила голос и постучала себя пальцем по лбу: — Мне кажется, он не совсем нормальный.

Пещера картографа. Картограф предстал перед нами в форме куба, парившего в воздухе примерно в метре от земли. Он жил в просторной пещере, неподалеку от самой тихой извилины. Жилище его было абсолютно пустым. Я сказал «предстал в форме куба», поскольку картографы постоянно меняют свое обличье, изменяют форму и рисунок поверхности. Когда мы вошли, он был светящимся изнутри кубом, каждая грань которого пестрела абстрактными символами.

Одна его грань напоминала выкройку мужской сорочки, другая — карту погоды, третья — план собора в проекции сверху. Потом картинки на гранях вдруг замерцали и превратились в морскую карту, план транспортной сети и схематическое изображение какой-то галактики.



Он мог мгновенно менять свою форму, становясь то пирамидой, то ромбом, то безупречно гладким шаром, поверхность которого отображала все улицы нашей планеты, до последнего переулка. При этом он постоянно вращался вокруг своей оси, отчего у меня рябило в глазах, и я не мог сконцентрироваться.

Голос его шел будто изнутри и был высоким, почти поющим, причем на буквах «Ч» и «Ц» отчетливо слышался электрический треск, а в общем и целом ему нельзя было отказать в определенной доле обаяния.

— Ну-с! Сверим ‡асы,[1] — уверенным голосом скомандовал картограф.

16Ч взглянула на запястье, где, правда, не было никаких часов, и машинально ответила:

— Шестнадцать часов!

— Э-э, девятнадцать часов сорок семь минут, — отрапортовал я просто так, наугад.

Картограф сделал многозначительную паузу и гордо оповестил:

— Двад‡ать один ‡ас двад‡ать две минуты! Отли‡но!

Это, видимо, было у них чем-то вроде приветственного ритуала.

— Познакомься, это мой друг Синий Медведь. Ему нужен план Большой головы, он хочет пройти ее насквозь. Ты сможешь ему помочь?

— Тсс, — зашипел картограф и стал вращающимся диском, на котором появился план сканированного мозга.

— Карта Большой головы? На это уйдет уйма времени. Надеюсь, ты понимаешь, ‡то представляет собой Большая голова изнутри? Многие километры туннелей извилин. Если сложить их

вместе, полу‡ится расстояние от Земли до Луны. Тебе слу‡аем не нужна подробная карта лунных кратеров? Могу предложить одну по дешевке, у меня тут как раз…

На другой стороне диска высветилась великолепная карта Луны со всеми ее симпатичными кратерами.

— Нет, не нужна, — деловито прервала его 16Ч. — Сколько потребуется времени?

— Меся‡а два, — прошелестел картограф. — Минимум.

— Цена?

— Двад‡ать тыся‡ сельсилий.

— Двадцать тысяч сельсилий? Ты в своем уме? — возмутилась 16Ч. — Десять тысяч, и ни сельсилией больше.

Картограф живо превратился в усеченную сферу, разрисованную наподобие марокканского ковра. На верхнем срезе отобразилось нечто, напоминающее план города.

— Пятнад‡ать тыся‡.

— Двенадцать.

— По рукам. Пользуйтесь моей добротой! Двенад‡ать тыся‡ сельсилий ‡ерез два меся‡а на этом самом месте, в этот же ‡ас. Сверяем ‡асы.

Картограф снова сложился кубом. Вероятно, это была его самая любимая форма.

— Шестнадцать часов, — сказала 16Ч.

— Четырнадцать часов двадцать девять минут, — не моргнув глазом, выпалил я.

— Двад‡ать три ‡аса пятьдесят пять минут, — уточнил картограф, провожая нас к выходу из пещеры. — Без пяти двенад‡ать, самое время на‡ать работу.

Сельсилии. Мало того что 16Ч уже дважды спасала мне жизнь и подсказала, как получить план Большой головы, так она еще предложила — чем смутила меня окончательно — то время, пока будет готовиться карта, пожить у нее.

По правде говоря, мне действительно нужен был кров на эти два месяца, вот 16Ч и предложила разделить с ней ее каморку. Это была крохотная пещерка, устроенная в мозговой складке неподалеку от моря Забвения, где то и дело попахивало серными испарениями, зато нас никто не тревожил. Здесь мне предстояло провести ближайшие два месяца и придумать, как раздобыть двенадцать тысяч сельсилий. Сельсилии… Мне вспомнилась школа Филинчика, в сельсильском душе я выкурил первую в

жизни сигарету.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

СЕЛЬСИЛИИ. Сельсилии образуют основу основ любого мозга, представляя собой исходный материал для строения мыслей, то есть являясь неоформленными зародышами оных. Подобно тому как гусеница превращается в бабочку, сельсилии превращаются в мысли. Сельсилии невозможно увидеть невооруженным глазом, хотя замонианская атмосфера ими просто кишит. Стоит им только проникнуть в мозг (для ускорения этого процесса используется сельсильский душ), как они тут же принимают форму маленьких толстеньких червячков, быстро заселяющих кору головного мозга. Сельсилии могут быть разного цвета: красные, оранжевые, золотисто-желтые, медные, серебристые, зеленые, серые, фиолетовые, светло-коричневые, темно-коричневые, но все они обязательно имеют металлический блеск. Кроме того, во многих внутричерепных сообществах сельсилии используются в качестве местной валюты, сохраняя при этом свою функцию главного строительного материала, из которого строятся мысли и возникают сны.

Вопрос только, как их собрать. Ведь сельсилии, как и любые деньги, не валяются на дороге, их никто не принесет вам на блюдечке, нужно хорошо потрудиться, чтобы их раздобыть. То есть прежде всего нужно найти работу. И с этим мне опять помогла 16Ч.

— У тебя есть фантазия? — спросила она.

Да, пришел к выводу я, в определенной доле воображения мне, пожалуй, нельзя отказать.

— Вот и чудесно. Фантазией можно заработать здесь кучу сельсилий. Как насчет того, чтобы стать снорганистом? Снорганисты нужны всегда.

Орга́н сновидений. Голова боллога постоянно пребывает в состоянии глубокого сна и, следовательно, должна видеть сны. Неподалеку от глазных яблок в голове у него, так объяснила мне 16Ч, расположен орга́н сновидений, инструмент, на котором исполняются сны. Орга́н сновидений должен работать день и ночь, круглые сутки, чтобы голова ни в коем случае не проснулась, иначе может произойти страшная катастрофа — в мозгу все перепутается, наступит всеобщий хаос. Голова захочет ходить, есть или совершать какие-либо другие действия, для которых требуется наличие тела, что может привести к короткому замыканию нервных окончаний, а в худшем случае — даже ко всеобщему торжеству безумия. Поэтому мозг Большой головы должен быть постоянно занят спокойными, мирными снами — дело, испокон веков составляющее промысел снорганистов.

Немаловажно, что снорганистом может стать практически каждый, кто откроет в себе призвание к этому ремеслу, то есть им может стать как хорошая, так и плохая идея. На орга́не нужно играть постоянно, без перерыва, поэтому идеи работают в несколько смен, и кадров почти всегда не хватает. Оплату труда производят сельсилиями, которые вносятся в общую кассу всеми членами внутричерепного сообщества, — что-то типа всеобщего обязательного налога. Это, конечно, не баснословные деньги, всего лишь 10 сельсилий в час, но надо же с чего-то начать.

Орга́н сновидений, естественно, представлял собой не обычный музыкальный инструмент, а пестрый узел из тысячи разноцветных нервов, расположенный в пустом пространстве за глазом боллога. В зависимости от того, за какой нерв дергает снорганист и с какой силой на него нажимает, в мозгу у боллога появляется определенная картина сновидений. Я не сразу запомнил, какие окончания отвечают за какие картинки, но спустя долгие часы тренировок освоился и выучил их все наизусть. Возникающие в мозгу картины отображались на обратной стороне глазного яблока, которая одновременно служила одной из стен помещения орга́на. Большинство моих коллег всю свою смену просто бездумно дергали за нервы или давили на них, в результате чего в мозгу боллога возникала череда обычных пустых сновидений: бессвязные обрывки воспоминаний, картины давно минувших дней, беспорядочно нагроможденные друг на друга, безумные кошмары. Меня же увлекала возможность вычленять из этого хаоса последовательные сюжетные линии, чтобы в них были смысл и действие, придумывать увлекательные истории, видеть которые

куда интереснее, чем вспоминать о том, как когда-то забыл надеть штаны. Так, например, — и это простейший из трюков — соединив картину льва с изображением антилопы, можно получить отличный сюжет охоты длиной в пару минут. Это было куда веселее, чем вызывать в памяти боллога произвольный набор не пересекающихся друг с другом воспоминаний, как это делали остальные снорганисты.

В мозгу боллога сохранились уникальные воспоминания о событиях, произошедших еще до потопа, редчайшие изображения гигантских ящеров, дерущихся друг с другом из-за добычи, циклопов, играющих в футбол осколками скалы, вулканов, землетрясений, наводнений, метеоритных дождей, доисторических бурь и ураганов, вымерших чудовищ и войн между кланами великанов. Боллог был таким гигантским, что его голова находилась в открытом космосе, он знал в лицо каждый лунный кратер, он видел вблизи Марс и Сатурн и сохранил в памяти панораму всей нашей Солнечной системы.

Забавно было наблюдать картины детства и юности великана, когда он был еще маленьким, скакал верхом на мамонте и дрался с огромными гориллами. Он швырял в своих друзей-великанов осколки скал размером не меньше дома, а те в ответ только смеялись. Он исходил всю Замонию от края до края, собрав в голове целую коллекцию чудесных ландшафтов, он, можно сказать, был свидетелем возникновения континента, зарождения на нем жизни, появления всевозможных форм, многие из которых теперь уже навсегда исчезли. Динозавры, похожие на крыс, неуклюже семенящие на маленьких лапках, вулканы, кажущиеся с высоты горшками с кипящей кашей. Он умывался влагой дождевых облаков, а утоляя жажду, выпивал целые озера. Более грандиозный материал для создания выдающихся сновидений трудно было себе представить.

Некоторые нервные окончания вообще не были связаны ни с какими картинами, они могли вызывать только чувства, такие как радость, печаль, удивление или страх. Вскоре я изучил их все до единого, мне уже не нужно было смотреть, я с закрытыми глазами мог определить, какая картина или какое чувство последует за нажатием.

Мне удалось открыть даже музыкальные нервные окончания, вызывающие акустические воспоминания о музыке, слышанной боллогом когда-то, во времена его юности. Они, правда, не отличались особой изысканностью, но все же таили в себе определенную прелесть, прекрасно сочетаясь с монументальностью зрительных образов. Теперь любые сны я сопровождал подходящими мелодиями и ритмами.

Научившись соединять картины, чувства и музыку, я стал вызывать в голове боллога самые разнообразные сновидения. Это были спокойные, безмятежные сны, сны-приключения и даже кошмары.

Чаще всего 16Ч сидела рядом со мной и наблюдала, как я работаю.

Первые успехи. Сначала я научился создавать простые, но четко продуманные композиции с достойным сюжетом, которые, дополненные музыкальным сопровождением, превращались в настоящие шедевры.

Так, например, я вызывал в памяти боллога образ хищного динозавра, потом добавлял к нему зебру, и начиналась захватывающая охота. Извержение вулкана на заднем плане, пульсирующая барабанная дробь, выбиваемая циклопами, колотящими стволами вековых дубов о скалы. Вот так! А если нужен счастливый конец, можно позволить зебре сбежать от преследователя — достаточно только нажать соответствующий нерв посильнее, и она помчится быстрее ветра.

Со временем создаваемые сюжеты становились длиннее, насыщеннее — грандиознее.

Однажды я сконструировал изобилующий батальными сценами сон-эпопею, посвященный событиям тысячелетней войны циклопов — тем временам, когда доисторические ландшафты Замонии сотрясали жесточайшие, кровавые битвы. Я ловко соединил в одну композицию события, разорванные по времени: первую рукопашную схватку двух доисторических циклопов, послужившую поводом для дальнейшей вражды племен, последовавшие за ней массовые сражения, вплоть до решающей битвы в Жутких горах, в которой приняли участие тысячи и тысячи исполинов. Я пронесся через века, в сюжете на пару минут сконцентрировал панораму тысячелетий. На такое были способны

только самые дерзкие снорганисты.

Удалось мне создать и парочку снов-кошмаров с сюжетом, основанным на реальных страхах гиганта, по большей части связанных с разной мелкой живностью, какой по сравнению с боллогом являлись все твари Замонии без исключения. Правда, вскоре мне пришлось вычеркнуть эти сны из своего репертуара, поскольку голова боллога слишком нервничала и начинала так громко сопеть и фыркать, что я опасался, как бы она не проснулась.

Постепенно в Большой голове поползли слухи, что мои сны отличаются стилем и вкусом и вообще это зрелище, на которое стоит взглянуть. Поэтому, когда я дежурил, в зал орга́на набивалась толпа народа, что подстегивало мое честолюбие еще больше. Даже когда на орга́не играли другие коллеги, я теперь оставался на месте и наблюдал за игрой, анализируя их ошибки и оттачивая свое мастерство.

Искусство и деньги. Спустя несколько недель 16Ч поинтересовалась у меня, сколько сельсилий мне удалось накопить. Я посчитал. Выходило примерно три сотни. Однако бо́льшую часть из них мне предстояло потратить, ведь надо же было чем-то питаться, а единственной пищей в Большой голове являлись опять же сельсилии. Хорошо хоть, что вкус у них был непротивный.

— Так и за десять лет не накопишь двенадцати тысяч, — подвела итог 16Ч, явно не в восторге от скромности моего предпринимательского таланта.

И это была сущая правда. Тех грошей, что я зарабатывал на орга́не, явно не хватало, чтобы рассчитаться с картографом.

— Надо продавать входные билеты, — предложила 16Ч.

— Входные билеты?

— Да, входные билеты. Видел, сколько зрителей набивается в зал? Они все словно с ума посходили.

А вот к этому я был не готов. Сочинение снов уже давно превратилось для меня в искусство, в нечто возвышенное, не имеющее ничего общего с приземленным зарабатыванием сельсилий. Разве может художник продавать свой талант?! Я возмущенно отверг это предложение.

— Но ты же все равно получаешь зарплату. Разве нет?

Это верно. Я получал за работу десять сельсилий в час.

— Бери за вход с каждой идеи еще по сельсилии, и сам не заметишь, как нужная сумма окажется у тебя в кармане.

С каждым разом билетов на представления продавалось все больше. Мучимый угрызениями совести, я изо всех сил старался вознаградить идеи сполна — зрелища раз от раза становились все ярче и грандиознее. Тем более что бедным идеям, чтобы получить место на представлении, приходилось часами простаивать в длинных, изогнутых коридорах извилин. Теперь все разговоры в Большой голове велись об одном — о срежиссированных мною снах.

Кассовые сборы. Наибольшей популярностью пользовались сны-катастрофы, а подобных воспоминаний в мозгу у боллога сохранилось великое множество. За свою долгую жизнь боллог стал свидетелем практически всех возможных природных катаклизмов — от падения астероидов до всемирного потопа, и все это он наблюдал в оригинальной, доступной только ему одному перспективе. Многим ли довелось наблюдать темногорскую грозу с высоты птичьего полета или следить за движением по поверхности океана приливной волны высотой в километры? Кому посчастливилось хоть раз заглянуть в жерло действующего вулкана? Кто разгуливал под градом метеоритов, словно под ласковым грибным дождиком? Такие картины могли храниться только в мозгу боллога.

Красочные сюжеты из жизни дикой природы пользовались не меньшим успехом. Такие, что рассказывали о повадках степных единорогов, о брачных танцах гигантских морских змей в краю Ледяных Торосов (ни с чем не сравнимое зрелище!), об охоте циклопов на кита — схватке безоружных титанов с тираннокитом Рексом.

Видимо, боллогу доводилось нырять и на дно океана, поскольку в голове у него сохранились удивительные картины доисторического подводного мира. Гигантские светящиеся медузы с многочисленными прозрачными щупальцами, огромные каракатицы, дерущиеся друг с другом, стаи древних акул со сверкающими отточенными зубами, затонувшие материки, ушедшие на дно океана мертвые города с поросшими ракушечником небоскребами, превратившимися в обиталище громадных раков и двуглавых мурен. Видел боллог и мрачные кладбища затонувших кораблей, и клокочущие подводные вулканы, и светящихся изнутри рыб с птичьими головами, громадных морских коньков с переливчатыми пестрыми плавниками и электрических рыб-спиралей.

Он нырял еще глубже, в черноту глубоководных трещин, в расселины на морском дне, где живут существа из лавы, на удивительные танцы которых невозможно наглядеться. Он исследовал коралловые леса замонианской ривьеры, оранжевые, кобальтовые, красные, ветвящиеся на полянах, покрытых ковром золотистых водорослей, над которыми пасутся целые стада морских коньков, огромных, размером с единорога.

Публика была в полном восторге. Как впавший в экстаз пианист, я неистово дергал за нервные окончания во всех регистрах. Порой я позволял себе отчаянные импровизации, но не просто выуживал из памяти боллога бессвязные, хаотические воспоминания, а, следуя своеобразной цветовой драматургии, вызывал картины, подчиненные одной теме, то есть одному цвету, например только в желтых тонах: текущие потоки лавы, сияющие лучи заката, поля, поросшие одуванчиками, колышущиеся золотые водоросли, а потом вдруг резко переходил на красное: взрывающиеся метеориты, маковые луга, табуны древних огнегривых коней — и все это в сопровождении грандиозной музыки.

Признаю, в этих феерических представлениях было больше китча, чем подлинного искусства, но что поделаешь, кто бы устоял от соблазна при подобном-то исходном материале.

Да и публике это нравилось. По прошествии двух месяцев я собрал все двенадцать тысяч до последней сельсилии.

План. — Ну-с! Сверим ‡асы! — скомандовал картограф. Куб. Шар. Тетраэдр.

— Шестнадцать часов! — сообщила 16Ч.

— Девятнадцать часов тридцать семь минут! — предложил я.

— Без ‡етверти двенад‡ать! — прошелестел картограф, снова став кубом.

Карта, которую я получил от него, превзошла все мои ожидания. Она стоила затраченных двенадцати тысяч. На ней не только подробнейшим образом были отображены все мозговые извилины, очень важные спрямления и тупики, — она представляла собой настоящий шедевр изобразительного искусства. Начертанная темно-красными чернилами (кровью боллога!) на тончайшей мозговой ткани, она казалась мне картой сокровищ, подлинным чудом, облегчающим ориентирование в пространстве. Теперь-то я точно легко и просто, без заминок и промедлений, найду дорогу к противоположному уху. А без карты

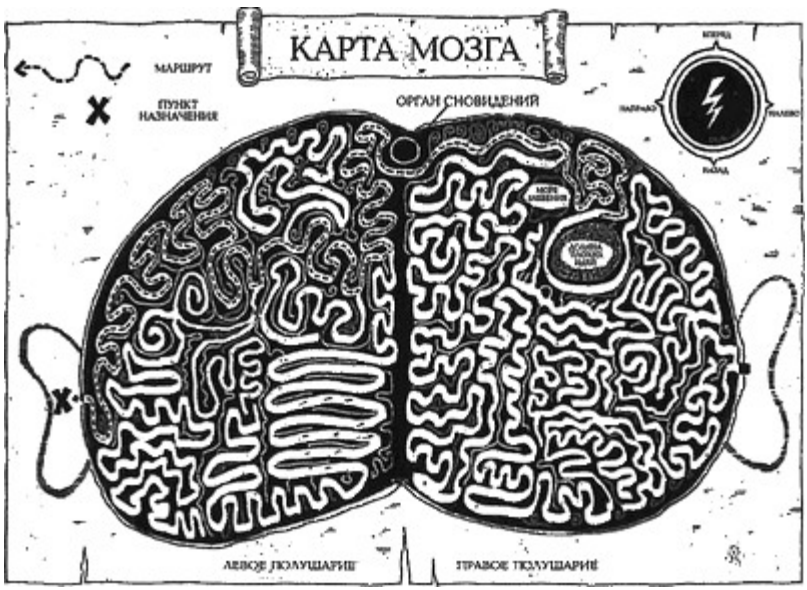
— сейчас в этом не было уже никаких сомнений — мне пришлось бы, наверное, всю оставшуюся жизнь потратить на поиски выхода из лабиринта.

— Маршрут отме‡ен пунктирной линией, — пояснил картограф. — Никого не слушай, особенно если какая-нибудь плохая идея будет уговаривать тебя срезать путь. Следуй наме‡енному маршруту. Не отвлекайся. В жизни, знаешь ли, никто не ходит прямыми путями. Иной раз лу‡ше дать крюку, прямая дорога отнюдь не всегда самая короткая. Это тебе говорю я, старый картограф.

Я положил на пол мешок с сельсилиями и произнес слова искренней благодарности.

— Сверяем ‡асы! — воскликнул картограф, приняв форму шара.

— Шестнадцать часов! — не моргнув глазом, выпалила 16Ч.



— Семнадцать часов тридцать восемь минут! — отозвался я.

— Коне‡ рабо‡его дня! Самое время немного вздремнуть, — проскрипел картограф, все еще пребывая в форме шара, потом несколько раз подпрыгнул, как мячик, и выпроводил нас из конторы.

Прежде чем отправиться в долгий путь, я решил на прощание

дать еще одно представление, совершенно бесплатно.

Я хотел исполнить самый лучший, самый грандиозный сон, призванный стать вершиной моего снорганистского искусства. Великому замыслу соответствовало простое название:

Сон циклопа

Доисторическое море. Подводный мир. Любимая музыка циклопов. Пузырями раскаленной лавы движутся вверх огненные медузы. На экране появляется тираннокит, мы видим, как он плывет. По пути он заглатывает целую стаю акул. Хорошо закусив, довольный тираннокит лениво движется дальше. В этот момент боллог, наблюдавший за ним все это время, бросается ему на спину. Завязывается смертельная битва. Боллог впивается в морского гиганта мертвой хваткой и держит его до тех пор, пока тот не перестает бешено колотить хвостом и не покоряется победителю. Тогда боллог триумфально плывет на спине у кита к берегу. Вместо того чтобы убить гигантскую рыбу и зажарить ее мясо себе на обед, он ее отпускает. Кит исчезает на горизонте в лучах заходящего солнца. Звучит патетическая музыка.

Смена декораций.

Древняя Замония. Небо переливается всеми цветами радуги. Кометы с бешеной скоростью проносятся по небосводу. Бум-бу-бум! Что это? Приближающаяся гроза? Нет, это не гром!

Смена декораций.

Это первобытная битва! Сотни боллогов собрались в долине и, размахивая стволами деревьев, дубасят друг друга. Зритель попадает в самую гущу сражения. Целых двадцать минут на экране мелькают пестрые сцены драки.

Смена декораций.

Романтическая музыка. Боллог, уставший, плетется домой, к своей любимой. Она сидит посреди долины и плетет себе венок из столетних дубов. Боллог надеется получить причитающийся победителю поцелуй. Драматическая музыка! Возлюбленная дает ему от ворот поворот. Он не принес ей подарка. А мог бы прихватить с собой с поля брани хотя бы дубину.

Смена декораций.

Очень печальная музыка. Боллог идет под метеоритным дождем. Что подарить любимой? Надо было придушить этого недотепу кита? Снова — бум-бу-бум! Приближающаяся гроза?

Нет. Это взрыв вулкана.

Оптимистическая музыка. Боллог подходит к вулкану. Сверху

вниз смотрит он на крошечную гору. Потом бережно начинает ее выкапывать. Он аккуратно извлекает вулкан из земли. Надо быть осторожным, чтобы не повредить стебелек лавы вместе с его огненным корнем. Боллог несет действующий вулкан, словно тюльпан, за длинный стебель застывшего базальта. Он держит его очень бережно и внимательно следит, чтобы расплавленная лава не капала вниз на лапы.

Смена декораций.

Подруга боллога, поджав губы, сидит посреди долины. Боллог вручает ей клокочущий вулкан. Она улыбается. Ее сердце оттаяло. Она целует своего любимого. Романтическая музыка.

Смена декораций.

Первобытное небо. Падающие метеориты взрываются грандиозным фейерверком.

Конец.

Прощание с 16Ч далось мне нелегко. Она так много сделала для меня, а я ничем не смог ее отблагодарить.

— Мне было приятно сделать хоть что-то хорошее, — сказала 16Ч на прощание. — А сны вообще были просто супер. Боюсь, без тебя искусство снорганизма в Большой голове снова придет в упадок. Ну ладно, иди и не поминай лихом.

Понурив голову, она медленно поплелась обратно в долину плохих идей.

Путь на свободу. Я зашагал в противоположном направлении, согласно отмеченному на карте маршруту, на восток. Мой путь в соответствии с планом, полученным от картографа, проходил мимо моря Забвения, потом долго петлял в серпантиноподобных извилинах и наконец выходил в другое полушарие.

С ядовитыми испарениями моря Забвения в нос мне ударили неприятные воспоминания. Я постарался как можно скорее оставить этот отрезок маршрута позади и быстро зашагал вверх по спирали извилин. При желании весь путь можно будет преодолеть за несколько дней.

— Эй, ты! Решил сбежать?! Не тут-то было! За тобой еще должок! Фш-ш-ш! — зашипел у меня за спиной голос, который я не слышал уже долгое время.

Это было безумие, притаившееся в темном закоулке мозгов.

— Долгонько же мне пришлось дожидаться! Зато теперь наконец ты один. Совсем, совсем один. А то прославился, понимаешь, своими снами. Ну ничего, пришло время расплаты.

— Отстань! Я не сделал тебе ничего плохого.

— Я — безумие. Мне не нужен повод, чтобы совершать дурные поступки.

— Да ты спятил! — воскликнул я; ничего более оригинального просто не пришло в голову.

— Фш-ш-ш! — зашипело безумие еще громче. — Не смей так говорить!

— Говорить что? Что у тебя не все дома, да?

Безумие закатило глаза, его лицо исказила судорога. Похоже, ему не нравилась правда.

— Никогда больше этого не говори!

— Чего не говорить? Что у тебя крыша поехала? Что у тебя шарики заскочили за ролики?

Ага! Я нашел способ, как ему досадить.

— Сейчас же замолчи! Фш-ш-ш! Слышишь?!

— И не подумаю! Приготовься, еще не такое услышишь. Кто виноват, что у тебя каша вместо мозгов, что у тебя в голове дырка, что у тебя мозги набекрень, что ты болван и дуралей, что по тебе психушка плачет, что у тебя всего одна извилина, и та прямая, что ты последний тугодум, что у тебя в голове ветер, что

у тебя размягчение мозгов, что у тебя… у тебя… короткое замыкание между ушей…

Жаль, но фантазия моя на этом иссякла.

Хотя мне все-таки удалось довести его до белого каления. Шипя и лязгая зубами, безумие бросилось на меня и отняло у меня карту.

— Посмотрим, хватит ли у тебя смелости нырнуть за ней в море Забвения.

Самый мерзкий из всех обитателей мозгов вприпрыжку помчался к берегу.

Совет: никогда не говорите безумию, что оно безумие. От этого оно просто обезумевает.

Безумие бежало к тому утесу, откуда когда-то хотело бросить меня в волны беспамятства. Я мчался следом быстрее, чем в бешеной гонке по Большому лесу, когда уносил ноги от паука-ведуна. На самом краю обрыва оно остановилось и вытянуло вперед руку, держа карту двумя пальцами над бурлящей коварной жижей. С отвратительным чавканьем на поверхности смертоносных волн лопались ядовитые зеленые пузыри, выбрасывая вверх хищные, ненасытные языки.

— Да пребудет с тобой вечный покой забвения, лети с миром, — произнесло оно елейным голосом и разжало пальцы.

Одним отчаянным прыжком мне удалось настичь карту и ухватить ее за краешек, но в этот момент я потерял равновесие и, беспомощно размахивая лапами, вверх тормашками полетел вниз. К счастью, по пути попался какой-то уступ, и я что есть силы вцепился в него когтями.

Беспомощно раскачиваясь в воздухе, словно перезрелая груша, я висел на одной лапе, держась за спасительный мозговой изгиб, а другой крепко сжимал карту. Внизу шумели ядовитые волны моря Забвения, вверху маячило безумие.

Оно ухмыльнулось и склонилось ко мне:

— Говоришь, у меня голова с дыркой?

Похоже, пришло время подумать о дипломатии.

— Это была просто шутка. Плохая шутка.

— Знаешь, раз у меня не все дома, мне ничего не будет, если я сейчас помогу тебе упасть в море Забвения. Ни один суд не признает меня виновным. Сумасшедших не судят.

С этими словами безумие начало медленно разжимать мои пальцы. Теперь я держался только на трех.

— Пожалуйста, перестань.

Оно с наслаждением разжало еще один палец. Я остался висеть на двух.

— Не могу. Эти голоса… Я слышу голоса, они приказывают мне. С нами, сумасшедшими, так бывает.

Безумие принялось разгибать следующий палец. Остался один, последний.

— Прощай. Сейчас ты растворишься в небытии. От тебя не останется ничего, даже воспоминаний, — сказало безумие, принявшись отцеплять последний палец.

Но не отцепило, а вдруг перелетело через мою голову и камнем ухнуло в море Забвения.

— Фш-ш-ш! — только и успело прошипеть оно, прежде чем волны беспамятства сомкнулись над его головой.

В том месте, где оно упало, море закипело и забурлило, выбросив наружу целое облако ядовитых паров. Послышался тошнотворный чавкающий звук, и тело безумия ушло на глубину.

Над краем пропасти показалась голова 16Ч. Она крепко держала меня за лапу.

— Ни на минуту нельзя оставить тебя одного.

Она потянула меня наверх.

— Туда ему и дорога, — сказала она, глядя на пузыри, оставшиеся на поверхности после безумия.

— Отличная идея! — одобрительно кивнул я.

Она смущенно вспыхнула:

— Я пошла за тобой, потому что вспомнила про ушную серу. В другом ухе она тоже есть. Как же ты переберешься через озеро без меня?

Не могу передать, насколько присутствие 16Ч облегчило мое путешествие в извилинах Большой головы. Мы шли одни-одинешеньки по бесконечным, однообразным коридорам, переваливали через высокие, гладкие складки, преодолевали наросты мозговой ткани и узлы нервных окончаний. В левом полушарии идеи встречались гораздо реже. Если какие-то и попадались нам на пути, то все они забрели сюда случайно, и мы с помощью карты объясняли им дорогу назад.

Каждому встречному я непременно рассказывал о том, что 16Ч победила безумие. Она, правда, при этом ужасно смущалась, но я надеялся, что так смогу немного поднять ее статус внутри мозгового общества. Как еще было отплатить ей добром за добро?

Жизнь в левом полушарии царила совсем не такая, как в правом. Его населяли только рефлексы и одноликие мысли-привычки, которые в форме маленьких сереньких шариков или кубиков скучно плыли по коридорам извилин, что-то тихонько и монотонно бубня себе под нос.

В этой части мозга не происходило никаких творческих процессов, здесь не рождались идеи, не возникали открытия, а выполнялись команды, систематизировались уже ставшие привычными мысли и контролировалась вся мозговая деятельность в целом.

Мы походили на двух муравьев, случайно заползших в чужой муравейник. Нам вежливо уступали дорогу, но вслед недовольно шипели. В этом полушарии, как видно, все новое и необычное раздражало и вызывало недоверие.

В стенах повсюду виднелись углубления, некоторые в форме квадратов, другие сферические, большие и маленькие. Пролетавшие мимо шары и квадраты отыскивали подходящие по размеру ниши, укладывались в них и долго и нудно гудели там. Потом отправлялись дальше.

Бу-буммс!

Поначалу это был очень тихий звук, сопровождаемый едва заметной вибрацией.

— Ты слышал? Что это? — удивилась 16Ч.

— Не знаю.

Бу-буммс!

Снова. Стены туннеля тихонько затряслись.

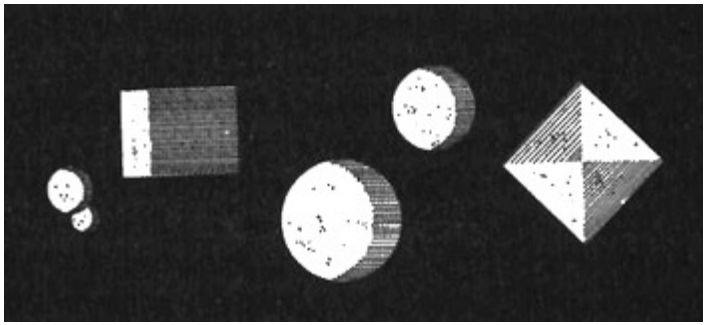
— Что же это такое? — не на шутку встревожилась 16Ч.

— Сотрясение мозгов! — пошутил я.

— Ничего подобного здесь еще не было. Идем скорей!

Чем дальше мы шли, тем сильнее становилась вибрация. Сначала она была чуть заметной, но со временем приобрела устрашающий характер. Толчки повторялись ритмично через равные интервалы и подозрительно что-то напоминали.

Внезапный толчок так сильно всколыхнул мозговую почву, что мы с 16Ч зашатались и, чтобы устоять на ногах, были вынуждены схватиться за стену.



— Что здесь происходит?! — воскликнул я. Меня тоже все это начало беспокоить.

— Не знаю.

Новый толчок. Еще сильнее.

Рефлексы и мысли-привычки суматошно заметались по коридорам, очевидно не зная, что делать. Они возбужденно гудели и взвизгивали, натыкаясь друг на друга. 16Ч остановила пролетавший мимо темно-серый куб. Они пошептались какое-то время тем способом, который был для меня недоступен, то есть телепатически. Немного погудев, глядя друг другу в глаза, они расстались, и кубик полетел дальше.

— Что? Что он тебе сказал? — набросился я на 16Ч.

— Мозг просыпается, — ответила она.

Бу-буммс!

Время не ждет. Мне казалось нечестным покидать голову в такой ответственный момент, но мы уже добрались до озерца ушной серы.

— Иди, — махнула рукой 16Ч. — За нас не переживай. Мы справимся. Большой голове уже давно нужна была хорошая встряска.

Мы вырвали несколько самых толстых волосков, связали их вместе (вообще-то связывать волоски непростое занятие, но ведь я прошел обучение на корабле у карликовых пиратов) и сделали на конце петлю. Эту петлю я забросил на бородавку, росшую на противоположном берегу озерца. 16Ч взяла в руки конец импровизированного каната и изо всех сил натянула его, а я, обхватив его всеми четырьмя лапами, потихоньку пополз вперед над озером ушной серы. Вскоре я уже стоял на другом берегу. Без 16Ч мне бы снова пришлось нелегко.

Мы помахали друг другу, и она, с картой под мышкой,

побрела обратно вглубь уха.

Это была самая лучшая из известных мне плохих идей.

Бу-буммс!

Я выбрался из уха наружу. Был полдень. Солнце стояло в зените, изливая сияющий свет на Замонию. В поле зрения не наблюдалось ни одной гигантской блохи. Вдалеке виднелся Атлантис — бескрайнее море домов, купающихся в лучах полуденного солнца. Наконец-то! Осталось только спуститься с головы вниз.

Бу-буммс!

Почему этот звук кажется мне таким знакомым?

Бу-буммс!

В нос мне ударил знакомый запах. Пахло опасностью.

БУ-БУММС!!!

Большая голова вздрагивала при каждом новом звуке. Новый толчок. Я закачался, не удержался на ногах и сел на шерсть боллога.

БУ-БУММС!!!!!

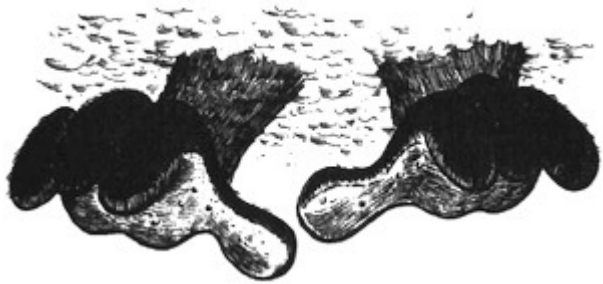
Меня вдруг осенило, что это за звук. Так могли звучать только шаги боллога. Доисторический исполин вернулся назад, чтобы забрать свою голову.

Только бы боллог не успел нахлобучить ее, прежде чем я окажусь на земле!

Судя по звуку, он был уже совсем близко, надо было поторапливаться. Я собрал все свои силы и устремился вниз.

Я быстро скользил по шерсти. Толчки вдруг прекратились. Дурной знак, — похоже, боллог был уже на месте.

Тут черная тень заслонила от меня небо, и я впервые в жизни увидел живого первобытного боллога. Ростом он был, наверное, не меньше ста километров. Его мощный торс терялся за облаками. А плечи скорее всего врезались в космическое пространство. А потом величайший гигант Замонии наклонился над своей давным-давно потерянной головой, собираясь водрузить ее на прежнее место.



Я изо всех сил работал лапами, прокладывая дорогу вниз. Иногда я просто скатывался по шерсти, перехватывая то один, то другой волосок, как обезьяна лианы. Это было не очень сложно, ведь спуск шел не совсем вертикально, и все же довольно опасно. Стоило только раз промахнуться, и я бы летел вверх тормашками без страховки до самой земли, а до нее оставались еще километры.

Тем временем небо разверзлось над моей головой, и из него показались две гигантские лапы. Огромные, словно острова, черные и покрытые бесчисленными мозолями. От запаха, исходившего от великана, мне стало дурно. Веками не мытая шерсть — многие сотни квадратных километров, — вы представить себе не можете, как она пахла, и я не хочу здесь об этом даже писать, достаточно будет сказать, что я практически потерял сознание. Всего на какую-то долю секунды разум мой отключился, но и этого оказалось достаточно, чтобы я разжал пальцы, выпустил из лап волос боллога и с бешеной скоростью покатился на спине вниз.

Вниз. Боллог уже почти коснулся своей головы. Мне оставался примерно один километр. Гора у подножия становилась все более пологой и менее опасной, но зато и катился я теперь значительно медленнее.

Вот боллог оторвал голову от песка. Шерсть всколыхнулась, меня бросило вперед, я несколько раз перекувырнулся через голову и заскользил дальше, но уже на животе. Мне осталось всего несколько метров до земли.

И на этот раз беспримерная медлительность великана спасла мне жизнь. Боллоги вообще очень медлительные, но боллоги-великаны медлительнее во сто крат. У самой земли я вскочил на ноги и побежал бегом по волосам. Наконец подо мной оказалась твердая почва. Обессиленный, я рухнул на колени.

Потом еще некоторое время полз на четвереньках, прежде чем мне удалось прийти в себя и встать во весь рост. Наверху

разыгрывалась захватывающая сцена — боллог-великан водружал на плечи свою громадную голову.

Когда циклопу-великану это удалось, он для верности еще и повернул ее — сначала влево, потом вправо. Послышался кошмарный хруст позвонков, громом раскатившийся над всей Замонией. Голова прочно села на место. Боллог осмотрелся своим единственным циклопическим глазом, впервые за тысячи лет. Я молил Бога, чтобы великан не решил идти в ту сторону, где лежал город Атлантис. Однако он развернулся и направился к югу, туда, где располагался Замонианский залив. Может, надумал искупаться.

Я бы тоже не отказался.

12. Моя жизнь в Атлантисе

Уже издали я слышал шум, характерный только для больших городов, состоящий из тысячи звуков одновременно: хор из множества голосов обитателей города и домашней живности, звон колоколов и разменной монеты, детский смех и стук молотков, бряцание посуды и хлопанье сотен дверей, плач новорожденных и предсмертные стоны умирающих — грандиозная смесь, означавшая самое жизнь.

Я двигался к городу, словно меня тянули туда на аркане. Сначала медленно и нерешительно, потом все быстрее и быстрее и в конце концов резвым галопом. Атлантис притягивал меня как магнитом; чем явственнее становились звуки, тем сильнее жгло меня любопытство, желание узнать, что или кто их производит.

И вот я, затаив дыхание, остановился у городских ворот (о том, что их в городе было несколько, я узнал позже). Передо мной возвышались две черные мраморные колонны высотой не менее двадцати метров, служившие опорами для гигантской вывески:

АТЛАНТИС

ГОРОД С БУДУЩИМ

Почти все пространство ворот загораживала впечатляющая фигура некоего упитанного существа, которое было раза в три

выше меня ростом и настолько же более косматым, с огромной пастью, полной острых зубов, и маленькими неподвижными красными глазками-бусинками. В лапах оно держало неопределенного вида предмет, который, при наличии некоторой доли фантазии, можно было принять за что угодно, а на голове у него красовалась военного вида фуражка из дутого стекла. Тогда я еще не знал, что это был представитель городской стражи, полицейского подразделения, на службу в которое принимались исключительно йети. Йети смерил меня неприветливым взглядом и постучал подобием полицейской дубинки по фуражке, на что та отозвалась стеклянным звоном: дзинь-дзинь.

— Советую говорить правду, только правду, и ничего кроме правды. Отвечай, кто ты есть. Человек? Или, может быть, состоишь с человеком в прямом родстве, дружбе или каких-либо других близких отношениях, например финансового или романтического характера?

— Нет, — ответил я. — Я синий медведь.

— Сам вижу. Не дурак. Я задаю эти вопросы всем, кто приходит в Атлантис. Это моя работа. Добро пожаловать в город с будущим! Видишь грифа на вершине минарета?

Он поднял лапу и указал назад, где возвышалась стрела минарета. На парапете сидел огромный гриф.

— Да, — сказал я.

— Это настоящий гриф. Понимаешь, что это значит?

— Нет.

— Это значит, что он настоящий гриф.

Он смерил меня долгим непроницаемым взглядом. Потом кивнул — проходи. В тот момент, когда я, понурив голову, скользнул в ворота, земля вдруг задрожала. Я ощутил под ногами вибрацию, покачнулся, йети тоже схватился лапой за столб. Потом все снова стихло.

— Землетрясение. Ничего страшного. Это бывает. Добро пожаловать в Атлантис!

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

АТЛАНТИС. Атлантис является столицей континента Замония и относится к категории городов-мегаполиов (свыше 100 миллионов жителей). Территориально и

административно Атлантис разделен на пять районов, каждый из которых представляет собой отдельное королевство. Это Налтатис, Ситналта, Титаланс, Татиланс и…

Спасибо, это мы уже знаем. В то время, когда я впервые попал в город, Атлантис представлял собой главный центр обитания нечеловеческих и получеловеческих форм жизни. В соответствии с замонианским «Уложением о порядке наследования» люди были навсегда изгнаны из города, и произошло это следующим образом.

Когда-то население Атлантиса на одну треть состояло из людей. Так было до тех пор, пока между ними и натифтофами не возник спор по поводу преимущественного права на выдвижение своих кандидатов на пост губернатора, который в то время обладал практически безграничной властью над всем континентом. Клан натифтофов долгое время удерживал губернаторство в своих руках, передавая его по наследству от отца к сыну, что в результате привело к недовольству среди людей. Они назвали такой метод передачи власти кумовством и потребовали свободных, демократических выборов. Закончилось дело серьезными стычками, сначала словесными, а затем и рукопашными.

«Уложение о порядке наследования». Во время одной из таких массовых потасовок, завершившей дискуссию между натифтофскими и человеческими политиками в верховной ратуше, одного из натифтофов случайно вытолкнули в окно, в результате чего он сломал одно ухо (у натифтофов, кстати, весьма сложное строение костного каркаса ушей).

Используя тонкую дипломатию, натифтофы быстренько заключили альянс со всеми остальными нечеловеческими или получеловеческими формами и преимущественным большинством протащили в местных органах власти закон о так называемом локальном запрете на проживание в Атлантисе людей. Люди, обидевшись, эмигрировали на другие континенты и — просто из вредности — основали там великие города, такие как Рим, Константинополь и Лондон, где они, в свою очередь, установили локальный запрет на проживание любых нечеловеческих или получеловеческих форм жизни, особенно натифтофов.

Участь людей. Так возникло строгое политическое деление

на людей, нелюдей и полулюдей, сохранившееся по сей день. Именно по этой причине гномы, демоны, тролли и ведьмы в местах, населенных людьми, вынуждены вести теневое существование. Та же участь постигла и немногих людей, вопреки запрету оставшихся все же в Замонии. Им пришлось покинуть Атлантис и уйти от него как можно дальше, например в пустыню, как тем, которых я встретил в торнадо.

Натифтофы. Теперь Атлантис по большей части был населен натифтофами, существами не слишком приятными, выходцами из холодной Норвегии или, может быть, даже из Исландии. Говорят, чтобы добраться до Атлантиса, они тайно цеплялись за корабли викингов и плыли так многие тысячи миль, — факт, свидетельствующий, по крайней мере, о нечеловеческом упорстве этих существ.

Внешне натифтофы похожи на лосей с человеческим туловищем и длинными, торчащими в разные стороны, очень чувствительными ушами. Трудно сказать, что сделало натифтофов тонкими политиками, — возможно, именно чуткость их слуха. Натифтоф знает, что ветер переменится, задолго до того, как ветер сам решит сменить направление, — говорят жители Атлантиса.

Клуды, зайцеухие, фосегримы и другие обитатели Атлантиса. Еще в Атлантисе жили флоринтские клуды, большие, покрытые темным мехом крылатые существа, несимпатичные с виду, но вполне сносные в общении собакоподобные летучие мыши, а также черные гномики, граландские зайцеухие ведьмы, северозамонианские добряки, южнозамонианские киямантары, фосегримы, чьи предки населяли Гренландию, огненные человечки, выходцы из региона заливных

лугов, и целые стаи вечно щебечущих и суетящихся гарпиров, уроженцев Саксонии.

Вообще большинство жителей Атлантиса прибыли сюда с других континентов. Были здесь, например, итальянские земляные куры, очень редкая помесь человека и птицы, с виду обыкновенные пернатые, но с глубоким, низким человеческим голосом, которым они имели обыкновение предвещать беду.

Под многочисленными мостами города жили гельголандские энербански — маленькие, пугливые, добродушные человечки, которые по ночам, даже если их никто не просил, потихоньку выносили из домов мусор. Также поблизости от воды устраивали свои жилища из металлолома разные дикие существа непонятного происхождения: полулюди, полумыши, полукозы, полунасекомые, державшиеся подчеркнуто особняком, против чего никто в городе не возражал.

Унки и зельцы. На улицах и площадях сидели португальские унки, поющие свои заунывные песни о несчастной любви и прочих напастях, а кошмарного вида зельцы (сверху — взъерошенные медведи с огромными, торчащими изо рта клыками, а от пояса книзу — настоящие люди, только очень худые, с иссиня-красной кожей и невероятно большим размером ноги, что-то около пятидесятого) клянчили у прохожих мелочь. А еще зельцы встречались везде, где требовалась грубая физическая сила.

Добраньские быки. Замонианские добраньские быки пользовались в городе большим уважением, их даже немного побаивались, поскольку они любили устраивать публичные разборки и обламывать друг другу рога. Их предки однажды явились в город из южной провинции и были похожи на обычных быков, с той лишь разницей, что ходили на двух ногах. Атлантис не знал лучших охранников и вышибал.

Самласамы. Самласамы промышляли тем, что лепили прямо на улицах пирожки, выпекали их тут же на открытом огне и продавали по такой смехотворной цене, что это блюдо вскоре стало основным продуктом питания всех горожан. Самласамы были маленькие, кругленькие, с головы до ног покрытые густой шерстью. Они являлись коренными жителями Замонии и, как гласила древняя легенда, когда-то вышли из смертоносных топей торфяных болот близ Рясины.

Демоны-рикши. Транспортировкой пассажиров заведовали китайские демоны-рикши, чудовищно безобразные существа с еще более чудовищно развитыми мышцами ног. Они просто сажали клиента себе на плечи — не важно, какого он был веса! — и летели вперед со скоростью ветра.

Тростниковые человечки. Африканские тутусы были тростниковыми человечками, ростом не выше трехлетнего ребенка, но очень быстрые, сильные и на редкость скандальные. А вот индийские друиды, напротив, были очень мирные и неторопливые, хотя и не вполне безопасные, поскольку могли превратить в дерево или дверную ручку любого, кто недостаточно уважительно отзывался о их родине.

Дервиши. Довольно навязчивыми, но вполне безобидными были среднеиндийские дервиши, которые, естественно, всегда ходили втроем и без конца цитировали свои глуповатые

памфлеты.

Полуденные привидения. Полуденные привидения прибыли с Ближнего Востока и предпочитали вершить всяческие безобразия в разгар белого дня. Правда, это мало кого впечатляло, ведь повстречать привидение днем совсем не страшно, не то что ночью, — при ярком свете эффект уже не тот. Но и полуденных привидений это ничуть не смущало, они упорно продолжали проказить, даже когда вы, не обращая внимания на них, хладнокровно поглощали обед.

Драконники. Самыми милыми из всех обитателей города были, пожалуй, дракончики, крошечные мини-драконы из семейства кобольдов, добродушные домовые, ласковые и привязчивые. Их родство с настоящими огнедышащими драконами можно было заподозрить разве что темной ночью. Как дельфина нельзя назвать рыбой, так и у дракончиков нет ничего общего с большими драконами, это просто… ну, в общем, нечто совсем другое. Считалось даже, что дракончики приносят счастье в дом, конечно, только если с ними хорошо обращаться, что в первую очередь предполагает обильную и вкусную еду. Правда, взаимоотношения с этими дарителями счастья в большинстве случаев были чистой воды лотереей: можно было всю свою жизнь кормить и баловать какого-нибудь дракончика — и в результате остаться ни с чем, а порой стоило только пригласить это существо на обед, и на следующий день глядь — у дверей стояло целое ведро золотых монет. Дракошки вообще были чудаковаты — могли, например, ненадолго превратиться в бездомного тощего пса, особенно часто это случалось по выходным.

Ядовитые черви. Самую нижнюю ступень замонианской социальной лестницы по праву занимали ядовитые черви. Обитавшие первоначально в южнозамонианских горах, они так и не смогли приспособиться к условиям мегаполиса и вызывали у остальных жителей стойкое отвращение своими подобострастными, пресмыкающимися манерами. Зельцы, однако же, часто брали червей к себе на службу в качестве домашних животных, потому что тех можно было послать, например, утром на улицу за газетой.

Грифы. Грифы, дивной красоты создания, гибрид льва и орла с гигантскими черными крыльями, были в городе чем-то вроде неофициальных стражей порядка, и, надо признать, только благодаря им в огромном, неуправляемом хаосе мегаполиса

царили относительные мир и покой. Их все уважали, не столько за уникальные физические способности, сколько за соломонову мудрость и честное спортивное поведение. Словно гранитные изваяния, они целыми днями неподвижно сидели на крышах высотных домов, на вершинах минаретов и пирамид, скользя пристальным взглядом по оживленным улицам. Кому хотя бы раз в жизни довелось стать свидетелем прибытия грифа на свой пост, тот знал, почему все испытывают такое почтение к этим удивительным созданиям. Крылья грифа во время посадки поднимают оглушительный шум и шквальный ветер, не хуже пропеллера вертолета, и, стоит только его когтям коснуться земли, он разевает пасть и издает такой оглушительный львиный рев, что каждый в ужасе застывает на месте, чем бы он до этого ни занимался.

Гаргирры. А помогали грифам гаргирры, крылатые гномы, — существа удивительно разнообразной наружности, ведь различные расы гаргирров прибыли в Атлантис из всевозможных точек нашей планеты и потом в течение многих веков перемешивались друг с другом.

Встречались, например, невысокие сгорбленные экземпляры с почти человеческими лицами, у некоторых были тела динозавров и драконьи головы, иные имели утиные ноги и лица гномов, но у всех обязательно за спиной росли небольшие крылья. Эти существа заменяли грифов в случае простых и будничных происшествий — при авариях, мелких кражах, нарушении ночного спокойствия, когда грандиозное явление грифа было излишне. Их не слишком приветливый внешний вид и суровая манера общения способствовали тому, что в Атлантисе практически не было криминала. В некоторых городах на фасадах церквей и высотных домов до сих пор сохранились скульптурные изображения гаргирров. Их создали скульпторы, некогда жившие в Атлантисе.

Удоды. У удодов тоже имелись крылья, но их никто не боялся. Напротив, за ними ходили толпами, поскольку считалось, что перья удодов приносят удачу в любви. Бедняги чувствовали себя в безопасности только под защитой грифов. Поэтому рядом с грифами не только кружили стаи гаргирров, но и жались друг к дружке на карнизах взъерошенные удоды.

Длинноногие берты. Длинноногие берты представляли собой нечто среднее между уткой и русалкой, то есть в верхней части тела эти существа являли собой обыкновенную женщину, правда с огромным утиным клювом вместо носа, а в нижней — настоящую утку, только с длинными женскими ногами вместо утиных лап. Они были совершенно безвредные, эти берты, хотя имели обыкновение провожать каждого встречного тирадой самых грязных ругательств. Так, громко крякая, они без устали путешествовали по городу, каждая сама по себе, но, к великой радости окружающих, никто не понимал их языка. Когда же случайно встречались две берты, непременно разражался грандиозный скандал. И если это происходило ночью, весь район на три километра вокруг лишался сна.

Драконы. Конечно, жили здесь и драконы, больше 500 особей на весь Атлантис, но их никто не видел, поскольку все они обитали под землей (об этой части города позднее я расскажу подробнее). Являясь представителями семейства чешуйчатокожих червей, все драконы страдали гипертонией и поэтому с удовольствием прятались в прохладных и влажных местах, где их никто не тревожил. Что еще рассказать о драконах? Да, они и

вправду могли выдыхать огонь. Нет, они не похищали молодых девушек. Да, они разговаривали человеческими голосами (во всяком случае, тот экземпляр, который видел я). И да, да, они могли быть очень, очень и очень злыми, особенно когда попадешь им под горячую руку.

Сиамские гномы. Сиамские гномы встречались повсюду. Они разгуливали по улицам, споря сами с собой. Это были самые несчастные из всех существующих видов сиамских близнецов. Они состояли из говорящей головы и говорящего живота, которые никогда не могли согласиться друг с другом, о чем бы ни зашла речь.

Ночные кошмары. Ночные кошмары были самыми вредными и нелюбимыми существами во всем Атлантисе, они причислялись к семейству трудноперенос имых духов супертяжелого веса. За спиной у ночных кошмаров росли перепончатые, как у летучих мышей, крылья, поэтому они по ночам легко залетали в открытые окна и садились ничего не подозревающим спящим жертвам на грудь, отчего те начинали видеть кошмарные сны. Признав ночные кошмары вредными и социально опасными элементами, натифтофы, с молчаливого согласия грифов, объявили их вне закона, отчего кошмары стали еще более тщательно прятаться, устраивая жилища в укромных уголках, каких в Атлантисе всегда было предостаточно. Поговаривали даже, что они нашли потайные двери в лабиринты больших пирамид, устроились там как нельзя лучше и в ус не дуют.

Тупоголовые. А вот самыми предприимчивыми были, несомненно, тупоголовые, очень талантливые мастеровые из семейства кобольдов, выпиливавшие лобзиком из дерева звезды-амулеты, спрос на которые в городе был невероятно велик. Правильно изготовленные звезды-амулеты считались в Атлантисе единственным верным средством против ночных кошмаров, а делать такие умели только тупоголовые. В каждом доме висела по крайней мере одна такая звезда, и все же ночные кошмары появлялись то тут, то там снова и снова, отчего поползли не лишенные основания слухи, будто тупоголовые не только время от времени выполняют свою работу спустя рукава, но и, возможно даже, состоят в преступном сговоре с этими ночными бандитами.

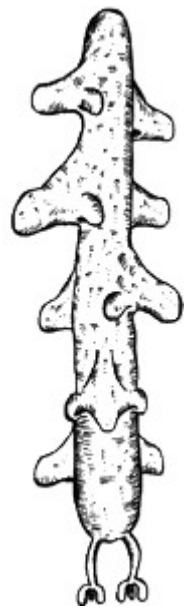
Вампиры. Вампиры — это вообще тема в себе! Атлантис ими просто кишмя кишел, только никак нельзя мешать их всех в одну кучу. Начнем хотя бы с того, что далеко не все они, а лишь немногие действительно питались кровью. Вот эти вампиры были и в самом деле крайне несимпатичными существами, они обитали в развалинах старых итальянских церквей, куда после захода солнца не совала нос ни одна разумная живая душа. Вопреки существующему сегодня мнению, кровососущие вампиры с виду напоминали больших черных кошек с павианьими мордами и маленькими перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями. Кроме того, все они, что бы ни гласили легенды, прекрасно могли обходиться обычной пищей, а вовсе не были вынуждены питаться одной лишь кровью, — естественно, при условии, что держали себя в руках.

Был еще один вид кровососущих вампиров, которые добывали себе кровь легальным путем. Они покупали ее в многочисленных донорских пунктах. К таким вампирам относились, к примеру, дверроги (кроликоподобные существа с большими зубами и хорошими манерами), двуличные яхольские кровососы (толстые демоны гор, у которых действительно было два лица) и трансильванские вервольфы, унаследовавшие кровожадность своих предков.

Носопыры. Все остальные вампиры были вполне безобидные и подразделялись на три основные группы: вампиры запаха, вампиры чувства и вампиры звука. Вампиры запаха представляли собой очень тонкую, длиной около полутора метров, штангу, состоящую почти из одних лишь носов, которых могло быть до пятидесяти штук. Их звали носопырами. Они питались запахами, исходящими от других существ. Звучит, конечно, не очень

приятно, зато, подумайте сами, какая от этого может быть польза. Представьте себе, что кто-то после занятий спортом весь пропах по́том, а носопыр подходит к нему, тянет воздух всеми своими ноздрями, и запаха как не бывало.

Были среди носопыр и менее симпатичные представители, с четырьмя носами на восьми тоненьких ножках. Они специализировались исключительно на неприятных запахах и снискали всеобщую нелюбовь за то, что по ночам прокрадывались в спальни, охотясь за неприятным запахом изо рта. Само собой, никому не понравится, проснувшись, обнаружить у себя на лице сопящее от удовольствия носатое существо.



Трёполовки. Еще более безобидным был другой вид вампиров, приносящих не меньше общественно-социальной пользы. Свое название они получили за то, что питались чужой болтовней, или попросту трёпом. Ростом они были не больше обычной таксы, зато имели такие уши, которым позавидовали бы даже слоны. Эти существа целыми днями торчали на улице, где, устроившись поудобнее, подслушивали чужие сплетни. Выглядело это очень забавно.

Услышанные звуки трёполовки хранили в памяти месяцами и, пока не завершался процесс переваривания, могли безошибочно воспроизводить чужие слова, что делало их незаменимыми бродячими носителями новостей и рекламы, а также очень ценными свидетелями в уличных спорах. Их можно было немного подразнить, раскрывая понарошку рот и не

произнося при этом ни слова. Тогда они вскакивали с места и начинали вертеться волчком, стараясь поймать непослушные, ускользающие звуки.

Пиксы. Пиксы, или же эльфы, не пользовались в Атлантисе особой любовью и были совсем не такими тихими и невинными, какими изображают их сегодняшние легенды. Они походили скорее на очень вредных, назойливых насекомых — представьте себе осу с невероятно высоким уровнем интеллекта. А еще они, словно мухи на мед, летели на сладкое, так что невозможно было полакомиться пирожным, не поделившись им по крайней мере с одним эльфом. Прихлопнуть пикса никто не решался, поскольку это якобы не только приносило несчастье, но и могло повлечь за собой гибель всего Атлантиса. Этот слух уже давно стал частью традиционного наследия города, так что никто не мог сказать, откуда он взялся, хотя я подозреваю, что выдумали его сами же эльфы и умело распространили потом среди жителей города. Хитрющие бестии, что тут скажешь!

Клыкорыллы. Клыкорыллы — о да! — те были и впрямь совершенно невыносимыми существами. Рыллы, эти демоны леса, жили в зарослях, обрамлявших окраины города, и, в общем-то, там бы им было и место, но время от времени они подвыпившими компаниями заявлялись в Атлантис, а йети у городских ворот ничего не могли с этим поделать, ведь в городе не существовало прямого запрета на пребывание рыллов.

Натифтофы многие годы работали над проектом закона, но каждый раз натыкались на непреодолимое препятствие — свое дальнее родство с рыллами. Те и вправду были немного похожи

на натифтофов, за исключением роста и небольших, прижатых, как у людей, ушей.

Даже среди обитателей Атлантиса клыкорыллы выглядели очень большими — их рост достигал десяти метров и выше. Они всегда и везде появлялись гурьбой, по сто пятьдесят — двести особей вместе, разрушительный потенциал которых приравнивался к одному среднему боллогу. Стоило только клыкорыллам заявиться в Атлантис, все ожидали грандиозных побоищ. Чаще всего они приставали к зельцам, которых почему-то особенно не любили, но иногда из озорства цеплялись и к несчастным туту, от которых никто ни разу не слышал дурного слова. Обычно требовалось не менее дюжины грифов, чтобы восстановить спокойствие и мирно выпроводить злостных нарушителей за городские ворота.

Дальнезамонианцы. Зато дальнезамонианцы были полной противоположностью клыкорыллов — удивительно обаятельные, чувствительно-романтичные, добродушные существа, расточающие комплименты направо и налево. Иногда за глаза их еще называли подхалимами, потому что они всегда и везде старались всех хвалить, ежеминутно льстиво превознося чужую внешность или работу, восторгаясь всеми подряд, — и все это совершенно бескорыстно. Если кто-то из жителей города обнаруживал в себе комплекс неполноценности, он сразу же отправлялся в пивную, в компанию дальнезамонианцев, и к концу вечера уходил домой довольный, с гарантированной манией величия.

Дальнезамонианцы прибыли в Атлантис из Дальней Замонии, части материка, расположенной на юго-западной оконечности континента и отделенной от него длинной глубокой трещиной. По старой замонианской легенде, Один, бог, не умевший ценить подлинную красоту души в самых тонких ее проявлениях, как-то раз, пресытившись добродушием дальнезамонианцев, взял гигантский топор и отсек их страну от остального континента. Но скорее всего это был просто античный канал, построенный для замонианцев венецианскими человечками.

Мандрагоры. Жили в городе и мандрагоры, человекоподобные растения из семейства пасленовых, занесенные сюда из Греции. Руки и ноги у этих существ отсутствовали, вместо них были корни, которыми те цеплялись за все вокруг. В общем-то, это было основное их занятие, ничего другого они попросту не умели. Они только недоумевали, почему им за это не платят, ведь на родине их усилия щедро вознаграждались, потому как считалось, что паслен приносит удачу.

Быстрые менады. Родом из Греции были и поклонявшиеся богу Дионису быстрые менады, по характеру совсем не похожие на своих земляков. Они любили, нарядившись в шкуры животных, пуститься в пляс и исполняли свои дикие танцы до тех пор, пока не валились с ног от усталости. У них были женские головы с кошачьими лицами, и за ними повсюду гуртом ходили сатиры, искусные музыканты и отчаянные выпивохи с лицами прекрасных юношей и козлиными ногами. А вот венецианские человечки прибыли из Тосканы. Трудолюбивые и звонкоголосые, они были все же слишком вспыльчивыми и мстительными, охочими до всякого рода распрей и ссор.

Свинтусы. Тот, кого привлекали интеллектуальные беседы, отправлялся в компанию свинтусов. Это были очень худенькие, философски настроенные, аскетичные существа полусвинской породы, питавшиеся исключительно чаем, постной кашей и философскими разговорами. Встретив в кофейне Атлантиса парочку свинтусов, можно было не сомневаться, что тут же окажешься в центре заумных дебатов. Не успеешь опомниться, как они разобьют тебя в пух и прах, начисто лишив почвы под ногами и стула, на котором сидишь. Стоит только о чем-то подумать, свинтус уже, готово дело, выдвигает контраргумент. С этой братией приходилось держать ухо востро, ведь свое мнение они отстаивали вплоть до дуэли, а в городе не было равных им

фехтовальщиков.

Мидгардские змеи и тверпы. Порой по улице проползала пестрая мидгардская змея, длиной не меньше товарного состава с десятью дополнительными вагонами, но безобидная, как мотылек. За ней с ведрами в руках спешили шумные толпы тверпов, собиравших с земли остатки слизи, из которой они потом варили эликсир долголетия. Только действие этого чудодейственного отвара никому еще не удалось опробовать на себе, поскольку тверпы сами его выпивали, а они так и так жили по сто лет.

Ваалские червячки. Ваалские червячки вовсе не были червячками, они даже не были червяками, это были настоящие великаны с бородавчатым телом, бычьими головами и тремя сильными, мускулистыми ногами. Никто не знал, почему они так назывались, ведь они не имели ни малейшего сходства с червяками и происходили не из Ваала, а с острова Пасхи. В общем и целом вели они себя вполне пристойно, но имели странную привычку зарываться по пояс в мягкий песок и бубнить затем себе под нос какие-то непонятные молитвы.

Невозможно перечислить и описать здесь все виды живых существ, населявших Атлантис. Среди многочисленных подвидов и групп необходимо упомянуть еще, пожалуй, датских пуховичков, маленьких недоделанных человечков из Новой Зеландии, ледоедов из Антарктики, бонсайщиков из Японии, божьих овечек, мелузинов, гхорков, забывчивых мусликов, братоубийц, веселых висельников, живоглотов, норнов, лемуров, гаянов, камнезубов, плугорогов, лилипутов, дровосеков, клопиков, собакоголовов, зерножоров, щелочных человечков, райских червячков, буфаров, вольтерков, громил, полумумий, претценов, вольтигорков, сероводов, шлемоносцев, дикорогов, пегасов, овощефруктов, цантальфигоров, водных джиннов, пигмейчиков, халухатциков, топрясников, снежных фей, лесовиков, кикимор и целую армию не поддающихся никакой классификации мелких групп и уникальных видов. В Атлантис

пускали даже боллогов, но только не выше пятидесяти метров ростом и с головой.

Синий медведь здесь ни у кого не вызвал удивления.

Люди-невидимки. Ах да, справедливости ради нужно сказать еще об одной группе. Жили в Атлантисе и так называемые люди-невидимки, изгои общества, радикальные аутсайдеры, прячущиеся в катакомбах уже давно не действующей старой канализации. Днем их нельзя было повстречать на улицах, и только ночью (и то очень редко) они выползали из своих нор на свежий воздух, чтобы обстряпать какие-то свои темные делишки, ради которых единственно и сохраняли еще контакт с внешним миром.

Ходили даже слухи, будто те, что выходят ночью на поверхность, уже не люди-невидимки, а помогающие им мутанты. Настоящие люди-невидимки были на самом деле невидимые и обитали в потустороннем мире. Во всяком случае, так говорили родители своим непослушным детям, добавляя испуганным шепотом, что люди-невидимки приходят ночью в дом и похищают самых капризных и невоспитанных детей.

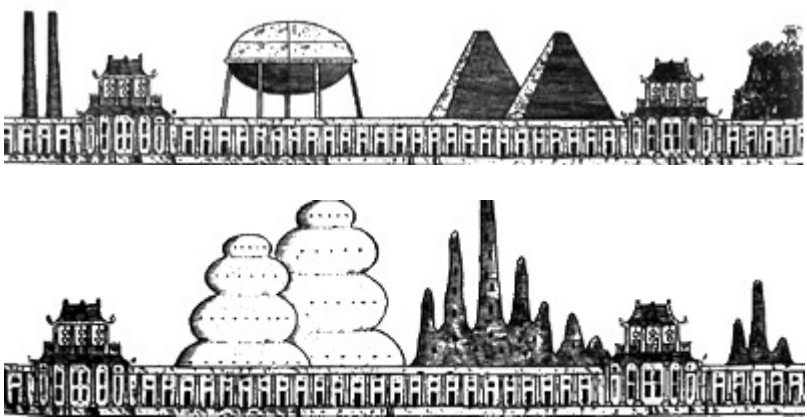
Жители катакомб были в Атлантисе чем-то вроде священных коров. Они не играли ровным счетом никакой роли в общественной жизни, и тем не менее городское население испытывало к ним определенное уважение, отчасти из страха, отчасти из суеверия и предрассудков, но, как бы то ни было, в городе на протяжении многих лет свято хранилась традиция: остатки еды, ненужные вещи и другие дары — одним словом, гуманитарные пожертвования — бросать в люки старой канализационной системы для тех, кто жил там, под землей, в темноте. Из глубины доносились шелестящие звуки, и дары исчезали.

По этой самой причине в Атлантисе не было бедняков, нищих и попрошаек, во всяком случае видимых. Кто не мог поладить с обществом на поверхности, уходил в подземелье, и больше его никто не видел.

Архитектура Атлантиса. В городе имелись все возможные и невозможные архитектурные формы, какие только может себе

представить житель Земли. Каждая цивилизация, дошедшая до постройки кораблей, рано или поздно переплывала океан и достигала Атлантиса. Все они оставили в городе свои архитектурные следы.

Выходцы из Египта, морские пираты, много лет назад возвели в Атлантисе — как это было принято раньше у них на родине — огромные каменные пирамиды, вход в которые к тому моменту, когда я прибыл в город, все еще не был найден. Говорили, что эти строения-лабиринты населяют души умерших, ведущие там обычную загробную жизнь. Эти жуткие слухи не мешали, правда, жителям города в погожие воскресные дни устраивать на поросших густой травой и вьющимися растениями террасах пирамид пикники. Только ночью, когда изнутри доносились стоны, стук и удивительный колокольный звон, от пирамид предпочитали держаться подальше.



Арабы выстроили минареты, окруженные целыми кварталами узеньких извилистых улочек с белыми приземистыми домиками. Им же принадлежали те части города, где раскинулись огромные полотняные шатры. Итальянцы создавали высокие, щедро украшенные снаружи соборы и роскошные гигантские статуи, а для жилья предпочитали обшарпанные домишки в узких переулках, где на натянутых поперек веревках вечно сушилось белье. Любили итальянцы селиться и в руинах, для чего разрушали часть своих великолепных построек и ждали, пока развалины порастут диким виноградом, плющом и всевозможными сорняками. Особенно интересно было наблюдать эти архитектурные формы, когда над ними уже потрудилось время и они превратились, так сказать, в руины руин, самую древнюю из всех возможных архитектурных древностей.

Нормандские гномы использовали любое свободное от домов

пространство, чтобы вымостить на нем лунным камнем площадь и устроить на ней базар с лавками по периметру, где они варили самый крепкий в Атлантисе кофе, такой, что с непривычки потом очень долго стучало в висках. Ночью на площадь пробирались враждующие с гномами скандинавские тролли и, выковыряв из мостовой кирпичики, складывали из них причудливые фигуры. Для жителей Атлантиса навсегда осталось загадкой, откуда столько разрушительной силы в этих крошечных и с виду таких безобидных существах.

Самые примитивные с виду, но все же внушающие уважение своими гигантскими размерами строения создали австралийские термитоподобные человечки.

Их муравейники достигали невиданных размеров, многие башни уходили в небо на несколько километров. Термитоподобные человечки — снизу до пояса обычные люди, а от пояса до головы термиты — пользовались в городе большим уважением за свое трудолюбие. Они следили за чистотой и порядком, собирая на улицах мусор, который потом использовали в качестве строительного материала, так что их муравейники представляли собой не что иное, как обыкновенные свалки, которые с каждым днем становились все выше.

Термитоподобные человечки обладали невероятной силой. Каждый из них мог поднять вес, в сотни раз превышающий свой собственный. А вот с интеллектом у них было туговато. Говорить с ними можно было разве что об уборке мусора, да и то изъясняясь с помощью жестов, для чего на голове требовалось иметь два усика (можно было, правда, обойтись и без них, просто приставив к голове с двух сторон сжатые кулаки с вытянутыми вперед указательными пальцами, только зачем, если говорить все равно не о чем).

Выходцами из Индии были возведены не только большинство храмов города, но и множество уличных рисовых кафе, которые держали полуслоны. Полуслоны выглядели почти как обычные люди, только у них были голубые слоновьи головы и шесть рук, поэтому они очень быстро обслуживали посетителей, быстрее даже, чем гаяны (хотя готовили те намного вкуснее). Используя хобот в качестве дополнительной руки, полуслоны умудрялись одновременно солить суп, переворачивать блинчики на сковородке, сервировать блюдо на тарелке, чистить лук, перебирать рис, мыть посуду и отсчитывать сдачу. Блюда с соусом карри были замечательно вкусными, правда немного однообразными.

Бонсайщикам из Японии принадлежал самый маленький квартал города; по их, бонсайским понятиям, правда, огромная

территория — общей площадью около двадцати квадратных метров. Этот район с жителями ростом не более сантиметра был самой знаменитой достопримечательностью города и потому находился под особой защитой. Со всех сторон он был обнесен забором с колючей проволокой, любоваться бонсаями можно было только со стороны, и его день и ночь охраняло специализированное подразделение йети. От дождя район бонсайщиков защищала стеклянная крыша, ведь всего одна дождевая капля могла убить крохотного бонсайщика.

Сарацины возвели в городе высоченные крепости из песчаника с сотнями узеньких бойниц, которые служили теперь в основном в качестве хранилищ для вредных отходов. В них, как утверждали слухи, множились несметные полчища крысехвостых, о которых далее будет рассказано подробнее.

Были в Атлантисе и такие районы, строители которых уже давно бесследно исчезли, оставив после себя причудливые башни и манежи из материалов, ранее неизвестных на континенте, металлов и пластмасс невиданной прочности. Большинство из этих строений были созданы из одного материала, внешне напоминающего полированную медь, но намного более прочного и совсем не подверженного коррозии. Говорят, с тех пор прошли уже тысячи лет, а они все стояли, и ни ливневые дожди, ни падение метеоритов не смогли причинить им никакого вреда — ни единой царапинки на идеально ровной, зеркально блестящей поверхности. Окна у этих сооружений были выполнены из разноцветных гигантских кристаллов, которые преломляли дневной свет и, усиливая его, равномерно распределяли внутри. Пол и стены изготовлены из какой-то стеклоподобной смолы, светящейся в темноте зеленоватым светом и как будто даже пропускающей воздух. На площадях в районе этих построек возвышались гигантские статуи, раз в пять выше итальянских, изображавшие существ, не похожих ни на одного жителя Замонии или другого уголка нашей планеты. Выполнены они были из покрытого лаком дерева, которое по прочности и долголетию не уступало закаленной стали.

В некоторых из этих домов происходили странные вещи: вода, например, текла снизу вверх, да еще поговаривали, будто там водятся привидения. По ночам якобы мебель начинала разговаривать, если только можно назвать мебелью выпирающие из стен и пола разнообразные по форме предметы непонятного назначения. Даже самые отчаянные жители Атлантиса не решались заходить в эти дома, хотя у большинства двери стояли раскрытыми настежь. Ходили упорные слухи, передаваемые от одного к другому опасливым шепотом, что жилища эти некогда

принадлежали людям, но было это очень давно, в те времена, когда их еще не изгнали из города и они не ушли в подполье канализации.

Стоэтажные пагоды выдавали присутствие в городе выходцев из Китая. Тем по непонятной причине вдруг ударило в голову возвести в центре города Великую стену, только потом они ни с того ни с сего отказались от этой затеи, так что вместо Великой стены получилась маленькая стеночка, полметра высотой и около двадцати километров длиной, зияющая тут и там щербинами и сквозными дырами. Викинги оставили после себя сотни приземистых, длинных деревянных строений, населенных теперь по большей части болотными гномами. Вечный огонь кипятил у них в домах емкости с водой, наполняя помещение плотным, как вата, паром. Холодными зимними вечерами к ним приятно было прийти попотеть, а за небольшую плату тебя еще и парили веником из тростника, что, по утверждению гномов, приносило здоровью неоценимую пользу. Помня народную мудрость: «Там, где встретятся два голландца, вырастет теплица», нидерландцы застеклили целый квартал, и полевые ведьмы кельтского происхождения выращивали теперь там огромные томаты.

Транспорт. Венецианцы, мучимые ностальгией, изрыли весь город искусственными каналами, по которым гордо скользили теперь на своих степенных гондолах, исполняя берущие за душу романтические арии. Водным путем можно было добраться практически в любую точку города, при условии, конечно, наличия лодки и неплохого чувства ориентации в пространстве. Другими средствами транспорта были: подземные чудо-тачки, уже упомянутые демоны-рикши, прирученные мидгардские змеи, романтические, но очень медленные, запряженные улитками экипажи, множество всевозможных воздушных шаров и замонианская версия обыкновенного трамвая, приводимая в движение изобретенным Филинчиком муравьиным двигателем.

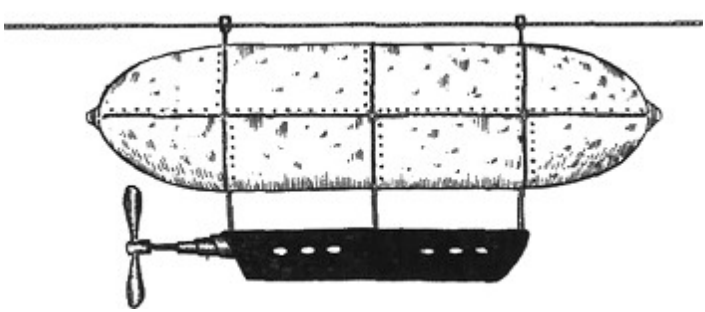
Чудо-тачки. Чудо-тачки представляли собой составы из десяти открытых вагонеток, которые двигались по разветвленной подземной сети узкоколейных железных дорог, устроенных по типу американских гор. Управляли составами гномы-рудокопы, и выглядело это приблизительно так: пассажир спускался в шахту в пункте «А», его помещали в свободную тачку-вагонетку, гном-рудокоп, сидящий в начале состава, дул в рожок, и весь чудо-поезд с дьявольской скоростью несся под гору, а затем в гору и снова под гору по освещенным факелами туннелям забоя.

Перемещение по городу в чудо-тачках подходило только для

самых отчаянных и бесшабашных сорвиголов. Вагонетки неслись под гору и в гору, движимые взаимодействием силы притяжения и силы тяжести самой тачки и ее пассажиров. Состав мог развивать скорость до ста километров в час, и особенно весело было на поворотах, когда с рельсов во все стороны сыпались искры, а иногда и сами вагонетки.

Достигнув пункта «В», пассажиры на полусогнутых ватных ногах с трудом преодолевали бесконечные ступени длинной винтовой лестницы и, совершенно обалдевшие, вываливались из шахты на уличный свет. А тачку привязывали канатом к одному из других составов, которые мчались по бесконечным туннелям во всех возможных направлениях. Имея хорошие нервы и не боясь многочисленных пересадок, на чудо-тачке можно было попасть в любую точку Атлантиса, куда только пожелаешь.

Дирижабли. В воздушном пространстве над городом также во всех мыслимых направлениях тянулись канаты. Эти меры предосторожности требовались для того, чтобы дирижабли, снабженные большими вместительными пассажирскими корзинами, как можно меньше зависели от ветра. При неблагоприятном направлении ветра пассажиры могли взять управление кораблем в свои руки, раскрутив огромный пропеллер. Для этого по всей длине пассажирской корзины был проложен соединенный с пропеллером вал, который можно было вращать педалями, расположенными у каждого кресла. Трамваи являлись муниципальным транспортом, финансируемым за счет налогов и поэтому совершенно бесплатным. Водителями на них служили люди-муравьи, которые, естественно, лучше всех разбирались в муравьиных двигателях.



Илстатна. Главной магистралью города была роскошная широкая улица Илстатна. Она по праву считалась деловым и культурным центром города, здесь предлагались любые товары и услуги, какие только существовали в то время в Замонии,

способные удовлетворить даже очень взыскательный вкус, не обошедшие вниманием самые причудливые традиции самых редких национальностей, и еще чуточку больше.

Добраньские быки, к примеру, будучи заядлыми шахматистами, сделали эту страсть своим ремеслом, открыв так называемые шахматные дворцы, где можно было не только плотно поесть и крепко выпить, но и проиграть добраньскому быку партейку-другую в шахматы (обыграть их никому еще не удавалось, отчасти потому, что никто не решался это сделать).

Цирюльни, естественно, посещались по большей части существами, покрытыми шерстью, а содержали их мелунизы, невысокие лысые гномы, очень болтливые, но весьма одаренные в искусстве обращения с расческой и ножницами. Я сам заглядывал туда не реже одного раза в неделю, по дороге проходя мимо чесночных закусочных, тверповых мастерских, китайских прачечных, зубодерных кабинетов (этим ремеслом занимались зельцы), палаток ясновидящих, в которых итальянские земляные курочки предсказывали несчастья, тотализаторных, педикюрных, чайных, бюро злословий (здесь можно было за деньги оклеветать кого-нибудь или заклеймить позором), беседок, предназначенных для бесед, археологической библиотеки (здесь можно было найти все книги, обнаруженные при раскопках в Атлантисе, на древних, до сих пор не расшифрованных языках), плевательных (здесь за умеренную плату разрешалось всласть поплевать на дощатый пол), брикетных киосков, ветчинных, кафе-кухонь, бокс-холлов, рюмочных и многих других признаков предпринимательской активности горожан.

Другие существа, другие нравы. У жителей Атлантиса потребностей и причуд было гораздо больше, чем у людей. Гномы, к примеру, независимо от происхождения, не могли устоять перед обувью, сплетенной из лыка. Поэтому в городе повсюду встречались обувные салоны, где предлагали плетеные туфли любых фасонов и размеров. Эти магазины, вызывавшие у остальных обитателей Атлантиса немалое недоумение, были всегда наводнены нервными гномами, которые жадно хватали то одну пару, то другую, не в силах сделать выбор и остановиться на какой-то одной модели. Ирландские друиды, напротив, выказывали склонность к аскетизму. Трудно себе представить картину печальнее, чем их магазины. Обстановка там ограничивалась парой покосившихся старых полок, на которых красовались замшелый камешек, засушенный, сморщенный корешок да еще разве что кусок подгнившего топляка. Но сами друиды толпились у этих полок с таким восторгом, словно на них

были выставлены все сокровища мира. Ярмарки злословия, превратившиеся сегодня в крылатое выражение, существовали в Атлантисе на самом деле. Это были небольшие уличные площади, где собирались орнийские трепачи, чтобы позлословить и пустить о ком-нибудь самый невероятный слух. Сидящие за столами и нервно курящие трепачи старательно перемалывали косточки всем и каждому, предлагая навынос самые последние новости и сплетни. Почти все посетители ярмарки тащили с собой домой какой-нибудь непроверенный слух, который потом очень живо расползался по городу, так, например, стало известно, что губернатор по ночам тайно посещает помойку.

Мехочистки представляли собой темные, мрачные помещения, занимавшие обычно подвалы или цокольные этажи, где яхольские дервиши яростно колотили увесистыми дубинами по развешанным на веревках шкурам, распевая при этом заунывные, протяжные песни на яхольском языке. Смысл этих действий был понятен лишь тем, кто таскал сюда для выколачивания свои шкуры, но они упорно хранили эти сведения в строжайшем секрете.

Главный жизненный принцип здешнего общества выглядел, видимо, так: не обращай внимания на причуды других, пока они тебе самому не мешают.

Политика. С момента издания замонианского «Уложения о порядке наследования» политика стала неотъемлемой частью жизни Атлантиса. Раньше город был действительно поделен на несколько королевств, в каждом из которых правил свой король, но со временем, путем тонких дипломатических ухищрений, натифтофам удалось взять бразды правления в свои руки, сохранив при этом королевский трон, хотя только для виду — теперь наследники короны ограничивались репрезентативными функциями. Они присутствовали при открытии крупных торговых центров, принимали участие в благотворительных марафонах, произносили на похоронах заслуженных личностей траурные речи или сидели на почетном месте во время спортивных соревнований, и это все. (За исключением, правда, короля Сналитата XXIII Татиланского, который, изучая «Уложение о порядке наследования», в конце концов лишился рассудка и теперь разгуливал по улицам города совершенно голый, выкрикивая какие-то не поддающиеся осмыслению королевские указы. Последнее его распоряжение касалось натифтофов,

которые должны были тринадцать лет подряд ходить выкрашенные желтой краской, а потом выстроиться в шеренгу, чтобы им удобно было почистить ботинки.) Таким образом, жители Атлантиса управляли своим городом сами, что порой получалось неплохо, порой так себе, а порой и вовсе никак. Не реже одного раза в месяц в городе воцарялся хаос, потому что какой-нибудь вид гномов забивал канализацию туалетной бумагой, чтобы привлечь внимание к проблемам городских меньшинств, или же демоны-рикши, объединившись с венецианскими человечками, объявляли общую забастовку, что приводило к транспортному и энергетическому кризисам. Но, поскольку абсолютный хаос в таком тесном и замкнутом пространстве вскоре для всех без исключения становился невыносимым, заканчивалось все это уже дня через два, еще прежде, чем бастующие успевали выдвинуть разумные требования, не говоря уже об их удовлетворении, и все снова возвращалось на круги своя и текло привычным обыденным чередом.

Этим Атлантис напоминал большой муравейник: внешне — царство полной неразберихи, существующее безо всяких законов, а по сути отлаженная система, в которой все подчинено одной-единственной цели — существованию и процветанию такого гигантского, ужасающего, притягательного и непостижимого города, каким был Атлантис.

Культурный шок. Для того, кто привык обитать то в открытом море, то в пустыне, то на крохотном острове, то в однообразных туннелях лабиринта, такое буйное разнообразие жизни во всех ее проявлениях и со всеми возможными формами стало подлинным шоком, ударившим по голове тяжелой дубиной. Во всяком случае, выглядел я именно так, как будто мне только что хорошенько стукнули по мозгам: с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью я шатался по улицам, в изумлении вертя головой во все стороны. Лишь спустя несколько часов наконец остановился на одном из перекрестков, на всех четырех углах которого возвышалось по каменному льву высотой метров в сто, не меньше.

День клонился к вечеру. Вокруг меня суетливо сновали жители Атлантиса, ноги мои гудели, а я не знал, куда я иду, зачем, что нужно мне в этом городе и что я буду есть на ужин.

Раньше еду мне всегда приносили или я сам добывал ее из

окружавшей меня природы. Но Филинчик рассказывал нам на лекциях, что в больших городах существуют иные законы, здесь еду покупают за деньги.

К этому времени я уже успел заметить, что в качестве денег в Атлантисе использовались серебряные, медные и золотые пирамидки различных размеров, которые, к примеру, в одной из гаянских пиццерий можно было обменять на аппетитную кукурузную лепешку, начиненную всевозможной вкуснятиной.

За последние часы эти заведения стали для меня самыми вожделенными объектами во всем универсуме. Они встречались чуть ли не на каждом углу, и, где бы я ни был, везде на глаза попадались аппетитные нити расплавленного сыра, тянущиеся от соблазнительно пахнущего горячего теста.

— Нравится, га? — послышался голос у меня за спиной.

Табачный гном Гемлут Гаванна. Это был табачный гном, представитель южнозамонианских карликов, обитающих в джунглях тропического леса и безобразящих на табачных плантациях, а в остальном ничем не отличающихся от обыкновенных гномов, — так, во всяком случае, говорил нам на занятиях профессор Филинчик. Узнать этот вид можно по ярким, цветастым шапочкам собственноручного изготовления, зеленоватому цвету кожи, щеголевато закрученным пышным усам и по звуку «р», который табачные гномы произносили гортанно и раскатисто, словно полоща горло. А еще по тому, что в любую фразу они вставляли частицу «га», которая в зависимости от контекста могла означать у них все, что угодно.

(Кстати, все население Атлантиса, к моей величайшей радости, говорило на одном языке — общепринятом замонианском. Каждая группа, правда, произносила слова на свой собственный оригинальный манер; так, некоторые, к примеру, влажно шепелявили, другие сухо блеяли или же перед каждым словом добавляли неопределенное «э-э-э». Проще всего понимать было образованных друидов, говоривших на чистом, академическом языке, а самыми непонятными были изречения рогатых имбецибелов, изъяснявшихся ломаным пением, — все, что они говорили, походило на оперную арию, исполняемую певцом, которому в горло залетела муха. Правда, с рогатыми имбецибелами все равно никто не общался, так что проблема эта, как и многие другие в Атлантисе, решалась сама собой.)

— Да, вкусно, — произнес я рассеянно, поскольку в этот момент был полностью поглощен созерцанием зельца, заглотившего большущую гаянскую пиццу целиком.

— Я имел в виду льва.

Я очнулся от гипноза гаянской пиццы:

— Ах, льва… Да, здорово. Отличная работа. Камнетесы постарались на славу.

— Га, думаешь, их вытесали из камня? Ничего подобного! Их выполировали — бумажными салфетками! Можешь себе представить, сколько времени на это ушло? Выполировать скульптуру из грубого камня — это тебе, га, не шутки!

Я попытался выразить свое потрясение:

— С ума с-сойти!

— В них живут, га. В каждом по четыре тысячи квартир. Горячая вода, га. Балконов, конечно, нет, зато лифт с музыкой!

Он начал насвистывать одну из известных замонианских мелодий.

— А где же окна?

— Окна прозрачные только изнутри. Представь, га!

— Вот это да!

— Они мои.

— Что?!

— Львы. Они мои.

— Надо же! Хм… Поздравляю!

— Может, хочешь купить одного?

— Хм?…

— Может, хочешь купить одного льва? Га, отдаю по дешевке.

— Честно говоря, у меня нет…

— Послушай… — Гном понизил голос и с таинственным видом заозирался по сторонам. — Ты мне симпатичен, га. Я хочу сделать тебе выгодное предложение. Лови момент, га, десять пирас.

Гном схватился за голову, показывая, что совершил непростительную ошибку таким опрометчивым, легкомысленным предложением.

— Га! Га! — орал он, награждая себя увесистыми оплеухами. — О, я идиот! Никогда, никогда не умел торговаться.

Я смерил гнома пристальным взглядом. Десять пирас стоила в Атлантисе одна пицца.

Мне стало обидно. Неужели у меня такой глупый вид, что он решил проделать со мной самый дешевый трюк из всех, какими только надувают туристов.

— Ну ладно, — не отставал он. — Скажем, га, пять пирас.

Так состоялось знакомство с Гемлутом Гаванной, ставшим потом моим самым лучшим другом в Атлантисе.

Когда я доходчиво объяснил Гемлуту, что не следует принимать меня за круглого дурака, потому что, кроме всего прочего, у меня все равно за душой нет ни гроша, он сменил тактику. Ему и так совершенно ясно, да он просто уверен, что когда-нибудь заработает на мне целое состояние. С этим многообещающим тезисом он прилип ко мне как банный лист.

— Послушай, га, я сразу понял: ты нечто особенное. Ты синий! Ты медведь! Ты уникум! Га? — тараторил он, семеня за мной по пятам и пытаясь склонить меня к какому-нибудь выгодному совместному предприятию. — Вот смотри. Просто встанешь на улице и будешь петь, га? А я буду ходить со шляпой в руках!

— Не умею я петь.

— Тогда давай продадим тебя в зоопарк! Ночью я приду с запасным ключом и выпущу тебя на свободу.

— Нет уж, спасибо!

Во всяком случае, у Гемлута, оказалось, был свой дом, где он мог устроить меня на ночлег. Мы шли уже около двух часов, и местность вокруг становилась все более и более впечатляющей.

Сначала мы долго петляли по узеньким, выложенным грубой брусчаткой переулкам с натянутыми поперек веревками для белья, потом дома стали попадаться все реже и наконец уступили место обветшалым дворцам, полуразрушенным храмам, поросшим сорняком и вьюном, каменным монументам, испещренным глубокими трещинами и готовым вот-вот развалиться. Здесь, как видно, не было ни души, кроме диких

кошек, которые назойливо терлись о ноги, не давая шагнуть.

Искра синего цвета вдруг выстрелила из мостовой, описала электрическую дугу в метр высотой и снова исчезла в разломе брусчатки. Переулок на секунду озарился голубоватым светом.

Я, словно ужаленный, в ужасе отскочил в сторону.

— Синяя молния, — равнодушно махнул рукой Гемлут. — Не бойся, они неопасны.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

СИНЯЯ МОЛНИЯ. Этот существующий уже на протяжении многих веков феномен можно наблюдать исключительно в городе Атлантисе. Электрические разряды преимущественно дугообразной формы выстреливают из земли, как правило, по ночам. Объяснить природу этого феномена с научной точки зрения до сих пор не удалось, правда, все исследователи едины во мнении, что он абсолютно безвреден, если не принимать во внимание возможность прекращения жизнедеятельности в результате перенесенного шока.

Мы пересекли широкую пустынную площадь, из пересохшего фонтана в центре торчал черный обелиск добрых двадцати метров высотой. Не меньше дюжины диких кошек лежали на дне фонтана, увлеченно вылизывая лапы. За обелиском возвышался самый огромный собор из всех, что я до сих пор видел в Атлантисе. Стены его были выложены из белого мрамора, а купол изготовлен из какого-то зеленоватого камня, только он был разрушен почти на треть.

— Добро пожаловать домой, — подмигнул мне Гемлут.

Собор. Широченная, не у́же главной магистрали города, лестница вела к парадному входу, охраняемому двумя небоскребоподобными циклопами. Дверь, а точнее, ворота стояли распахнутые настежь: одна створка, величиной с корму трехпалубного корабля, сорванная с петель, валялась на полу внутри, по-видимому, уже очень давно, поскольку из пазов тут и там пробивались пучки сорной травы, крапивы и чертополоха, а кое-где даже молоденькие деревца. Как только мы прошествовали

по ней внутрь, в воздух взметнулись стаи голубей. Коричневые тонкие тени чуть слышно перешептывались в темных углах собора.

По другой, не менее широкой лестнице мы взошли на хоры. Внутреннее убранство собора вызывало в душе мрачные чувства и тягостные мысли: в нем царили запустение и разруха. Гнилые ступени вели в никуда, ветхие балконы-перемычки обрывались на полпути, валявшиеся повсюду раскрошенные блоки колонн и куски черепицы намертво вросли в пол, преграждая дорогу.

Сквозь дырявую крышу внутрь пробивались лучи заката, драматично высвечивая безжалостно искалеченные статуи в нишах. На одной стене я заметил высеченный из красного мрамора рельеф — скелет, в длинной мантии и с косой в руках.

Это место мне совсем не понравилось, но близилась ночь, а выбирать было не из чего.

— Во всяком случае, здесь нет крысехвостых, га! — заметил Гемлут, когда мы остановились на большой, поросшей мхом площадке и стали устраиваться на ночлег.

— Крысехвостых? А кто это?

— Га! Кто такие крысехвостые? Да кто их знает. С ними разве поймешь…

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

КРЫСЕХВОСТЫЕ. Не пользующиеся большой популярностью мутанты, имеющие сходство с голубем, крысой и тараканом. Крысехвостые достигают в длину полутора метров, имеют тело крысы, крылья и клюв — как у птицы, а лапы, усики и органы пищеварения — таракана. О дальнем родстве с крысами говорит также длинный, мягкий крысиный хвост. В результате самых тщательных исследований черепа этих животных ученым так и не удалось обнаружить мозг, из чего они сделали вывод, что органы центральной нервной системы у крысехвостых располагаются где-то в пищеварительном тракте, занимающем бóльшую часть внутренностей животного. Отсутствует также и сердце, которое заменяет чрезвычайно большая печень, без труда переваривающая даже самые ядовитые продукты и

обеспечивающая одновременно циркуляцию крови, которая цветом, запахом и консистенцией напоминает тухлый яичный желток. Охотятся крысехвостые обычно под покровом ночи, хотя их пища состоит преимущественно из отходов и падали, в случае необходимости они нападают и на живых существ. Крысехвостые являются единственным из известных хищников, который в состоянии переварить даже кости, зубы и шкуру животного.

— Ого! Ты уверен, что здесь нет крысехвостых?

— Ну, стопроцентной уверенности у меня, конечно, нет. Га?

Похоже, я поспешил всецело положиться на табачного гнома.

— И часто ты здесь ночуешь?

— Случается.

— Как часто?

— Не один раз.

— Сколько именно?

— Хм… один раз точно.

— Всего один раз! Правда?! И когда это было?

— Вот привязался! Ну хорошо, сегодня будет первый. Доволен? А теперь давай спать, га?

Уже через пару минут спокойное, ровное дыхание Гемлута Гаванны превратилось в упоительное сладкое посапывание, а я так и не мог сомкнуть глаз. События, пережитые за день, все те удивительные вещи, которые я видел в городе, изводящий меня голод и, прежде всего, жуткая обстановка нашего ночного пристанища не давали мне заснуть.

Почему это роскошное, огромное здание до сих пор стоит пустое? Я видел сегодня жителей, ютящихся в самодельных хижинах и ветхих палатках. Почему же они не пришли в этот район и не заняли все эти бесполезно пустующие постройки? Мне вспомнились осуждающие взгляды, которыми нас провожали горожане, когда мы шли в сторону собора. Я думал о неопределенном будущем, ожидавшем меня в водовороте большого города. Потом усталость все же взяла свое и сон сморил меня.

Сон. Мне снилось, что мы с Гемлутом поселились в одной из квартир мраморного льва, но она вся состояла из одной огромной кухни-столовой, оснащенной множеством самых современных плит с горячими керамическими горелками, на которых аппетитно шипели хрустящие отбивные; мне снились большущие

фантастические печи, в которых пузырились кипящим сыром гаянские пиццы и в округлых горшках булькали наваристые супы.

У меня в руке была здоровенная ложка, которой я должен был дегустировать все блюда по очереди. Но как только я зачерпывал новую порцию супа, квартира становилась еще больше, а вместе с ней вытягивалась и ложка, так что я в результате уже не мог поднести ее ко рту. Я разозлился и швырнул ее в окно, а через разбитое стекло в квартиру ринулись полчища крысехвостых и бросились пожирать все, что было в доме съестного. Один из мутантов прыгнул мне на грудь и начал жадно лизать мне нос и глаза. Он был очень тяжелый, я почти задыхался, а потом он сожрал и мое дыхание. И тут я проснулся. Действительность оказалась еще хуже, чем сон.

Явь. У меня на носу, жадно сопя, сидел восьминогий носопыр и старательно тянул всеми своими ноздрями воздух. А на груди у меня пристроился ночной кошмар, который, ехидно ухмыляясь, нагло поглядывал на меня.

Носопыр пискнул, кубарем скатился на пол и, отчаянно семеня ножками, живо затрусил к ближайшей щели. Я попытался прибить ночного кошмара кулаком, но он ловко увернулся, подпрыгнул и с гадким блеянием исчез в темноте.

Вне себя от злости, я вскочил на ноги и набросился на Гемлута с обвинениями. Тот спросонья ничего не мог понять. Мне потребовалось время, чтобы объяснить ему, что произошло.

— Подумаешь, плохой сон, га, — равнодушно махнул он рукой. — Ложись, надо спать.

— Это был не сон! Он сидел у меня на груди! А другой прямо на носу!

Тогда я еще не знал, что это были носопыр и ночной кошмар, только возмущение мое от этого было ничуть не меньше.

От возбуждения я не мог даже сесть, не то чтобы лечь. Тяжело дыша, я стоял посреди собора и скользил испуганным взглядом по темным углам. Зловещие тени вздрагивали на стенах, как языки черного пламени. Послышалось шуршание.

— Здесь кто-то есть, — прошептал я.

— Подумаешь, парочка крыс! Ложись и спи, га? — пытался успокоить меня Гемлут.

В этот момент перекрытия собора затрещали и меня окатило осколками сухой штукатурки. Крохотные части старинной фрески посыпались на меня дождем, я успел только различить в мозаике мелких пластинок искусно вырисованные руки, яблоко, крылья ангела и глаза. Потом ударил колокол, коротко и глухо, словно на него приземлилась невидимая птица.

Его звук тяжело отозвался в моей душе.

Все снова стихло.

Гемлут приподнялся и с вытаращенными глазами указал на что-то, находившееся у меня за спиной.

— Га! — воскликнул он.

Я почувствовал за спиной взмах мощных крыльев, потом что-то твердое и острое ударило меня по голове и, глухо ухая, исчезло в темноте. Затылок жгло огнем. Я испугался, что какое-то безобразное чудовище, может быть крысехвостый, выпустило на меня свою ядовитую слюну, провел лапой и ощутил на пальцах теплую липкую жидкость. В лунном свете она казалась совсем черной, но я знал, что это моя собственная кровь. Нужно иметь очень острые когти, чтобы распороть шкуру синего медведя.

— Кровь? — вскрикнул я.

— Вампиры! — выдохнул Гемлут.

И тут началось.

Вампиры. Шипящая черная молния пронзила темноту собора. Это была сильная, мускулистая кошка размером с хорошего дога и разъяренной мордой павиана, она неслась на меня, помогая себе хлопками маленьких крыльев, расположенных у нее на спине.

Она уже почти настигла меня, как вдруг со мной произошло нечто странное: я начал воспринимать происходящее как при замедленной съемке, по телу растеклись приятные тепло и покой.

Для последнего рывка кошке (обезьяне? летучей мыши?) потребовалась целая вечность, так что мне вполне хватило времени точно рассчитать ее мышечный тонус, определить траекторию прыжка и, сделав из этого соответствующие выводы, шагнуть чуть вперед, одновременно отклонив тело назад, в результате чего она пролетела у меня над головой.

А я даже успел рассмотреть во всех подробностях разочарованное выражение морды обезьянокошки и, когда она пролетала надо мной, медленно, с чувством замахнуться и проводить ее хорошим, метким пинком, так что она отклонилась от намеченного курса, ракетой пролетела еще несколько метров и громко шлепнулась о твердый, мраморный пол, а потом, громко визжа от боли, суетливыми, пружинистыми прыжками нервно унеслась прочь.

— Га! Неплохо! — уважительно кивнул мне Гемлут.

То, что, казалось мне, длилось вечно, на самом деле произошло за считаные секунды. Позднее я узнал, что спас меня пробудившийся во мне природный инстинкт. Ведь я как-никак медведь. Раньше, под воздействием хорошего воспитания, он

дремал на самом дне моей генетической памяти, но сейчас некто допустил непростительную ошибку, осмелившись напасть на меня, и защитный механизм дикого зверя сработал сам собой. Я запрокинул голову и издал умопомрачительный рев, раскатившийся по всему собору многоголосым эхом.

Две кошки-вампира одновременно бросились на меня с двух сторон. Я резко пригнулся, чтобы одна из них пролетела надо мной и врезалась в стоявшую за спиной каменную колонну, ловко поймал другую за лапу и, раскрутив над головой, запустил ее, словно пращу, в дальний угол. Там она, судя по раздавшимся звукам, врезалась в кучу своих подружек, которые с отчаянным злобным визгом дружно рухнули на пол.

Потом воцарилась мертвая тишина.

— Ого! — воскликнул Гемлут. — Ты сделал их, га! Теперь они не вернутся. Вампиры очень трусливы.

Он презрительно сплюнул и попытался в знак уважения похлопать меня по плечу, но из-за разницы в росте дотянулся только до локтя.

В этот момент на нас бросились еще по меньшей мере пятнадцать кошек-вампиров, а пять других атаковали с воздуха.

Гемлут, как и все табачные гномы, не ведал страха. Это не значило, правда, что он был очень отважным, — отважным считается тот, кто ведает страх, но умеет его побороть. Дело в том, что табачным гномам чувство страха попросту незнакомо, ведь у них зеленая кровь, и в ней начисто отсутствует адреналин. Табачные гномы замечают, когда попадают в опасность, но их это ничуть не пугает. Если на кого-то из них, к примеру, бросится трехметровая злая горилла, он, вместо того чтобы припустить со всех ног, вступит с ней в неравный бой. Такое поразительное бесстрашие приносит порой позитивные результаты, и противник, имеющий многократное физическое превосходство, поджав хвост, обращается в позорное бегство. Вот почему табачные гномы хоть и не вышли ростом, но все же являются весьма опасными и отчаянными противниками. Как и любой другой обитатель джунглей, Гемлут прекрасно знал, что самое нежное и уязвимое место у всех диких кошек и лесных обезьян — их влажный нос. Достаточно резко и метко ткнуть туда пальцем, чтобы на несколько минут полностью обезвредить врага.

Боевой кадор. Кроме того, Гемлут еще владел искусством южнобразильской борьбы, так называемым боевым кадором (у него даже был цветной пояс, свидетельствующий о достижении девятой ступени). Эта борьба представляла собой некую элегантную смесь фламенко, карате и танца тореадора. Он просто

стоял на месте, почти не двигаясь, одна рука плотно прижата к туловищу, другая извивается над головой, готовая к резкому выпаду. При этом он мелко-мелко перебирал ногами и непрерывно вращался вокруг своей оси, поочередно выкидывая вперед то левую, то правую ногу, что придавало борьбе черты зажигательного южного танца, в то время как тело, словно маятник, легко отклонялось в разные стороны, пропуская вампиров, которые летели мимо и с шумом ударялись лбами о стены и колонны.

А иногда он, словно рапирой, наносил молниеносный удар двумя сложенными вместе пальцами, целясь то в нос, то куда-то под ребра, не переставая при этом насвистывать себе под нос зажигательные ритмы фламенко.

Моя собственная техника, напротив, не отличалась ни продуманностью, ни четкой выверенностью движений, представляя собой скорее спонтанные выпады, продиктованные интуитивным чутьем. Я и сам был немало удивлен той силе, что долгое время мирно дремала во мне. А ведь медведи считаются одними из самых опасных хищников нашей планеты, только мне до сих пор как-то не довелось это осознать. Да и когда? Я же постоянно был чем-нибудь занят, то бродил по бесконечному лабиринту, то просиживал целыми днями за школьной партой, то есть постоянно занимался каким-нибудь не свойственным нашей медвежьей натуре делом. А оказывается, стоило мне только махнуть лапой — и любая из злобных кошек-вампиров кубарем катилась по полу, стоило только оскалить зубы — и они, поджав хвосты и визжа, мигом разбегались. Так что и от меня они получили хорошую трепку. Я с удовольствием работал кулаками, спокойно прицеливаясь, не совершая лишних движений и не забывая об обороне, как заправский боксер на ринге.

Если бы вампиры действительно были настолько трусливы, как утверждает молва, то они бы уже давно покинули поле брани. Только нет, они продолжали упорствовать: какой бы силы оплеухи на них ни сыпались, сколько бы раз я ни швырял их об пол, они только на мгновение исчезали в темноте, чтобы в следующую секунду возобновить атаку.

У них была своя простая, но действенная тактика: они нападали по очереди, непрерывно сменяя друг друга. Одна группа отступала, чтобы передохнуть и зализать раны, и на ее место тут же заступала другая. В то время как мы с Гемлутом не могли отвлечься ни на минуту, у них то и дело появлялась возможность отдышаться и набраться новых сил. Вскоре стало ясно, что долго мы так не протянем.

Одной из кошек удалось зайти с тыла и вцепиться мне в

спину, другая сделала ловкий выпад и чиркнула меня когтем-бритвой по лапе, третья в прыжке лязгнула зубами у самого носа. И тут я почувствовал, что силы покидают меня. Я еле стоял на ногах, а в голове вертелась одна-единственная мысль: прекратить бессмысленное сопротивление, и будь что будет. Но тут вдруг вампиры, как по команде, отступили и растворились в темноте.

Вконец измотанные и изрядно потрепанные, жадно хватающие ртами воздух, мы в гордом одиночестве остались стоять посреди зала. Незнакомые мне до сих пор, но явно не предвещающие ничего хорошего звуки электрическим разрядом прокатились по храму. Они отдаленно напоминали стрекотание гигантского сверчка.

— Караул! Бежим! — завопил Гемлут.

— Что?!

— Крысехвостые. Га. Много. Очень много.

Крысехвостые. Метрах в десяти от нас пол собора пришел в движение. Кишащее море натыкающихся друг на друга существ расползалось по залу, быстро приближаясь к нам. Тут и там из черной волны высовывались тонкие дрожащие тараканьи усы. Иногда какая-нибудь из тварей, взмахнув крыльями, на мгновение взмывала в воздух, и можно было рассмотреть в лунном свете отвратительные очертания ее безобразного тела.

— Здесь нет никаких крысехвостых! — зло рявкнул я, передразнивая моего друга.

— Понимаешь, крысехвостые, они такие хитрые, — не сдавался Гемлут, — всегда появляются в самый неподходящий момент.

Тут Гемлут был не совсем прав, ведь это именно крысехвостые спасли нас от смерти. Хотя скорее всего только для того, чтобы мы достались им самим, но тем не менее вампиры скрылись, что в первую очередь свидетельствовало о разумности этих существ.

— Не дрейфь! Бежим к выходу!

Ну да. Я так и понял.

> КРЫСЕХВОСТЫЕ [продолжение]. Повстречавшему на своем пути крысехвостого следует дать один простой, но очень ценный совет — не паниковать и не бросаться бежать сломя голову, а, напротив, постараться двигаться как можно более плавно и медленно, словно скользя по волнам. Крысехвостые реагируют лишь на резкие движения. Эти безмозглые твари настолько глупы, что

любое плавно движущееся существо принимают за скользящий по волнам кораблик.

Хороший совет, нечего сказать. А если на вас надвигается тираннокит Рекс или несется опустив голову разъяренный единорог, стойте на месте, не двигайтесь, авось пронесет, — так, что ли? Не очень-то получается верить таким советам. Интуиция подсказывает: хватай ноги в руки и беги, беги как можно скорее. Однако я сделал над собой усилие и постарался двигаться как можно медленнее, как лодка, плывущая по волнам.

— Двигайся плавно и медленно, — сообщил я приглушенным голосом Гемлуту, — тогда они примут нас за лодку.

— Га? — Гемлут вытаращил на меня глаза. — За лодку? Ты спятил?

— У меня в голове «Лексикон», он иногда подсказывает мне, что делать, — прошептал я, медленно скользя вниз по лестнице, как эквилибрист по натянутому под куполом цирка канату.

— «Лексикон» в голове? Га. Понимаю.

— Правда, это не совсем «Лексикон», а идеет. С семью мóзгами. Он видит в темноте, а еще может открыть банку консервов одной лишь силой мысли. Вот он-то и говорит у меня в голове.

У Гемлута на лице появилось выражение, как у человека, слушающего бредни душевнобольного.

— Э-э, друг, — покачал головой он, — да ты и вправду спятил. Ну ничего, не переживай. С кем не бывает. От такого-то ужаса! В общем, слушай мою команду: сейчас мы хватаем ноги в руки и бежим, бежим как можно быстрее.

Я взглянул вниз:

— Нет. Этого мы делать не будем.

— Что?! Это еще почему?

— Потому.

Я показал глазами на нижнюю ступень лестницы. Оттуда уже карабкались вверх новые полчища крысехвостых. Тысячи и тысячи животных-насекомых широкими черными волнами наводняли собор. Они лезли изо всех дыр, через раскрытые окна и трещины в стенах, быстро растекаясь по полу. Вскоре мы оказались зажатыми в кольце.

— Нам конец, — констатировал я.

— Ты прав, нам конец, — согласился Гемлут, что было на него совсем не похоже.

И все же я почувствовал, что он усиленно ищет выход, какую-нибудь лазейку из создавшейся ситуации.

Только она не находилась.

Кольцо крысехвостых вокруг нас постепенно сужалось. Электрический треск их тараканьего стрекотания усиливало многократное эхо от стен собора.

Под ногой у меня что-то зашевелилось. Неужели наступил на одного из крысехвостых?! Я с брезгливым вскриком отшатнулся и схватил осколок кирпича, чтобы размозжить череп насекомому. Уже занеся камень для страшного удара, я вдруг понял, что под ногами у меня никого нет. Одна ступень лестницы осела и ушла вниз, за ней другая и третья.

Посреди лестницы теперь зияла огромная дыра, в которую пролез бы даже слон.

Гемлут, не задумываясь, бросился в пролом.

— Эгей! — послышался его голос. — Дуй за мной! Га! Прыгай! Неглубоко.

Я швырнул камень в море крысехвостых, где он с отвратительным треском расколол чей-то панцирь. И это была роковая ошибка. Несчастная жертва издала звук, похожий на визг пилы, которую саму режут на части. Тысячи насекомых подхватили этот вой, взметнулись вверх и бросились на меня.

Я прыгнул в дыру.

Полет был недолгим. Пролетев не более двух метров, я приземлился, лишь слегка отбив пятки. Пролом в лестнице над головой моментально закрылся, ступени вернулись на прежнее место. Один крысехвостый сунулся было следом за мной, свесил голову вниз и тут же пожалел об этом, потому что уже в следующий миг был разрублен пополам тяжелыми каменными плитами. Воцарился мрак, сравнимый лишь с темнотой в темной камере Филинчика.

— Теперь вы в безопасности, — произнес голос, по которому трудно было определить, принадлежит он мужчине, женщине или какому-нибудь демоническому существу. Он звучал скорее как

говорящая труба.

Говорящая труба. — Идите на голос, я вас выведу. Сюда… Сюда… — повторял незнакомец, а мы послушно брели за ним в темноте.

Не знаю, сколько раз я спотыкался, падал и снова поднимался. Мы шли в кромешной мгле, а препятствий на пути хватало. Временами стену туннеля озаряла ослепительная синяя вспышка, от которой я в оцепенении замирал на месте и поэтому не мог как следует разглядеть нашего проводника. Правда, вспышки были такими короткими, что я даже не успевал определить, в какой он стороне.

Наконец мы очутились в туннеле, кое-как освещенном призрачным светом. Сквозь мелкие дырки на потолке пробивались слабые, тусклые лучики.

— Это крышка канализационного люка, — протрубил голос. — Здесь можно выбраться наружу.

Даже несмотря на наличие освещения, мне так и не удалось разглядеть обладателя голоса. Он должен был находиться поблизости, прямо передо мной, но я никого не видел. По узкой железной лестнице мы взобрались наверх, приподняли крышку и очутились в темном переулке, выходящем на большую улицу, бурлящую обычной городской жизнью. Голос смолк.

— Человек-невидимка! — пояснил Гемлут.

— Человек-невидимка?

— Га. А ты что, его видел?

Решив не вдаваться в подробности, я молча отправился вслед за Гемлутом на Илстатна, одну из самых оживленных улиц города. Было самое время подумать о завтраке. Гемлут вел себя подозрительно тихо, возможно, ему все-таки было стыдно за то, что из-за него мы влипли в такую историю.

Он прилагал все усилия, чтобы собрать хотя бы пару пирас и задобрить меня, угостив завтраком в одной из шахматных забегаловок добраньских быков. Те уже с утра пораньше восседали за своими досками, провожая прохожих неприветливыми взглядами.

События прошлой ночи окончательно убедили меня: чтобы выжить в этом городе, нужно, по крайней мере, иметь крышу над головой. А для этого требовались деньги, а чтобы получить их, нужно было сначала найти работу. Так что я твердо решил, не

теряя времени даром, заняться ее поисками. Гемлуту эта идея, правда, не очень понравилась.

— Рабо-ота? — протянул он, даже не пытаясь скрыть отвращения в голосе. — Уж лучше выступать на улице. Я буду петь, а ты — танцевать.

— Я что, по-твоему, цирковой медведь, да?

— Ну ладно, ладно, не кипятись, — вздохнул он.

Работа. Получить работу в Атлантисе оказалось совсем несложно. Сначала мы с Гемлутом несколько недель работали в мехочёске. Там постоянно требовались подмастерья, в обязанности которых входило: вычесывать застрявшие в зубьях расчесок пучки шерсти, сортировать их по типу и длине, а затем отправлять в специальные мастерские, где из них изготавливали шиньоны и парики. День и ночь мы старательно вытаскивали из расчесок волоски троллей, приводили их в порядок и раскладывали по пакетам. Работа, конечно, не из приятных, кому понравится возиться с жирной, спутанной шерстью бывших пещерных жителей, особенно когда тебя за пальцы кусают блохи.

Поэтому вскоре мы перешли на работу в одну из круглосуточных плевательных, где требовались работники сгребать с пола отвратительные, пропитанные наплеванной слюной опилки и засыпать на их место свежие. В общем, ничего сложного, только уж больно противно. Да еще приходилось постоянно увертываться от плевков, что было непросто, поскольку гости, как правило, намеренно целились в обслуживающий персонал.

Донорский пункт. Затем мы устроились работать на донорский пункт. Здесь мы делали специальные отметки на емкостях с кровью, чтобы разные ее сорта не путались и не смешивались между собой. И это была уже, можно сказать, интеллектуальная работа, наметившая начало нашего восхождения по карьерной лестнице. Я ощущал себя кем-то вроде продавца винного магазина. Нужно было хорошо ориентироваться в предлагаемом ассортименте, знать происхождение, группу и год консервации каждой емкости с кровью, а также ее донора, была ли это кровь тролля или гнома, ведьмы или кого-то другого.

Имелась здесь и зеленая кровь ирландских кобольдов, и белая фламандских водяных, и голубая натифтофской знати, и желтая демонов-рикш, но больше всего, конечно же, было крови

естественного красного цвета, различных оттенков и густоты, от темно-бордовой, почти черной, крови минотавров до полупрозрачной розоватой дальнезамонианцев, именуемой в народе «киселек».

Неприятнее всего на донорском пункте было наблюдать за работой вервольфов, которые обычно держали эти заведения. Продававших свою кровь они не жаловали и обращались с ними соответственно. Я сам однажды, еще до того как устроился сюда на работу, пытался продать свою кровь. Помню, как я сидел на грязном, грубо сколоченном табурете, а вервольф возился рядом, раскладывая инструмент. Потом наклонился ко мне и спросил:

— С анестезией?

— Да, пожалуйста, — попросил я.

Последним, что я запомнил, был его кулак, нацеленный мне в нос.

Кабинет восковых фигур. А потом мы работали в «Комнате страха». В городе, где йети и демоны-рикши считаются полноправными гражданами, напугать кого-то совсем не просто, так что можно себе представить, к какой изуверской фантазии приходилось прибегать, чтобы посетители «Комнаты страха» трепетали от ужаса. Мы прятались за занавеской и, если какой-нибудь посетитель не выказывал должного беспокойства, вопили истошным голосом, чтобы у него душа ушла в пятки.

Первые два дня мы от души веселились, а потом начали терять голос. Работа оказалась еще и небезопасной. После третьей взбучки, полученной от семейства йети, мы решили оставить это место.

Короче говоря, кем мы только не работали, легче, наверное, перечислить те места, где мы не успели отметиться. Мы были подметальщиками улиц и фонарщиками, распространителями рекламы и могильщиками, половыми в шахматных и зазывалами в плевательных, разносчиками газет и мусорщиками. И это только малая часть того, что мы перепробовали. Правда, ни одна из этих должностей не требовала высокой квалификации. А мне так хотелось иметь возможность продемонстрировать всю глубину своих знаний, полученных в Ночной школе, но это оказалось куда сложнее, чем я ожидал.

Для того чтобы стать учителем, требовался диплом, обзавестись которым можно было, лишь пройдя все ступени

сложнейшей образовательной системы Атлантиса, на что ушли бы долгие годы, для иной серьезной должности необходимо было разрешение какого-нибудь загадочного министерства, и, конечно же, ничего не делалось без рекомендации специальной натифтофской комиссии, получить которую можно было лишь путем многодневного простаивания в бесконечных очередях, ценой внушительного размера взятки или же предоставлением бесспорного доказательства своего родства с натифтофами. Все контролировали ужасающие своим размахом и запутанностью структуры, то есть и здесь царил характерный для Атлантиса хаос. Поэтому, пока соответствующее уровню моего образования место не свалилось само мне на голову, приходилось довольствоваться временными работами, самой полезной из которых стала должность помощника повара в одной из гаянских пиццерий (Гемлуту, кстати, досталось место моего ассистента).

Дамский угодник. Гемлут Гаванна — об этом, к сожалению, тоже придется рассказать — был неисправимым ловеласом. Как только выдавалась свободная минутка, он тут же, разрядившись в пух и прах, отправлялся на поиски очередной спутницы жизни. Только за тот период, пока мы пытали счастья на подхвате во всевозможных забегаловках, он — я подсчитал — бегал на свидания с представительницами женского пола ровно семьдесят семь раз. И я ума не приложу, как ему удавалось добиваться успеха. Ведь, откровенно говоря, красотой он не отличался. Куда там! Все гномы, как известно, коротышки. Добавьте еще нос картошкой и кривые, косолапые ноги. Но что-то в нем все-таки было, это точно. Стоило ему только заговорить на улице с девушкой, и уже через полчаса они рука об руку сидели в каком-нибудь кафе, и он напевал ей на ухо свои любимые романтические арии.

Возможно, дело было в пронзительном взгляде угольно-черных глаз из-под густых бровей, или, может быть, впечатление производило это его чувственно-глубокое, раскатистое «эр». В любом случае, ни одна жительница Атлантиса не могла перед ним устоять, независимо от того, к какому подвиду она принадлежала. Он встречался с коротышками, карлицами, натифтофками, ведьмочками, друидками и однажды даже с помолвленной йети, что стоило ему хорошенькой взбучки, когда их застукал ее брат со своими приятелями.

Но все эти романтические связи едва ли длились дольше

одного дня, и повод для стремительного разрыва всегда был один и тот же.

— Га. Ну что у нее за волосы, — вздыхал Гемлут, возвращаясь с очередного свидания.

Он мечтал о девушке с самыми густыми на свете волосами. Странная мечта. Но что поделаешь, таков был его идеал. Только даже в Атлантисе, население которого порой отличалось крайней волосатостью, он не мог найти девушку своей мечты.

Винтовая башня. Со временем мы подыскали себе небольшую квартирку в районе Лиснатат: две комнаты, кухня и туалет, который нам, к сожалению, приходилось делить еще с несколькими зельцами, живущими на том же самом этаже. Жилище наше расположилось в одной из вавилонских башен, в так называемом винтовом небоскребе, которых в Атлантисе всего было пять. Эти гигантские сооружения в форме высоченного усеченного конуса, по внешней стороне которого винтом поднималась вверх огромная лестница, благодаря чему они и получили свое название, в свое время взялись возводить вавилонцы, но так и не закончили, бросив начатое дело на полпути, что вообще было свойственно их натуре и, вероятно, объясняло, почему им так не везло в торговле недвижимостью. А потом никто не хотел достраивать эти развалины до конца, поскольку они изначально не соответствовали принятым градостроительным нормам и не имели необходимых согласований и разрешений, и местные власти были вынуждены сдавать квартиры в небоскребах по самым низким, смехотворным ценам с одной лишь целью — не отдавать их на разорение крысехвостым.

Второй причиной невысокой квартплаты была наружная лестница. Добраться до своей квартиры можно было только по ней, и чем выше ты жил, тем, естественно, это было сложнее и тем умереннее была квартирная плата. Мы занимали квартиру на самом верху — ступень 24 802. Вид, открывавшийся оттуда на Атлантис, был невероятный. Ветер, который гулял сквозь незастекленные окна, тоже.

Тихими летними ночами мы с удовольствием сидели на ступенях и наблюдали за голубыми вспышками электрических разрядов, которые появлялись в городе постоянно. Целые улицы иногда на мгновение превращались в реки голубого огня, а мы сидели себе наверху как ни в чем не бывало, словно боги, облеченные неограниченной властью.

Были у жизни в вавилонской башне и другие положительные моменты — там нам, к примеру, никогда не приходилось скучать. Только самые отчаянные и отвязные существа Атлантиса не боялись селиться в этих трущобоподобных руинах, а соседство их отнюдь не всегда было приятным и безопасным. Пещерные тролли, карлики, зельцы и йети, грубый и примитивный народец без каких бы то ни было навыков общежития, окружали нас в небоскребе. Южнозамонианские карлики еженедельно играли свадьбы. Они менялись женами и мужьями, когда хотели, но каждый раз обязательно устраивали по этому поводу грандиозное гулянье, на которое приглашали всю родню и самый громкий из всех национальных оркестров. А музыку эти коротышки исполняли на дулдуффах, инструментах, напоминающих

охотничий рог с вмонтированными в него бубенцами, по которым изо всей силы молотят железным смычком, одновременно выдувая дикие трели. Дулдуффы были такие длинные, что их приходилось высовывать в окна; это, правда, никого не смущало, поскольку дверей в доме все равно не было. Родня жениха и невесты изо всех сил старалась перекричать музыкантов, осыпая молодых самыми грязными ругательствами и проклятиями, что у южнозамонианских карликов считалось лучшим свадебным поздравлением.

Жаловаться на них никто не решался, так как никому не хотелось подвергнуться нападению целого табора коротышек и висеть потом вверх ногами в окне двухсотого этажа, слезно моля о пощаде, что однажды случилось с моим другом Гемлутом Гаванной, когда он в шесть утра попросил музыкантов хотя бы обмотать смычки носовыми платками.

Зельцы на нашем этаже, по всей видимости, были отъявленными мошенниками, потому что целыми днями дрыхли у себя в комнатах, сотрясая стены богатырским храпом, а по ночам принимали гостей, совместно с которыми совершали какие-то странные ритуалы, дубася кулаками по перевернутым ведрам. Когда же один из них отправлялся в уборную, то освобождалась она не раньше чем часа через три, и еще час потом в нее невозможно было зайти по причине отсутствия свежего воздуха. А уж звуки оттуда доносились такие, что лучше было слушать стук по перевернутым ведрам.

Йети, по сути вполне безобидные существа, имели дурную привычку бродить по ночам. При полной луне они наведывались в чужие квартиры и выбрасывали из окон всю мебель, которая только попадалась им под руку и проходила в оконный проем. Будить их при этом не рекомендовалось. Говорят, они могли рассердиться и отправить обидчика вслед за мебелью в то же окно.

Даже самое обыденное возвращение домой превращалось здесь в захватывающее, рисковое приключение. Особенно зимой, когда ступени лестницы покрывались льдом, а снежная буря хлестала в лицо и валила с ног, или летом во время грозы, когда приходилось увертываться от молний.

Окна и двери, как я уже говорил, не закрывались, поэтому коварные облака так и норовили залететь внутрь и пролиться дождем в гостиной, после чего преспокойненько отправлялись дальше. А во время грозы тяжелые грозовые тучи заполняли собой все пространство, и мы ничего не видели, пока они не разражались громом и молниями. Трудно представить, каким оглушительным может быть раскат грома, когда находишься в

непосредственной близости от него. Однажды гром застал меня врасплох среди ночи, так у меня теперь то и дело ни с того ни с сего начинает звенеть в ушах.

Летом в жару мы наслаждались приятной прохладой, а вот зимой в гостиной лежал снег по колено. Тогда мы строили из него снежный дом и дожидались в нем прихода весны.

Так выглядело мое первое жилище, моя первая собственная квартира, оплачиваемая своими собственными деньгами (120 медных пирамидок в месяц), где, несмотря ни на что, я чувствовал себя в безопасности, ведь вампиры и крысехвостые к нам не совались — наверное, все же побаивались угрюмых громил с гигантскими кулаками.

Только когда начиналось землетрясение, а это случалось в Атлантисе не реже одного раза в неделю, мне хотелось переселиться в домик пониже. И пусть ни одно здание города еще не пострадало от подземных толчков, я не сомневался, что это вопрос времени, во всяком случае относительно винтовых башен — точно. Пол и стены в такие моменты ходили ходуном, изо всех щелей сыпалась штукатурка, а мебель путешествовала по квартире, как будто жила своей собственной жизнью. Находиться на лестнице и вовсе было смертельно опасно, я лично дважды чуть не сорвался вниз.

Гаянская пиццерия. Первым рабочим местом, где я научился чему-то полезному, а именно готовить, стала гаянская пиццерия. Шеф-повар и одновременно владелец ресторана, толстопузый гаян по имени Цакоб Йоа, был настоящим мастером своего дела, за что натифтофский союз гурманов-любителей целых четыре раза награждал его золотой поварешкой.

В меню ресторана значились не только пиццы — те предназначались в основном для торговли навынос и выпекались на глазах у покупателей. А вот на кухне готовили настоящую еду для постоянных клиентов, гурманов, способных ради этого удовольствия как следует раскошелиться.

Здесь я научился правильно вымачивать свинину в пиве, доводить до кондиции в кипящей воде телячьи почки, сервировать артишоки и устрицы (с гарниром из смеси рубленого шпината, сыра с плесенью и сухарей). Цакоб показал мне единственно верный способ приготовления спагетти (сначала варишь 12 минут в кипящей воде, потом, не обдавая холодной водой, просто вываливаешь в дуршлаг, затем, уже на тарелке,

добавляешь немного масла, два сырых яичных желтка и одну измельченную дольку чеснока) и метод длительного вываривания (как минимум пять часов) ослиных хвостов, чтобы мясо потом отделялось от костей без ножа. Со временем я постиг и такие нюансы кулинарного мастерства, как приготовление соуса из яиц и красного вина или подготовка мяса для отбивной (отбивать его можно только тупым концом ножа, ни в коем случае не специальным ребристым молотком), какой сыр лучше всего подходит к сырной траве (южнозамонианский пекорино с розовыми прожилками) и как правильно есть цыпленка (руками). Цакоб не только знал рецепты всех известных в Замонии блюд, но и был посвящен во все тонкости этикета и культуры приготовления и поглощения пищи. Одним словом, он был ходячей кулинарной энциклопедией, мог быстро сосчитать калории любого существующего и несуществующего блюда, ведь в свободное время он занимался изучением истории кулинарии. Он знал названия всех забытых к тому времени продуктов и трав. Так, например, когда-то существовала приправа под названием «пельверин», с помощью которой любому продукту можно было придать какой угодно вкус. Ее готовили из корней синистепельва, растения, которое потом полностью уничтожили зельцы, они почему-то решили, что его возделывает сам дьявол. Цакоб рассказывал мне и о деревьях с плодами, содержащими натуральный йогурт, о легендарных ягодах-великанах размером с воздушный шар, о земляных пастилках, небольших шариках из торфа, по вкусу напоминающих поджаренные бананы.

Но все это было ничто по сравнению с теми высотами, которых он достиг в своей излюбленной сфере — вкусовой комбинаторике. Цакоб Йоа придерживался мнения, что в меню ресторана должно содержаться как можно больше разнообразных продуктов, блюд, приправ и калорий. Удивительно, насколько бесстрашно он комбинировал самые несовместимые вкусы. Однажды я наблюдал, как он варил рыбу в меде, а потом жарил в масле соленый персик. Кур он заливал шоколадной глазурью, а спагетти посыпал корицей, но никто никогда не жаловался, напротив, в зале то и дело раздавались возгласы удивления и восторга. Чем больше ты перепробовал разных вкусов, тем насыщеннее и полнее твоя жизнь, — так считал Цакоб.

Правда, меня самого к приготовлению блюд в ресторане Цакоб не допускал, мы с Гемлутом работали в пиццерии, где я благодаря счастливой случайности очень быстро стал главным поваром. Дело в том, что однажды мне в голову пришла удачная мысль: на одну, уже полностью готовую гаянскую пиццу с начинкой положить вторую такую же. Эта двойная пицца

пользовалась в ресторане особенным спросом и помогла мне продвинуться по службе. Гемлут, мой ассистент, высоко задрав нос, с выражением профессиональной гордости на лице выверенными движениями подкидывал мне оливки, лук, салями, сосиски, грибы, рыбу и ветчину, а я элегантно раскладывал их на пиццы. То и дело на улице кто-нибудь останавливался и, прильнув к окну, наблюдал за нашей работой. И уж если это было существо женского пола, Гемлут времени зря не терял, тут же назначал очередное свидание, особенно если у девушки была экстраординарно пышная шевелюра.

Дома, в перерывах между свадьбами гномов, мы спали, иногда я рассказывал Гемлуту о том, чему научился в Ночной школе, или он обучал меня приемам боевого кадора.

По ночам я частенько слушал его ностальгические рассказы о милых его сердцу табачных плантациях. Тяжело вздыхая и смахивая украдкой слезу, он описывал мне красоты тропического леса, а я вспоминал Кверта, который точно так же прочувствованно рассказывал мне о своем измерении.

ДВОЙНАЯ ПИЦЦА «СИНИЙ МЕДВЕДЬ»

Тесто

10 г дрожжей, 200 г муки, щепотка сахара, 1/4 чайной ложки соли.

Начинка

150 г сыра моцарелла, пюре из четырех томатов, шесть сосисок, четыре кружка салями, пять измельченных оливок, 100 г сырокопченой ветчины, каперсы, тертый пармезан.

Способ приготовления

Вымесить тесто, для чего смешать все ингредиенты с двумя столовыми ложками воды, скатать шар, накрыть и оставить на 30 минут. Раскатать пиццу, выложить сверху протертые томаты, моцареллу и все остальные составляющие начинки. Изготовить вторую такую же пиццу. Выпекать обе пиццы в печи 15 минут, затем положить одну на другую и в таком виде подавать на стол.

Середина недели в Атлантисе. Самым лучшим днем недели в Атлантисе была среда. Этот день традиционно считался нерабочим, жители города прекращали работать и отмечали тот факт, что уже отработали половину недели.

Все трудоспособное население Атлантиса, провалявшись до обеда в постели, отправлялось не на работу, а на выставки или другие культурные мероприятия, которых в городе было гораздо больше, чем в любом другом населенном пункте Замонии.

Одного взгляда на страничку культурной хроники любой газеты Атлантиса было достаточно, чтобы составить себе представление о разнообразии культурных мероприятий, проходивших по средам. (Привожу здесь лишь самые интересные.)

СЕММ СЕГГЛИУ И НАТИФТОФЫ, музыкальный коллектив из Восточной Замонии, даст жару в «ПОДПОЛЬНОМ БУНКЕРЕ», подземном танцхолле, расположенном под одним из городских озер. В группе, естественно, не было никаких натифтофов, они бы на такое никогда не решились, их представляли переодетые

зельцы, что само по себе было уже совершенно отвязно, поскольку натифтофы весьма болезненно реагировали на подобные провокации и незамедлительно отвечали на них всеми разрешенными законом репрессивными мерами.

В «КОЛОДРОМЕ», гигантском театральном центре, насчитывавшем 34 сцены, давали спектакль-марафон «Глас вольтигорков», экспериментальную постановку по пьесе Хильдегунста Сказителя, длящуюся в общей сложности 240 часов и объединившую 3000 актеров. Зрители в зале сменяли друг друга, одни уходили, другие приходили, но вновь пришедшие не чувствовали себя ущемленными, так как по замыслу Сказителя действие пьесы, посвященной разбору глубинных причин войны, с незначительными отклонениями повторялось каждые несколько часов. Гемлут тоже успел там побывать, но остался разочарован. Ему не понравилось, что актеры все время говорили задом наперед и еще в перерывах между репликами пили чай из термоса и ели бутерброды.

САТТАМ ТРЕБ-АЙЗ, автор известнейшего бестселлера «Заливные луга», читает главы из только что вышедшей книги «Заливные луга—2» в «КАТАКОМБАХ», литературном кафе на окраинах итальянских руин.

Добраньские быки приглашают принять участие в шахматном марафоне в одном из лучших кафе-клубов «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДИЛЕТАНТА». Победителю вместо тумаков гарантируется бесплатное пиво.

Длинноногие берты призывают участвовать в марше протеста по ИЛСТАТНА. Повод протеста предлагается выбрать на свое усмотрение, для чего уже заготовлено большое количество чистых полотнищ для транспарантов.

Бывший охотник за троллями, более известный теперь как яростный защитник таковых, КУЛЬРУССИАН ПОРГ выступит на летней площадке МОЛОДЕЖНОГО КЛУБА в обвинительной дискуссии, где готов выслушать все упреки и претензии в свой адрес, так что на мероприятии ожидается большое скопление разъяренных троллей и представителей симпатизирующих им движений.

Др. Хаммит Х. Хаммит, основатель течения хаммитизма, выступит с лекцией в городском ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ, где гарантирует обхамить всех без исключения посетителей.

ДЕМОНЫ-РИКШИ устраивают в городском парке бесплатные катания детей с целью повысить свой имидж среди подрастающего поколения. (Тут надо заметить, что подобные мероприятия проводились в городе почти ежегодно, только демоны-рикши обладали настолько отталкивающей внешностью,

что ни один ребенок не решался к ним подойти, даже несмотря на яркие балаганчики с подарками и бесплатным демоническим лимонадом, так что все усилия проходили впустую.)

КОНСОРТИО ФЛАГГЕЛАНТИ, группа толстых итальянских теноров-унок, обещает усладить публику античными ариями на открытой сцене в Силнатате. Во время концерта певцы будут отчаянно стегать друг друга вениками из крапивы, отчего голоса приобретают еще более изысканное, неповторимое звучание.

МУЗЕЙ НЕМИЛОСЕРДНЫХ ВЕЩЕЙ, где выставлены напоказ предметы, о которых лучше не говорить, предлагает новую инсталляцию «Стоматологические инструменты от античности до наших дней». Стоит только взглянуть, чем пользовались в былые времена тролли-стоматологи для удаления зубов, естественно без всякой анестезии, и будешь чистить свои резцы по десять раз на дню.

ФРЕДАК ХАО, укротитель молний, даст представление под открытым небом на ПЛОЩАДИ ПОТЕРЯННЫХ ДУШ, в центре Лиснатат, где специально для этого сооружена летняя сцена. Придя к выводу, что синие электрические разряды, озаряющие по ночам небо над Атлантисом, реагируют на воду, в тех местах, где они появляются чаще всего, Хао стал устраивать представления, расставляя там ведра с водой в виде какого-нибудь рисунка. Молнии прыгали от ведерка к ведерку, получалась своеобразная живая картинка, приводящая в восторг публику и приносящая Хао немалый доход.

Кумир всего женского населения Атлантиса, молодой, не достигший еще двухсот лет, ЛУКУМ ЗЕФИР даст концерт, билеты на который раскуплены за месяцы вперед. Обнаженный по пояс певец, аккомпанируя себе на усыпанной бриллиантами арфе, будет петь песни о любви и верности и о дорогих подарках, их подтверждающих.

«ОТЧАЯННЫЕ ГОЛОВЫ ИЗ ПОДВОРОТНИ», авангардная театральная группа из Южной Замонии, позволит забросать себя вместо цветов деньгами на одной из альтернативных площадок.

С удовольствием ходил народ и на дружеские матчи между районами Татиланс и Титаланс за право обладания золотым кубком, учрежденным профсоюзом демонов-рикш (еще один акт саморекламы этих крайне неравнодушных к своему имиджу существ). Играли в так называемую геббу, это такая древняя разновидность футбола, только игроков с обеих сторон по 5000, вместо одного мяча целых четыреста деревянных шайб, а маленьких круглых ворот, куда загоняются эти шайбы, и вовсе не счесть, но каждые из них охраняет по сорок вратарей. Играют в геббу не на поле, а в некоем сооружении, похожем на

многоэтажный гараж, так что следить за игроками совсем не просто, учитывая, что игра длится обычно с утра до глубокой ночи, а с многочисленными овертаймами затягивалась порой до утра. И еще сутки потом длится процесс установления подлинного победителя, выявить которого частенько так и не удается. Но победа в этой игре не главное, главное в ней — участие.

Одним словом, возможностей как следует провести время и культурно отдохнуть в Атлантисе хватало. Впрочем, центральным событием праздничной программы, несомненно, были ГЛАДИАТОРСКИЕ БОИ ЛЖЕЦОВ, проходившие в самом большом амфитеатре Атлантиса — МЕГАТЕАТРЕ. Мы с Гемлутом побывали на них впервые, отмечая изобретение двойной пиццы и мое продвижение по службе.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ГЛАДИАТОРЫ-ЛЖЕЦЫ, непревзойденные по своей популярности народные кумиры Атлантиса, обладающие уникальной способностью — не краснея, врать на публике, доставляя ей тем самым удовольствие. Гладиаторы выступают на профессиональной сцене Мегатеатра, где участвуют в дуэлях лжи, стараясь перещеголять друг друга в выдуманных историях и оспаривая право на звание короля Лжи. С помощью довольно-таки сложной системы критериев оценки публика определяет лучшего и самого профессионального лжеца, чьи истории кажутся ей наиболее увлекательными. Чтобы получить возможность принять участие в дуэли лжецов, нужно сначала получить образование на специальных курсах, а затем пройти долгий путь от ассистента до дипломированного гладиатора. Гладиаторы-лжецы причисляются в Атлантисе к гильдии независимых артистов-индивидуалов и соединяют в себе черты комиков, театральных актеров, мелких жуликов, самураев, боксеров, шахматистов и, само собой, римских гладиаторов.

Гладиаторы-лжецы пользуются в Атлантисе гораздо

большей любовью, нежели представители любых других жанров эстрадного искусства, и приравниваются чуть ли не к богам. Их именами называют школы и обсерватории. Кроме того, имя новоиспеченного короля Лжи запечатлевается на каждой буханке, с тем чтобы оно было у всех на устах. Самым популярным гладиатором-лжецом был Нусрам Факир Оригинальный, которому удалось удерживать титул двенадцать лет подряд, после чего он добровольно удалился на покой.

Мегатеатр. Мегатеатр представлял собой стадионоподобный открытый театр с многочисленными ступенчатыми рядами и крошечной ареной посредине, вмещавший в себя около ста тысяч зрителей. Толпа затекала внутрь через ворота, устроенные со всех четырех сторон, и расползалась по стадиону в поисках своих мест. Мы, естественно, — самых дешевых. Все билеты были распроданы подчистую, что на дуэлях гладиаторов-лжецов случалось практически постоянно. На самом верху, куда билеты отдавали почти задаром, потому что там почти ничего не было видно и слышно, как правило, восседали зельцы и йети, которые жутко орали, дудели, свистели и закидывали остальных зрителей в нижних рядах обглоданными початками кукурузы, ее, как и теплое пиво, продавали при входе, что должно было поднимать настроение и усиливать удовольствие, получаемое публикой от дуэлей.

Первые ряды занимали натифтофы и выдающиеся личности города, на самом почетном месте сидел Реганаан Салиас Третий, тогдашний губернатор Атлантиса. Места в серединке пестрели самой разнообразной публикой, здесь можно было встретить представителей всех групп, подвидов и исторических меньшинств: драконов, венецианских человечков, вольтерков, гаянов, древесных гномов и лесных ведьм — дуэли гладиаторов не оставили равнодушным никого. Одни только люди-невидимки на представления не ходили, хотя и про них нельзя сказать точно, ведь они невидимки.

Наверху, по кромке круглых стен стадиона, на некотором расстоянии друг от друга сидели грифы и гаргирры, призванные обеспечивать порядок во время состязания. Ведь сражения гладиаторов вызывали в зрительском зале нешуточные страсти. Нередко стадион посещали и группы склонных к вандализму фанатов, особенно отличались все те же зельцы, использовавшие любую возможность покалечить стадионные кресла, а заодно и

кого-нибудь из зрителей.

Кукуруза и пиво. С кружками парящегося пива и благоухающей кукурузой в руках, мы с Гемлутом расположились в двадцатом ряду. Мой друг был не в духе. Он только что порвал с очередной девушкой, потому что она пришла на свидание с новой модной короткой стрижкой. В сущности, поэтому мы и оказались в Мегатеатре. По словам Гемлута, нет лучшего средства от душевной тоски, чем горячее пиво, вареная кукуруза и захватывающая дуэль гладиаторов.

Мне все это страшно понравилось еще прежде, чем успело начаться. Возбужденный гул многотысячной толпы, грохот дулдуффов в оркестровой яме, запах вареной кукурузы — все это создавало атмосферу, с первой минуты завладевшую всем моим существом. Я беспрестанно ерзал на месте и все спрашивал Гемлута, когда же наконец начнутся дуэли. Он-то сам был совершенно спокоен, потому что присутствовал на представлении уже не в первый раз.

— Будут тянуть. Га. Они любят помучить.

Но вот оркестр в оркестровой яме заиграл на дулдуффах национальный гимн. Публика поднялась с мест и запела хором, зельцы, само собой, громче всех:

Замония, Замония, в океане звезда.
Море и скалы вокруг, ты такая одна.
Жизнь моя, боль моя и отрада,
Родина моя…

И так далее в том же духе.

Исполнив свой патриотический долг, публика снова расселась по местам. Затем на сцене было разыграно несколько натифтофских пантомим, невыносимо скучных и страшно затянутых, рассказывающих о жизни нынешнего губернатора Атлантиса, — правда, публика в первых рядах встретила их с неподдельным восторгом.

Затем на арену вышел церемониймейстер и с благоговением объявил имена главных кандидатов: Словохот Зинг, индийский дервиш, и Денг По, бывший демон-рикша. Церемониймейстер обстоятельно зачел длинный список побед и поражений обоих участников, подробно описал их физические данные и хобби, назвал даты рождения вместе с принадлежностью к знакам зодиака, а также перечислил и предпочитаемые литературные

жанры. Потом, без всякого аккомпанемента, откровенно демонстрируя полное отсутствие слуха, исполнил песню на древнезамонианском, давно умершем, не понятном никому из присутствующих языке. Во время этого ритуала в зале, как всегда, поднялся нетерпеливый гул, публика заерзала и зашептала, но что поделаешь, именно так открывались гладиаторские бои в Атлантисе уже много-много веков подряд.

И наконец началась разминка. Как по форме своей, так и по содержанию она не имела ничего общего с настоящими гладиаторскими боями. Цель ее заключалась лишь в том, чтобы дать молодым, еще неопытным гладиаторам возможность попробовать свои силы на большой арене, а заодно и подогреть настроение в зале перед выступлением ассов. Два юнца неуверенно вышли на сцену, встали друг против друга и начали обмениваться неуклюжими репликами.

Сначала они рассказали по нелепой историйке, а потом принялись обоюдно обвинять друг друга во лжи, что в результате не привело ни к чему хорошему и закончилось диалогом типа:

— А вот и неправда!

— Правда, правда! Еще как правда!

— Нет, неправда!

— А я говорю — правда!

И так далее в том же духе.

Я совсем сник. Стоило устраивать такую шумиху из-за подобной ерунды. Представление мне совсем не понравилось. Особенно жалко было денег, потраченных на билеты, лучше бы мы купили на них добрую порцию меда. Я не удержался и поделился своими сомнениями с Гемлутом.

— Потерпи немного, га! Эти совсем еще желторотые. Надо же им тренироваться, — шепнул он мне.

Дуэль. А потом пришло время настоящих гладиаторских боев. Для этого на арене сначала установили два массивных позолоченных и украшенных драгоценными камнями трона, над высокой спинкой каждого из которых возвышалась длинная стрелка, напоминающая часы или тахометр. Кроме того, оба кресла были сверху донизу обмотаны какими-то проводами. Затем на сцену выкатили еще один непонятный прибор — огромный серебряный ящик, по бокам которого были закреплены два позолоченных рельефа, отдаленно напоминающих уши.

— Это измеритель громкости аплодисментов. Чем громче овации, тем больше очков набирает гладиатор.

Оказывается, мнение зала играло здесь не последнюю роль. Прибором измеряли громкость аплодисментов в очках или

баллах, которыми и оценивались достоинства участников.

И вот наконец настал торжественный момент — на сцену вышли сами гладиаторы, облаченные в традиционные бархатные мантии, первый претендент на роль короля Лжи — в синюю, а сам король — в пурпурную. Публика повскакивала с мест и заревела, перебирая пальцами или ребром ладони по нижней губе, в результате чего получилось очень громкое многотысячное «бр-бр-бр-р-р-р». Так на гладиаторских боях было принято выказывать свой восторг.

Оба, не спеша, провожаемые тысячами горящих глаз поклонников, взошли на троны. Потом прозвучал оглушительный удар гонга, и дуэль началась.

Денг По был первым претендентом на звание короля Лжи, поэтому начинал он. Зинг принял непринужденную позу. Он уже шесть месяцев носил звание короля и взирал на первого претендента с нескрываемым снисхождением. Денг По представил вниманию зрителей чудесную сказку, в которой, как это принято у него на родине, был очень запутанный сюжет, а в роли главных действующих лиц, насколько помню, выступали китайские духи ветра и воды. Рассказанная легко, без напряжения, история получилась светлой, как ручеек, и, приправленная парой-тройкой шутливых отступлений, закончилась драматической развязкой.

Публика вежливо зааплодировала, измеритель громкости аплодисментов показал два с половиной балла, и ответное слово взял Зинг. Он сразу же перешел в контрнаступление и представил на суд зрителей традиционную для своей родины историю о крохотном рисовом зернышке, которое ему пришлось раздобыть, чтобы написать на нем роман-эпопею крылышком комара.

Выступление Зинга оказалось куда интереснее, чем у соперника. Оно пестрело разнообразными научными терминами и было умело приправлено хорошими шутками. Кроме того, Зинг обладал еще и недюжинным актерским талантом; его запоминающиеся жесты, забавная мимика и умелая артикуляция производили на публику прямо-таки завораживающее впечатление. В результате стрелка измерителя громкости аплодисментов остановилась у цифры «шесть».

Успех соперника Денг принял хладнокровно. Свою вторую историю, что-то вроде сказания о китайском рыбаке, вышедшем в открытое море, чтобы поймать гигантскую золотую рыбу, он, очевидно, специально приберег для ответного хода. Манера его исполнения тоже стала гораздо лучше, жесты увереннее. Рассказ был щедро сдобрен интересными фактами из области биологии, а также едкими сатирическими замечаниями, высмеивающими

структуру китайского рыбного хозяйства, которые каждый раз вызывали взрывы хохота в зале, особенно в тех рядах, где сидели демоны-рикши. Измеритель громкости аплодисментов показал три целых восемь десятых. Совсем неплохо для претендента в самом начале сражения.

Подробности всех последующих раундов сражения, к сожалению, со временем стерлись из моей памяти, но одно знаю точно: это была честная и захватывающая борьба, длившаяся более трех часов. Истории становились все увлекательнее, поражая детальностью проработки и фантастически закрученными сюжетными линиями. Порой симпатии публики перевешивали в пользу Зинга, порой они были на стороне Денга, но ни разу стрелка не останавливалась раньше, чем достигала отметки «четыре», что свидетельствовало об очень высоком уровне выступавших.

В результате победа — что, в общем-то, ни у кого не вызвало удивления — все-таки окончательно закрепилась за Зингом, то есть победили опыт и натренированность, поскольку Денг По не сумел рассчитать свои силы и заметно сдал в последней трети поединка. Все жемчужины своей фантазии он растратил еще в середине выступления, в то время как Словохот Зинг приберег все лучшее напоследок. В результате Денгу пришлось сбросить мантию, что означало его безусловное поражение, ведь дуэли гладиаторов длились до тех пор, пока один из соперников не признавал превосходство другого.

В честь справедливой и отнюдь не легкой победы Зинга зельцы целый час носили его на руках кругами по Мегатеатру. Потом оркестр гномов сыграл замонианскую колыбельную, ворота открылись и публика хлынула на душные ночные улицы.

Слегка покачиваясь от теплого пива, мы двинулись домой, по пути горячо обсуждая детали дуэли. Над Атлантисом грохотала гроза, то и дело освещая дома ослепительными синими вспышками.

Гемлут поставил несколько пирас на проигравшего и все их потерял, поэтому шел хмурый и ругал гладиаторские бои на чем свет стоит. Я же, напротив, был в приподнятом настроении, совершенно потрясенный увиденным. Ни одно культурное мероприятие еще ни разу не произвело на меня такого сильного впечатления, но больше всего поразило меня то, что даже такое нехорошее качество, как склонность ко лжи, оказывается, можно сделать предметом боевых состязаний; я обкусал себе все когти, переживая повороты борьбы, и все еще продолжал смеяться, вспоминая шутки соперников.

Гладиаторские бои всецело завладели моим сознанием. Во

время схваток соперников я постоянно представлял себя на месте кого-то из них, разрабатывал собственную стратегию боя и выдумывал собственные фантастические истории. И нередко то, что предлагали на суд публики гладиаторы, меня не совсем устраивало. Правда, Гемлуту я об этом не говорил, чтобы не показаться зазнайкой, но в глубине души был твердо уверен, что могу выступать ничуть не хуже тех, кого мы сегодня видели на сцене. А возможно, еще и лучше.

Бои гладиаторов еще долго не выходили у меня из головы. На работе я стал невнимательным, к великой радости посетителей пиццерии, которые получали теперь пиццу с двойной и тройной начинкой. В душе моей все отчетливее росло недовольство моим теперешним местом. В пиццерии, конечно, неплохая зарплата, целый день находишься в тепле и ешь сколько хочешь, но разве это мечта всей моей жизни? В тот вечер в кафе было особенно многолюдно, мы, обливаясь потом, вертелись как заводные, чтобы удовлетворить все заказы и всех обеспечить добавкой; дым на кухне стоял коромыслом, а печи раскалились чуть ли не добела.

Только я не чувствовал духоты, потому что мысли мои были далеко, я снова и снова мысленно возвращался к дуэли гладиаторов в Мегатеатре. Я проанализировал тактику и ошибки обоих участников, еще раз снова прокрутил в голове весь сценарий борьбы, попутно придумывая собственные истории, вследствие чего насыпал на очередную пиццу целую гору сыра. Я был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил, как передо мной вырос Цакоб Йоа со злобной гримасой на лице. Он размахивал всеми своими четырьмя руками, совал мне под нос поварешку и орал, что я снова порчу чужое добро. Отчитывал он меня довольно часто, и я уже привык не обращать на его вопли никакого внимания, только в этот раз я вдруг ясно понял, что с меня хватит. Я снял передник, швырнул его на пол и молча направился к выходу. Гемлут последовал моему примеру, довольный, что можно больше не работать.

Землетрясение. Я был уже почти на улице, когда почва вдруг начала уходить у меня из-под ног. Беспомощно пытаясь за что-нибудь ухватиться, я взмахнул лапами, но через секунду уже лежал на спине. Пол трясся с такой силой, что стулья и столы прыгали по всему залу. С потолка гигантскими хлопьями сыпалась штукатурка, посетители и персонал дико кричали.

Гемлут затащил меня под стол, и мы ухватились за его ножки. Все вокруг грохотало, к нам присоединялись все новые и новые посетители. Потом постепенно грохот и тряска утихли. Одна из печей раскололась, и в зал хлынул поток раскаленного угля. Пол был усеян кусками штукатурки, осколками посуды и битым стеклом. Такого сильного землетрясения еще ни разу не было за все время моего пребывания в Атлантисе.

Потом мы еще немного послонялись по Илстатна, чтобы привести в порядок нервы и переварить произошедшее.

— Ну не переживай, га, — суетился вокруг меня Хемлут. — Будем подрабатывать на улице, ты будешь танцевать, а я петь.

Только проблема зарабатывания денег волновала меня в данный момент меньше всего. За последнее время нам удалось кое-что накопить, квартира была оплачена вперед, а кладовка ломилась от провианта. И как я уже говорил, недостатка рабочих мест в Атлантисе не наблюдалось. Гораздо труднее было смириться с тем фактом, что до следующей дуэли гладиаторов-лжецов оставалось целых четыре дня, а так долго мне было не вытерпеть.

Последующие два месяца мы подрабатывали в порту, потрошили рыбу, потом были курьерами, ходячими рекламными щитами, сортировали огурцы на овощном складе, размешивали уксус на горчичной фабрике, и я не пропускал ни одной дуэли гладиаторов. Словохот Зинг дал пару выдающихся выступлений, и я превратился в его фаната.

А через семь месяцев он потерял свой титул.

В одну из сред мы, как всегда, сидели в Мегатеатре, грызли кукурузу и ждали начала основного сражения. Словохот Зинг к тому времени приобрел славу непобедимого лжеца, никто не выдерживал с ним более восьми поединков, а для публики было подлинным наслаждением наблюдать за его безупречными, тактически выверенными атаками. На Гемлуте красовалась футболка с боевым гербом Словохота, и мы вместе с зельцами скандировали речевку его фанатов: «Зинг! Зинг! Словохот Зинг! Зинг! Зинг! Словохот! Зинг!»

Не очень оригинально, зато убедительно.

Его противника никто не знал, известно было только, что он сам называл себя Лорд Нелож, но это скорее всего был псевдоним. Вот Зинг ему сейчас задаст жару! В этом мы ничуть не сомневались и даже поставили на него по нескольку скромных

пирас.

Игра на тотализаторе уже давно стала для нас источником дополнительного дохода. Как завсегдатаи гладиаторских боев, мы были достаточно опытны, чтобы и в основном сражении, и во время разминки угадывать совершенно верно.

По ходу дуэли я делал в блокноте пометки, потом дома анализировал стратегии разных участников, все их имена я уже знал наизусть. *Габросик Насатрам, Кронгтеп Кран, Нусрам Факир, Брутан Холтоккер, Хулем Херц, Балагур Смадад младший, Кольпорто Польторки, Гноти Вальтрозем Жестокий, Йонгунг Том, Хюнкер фон Думхен, Вломот Ломоотвод, Бумбем Цирелла* и многие другие. Я мог воспроизвести в памяти до мельчайших подробностей каждый отдельный бой, который только когда-либо состоялся в Атлантисе.

Гемлут частенько посмеивался над моим фанатизмом, но и сам пристрастился к боям ничуть не меньше.

Мы в ярости швырнули обглоданные початки кукурузы на сцену: гладиаторы снова заставляли себя ждать. Наконец на арену неторопливой походкой вышел Словохот и важно водрузился на трон. Мы еще несколько минут поскандировали его имя, а потом воцарилась тишина. Удар гонга, и перед публикой предстал его соперник.

Сюрприз. Это был пещерный тролль.

Большего сюрприза я не мог себе даже представить, ну разве что если бы на арену вышел я сам. Это совершенно определенно был именно тот тип из моих предыдущих жизней, встретить которого вновь мне хотелось бы меньше всего. И тем более облаченного в ставшую для меня чем-то вроде святыни мантию гладиатора-лжеца. Как такому ничтожеству удалось пробиться на самый верх, в то время как я все еще мыл грязные ведра на горчичной фабрике?

Я страшно разволновался и рассказал Гемлуту о своем знакомстве с пещерным троллем.

— Мерзавец, говоришь, га! Ну и что. Главное, чтобы складно врал.

Что-что, а врать он умел, в этом я убедился на собственном опыте.

Дуэль началась, и первым, как положено, выступал первый претендент на роль короля Лжи, то есть пещерный тролль. Для

затравки он поведал нам печальную историю своей юности, как все его обижали и притесняли, в общем все то нытье, которое я слышал не раз во время наших с ним прошлых встреч. Однако с публикой происходило что-то невероятное. Он искусно приправлял свою жалостливую историю лживыми подробностями об устройстве пещер Темных гор и о том, как он, не жалея сил, помогал заблудившимся выбираться из лабиринта и выводил их на свободу. Я скрежетал зубами, а публика слушала его россказни, затаив дыхание и со слезами умиления на глазах. В результате зал разразился грохотом аплодисментов, и стрелка прибора перевалила за цифру «восемь».

Словохот со своей историей едва дотянул до шести.

Не без сожаления вынужден признать, что у пещерного тролля действительно был подлинный талант гладиатора-лжеца. Он подкупал живой непосредственностью своего рассказа и яркой актерской индивидуальностью. Невероятно правдоподобно перевоплощаясь в персонажей своих историй, он имитировал их голоса и обладал даже способностью чревовещания, что придавало его выступлениям еще больше шарма. И самое главное, он умел беззастенчиво лгать, а это было уже редким качеством даже среди королей Лжи. Он не гнушался ничем, корчился, ползал на четвереньках и, казалось, готов был вылезти из собственной кожи, да к тому же еще обладал незаурядным, весьма оригинальным чувством юмора.

Словохот был, напротив, скорее гладиатор-джентльмен с подлинно аристократическими манерами. Он так давно удерживал за собой трон короля Лжи, что публика выучила все его па наизусть. А этот уродливый гном предлагал что-то новенькое. Когда даже Гемлут принялся жарко аплодировать троллю, я понял, что для Словохота настали трудные времена.

Четыре последующих раунда симпатии оставались на стороне тролля, что окончательно вывело меня из себя. Мне лично истории Словохота нравились больше, и я кричал, свистел и топал ногами что есть мочи, но зал неумолимо отдавал предпочтение его недостойному противнику. Даже самые глупые и пустые истории тролля шли на ура, стоило ему только скорчить одну из своих отвратительных гримас. Но что поделаешь, так уж было заведено на гладиаторских боях, что именно публика определяла, кому сидеть на троне короля.

Из пятнадцати раундов Словохот выиграл только три. В шестнадцатом, когда тролль достиг девяти с половиной баллов, Зинг снял свою мантию. В глазах у него стояли слезы.

Пещерный тролль, или Лорд Нелож, как он себя теперь величал, стал новым королем Лжи.

Мечты. Переход титула короля Лжи к пещерному троллю не только не охладил моей страсти к этому спорту, но, напротив, распалил ее с новой силой. Словохот Зинг превратил меня в фанатичного зрителя гладиаторских боев, тролль же разбудил честолюбие и желание самому попытать счастья в роли гладиатора. В глубине души я мечтал когда-нибудь разбить его в пух и прах на глазах у всего стадиона.

Мы по-прежнему не пропускали ни одной дуэли. Лорд Нелож еще больше упрочил свое положение и собрал вокруг себя целую армию поклонников. Только меня это ничуть не впечатляло.

Его манера вести себя меня раздражала, а все эти скользкие приемчики и лживые гримасы просто бесили. Он готов был на что угодно, только бы заслужить симпатию публики. Он никогда не рисковал, стремясь только к одному — любым путем отвоевать хоть незначительное преимущество, что ему практически всегда удавалось. Даже Гемлут и тот пал жертвой его уловок.

— Ну и что, га, — возражал он каждый раз, как только я начинал ругать Неложа, — зато весело.

Однажды вечером, когда мы пришли на очередное представление в Мегатеатр, мое внимание привлек плакат:

Эй, ты!
Тебе надоело вкалывать за гроши?
Никто не ценит твой труд?

А хочешь стать любимцем публики, купаться в пирасах, прославиться на всю страну и снискать любовь и уважение замонианского народа?

Тогда становись гладиатором-лжецом!

Приходи к нам, и мы тебя научим!

«Ржавое Руно», Илстатна, 20 567!

Гемлуту я не стал рассказывать о своей затее, он бы сразу объявил меня ненормальным и поднял на смех.

На следующий день, когда я очнулся на Илстатна у входа в «Ржавое Руно», меня и самого одолели сомнения. А смогу ли я

выступать перед публикой? На острове у химериад у меня, конечно, обнаружились кое-какие задатки кривляки и лицедея, но здесь требовалось нечто совсем другое. Поэтому, переступая порог бара, я трясся как осиновый лист.

В приюте самаритянина. Внутри оказалось темно и грязно, гораздо хуже, чем можно было себе представить. Несмотря на ранний час, за столиками уже сидели подвыпившие посетители, в основном зельцы, окруженные плотным туманом едкого табачного дыма. И здесь обучают на гладиаторов? Наверное, я просто ошибся адресом. Или это чья-то глупая шутка? Уже решив было, пока не поздно, повернуть назад, я вдруг услышал за спиной знакомый голос, вызвавший у меня в голове целый поток неприятных воспоминаний.

— Вотан тебя побери, где мое пиво, чтоб ты провалился!

— Да, Вотан его побери, чтоб он провалился! — проблеял другой препротивненький голосок.

Я развернулся и сквозь непроглядные клубы дыма пошел на голоса. Вскоре впереди проступили очертания трех нетрезвых посетителей.

— Проклятие! — ревел один из них. — Я сейчас забуду про вежливость!

Я помахал лапой, разгоняя туман, и передо мной во всей своей красе предстали пьяный зельц и двое моих старых знакомых.

Старые друзья и новые очки. Грот и Цилле собственной персоной. И надо сказать, что они совсем не изменились. Возможно, только стали чуточку выше ростом. Во всяком случае, Грот. А на единственном глазу Цилле красовалась толстенная линза, в которой я тут же узнал сконструированные профессором Филинчиком очки для циклопа, которые хранились у него в «Хранилище недоработанных патентов». Я подошел ближе:

— Привет, Грот! Привет, Цилле!

Оба испуганно вздрогнули и инстинктивно зашарили под столом, скорее всего в поисках оружия, которое было у них там припрятано. Цилле подался вперед, поправил очки и вперил в меня свой единственный глаз:

— Синий Медведь?

— Синий Медведь? — эхом повторил Грот.

Они выгнали зельца из-за стола и пригласили меня присесть и выпить с ними пива. От последнего я отказался, ссылаясь на ранний час, чем развеселил своих знакомых, которые от души хохотали, чокаясь тяжелыми пивными кружками. А присесть согласился, и мы немного поболтали о том о сем, вспомнили учебу в школе, и они рассказали мне, как попали в Атлантис.

— Я так рад, что мы избавились наконец от этого старого филина, — гудел Грот в обычной своей степени громкости, имея в виду, по-видимому, профессора Филинчика.

— Я все равно ничего не понимал. Только зря время потратил. Жизнь — вот лучшая школа.

Он поднял кружку, обернувшись к присутствующим в пивной, и несколько зельцев вяло ответили ему тем же. Мои знакомые, видно, были здесь нередкими гостями. Похоже, у обоих был стойкий иммунитет к бактериям интеллекта.

— Старик быстро сообразил, что ничего от меня не добьется.

В подтверждение своих слов Грот постучал костяшками пальцев по лбу, голова отозвалась гулким пустым звуком. Наверное, бактерии интеллекта отскакивали от его черепа как горох.

— А я все понимал! Все-все! — пискляво кричал Цилле. — Только потом забыл, да.

Он поднял кружку с пивом и затряс ею перед нами, словно хотел продемонстрировать, что явилось причиной столь раннего склероза.

— Потом со мной случилась эта болезнь, эхм… как ее там… не помню… Ну, в общем, я все забыл, да.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

КЛОПИДНЫЙ КРЕТИНИЗМ. Клопидный кретинизм представляет собой очень редкую болезнь, которой подвержены исключительно клопиды. Те немногочисленные мысли, что обитают в голове клопида, доведенные до отчаяния необходимостью служить самым гнусным и низменным целям, совершают акт суицида, бросаясь в море Забвения — особую часть мозга, существующую в голове как у боллога, так и у клопида. Это приводит к образованию в мозгу клопида все больших и больших пустот и со временем к полному очищению оного от каких бы то ни было мыслей и знаний.

Оба остались все теми же пустоголовыми болванами, какими были, когда мы вместе учились в Ночной школе. Этот факт еще больше пошатнул мою уверенность в безусловной результативности образовательных методов Филинчика.

— А потом он выставил нас за дверь, послал в этот жуткий лабиринт. Чего мы там натерпелись! Целых два часа! Два часа искать выход! Это тебе не шутки, валькирия меня раздери!

Два часа! Они нашли выход из лабиринта за два часа! А у меня на это ушло полжизни. Еще одно доказательство того, что удача далеко не всегда руководствуется принципом справедливости.

— А все потому, — довольно осклабился Грот, — что я по пути изловил этого шмакодявку, ну знаешь, пещерного тролля, он теперь у нас король Лжи. Паршивец хотел сначала нас надуть, ну я и настучал ему как следует по башке, так он быстренько показал нам дорогу.

— А потом мы тащились по лесу, — продолжил путевые заметки Цилле. — Жуткое дело! Кругом такие огромные паутины, брр! Мы даже видели большущего паука. Просто какой-то монстр-убийца, только он, к счастью, к тому моменту уже помер. Наверное, с голоду. Видно было, совсем отощал бедолага.

— Не то б я ему задал трепку, — ухмыльнулся Грот, с шумом отхлебывая пиво.

Так, значит, я все-таки разделался с пауком! Ради одной этой новости уже стоило встретить обоих.

— Ну вот, а потом мы плыли по морю, — сообщил Цилле. —

Еще в лесу мы смастерили плот и в бухте Медведя спустили его на воду. Только почему-то забыли сделать весла.

На этом месте рассказа Грот грубо загоготал.

— Не знаю, сколько времени мы болтались там без еды и питья. В общем, море нас потрепало. Так, знаешь, может и крыша поехать. Представь, мне даже стало казаться, что волны могут болтать по-нашему, как ты или я. А Грот меня чуть не сожрал!

— Не ври, — буркнул Грот и залился краской.

— Правда, правда, хватал меня зубами за ногу.

— Это ты не понимаешь шуток!

— Знаем мы твои шутки! Но тут, к счастью, показалась земля. Это как раз был порт Атлантиса. Мы немного побродили по городу, осмотрелись, а потом устроились здесь на работу. Принимаем на курсы гладиаторов-лжецов. А тебя каким ветром сюда занесло?

Я не стал вдаваться в подробности и рассказывать, как оказался в Атлантисе, а сразу же перешел к делу:

— Да увидел рекламу, ну и подумал…

— Ты хочешь стать гладиатором?

Грот и Цилле недоуменно вытаращились на меня.

— Ага. Я видел дуэли, и мне кажется, я тоже смогу…

— Так думают почти все, — подмигнул мне Грот. — Только, не попробовав, не узнаешь. Идем, представим тебя боссу.

Мы пошли через зал к неприметной деревянной двери, я впереди, Грот и Цилле сзади, толкаясь и хихикая, как школьники. Они, видно, не сомневались, что я сяду в лужу. Я уже проклинал тот час, когда решился переступить порог этой мрачной забегаловки. Тут Грот распахнул передо мной дверь и бесцеремонно толкнул меня в спину.

В комнате за дверью было еще темнее, чем в пивной. Здесь вместо белого сигаретного дыма в воздухе висели облака черной копоти от фугар, настолько плотные, что в помещении было едва ли светлее, чем в темной лаборатории у Филинчика.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ФУГАРЫ. Фугарами называются сигары, скрученные из листьев растения, отдаленно напоминающего табак и произрастающего исключительно на большом пальце

острова Лапы. Кроме листьев для изготовления фугар используется также деготь и черная пыльца этого растения. Содержание смолы и никотина в одной фугаре стократно превышает содержание их в обычной сигаре, дым ее чрезвычайно едкий, черный и запахом напоминает пар кипящей смолы. Только существа, не имеющие легких и сердца (акулороты, железные черви и крысехвостые), в состоянии курить фугары, так как для всех остальных достаточно одной затяжки, чтобы отправиться на тот свет.

За столом, заваленным игральными картами и пирасами, сидел акулорот. Подобное существо мне встречалось впервые, в Атлантисе их было не много, и все они вели крайне уединенный, замкнутый образ жизни. Правда, поначалу, кроме обрамленной острыми зубами акульей пасти, я вообще ничего не видел.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

АКУЛОРОТ. Ползучее существо из семейства жабродышащих полуживотных, получервей, состоящее в отдаленном родстве с рыбным миром. Встретить акулорота крайне сложно, поскольку эти существа стараются оставаться в тени и прячутся в надежно защищенных от посторонних глаз местах, где еще дополнительно окружают себя непроглядным черным дымом фугар (см.: *фугары*). Акулороты обладают

высоким уровнем интеллекта (естественно, несравнимым с интеллектом идеета), что позволяет им множить свои богатства путем обстряпывания разных темных дел. Наделенные определенной долей обаяния и даже некими телепатическими способностями, акулороты нередко подчиняют себе других, более слабых существ, используя их в своих интересах.

Акулорот, попыхивая своей сигарой, изучающе смотрел на меня. В углу — сначала я его не заметил из-за густого дыма — застыл словно статуя в грозной позе добраньский бык, который тоже нагло пялился на меня. На нем была принятая в Атлантисе униформа телохранителя: брюки и жилетка из меха тролля и железная каска с двумя небольшими рогами. Только очень состоятельные личности могли позволить себе нанять в качестве телохранителя добраньского быка.

Вольцотан Смейк. — Итак, мой мальчик, что привело тебя ко мне? Я вижу, у тебя синий мех. Это редкость в Атлантисе. Меня можешь называть просто Смейк, — пропел акулорот приятным и в то же время властным басом.

Я даже немного смешался. Оказывается, эти существа умеют быть обходительными.

— Он хочет стать гладиатором-лжецом, — как по команде выпалили хором Грот и Цилле.

— Вас никто не спрашивал!

Похоже, все здесь подчинялись Смейку.

— Тот, кто хочет стать гладиатором-лжецом, наверняка может сам нам об этом сказать. Как тебя зовут, малыш?

— Синий Медведь, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более ровно и уверенно.

— Хм… Синий Медведь… неплохое имя. Псевдоним можно будет не придумывать. Придумать стоящий псевдоним — отнюдь не просто. А где ты родился?

— Нигде. Я вообще не рождался. Меня нашли в ореховой скорлупе.

— Ты вообще не рождался? Неплохо, очень неплохо! Это самая наглая ложь, какую я когда-либо слышал. А кто тебя нашел?

— Карликовые пираты! Их никто не видит, потому что они слишком маленькие. Я и сам тогда был очень маленький, почти как они. Я же сказал, что помещался в ореховой скорлупе. А потом из-за планктона я стал большим, и им пришлось высадить

меня на берег.

— Карликовые пираты, говоришь, — усмехнулся толстяк. — Мне нравится! У тебя есть фантазия!

Сам того не желая, я начал испытывать к нему симпатию.

— И где же они тебя высадили? — поинтересовался он, склоняясь ко мне через стол. Казалось, мой рассказ по какой-то непонятной причине вызывал у него живой интерес.

— На острове химериад. Там живут химериады, это такие полупрозрачные духи. Они питаются негативными эмоциями других. Мне пришлось для них плакать, и я стал настоящей звездой. Так что у меня уже есть некоторый опыт выступления перед публикой. На мои выступления распродавались все билеты, на кладбище поваленных деревьев не оставалось ни одного свободного места.

Взрыв хохота акулорота заставил меня замолчать. Его жирные щеки тряслись, словно студень.

— На кладбище поваленных деревьев не было ни одного свободного места! Хо-хо-хо! Он стал звездой-плаксой! Хо-хо-хо! Все, хватит, уморил… Нет! Лучше продолжай!

У Смейка по лицу текли слезы. Неужели я так смешон?! Наверное, надо было рассказать что-нибудь умное, продемонстрировать образование и интеллект.

— Я, между прочим, владею приемами ораторского искусства. Меня обучали сами волны-болтушки.

— Волны-болтушки! Отлично! А что еще ты умеешь?

— У меня говорящая энциклопедия в голове, она…

— Говорящая энциклопедия в голове? Да ты просто талант! Дальше.

— А потом я оказался в пустыне. Там я поймал город. В общем-то, это был не совсем город, а так, полустабильный мираж. Зато в нем жили фатомы, которые говорят задом наперед. И еще в нем постоянно исчезали дома, так что, знаете, жить там было не очень удобно. Затем меня занесло в торнадо, и я сделался древним стариком, под сто лет. Но потом нам удалось вырваться на свободу, и я снова помолодел. Да, я не сказал вам, что в торнадо был целый город, в котором жили столетние старики, вот… Нет, погодите, совсем забыл, до этого же я провалился в пространственную дыру. Провалился в дыру и вынырнул в другом измерении, где музыку исполняют на инструментах из молока…

От хохота Смейк свалился со стула, он закатился под стол и теперь, кряхтя, оттуда выбирался.

Мне вдруг стало ясно: все, что я ему только что рассказал, звучало как бред сумасшедшего, ничуть не лучше. Поэтому от рассказа о путешествии в Большой голове я благоразумно

предпочел воздержаться. Ни слова больше, и бежать, бежать, как только представится удобный случай.

— Ну ладно, хватит. Остальное прибереги для выступления, — приказал Вольцотан Смейк. — Ты просто находка! Я беру тебя под свое крыло, буду твоим агентом. Получать будешь десять… нет, скажем, пять процентов ото всех гонораров. По рукам? Соглашайся, малыш, тебя ждут слава и богатство. Вот подпиши здесь, где галочка.

Он достал из ящика стола листок контракта и положил его передо мной. Грот и Цилле подтолкнули меня к столу. Я склонился над документом, но он был напечатан таким мелким шрифтом, а освещение в комнате было настолько плохое, что я ничего не смог там разобрать.

— Подписывай! — рявкнул Цилле мне в ухо. — Это твой шанс! Гляди, он может и передумать.

А, была не была! Что, в самом деле, мне терять? Я пришел сюда, чтобы стать гладиатором-лжецом, и я стану им. Отступать уже поздно. Я взял ручку и четкими крупными буквами вывел рядом с галочкой: «Синий Медведь».

Тренировки. Когда я рассказал Гемлуту сенсационную новость, мы принялись фантазировать и строить планы на будущее. Он будет моим тренером и импресарио. Стать гладиатором нелегко, сначала нужно долго тренироваться, так сказал Смейк.

Выйти на арену и наврать с три короба может, конечно, каждый — дело нехитрое. Но трудность заключается именно в том, чтобы публика поверила твоим словам. И как любое подлинное искусство, ложь тоже требует немалых усилий и полной самоотдачи. Художник упорно работает над картиной, кладет на полотно мазок за мазком, композитор кропотливо выстраивает произведение из мелодии, ритма, голоса и аккомпанемента, писатель старательно подбирает слова, ищет удачные эпитеты, а гладиатор-лжец оттачивает свое мастерство до вершин совершенства. Хорошая, добротная ложь сродни каменной стене: если кирпичики аккуратно и точно прилажены друг к другу, она становится монолитом.

А еще нужно уметь хитро переплетать вымысел и правду, нагнетать напряжение и эффектно подавать развязку, в нужном месте позволять себе лирические отступления, чтобы тут же обескуражить размякшую публику головокружительным

поворотом сюжета, и главное — лицо не должно тебя выдавать. Любая удачно придуманная ложь может потерпеть фиаско, если ты не научишься всецело владеть своей мимикой. Один неверный взгляд, нерешительный поворот головы, неуверенное выражение лица, и с таким трудом сотканная паутина твоей фантазии начинает с треском расползаться. Я был свидетелем того, как опытнейшие бойцы терпели поражение только лишь потому, что позволили себе моргнуть в неподходящий момент.

Большинство гладиаторов для поддержания формы тренировались на своих родственниках и знакомых, обманывая их в самых обычных бытовых ситуациях. Я с самого начала понял, что методика эта мне не подходит. Не только потому, что таким образом очень быстро можно растерять всех друзей, просто мне она казалась слишком скучной и примитивной. Уж если обманывать, то по-крупному.

Так, например, я взял за обыкновение ходить на пляж и рассказывать небылицы морю. Или сидел у городских ворот и распинался перед грозными хребтами Пиритонических гор. Я взбирался на самую высокую винтовую башню Лиснатата и обманывал небо. Да, я выступал перед стихиями, и шум прибоя, раскаты грома, горное эхо заменяли мне аплодисменты. Только так можно воспитать в себе вкус к великому драматическому вранью. В непосредственной близости от стихий ты ежесекундно подвержен опасности: того и гляди, захлестнет гигантской волной, сразит молнией или засыплет лавиной. Зато фантазия расцветает, инстинкты обостряются, хочешь не хочешь, приходится быть хитрым и ловким.

На одной из тренировок меня действительно чуть не убило молнией. Я стоял на вершине винтовой башни, а на небе собиралась гроза. Дойдя уже почти до кульминации своей вполне приличной истории, я вдруг утратил бдительность, переоценил свои силы и легкомысленно выдал хлипкую, полузрелую ложь, и расплата не заставила себя долго ждать — не успей я вовремя увернуться, электрический разряд сразил бы меня наповал. Молния ударила в сантиметре от моих ног и проделала в башне здоровенную дыру. Тут я понял, насколько важно для гладиатора ни при каких обстоятельствах не терять голову и сохранять трезвый ум и холодный рассудок. Самая непринужденная ложь, прежде чем слететь с языка, должна быть тысячу раз взвешена и проверена.

Литература. Другой важной составляющей моих тренировок было чтение великих, средних и малых литературных произведений. Все писатели, не говоря уже о политиках,

первоклассные лжецы, у них есть чему поучиться. Поэтому я приучил себя ежедневно после завтрака прочитывать по три книги, не менее трехсот страниц каждая, а уж только потом браться за остальные дела. И даже ночью половину отведенного для сна времени я тратил на чтение. Я прочел от корки до корки двухсоттомное собрание сочинений Хильдегунста Сказителя, все когда-либо написанные им романы, повести, рассказы, пьесы, воспоминания, письма, речи и новаторские стихи, включая двенадцатитомную биографию.

Прочел я и все книги снискавшего самые неуважительные отзывы ценителей высокой литературы графа Замониака Кланту Каиномазского, автора замонианских бестселлеров, который на самом деле был обычным лавочником по имени Долдон До, но приписывал себе прародительство жанра злоключенческой литературы. Во всех его книгах речь шла о некоем принце Хладное Сердце, переживающем самые невероятные злоключения, в результате которых ему удавалось одолеть трехглавое чудовище и вырвать у него из лап рыжеволосую красавицу принцессу, а главное, убедить читателя, что в следующем романе злоключений будет ничуть не меньше, чудовищу снова удастся пленить красавицу и история ее освобождения повторится. Для совершенствования литературного языка подобное чтение, конечно, совсем бесполезно, зато оно питает фантазию, а напитанная фантазия, как известно, основа основ в профессии гладиатора-лжеца.

Знания по истории можно было почерпнуть в драматических произведениях Гонгофиана Гольфа, хрониста всех царских династий Замонии. Героями его драм непременно были цари и царицы, которые говорили стихами и несли, по сути, совершенную чушь, а в конце третьего акта выбрасывались из окна. Эти пьесы не только напичкали меня ценными фактами замонианской истории, но и развили способность порождать стихотворный экспромт.

Самыми ценными произведениями замонианского эпоса, вошедшими даже в обязательную школьную программу, были так называемые форелезанги, состоявшие из четырех тысяч сонетов, которые на протяжении многих тысячелетий сочиняли две сотни гномов, пожелавших сохранить свои имена в тайне. Как ни парадоксально, речь в форелезангах шла вовсе не о форели (упоминание о ней встречается всего один-единственный раз, да и то мельком), а преимущественно о распрях между людьми, гномами, великанами и богами, которые изо всех сил старались сжить друг друга со света. В отличие от романов Замониака, в форелезангах присутствовало множество персонажей —

насколько я помню, что-то около двухсот, — и все они были очень малого роста.

Читал я и «Заливные луга» Саттама Треб-Айза, самой яркой звезды замонианской лирики, поэта, чьи родные места в пойме реки метеоритный дождь превратил в одну здоровенную лужу. Эта трогательная до слез сага рассказывала о нелегкой участи переселенцев из прибрежной полосы. Чтобы стать настоящим мастером лжи, нужно познать великие чувства, а в произведениях Саттама Треб-Айза они были на каждой странице. Эти чувствительные создания, жители заливных лугов, могли испытать внезапный приступ тоски, стыда, ненависти или ностальгии при виде всего лишь соломинки. В общем, у них было чему поучиться.

Но самой полезной книгой для тех, кто хотел освоить профессию гладиатора-лжеца, был, безусловно, роман «На короткой ноге», автобиография известного гладиатора, признанного мастера лжи Нусрама Факира Оригинального. Свою головокружительную карьеру от могильщика на кладбищенских топях в краю торфяных болот до коронованного гладиатора он описал настолько детально и подробно, что любому, кто мечтал чего-то достичь в этой области, не мешало бы для начала проштудировать его книгу от корки до корки самым внимательным образом. Именно с ее помощью я узнал практически все о профессии гладиатора, во всяком случае то, что касалось теории.

А потом мне еще предстояло узнать, что обучение на гладиатора выглядело совсем не так, как казалось мне, когда я сидел в зрительном зале. На самом деле не было никакой школы гладиаторов, выпускных экзаменов, дипломов и тому подобного. Существовало только одно непреложное правило: все будет так, как захочет Вольцотан Смейк.

Магнат. Вольцотан был подпольным королем гладиаторов. С его подачи появлялись и росли новые звезды, а потом, когда ему это было нужно, их снова убирали со сцены. Я все это видел собственными глазами, поскольку пользовался расположением Смейка и он меня все время держал при себе, даже когда совершал свои нелегальные сделки.

Смейк умудрялся контролировать не только гладиаторские бои, но и геббу и весь порт Атлантиса. Вся контрабанда фугар, свиного сала, яхольского антиквариата, меха троллей, консервированной крови, фальшивых амулетов, сахарного тростника, дурманящего пива и всего прочего, что только можно провезти по морю, осуществлялась под его контролем.

Он знал названия всех судов, имена всех капитанов, всех моряков и даже самых бедных рыбаков в порту. Он был главой всего торгового флота Атлантиса, председателем спортивного клуба, почетным гладиатором и кавалером ордена «Заслуженный концертмейстер». Ему принадлежали Мегатеатр и почти все винтовые башни города. Целая армия йети, зельцев и добраньских быков следили за его безопасностью, ему поступал доход от трети мехочёсок Атлантиса, и раз в неделю он ходил с губернатором в сауну. Нет, он был не подпольным королем гладиаторов, он был подпольным королем всего Атлантиса.

Вечер моего первого публичного выступления настал раньше, чем я ожидал. Мне вместе с другим молодым, неопытным гладиатором предстояло помериться силами в первом отделении, разогревая публику перед боем Лорда Неложа, который от выступления к выступлению становился все популярнее.

Первая битва. Я чувствовал, что еще недостаточно натренирован. Когда я в тот вечер сидел у себя в каморке за кулисами Мегатеатра, настроение было прескверное. Гемлут массировал мне затылок и пытался как-то успокоить.

— Не переживай, старина, га! Все обойдется. Подумаешь, какой-то сопляк. Га, задашь ему трепку! Вот и все… Ну-ну, расслабься…

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге выросли Грот и Цилле, а за ними, утопая в черном облаке фугары и с трудом протискивая массивное тело в узкий проем, Вольцотан Смейк. Замыкал процессию Румо, добраньский бык, которого я немного побаивался. Я с надеждой смотрел на них — вдруг они скажут, что бой отменяется.

— Послушай, сынок, — обратился ко мне Смейк необычно ласковым голосом, — у нас возникла проблема. Дело в том, что соперник Лорда Неложа неожиданно заболел. Тебе придется выступать вместо него.

Гемлута это известие потрясло ничуть не меньше меня.

— Да вы что, рехнулись?! Он еще ни разу не выступал! Га! Нет, вы точно спятили! Как так можно?!

Цилле молча достал из кармана листок. Это был мой контракт. Он поправил линзу на глазу и начал читать:

— Пункт четырнадцать «а»: нижеподписавшийся обязуется принимать участие во всех дуэлях, в которых он будет заявлен. В

противном случае он должен будет выплатить штраф в размере…

— Закрой рот! — рявкнул на него Смейк. — Если он отказывается, ничего не поделаешь, придется искать другого.

Он затянулся фугарой, выпустил в комнату густое черное облако и положил одну из своих многочисленных рук мне на плечо.

— Главное, сынок, это шанс, понимаешь, который, увы, не скоро представится снова. Некоторые гладиаторы годами дожидаются права бороться за титул. А получают его далеко не все. Подумай над этим.

Я вспомнил пещерного тролля. И вспомнил лабиринт.

Я вспомнил паука-ведуна.

— Хорошо, я согласен.

— Нет, я не согласен! Отпустите меня! Я не могу! — кричал я, когда они тащили меня на дуэль, но никто меня уже не слышал. Рев зельцев, грохот оркестра гномов, гул многотысячной толпы в зрительном зале — разве в таком гвалте кто-то обратит внимание на жалкий лепет до смерти перепуганного зеленого гладиаторишки? Никогда в жизни мне не было так плохо.

— Просто будь собой, — напутствовал меня Гемлут.

Вот чего мне сейчас действительно хотелось меньше всего. Я бы с удовольствием поменялся местом с любым существом из публики, будь то высокомерный натифтоф, вульгарный зельц или даже, на худой конец, какой-нибудь жалкий гном. Я бы согласился стать одним из людей-невидимок, тогда бы хоть можно было незаметно смыться с арены. И угораздило же меня влипнуть в такую историю! Зачем было менять удобное место в зале на шаткий трон гладиатора? Это же самое кошмарное и неудобное место во всем Мегатеатре. А новичков здесь не жалуют! Просто королю Лжи нужен соперник, чтобы разделать его на глазах у публики. Вот для чего нужны мы, безликие, безымянные претенденты. Еще недавно я трясся, представляя себе схватку с таким же новичком, как и я, а теперь уже иду на битву с самим признанным мастером Лжи, не имея за спиной никакого практического опыта. Как меня угораздило попасться на эту удочку?! Сидел бы сейчас спокойненько в зале, с кружечкой теплого пива и аппетитной жирной кукурузой и радовался предстоящему поединку. Нет же, надо было возомнить о себе неизвестно что, и вот теперь мне плохо, так плохо, как никогда в жизни. В животе словно кошки скребли, а еще брыкались и

кусали меня за кишки. От страха я уже не помнил, как меня зовут, и совершенно не соображал, зачем я сюда пришел. Колени подгибались, так что Гемлуту приходилось поддерживать меня под мышки, а спина взмокла от противного липкого пота. Бой с королем! Как мог я допустить такое? Мне хотелось развернуться и бежать, бежать прочь из Мегатеатра, прочь из Атлантиса, куда угодно, пусть бы даже обратно в пустыню, в торнадо, все равно — лишь бы не выходить на сцену.

Но Гемлут крепко держал меня за локоть, с другой стороны маршировал Смейк, а сзади — здоровенный добраньский бык. Все пути отступления были отрезаны.

Трон. Лестница к трону соискателя показалась мне бесконечной, а в ней было всего лишь десять ступеней. Взбираясь на трон, я чувствовал, что вот-вот потеряю равновесие и, что еще более вероятно, сознание. Смейк и Гемлут остались внизу. Мне пришлось идти одному, без поддержки. Первая ступенька показалась мне мягкой, как вата, лапы мои утонули в ней словно в желе, почва ушла из-под ног. Со стороны я, наверное, выглядел пьяным, который изо всех сил старается удержать равновесие. Каким-то чудом мне удалось добраться до второй ступени. Она оказалась чуть крепче, и все же довольно мягкой, наподобие пуховой подушки. Мне подумалось: может, лучше встать на четвереньки и таким образом продолжать восхождение? Но третья ступенька слегка качнулась, как лодка при слабом ветерке, однако была сделана из прочного материала. Четвертая и вовсе уже даже не качалась, как, впрочем, пятая и шестая.

Я справлюсь. Это все нервы, волнение новичка. Страх перед сценой всегда появляется, а потом обязательно проходит, надо только подождать. Это знает каждый, кто когда-нибудь выступал. Рано или поздно он отпустит. Окончательно осмелев, я чуть повернул голову и скосил глаза через плечо, в зрительный зал. Многотысячная толпа колыхалась морем злобных, перекошенных рож. Я снова покачнулся. Подошвы мои вспотели и начали разъезжаться. Меня повело влево, затем вправо, и в конце концов мне не осталось ничего другого, как совершить единственно разумное — собрать всю свою волю в кулак, преодолеть последнюю ступеньку и плюхнуться в кресло. По залу прокатилась волна облегчения.

Я был абсолютно спокоен.

Солидарность. Плечи мои распрямились, и я почувствовал небывалый прилив сил. Словно все мои предшественники, некогда сидевшие в этом кресле, стояли рядом и подбадривали

меня. Я ощущал присутствие моих кумиров: Словохота Зинга, Габросика Насатрама, Балагура Смадад, Гноти Вальтрозема, Хюнкера фон Думхена, Вломота Ломоотвода, Бумбема Цирелы и Нусрама Факира Оригинального. Все они были со мной, даже те, кто уже давно перестал выступать, почил с миром и был предан забвению. Все они когда-то пришли сюда в первый раз, все они сидели в этом кресле, прежде чем им удалось низвергнуть короля Лжи и занять его трон. Нусрам Факир, казалось, стоял у меня за спиной и говорил со мной. Он шептал мне на ухо, что сегодня мой вечер, что трон короля Лжи достался недостойному и что я должен изменить эту ситуацию, покончить с несправедливостью и низложить наглеца.

Или все это привиделось мне опять же от страха?

Лорд Нелож. А потом на арену прошествовал Лорд Нелож. Сначала он было опешил, увидев меня в кресле соискателя, но потом, видимо, даже обрадовался предстоящему развлечению. Во всяком случае, во взгляде его читались злорадство, любопытство и жалость, как у кошки, поймавшей мышь.

К удивлению своему, я отметил, что меня это ни капельки не волнует. Соискателю полагалось выступать первым. Мне не пришлось долго думать или выуживать из памяти заготовленную заранее зазубренную ложь.

История сама собой родилась у меня в голове, словно мне нашептали ее мои кумиры, стоявшие за спиной. Я говорил и говорил, в результате вышла занятная, безупречная с точки зрения композиции фантазия. Во всяком случае, самому мне так показалось. А вот подробнее, что это была за история, о чем, не могу вам сказать, как, впрочем, и обо всех остальных, представленных мною в тот волшебный вечер. И все-таки она была достаточно хороша, в этом нет никакого сомнения, поскольку я набрал целых девять баллов — рекордный результат для новичка в самом начале схватки за всю историю гладиаторских боев.

Пещерный тролль потерял свой трон уже в первом раунде, только он сам об этом пока еще не догадывался. Или все же догадывался? Ведь его ответная ложь, пусть даже весьма и весьма оригинальная, была поведана публике не совсем уверенно, с едва уловимым замешательством в голосе. Его неуверенность в себе пока еще только наметилась, но ничего подобного с ним до сих пор не случалось. К фальшивому хныканью и трогательным ужимкам все давно привыкли, но теперь это была самая натуральная неуверенность, а этого публика не прощала. Короля Лжи принято оценивать с точки зрения его лучшего выступления,

поэтому, допустив небольшую оплошность, тролль заплатил за нее дорогой ценой — стрелка прибора остановилась на трех с половиной баллах.

Вторая история вышла у меня еще лучше первой. Гладиаторы, стоявшие рядом со мной, помогли мне раскрыть мой актерский талант в полной мере. Я использовал драматические жесты и выразительную мимику. На протяжении трех минут выступления мне удалось дважды растрогать публику до слез и трижды вызвать в зале взрыв гомерического хохота. Аплодисменты длились нескончаемо.

Девять с половиной баллов на приборе.

Лорд Нелож попытался спасти ситуацию, но спасать-то, по правде говоря, уже было нечего. Удар, полученный им в первом раунде, оказался настолько сильным, что он так и не сумел от него оправиться. Жалким голосом тролль поведал публике довольно-таки убогую историйку, которая не стала лучше оттого, что он пару раз запутался в сюжете и потерял нить повествования. Он чуть не плакал. Редкие аплодисменты, скорее всего из жалости.

Один балл.

В третьем раунде я умело соединил все до единого средства гладиаторского искусства: изысканную композицию лжи, выразительную мимику, красноречивые жесты. Я играл с публикой, как когда-то импровизировал на орга́не сновидений. Крики ужаса, слезы радости, безудержный смех — все эти чувства зрители пережили всего за одну минуту, ведь на этот раз я постарался быть действительно кратким. Зал слушал, затаив дыхание, когда рассказ подошел к ошеломляющей развязке, затем громко выдохнул и разразился бурей нескончаемых оваций.

Десять баллов, последнее деление на шкале.

Триумф. Удивительно, как это пещерному троллю удалось вдруг стать гораздо меньше ростом. Лорд Нелож, всхлипывая, покинул сцену. Победа в третьем раунде! Такого еще не случалось за всю историю гладиаторских боев. Я не только показал пещерному троллю, кто он есть, но еще и завоевал титул короля Лжи, притом за рекордно короткое время.

И это было только начало длинного пути, выложенного цветами радости.

Когда Вольцотан Смейк распахнул дверь моей гримерной, в

глазах у него стояли слезы. Он прижал меня к своему жирному животу.

— Это слезы жадности, сынок. Я плачу по той куче денег, что потерял, поставив на твоего соперника, — со вздохом проговорил он. — И в то же время это слезы радости! Да-да, я счастлив, что смог вместе с другими стать свидетелем этого исторического момента. А я-то, дурак, думал: Нусрам Факир Оригинальный был последним прирожденным гладиатором на этой сцене. Но ты, ты, мой мальчик, доказал обратное!

Он стиснул меня в своих объятиях.

Чемпион. Спустя неделю мне, чтобы подтвердить свой титул, пришлось сразиться с одним вольтерком, тому удалось продержаться аж до пятого раунда, прежде чем публика с позором изгнала его со сцены.

В течение последующих семи месяцев я выдержал двадцать восемь битв, само собой — с победным результатом: двадцать семь раз мне удалось побороть соперника в первых семи раундах, и только один раз он продержался целых десять, но это был упрямый друид, который ни за что не хотел добровольно уйти со сцены, даже когда разъяренная публика закидала его огрызками кукурузы. В перерывах я еще тренировался, сражаясь с лучшими из гладиаторов, которых тоже всех до единого победил без особого труда.

Смейк теперь не оставлял меня ни на минуту, предвосхищая любое мое желание и заваливая подарками. У нас с Гемлутом появились свои собственные демоны-рикши, которые день и ночь находились только в нашем с ним распоряжении.

А Гемлут еще использовал мою популярность, чтобы заводить знакомства с пышноволосыми красотками. На каждое выступление он приводил с собой очередной экземпляр и, сидя в первом ряду, очень эффектно давал мне полезные указания, которые на самом деле были в высшей степени бесполезными. Только ни одна из девушек не задерживалась рядом с моим другом надолго, и мне даже казалось, что он меняет их уже просто так, по привычке, давно отчаявшись найти ту самую, единственную.

Жили мы теперь, разумеется, не в винтовой башне, а на вилле в дорогом пригороде Атлантиса, на зеленых холмах Налтатис, где из окон домов по ночам открывался завораживающий вид на утопающий в море огней город.

В моем распоряжении было пятьдесят две комнаты, три искусно выполненных бассейна и собственная гладиаторская арена, на которой я мог тренироваться, когда был дома. Только

тренировки мне были ни к чему, ведь излишние упражнения могут навредить импровизаторскому таланту.

Выступал я всего раз в неделю, так что другие шесть дней оставались свободными, — неплохое соотношение рабочего и свободного времени. Смейк делал все возможное, чтобы я не скучал и чтобы мой быт был устроен самым приятным для меня образом. У меня в доме было два повара, один готовил холодные закуски, а Цакоб Йоа, мой бывший работодатель из гаянской пиццерии, отвечал за горячие блюда. Еще у меня были собственный массажист и чтец, который во время массажа читал мне из произведений Хильдегунста Сказителя, поскольку его творения благотворно действовали на мою нервную систему.

В общественной жизни Атлантиса я вскоре стал очень заметной фигурой — если не самой значительной. На моем столе кипой лежали приглашения на всевозможные вечеринки, дружеские встречи, торжественные ужины, вернисажи, дефиле и благотворительные концерты. Какому мероприятию отдать предпочтение, решал Смейк. Три часа в день были отведены на общение с прессой. Вы, наверное, скажете, что нет на свете такой выдающейся личности, которая бы могла в течение трех часов ежедневно снабжать репортеров достойным публикации материалом, но жители Атлантиса настолько обожали своих гладиаторов, в особенности титулоносных, что готовы были читать любую галиматью, которой я потчевал газетчиков: от обрывочных воспоминаний о Ночной школе до кулинарных рецептов, прогнозов погоды и подробного описания утреннего и вечернего туалета. Иногда я вообще болтал ни о чем сам с собой, но все это тоже записывалось аккуратнейшим образом и потом с не меньшим рвением проглатывалось благодарной публикой.

Одна из центральных рубрик «Новостей Атлантиса» была посвящена исключительно моей персоне и занимала едва ли не больше места, чем все остальные новости. Я опубликовал книгу кулинарных рецептов (все блюда, естественно, изобрел Цакоб Йоа, но достаточно было того, что я все их попробовал) и «Сборник практических советов начинающему гладиатору» (поскольку каждый молодой человек в Атлантисе мечтал стать гладиатором, книге уже изначально было суждено стать бестселлером). Кроме того, под моим именем вышли «Размышления о моральных аспектах гладиаторских боев», в которых я оправдывал ложь, служащую спортивным целям, и говорил о ее неприемлемости в повседневной жизни. Стилистически книга очень напоминала биографию Нусрама Факира, и, по правде говоря, некоторые главы были заимствованы мной у него чуть ли не дословно. Все эти произведения имели

грандиозный успех, и многие книжные магазины Атлантиса специализировались исключительно на продаже моих книг.

Дома меня окружали одни и те же лица: во-первых, Гемлут, который не расставался со мной ни на минуту, потом Смейк со своим прихвостнем Румо, быком-телохранителем, несколько йети и еще Лорд Нелож, ставший теперь снова просто пещерным троллем. Смейк сжалился над ним и держал при себе для всяких мелких поручений — например, сварить кофе, принести пиво, подержать дверь, раскрыть зонтик или позабавить всех какой-нибудь глупой выходкой. Тролль превратился при Смейке в подобие придворного шута и, само собой, изо всех сил старался угодить мне. Я относился к нему равнодушно, мстить ему мне больше не хотелось, а иногда было даже жаль.

Чем бы мы ни занимались, о чем бы ни говорили, все это так или иначе касалось гладиаторских боев. Мы обсуждали состоявшиеся и предстоящие дуэли, посещали тренировочные площадки и пробные бои, я общался с подрастающим поколением и давал советы. Дома мы с Гемлутом разрабатывали новые стратегии, или же я просто слушал Смейка, а он знал все подробности легендарных схваток, как никто другой.

Я уже не представлял себе жизнь за пределами гладиаторского бизнеса.

Я дошел в нем до самых вершин.

Прошел год. Около шестидесяти боев, более сотни разминочных дуэлей. Ни одного поражения.

Выступления стали для меня рутиной, я уже не испытывал былого трепета перед выходом на арену. Я даже не интересовался своими соперниками, мне было все равно, с кем сражаться. Они существовали для меня только для того, чтобы побеждать, и это было не сложнее, чем вымыть руки. Иногда я специально играл вполсилы, только для того, чтобы накалить обстановку, ведь на самом-то деле я был непобедим.

Уже несколько недель над городом висело влажное, душное марево, а теплый ветер со стороны Пиритонических гор не приносил облегчения, а только еще добавлял жары. Все жители мучились головной болью и ревматизмом и использовали любую возможность, чтобы посидеть в тени и отдохнуть. Теперь свои дневные интервью я давал, плавая в бассейне на надувном матрасе. Оттуда я диктовал репортерам свои размышления о погоде:

— По моим наблюдениям, погода в этом году стоит необычно жаркая. Желательно, чтобы в ближайшее время стало немного прохладнее. Влажность воздуха также держится выше нормы, поэтому все мы с нетерпением ждем настоящей грозы. Пора бы нашим натифтофским политикам перестать хлопать своими развесистыми локаторами и принять какие-то меры.

Я понятия не имел, какие меры могут принять политики против такой погоды, но упоминание о натифтофах и особенно об их знаменитых ушах всегда встречалось публикой с воодушевлением. Довольно ухмыляясь, репортеры живо принимались строчить в своих блокнотах.

Вольцотан Смейк, как обычно, сидел в шезлонге и занимался бизнесом. Помощники, помощники помощников и ассистенты помощников тех помощников, а именно пещерный тролль, несколько десятков зельцев и других подданных вились вокруг него, словно стая мух, подсовывая письма, бумаги на подпись, газетные статьи и биржевые сводки. Подобную картину я наблюдал изо дня в день, но старался не думать о том, чем он там занимается. От одной только мысли об этом мне уже становилось не по себе. Поэтому я с таким рвением занимался общественной работой. Я заметил, как к Смейку подошел его жуткий верзила Румо и что-то прошептал ему на ухо. Мне до сих пор достаточно было только взглянуть на быка, чтобы вся шерсть у меня на спине встала дыбом. Смейк очень разнервничался, вскочил и сказал, что ему срочно нужно решить одну проблему. Ничего необычного в этом не было, у него всегда была масса срочных дел.

Не знаю, услышали ли натифтофские политики мои пожелания, но вечером и правда разразилась гроза.

Гроза. Только это была не простая гроза — она пришла к нам не сверху, как полагается, а откуда-то снизу, словно из-под земли. И хотя на небе собрались, как положено, заслонившие солнце черные тучи, но молнии били вовсе не оттуда, а из недр Атлантиса. Мне и раньше доводилось наблюдать эти синие молнии, но таких громадных и в таком количестве я еще ни разу не видел.

Мы вышли на террасу и наблюдали за необычным спектаклем. Была среда. До вечерней дуэли оставалось всего два часа. В лица нам ударил порыв прохладного ветра, но и он прилетел не из атмосферы, а как будто вырвался из люков

канализации. Крышки люков взмыли вверх и отлетели на несколько метров в сторону, а вслед за ними вырвались здоровенные синие молнии, пронзившие воздух электрическими разрядами до самых облаков.

А потом на их месте образовались воздушные смерчи, которые закрутились длинными тонкими воронками и с утробным звуком быстро снова исчезли в жерлах канализации. Такая гроза, по словам Вольцотана Смейка, случалась в Атлантисе не чаще одного раза в сто лет. Ему довелось наблюдать ее уже дважды, эта — третья. Мне повезло, что я стал свидетелем такого события.

— У-у-у, злобные людишки, — процедил сквозь зубы зельц, известный своей суеверностью.

Смейк расхохотался.

Потом темные облака постепенно рассеялись, свежий восточный ветер развеял последнюю духоту. Благодаря природному катаклизму воздух наконец посвежел. Как нельзя кстати перед началом дуэли. Мы собрались и отправились в Мегатеатр.

Незадолго до выступления — это был мой пятьдесят девятый бой — в гримерную ко мне зашел Смейк. Он отослал Гемлута,

заявив, что хочет потолковать со мной с глазу на глаз.

Доверительная беседа. Похоже, у него ко мне действительно было серьезное дело. Обычно он не стеснялся говорить все, что думает, напрямик. Теперь же долго мялся, извиваясь словно уж на сковородке.

— Послушай меня, сынок. Сделай мне, старику, сегодня вечером одно одолжение. Ты же знаешь, как я ценю твой талант, как стараюсь тебе угодить. А сегодня я прошу: сделай кое-что для меня.

— Да не вопрос, Смейк. О чем речь?

— Я хочу, чтобы ты сегодня вечером проиграл.

Если бы мне сказали, что Атлантис ушел под воду, эта новость удивила бы меня, наверное, намного меньше.

— Уж больно ты стал хорош в последнее время. А дуэли устраиваются, в частности, для того, чтобы публика могла ставить деньги на гладиаторов. Я, между прочим, всегда получал с этого крупный барыш. А теперь все знают, что ты все равно победишь. Больше никто не хочет играть на тотализаторе. Понимаешь? Я терплю убытки. Послушай, ну что тебе стоит разочек проиграть? На следующей неделе выигрывай себе снова на здоровье, никто тебе слова не скажет. Я поставлю на твоего соперника и выиграю немного деньжат. Если честно, я уже сделал ставки. Да, я поставил все, что у меня было. Ты же не хочешь, чтобы я разорился, правда, малыш? Так что не разочаруй меня.

Не дожидаясь ответа, Смейк быстро развернулся и вышел.

Дым фугары последовал за ним, как послушный раб за своим господином.

Выходя на арену, я был словно в бреду. Гемлуту я не решился ничего рассказать, чтобы не впутывать его в это дело. Впервые за долгое время я снова испытывал тот же трепет, что и перед первой дуэлью, когда восходил на трон соискателя.

Противник заставил себя ждать. Публика бушевала. Зельцы швыряли на арену обглоданные початки.

Я понятия не имел, кто будет сегодня моим соперником. Обычно этот вопрос меня не интересовал, я был уверен, что справлюсь с любым. Да и теперь это не имело значения, если уж все равно было приказано проиграть. Я твердо решил сделать то, о чем просил Смейк. А что мне еще оставалось?

Наконец из оркестровой ямы послышался гонг, и на арену вышел мой соперник.

Нусрам Факир Оригинальный.

Мне стало ясно, почему Смейк выбрал именно этот вечер. Непревзойденный мастер гладиаторского искусства решил вернуть себе титул! Ставки на обоих противников, должно быть, взлетели до небес. Даже среди самых ярких звезд Нусрам Факир считался недосягаемой величиной. Он был самым великим, самым титулованным лжецом всех времен и народов.

Оригинальный. Все мы учились на его дуэлях. Все мы читали его учебники. Именно ему принадлежало изобретение так называемой стандартной затравки, которую все последующие поколения гладиаторов-лжецов использовали в различных вариациях на своих выступлениях. Он первый открыл названный в его честь Факиров кульбит, дающий гладиатору возможность совершить следующий ход в пятистах различных направлениях. Это он вывел понятие «белой лжи», такой своеобразной техники обмана, когда ложь преподносится легко и непринужденно, мило и безобидно, так что ей прощается все, даже сама ложь. Он придумал и «двойное пике», обманный трюк, отчаянностью своей сравнимый разве что с сальто-мортале без страховки или с хождением по канату с завязанными глазами. Его приемчик под названием «заход с фланга», обманный маневр, заход с фланга к своей собственной лжи, удавалось освоить лишь настоящим асам. Четырнадцать раз подряд он побил Зароастру Распутина (так называл себя самый удачливый из натифтофских гладиаторов-шарлатанов). Он изобрел так называемые танцы Нусрама, с помощью которых гладиатор изводит противника долгим хождением вокруг да около, а потом, усыпив его бдительность, быстро и решительно наносит удар стремительной, мастерской ложью.

Это благодаря ему гладиаторский спорт узнал, что такое «обманка», изящнейшая из фигур, соединившая в себе заячью технику заметания следов с изысканными пируэтами балерины. Он собственноручно изготовил лжеритмическую таблицу с тридцатью шестью тысячами всевозможных вымыслов и однажды устроил сеанс одновременного боя с двенадцатью лучшими гладиаторами современности и у всех у них выиграл. Нусрам Факир был живой легендой, гением, Филинчиком лжегладиаторского спорта. Проиграть ему было несложно. Он все равно так или иначе должен был меня победить. Добавлю только, что он был собаковолком, существом с человеческим туловищем и головой волколисицы. Такие экземпляры встречались в Замонии довольно редко, появлялись они вследствие спаривания добраньских быков и вервольфолисиц. Эти похожие на людей существа, естественно, не пользовались особой любовью, но, несмотря на отсутствие агрессивности вервольфолисиц и физической силы добраньских быков, все же имели с ними достаточно сходства, чтобы внушать окружающим трепет и уважение.

Недостаток животной физической силы собаковолки компенсировали выдающимся интеллектом и обладали редким шармом, перед которым не могла устоять ни одна представительница прекрасного пола.

И все же собаковолкам приходилось несладко. Большинство из них вели замкнутый, уединенный образ жизни, в одиночку скитались по Замонии и были неплохими столярами-поденщиками. Нусраму, как следует из его биографии, единственному среди себе подобных удалось пройти нелегкий путь от землекопа и столяра-поденщика до настоящего гладиатора-лжеца. За что его в среде собаковолков почитали чуть ли не как святого.

— Прошу простить мне мое опоздание, — обратился он к публике с галантным поклоном. — Для того чтобы попасть сюда, мне пришлось вырваться из свинцовой темницы Бухтянска, где меня долгое время удерживали вопреки моей воле и без всякого на то основания, а для этого нужно было сначала сесть на диету и скинуть пятьдесят килограммов, иначе бы мне ни за что не пролезть сквозь прутья решетки. А выбравшись на свободу, потребовалось потратить некоторое время, чтобы наесть обратно недостающую мускулатуру, — не мог же я предстать перед почтеннейшей публикой совершенным скелетом, этого не вынесли бы ни ваши, ни мои нервы. Особенно тяжело дались мне последние килограммы, для чего я питался исключительно

кремовыми тортами, свиной ветчиной и напоследок съел еще несколько метров телячьих сосисок, на что, к моему величайшему сожалению, ушло на пару минут больше, чем ожидалось!

Еще даже не включали прибор, измеряющий силу аплодисментов, а он уже принялся околдовывать публику своими чарами, запросто расходуя свою фантазию, будто запасы ее были у него бесконечны. Правдивость его истории не вызвала сомнений даже у меня, и я наравне со всеми отчаянно хлопал в ладоши, так очаровал меня эффектный выход на сцену моего кумира.

Я никак не мог взять в толк, зачем это Смейку понадобилось так передо мной распинаться? Ясно же, что я так и так проиграю, буду я стараться для этого или нет. Да и проиграть такому сопернику не обидно. Он элегантно взошел на трон соискателя и изысканным жестом стряхнул невидимую пыль с подлокотника.

— Да, давненько я не сиживал на этом месте, — вздохнул он с меланхолическим выражением лица. — Трон соискателя… Хм… Как-то здесь неуютно. Ничего не поделаешь, придется привыкать.

Публика захохотала и захлопала в ладоши, оценив намек Нусрама на его гладиаторское прошлое.

— Хотя, может, не стоит привыкать. Все равно мы скоро поменяемся местами, — добавил он, обращаясь уже ко мне.

По спине у меня побежали мурашки.

Новый раскат хохота и шквал аплодисментов.

Он впился в меня глазами, так что я непроизвольно втянул голову в плечи.

— И это мой соперник?! — презрительно фыркнул он. — Синюшный медведь?

— Синий Медведь! — деликатно поправил я.

Публика взвизгнула от восторга.

— Ну да, ну да. А знаете, что говорят про медведей? Если поблизости завелся один, держи амбар на замке, — зашептал он через плечо в зал, но так, чтобы я отчетливо слышал каждое слово.

Зрители понимающе захихикали.

Я знал, что он любит пощекотать сопернику нервы перед дуэлью. Этой теме в его биографии отведена была целая глава. Он считал вполне нормальным и естественным вызнать заранее о сопернике всю подноготную, а затем при всех наступать ему на больные мозоли. В главе под названием «39 способов деморализации противника» он приводил 39 вариантов давления на психику и обезоруживания соперника еще до начала первого раунда. Честно говоря, это было единственное место в его книге, которое мне не понравилось. Мне казалось нечестным наводить справки о противнике перед дуэлью, лучше все-таки открытая

борьба. Но что поделаешь, у каждого свои методы. Таким способом Нусраму Факиру удалось выиграть несколько битв еще прежде, чем они успели начаться.

Я постарался взять себя в руки и не реагировать на его замечание. После приключения с островом-плотожором тема обжорства была для меня слишком болезненной, одного намека хватило бы, чтобы вывести меня из себя, — но здесь это называлось профессиональным подходом к сопернику.

— Знавал я одного медведя, так тот настолько был неравнодушен к еде, что жрал даже калории, которые другие тратили, чтобы похудеть.

Нусрам непринужденно развалился на троне и, казалось, сам был в полном восторге от удачно нанесенного точного удара.

Публика, видимо, тоже сочла эти позорящие весь медвежий род шутки вполне забавными и отреагировала на них звонким смехом и аплодисментами.

— Когда он помер, его живот был так набит, что желудку пришлось потом еще целый месяц жить, чтобы переварить все свое содержимое!

Я старался не подавать виду, что шутка меня задела. Напротив, я скорчил вежливую гримасу и даже слегка поклонился Нусраму, выказывая ему тем самым свое почтение. Он быстро понял, что тактика не сработала и нужно придумывать что-то другое.

Пришлось сменить тему:

— Это правда, что ты пришел в этот мир, не рождаясь? Во всяком случае, так писали в газетах.

В зале воцарилась полная тишина. Это была не просто изящная шутка, это был удар ниже пояса, то есть замечание, на которое я не мог не отреагировать.

— Как же он тогда появился на свет? — спросил Нусрам, обращаясь к публике. — Вырос из земли, как дерево? Если он не рождался, как может он сидеть теперь здесь, передо мной? Или, может быть, его вовсе не существует? Тогда я автоматически становлюсь победителем этой дуэли. Мне, наверное, можно идти?

Жалкие смущенные смешки в зале. Я уже начал сомневаться в бесспорности таланта своего кумира.

— Мне жаль его. Сидит тут бедняжка — один-одинешенек, как круглый сирота.

Похоже, лучший способ разувериться в величии своего кумира — столкнуться с ним лично, лоб в лоб.

— Вы слышали? Круглый сирота! Это как раз про него.

Вольцотан Смейк подал мне незаметный знак: мол, ничего страшного, не обращай внимания. Но было уже поздно. Сохраняя

равнодушную вежливую улыбку, я скрежетал зубами, ненавидя Факира всей душой. Лучше бы он оставил свои шуточки при себе!

— Даже у круглого сироты и то больше родственников, чем у нашего медвежонка, — продолжал Факир, но никто не смеялся. — Может, стоит его усыновить?

Надо же, я и вправду был готов добровольно уступить титул своему кумиру, отдав таким образом должное его опыту, таланту и славе. А теперь я не только желал при всех уничтожить Нусрама Факира Оригинального, но и мечтал сделать это так, чтобы дуэль наша вошла в историю гладиаторских боев страницей его несмываемого позора.

Я хотел не просто победить — я желал раздавить его, растоптать, уничтожить по всем правилам гладиаторского искусства. Я хотел, чтобы впредь одно только упоминание о моем имени или о профессии гладиатора вызывало у него содрогание, чтобы этот ужас преследовал его всю жизнь. Он слишком больно ранил меня, коснувшись самых неприятных вопросов. Что ж, это была его ошибка. Теперь он для меня больше не пример, учитель и кумир, а обыкновенный соперник.

Мне все равно, что он Нусрам Факир Оригинальный.

Я — Синий Медведь, Непобедимый.

Прозвучал гонг, и дуэль началась.

С первого по десятый раунд

В первом ряду, как всегда, восседал Смейк со своими приближенными, среди которых были Грот и Цилле, добраньский бык-телохранитель, дюжина йети и несколько подающих надежду начинающих гладиаторов. Ничего не подозревающий Гемлут Гаванна сидел тут же, рядом с ними. Смейк расточал лучезарные улыбки, а сам беспокойно ерзал на стуле. Он еще раз красноречиво показал мне глазами, чтобы я его не подвел.

Нусрам Факир был соискателем, так что и начинать пришлось ему. Он преподнес публике незамысловатую историю о грифе, которого он якобы изловил и выучил нести уже вареные яйца гигантского размера. Выступление, однако же, было снабжено таким количеством языковых деликатесов и мимических па, что недостаток оригинальности сюжета никак не сказался на его качестве. А позволенное Факиром под конец колкое замечание в адрес всех грифов вообще заставило публику разразиться безудержным хохотом, в котором, естественно, не принимали участия грифы, стоически несшие свою вахту на

стенах стадиона. Аплодисменты были соответствующими. Измеритель громкости показал восемь баллов.

Я знал, что в изяществе, тонкости и хитроумии приемов фантазии Нусраму Факиру не было равных среди гладиаторов. Поэтому победить его с помощью какой-нибудь грандиозно закрученной лжи не стоило даже пытаться, такое проделывали до меня уже многие простаки, всех их он разбил в пух и прах безупречной техникой. Я решил экономить силы, действуя не спеша и наверняка. История, с которой я начал, была заготовлена мною уже давно на тот случай, если срочно понадобится что-то ввернуть, а экспромт не получится. Это была вполне приличная морская байка про то, как я путешествовал в открытом море на судне, перевозящем хомячков, и на нас вдруг напали пираты. Суть истории заключалась в том, что мне удалось сконструировать своеобразный гребной механизм и, используя энергию непоседливых хомячков, удрать от кровожадных разбойников. Рассчитанное на комический эффект выступление удалось мне на славу, я старался изо всех сил и честно заработал свои шесть баллов. Первый раунд выиграл Факир. Смейк заметно расслабился.

Второй раунд мой соперник открыл памфлетом о натифтофской дипломатии. Эта на первый взгляд малообещающая тема вылилась у него в увлекательнейшую шпионскую историю, в которой он, наклеив себе натифтофские уши, сумел проникнуть в высшие натифтофские дипломатические круги. Прибавьте к этому еще меткие замечания в адрес современных политиков, и поймете, с каким восторгом публика хохотала и хлопала в ладоши. В довершение всего он даже осмелился утверждать, что это именно он случайно вытолкнул из окна небезызвестного натифтофа и таким образом стал причиной написания знаменитого «Уложения о порядке наследования».

Грохот аплодисментов. Девять баллов на шкале прибора. Я начал понимать, почему выступления Факира пользовались таким успехом. Он гораздо лучше меня ориентировался в истории Атлантиса, а также был в курсе последних новостей и сплетен. Он говорил о том, что было близко и дорого каждому жителю города.

То есть мне следовало, говоря языком гладиаторов, чуть приотстать, приглядеться, а потом быстро нагнать его и зашагать с ним в ногу.

Ну что ж, Факиру нравится сидеть в родном болоте, пусть сидит! А мы продолжим травить морские байки. Второй моей историей стала неплохая выдумка о путешествии по морю на судне, перевозящем трусливых зайчишек. Мои бедные пассажиры одновременно испугались грозы и привидений, и, чтобы

успокоить их, мне пришлось ловить молнии и глотать их на глазах у привидений, которых так впечатлило это зрелище, что они предпочли удалиться восвояси. Сюжет, конечно, был так себе и не дотягивал до того, чтобы твердо и решительно указать Факиру на дверь, но я старался, и вышло неплохо. Вежливые аплодисменты. Пять баллов.

Первые легкие победы никак не подействовали на Нусрама, он все так же спокойно сидел на троне и не выказывал никаких признаков усыпления бдительности, что нередко происходило в подобных ситуациях с менее опытными бойцами.

В следующем рассказе он поведал публике свою теорию происхождения синих молний. Это была история-размышление, в которой он без всякого сюжета просто рассуждал о том, чем, по его мнению, могут заниматься люди-невидимки под землей Атлантиса. При этом он делал вид, что делится со слушателями некими тайными, одному только ему известными подробностями, которые сообщал полушепотом, смущенно кося глазами, в результате чего окружающие чувствовали себя его сообщниками.

По теории Факира, люди прибыли в Атлантис с другой планеты (в качестве доказательства он приводил дома, в которых вода течет снизу вверх), а потом были изгнаны в катакомбы канализации.

Они будто бы хранили в своих подземельях какую-то тайну, и молнии были связаны с ней самым непосредственным образом. Но что это за тайна такая, он не собирался нам говорить, — пусть, мол, зрители сами пораскинут мозгами.

В этой истории не было ни искрометного юмора, ни трогательного слезливого конца, но композиция была выстроена с таким расчетом, чтобы в финале у всех по коже побежали мурашки. К тому же Факир затронул уже очень давно интересовавший всех вопрос, говорить о котором вслух раньше никто не решался: чем же все-таки занимаются люди-невидимки в своих подземельях? Пока я развлекал публику примитивными матросскими байками, Факир поднимал важнейшие политические вопросы современности.

Еще мгновение в зале висела мертвая тишина, а потом он взорвался шквалом аплодисментов. Десять баллов, последнее деление на приборе. Нусрам Факир доказал, что он не утратил квалификации.

Чем было на это ответить? Я без особого энтузиазма сочинил какую-то вялую сказку о яхольских плотоядных демонах, которые якобы поймали меня, чтобы сожрать. Только мне удалось избежать мучительной смерти, остудив воду в котле, где меня собирались варить; в качестве последнего желания я попросил

дать мне ментоловый леденец, от которого мое дыхание стало настолько свежим, что я превратил бульон в настоящий ментоловый лед, а потом еще распилил его на куски и продавал демонам в качестве ментолового мороженого. Вышло, по правде говоря, не ахти. Стрелка прибора вполне справедливо остановилась на трех — наихудший результат за все время моей гладиаторской карьеры.

Далее мы продолжали в том же духе, к великой радости Смейка и неподдельному ужасу моего верного друга Гемлута. Истории Нусрама были одна лучше другой, и он срывал бешеные аплодисменты, а я, оставаясь на посредственном уровне, пожинал жалкие крохи сострадания моих бывших поклонников. В результате первые десять раундов закончились с безусловным перевесом в пользу моего соперника.

Короче говоря, я не спешил насладиться своей победой. Дуэли гладиаторов-лжецов не имеют временно́го регламента, они длятся до тех пор, пока один из них добровольно не признает своего поражения. Поэтому я сделал ставку на свои молодые силы в противовес старческой немощи Факира. Во время выступления очень быстро садятся голосовые связки, и это был мой шанс, поскольку, пройдя интенсивный курс тренировок у волн-болтушек, я мог болтать сколь угодно долго, не испытывая при этом никакой усталости. Но, с другой стороны, расслабляться было тоже нельзя. Запас свежих идей моего соперника, казалось, был неисчерпаем, его актерское мастерство, его шарм в течение десяти раундов оставались на самом высоком уровне.

Одиннадцатый раунд

В одиннадцатом раунде он вдруг ни с того ни с сего изменил тактику, оставил свою излюбленную и лучше всего проработанную тему Атлантиса и обратился к возделываемому мною миру фантазии — естественно, чтобы продемонстрировать свое превосходство и в этой области тоже.

Поющая лошадь. На этот раз его история приключилась в замонианских Альпах, и речь шла о лошади, умеющей петь йодлерами, которую Факир победил на вокальном конкурсе. Когда он совершенно уморительно и невероятно похоже начал изображать лошадиные трели, ржание, фырканье и неуклюжие переливы, публика просто покатилась со смеху, что снова обеспечило ему отличный результат — девять баллов.

Я решил, что настало время и мне изменить стратегию. Вместо того чтобы развлекать публику незатейливыми, хотя и смешными, короткими сценками, нужно ослепить ее, поразить — словом, показать, на что я способен.

Это была история о вулкане под названием Кроторот.

— Я — умею — летать.

Так начал я свой рассказ, бросая слова по отдельности, словно шары, в зал, чтобы сразу же обеспечить себе внимание публики. Воцарилась гробовая тишина. Смейк очнулся от мирного послеобеденного сна, в котором, как всегда, подсчитывал свои барыши. Гемлут нервно смял шляпу.

Рассказ о вулкане Кроторот. — Как-то раз мои странствия довели меня до самого Убистрана, заповедного уголка нашего континента.

По залу прокатился тихий шепот. Я знал, в Убистране еще никому не доводилось бывать. Недаром название его образовалось из сочетания «убийственная страна». О местности этой в народе ходили самые дикие и невероятные слухи и легенды, по сравнению с которыми все рассказы о Темных горах, Сладкой пустыне и Большом лесе, вместе взятые, выглядели безобидным лепетом.

Стоило мне только произнести слово «Убистран», как в мозгу тут же всплыла очередная статья «Лексикона». Недолго думая, я просто зачитал ее слово в слово от начала и до конца:

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

УБИСТРАН, довольно глупое название некой малоизведанной местности Замонии. Примечательно, что неизведанность эта отнюдь не является причиной удаленного, труднодостижимого положения, — напротив, лежащий в самом центре материка, Убистран легко достичь как на рикше, так и просто пешком. Только никому до сих пор не приходило в голову добровольно исследовать эту область. Самые отчаянные из смельчаков доезжали лишь до границы и тут же несолоно хлебавши поворачивали назад. Местность эта как бы излучает предостережение, заставляя путников

обходить ее стороной. Почва Убистрана предположительно состоит из так называемого телепатического песка, мельчайшей песчаной пыли, которая способна передавать мысли на расстоянии и внушать страх перед самой собой. Единственное, что известно об Убистране, — это то, что в центре его возвышается вулкан, наблюдать который можно только с расстояния ста километров, откуда он выглядит весьма безобидно, как холмик, оставленный на огороде кротом, почему за ним и закрепилось это название — Кроторот.

Подобные сведения об Убистране не представляли для публики ровным счетом ничего интересного, в Замонии это знал каждый ребенок.

— Так вот, как-то раз оказался я на Соляном перевале Твердого мора, путешествуя с письмом от губернатора Орнии к мэру Граланда…

Публика снова нетерпеливо заерзала, уставшая от обилия неинтересных подробностей, явно настроенная на очередную сенсацию.

— …и с подарком для моей возлюбленной.

Женская половина навострила ушки. «Возлюбленная» и «подарок» обещали романтическое приключение.

Я медленно и очень подробно описал золотое кольцо, которое было заказано мною у лучших ювелиров Флоринта, уделяя особое внимание качеству пробы, а также количеству каратов, форме, магическому орнаменту и тексту любовного послания, выгравированного по моей просьбе на внутренней стороне. Женщины слушали, затаив дыхание, в то время как мужчины демонстративно скучали, а несколько зельцев даже начали вяло насвистывать.

Потом я как бы вскользь заметил, что на кольцо ушли все мои сбережения и что я не был уверен, подойдет оно или нет, поскольку не знал точного размера и заказал наугад.

Затем я перешел к описанию своей возлюбленной, недолго думая, приняв за образец то идеальное существо, образ которого был навеян мне гипнотическими парами слюны паука-ведуна. Рассказывая публике о синей медведице, я чувствовал, как сжимается сердце, настолько отчетливо запечатлелся ее облик в моем сознании. Волнение тем не менее придало моим словам еще большую достоверность, так что представительницы прекрасного пола взволнованно запыхтели и полезли в сумочки за носовыми платками, предвкушая трогательную, слезливую встречу.

— В конце концов я оказался в том месте, где Соляной перевал превращается в пустынную степь…

По залу опять прокатился ропот. Географические подробности в Мегатеатре не пользовались популярностью.

— И тут в голове моей зазвучал голос зыбучих песков Убистрана.

Мгновенная тишина.

Зыбучий песок.

Одно упоминание о нем уже многое обещало — невидимый, коварный враг, поджидающий неопытных путешественников, опасность, притаившаяся на пути, означающая либо долгую мучительную смерть, либо драматическое счастливое спасение. Короче говоря, лучшего способа приковать к себе внимание публики не придумать. И уж тем более, если песок наделен способностью разговаривать.

— Стой! — говорил песок в моей голове. **— Остановись, иначе умрешь!**

Я остановился. В своем стремлении как можно скорее попасть в Граланд я не обратил никакого внимания на изменения, произошедшие с окружающим ландшафтом. Соляной перевал давным-давно остался позади — я стоял на границе Убистрана. Впереди пускал дымок кратер Кроторота.

В этот момент перед глазами публики должна была возникнуть знакомая всем и каждому картина дымящегося вдалеке кратера знаменитого вулкана.

— Я призадумался. На окружной путь придется потратить дополнительно месяца два, если не больше. Чем же страшна эта загадочная местность? Никто ведь сюда еще ни разу не заезжал. Откуда тогда они знают, что здесь опасно?

— Это я им сказал, — прошелестел зыбучий песок у меня в голове. **— Это я, зыбучий песок, который всегда прав! Послушай меня. Уходи прочь! Уходи, пока еще не поздно!**

Попытка имитировать голос зыбучего песка была большим риском с моей стороны. Многие из присутствующих лично слышали его у себя в голове, когда доезжали до границ Убистрана. Излюбленным развлечением жителей Атлантиса были поездки до границы Убистрана и обратно: поехать, услышать голос зыбучего песка и, повинуясь ему, повернуть назад. Голос этот должен был звучать сухо, песчано и в то же время достаточно элегантно, маняще и пугающе одновременно, поэтому я попытался изобразить шуршание тела кобры, ползущей по шершавой бумаге, вперемешку с гортанным дрожанием голосовых связок и предостерегающим шипением.

— И тут мне подумалось: а вдруг это просто уловки, вдруг Убистран наполнен несметными сокровищами и всевозможными богатствами? Может быть, этот голос просто такой специальный звуковой эффект, шумовые волны, действующие на расстоянии? Да мало ли что еще. Но на меня, прошедшего обучение в Ночной школе, эти уловки действовать не должны.

— Нет здесь никаких сокровищ! Здесь есть только я — зыбучий песок. Стоит тебе ступить на меня, и тебя начнет засасывать, словно ты увяз в Кладбищенских топях. Я потеку тебе в горло, нос и уши, а потом… Ну, не будем о грустном, мне не нравятся эти подробности с предсмертными стонами и кошмарными скелетами, костенеющими во мне… Просто послушай моего доброго совета и ступай себе восвояси. Прочь отсюда! Пойди прогуляйся. Мимо Демонических гор. Демоны там совсем не опасные, подумаешь, забросают тебя горными цветами. Потом отправляйся на юго-восток, переправишься через реку Вьюн, а из Бухтянска ступай по берегу моря в сторону…

— Я знаю, ты хочешь меня запутать.

— Ничуть.

— Хочешь, хочешь.

— Ничуть.

— Но все же запутал.

— Ну хорошо. Я вижу, тебя не переубедить. Ладно, иди по мне. Я вовсе не зыбучий песок, а твердый, спрессованный грунт. А в кратере вулкана Кроторот полным-полно золота и бриллиантов. Забудешь про свое колечко. Наберешь для своей любимой драгоценностей, сколько пожелаешь. Ну что, идешь?

— Откуда ты знаешь про кольцо?

— Я умею читать мысли. Подумай сам, за все время нашего разговора ты ни разу не раскрыл рта.

Я задумался, анализируя ситуацию. На одну чашу весов я положил здравый смысл, природную осторожность и советы

зыбучего песка, на другую — любопытство, врожденную глупость, предчувствие великого обмана и пару-другую центнеров драгоценностей для своей любимой. Угадайте, какая из чаш перевесила?

Представительницы прекрасного пола затаили дыхание, мужская половина публики вцепилась в скамейки. Вольтерки, которые не принадлежали ни к тем ни к другим, заткнули уши. Гемлут закусил край своей шляпы.

— Я сделал три шага и провалился в зыбучий песок.

Эта фраза еще некоторое время висела в гробовой тишине зала. Вот вам! Вы ожидали душераздирающих воплей, трогательного спасения в последнюю секунду, возможно при участии динозавра-спасателя или же при помощи какого-нибудь потайного каната. Не тут-то было. Я просто утонул, и все.

Вот так!

Я выдержал долгую театральную паузу, во время которой краешком глаза наблюдал за реакцией Смейка. Тот изо всех сил старался сохранить равнодушное выражение лица, хотя его жабры дрожали от напряжения.

— Оказывается, я ошибался. Зыбучий песок мне не лгал. Мне действительно предстояло окончить жизнь с горлом, набитым песком, и главное — я это заслужил! Я не только пренебрег искренними предостережениями песка, но еще и оскорбил его. Я заслужил мучительную, позорную смерть.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — зашептал зыбучий песок мне в самое ухо. **— Только раскаянием ничего не исправишь. Слишком поздно. Прощай. Мне жаль.**

— Неужели ничего нельзя сделать? — подумал я ему в ответ. — Неужели ты не можешь чуть-чуть затвердеть, чтобы я уперся ногами и вылез на поверхность?

— Извини, я всего лишь зыбучий песок, а не бетон или какой-нибудь динозавр-спасатель. Твердость — это именно то, что совершенно несвойственно моей натуре. Я тебя предупреждал, ты меня не послушал — и вот результат. О, как ужасно, что я всегда прав! Сейчас начнутся предсмертные стоны… А потом ты станешь одним из скелетов, которые там, во мне… Прости, не хотел тебя напугать! Но, к сожалению, я действительно ничего не могу сделать, кроме разве что…

Кроме? Неужели есть какое-то «кроме»?!

— Кроме?! Кроме чего?

— Хм… Могу только сделать так, чтобы ты побыстрей утонул. Так будет намного гуманнее. Меня все умоляют об этом. Я могу сократить твои страдания. Во всяком случае, укоротить их.

— Спасибо.

Зыбучий песок выполнил свое обещание. Я стал стремительно погружаться.

Зал замер. В гробовой тишине слышен был бы даже всплеск весла карликовых пиратов. Вольцотан Смейк подался вперед.

И тут произошло нечто совершенно невероятное. Не для публики, а для меня. У меня вышел весь воздух, я задохнулся, только не в зыбучем песке, я задохнулся в своей собственной истории о зыбучем песке. Я, как всегда, ринулся в бой, не задумываясь, чем закончу, продолжение обычно приходило в голову само собой.

И вот у меня отказала фантазия. Такого еще не случалось.

Я метнул панический взгляд в сторону Нусрама Факира. Тот взирал на меня с ехидной усмешкой. Как опытный гладиатор, он не мог не почувствовать, что это была не театральная пауза, а окончательный ступор.

Зрители глядели во все глаза.

Внешне я ничем не выдал волнения, зато внутренне лихорадочно шарил в мозгу в поиске новой идеи, словно в переполненном старым хламом шкафу.

Ничего.

Факир слегка наклонился вперед, похожий на кобру, готовящуюся к броску.

«Песчаные кроты», — заявил вдруг совершенно неожиданно «Лексикон» в моей голове, и мне не осталось ничего другого, как громко процитировать очередную статью:

> ПЕСЧАНЫЕ КРОТЫ. Песчаные кроты, убистранские, насекомоядные млекопитающие, находящиеся в дальнем родстве с замонианскими белобрюхими леммингами. Эти норные животные имеют хорошо развитое, мускулистое, снабженное ковшевидными лапами тело и очень скромных размеров мозг. Водятся они исключительно в песках Убистрана, где время от времени совершают самоубийственный ритуал, напрямую связанный с деятельностью убистранского вулкана Кроторот. Убистранские песчаные кроты достигают в размерах двух метров и могут свободно передвигаться в зыбучих песках, словно рыбы в воде.

— Итак, я погружался все глубже и глубже! — выкрикнул я в зал. — Как вдруг лапы мои коснулись чего-то мягкого, шерстяного. И не успел я опомниться, как уже сидел верхом на

каком-то животном.

— Это песчаный крот, — сказал зыбучий песок. **— Тебе повезло.**

— Не думаю, — мысленно ответил ему я. — Я задыхаюсь.

— Это твой единственный шанс. Держись крепче. Я знаю, он направляется к вулкану. Опять началось. Уже чувствуются толчки.

Я понятия не имел, что началось «опять», но мне было все равно, только бы выбраться из песка, ведь я действительно задыхался.

Крот, словно дельфин, ловко скользил в толще песка, у меня только в ушах свистело. Я изо всех сил вцепился в него, твердо решив не разжимать пальцы до тех пор, пока мы не вынырнем на поверхность. Но мы летели не вверх, а вниз.

Мы не собирались выныривать на поверхность, а, наоборот, погружались.

Отлично! Чем безнадежнее ситуация, тем лучше. Зрители уже хватались за сердце.

— Мы продолжали стремительно погружаться, почти вертикально вниз. Пробил мой последний час! В легких осталась последняя молекула кислорода, за которую отчаянно бились обе их половинки.

— Вот вы и добрались, — заявил зыбучий песок в моей голове. **— Повезло тебе! Хоть и глупый совсем, а родился в рубашке.**

И действительно, мы вдруг ринулись в бездну. Воздух! Спасительный кислород!

Наконец-то! Зрители облегченно вздохнули.

— Что же произошло? — возбужденно выкрикнул кто-то из натифтофов.

Хм, хороший вопрос. *Что же произошло?..*

Этого я не знал.

— Что же произошло? — вопрошал я, театрально обводя глазами зал. — Что произошло?

Голова судорожно работала.

— Просто мы провалились в одну из подземных пещер. Вот что произошло! Огромный воздушный резервуар под толщей песков Убистрана. Мы свалились в нее, вокруг стояли другие кроты и кричали:

— То самое место! То самое время! То самое место! То самое время!

Немного оправившись, я продолжал врать дальше:

— Что за место? Что за время? Точно я знал только одно: мы находились в огромной, похожей на гигантский колодец шахте.

Вокруг ровные песчаные стены и высоко-высоко наверху, наверное на расстоянии нескольких сотен метров, малюсенькое круглое отверстие, откуда на дно едва пробивался рассеянный слабый свет.

— То самое место! То самое время! — вопили кроты.

«Место-есто! Время-емя!» — вторили стены.

Я снова обвел взглядом притихший зал. Тишина стояла как в Большом лесу. Нусрам демонстративно разглядывал свои ногти. Смейк совещался с охранником. Гемлут подал мне знак, чиркнув большим пальцем по горлу: «Не тяни. Заканчивай». Еще ни разу выступление гладиатора не длилось так долго.

А я только начал входить во вкус:

— Я спросил одного из кротов: что происходит? Но не буду утомлять публику пересказом его долгого, излагаемого торжественным голосом, с бесконечными экскурсами в прошлое сообщества песчаных кротов, рассказа, поведаю лишь самое главное: вулкан Кроторот является действующим вулканом, он возобновляет свою деятельность каждые семь лет, седьмого числа седьмого месяца ровно в семь часов семь минут. Находятся даже знатоки, которые утверждают, будто извержение происходит с точностью до седьмой секунды, седьмой десятой доли секунды, седьмой сотой доли секунды, седьмой…

Публика нетерпеливо заерзала.

— Ну ладно, не важно. Главное, что каждый уважающий себя и достигший семилетнего возраста крот должен непременно лично присутствовать при этом событии.

Вулкан. Если и есть еще что-то, способное очаровать охочую до острых ощущений публику больше, чем упоминание о *зыбучем песке,* так это *вулкан,* особенно в сочетании с сообщением, что это действующий вулкан, готовый возобновить излюбленную свою деятельность — *извержение.* А упоминание точного времени, когда это извержение должно произойти, — приятнейшее из известий, какими может порадовать гладиатор своих верных поклонников. Волнение на скамьях стадиона становилось все заметнее. Даже Факир украдкой поднял одну бровь, но на него все равно никто не смотрел. Я продолжал, понизив голос:

— Зловещий рокот взорвал недра вулкана, словно боллог поперхнулся грозовой тучей. Дурное предчувствие захлестнуло меня, как… как *лава из кратера!* Я спросил одного из кротов, какое сегодня число.

— Седьмое число седьмого месяца, — ответил он.

И тут я совершил нечто совершенно неслыханное — я сделал паузу. Нет, не театральную паузу, а настоящую паузу, вроде перерыва на обед. Мне вспомнилось вдруг, что в кармане у меня

лежит бутерброд, Гемлут сунул мне его в дверях, чтобы я подкрепился перед дуэлью. Из-за волнения я о нем совсем забыл. А вот теперь торжественно извлек из бумаги и начал жевать.

Публика выла и стонала. Смейк возбужденно переговаривался с приближенными. Гемлут демонстративно натянул шляпу на глаза. Делать паузы во время дуэли было не принято, но запрещающего пункта в правилах на этот счет тоже не было. Мне удалось открыть брешь в гладиаторском уставе.

Я преспокойненько лопал свой бутерброд, самым тщательным образом пережевывая каждый кусочек. Порой еще и останавливался, то есть делал паузы во время паузы. За всю историю существования замонианского шоу-бизнеса никто не осмеливался так цинично играть на нервах у публики.

Покончив с едой, я не спеша, аккуратно сложил бумагу и сунул ее обратно в карман. Потом удовлетворенно откинулся на спинку трона, сложил лапы на животе и тихонько замурлыкал себе под нос, словно забыл, где и зачем нахожусь. Зал был готов меня линчевать.

Но тут я так резко и неожиданно вскинул вверх лапу, что все зрители как один чуть дружно не попадали со своих стульев.

— ВУЛКАН ВЗОРВАЛСЯ! — заорал я. — И мы вместе с ним!

С одной натифтофкой в первом ряду случился обморок, но никто даже не подумал ей помочь.

— Я вместе с кротами стоял на застывшей поверхности лавы, которая в момент извержения вулкана взмыла вверх. Это было… это было… ну как описать это чувство, когда тебя выплевывает вулкан?

Я задумался.

— Это все равно что тобою выстрелит пушка, стоящая на спине у летящей ракеты. Давление от такого броска распластало нас по поверхности лавы. Мы расплющились, стали плоскими, как блины, а жерло кратера приближалось. И вот мы вылетели наружу и устремились вверх на многие и многие километры.

Театральная пауза, но недолгая.

— Потом настал удивительный миг, когда панцирь лавы достиг наивысшей точки: мы отделились от него и на одно мгновение зависли в воздухе. Нас забросило так высоко, что мы могли заглянуть в космическое пространство — удовольствие, до сих пор доступное только боллогам.

Зрители не знали, что мне, как снорганисту, видевшему воспоминания боллога, были знакомы картины космического пространства, поэтому мой детальный рассказ о строении Солнечной системы вызвал у зала неподдельный восторг. Тем более что я снабдил его самым подробным научным отчетом о

структуре различных планет, рельефе их поверхности, состоянии атмосферы — одним словом, всем тем, что когда-то изучал в Ночной школе. Около получаса я бессовестно мучил публику скучнейшей астрономической информацией, а потом неожиданно продолжил свой рассказ:

— …Мы зависли в воздухе и… полетели вниз!

На этом месте особо слабонервные зрители предпочли покинуть зал. Остальные страшно разволновались, тут и там мелькали флакончики с успокоительными каплями.

— Кроты дружно завизжали от восторга. Неудивительно, ведь они слепые и не видели того, что видел я, а именно — землю, которая стремительно летела на нас. Хотя вернее, наверное, было бы сказать, что это мы летели на нее.

Натифтофы замахали ушами — верный признак крайнего возбуждения.

— Кроты раскинули в стороны лапы и, весело щебеча, носились вокруг меня стаей птиц. Казалось, они и правда выучились летать. И что самое невероятное — они в самом деле летали.

Публика замерла в недоумении.

— Да-да, каждый умеет летать. И я, и вы тоже… — Я кивнул одной из зрительниц, которая смотрела на меня, раскрыв рот. — Все зависит только от высоты. Если вы, например, прыгнете вниз с крыши многоэтажного дома, или с моста, или из корзины воздушного шара, высота будет недостаточная, чтобы научиться летать. Только выстрел из кратера вулкана доставит вас на нужную высоту. Единственное, что мешало мне присоединиться к кротам, — это парализовавший все тело страх. Я съежился, сжался в комок и камнем падал на землю. Кроты, к сожалению, не могли мне помочь, ведь они слепые и не видели, что я делал. А мне нужно было просто раскинуть лапы, и я полетел бы вместе с ними.

— Да раскинь же ты наконец свои лапы, дуралей! — не выдержал какой-то зельц в последнем ряду.

Я понял, что не стоит перегибать палку, нужно поскорее дать публике то, чего она хочет.

— И вот я раскинул лапы и действительно полетел! Я больше уже не падал, а парил как орел, описывая широкие круги, медленно и с достоинством по спирали опускаясь на землю. Некоторые из кротов уже приземлились. Подо мной простирался Граланд, тот самый город, губернатору которого я вез письмо. А еще там жила моя любимая. И представьте себе, я не только опустился на землю Граланда мягко как перышко, я приземлился прямиком у ног своей возлюбленной, которая сидела в саду и

ждала меня. Заметив ее еще с высоты, я быстро полез в карман за кольцом, оно должно было находиться там. И что бы вы думали? Его там не было!

По стадиону прокатились испуганные женские стоны.

— Неужто я потерял его в зыбучем песке? А может быть, в кратере вулкана? Или во время полета? Да где угодно! Я панически продолжал рыться в кармане, разгребая зыбучий песок, который туда набрался. Ничего. Пустота.

Наконец пригодились заготовленные носовые платки. Горестные всхлипы слышались отовсюду.

— Проверь другой карман, — посоветовал мне зыбучий песок.

Я проверил. Кольцо было там! Приземляясь, я успел вытащить колечко и, прежде чем наши губы слились в поцелуе, надел его ей на пальчик, и — надо же, какая удача! — оно пришлось ей как раз впору.

Тишина. Абсолютная тишина.

Шум. Оглушительный шум.

Зрители буквально сошли с ума, даже самые скромные среди них. Зал неистовствовал, вниз летели разломанные стулья. Такого буйства публики Мегатеатр не видел за всю историю своего существования.

В общем-то рассказ и правда получился на славу, но такой реакции не ожидал даже я. Откуда мне было знать, что я изобрел тогда «happyend» — счастливое завершение романтической истории, получившее со временем всемирную популярность.

Все предыдущие замонианские сочинения, особенно у гладиаторов-лжецов, либо вообще не имели конца — в лучшем случае содержали какое-нибудь вытекающее из сюжета нравоучение, — либо же заканчивались крайне трагически — с огромным количеством жертв, морем слез и бездной страданий. Умирали главный герой и героиня, умирали все злодеи, а также король с королевой и, само собой, все их подданные. Одним словом, все замонианские истории прежнего образца заканчивались естественным образом со смертью последнего персонажа.

Так, например, драматическое сочинение Саттама Треб-Айза «Заливные луга» заканчивалось тем, что все персонажи тонули в результате страшного наводнения. В самом известном романе Хильдегунста Сказителя «Жареный гость» всего насчитывалось двенадцать тысяч трупов, а в полном собрании его сочинений — свыше миллиона, причем большинство героев погибли именно на последних страницах. В Замонии существовала даже специальная школа литераторов, в которой учили, что любое мало-мальски

приличное литературное произведение должно обязательно заканчиваться смертью основных действующих лиц, и на протяжении всего обучения учащиеся разбирали различные способы наиболее элегантного отправления своих героев на тот свет: от использования мечей, шпаг и всевозможных ядов до тщательно спланированных несчастных случаев, нападений, болезней и всемирных катастроф. Сочинители соревновались друг с другом, стараясь угробить в конце как можно большее количество персонажей и создать самый жуткий, кровавый и душераздирающий финал. Только так можно было увековечить свое имя и попасть в список подлинных гениев.

Одним из главнейших критериев присуждения многих литературных премий была степень трагизма развязки книги. В театрах зрители в первых рядах надевали одежду поплоше, так как во время постановки их легко могли забрызгать искусственной кровью, которая лилась на сцене рекой. Писателей, которые отваживались закончить книгу не слишком печально, все издательства гнали в три шеи.

Счастливой развязкой я утолил жажду зрителей, о которой они раньше даже не подозревали. Повсюду мелькали носовые платки, на лицах блестели слезы радости, кто-то тихонько мечтательно улыбался, кто-то неистово обнимал своих соседей. Гемлут исполнил зажигательный танец своей родины.

Только два субъекта не выказывали никаких эмоций. Один из них был Вольцотан Смейк. Он смотрел на меня холодными акульими глазами. Вокруг него нервно суетились его приближенные. Другой был Нусрам Факир. Если мне и удалось произвести впечатление на Оригинального, то он ни в коем случае не хотел этого показать. Он спокойно наблюдал за толпой, ожидая, когда улягутся страсти. Я выиграл пока еще всего один раунд, а на его счету было целых десять.

Дуэли гладиаторов длились до тех пор, пока один не признает свое поражение. Правила не ограничивали количество раундов, а также их продолжительность. Иногда раунд длился не дольше пяти минут, иногда затягивался на целый час. Некоторые дуэли насчитывали до сорока раундов.

Нашей суждено было продлиться почти до ста.

Раунды с двенадцатого по двадцать второй

Следующие одиннадцать раундов выиграл я. Мне удалось переломить ситуацию, репутация Факира как непревзойденного лжеца пошатнулась, симпатии публики перешли на мою сторону. Однако он не хотел отступать, истории его, как всегда, были великолепны, только я постоянно набирал на один-два балла больше.

Сказать по правде, я продолжал делать ставку на присутствующих в зале дам. Все мои последующие истории имели романтическую окраску, речь шла о глубоких чувствах, любви и преданности, взаимных клятвах, трогательных расставаниях и разбитых сердцах, но развязка была обязательно счастливой, с непременным вручением обручального колечка. Если женщины аплодировали, мужчины тоже отчаянно хлопали, чтобы доставить своим возлюбленным удовольствие. Вот только на одиннадцатой истории весь романтический материал, так или иначе связанный с обручальным колечком, иссяк. Да и интерес публики к печальным красавицам заметно притупился.

Раунды с двадцать третьего по тридцать третий

Нусрам Факир воспользовался моментом и обратился к новой теме — замонианской демонологии. То был его конек, во всяком случае так следовало из его биографии. Ни в одном уголке мира не водилось столько демонов, как в Замонии, и ни в одном другом городе они не наблюдались в такой концентрации, как в Атлантисе.

Лекция по замонианской демонологии. Здесь водились демоны гор, земли, ветра и воды, демоны животного мира, болотные демоны, демоны морского прибоя и демоны камыша, демоны-карлики, демоны-великаны и известные всем демоны-рикши. Любой житель Атлантиса лично был знаком с одним или несколькими демонами, состоял с ними в родственных, дружеских, романтических отношениях или же сам был одним из них.

И вот со временем повадки местных демонов претерпели серьезные изменения. Раньше основным их занятием было внушение страха и ужаса всем остальным жизненным формам

Атлантиса, они предпочитали вести ночной образ жизни, подкарауливали в лесах запоздалых путников или же очень страшно завывали в печных трубах во время грозы и пугали детей. Но когда численность демонического населения значительно возросла, ко всем их штучкам постепенно привыкли, они перестали внушать прежний трепет и рассматривались уже как нечто само собой разумеющееся. Никого больше не удивляло появление среди ночи у кровати трехъязыкого болотного демона с окровавленным топором в голове, завывающего, словно ночной кошмар.

Никто теперь не пугался, столкнувшись с лесными гномами, которые, корча рожи, неожиданно выскакивали из-за деревьев. Даже дети перестали бояться демонов угля, вылезающих из темных подвалов. В общем, демонов больше никто не боялся, к ним просто привыкли.

Демоны тоже изменили свое поведение, приспособились к жизни в городе, освоили обычные городские профессии и постепенно превратились в полноправных граждан. Вскоре стало вполне естественным покупать булку у пекаря-демона или же ехать домой на демоне-рикше. Демоны теперь посещали спортивные клубы, участвовали в самодеятельных театрах, подметали улицы и выступали в парламенте, многие из самых популярных гладиаторов и игроков в геббу были демонами.

Но как бы то ни было, они по-прежнему оставались весьма и весьма несимпатичными существами. Жуткая физиономия, кривые желтые зубы, широкий оскал, выпученные глаза, слишком длинный язык, волосатые уши, пятнистые губы, рога, бородавки и ороговевшие шипы на теле продолжали украшать любого демона, и с этим ничего нельзя было поделать. Только они не сдавались. Самые тщеславные пытались отбеливать зубы, обесцвечивать губы, держать язык за зубами и не слишком таращить глаза. Они прятали рога под высокими забавными шляпами, заказывали одежду специального кроя — одним словом, делали все возможное, чтобы не выделяться.

Этот аспект и стал темой последующих историй Нусрама Факира. В сущности, он просто пересказывал бытующие в Атлантисе анекдоты про демонов (таких было, кстати, немало), только делал это с непревзойденным мастерством, украшая свои выступления великолепными пародиями и сатирой в адрес известных политических личностей, рассказывая такие подробности из частных областей демонической жизни, которые можно было узнать, только проникнув в ее святая святых. Он передразнивал пришепетывание демонов-рикш, неуклюжую поступь балинезийских теней-привидений и жуткий прищур

японских мимигримов. Он прекрасно освоил все их диалекты: скороговорку яхольских висельников, неторопливый говор духов Рудных гор и шамканье ирландских болотных гномов.

Каждая из его миниатюр являла собой верх пародийного мастерства. При этом ему удалось не оскорбить ничьих чувств, он так беззлобно посмеивался над слабостями и недостатками своих в сущности добродушных земляков, что многочисленные представители демонической диаспоры хлопали громче всех.

Мои ответные выступления вряд ли заслуживают здесь подробного описания, хотя мне и удалось не ударить в грязь лицом. Шесть из одиннадцати раундов остались за ним, но по сумме баллов он не на много меня обогнал: у него прибор все время показывал очень высокий результат, у меня лишь немного пониже.

Раунды с тридцать четвертого по сорок пятый

А потом нами овладела усталость. И публикой тоже. Нам обоим пришлось срочно сократить свои выступления, чтобы дать себе возможность чуть-чуть отдышаться и собраться с фантазией. Внимание и заинтересованность зрителей заметно ослабли, в зале поднялся шум. Многие выходили, чтобы пополнить запасы кукурузы и пива.

Поэтому в следующих двенадцати раундах мы оба не блистали, стрелка прибора ни разу не перевалила за цифру «пять». Истории все больше порастали бородой, а аплодисменты

становились все жиже. Мы, не сговариваясь, прибегли к одному и тому же трюку — новому исполнению старого репертуара, травили известные байки, вяло перебирая одну тему за другой, стараясь беречь свои силы, как выдохшиеся боксеры, которые несколько раундов кряду висят друг на друге.

Раунды с сорок шестого по пятьдесят седьмой

В следующих двенадцати раундах мне снова удалось обрести почву под ногами. А вот Нусрам Факир заметно скис.

Резервы. Я начал понимать, почему Смейк так настойчиво просил меня проиграть. На длинных дистанциях разница в возрасте, хочешь не хочешь, дает о себе знать. Я явно находился в лучшей физической форме, был моложе, мог дольше держать дыхание и имел более эластичные связки. Выплывшие наружу (естественно, заметные только профессиональному глазу) недостатки Факира привели меня в состояние эйфории. В общей сложности мы провели уже около шестидесяти раундов, набрав приблизительно равное количество очков. Я снова вошел в раж, истории сами собой приходили на ум, как во время моего первого поединка с пещерным троллем. Мало того, идеи в таком количестве роились у меня в голове, что мне приходилось объединять их по нескольку в одну, легкомысленно растрачивая материал, которого при других условиях хватило бы выступлений на пять. Публика тоже оживилась.

В общем-то это не шло ни в какие ворота — проявлять такую расточительность в отношении своего собственного репертуара, но что поделаешь, у меня было такое ощущение, что я открыл золотую жилу своей фантазии, и чем дальше я ее разрабатывал, тем бездоннее она становилась.

Я рассказывал о своих приключениях на острове Сирен, об уникальной способности выдувать из куска дерева чудесные вещи, о зубце, украденном мною с короны Нептуна, о лифте, в котором я ездил к центру Земли, о том, как собирал крокодиловы слезы на Амазонке, и о северном сиянии, которое лично рисовал на небе хвостом оседланной мною кометы. Я раскрыл публике секреты своей профессиональной деятельности, ведь я был и звездных дел мастером, и врачевателем икоты, и стражем экваториальной линии, и подводным полицейским, и парикмахером волн, и дирижером приливов. Я доверил им свой самый главный секрет — это именно я посолил океан, заморозил

Северный полюс и засахарил Сладкую пустыню.

Я заливался соловьем, размахивал лапами, гримасничал и кривлялся в своем кресле так, что вернувшая наконец способность веселиться публика хохотала до изнеможения. И мои старания были оценены по достоинству. Стрелка прибора ни разу не опустилась ниже девяти баллов.

Нусрам тем временем еще больше сдал. Его истории и способ их представления все еще были на высоте, любой начинающий гладиатор позавидовал бы таким выступлениям, но мне как профессионалу было ясно: он экономит силы, значительно сократив движения, эмоции и жесты.

Мои силы тоже оказались не бесконечны, и понимание этого обрушилось на меня как снег на голову. Семьдесят пять раундов остались позади, перевес в мою пользу насчитывал не менее десяти. Начинать следующее сражение предстояло мне, и тут я почувствовал, что не могу раскрыть рта, от слишком долгого усердного говорения мой голосовой аппарат вышел из строя, в горле пересохло, язык распух и стал шершавым будто наждак. Но хуже всего было то, что такая же засуха наступила у меня в голове.

Там не осталось ни одной мысли.

И тут Нусрам задал мне жару.

Раунды с пятьдесят восьмого по семьдесят седьмой

Этого я от него никак не ожидал. Оказывается, все это время он водил меня за нос, преспокойненько дожидаясь своего часа и экономя силы для решающего броска. Я попался на удочку, как какой-нибудь неопытный новичок, лучшие свои идеи бесцельно растратил в предвкушении скорой победы, а он приберег свои на потом и теперь блистал ярче, чем в начале дуэли.

Я не учел двух вещей. Во-первых, грандиозного опыта, накопленного им за время своей гладиаторской карьеры, которая у него, между прочим, длилась в двенадцать раз дольше моей. Он не только успел рассказать тысячи своих собственных историй, но и выслушал не меньшее количество чужих, которые до поры до времени сохранял в памяти и теперь использовал в качестве источников новых сюжетов. А во-вторых, к моменту нашей с ним встречи он успел как следует отдохнуть. Целых шесть лет он не выходил на сцену, в то время как я весь последний год только и делал, что проводил одну дуэль за другой. Я выдохся, исчерпал себя, а он пришел с новыми силами и, главное, с новой тактикой

гладиаторского боя, разработанной им во время покоя, новой формой презентации лжи, которую теперь как козырного туза достал из рукава.

Музыка. Он поднял руку, и на сцену вышла целая капелла вольтигорков, каждый из которых держал в руке причудливый инструмент. Я успел определить только две тролльторны, два флоринтских вольтробаса, одну стальную арфу, три поющие пилы, две дальнезамонианские труты, два тарабана и яхольский черепичный клавесин. Музыканты выстроились полукругом позади трона Нусрама и замерли в ожидании его команды.

Вот, оказывается, чем занимался Факир все время своего загадочного отсутствия: он брал уроки вокала, развивал голосовые связки посредством этой сценической дисциплины, дополнительно тренировал голос пением. Он не только сочинял новые истории, он придавал им музыкальное обрамление. Как бывший его поклонник, я не мог мысленно не снять перед ним шляпу. Он совершил еще один прорыв в гладиаторском спорте.

Первое его музыкальное выступление походило на оперу: тихое лирическое пение тролльторн брало за душу, служа прекрасным фоном для вибрирующего тенора Нусрама, поющего на древнезамонианском. И не важно, что большинство зрителей не владели этим давно умершим языком, смысл был понятен без слов, как это обычно случается в опере, где музыка переводит слова на язык чувств. Речь, как всегда, шла о великих вещах: любви, предательстве, смерти и, конечно же, подлой лжи. Небольшую лесенку своего трона Факир умело использовал в качестве сцены, он изящно танцевал на ступеньках, ползал по ним, в отчаянии молотя кулаками. Под конец он драматически скатился вниз, симулируя свою собственную смерть. Последний вздох глубоким басом исторгся из его груди.

Я не мог не признать, что Нусрам был не только отличным певцом, но и талантливым композитором. Мелодии его действительно проникали в самое сердце. Надо ли говорить, что он получил десять баллов. Публика была вне себя от восторга и хлопала громче, чем в любой другой момент нашей дуэли.

А мне даже не удалось рассказать свою историю до конца. Меня освистали, впервые за все время моей гладиаторской карьеры. Всем не терпелось как можно скорее увидеть и услышать очередное изобретение Факира.

Снова вышли на сцену музыканты. Я ожидал уже, что Нусрам продолжит движение по накатанным оперным рельсам, но не тут-то было — в новом выступлении он кардинальным образом изменил все: стиль музыки, темп, громкость и даже свой внешний

вид. Он сбросил гладиаторскую мантию, продемонстрировав публике свой все еще на удивление стройный, крепкий торс, на что женская половина ответила томными вздохами. А потом он — не могу найти более подходящего слова — зажег.

Труты заиграли веселый мотив, в такт ему вольтигорки отчаянно замолотили по тарабанам. Грубоватый, но зажигательный ритм сотрясал стены Мегатеатра. Потом вступили поющие пилы и поддали жару так, что многие зрители, не удержавшись, повскакивали с мест, даже у меня ноги сами собой начали пританцовывать. Нусрам на этот раз пел хриплым басом, извиваясь под музыку самым мерзким образом. Но публике и это тоже нравилось. Даже резкие взвизги черепичного клавесина только еще больше раззадоривали зрителей. Мне стоило большого труда сохранять спокойствие и не пуститься вместе с остальными в пляс. А зрители так и прыгали как обезьяны, во всем подражая Нусраму.

Это была не только новая техника гладиаторского выступления, это был совершенно новый музыкальный стиль. Раньше Атлантису были известны только оперы, некоторые народные жанры да еще монотонное завывание Пушка Грома. А это было нечто совсем другое. Факир рискнул, поставив все на одну карту.

Содержание истории из-за шума почти невозможно было разобрать (речь шла, вероятно, о вечной молодости танцоров-обезьян), и я не уверен, что это вообще можно было назвать гладиаторским спортом, но успех говорил сам за себя.

Снова десять баллов. Бешеные овации. И отчаянный свист, как только я раскрыл рот.

На этот раз слова Факира снова были хорошо, отчетливо слышны, поскольку он тихонько аккомпанировал себе на арфе. Заново облачившись в свою мантию, он пел высоким проникновенным сопрано о возникновении Жутких гор; получилось нечто вроде народной баллады, которая, с определенным количеством оговорок, еще могла сойти за выступление гладиатора. Но мелодия и в самом деле брала за душу, правда не так, как опера, а по-другому: на этот раз Нусрам обратился к патриотическим чувствам замонианцев.

А потом он разразился йодлером. Сопровождаемые пением альтотруб (это такие инструменты, похожие на альпийские рожки), звонкие гортанные переливы эхом отражались от стен Мегатеатра, приводя в восторг публику, особенно альпийских гномов. А Факир еще подпрыгивал в такт музыке и прихлопывал себя по коленям, что ошалевшая публика тут же повторяла.

Завершил он свое выступление опять же на возвышенной,

патетической ноте, заливаясь соловьем о сиянии горных вершин и немеркнущей любви к Отчизне.

Зельцы утирали слезы. На мой взгляд, все это отдавало китчем, но Нусрам получил свои десять баллов, и с этим ничего нельзя было поделать. Мне оставалось только в очередной раз, несмотря на недовольный рев публики, попытаться что-нибудь рассказать.

Нусрам Факир тем временем откашлялся и растрепал волосы, так чтобы они беспорядочно падали на глаза. Ему принесли на сцену яхольский черепичный клавесин, и он запел голосом, которому позавидовал бы любой ирландский друид. На этот раз он порадовал публику песней рыбака в безупречной, высокохудожественной аранжировке. Вперив в зал неподвижный взгляд, дрожащим от слез голосом он пел о своей любимой, которую проглотил злой тираннокит Рекс и которая все еще продолжала жить у того в животе, посылая рыбаку отчаянные письма в бутылках.

Вольтигорки стояли тут же на сцене и каждый раз подхватывали хриплыми голосами припев, речь в котором шла о питейных пристрастиях морских духов. Публика дружно раскачивалась под музыку. Песня закончилась драматическим актом спасения: девушка обрела долгожданную свободу, а тираннокит пал от руки рыбака. Я криво усмехнулся, но публика не разделяла моего скепсиса. Десять баллов Факиру. Свист, крики и кукурузные огрызки мне.

Вольцотан Смейк выглядел абсолютно довольным. Такого единодушного поклонения одному гладиатору и уничижительного презрения ко второму в Мегатеатре еще не бывало. Возвращение Нусрама Факира обещало стать настоящей сенсацией.

Так продолжалось целых пятнадцать раундов подряд. В каждом раунде он менял музыкальный стиль, голос, внешний вид и жанр повествования. Под заунывное хныканье поющих пил он исполнял блюз, под гром тарабанов чеканил военный марш, на смену которому пришла ария из оперетки, а потом без всякого аккомпанемента кристально чистым голосом исполнил номер а капелла, а еще виртуозно играл на вольтробасе, весьма оригинально дирижировал оркестром, наяривал на стеклянной арфе ногами, бегал вверх-вниз по лестнице и отколол пару-тройку таких акробатических номеров, которых я, учитывая его годы, от него уже просто не ожидал. За все это он каждый раз стабильно получал свои десять баллов. Зельцы даже запалили промасленные початки кукурузы и, подняв их высоко над головами, раскачивались в такт музыке.

Терпение и стойкость. А от меня потребовались навыки, еще ни разу не опробованные мной за все время моих выступлений в Мегатеатре, — умение сохранять выдержку и спокойствие под оглушительный свист недовольной публики. А между тем именно так большинство гладиаторов лишились своей короны, и только самые стойкие умели достойно выдержать это испытание. Ведь дуэль можно закончить в любой момент, стоит только признать свое поражение, поэтому гладиатор, который находит в себе силы остаться на сцене, вместо того чтобы в панике бежать за кулисы, действительно заслуживает уважения.

Я стоял столбом, а в голову мне летели обглоданные початки кукурузы. Можно ли представить себе что-либо худшее для артиста? Внутренний голос настойчиво требовал все это прекратить, развернуться и бежать со всех ног, спрятаться где-нибудь в катакомбах канализации, но я оставался на сцене, молча снося весь этот позор — крики, свист, шипение, огрызки кукурузы, пивные банки, выломанные из сидений доски и даже здоровенного зельца, которого приятели в сердцах выбросили на сцену. Я даже не стал садиться, хотя стоя унижения воспринимаются гораздо острее, потому что приходится еще и бороться с дрожью в коленях. Но я заставил себя остаться стоять, чтобы они поняли, насколько все это мне безразлично.

Публика знала, что гладиатора невозможно прогнать со сцены одними лишь криками. Ведь прибор реагировал и на негативные эмоции тоже: чем громче крики, тем выше баллы. Поэтому шум в зале постепенно стих. Пережив этот момент, можно считать, что худшее уже позади. Злые окрики сначала стали тише и слабее, потом перешли в недовольное бормотание и в конце концов превратились в робкие аплодисменты. Толпа как дикая лошадь, управлять ею можно только посредством железной воли. А это до сих пор удавалось лишь самым лучшим из гладиаторов.

Нусраму Факиру это было прекрасно известно, поэтому мою стойкость он оценил гораздо выше, чем все предыдущие истории, вместе взятые. Он наконец-то понял, что имеет дело с равным противником.

На последних пяти номерах Факира аплодисменты стали заметно хиреть, за свои вокально-музыкалные выступления он получал по девять, восемь баллов. После семьдесят второго раунда он не показал уже ничего выдающегося, его репертуар иссяк. Устав от танцев и ликования, публика снова расселась по местам.

Оркестр вольтигорков смылся со сцены, снова воцарилась

долгожданная тишина, и я, собравшись с духом, рассказал очередную свою историю. Зал опять был готов воспринимать спокойное повествование, поэтому мое выступление встретило лишь незначительный, вялый протест.

Раунды с семьдесят восьмого по девяностый

На дне. В следующих тринадцати раундах мы оба получали самые низкие баллы за все время нашей дуэли. Зрители были измотаны танцевальными номерами Факира, сам он тоже заметно обмяк, явно поставив на то, что сумеет сжить меня со сцены своим музыкальным ревю. Но этого не произошло, я все еще не сдавался, а его репертуар давно подошел к концу. Он снова обратился к старым, добрым, надежным традиционным историям, набирая по минимуму. Мне же приходилось выкарабкиваться со дна, так что для меня и те два-три балла были вполне хороши.

В результате он выиграл три раунда, а я десять, и тот и другой с минимальным количеством баллов. У публики не было больше сил ни радоваться, ни хлопать.

— Долой! Долой! — скандировали йети.

Мы провели в общей сложности девяносто раундов, 45 из них выиграл я, 45 — Факир. Мы полностью обессилели, нам едва хватало сил на один вялый жест и усталый взгляд.

Зрители аплодировали только из вежливости, ни одна из наших историй не заслужила больше одного балла. Но не буду утомлять вас их пересказом, до сих пор стыдно вспомнить, какую чушь мы оба мололи. Фантазия вытекла у нас из мозгов, мы выжали ее всю до последней капли. Сдаваться после такой напряженной борьбы, естественно, ни один из нас не хотел. Все шло к тому, что будет ничья. В отчаянии я скользил глазами по залу, как будто надеялся отыскать там какой-нибудь новый мотив.

Мой взгляд остановился на Смейке, который по-прежнему наблюдал за мной с ледяной гримасой. А ведь это с него все началось. Мне вспомнилось, как он смеялся, когда я рассказывал ему истории из своей жизни. Он принял их за искусно сплетенную ложь, — так началась моя карьера гладиатора.

Истории из жизни.

А что?

Если они понравились Смейку, возможно, понравятся и остальным. Уж он-то знает, чего жаждет толпа. Правда, будет не совсем честно, ведь эти истории я не придумывал. Да только кто это проверит? Музыкальные номера Факира тоже не соответствовали правилам.

Раунд девяносто первый

Я начал с карликовых пиратов, рассказал о ночных фейерверках и невезении с добычей, о том, как я вырос, потому что меня кормили питательными водорослями, и о том, как научился завязывать узлом даже рыбу. Публика притихла. Зрители уже начали забывать, что такое хорошо скроенная ложь. Они все еще не очнулись от своего летаргического сна, хлопали вяло (три балла), но мне однозначно удалось их расшевелить.

Начало было положено. Начало жизни после смерти.

Нусраму пришлось нелегко, он явно не ожидал, что я сумею оправиться после такого. Но он все же собрался и быстро состряпал какую-то дежурную ложь, за которую получил свои два балла.

Раунд девяносто второй

Следующий мой рассказ был о химериадах. Для начала я старательно описал жуткие картины ночного леса, потом резко перешел к появлению духов, изображая их отвратительные пение и походку. Затем подробно изложил историю моих выступлений в качестве тенора-ревы и в заключение поведал публике о том, как извращенно питались химериады.

Первый настоящий смех в зале. Кто-то даже крикнул: «Браво!» Достойные аплодисменты. Четыре балла на шкале.

Факир был слишком опытен, чтобы позволить себе запаниковать. Он еще раз хорошо покопался в закромах своей памяти и выудил оттуда на свет две классические лживые истории, к которым гладиаторы в разных вариациях прибегают уже много-много лет, и соединил их в довольно-таки приличную, не лишенную даже некоторого изящества, двойную ложь. Но опытный зритель быстро раскусил этот трюк и наказал его одним-единственным позорным баллом.

Раунд девяносто третий

Путешествие на плоту. Мой рассказ о волнах-болтушках вызвал всеобщее воодушевление. Я передразнивал их голоса, демонстрировал, как они спорят друг с другом, показывал, как они движутся, раскачиваясь на троне. Я описал свои голосовые упражнения и даже привел пару-тройку примеров в доказательство своего непомерно обширного словарного запаса. Встреча с тираннокитом Рексом обеспечила необходимое напряжение в зале, счастливое спасение предложило публике полюбившийся «happyend», а описание острова Гурманов разожгло аппетит к продолжению. Публика снова пришла в должную форму. Дружный хохот в зале. Реки горячего пива. Пять баллов на шкале.

Нусрам сохранял ледяное спокойствие. Легко и непринужденно, словно шел еще первый раунд, он представил публике элегантную выдумку о полете на Луну на воздушном шаре. Только от меня все же не ускользнули первые признаки его волнения. Этот незначительный нюанс, легкий нервный тик, возможно, кроме меня, никто не заметил. У него просто чуть-чуть подрагивал мизинец, совсем немного, лишь самый кончик, — и тем не менее.

Как бы ни была хороша история в его исполнении, все же она была скроена из старья, очень древней и всем известной замонианской сказки. Публика снисходительно наградила его тремя баллами.

Раунд девяносто четвертый

Аппетитные подробности моей жизни на острове Гурманов привели к повышенному потреблению кукурузы в зале, описание острова-плотожора вызвало единодушный испуганный стон, появление Мака и спасение в последнюю секунду — вздох облегчения. Шесть пунктов на шкале.

Нусрам старался не отставать, но это у него плохо получалось. История была знакома мне еще из его автобиографии, и она, надо признать, была гениальна, именно с ее помощью Факиру удалось разделаться с этим самозванцем-шарлатаном Каглностро и прогнать его со сцены в катакомбы

канализации уже в четырнадцатом сражении. Он, конечно, изменил имена и поменял начало и конец местами, но все равно это была та самая история. Только знали это, по-видимому, далеко не все, поскольку он все же получил свои пять баллов. Мизинец перестал дрожать.

Раунд девяносто пятый

Моя жизнь у Мака, динозавра-спасателя. Благодарный материал для создания самых захватывающих гладиаторских историй. Спасения в последнюю секунду, спасения и еще раз спасения. Я рассказал о прыжке Балдуана со скалы Смерти, о добраньских коровках, о безголовом боллоге и о раздавленном хлеве. Бурные аплодисменты, семь с половиной баллов.

Нусрам Факир начал терять самообладание, что было заметно, правда, только мне да еще некоторым экспертам в зале, а именно Вольцотану Смейку, который нервно заерзал на стуле.

Факир изо всех сил старался сохранять маску железного спокойствия и уверенности, но я успел заметить, как его правый зрачок на какую-то долю секунды сузился. История, которую он рассказал мне в ответ, была не просто ворованная, она была сворована у меня. Правда, он ее хорошенько перелопатил, так что никто из публики этого не заметил. На волне всеобщего воодушевления зал наградил его незаслуженными шестью баллами.

Раунд девяносто шестой

Учеба в Ночной школе представляла собой отличную почву для бессовестного хвастовства глубиной своих знаний, я беспрерывно сыпал цитатами из «Лексикона», рассказал о профессоре Филинчике, Кверте и Фреде. Грот и Цилле многозначительно переглянулись, но не проронили ни слова. О них я вообще не стал вспоминать и сразу же перешел к описанию темногорского лабиринта. Свидание с пещерным троллем я тоже предпочел опустить, уделив побольше внимания драматической развязке — падению в лесное озеро.

Восемь баллов.

Нусрам совершил ошибку, стоившую ему многих симпатий в зале, — он рассказал ту же самую историю, но по-другому.

Темногорский лабиринт превратился у него в Дальнезамонианский, меня он, естественно, заменил на себя и немного переделал сюжет.

Два балла. Вполне справедливое наказание, на мой взгляд.

Раунд девяносто седьмой

Большой лес, моя мнимая влюбленность, паук-ведун, марафонский забег по Большому лесу. Разве можно было придумать что-нибудь лучше? И Факир это знал.

Во время моего выступления на лбу у него выступила крохотная капелька пота, незаметная для нетренированного глаза. Если бы капельки пота были разбиты на классы по весу, этой бы досталось место в самой низшей подгруппе. Она была меньше половинки самой крохотной пылинки и состояла, наверное, из одной-единственной молекулы воды, то есть была самой маленькой среди капелек пота за всю историю существования потоотделения, но я сумел ее разглядеть и уверен, Нусрам тоже чувствовал ее, она наверняка казалась ему гигантским кошмаром.

Следующее его выступление не только отличалось скудостью сюжетной линии, но и все словно было подернуто легкой дымкой неуверенности. Что и вылилось в соответствующие результаты на шкале прибора: девять баллов мне, четыре — ему.

Раунд девяносто восьмой

Падение в пространственную дыру заставило публику дружно ахнуть, — такого смелого поворота фантазии никто не ожидал, хотя это и была чистейшая правда. С точки зрения классической гладиаторской лжи она была слишком экспериментальна, чересчур абстрактна, революционна и авангардна. Мимикой и жестами я постарался наглядно продемонстрировать состояние вульгарной кататонии, поведал зрителям о бесконечности универсума, о красоте туманности Андромеды и о причудливых орнаментах на коврах в 2364-м измерении. Мое возвращение на Землю, мой, в прямом смысле слова, невероятный прыжок в ту же самую пространственную дыру, в которую я упал вначале, — уже одно это заявление с точки зрения классических канонов лжи было неслыханной дерзостью — заслужил у разогретой публики

девять с половиной баллов.

Лоб Факира покрывала уже целая армия капелек пота, и они были теперь вполне различимы, по крайней мере для зрителей первого ряда. Он принялся было рассказывать очередную историю, но уже после первого предложения одна из капелек покатилась вниз и, словно сорвавшийся со скалы альпинист, повисла у него на брови. Нусрам снова открыл рот, и тут со лба у него сошла целая лавина капель пота. Соленая жидкость затекала ему в глаза, он отчаянно моргал, но не решался открыто ее смахнуть.

Впервые за долгие годы своих выступлений он сбился и вынужден был начать все сначала, потом снова потерял нить повествования и в растерянности остановился на середине истории. Пот ручьями катился у него со лба и капал на гладиаторскую мантию.

Публика оторопела. Такого не случалось еще ни с одним гладиатором, даже с самым последним среди новичков. За всю историю гладиаторских игр рассказ гладиатора не вызвал вообще никакой реакции. Гробовая тишина в зале. Ноль баллов.

Раунд девяносто девятый

Мое суровое путешествие по Сладкой пустыне заставило попотеть не только Факира, но и зрителей. Я постарался как можно точнее пародировать внезапные приступы смеха, которые случались с чудичами под воздействием чудны́х грибов, и они оказались такими заразительными, что передавались залу. Рассказ о Шарах-иль-аллахе, о том, как мы поймали Анагром Атаф, и о жизни в полустабильном городе-мираже буквально заворожил публику. А я еще прибавил к ним торнадо, город стариков и наш невероятный, отчаянный побег.

Бурные овации, десять баллов, лучший результат за долгое время. Только вот репертуар мой на этом подходил к концу. Эпизод с головой боллога я рассказывать не хотел. Большую голову было видно из Атлантиса, так что это могло меня выдать. До такой степени опустошения фантазии я еще ни разу не доходил.

Если у Факира появится хотя бы слабая искорка какой-нибудь идеи, для меня все кончено. Да что там искорка, самый жалкий, самый робкий намек на нее, самый ничтожный её отсвет — и я проиграл.

Он поднялся со своего трона и принял ту драматическую

позу, которая уже не раз на протяжении нашей дуэли свидетельствовала о том, что он готов идти ва-банк.

— А теперь, — произнес он не лишенным пафоса голосом, — я намерен сообщить вам нечто сенсационное, нечто невероятное, чего вы от меня еще не слышали.

Вот хитрец. Одно слово, Оригинальный. Опять оставил меня в дураках. Я понятия не имел, какой козырь еще был припрятан у него в рукаве, но мне было все равно. Он сделал это. Он победил. Он лучший из лучших.

Тут он сорвал с себя гладиаторскую мантию и с размаху швырнул ее мне под ноги:

— Я сдаюсь. Ты победил, поздравляю.

С этими словами он гордо покинул сцену.

Дуэль закончилась.

Хаос. Что тут началось! Кто-то вскочил и помчался к тотализатору поскорее получить выигранные деньги, кто-то бросился на сцену носить меня в честь победы по Мегатеатру. Я только успел заметить, как Вольцотан Смейк что-то рявкнул своей свите, выразительно указав в мою сторону. Гемлут нервно комкал шляпу, а потом меня подхватила толпа.

Я, словно бумажный кораблик, заплясал на волнах из тысячи рук. Меня раскачивали, бросали из стороны в сторону. Ничего не поделаешь, таков древнейший гладиаторский ритуал. Подобное со мной проделывали нередко, но такого неистовства я все же не помнил. Они трясли меня, как тряпичную куклу, хватали за лапы. Толпа просто взбесилась, я боялся, что они в конце концов разорвут меня на части.

На каждой лапе у меня висело по парочке зельцев, они тянули в разные стороны. Я уже не сомневался, что меня четвертуют, как вдруг земля задрожала.

Сначала никто не обратил на это внимания. Землетрясения в Атлантисе случались довольно часто, тем более что это было совсем слабое, — подумаешь, погремело немного, потрясло, вокруг и так все ходило ходуном. Только грохот этот вскоре превратился в опасный клокочущий рев. Зельцы отпустили меня, я рухнул на землю.

Земля тряслась с такой силой, как еще ни разу за все время моего пребывания в Атлантисе. Все вокруг смешалось, часть стены Мегатеатра рухнула. К счастью, здание не имело крыши, иначе без жертв было бы не обойтись. А так упавшими в зал

колоннами придавило только бак с кукурузой. Брызгами горячего жира накрыло парочку йети, но этим толстокожим разве что-нибудь сделается…

Громче всех вопили натифтофы и длинноногие берты. Гигантская трещина разрезала лестницу и арену, проглотив несколько сидений и часть сцены вместе с измерителем громкости аплодисментов. Ослепительная синяя молния вырвалась оттуда и спустя мгновение исчезла в темном ночном небе.

Потом вдруг все снова стало тихо.

Кто-то тронул меня за плечо:

— Идем, га, надо сматываться!

Это был Гемлут. По пути в гримерную, куда мы поспешили, чтобы забрать кое-какие вещи, он сообщил мне, что Смейк вне себя от ярости.

— Придется бежать из Атлантиса. Он наверняка проиграл на тебе кучу пирас.

— Знаю.

— Знаешь?!

— Да. Потом объясню. Хватаем вещи и делаем ноги. Мне нужно хотя бы переодеться, в этой мантии далеко не уйдешь.

Мы бежали по темному коридору под Мегатеатром. Факелы на стенах не горели, их, видимо, потушило обвалившейся штукатуркой или же ветром, который всегда поднимался в Атлантисе во время землетрясений.

Я толкнул дверь гримерной. Гемлут чиркнул спичкой, чтобы мне посветить. Быстро сбросив мантию, я схватил обычную свою одежду.

— Что мы теперь будем делать, га? — поинтересовался Гемлут.

— Понятия не имею.

— У нас даже нет денег, га. А у Смейка повсюду свои люди. Нет, далеко нам не уйти.

— Значит, уйдем в канализацию.

— Там же люди-невидимки!

— Ну и что? Ты видишь другую возможность?

В дверь постучали. Мы оба испуганно замерли.

В гримерную просунулась голова Смейка:

— Можно войти?

И в тот же миг гримерная наполнилась йети и зельцами. Румо, верный бык Смейка, застыл в дверях, освещая комнату потрескивающим факелом.

— Как хорошо, что мы застали тебя, сынок! Неужели ты хотел уйти, не отпраздновав с нами победу?

Вольцотан был ласков и обходителен как никогда.

— Только платить за все придется тебе. У меня, знаешь ли, совсем туго с деньгами.

— Смейк, пойми, — начал оправдываться я, — я не виноват, он меня завел, я…

— У меня не просто туго с деньгами, — горько вздохнул Смейк, — я разорен. Я поставил на Факира не только наличные, но и все, что у меня было, все свое состояние: дома, бизнес, акции. Я потерял все. И все потому, что ты, мой мальчик, отказал мне в крошечном одолжении.

— Но послушай, Смейк, я верну тебе все, я отработаю…

— Мой милый мальчик, неужели ты не понимаешь, что твоя гладиаторская карьера закончена. После сегодняшнего выступления у тебя больше не осталось соперников. Ты побил самого Нусрама Факира. Кто же согласится сражаться с тобой? Кто согласится ставить деньги на кого-нибудь, кроме тебя? Дуэли с твоим участием больше никому не интересны.

Надо же. Об этом я как-то не думал.

— Не бойся, я не стану тебя убивать. Нет, это было бы слишком просто. Я хочу, чтобы ты познал преисподнюю на Земле. Я пошлю тебя в адскую душегубку.

В адскую душегубку?

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

АДСКАЯ ДУШЕГУБКА. Простонародное название машинного отделения гигантского корабля «Молох», курсирующего в водах Замонианского океана. Считается, что внутренности этого легендарного океанского гиганта всецело занимает одно огромное машинное отделение, оснащенное тысячами и тысячами прожорливых топок, в которых необходимо непрерывно поддерживать огонь, чтобы обеспечивать движение корабля. Температура внутри адской душегубки почти такая же, как в сауне, а условия труда там совершенно невыносимые — по причине полного отсутствия поддержки и взаимовыручки в коллективе и крайне немилосердной системы штрафов и наказаний. Выражение «адская душегубка» уже давно употребляется жителями Замонии

в значении чистилища или же для обозначения самых тяжелых условий жизни («это была адская душегубка»). Некоторые недалекие педагоги поминают адскую душегубку, дабы приструнить непослушных детей («придется отправить тебя в адскую душегубку»).

Подлинных научных доказательств существования адской душегубки, однако, не существует, поскольку еще ни одному ученому не пришло в голову заниматься изучением «Молоха» в непосредственной близости от него.

— Хватайте их! — махнул своей свите Смейк. — Обоих — на «Молох». И медведя, и его приятеля-коротышку.

Тут подал голос один из йети:

— Разреши нам сначала проведать семьи. Землетрясение… Кто знает, стоят ли еще наши дома. А эти никуда от нас не денутся.

— Я один справлюсь, — заявил Румо, бык-телохранитель. — Я сам доставлю их на «Молох».

— Хорошо, — кивнул Смейк. — Смотри только, чтобы оба попали на «Молох». Я знаю, как ты к ним относишься, так что никакой самодеятельности, никаких «несчастных случаев» по дороге. Ты меня понял?

— Обещаю, шеф.

Румо. Румо быстро схватил нас с Гемлутом за шкирки и поволок за собой по темным коридорам подземелья. Он был почти на полтора метра выше меня, а кулаки имел размером с две моих головы. Говорят, даже вервольфы не решаются связываться с добраньскими быками. Поэтому я постарался быть вежливым:

— Куда ты нас ведешь?

— В порт.

— Хочешь посадить нас на «Молох»?

— Закрой рот!

Мы свернули в один из боковых туннелей. Это уже начинались катакомбы канализации. Румо снял со стены водорослевый факел и двинулся дальше, грубо толкая нас перед собой.

Километра через два он остановился.

— Ну вот, — сказал он, — теперь нас никто не услышит.

Никто не услышит? Что это значит? Он точно решил нас прикончить, ему просто не хочется тащиться вместе с нами в порт. Гемлут принял стойку боевого кадора.

Румо снял с головы шлем, впервые за все то время, что я его знал. На лбу у него было большое рыжее пятно.

— Узнаёшь? — спросил он.

Житость, подумал я, хлев с добраньскими коровками.

Я вспомнил малыша с рыжим пятном на лбу, которого мы спасали от боллога.

— Добраньские быки ничего не забывают, — сказал Румо. — Ты спас мою жизнь, я спасу твою.

Он протянул мне свою гигантскую лапу. Я пожал его указательный палец:

— Почему ты молчал все это время?

— С первой нашей встречи я знал: когда-нибудь ты попадешь в беду. Это в конце концов случается с каждым, кто путается со Смейком. Но тогда ты бы мне все равно не поверил. И я решил до поры повременить.

Румо огляделся по сторонам:

— Послушайте, в Атлантисе кое-что происходит. Кое-что очень важное. Уже многие тысячи лет… Но теперь не за горами тот день, когда все закончится. Хм…

Он задумался, подбирая слова.

— Ну, в общем, люди-невидимки, они… хм… как бы это сказать?

Он почесал свой бычий затылок. Добраньские быки обладали крепкими кулаками и кого угодно могли обыграть в шашки, но красноречие было явно не их коньком.

— Не знаю, как вам это объяснить… э-э-э… Фреда…

— Фреда?

Откуда он знает Фреду?

— В общем, это связано с синими молниями и землетрясениями… Другая планета. Мы полетим… Замония уходит под воду… Нет, не так. Как же мне вам объяснить?

Этого мы ему сказать не могли.

— Нет, кое-кто другой объяснит тебе это гораздо лучше, чем я, кое-кто, кого ты хорошо знаешь. Тебя ждут там, глубоко в недрах Атлантиса. Я, к сожалению, не смогу вас проводить. Мне нужно идти, чтобы подготовиться к великому моменту. Увидеть семью… Но я дам вам проводника. Он сейчас придет.

Румо говорил загадками. То ли у него было не все в порядке с головой, то ли он хотел окончательно нас запутать.

— Га, там кто-то идет! — воскликнул Гемлут.

Послышались чьи-то шаги.

— А, вот и он. Он проводит вас. Можете на него положиться.

Существо вышло из темноты. Это был пещерный тролль.

— Не вздумай только делать поспешные выводы из моего сходства с пещерным троллем, — начал он знакомую песню. — Я теперь, так сказать, только внешне пещерный тролль. А внутренне я совсем другой. Я очистился. Кхе-кхе-кхе! Теперь я твой спаситель.

Я попытался втолковать Румо, что я против такого сопровождающего.

— Понимаю твои опасения, но я за него ручаюсь, я сам лично приложил руку к его перевоспитанию.

С этими словами он склонился к пещерному троллю и злобно оскалил зубы:

— Надеюсь, ты не забыл, что тебя ждет, если хоть один волосок упадет у него с головы?

— Помню, помню, — поспешил заверить тот, и было видно, что от этих воспоминаний ему крайне неуютно.

Румо пожелал нам счастливого пути, потом передал троллю факел и исчез в темноте.

Сомнения. Кому хоть раз в жизни довелось стать жертвой происков пещерного тролля, тот до конца дней своих сохранит недоверие в отношении такого проводника. Поэтому чем дальше мы углублялись в недра Атлантиса, тем сильнее меня мучили сомнения. Сначала мы брели по канализационному туннелю, по колено в отвратительной жиже сточных вод, зеленоглазые крысы то и дело выскакивали у нас из-под ног и провожали нас злобным

шипением. Потом мы долго спускались по крутой, поросшей скользким мхом каменной лестнице длиной, наверное, в целый километр. Куда он нас ведет?

— Так короче, — сообщил пещерный тролль, словно прочитав мои мысли. — Это территория людей-невидимок. Сюда никто не суется, только крысы и канализационные драконы. Эта часть Атлантиса возникла много тысяч лет назад. Здесь совсем не то, что там наверху, кхе-кхе-кхе!

Повсюду нам встречались обычные подземные обитатели: крысы, разноцветные светлячки, мокрицы, сороконожки, пауки и черви. Над головой то и дело хлопали крыльями летучие мыши. Стены были мокрые, и, удивительное дело, вода по ним текла словно снизу вверх.

Туннель становился все шире и выше, на потолке на небольшом расстоянии друг от друга горели зеленые и синие лампы, напоминавшие светящихся, присосавшихся к каменному своду медуз. Мы все еще брели по колено в вонючей жиже. Что-то скользкое и длинное проплыло мимо моих ног.

— Это змееежи, — пояснил пещерный тролль. — Они в общем-то безобидные, могут только впиться и высосать немного крови.

Спустя полчаса изнурительного марша мы вышли в просторный туннель, ярко освещенный потолочными лампами. В конце туннеля лежало что-то очень большое и живое, походящее на огромную гору чешуи.

— Ого! — воскликнул пещерный тролль. — Не повезло! Канализационный дракон.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

КАНАЛИЗАЦИОННЫЙ ДРАКОН. Одичавший вид некогда обитавших на поверхности гигантских ящеров (динозавров), хладнокровная, длиннотелая рептилия (до двадцати пяти метров длиной) с хорошо оснащенной зубами челюстью (до девятисот резцов и коренных зубов). Тело дракона покрыто чешуей из разноцветных кожаных пластин со множеством бородавок, шипов и морщин. В прежние времена канализационные драконы обитали преимущественно в болотах, которыми была

богата местность Атлантиса, а потом, когда земли осушили и застроили домами, не сумели приспособиться к жизни большого города и ушли в просторные катакомбы канализации. Питаются они всем, что только попадается на глаза и с чем в состоянии справиться их пищеварительная система, а это — дерево, базальт, животные, люди и все остальные существа, включая самих канализационных драконов.

Своим телом дракон перегораживал весь туннель от стенки до стенки. Миновать его можно было, только вскарабкавшись на него, — мероприятие крайне рискованное, не вдохновившее бы даже самого отчаянного смельчака.

— Придется лезть через него, — сказал пещерный тролль, обернувшись к нам. — И не смотрите на меня как на сумасшедшего. Я это делал уже много раз. Он спит и ничего не заметит. Кхе-кхе-кхе!

КАНАЛИЗАЦИОННЫЙ ДРАКОН [продолжение]. Канализационные драконы относятся к типу так называемых сонноперевариваюших животных, которые половину своей жизни охотятся за добычей, а вторую половину мирно дремлют, переваривая ее. Встретив спящего дракона, можно порадоваться, что рептилия находится в безопасной фазе, но, с другой стороны, следует все же сохранять предельную осторожность, так как драконам свойственно притворяться спящими, подкарауливая жертву.

Итак, позади у нас был Смейк со всеми головорезами Атлантиса, а впереди всеядный дракон. Требовалось принять решение.

Пещерный тролль первым вскарабкался на спину дракона и гордым шагом прошелся по ней взад-вперед.

— Видели? Что я говорил? Спит! Кхе-кхе-кхе! — крикнул он, как мне показалось, слишком громко.

Чтобы продемонстрировать нам правоту своих слов, тролль еще несколько раз притопнул ногой.

— Смотрите! — воскликнул он, подпрыгнул и со всего размаху приземлился дракону на спину. — Идите же, он неопасен.

Гемлут начал подъем, я за ним. Тролль отбивал чечетку на чешуе дракона.

— Перестань! — взмолился я. — Ты действуешь мне на нервы.

— Он ничего не чувствует! — закричал тролль. — Он спит!

Он снова подпрыгнул и громко приземлился на панцирь рептилии. Трудно сказать, то ли дракон действительно проснулся от этих прыжков, то ли он все время просто притворялся спящим, только он вдруг разинул свою огромную слюнявую пасть. Хорошо еще, мы уже были далеко от его морды. Звук был такой, словно из его утробы вырвался взбесившийся жеребец. Дракон ужасающе заревел на удивление человеческим голосом и содрогнулся всем телом. Мы все вместе кубарем покатились с его спины на землю.

Его хвост, словно оборвавшийся трос, замолотил по стенам туннеля. Каким-то чудом нам удалось вовремя броситься на пол и распластаться на нем. Оснащенный метровыми шипами гигантский кусок мяса несколько раз просвистел у нас над головой.

Потом дракон подобрал хвост и завыл, как голодная собака. Из пасти у него полыхнул длинный язык пламени, на мгновение все вокруг озарилось ярким светом, и на стенах отчетливо проступили наши несущиеся со всех ног тени. Мы бежали, не разбирая дороги, только бы поскорее убраться подальше от этого места. Дракон повернул к нам свою ящероподобную голову и зашипел, но развернуться ему, кажется, не удавалось.

— Он застрял, — объявил пещерный тролль, — он застрял в туннеле. Это часто случается с канализационными драконами. Они все едят и едят, а потом уже не могут развернуться и ползут только вперед. Кхе-кхе-кхе!

Тут дракон попятился назад. Я не ожидал, что канализационные драконы могут пятиться так быстро. Он просто оттолкнулся лапами и прокатился по скользкому дну туннеля одним махом добрых метров двадцать в нашу сторону.

Опс!

А его шипованный хвост работал не хуже гигантской молотилки. Мы бросились бежать, но оказались гораздо менее ловкими на скользкой поверхности.

Опс! Еще двадцать метров.

Опс! Следующие двадцать метров.

Он, похоже, уже давно освоил эту технику. Хотя ему и не удавалось взглянуть назад, чтобы хорошенько прицелиться, но он отлично компенсировал этот недостаток частотой ударов. Рано или поздно хвост попадет куда надо. Он просто нанижет добычу на иглы хвоста и потом уже спокойно подтащит ее ко рту.

Опс! Еще двадцать метров.

Опс! И еще двадцать.

— Видите те дыры на потолке? — прокричал нам тролль, задыхаясь от быстрого бега. — Там, между лампами! Это наш единственный шанс! Кхе-кхе-кхе!

Примерно через каждые пятьдесят метров в потолке туннеля виднелись шахты канализационных люков. Но до них было очень высоко, наверное метра четыре.

— Надо встать друг на друга. Кто окажется наверху, затащит потом остальных, — еле дыша, с трудом выдавил он.

Безумная затея. Времени у нас было всего пара секунд, да и то если дракон на мгновение остановится, чтобы поработать хвостом.

— Вперед! — закричал тролль.

Дракон действительно остановился.

Спорить было некогда. Гемлут одним махом взлетел мне на плечи.

Хвост дракона просвистел справа почти в метре. Послышался резкий щелчок, когда он хлестнул в пустоту.

Тролль карабкался по мне. Он был ужасно неуклюжий, цеплялся за шерсть и наступал твердыми пятками мне на нос, но ему все же удалось добраться до канализационной шахты.

Дракон приготовился к следующему удару. Он, словно скорпион, загнул хвост наверх.

— Ну же! Давай быстрей! — крикнул я.

Тролль втащил Гемлута наверх. Мой друг, кряхтя, забрался в шахту.

Хвост дракона секирой рассек влажный воздух туннеля. На этот раз он прошел слева от меня. Если дракон действует по системе, то в следующий раз он ударит ровно по центру.

По тому месту, где я сейчас нахожусь!

Дракон снова занес хвост для удара.

— Решили смыться от меня через дыру в потолке?! — зашипел он. — Вздумали меня обмануть?! И не пытайтесь! Это еще никому не удавалось!

Я и не подозревал, что канализационные драконы умеют разговаривать.

КАНАЛИЗАЦИОННЫЕ ДРАКОНЫ [продолжение]. Некоторые очевидцы утверждают, будто канализационные драконы в состоянии вполне сносно выражаться на общепринятом языке, что с биологической точки зрения совершенно исключено, поскольку эти существа относятся к семейству жарошипящих, то есть ящеров с абсолютно неразвитым, хотя и огнеупорным, речевым аппаратом, которому недоступна даже самая примитивная артикуляция. Правда, не исключено, что под воздействием электрических разрядов в недрах Атлантиса, которые напрямую связаны с бесчинствами людей-невидимок, имели место какие-то мутации.

Гемлут и тролль смотрели на меня из шахты.

— Так, что-то тут не то, — сказал тролль. — Мы оба в безопасности, а ты все еще на земле, кхе-кхе!

— Ага, не ожидали, что я разговариваю, — прорычала рептилия. — Сам удивляюсь. Сотни лет лежал здесь под землей и ни гу-гу, а потом эта проклятая молния как шарахнет по башке — бумс! Теперь все по-другому.

— Беги к следующей дыре, га! — прошептал мне Гемлут. — Встретимся там. Не бойся, мы тебя втащим.

— И не думайте, что мне от этого легче, — простонал дракон, выпустив в туннель облако пара. — Раньше я не умел говорить и не умел думать. Это гораздо приятнее, чем постоянно ломать себе голову по любому поводу.

В туннеле запахло серой. Гемлут и тролль исчезли в шахте, а я стоял как приклеенный и слушал дракона. Кажется, он не совсем безнадежен, — может, удастся с ним договориться?

— Возьмем хотя бы проблему смерти. Раньше я понятия не имел, что когда-нибудь отправлюсь в мир иной. Ах, где эти счастливые, беззаботные деньки! То есть я, конечно, знаю, что мы, драконы, живем в среднем по две тысячи лет, а я прожил пока еще только половину. Не такая уж безнадежная перспектива, особенно по сравнению с какой-нибудь бабочкой-однодневкой, но все равно… Раньше я считал, что буду жить вечно, а это, знаете ли, совсем другое мироощущение!

Гигантский ящер жалобно всхлипнул:

— А чего стоят угрызения совести? Раньше они мне были незнакомы. Я просто заглатывал свою жертву, и все. Теперь я делаю то же самое, но как потом мучаюсь совестью!.. Я думаю о том, была ли у бедняги семья и были ли у него дети, а еще не повредит ли он моему кровяному давлению. Все эти мысли

просто сводят меня с ума.

Говорящий монстр тяжко вздохнул, он явно был готов к диалогу.

— Тогда отпусти меня, — предложил я ему. — По крайней мере, не будет потом мучить совесть. И знаешь, медвежье мясо очень вредно сказывается на давлении.

Я решил — надо попробовать. Терять все равно уже нечего.

— Ага, *вот ты где*! — довольно рявкнул монстр и с силой опустил хвост.

До чего же хитрющая тварь! Специально заставил меня говорить, чтобы по голосу определить, где я нахожусь. Хвост со свистом летел мне на голову.

Бежать было поздно, так что я бросился на пол туннеля и прижался к нему что есть сил. Зловещий меч чиркнул всего в нескольких миллиметрах надо мной.

— Эй! Где же ты? — зло зашипел дракон.

Я вскочил на ноги и припустил как заяц, только стены эхом вторили моему топоту.

Дракон прежним методом продолжил движение назад.

Опс! Двадцать метров.

— Неплохо получается, правда? — поинтересовался он не без гордости в голосе. — Вот оно, преимущество мышления. Раньше бы я до такого ни за что не додумался.

Опс! Еще двадцать метров.

Я уже почти добежал до следующей шахты. Гемлут свисал из нее вниз головой, словно эквилибрист. Пещерный тролль крепко держал его за ноги.

— Хватайся! Га! За руки! — крикнул мне Гемлут. — Мы тебя поднимем!

Но это же невозможно! Пещерному троллю ни за что не выдержать такой вес. Только в минуту опасности цепляешься и за соломинку. Я подпрыгнул и ухватился за руки Гемлута. Пещерный тролль напрягся и закряхтел.

— Не могу, — захныкал он, медленно сползая под нашей тяжестью вниз. — Ты слишком тяжелый.

Я и сам это знал. Удивительно только, что он не бросил нас, а все еще продолжал тянуть. Стоило ему только отпустить ноги Гемлута, и он сам был бы в безопасности.

Опс! Еще двадцать метров.

Дракон был уже почти под нами. Гребень у него на спине ощетинился иглами под моими ногами.

Это же настоящая лестница! Можно подняться по иглам, как по ступеням! Тролль втащил Гемлута, и, прежде чем дракон понял, что происходит, я уже исчез вместе с ними в дыре.

— Скорее бежим! — закричал тролль. — Здесь все еще небезопасно!

Мы помчались что есть духу. Этот туннель оказался уже и ниже, чем предыдущий; троллю и Гемлуту это не мешало, а вот мне приходилось бежать пригнувшись. Позади из люка вынырнула голова дракона.

— Куда же вы? — рычал он нам вслед. — Останьтесь. Поболтаем.

С этими словами он набрал в легкие побольше воздуха.

— Караул! — завопил тролль. — Он собирается нас поджарить!

Мы припустили еще быстрее. Дракон на мгновение замер, а потом выдул в туннель длинный язык пламени, от которого вода на стенах с шипением запузырилась. Но нас только обдало потоком горячего воздуха, мы были уже слишком далеко. Тролль шмыгнул в боковой туннель — мы за ним.

— Все, пронесло, — с трудом выдавил он.

Мы, чуть живые, прислонились к стенам туннеля, чтобы перевести дух.

Я не мог поверить, что пещерный тролль только что спас мне жизнь или по крайней мере принимал активное участие в акции моего спасения и даже рисковал своей собственной жизнью.

— А ты и вправду изменился к лучшему. Вот уж не ожидал!

— Я же говорил, — усмехнулся он.

— Говорил? Что?

— Никогда не доверяй пещерному троллю, вот что! Кхе-кхе-кхе!

Глубоко под землей. Спустя примерно час непрерывного спуска конструкция туннеля вдруг впечатляюще изменилась. Мы очутились в коридоре с ровными вертикальными стенами, покрытыми каким-то блестящим металлическим веществом, постоянно меняющим цвет. Немного смущало то, что я еще ни разу в жизни не видел подобных оттенков.

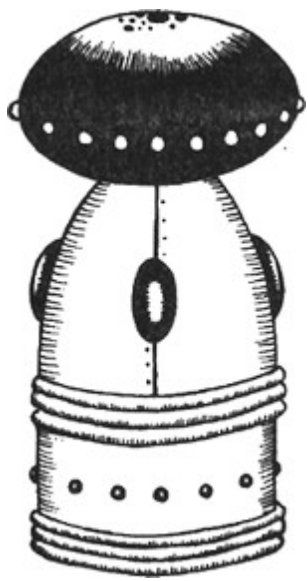
— Дурацкие цвета, — прокомментировал тролль. — Кого угодно сведут с ума, кхе-кхе!

Вместо синих медуз дорогу нам освещали теперь желтые шары, свободно парящие под потолком и излучающие холодный таинственный свет. Каждый наш шаг отдавался многократным эхом. По стенам тянулись пучки разноцветных кабелей, то и дело пронизываемые электрическими разрядами. Примерно через

каждые сто метров по центру туннеля были установлены одинаковые приборы из зеленого стекла, которые непрерывно гудели, словно разговаривая сами с собой на каком-то непонятном языке.

— Это транзисторы, — пояснил тролль, как будто это могло нам что-то объяснить. — Только не трогайте! Очень сильное напряжение.

Потом туннель сменился чередой длинных шахт, стены которых были покрыты массивными отполированными деревянными панелями, украшенными причудливыми орнаментами и рунами. Пол слегка пружинил под ногами. Сырость куда-то исчезла, и вместе с тем стало приятно прохладно. Казалось, мы попали в музей дорогих экспонатов, где тщательно следят за температурой и влажностью воздуха.



Как только мы входили в очередную шахту, нас встречал удивительно умный свет, он окружал нашу группу ярким пузырем и сопровождал до тех пор, пока мы не переходили в следующее помещение и не попадали в окружение другого пузыря. Только свет этот, к сожалению, издавал очень неприятный гудящий звук, от которого болели уши.

В конце нашего путешествия мы еще примерно километр спускались вниз по стальной спиралевидной дорожке без ступенек. Самое приятное было то, что по ней не нужно было идти, она двигалась сама.

В стенах здесь были большие окна из цветного стекла, напоминающие витражи в соборах Атлантиса, только с более

абстрактными сюжетами, походящими скорее на изображения далеких галактик. За ними пульсировал белый свет.

Спиралевидная дорожка доставила нас к большой двери из серебристо-черного пирита (или какого-то похожего материала), высотой примерно метров пятнадцать, с необычными серебряными инкрустациями.

— Ну вот и пришли, — сказал пещерный тролль.

На месте. Он сунул палец в какое-то невидимое отверстие рядом с дверью, и она раскрылась без единого звука, просто поднялась наверх, как занавес в театре. Мы очутились в просторном зале, раз в десять больше Мегатеатра, кишащем, как мне показалось, несколькими десятками тысяч самых разнообразных существ из тех, что населяли Атлантис. Венецианские человечки, вольтерки, зельцы, натифтофы, гномы, карлики, йети — все они сновали туда-сюда, как в разгар торгового дня на Илстатна, и не обращали на нас ровным счетом никакого внимания.

Тролль быстро зашагал вперед, ловко пробираясь сквозь толпу; мы, недолго думая, двинулись вслед за ним. Посреди зала стояли гигантские механизмы, не похожие ни на один из тех, что были известны мне из курса механики, то есть ни на один из существующих (в Ночной школе я изучил все до единого).

Одни состояли из темных кристаллов, другие из ржавых железяк, иные, казалось, были сооружены из отполированных деревянных деталей, скрепленных надежными медными штырями. Внутри у них гудело и клокотало, как у тех машин, что мы видели в туннеле. На меня они произвели впечатление великой, успокаивающей красоты.

В самом центре зала из узкой прорези в полу торчала половина огромного зубчатого колеса из благородного металла, находящегося в постоянном движении. Под самым потолком полыхали ужасные синие молнии, хорошо знакомые нам по душным ночам в Атлантисе.

Вдруг кто-то сунул мне палец в ухо.

Я обернулся. Это была Фреда.

Фреда хихикала и казалась очень смущенной. Она подросла и, если только можно сказать такое о бергине, похорошела. Ее волосы больше не торчали в разные стороны, а были аккуратно причесаны книзу и блестели, как шелк. В руках она держала свой блокнот.

Я просто обалдел, но все же сумел достойно представить друг другу Фреду и Гемлута. Фреда засмущалась еще больше, а у Гемлута был такой вид, словно его ударило синей молнией.

— Га! — отрешенно воскликнул он, будто во сне. — Какие волосы!

Фреда, как когда-то в Ночной школе, протянула мне листок.

Привет, Синий Медведь! Я узнала, что ты придешь, и подготовилась.

— Давно ты здесь? Что это вообще такое?

Фреда подала мне следующий листок.

Я попала в Атлантис почти сразу же после Ночной школы. Лабиринт для меня не помеха. Я просто вышла из первой пещеры наружу и спустилась по склону вниз. Я же бергина.

— А как ты нашла дорогу в Атлантис?

Я отправилась на юг Замонии, напрямик через Сладкую пустыню. Мне хотелось поскорее добраться до родных Жутких гор. Но потом я увидела Пиритонические горы и не смогла устоять перед соблазном. А за ними был Атлантис. Освоиться в большом городе мне так и не удалось, поэтому пришлось уйти под землю. Так я оказалась здесь.

Я заметил, что одна из гигантских машин работает сама собой — никто ее не обслуживает. По воздуху, словно подвешенные на невидимых нитях, проплывали различные инструменты.

Фреда снова протянула мне листок.

Здесь работают люди-невидимки. Они действительно невидимые. Они попали

сюда с далекой планеты, много-много тысяч лет назад.

Ну что тут скажешь? Чтобы не показаться совсем отсталым, я сделал вид, что меня это нисколько не удивляет.

— А как ты нашла меня? Когда ты узнала, что я в Атлантисе?

Я узнала это с самого первого дня. Один из людей-невидимок спас тебя и твоего друга от крысехвостых. Потом пришел сюда и рассказал нам о необычном синем медведе. Так я узнала, что ты в городе. А потом ты и сам стал заметной фигурой. Король Лжи… Лучший из гладиаторов… О тебе писали в газетах. Я читала твои интервью. Я знала даже, что ты ешь на завтрак. И естественно, нам рассказывал о тебе Румо, тот, что помог вам попасть сюда. Он один из нас. Там, наверху, много наших.

Я покраснел. Мне представилось, какое впечатление должны были производить мои напыщенные интервью на того, кто знал меня лично. Поэтому я постарался сменить тему:

— Так, значит, слухи о людях-невидимках — правда? А что они здесь делают? Что тут у вас происходит?

Мы стоим в преддверии великого путешествия. Самого великого, какое только когда-либо предпринималось. На самом колоссальном виде транспорта, какой только когда-либо существовал.

Что еще за великое путешествие? Что за средство транспорта такое? И что означает «мы»? Я, например, никуда не собираюсь.

Мы полетим на планету людей-невидимок! А средство транспорта — это Атлантис. Люди-невидимки уже несколько веков трудятся над этим проектом. Скоро все закончится.

Минуточку! Что значит «закончится»? Для кого закончится? А если я не желаю, чтобы какие-то люди-невидимки тащили меня на свою планету? Мне нравится моя собственная планета. Я сообщил это Фреде.

Пойми, людей на нашей планете становится все больше и больше. Они уже освоили почти все континенты. Для других существ здесь скоро не останется места. Гномы, тролли, йети… Всем им приходится прятаться и скрываться. Только в Замонии их пока еще не притесняют. Но Замония рано или поздно уйдет под воду, люди-невидимки вычислили это уже давно. А на их планете места хватит всем. И тебе тоже.

Если даже Замония уйдет под воду, для меня это не проблема. Я ведь настоящий морской медведь. Могу преспокойно жить и на воде. Да и люди мне не страшны. В торнадо мы отлично ладили.

Времени для раздумий почти не осталось. Как я сказала, скоро все кончится: Атлантис отправится в космос. Если ты не хочешь лететь с нами, тебе нужно поскорее уносить отсюда ноги. Единственный шанс — отправиться в порт и попроситься на какой-нибудь корабль. Только я бы на твоем месте этого не делала.

Мне нужно было срочно принять решение. Я рассказал обо всем Гемлуту. Только говорить с ним было почти бесполезно: он, как загипнотизированный, неотрывно смотрел на Фреду, отчего та очень смущалась, хихикала и, возя ногой по полу, рвала свой блокнот на мелкие кусочки.

— Кто она? Богиня, га? Какие волосы! — бормотал мой друг себе под нос. — Я заболел, у меня температура, мне то жарко, то холодно…

— Послушай меня. Соберись. Мы должны принять решение. Фреда хочет, чтобы мы с тобой летели вместе с ней на другую планету.

— На другую планету? С Фредой? Отлично, га! Я всегда за перемену мест! Летим, га! Ничего, как-нибудь проживем. Я буду петь, ты — танцевать. Какие волосы!

Он, казалось, вот-вот испепелит Фреду взглядом. В нерешительности и робости его вообще никогда нельзя было обвинить.

Я воспользовался паузой, чтобы как следует оглядеться кругом. Никто не обращал на меня внимания, работа в зале кипела, все были заняты своим делом. Вольтерки закручивали гайки на каких-то немыслимых механизмах, йети что-то объясняли пустоте (перед ними, очевидно, стоял один из людей-невидимок), по воздуху продолжали летать инструменты, то и дело вспыхивали электрические разряды, — честно говоря, это была совсем не та компания, в которой мне хотелось бы отправиться в космос.

Море — вот моя стихия. А вдруг на планете людей-невидимок вообще нет морей?

— Есть, есть. У нас есть моря, — послышался голос у меня за спиной.

Человек-невидимка. Я обернулся, но никого не увидел. Только гаечный ключ покачивался в воздухе. Я еще не привык общаться с людьми-невидимками. Похоже, они умели читать чужие мысли.

— Да, мы умеем читать чужие мысли, — сказал мне все тот же голос, звучащий как говорящая труба. — У нас есть моря, только они из электрического тока. У нас все из электричества. Не знаю, понравится тебе это или нет.

— Вряд ли. Но все равно расскажи, что еще у вас на планете не так, как здесь. Может, тебе все же удастся меня уговорить.

— Уговаривать тебя никто не собирается! — выпалил голос. — У нас на планете все не так, и жизнь для таких, как ты, отнюдь не сахар. Так что сам решай: надо тебе это или нет.

— И моря у вас из электричества?

— Вот именно. Все из электричества. Так что решай. А мне пора. Надо еще наладить транзисторы.

Гаечный ключ поплыл прочь.

Решение. Если честно, то мне не пришлось долго раздумывать, я решил остаться на Земле.

— Как попасть в порт?

К счастью, Фреда была не слишком сентиментальна.

По правде говоря, это невозможно. Никто не захочет тебя проводить, уже слишком поздно. А сам ты ни за что не найдешь дорогу.

— Я провожу тебя, — вызвался пещерный тролль. — Я у тебя в долгу. По моей вине ты дважды чуть не погиб, а я только раз спас тебе жизнь. Еще один раз за мной, кхе-кхе-кхе. Ничего не поделаешь, надо же сравнять счет.

Прощание с Гемлутом и Фредой, по счастью, получилось коротким. На сантименты времени не осталось.

— Когда прибудем на другую планету, напишем тебе открытку, га? — сказал Гемлут Гаванна.

Он подмигнул мне и взял Фреду за руку. Оба махали нам вслед, пока мы с пещерным троллем шагали через зал к выходу.

Пещерный тролль вел меня длинными коридорами канализационных туннелей. Время поджимало, мы быстро перепрыгивали через маслянистые лужи. До порта осталось совсем немного. Я чуял запах соленой воды, тухлой рыбы, машинного масла и свободы. Кому-то, возможно, этот запах мог показаться весьма неприятным, а для меня он был милее чистейшего кислорода.

— Подходим к малому порту, — сказал тролль. — Здесь стоят небольшие суда. На них напроситься гораздо легче, чем на большой корабль. А если ничего не получится, проберемся тайком, поплывем зайцами.

— А я думал, ты хочешь вернуться назад, в Атлантис.

— Нет, я хочу остаться с тобой. Если не возражаешь, конечно. Понимаешь, я не уверен, что можно доверять людям-невидимкам. Кто их знает, им же невозможно заглянуть в глаза, кхе-кхе-кхе.

Перспектива оказаться вместе с троллем на одной посудине меня не очень-то привлекала, но отказать ему после того, как он столько для меня сделал, я не мог.

— Ну вот, уже пришли на кладбище кораблей. Здесь стоят отслужившие свое старые суда. Осталось совсем немного, прямо за ним начинается малый порт.

Помощь тролля была неоценима, один бы я уже давно заблудился.

Мы вылезли из канализационного люка. Была уже ночь. Прямо перед нами возвышалась огромная черная стена, которую я

сначала принял за беззвездное ночное небо. А потом в нос мне ударил знакомый запах ржавого железа и горячего машинного масла.

— *Иди!* — сказал голос у меня в голове, который я уже слышал когда-то очень-очень давно. — *Иди на «Молох»!*

— Ну что я могу поделать? — пожал плечами тролль. — Я же пещерный тролль.

Большущие черные руки схватили меня сзади за плечи, и не успел я опомниться, как голова моя оказалась в мешке. Его плотно перевязали веревкой, ноги мои оторвались от земли, и меня куда-то понесли. Так неожиданно и явно не к добру закончилась моя жизнь в Атлантисе.

13. Моя жизнь на «Молохе»

В мешке. Первое знакомство с «Молохом» произошло посредством обоняния. Даже сквозь плотный мешок, в который меня запихнули, я ощущал аромат этой смеси машинного масла и ржавчины, дыма и угольной пыли, которыми «Молох» оповестил о своем появлении когда-то давным-давно, еще в моей третьей жизни. А кроме того, был еще этот звук, производимый им даже в состоянии покоя: равномерное уханье гигантских поршней, сумасшедший стук и грохот инструментов, которыми беспрестанно орудовали обслуживавшие его существа, и гул машины в утробе корабля.

Потом шум стал еще громче, удары поршней сильнее, с грохотом пришли в движение гигантские винты, раздался оглушительный свист вырывающегося из вентилей пара и скрежет металла о металл, — стальная громада очнулась ото сна.

«Молох» начал движение.

Мне показалось, что про меня забыли. Я отчаянно барахтался, стараясь выбраться из мешка, но он был сшит из толстой кожи или какого-то другого очень прочного материала.

Мало того, поверх мешка меня еще обмотали чем-то вроде каната, так что я почти не мог шевелиться. Одним словом, на радушный прием рассчитывать не приходилось. Я проклинал себя за то, что в очередной раз попался на удочку пещерного тролля.

Постепенно мне стало не хватать воздуха. То есть воздуха в мешке по-прежнему было много, только кислорода в нем уже совсем не осталось. С каждым вдохом я сжигал все больше и больше этого жизненно необходимого вещества, поэтому я решил расходовать его экономно, делая не больше одного вдоха в минуту.

Хпф. Минута.
Хпф. Минута.
Хпф. Минута.
Хпф. Минута.
Хиф. Минута.
Хпф. Минута.
Хпф. Минута.

Лязг и скрежет между тем понемногу улеглись, я ощущал равномерное покачивание корабля — он, видимо, уже давно шел в открытом море.

Похоже, надо как-то напомнить о себе. Я замычал, зафыркал

и, насколько позволял канат, обмотанный поверх мешка, заерзал по земле. Безрезультатно. Лучше уж лежать тихо, так, по крайней мере, расходуется меньше кислорода.

Хпф. Минута.
Хпф. Минута.
Хпф. Минута.

Через час — я вдохнул воздух ровно шестьдесят раз, значит, прошел один час — я все еще был в состоянии подавать признаки жизни: я кричал, звал на помощь, барахтался. Снова безрезультатно. С этого момента я решил делать по одному вдоху раз в две минуты.

Хпф. Две минуты.
Хпф. Две минуты.
Хпф. Две минуты.

Еще через час — я вдохнул тридцать раз — мною постепенно начал овладевать страх. А что, если меня специально засунули в мешок, чтобы я задохнулся?

Воздух к этому моменту приобрел консистенцию киселя, мне еле удавалось втянуть его в легкие. Поэтому я решил впредь делать один вдох в три минуты.

Хпф. Три минуты.
Хпф. Три минуты.
Хпф. Три минуты.

По истечении третьего часа (двадцать вдохов) я впал в состояние, очень похожее на состояние вульгарной кататонии. Мне теперь уже все было безразлично, а недостаток кислорода стал причиной возникновения в мозгу удивительных галлюцинаций. Крохотные эльфы наполнили мой мешок и, щекоча, лезли мне в нос и уши. Я приказал им немедленно убираться, но они не послушались. Зато снаружи послышался голос:

— Смотри-ка, чуть не забыли!

Мешок развязали, в легкие мне хлынул поток свежего воздуха, но я все еще был не в себе, поскольку отчетливо видел, как эльфы веселой стайкой выпорхнули наружу.

Следующим, что я увидел, была беспредельная чернота, чернота вечной копоти, окружавшей «Молох». Прошли долгие дни, прежде чем я сумел кое-как к ней привыкнуть. На борту

стального гиганта постоянно царил полумрак из-за висящей в воздухе мельчайшей угольной пыли, нельзя было даже окинуть взглядом всю палубу сразу, видна была только какая-нибудь ее часть, и то в тех местах, где черный туман на время рассеивался. На каких-нибудь двух квадратных метрах вдруг проступали очертания иссиня-черного пола с нагроможденным на нем ржавым металлом и в редких случаях кусочек синего неба, чтобы уже в следующую секунду все снова потонуло в черноте налетевшего облака гари.

На борту работали сотни чумазых, перепачканных сажей существ, которые как автоматы делали свое дело, не обращая на меня никакого внимания. Никто вообще не заботился обо мне, меня просто выпустили из мешка и предоставили самому себе. Выбравшись на свободу из своего кокона, я первым делом устремился к борту. Может, мы все еще недалеко от порта и мне удастся добраться до города вплавь. Я взглянул вниз — метрах в ста внизу плескалось море. Сто метров! Разве прыгнешь с такой высоты?

А потом я увидел, что это не море, а стаи акул, жадно кружащих вокруг корабля и хватающих все, что падает вниз.

В этот миг внезапный порыв ветра вдруг разогнал чад над кораблем. В просвете показался большой кусок синего неба, и вдалеке проступили очертания берега Замонии.

И я увидел Атлантис.

Летящий Атлантис. Он парил на высоте приблизительно километров пяти от земли. Целый город, висящий в воздухе, гигантский винтовой конус, космический корабль из песка и земли. Время от времени вниз срывались земляные глыбы размером с многоэтажный дом, но в остальном этот межпланетный корабль производил впечатление на редкость стабильной и прочной конструкции. То и дело из недр его выстреливали синие молнии. Не знаю, как людям-невидимкам удалось все это устроить, но можно понять, почему на подготовку потребовалась не одна тысяча лет.

А потом облако дыма, словно черный занавес, снова сомкнулось.

Ошарашенный увиденным, я продолжал стоять у борта, вцепившись в поручни. Кроме меня, кажется, никто ничего не заметил.

Два испачканных сажей йети подошли ко мне сзади и схватили меня за лапы.

— Ты медведь? — спросил один из них.

Я кивнул.

— Тогда твое место в адской душегубке.

Адская душегубка. Адская душегубка представляла собой раскаленную докрасна утробу «Молоха». Машинное отделение с тысячами угольных и древесных топок, по одной на трубу. Каждую из них обслуживала целая армия молчаливых черных медведей, дальних моих родственников, с пустыми, печальными, усталыми глазами. Они беспрерывно кидали в печи уголь или заталкивали туда целые стволы деревьев. К одной из таких компаний я и был приставлен. Йети сунул мне в лапы лопату и приказал приниматься за работу. Все еще под впечатлением недавних событий, я машинально принялся черпать лопатой уголь.

Чтобы осмыслить свое новое положение, мне требовалась хотя бы минута покоя.

А на «Молохе» с этим было действительно туго. Постоянный шум, убийственная жара у топки, чад и копоть, изнурительный труд — все это оставляло не много места для размышлений. Стоило только на пару шагов удалиться от печи или всего на секунду опустить лопату, тут же являлись свирепые йети и призывали тебя к порядку. Пару раз я пытался заговорить с товарищами по несчастью, но они только удивленно поднимали брови и испуганно косились в сторону йети.

Вечером нас отводили в трюм, находившийся под машинным отделением. Там каждый получал по ломтю хлеба и кружке воды, а потом можно было несколько часов поспать в гамаке. Я отключался мгновенно, словно проваливаясь в беспамятство.

Уголь. Удивительно, насколько притупляются чувства, когда ты занят тяжелым физическим трудом. Я работал у топки, возил доверху нагруженные тележки с углем, ломал сухие ветки. Порой я целый день таскал на спине тяжеленные мешки из трюма по стометровой лестнице наверх, а потом еще пилил стволы деревьев, колол дрова, сгребал уголь, раздувал мехи и выбрасывал золу за борт.

Мои коллеги — черные медведи — работали как заведенные: кормили вечно голодные печи и очищали пол и механизмы от сажи. Со мной они не разговаривали, да и друг с другом обменивались лишь редкими, скупыми фразами, только когда это было необходимо. Сам того не замечая, я превратился в одного из них.

Вскоре я оставил все попытки общения и вместе с ними молча тянул лямку машинного рабства. Равномерный ритм работы двигателя превратился в ритм моей жизни, я, как и все остальные, сам стал частью бездушного механизма. Единственной радостью был отдых в гамаке и надежда получить миску похлебки и стакан воды.

Роль надзирателей выполняли в основном йети и добраньские быки, но и они производили довольно жалкое впечатление. Не имея по сравнению с нами почти никаких привилегий, они работали наравне со всеми, особенно там, где требовалась грубая физическая сила, и не гнушались даже взять в руки лопату. Всеобщие усилия были направлены на обслуживание

печей, печи обеспечивали работу мотора, мотор вращал винты, а винты двигали «Молох». Все остальное не существовало. Корабль бороздил море, чтобы бороздить море, — самое бессмысленное занятие, какое только можно себе представить.

Мускулы. Зато тело мое наливалось мускулатурой. Оно становилось все крепче, вскоре на нем не осталось ни капельки жира. Тяжелые мешки с углем я, словно пуховые подушки, без усилий взваливал на спину, толстые бревна трехметровой длины таскал в одиночку наверх из трюма, с большущей корзиной угольных брикетов за плечами взлетал вверх по трапу, перепрыгивая через три ступеньки.

Кожа на лапах загрубела настолько, что я мог закрыть раскаленные створки печи без прихваток. А жара, между прочим, рядом с ними стояла такая, что пот не успевал скатываться по шкуре, а тут же испарялся.

Ночью мне снились все те же полыхающие печи и горы угольных брикетов. Я вообще перестал думать, даже во сне меня не посещала мысль, что на свете может существовать что-то более важное, чем печи и уголь, горящие топки и движение «Молоха».

Прошли долгие месяцы, прежде чем я снова увидел небо. Практически все время я проводил в стальном трюме корабля, единственным связующим звеном с внешним миром была еле заметная сквозь клубы копоти круглая дыра в борту, через которую мы выбрасывали в море пепел. Время от времени я высовывал голову наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, но небо всегда было закрыто от меня дымом «Молоха». Внизу лоснилось жирными грязными пятнами море, из которого высовывались акульи пасти, жадно щелкающие зубами вслед пролетающим чайкам.

Однажды какая-то печь вышла из строя, добраньские быки развинтили ее на части, и мы должны были вытащить весь этот хлам на палубу, чтобы потом сбросить в море.

В тот момент, когда я с тяжелой чугунной дверцей на спине вывалился на палубу, резкий порыв ветра вдруг разогнал дым корабля. Взору моему открылось сияющее чистотой лазоревое небо с ослепительным солнечным диском посередине. Он сверкал

как бриллиант. Стоял дивный летний день.

Свет. Солнечный луч тут же использовал образовавшуюся брешь, скользнул на палубу и высветил на ней небольшую полянку. Наслаждаясь теплом, я подставил солнцу нос и сразу ослеп от яркого света. А потом дымовая завеса снова сомкнулась у нас над головами, и йети погнали нас обратно в трюм. Спускаясь вниз по трапу, подгоняемый пинками йети, я вдруг задумался: а чего ради я все это терплю?

Солнечный свет пробудил во мне дремлющее сознание.

Несколько дней спустя я уже снова начал строить планы. О побеге мечтать, конечно, не приходилось, на поддержку таких же пленников, как и я (хотя кто их знает, пленники они или нет?), надежды было мало, потому оставалось одно — попытаться завести знакомство с тем, кто здесь всем заправляет.

Чем больше корабль, тем острее нуждается он в капитане, а «Молох» был самым большим кораблем во всем мире. Где-то на борту обязательно должен был находиться кто-то, кто задавал курс, читал навигационные карты и нес ответственность за все, что здесь происходило. Может быть, удастся с ним поговорить. Возможно, он даже не в курсе, какие ужасы творятся в трюме, ведь он ни разу не осчастливил нас своим появлением.

Существо, управляющее таким кораблем, должно, не в пример йети, иметь здравую голову на плечах. Нужно только его разыскать. А там уж я найду способ объяснить ему, что моя квалификация слишком высока для работы в адской душегубке.

Поэтому я взял и прекратил работать.

В этом, собственно, и состоял весь мой план. Я швырнул свою лопату вместе с углем в печку, скрестил лапы на груди и начал ждать. Не прошло и минуты, как рядом со мной выросла фигура йети.

— За работу, живо! — рявкнул он мне.

— И не подумаю, — ответил я.

Йети опешил, он не привык выслушивать возражения.

Он позвал на помощь второго йети.

— За работу, живо! — приказал мне второй йети.

— Не дождетесь, — ответил я.

Ни тот ни другой не могли понять, что происходит. Они стояли передо мной, подбоченясь и яростно сопя.

— Давай отведем его к замониму, — предложил один.

Замоним… Давненько я не слышал этого слова.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЗАМОНИМ, легендарный элемент, способный думать. На протяжении многих веков алхимики Замонии трудились над созданием элемента, который они называли философским камнем или же замонимом. Они надеялись, что камень этот откроет им ни много ни мало рецепт вечной жизни и даст ответы на все вечные вопросы. В восьмом веке замонианскому алхимику по имени Цолтепп Цаан действительно удалось создать такой, способный думать, камень, только, к сожалению, интеллект у него был приблизительно на уровне овцы. Поскольку на создание замонима была потрачена не одна тонна золота, Цолтепп Цаан, в приступе ярости, как гласит все та же легенда, пошел и утопил его в песках Убистрана.

Йети поволокли меня внутрь корабля. Мы долго плутали длинными, ржавыми коридорами, пока не дошли до какой-то железной двери, охраняемой тремя вооруженными до зубов йети. Облаченные в черный мех троллей, с тяжелыми металлическими шлемами на головах, они были примерно на голову выше тех, что привели меня сюда.

— Мы пришли к замониму, — сказал йети, держа меня за плечо. — Этот медведь отказывается работать в адской душегубке.

— Странно, — сказал один из йети-стражников.

— Очень странно, — подтвердил другой.

— Такого еще не бывало, — сказал третий.

Сил всех троих едва хватило на то, чтобы открыть похожую на створку несгораемого шкафа дверь. Они втолкнули меня в просторное ржавое помещение и, оставшись снаружи, быстро захлопнули дверь у меня за спиной.

— Ты отказываешься работать? — спросил чей-то голос.

Замоним. Этот голос я уже слышал дважды в своей жизни. Первый раз, когда «Молох» проплывал мимо моего плота. И

второй раз — не так давно в порту, перед тем как мне на голову надели мешок. Откуда он знал, что я отказываюсь работать? Никто ничего ему не говорил. И уж тем более я.

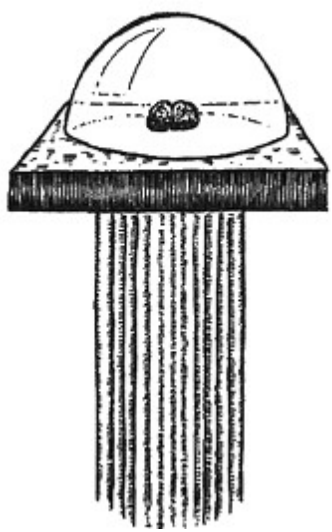
— Я знаю все, — сказал голос.

Я огляделся по сторонам. В помещении было почти пусто, только в центре возвышалась небольшая колонна, на которой лежал стеклянный колпак. Под колпаком находилось нечто, издали напоминающее козьи какашки, а вблизи обнаруживающее некоторое сходство с уменьшенной копией мозга. Что все это значит? Неужели они надеются меня этим напугать? И откуда берется голос?

— За одни только «козьи какашки» я бы мог стереть тебя в порошок, но, учитывая твою абсолютную дикость, так уж и быть, на первый раз прощаю. Я — не козьи какашки, я — замоним!

— Очень приятно. Синий Медведь.

Теперь наконец мне все стало ясно. Эти грязные комочки под стеклом и были редким элементом замонимом, он действительно умел думать и разговаривал со мной с помощью голоса у меня в голове. К голосам в голове я уже давно привык, так что это не произвело на меня слишком сильного впечатления.



— Итак, перейдем к делу. Насколько мне стало известно — а мне известно все, что происходит на борту моего корабля! — ты прекратил работать, хотя тебе никто этого не разрешал. Что ты на это скажешь?

— Ну, во-первых, хочу заметить, что я нахожусь здесь не по своей собственной воле. Меня…

— И что? Ты думаешь, это дает тебе право не работать? Никто не находится на борту этого корабля по собственной воле! Никто, кроме меня!

Так я и знал — на «Молохе» используют рабский труд.

— Правильно. И ты есть не что иное, как раб этого корабля, его мелкая, незначительная деталь! Не важнее какого-то винтика или капельки масла! Ты стал частью «Молоха», и именно таким образом тебе надлежит функционировать!

А теперь, мой дорогой, слушай внимательно. Чтобы ты понял, что здесь происходит, я расскажу тебе маленькую историю, историю о том, как возник «Молох». Не пропусти ни слова, это очень поучительная история.

Хорошие истории всегда привлекали мое внимание.

Хорошая история. — Случилось так, что я упал в море. Обстоятельства, послужившие тому причиной, я опущу, потому как они не имеют никакого отношения к делу, важно только то, что в один прекрасный день я оказался на дне Замонианского океана. И вот лежу я на дне и думаю. Это единственное, что я умею делать, зато как!

Сначала я подумал о том, что морское дно не самое подходящее место для единственного думающего элемента на этой планете. Итак, я сконцентрировался на существах, которые меня окружали. Это были ракушка, медуза и губка. Я приказал медузе положить меня на губку. Потом я приказал ракушке срезать своим острым краем губку вместе со мной и положить на медузу. Медуза доставила нас на поверхность. Губка высохла в лучах солнца, и я поплыл на ней как на плоту. Это был, конечно, весьма примитивный плот, но для начала не так уж и плохо.

Мимо пролетала чайка. Она села на губку и хотела съесть ракушку, но я приказал ей лететь на берег и принести сухих веток, а потом воткнуть их в губку. Так она построила мне плавучее гнездо. Только после этого я разрешил ей съесть ракушку. Это было очень романтично. Гнездо привлекло внимание самца, и вскоре наш корабль наполнился птичьими яйцами. А яйца в свою очередь привлекли рыбака, который решил их украсть. Но я приказал ему положить меня в лодку. Теперь я стал обладателем настоящего рыбацкого баркаса.

Вскоре нам повстречался большой корабль, и я приказал рыбаку взойти вместе со мной на борт. Капитану этого корабля я внушил, чтобы он вместе со своей командой занялся пиратством и стал захватывать для меня все новые и новые

корабли. Вскоре в моем распоряжении был уже целый флот.

Потом я устроил так, что весь мой флот причалил к берегу некоего острова, где мы из всех судов построили один очень большой корабль. Так появился на свет «Молох». На нем мы отправились в открытое море и стали захватывать все корабли, что встречались нам на пути. «Молох» становился все огромнее и огромнее. Представь себе, у нас на борту есть свои верфи. Вот это я называю подлинным величием!

Замоним самодовольно захихикал у меня в голове.

— Теперь я плаваю по свету в поисках новых суденышек и новых рабов, которые помогают мне увеличивать размеры моего корабля. В один прекрасный день «Молох» станет единственным кораблем на всем белом свете, а все остальные превратятся в его жалкие части. И тогда… тогда…

Замоним запнулся.

— И тогда, хм… Что я буду делать тогда? Не знаю. Там видно будет. Может быть, у тебя есть какие-нибудь идеи? А то я что-то сбился.

— Наверное, вы хотели на этом месте своего рассказа предложить какую-то мораль, — осмелился предположить я.

— Ах да, правильно! К чему я все это говорил — на этом корабле самостоятельные решения дозволено принимать только мне.

Я все понял: он сумасшедший.

— Это я сумасшедший?! Сейчас я тебе покажу, кто здесь сумасшедший! Слушай меня! Слушай и повинуйся!

Ага, размечтался.

— Слушай и повинуйся!

В голове у меня вдруг все смешалось. Мне показалось, что мои мозги поджаривают на медленном огне и они плавятся, словно сыр в горшочке для фондю. И если честно, то состояние это вовсе не было неприятным.

Напротив, это было ни с чем не сравнимое удовольствие. Вскоре я уже не понимал, как мог обходиться без этого ощущения раньше. Замоним — мой друг. Это же ясно. Так почему не сделать ему одолжение, раз уж ему этого так сильно хочется? Почему не подчиниться ему, не стать его верным рабом, пусть бы даже его абсурдные выдумки означали для меня верную смерть?

Я уже был готов признать над собой полную власть замонима, но тут в голове у меня зазвучал еще один очень знакомый голос:

— Оставь мальчика в покое!

Это был «Лексикон».

Нет, это был профессор Филинчик собственной персоной.

Неожиданная помощь. — Филинчик? Это ты? — Голос замонима звучал испуганно.

— Да, я. И что с того? Наконец-то я тебя нашел! Где вы находитесь, мой мальчик? Я вас не вижу.

— Мы на «Молохе»! А он плавает где-то к северу от Атлантиса!

— Заткнись! — приказал мне замоним.

— Ах вот оно что! Спрятался на «Молохе»! Что же, вполне в твоем духе. Все мечтаешь о мировом господстве?!

— Я не мечтаю, я думаю! И я не прятался! Это ты прячешься в своем идиотском лабиринте! Я — замоним! Не смей приближаться ко мне! Не то будет плохо!

— Ты даже не представляешь, насколько я близко.

— В моем распоряжении самое грандиозное, самое вооруженное плавательное средство в мире. С целой армией преданных рабов. Тебе нас не одолеть.

— А это мы еще посмотрим!

— Не смей становиться у меня на пути! На этот раз у тебя ничего не выйдет!

— Увидим.

— А я говорю — не выйдет!

— А я говорю — посмотрим.

— Не выйдет!

— Посмотрим.

— Пре-кра-ти-те!!! С вами с ума можно сойти! Целых два голоса в голове, да еще спорят! Может, мне объяснят, что это значит?

— Конечно, мой мальчик. Извини, — тут же отозвался Филинчик. **— Ну, в общем… Не знаю, с чего начать… Одним словом, «Лексикон» у тебя в голове служит устройством, принимающим мои мысли. А также транслирует твои мысли мне. Беспроводная телепатия — технология будущего. Я подключаюсь только в случаях крайней необходимости. Ведь это прямое вмешательство в самую приватную сферу, не правда ли? Но сейчас, я думаю, мы имеем дело именно с таким случаем.**

— Сгинь, Филинчик! Он мой!

— Помолчи! Видишь, мне не до тебя. Послушай, мой мальчик, я должен тебе кое в чем признаться. Понимаешь, замоним не сам собой появился на свете. Это я… в общем, это я его изобрел.

— Это правда! — гаркнул замоним. ***— Это я могу тебе подтвердить.***

— Ему надлежало бы находиться в «Хранилище недоработанных патентов», за металлической дверью с гидравлическим замком… Но начну с начала…

— Брысь, Филинчик! Пошел вон!

***Философский камень.* — Создание думающего элемента — заветная мечта любого изобретателя. В те времена, когда я начал этим заниматься, изобретателей еще называли алхимиками. Найти думающий элемент означало открыть философский камень! Этот элемент, этот камень должен был освободить нас от скверны. Он должен был ответить нам на все вопросы. В чем смысл жизни? Как превратить ртуть в золото? Как стать бессмертным? Какова формула квадратуры круга? Как сконструировать перпетум-мобиле? Где скрыт источник вечной молодости? Ответы на все эти вечные вопросы мы ожидали получить от замонима.**

— Но у вас ничего не вышло! — захохотал замоним.

— Увы! И это был мой промах. Могу только сказать, что я старался изо всех сил. Сначала я разыскал архизамоним, который Цолтепп Цаан утопил в зыбучих песках Убистрана. Для этого мне пришлось изобрести специальные песчаные штаны-вездеходы. С их помощью и при содействии думающего песка мне удалось своевременно обнаружить архизамоним, только потом штаны-вездеходы вышли из строя и… Да ты знаешь эту историю.

Мак, динозавр-спасатель, в последнюю секунду вытащил его из песка. Как же, я помнил.

— Архизамоним, конечно, не был великим мыслителем, но все же несправедливо было топить его в зыбучем песке Убистрана. Он мог думать, а это главное. Над ним можно было работать.

— Хорошая история, каждый раз слушаю с удовольствием, — захихикал замоним.

— Надо было только добавить правильные ингредиенты. Наверное, я не открою вам великую тайну, если скажу, что одной из составляющих являлась золотая пыль. Просто раньше была такая традиция — повсюду добавлять золото, хотя оно вовсе и не обладало алхимическим действием. Зато любая вещь от него приобретала блеск. И еще птичью слюну. Теперь мало кто знает, что это такое. А тогда… тогда это был чуть ли не главный элемент!

***Основные ингредиенты.* Итак, я поставил перед собой задачу — повысить мыслительные способности**

архизамонима. Конечно, пришлось добавить и своего собственного серого вещества. Потом еще концентрированный кофеин из кофе столетней выдержки. И никотин из окурков фугар. Расщепленные ртутные атомы. Фруктозу. Толченый мел. Слизь улитки времени, которую можно собрать только на краях пространственных дыр. Растертую в порошок скрипичную струну. Муравьиную кислоту. Каучукарабику. Витамин С. Расплавленный янтарь. Чеснок. Тальк. Натифтофский мох. Глицерин. Чистый спирт. Саранчу. И замороженный газ Кладбищенских топей.

И надо же было случиться, что вместе с последним ингредиентом мне случайно попался блуждающий огонек, этот кладбищенский светлячок, в который как раз недавно ударило молнией. Он-то все и испортил. Замоним вышел на славу, только у него поехала крыша.

— А вот и неправда! Светлячок был как раз кстати! Только благодаря ему я стал замонимом! Самым могущественным элементом универсума. Вам нужен был скромненький маленький камушек, который бы делал за вас уроки, а вместо этого вы получили властителя мира!

— Молчи, несчастный! Сумасшедший замоним пытался меня загипнотизировать и заставить построить ему гигантский корабль, на котором он смог бы завоевать весь мир. Но, к счастью, обратился не по адресу. В конце концов мне это все надоело, и я выбросил его в море. Я-то думал, что разделался с ним навсегда. А ему, оказывается, все нипочем.

— Все, закончил?

— Нет, не закончил. С тобой я только еще начинаю.

— Ой, напугал! И что ты собираешься делать? У меня самый большой в мире корабль, боевой корабль, с целой армией покорных рабов. Да я могу поработить целые континенты. Куда тебе тягаться со мной!

— Не забывай, что это я тебя создал. Ты всего лишь цепь атомов, которые я соединил вместе. Цепь, которую я в любой момент могу разорвать! — Голос Филинчика звучал холодно и спокойно.

— Ну-ну! Покажи, на что ты способен! Покажи, на что годятся твои старческие мозги!

Тут в мозгу у меня произошло нечто, трудно поддающееся описанию. Филинчик и замоним мерились силами прямо у меня в голове. Между ушей у меня щелкало и сверкало, словно голову мою подключили к линии высокого напряжения, боль была нестерпимая.

Похожие ощущения, наверное, испытал Панцотар Хьюзо,

когда сунул голову в стену торнадо. Что-то подобное испытывает буксирный трос, в том месте, где он рвется от напряжения.

— Прекратите! — закричал я.

Боль тут же утихла. Скрежет и щелчки разрядов прекратились.

— Прости, мой мальчик, я совсем забыл про тебя. Хм. Так дело не пойдет. Придется придумать что-то другое. Потерпи немного! Я, хм… что-нибудь придумаю. Главное — не теряй надежды!

Потом голос Филинчика смолк.

— Так будет с каждым, кто решит мериться силами с замонимом! И не надейся, он больше не вернется! Прощай, Филинчик! — победоносно воскликнул замоним.

Вполне вероятно. Филинчику было свойственно бросать меня одного на произвол судьбы в тяжелых ситуациях.

И все же замоним оставил меня в покое. Он больше не пытался воздействовать на мою волю, возможно из страха перед новыми столкновениями с Филинчиком. Конечно, очень просто загипнотизировать какую-нибудь ракушку или какого-нибудь йети, но с тем, у кого в голове «Лексикон подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», шутки плохи. Короче говоря, Филинчик мне все же немного помог.

Замоним приказал йети взять меня под стражу. Ему нужно пораскинуть мозгами, сказал он.

Мог и не говорить. Что еще он умел делать?

Встреча. Так или иначе, моя работа у топки закончилась. Меня поместили в тюремный отсек, длинный коридор, разделенный на одиночные камеры, в которых содержали тех, кто осмелился не повиноваться замониму. Таких, вместе со мной, всего оказалось четверо. Одним из них был добраньский бык по имени Налла Эттеп, носящий на голове железный щит, отгораживающий его от воздействия замонима.

Двое других были Грот и Цилле.

От черепа Грота любая мысль отскакивала как от стенки горох, а у Цилле в мозгу все мысли тут же тонули в море

Забвения. Так что оба, сродни мне, имели устойчивый врожденный иммунитет против замонима.

Мы могли видеть друг друга сквозь окошки в дверях, через которые в камеры подавали еду.

— Это все из-за тебя, Синий Медведь, — сказал Цилле. — Смейк был вне себя, когда ты сбежал. Спасибо тебе, удружил.

— Жаль, не дотянуться, а то бы я свернул тебе шею! — подхватил Грот.

— Какая связь между Смейком и «Молохом»?

— Бизнес. У замонима на всех континентах есть свои люди вроде Смейка. Они поставляют на «Молох» рабов. Ты даже не представляешь, сколько здесь, на борту, бывших гладиаторов-лжецов, — сказал Цилле и тупо заржал.

Я рассказал им, что Смейк вместе с остальными жителями Атлантиса находится теперь на пути к планете людей-невидимок, при этом мне пришлось приложить все усилия, чтобы объяснить им, как выглядит летающий город.

— Отлично придумано, — захлопал в ладоши Цилле. — Десять балллов по шкале измерителя громкости аплодисментов. Жаль только, что мы не в Мегатеатре.

Они мне не верили. Ну что тут было делать?!

В этот момент я заметил висящую на стене коридора связку ключей.

— Даже не думай, — сказал Цилле, заметивший направление моего взгляда. — Куда ты пойдешь, когда выберешься из камеры? Здесь хотя бы можно дышать и не нужно работать.

— Я что-нибудь придумаю. Например, прокрадусь к замониму и выброшу его в море.

— Тут повсюду расставлены йети, тебе и шага не дадут сделать.

Еще одна встреча. Вдруг послышался лязг железа. Дверь коридора распахнулась, и в проеме вырисовалась фигура пещерного тролля. Он прошествовал вдоль ряда камер, постукивая костяшками пальцев по каждой двери.

— Вы не думайте, я не пещерный тролль, — приговаривал он. — Это только так, внешнее сходство. На самом деле я тюремный надзиратель.

— А, Лорд Нелож! Старина! — воскликнул Грот.

— Подай мне ключи, — сказал я. — За тобой должок.

Пещерный тролль смерил меня непонимающим взглядом, а потом сказал, указывая на связку ключей на стене:

— Ты имеешь в виду вот это? Это напоминающее колье соединение металлических приспособлений для отпирания

замков? И зачем, скажи, пожалуйста, я должен сделать то, что ты просишь?

— Затем, чтобы я не оторвал тебе голову, когда выберусь отсюда!

— Что-то я сомневаюсь. Естественно, не в том, что у тебя хватит совести хладнокровно переместить меня в мир иной, а в том, что тебе когда-нибудь удастся отсюда освободиться.

Он оценивающе постучал кулаком по двери моей камеры.

— Хм. Суперпрочная замонианская сталь. Три слоя. Антикоррозийное медное покрытие. Четырехсторонний высоконадежный замок с платиновым напылением. Простоит вечно.

— Выпусти нас отсюда. И будем считать, что мы квиты. Ты же можешь совершать добрые поступки. Помнишь тот случай с драконом?.. Может быть, тебя загипнотизировал замоним?

— Не-а. Он пытался покопаться у меня в голове, только ему не понравилось то, что он там обнаружил. Так что я теперь освобожден от работы по состоянию, так сказать, душевного нездоровья. Кхе-кхе-кхе.

Пещерный тролль самодовольно вышагивал по коридору.

— Сам посуди, какой мне резон выпускать вас на свободу? Чтобы ты оторвал мне голову, да?

— Я этого не сделаю. Я же тебе обещал — и сдержу обещание.

— Все так говорят. А что потом? Вот я, например. Разве я держу свое слово? Естественно, нет.

— Ну давай хотя бы попробуем, ради эксперимента…

Пещерный тролль снял связку ключей со стены.

— Хорошо, предположим, я снимаю со стены эту коллекцию замонианских отпирающих инструментов…

Со связкой ключей в руках он двинулся к моей камере.

— И — исключительно ради эксперимента! — вставляю один из этих верных друзей свободы в замок…

Он вставил ключ в замок.

— А потом — повторяю, что речь идет исключительно о фиктивном действии! — поворачиваю его в замке…

Он повернул ключ, и — щелк! — замок открылся.

— Но нет! — воскликнул он, и — щелк! — ключ снова повернулся в замке в обратную сторону. — Я не хочу становиться пособником преступников! Не сомневаюсь, что за такие действия здесь, на корабле, по головке не погладят.

Дверь снова была на замке. Грот и Цилле взвыли от такого цинизма.

— Или вот возьму, — продолжал фантазировать тролль, — и выброшу эти ключи в окно.

Он высунул руку с ключами в отверстие иллюминатора.

— А вы сгниете в тюрьме. Вы даже не представляете себе, сколько здесь, на «Молохе», таких вот забытых тюрем и сколько в них сидит никому не нужных скелетов.

Тролль театрально передернул плечами.

— Нет! Пожалуйста! Не делай этого! — дуэтом закричали Грот и Цилле.

— А с другой стороны, — задумчиво произнес тролль, нахмурив брови, — какое мне дело до законов этого корабля? На то я и пещерный тролль, чтобы не подчиняться никаким законам.

Он снова подошел к моей камере и отпер дверь. А потом, не вынимая ключа из замка, быстро засеменил прочь по коридору.

— Да, мы, пещерные тролли, такие! Непохожие на других! — бросил он через плечо и скрылся из виду.

Я, все еще под впечатлением от произошедшего, открыл дверь своей камеры, вынул ключи из замка и освободил Грота, Цилле и добраньского быка.

— Найдем замоним и выбросим его в море, — предложил я. — А потом захватим корабль. Я кое-что понимаю в морском деле.

— Согласен, — кивнул добраньский бык.

— Согласны, — поддержали его Грот и Цилле, поскольку противоречить добраньскому быку не посмеет никто, даже варвар.

Я все еще с ног до головы был перепачкан сажей, так что

вполне мог сойти за кочегара. Добраньский бык следовал за мной, как надзиратель. Грот и Цилле раздобыли себе ведра и метлы и изображали уборщиков. Так, не вызывая особого подозрения, мы перемещались по «Молоху» в поисках замонима. Я приблизительно знал, где расположен его командный пост.

Пробираясь по коридорам корабля, я впервые по-настоящему оценил его колоссальные размеры. Это был настоящий стальной город со своими районами, улицами и средствами транспорта.

Встречались здесь и рикши, и паровые вагонетки, и даже дирижабли, с помощью которых можно было быстро перемещаться с этажа на этаж. Некоторые районы были очень чистые, сверкающие отполированной сталью и очень оживленные, другие — совсем заброшенные и пустынные.

В течение нескольких часов мы пробирались по какому-то страшно запущенному отсеку корабля, населенному одними лишь желтыми медузами-мутантами, питающимися ржавчиной. Побывали мы и в тюрьмах, о которых говорил пещерный тролль. За ржавыми решетками сидели бледные скелеты йети и лязгали в такт работе двигателя зубами. Их мы постарались проскочить как можно скорее.

На другом этаже, наоборот, все строилось. Сотни перепачканных маслом йети сооружали новые печи, здесь, по-видимому, должна была появиться дополнительная «адская душегубка». Повсюду расхаживали добраньские быки, но никто из них и не думал нас останавливать.

Прошли мы и вдоль судостроительных верфей, на которых разбирали захваченные корабли, в темноте полыхали раскаленные печи, в которых плавились целые флотилии, а металла с них едва хватало на одну-единственную лопасть винта «Молоха». Словно армия барабанщиков, множество йети отчаянно молотили по раскаленным листам, придавая им надлежащую форму. Канистры с маслом грузились на платформы, небольшие мидгардские змеи тянули вагонетки с металлоломом по коридорам, переборки разбирались и заново возводились, трапы очищались от ржавчины и красились, канаты сплетались в толстенные тросы, палубы надраивались, а в бортах вырезались иллюминаторы. На «Молохе» никто не сидел без дела, даже если дело это порой заключалось в том, чтобы следить за работой других.

Наконец мы дошли до двери, за которой находился коридор с каютой замонима.

Сначала нужно было разработать план действий. Каюта замонима, как я уже знал, охранялась тремя йети. Добраньский бык заявил, что берет их на себя. Гроту было поручено оказывать

быку посильную помощь, отчего он расплылся в довольной улыбке.

Мы решили, что Грот и Цилле пойдут первыми и постараются отвлечь внимание йети. Затем появимся мы с добраньским быком.

Чуть выждав, Цилле просунул голову в приоткрытую дверь.

— Здесь нет никаких йети.

Действительно, у двери каюты замонима не было стражников, и она была приоткрыта.

— Жаль, — посетовал Грот.

Цилле заглянул в каюту.

— Там ничего нет. Только какие-то какашки под стеклом, — сообщил он.

Мы, один за другим, проскользнули в святая святых. Безумный камень, казалось, не обращал на нас никакого внимания, поэтому операция по захвату должна была пройти без особого труда. Только вот вопрос — как потом добраться до открытой палубы? Замоним наверняка переполошит весь корабль, как только почует неладное. Но что поделаешь, мы ведь с самого начала знали, на что идем.

Я осторожно подкрался к стеклянному колпаку. Схватить и бежать — таков был наш план. Добраньский бык побежит впереди, прокладывая дорогу, я за ним вместе с замонимом, Грот и Цилле замыкающими, прикрывая нас с тыла.

Прежде чем приподнять стекло, я глубоко вздохнул.

В этот момент чья-то огромная лапа легла мне сзади на шею и больно сдавила ее. Это был добраньский бык.

— Хорошо сработано. Спасибо, Налла Эттеп, — сказал голос замонима у меня в голове.

Добраньский бык довольно осклабился.

— Я долго думал, — сказал замоним, когда каюта наполнилась свирепыми йети, ***— и решил подвергнуть вас испытанию. Сможете ли вы без моего контроля остаться лояльными подданными? Вот что требовалось доказать. Поэтому я придумал этот скромный спектакль с добраньским быком и пещерным троллем.***

В каюту вошел пещерный тролль:

— Да-да, не верьте глазам своим! Это я только на первый взгляд обыкновенный пещерный тролль, а на самом деле — коварный и подлый предатель, кхе-кхе-кхе!

— Нет, вы не сможете оставаться лояльными подданными, — продолжал замоним. ***— Напротив, при первой же возможности вы готовы воткнуть мне в спину нож. Хорошо еще, что у меня нет спины.***

Йети механически загоготали. Скорее всего это замоним с помощью своих телепатических штучек отдал им приказ рассмеяться. Во всяком случае, смех их звучал безрадостно, но они не могли остановиться.

— Хватит! — гаркнул на них замоним, и они тут же умолкли. ***— Одного этого уже было достаточно для самого жестокого наказания — купания в компании акул.***

Грот метнул на меня злобный взгляд:

— Так и знал, что влипнем с тобой в историю.

— Но…

Мы все обратились в слух.

— Нооооооо… Моя беспредельная милость и редкая доброта требуют от меня дать вам еще один шанс.

Против этого никто не возражал.

— Хочу проверить, так ли хорошо образование, которое дает в своей школе Филинчик. Поэтому предлагаю следующее: если ты, Синий Медведь, ответишь на семь — семь! — моих вопросов, я вас всех освобожу. Дам вам корабль и отпущу на все четыре стороны.

Грот и Цилле с надеждой смотрели на меня.

— Если же ты не ответишь на мои вопросы, не обессудьте, придется нам скормить вас акулам.

Что я мог на это ответить? Да и предложение казалось не совсем безнадежным. Я же все-таки не последний болван. Посещал Ночную школу. А в голове у меня «Лексикон». Трудно представить себе вопрос, на который я не смог бы дать правильный ответ.

— Я согласен!

Семь вопросов. — Хорошо. Тогда слушай мой первый вопрос. Что такое Облако Тьмы?

Ага, так я и думал. Ладно, ничего. «Лексикон», где ты?

«Лексикон»?

«Лексикон»?

Никакой реакции.

Именно теперь, в этот важный момент! Хотя будем смотреть правде в глаза: разве он когда-нибудь отзывался в нужный момент?

Похоже, придется выкручиваться самому. Когда-то мы это проходили. Ну что же, посмотрим, кажется, что-то припоминаю.

— Э-э-э… Облако Тьмы возникает при гидроспектрической концентрации космической тьмы из отдаленных частей универсума, где уровень плотности звезд минимален. В центре Облака Тьмы концентрация темноты составляет 89 88 999 453 345 784 022, 347 фили́на, а по краям — 45 367 205 778 659 010, 644 фили́на. Облако Тьмы является также самой сильной энергетической формой универсума. Получить его в бытовых условиях можно только при умелом использовании филинотрона.

Фууу! Кажется, получилось.

— Хм… неплохо. Все, кроме этой ерунды о самой сильной энергетической форме универсума. Заруби себе это на носу: самая сильная форма универсума — это я. Второй вопрос — из области замонианской философии. Что такое свиноварварский хаммитизм?

«Лексикон»?

«Лексикон»? Свиноварварский хаммитизм? Ну пожалуйста, помоги!

Никакой реакции. Эх. Помнится, мы спорили на эту тему с Квертом и Фредой. Только это было очень давно.

— Э-э-э… Свиноварварский хаммитизм — это философская дисциплина, исходящая из того, что любой предмет является тем, что он есть, и только этим, если рассматривать его строго беспристрастно, без лишних сантиментов. Основателем свиноварварского хаммитизма считается доктор философских наук Хаммит Х. Хаммит, чей постулат: «Мне на вас наплевать, так плюйте же и вы на меня» — не только стал основополагающим тезисом его главного хаммитического труда, но и привел к тому, что сам доктор довольно скоро был предан забвению. В конце концов на одном из его докладов по хаммитизму, который он читал в Музее деревянного зодчества Атлантиса и перед которым сначала как следует обхамил публику, его прибил дубиной один из оскорбленных им зельцев.

Уф! Трудновато без «Лексикона».

— Спасибо, спасибо, достаточно. Третий вопрос, предмет — замонианская лирика. Прочти наизусть стихотворение темногорского червя.

Это была явно ловушка, но я в нее не попался. Замоним, конечно, рассчитывал на то, что я, как и любой другой замонианский школьник, пропустил в свое время это нуднейшее стихотворение мимо ушей. Он же не знал, что я лично путешествовал вместе с темногорским червем по коридорам темногорского лабиринта и постоянно выслушивал от «Лексикона» это стихотворение. Такое не забывается!

Плавься, железо, ломайтесь, камни,
Путь на свободу себе проложу.
Вот уже чую, подул свежий ветер,
Навстречу свету вперед иду.

Расплавлю железо, врежусь в породу,
Проложу себе новый туннель.
С глаз долой, темногорская плесень,
Вперед идет темногорский червь!

Чтобы не растерять последних из своих стойких читателей, у которых хватило мужества и терпения дойти до этого места, следующие 74 строфы я опущу. Замоним же выслушал от меня все стихотворение, прочитанное без единой запинки от начала и до последней строфы:

Раз — направо, два — налево,
Только так не собьешься с пути.
Только так найдешь ты дорогу,
Сам удивишься, как просто найти.

— Мог бы читать и с бóльшим выражением, — посетовал замоним. ***— Хотя все правильно, ни одной ошибки. Следующий вопрос, предмет — граландская демонология. Кто такие нижнезамонианские бесенята и сколько их помещается на кончике булавки?***

Отлично! Вот уже сотни лет этот вопрос является ключевым вопросом граландской демонологии, а точнее, основой ее основ. Во-первых, само существование нижнезамонианских бесенят считается недоказанным. А во-вторых, если даже предположить, что они все-таки существуют, размеры их должны быть настолько малы, что их совершенно невозможно измерить.

Во всяком случае, так полагал замоним. Только он не знал (получается, он тоже знал далеко не все), что я и мой друг Кверт Цуиопю именно этой теме посвятили в Ночной школе не один час острейших дискуссий и изучили ее вдоль и поперек. Позаимствовав на время из «Хранилища недоработанных патентов» Филинчика его супермелкий микроскоп, мы провели

самые дотошные исследования в этой демонологической области и, к удивлению своему, обнаружили, что нижнезамонианские бесенята существуют на самом деле, мало того, они окружают нас повсюду и в неимоверном количестве. Они роились в любой трещине стен Темных гор, кишмя кишели в волосах Фреды и, самое поразительное, действительно обожали сидеть на кончике булавки. С помощью микроскопа Филинчика, представлявшего собой сложнейшую систему различных линз, нам удалось изучить повадки этих эльфоподобных существ, в результате чего мы сделали ошеломляющий вывод, что… Хотя это уже не относится к заданному вопросу.

Главное, нам хоть и с великим трудом, но все же удалось сосчитать, сколько всего бесенят помещается на кончике булавки. Это было невероятно сложно, потому что они постоянно толкались и менялись местами. Но Кверт все же вывел формулу, которая позволяла, учитывая плотность голов бесенят на один квадратный микромиллиметр площади кончика булавки, вычислить точное их количество.

— 7 845 689 654 324 567 008 472 373 289 567 827,9, — ответил я.

— Браво, браво, — изумленно проговорил замоним. ***— Я сам решал эту задачу чисто теоретически, силой мысли, но даже мне не удалось вычислить это число с точностью до десятых долей.***

— Дело в том, что каждый бесененок может разделяться на десять еще более мелких, — сообщил я замониму.

— Ах вот оно что! Интересно. А теперь мой пятый вопрос. Предмет — тяжелофизика Филинчика. Что представляет собой Филинчикова семитантная теория?

— Филинчикова семитантная теория основана на том, что постичь универсум можно только с помощью числа «семь», при условии, что у вас семь мозгов. Существует всего семь элементов: огонь, вода, земля, воздух, перпем, замоним и одомашненная тьма. Сам универсум состоит из семи регионов: северного, южного, западного, восточного, прежнего, будущего и настоящего. Все эти регионы делятся на семь элементов: если взять астральную массу отдельных элементов и разделить ее на общую семитантную массу всех имеющихся в семи регионах планет и звезд, то получится число, состоящее из множества семерок. Мозгу идеета знакомы всего семь чувств: тяга к знанию, тяга к тьме, тяга к исследованию, тяга к наставничеству, бесстрашие, голод и жажда. Если сложить частоты колебаний ауры, вызванных воздействием всех этих чувств на аурокардиограмму Филинчика, и полученную сумму разделить на

число со множеством семерок, то в результате получится снова цифра «семь».

— Правильно. Шестой вопрос. Предмет — идеетская филофизика.

Ого! Идеетская филофизика! Конечно, не самый сложный предмет универсума, но и любимой моей дисциплиной его тоже не назовешь. Эта странная смесь философии и физики явно предназначена не для тех, у кого всего один мозг.

— Что есть знание?

— Знание — тьма! — выпалил я.

Надо же! Это единственный постулат, сохранившийся у меня в голове со времен изучения филофизики в Ночной школе. Видимо, Филинчик все-таки не зря без конца его повторял.

— Так-так, неплохо. Похоже, Филинчик всему тебя научил. Тогда ответить на следующий вопрос тебе, наверное, не составит большого труда. Седьмой вопрос. Предмет — пространственные дыры. Что такое… серодород?

Хм. Серодород? Я знал, как он пахнет. Мне было также известно, что он является верным признаком наличия поблизости пространственной дыры. Но я не знал, что это такое.

— Я не знаю, — честно признался я.

— Подумай, сосредоточься! — потребовал Цилле. — Ты же все знаешь.

«Лексикон»? Что такое серодород?

Нет ответа.

Ну пожалуйста, «Лексикон»…

Нет ответа.

Серодородсеродородсеродород?

Ничего. Как всегда, когда позарез нужна его помощь.

— Не расстраивайся, мой мальчик, — проговорил замоним. ***— Я бы все равно приказал бросить вас за борт. У меня нет сердца. У меня нет души. И совести у меня меньше, чем у пещерного тролля.***

— Как бы не так! — буркнул тролль себе под нос, но я все равно услышал.

— Скажи, зачем мне выполнять какие-то глупые, сентиментальные обещания, когда они не приносят мне пользы? Неужели ты думал, что я могу вот так запросто разбрасываться кораблями? Как ты наивен!

После всего этого я не мог не подумать, что замоним самое отвратительное существо, какое только когда-либо встречалось мне в Замонии в моих и без того в высшей степени богатых отвратительными существами жизнях.

— Спасибо, — сказал замоним. ***— Очень трогательная***

прощальная речь. Тащите их на палубу! Приговор обжалованию не подлежит.

Удивительно было видеть палубу «Молоха» без привычных облаков чада и дыма. Замоним приказал остановить все машины и построить команду на палубе. При хорошей видимости, на глазах у всей команды должен был произойти акт показательной казни. Два йети принесли и установили колонну с замонимом. Хор исполнил национальный гимн Замонии, в котором слово «Замония» было заменено на «замоним» и явствовали другие смысловые корректировки.

Замоним, замоним, в океане звезда.
На стальном корабле камень разума.
Жизнь наша, боль и отрада,
Ты наша судьба…

Остальные строфы были еще глупее.

Йети сдернули брезент с двух огромных пушек и сделали два бессмысленных залпа.

Потом через борт перекинули черную доску.

— Вам, наверное, кажется все это чересчур театральным, — проговорил замоним у нас в головах, ***— но что поделаешь, я очень сентиментален. Можно было бы, конечно, просто швырнуть вас за борт, но так, на мой взгляд, гораздо романтичнее.***

Первым на доску затолкали Грота. Надо отдать ему должное — он не выказывал ни малейших признаков страха. Хоть мне было и не видно, но я точно знал, что внизу из бурлящей воды высовываются ощеренные пасти кровожадных акул — они сопровождали «Молох» повсюду. Способность сохранять при таких обстоятельствах присутствие духа заслуживала уважения.

— С акулами я расправлюсь в два счета, клянусь трезубцем Нептуна, — кричал Грот через плечо. — А потом вернусь и прикончу тебя, замоним!

Впервые в жизни Грот показался мне симпатичным.

— Где наши вольтигоркские музыканты? — поинтересовался замоним. ***— Какая казнь без музыки!***

Йети вытолкнули на середину палубы трех вольтигорков,

каждый из которых держал в руках по тарабану. Они начали настраивать инструменты. Цилле бросил на меня беспомощный, умоляющий взгляд. До него, кажется, постепенно начало доходить, что ему не удастся, как всегда, отболтаться и выйти сухим из воды. Только у меня тоже не было никаких идей.

— По моей команде!.. — рявкнул замоним.

Вольтигорки заиграли на своих тарабанах какой-то монотонный, заунывный военный марш.

— В воду его! — скомандовал замоним.

Два йети, вооружившись острыми баграми, стали подталкивать Грота к краю доски. Он сделал глубокий вдох.

Вдруг раздался собачий лай.

На «Молохе» не было собак, были только собаковолки и другие мутанты, которые хоть и имели явное внешнее сходство с собаками или волками, но все же считали себя выше того, чтобы лаять.

А тут лаяла настоящая собака. Другая вторила ей душераздирающим завыванием. Третья злобно рычала.

Йети удивленно заозирались.

Тут заржала лошадь. Павианы верещали, львы рычали. А собаки продолжали лаять, только теперь их были сотни. Правда, голоса их звучали несколько приглушенно, словно все эти животные сидели в одном большом мешке.

— Что это? — спросил замоним.

Он, конечно, ничего не слышал, но заметил всеобщее смятение. Один из йети подошел к нему и склонился над стеклянным колпаком. Он мысленно объяснил замониму, что происходит.

Налетевший порыв ветра разогнал последние облака дыма над «Молохом». Показалось хмурое небо, над кораблем нависла мрачная грозовая туча. Мы все подняли головы, так как звериные голоса слышались именно оттуда, сверху, и были теперь сильнее, чем прежде.

Слоны трубили.

Буйволы мычали.

Волки завывали.

Крокодилы шипели.

Над «Молохом» висела огромная черная туча. Очень необычная туча. Она не парила над кораблем на внушительном расстоянии, как это принято в кругу подобных природных явлений, нет, она нависала на расстоянии каких-нибудь двадцати метров прямо над палубой. И состояла она явно не из концентрированного водяного пара, как положено, — для этого она была слишком черной и какой-то нервозной. Не была она и

из корабельного дыма, потому что уж слишком стабильно висела на одном и том же месте. Длинные черные струи, пронизывающие темную массу, грозили вот-вот вырваться на свободу и хлынуть во все стороны. Они постепенно распадались на все более тонкие и извивались в воздухе, словно червяки. Внутри тучи раздавались щелчки, будто там хлестали сотни кнутов.

Воздух трещал от напряжения, словно вот-вот должен был произойти мощный электрический разряд. А еще слышался голос, отдающий странные приказы:

— Хуууу! Хоттт! Хеее! Вверх! Хооо! Вниз!

Все на борту, как загипнотизированные, стояли запрокинув головы и смотрели вверх. Предстоящая казнь уже больше никого не интересовала. Замоним обо всем происходящем узнавал от йети, который стоял рядом со стеклянным колпаком.

— Вниз! Неее! Хооо! Вниз, я сказал! — кричал голос над нами.

Черное явление медленно, чуть дрожа, снижалось. Подобную тьму я наблюдал только раз в жизни, в лаборатории у Филинчика.

Облако состояло, в этом я был абсолютно уверен, из концентрированной и управляемой темноты.

Оно приблизилось чуть ли не вплотную к борту «Молоха», так что теперь можно было разглядеть его колышущуюся поверхность.

Филинотрон. На волнистой поверхности тьмы стоял очень сложной конструкции аппарат, а точнее, миниатюрная фабрика, представляющая собой удивительное зрелище, которое я уже однажды видел, только не при свете, — это был филинотрон Филинчика. В центре этого агрегата, пристегнутый ремнями, восседал не кто иной, как профессор Абдул Филинчик собственной персоной.

Ему, казалось, стоило неимоверных усилий держать всю эту конструкцию в повиновении. Облако брыкалось, как дикая лошадь, Филинчика мотало из стороны в сторону, но он все-таки умудрялся орудовать рычагами.

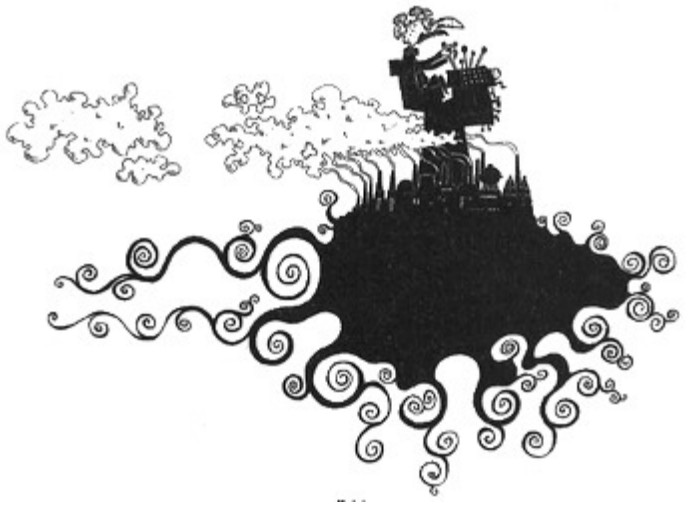
— Замоним! — кричал он. **— Сдавайся! Ты окружен!**

Тут облако под ним так взбрыкнулось, что профессор наверняка бы вылетел из своего кресла, не будь он пристегнут.

— Филинчик! — изумленно прошипел замоним. ***— Ты все же решился?!***

— Да, и это было совсем несложно! — орал Филинчик, стараясь перекричать вопли диких зверей из облака. **— Если ты сдашься сам, обещаю тебе, что я просто тебя уничтожу. А**

будешь упорствовать, пеняй на себя, я тут такое устрою! Хо-о-о-о-о о!



Он дернул на себя какой-то рычаг и повернул напоминающее руль колесо. Облако немного успокоилось.

Замоним нервно рассмеялся:

— Ой-ой-ой, как страшно! Что это такое? Один из твоих недоработанных патентов?

— У меня получилось! — победоносно прокричал Филинчик. **— Я приручил тьму! И помог мне в этом ты, мой мальчик!** — добавил он, обращаясь уже ко мне. **— Тогда в лаборатории ты был совершенно прав! Помнишь, что ты сказал? Ты сказал, что тьма, возможно, просто еще не привыкла к новым условиям. Так оно и было. Со временем она стала намного покладистее. Она, конечно, еще не совсем ручная, но это и понятно: мы ведь имеем дело с самой сильной энергетической формой универсума. Просто она еще не совсем объезжена.**

Облако заржало и встало на дыбы.

— Голоса животных — это моя идея! — гордо сказал Филинчик. **— Звуки, которые производит тьма, совершенно невыносимы. Я записываю их с помощью вот этого фили́нова транслятора и преобразую потом в голоса животных. Можно преобразовывать их во что угодно, в классическую музыку например. Только она нагоняет на меня тоску.**

— Самая сильная энергетическая форма универсума — это я! — не сдавался замоним.

— А вот и нет! — крикнул ему Филинчик. **— Ты просто ошибка алхимии. Провалившийся эксперимент. Я пришел,**

чтобы выбросить тебя на свалку истории.

— Так вот чего ты хочешь? — проговорил замоним. ***— Ты и я. Мозг против мозга.***

— Семь мозгов против одного, — поправил его Филинчик. **— Начинай!**

(Примечание. *Последующие события, к сожалению, не могут быть освещены с помощью традиционных повествовательных средств. Замоним и Филинчик мерились силой своих мыслей. И это, естественно, были вовсе не обычные мысли. Хотя и необычными назвать их тоже было бы неправильно. Сказать, что это были гениальные или уникальные мысли, означало бы непростительное принижение. Это были скорее ослепительные вспышки разума, представить себе которые невозможно, производимые самыми грандиозными, самыми титаническими умами нашей планеты. Мысли эти были настолько сложны, абстрактны, революционны, глубоки и невообразимы, что любой нормальный мозг тут же потерял бы рассудок, стоило ему задуматься хотя бы над одной из них.*

Все живые существа на «Молохе», к счастью, нисколько не пострадали. Команда все еще находилась под гипнозом замонима, который позволял ей думать только о том, что было нужно ему. Грот и Цилле по известным причинам имели иммунитет. Только мне пришлось выдержать на себе эту битву от начала и до конца. То, что я не сошел при этом с ума, думаю, объясняется наличием в моем организме бактерий интеллекта, которыми я заразился от Филинчика и которые наверняка позаботились о создании в моем мозгу какого-то защитного барьера.

*Думая в первую очередь о безопасности своих читателей, привожу мысли Филинчика и замонима в зашифрованном виде. Так что, если вы, конечно, не хотите провести остаток жизни в сумасшедшем доме, ни в коем случае не пытайтесь их расшифровать! Скажу только — речь шла не о ключевых вопросах универсума, а об ответах на них.***)**

Зашифрованные мысли телепатической дуэли Филинчика и замонима

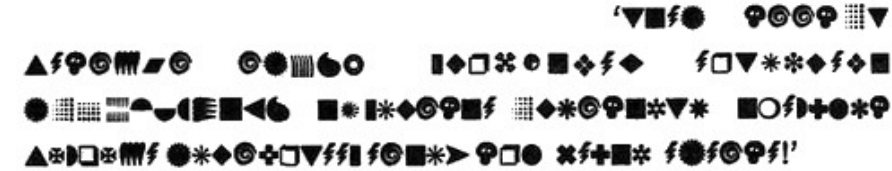
Начинал замоним:

— ответил Филинчик. —

Замонима это ничуть не смутило.

— сказал замоним и победоносно рассмеялся.

— спросил Филинчик и тут же сам дал ошеломляющий ответ на свой вопрос:



У меня раскалывалась голова. Их мысли были невыносимы своей глубиной, шириной и высотой.

Я спрашивал себя, как долго еще смогу протянуть, но тут вдруг в голове моей послышался голос «Лексикона» Филинчика.

— Послушай, мой мальчик, — шептал мне Филинчик, **— я скажу тебе, что ты должен сделать. Тихонько подкрадись к замониму и брось его в центр Облака Тьмы. Это самая сильная сила универсума. Уж она-то с ним справится. Но запомни: ни в коем случае не думай ни о том, что ты делаешь, ни о том, что ты собираешься сделать. Замоним тебя не видит, но он может читать твои мысли. Я постараюсь**

отвлечь его, но боюсь, это будет не надолго.

‘◆◎✤⚡■✻⚡✺!’ — воскликнул Филинчик, отвлекая замонима. —

‘■●✳■❖⚡ ❑◎✾▤■▷○◎■✳➤ ○✾✻▼▮■◀ ●✳◆◎✾■!’

Я не знаю, что тяжелее: думать совсем не о том, что ты делаешь, или же делать совсем не то, о чем ты думаешь. Только куда сложнее думать ни о чем или даже просто думать, что ты думаешь ни о чем, и в то же время делать совсем не то, о чем ты думаешь. Попробую объяснить по-другому.

Мне все время приходилось думать, что я ничего не делаю и стою на месте, в то время как на самом деле я медленно приближался к замониму.

Йети-стражники не представляли для меня опасности. Замоним был всецело поглощен дуэлью с Филинчиком и не мог ими командовать, так что они стояли неподвижно, как выключенные роботы, и тупо пялились на Облако Тьмы.

Я медленно, шаг за шагом, приближался к замониму. Мне пришлось пуститься на хитрость и все это время представлять себе капельку пота, которая якобы катится у меня по спине, в то время как я стою на месте и наблюдаю за дуэлью Филинчика. Я уже сам превратился в эту капельку пота, эту маленькую соленую бусинку, которая катится по шерсти, прокладывая себе извилистую дорожку вниз.

(Маленький шажок.)

Я скатился вниз по затылку и побежал в густой шерсти по позвоночнику.

(Еще шажок.)

Так, вдоль позвоночника, я катился вниз по спине.

(Еще шажок.)

Ой, шерстинка на пути. Шарахнулся в сторону, но слишком

поздно, часть жидкости осталась висеть на нем. Уменьшившись почти вдвое, я покатился дальше.

(Еще шажок. Уже близко.)

О! Хм… Я капля пота… Я капля пота…

(Еще шажок. Остался метр.)

Капля пота. Капля пота. Капля пота. Мой мозг отключен. От волнения ничего другого не приходило в голову.

(Последний шаг. Почти у цели.)

— Давай! — шептал Филинчик. **— Давай!**

— АГА! ПОПАЛСЯ, ПРОКЛЯТЫЙ ЗАМОНИМ!

Эта мысль вдруг жирным шрифтом отпечаталась у меня в мозгу, и я ничего не мог с этим поделать. Слишком уж сильно мне хотелось поскорее утереть нос ненавистному замониму. Если бы Филинчик не вмешался, возможно, ничего бы не произошло. А так я потерял контроль. Замоним отреагировал мгновенно:

— Йети, хватайте Синего Медведя!

Философский камень соображал молниеносно, он тут же раскусил план Филинчика и незамедлительно принял меры.

— Все машины, полный вперед! — скомандовал он.

Но я был уже тут как тут. Схватил стеклянный колпак и понял, что он прочно приклеен. В тот же миг пятеро йети навалились на меня со всех сторон.

Машины снова заработали. Из труб повалил черный дым. Корабль дернулся как от резкого толчка и начал движение. Йети зашатались, но тут же снова бросились на меня.

Только зря они оставили Грота без присмотра. Тот своим варварским умом быстренько оценил ситуацию и понял, что сейчас тут начнется хорошая заварушка. А он не привык смотреть на драку со стороны, поэтому разбежался и со всего размаху воткнулся своей квадратной башкой одному из йети в живот.

— Так ему, Грот! Врежь как следует! — подзуживал Цилле.

Грот схватил падающего йети за ногу и начал вращать над головой, как булаву.

Остальные йети в страхе ретировались.

— Быки! — приказал замоним. ***— Хватайте Синего Медведя!***

Добраньские быки тут же очнулись от своего летаргического сна. Только из-за сильного дыма им не сразу удалось сориентироваться в пространстве.

— Профессор Филинчик! — крикнул я. — Колпак приклеен.

— Сделай шаг назад! — попросил Филинчик уже своим

обычным голосом.

Я отступил на шаг. В мозгу у Филинчика раздался щелчок, как когда-то в Ночной школе, когда он открывал банку сардин одной лишь силой своего ума. Звук этот был громким и четким, несмотря на царивший вокруг шум, и у всех, кто его слышал, по спине побежали мурашки. Стеклянный колпак легонько задрожал, и по нему поползли трещинки. Потом стекло хрустнуло и разлетелось на мелкие осколки.

Я схватил замонима. Он был холодный как лед.

— Нееееет! — завопил он. ***— Я приказываю тебе…***

Я размахнулся и швырнул его в клокочущую темноту. То, что произошло потом, боюсь, не удастся описать обычными средствами нашего языка. Все же я попытаюсь, хотя не ручаюсь, что выйдет достаточно достоверно.

Недостаточно точное описание не поддающегося описанию события. Замоним исчез в черноте, словно кусок сахара в стакане крепкого кофе, и в тот же миг в голове моей зазвучал его голос, настолько пронзительный, что я испугался, как бы глаза у меня не вылезли из орбит. Я зажал уши лапами, но это, естественно, не помогло.

Все остальные, кто был на палубе, тоже зажали уши. Облако Тьмы съежилось, и послышался звук, словно с неба сбросили целый вагон кирпичей.

Потом, с громким лаем разъяренных цепных псов, Облако снова раздалось, расползлось в ширину, увеличив свой диаметр многократно, и осталось на какое-то время в форме сплюснутого черного мяча, из которого то и дело выстреливали молнии.

В конце концов оно в несколько приемов снова приняло свои первоначальные форму и размер. На мгновение воцарилась полная тишина: Облако, по-видимому, впитало в себя даже ухающие удары машин. Потом над океаном прокатилась космическая отрыжка, какую не в состоянии произвести даже самый гигантский боллог.

Вопль замонима у нас в головах смолк.

А вместе с ним исчез и сам замоним.

Команда очумело металась по кораблю.

Власть замонима над ней прекратилась.

Филинчик на своем филинотроне напоминал ковбоя, скачущего на диком быке. Облако Тьмы дергалось и брыкалось еще сильнее и непредсказуемее, чем прежде. Профессор отчаянно тянул за рычаги и жал на педали, но, похоже, был уже не в состоянии с ним совладать.

— Тьма должна сначала немного привыкнуть к замониму! —

прокричал он. — Боюсь, на это уйдет время. Мне ее не удержать!

Облако бешено выгибалось и ржало, как дикая лошадь. Филинчик говорил так, будто его разобрала икота:

— Мне-е каже-е-тся, я не м-м-мо-гу е-е-ё уд-д-е-р-жать…

Тут Облако вскинулось и понеслось бешеным галопом вместе с Филинчиком зигзагообразным курсом над океаном, словно воздушный шар, из которого выпустили воздух. Вскоре и от него, и от Филинчика на филинотроне осталась всего лишь черная точка, которая быстро растаяла на горизонте.

Филинчика не стало, но и замонима тоже. Команда «Молоха» была свободна.

Все они еще плохо соображали и не понимали, кто они и где находятся, но это должно было скоро пройти. Грот упорно продолжал душить какого-то йети, который наверняка не понимал, что с ним происходит. Мне пришлось вмешаться и оттащить Грота. У нас было много дел, предстояло провести обширную разъяснительную работу.

Стоп, машины! Сначала нужно было остановить машины. Черные облака дыма не облегчали ориентацию в пространстве на корабле, да и сутолока от них не становилась меньше. Я вбежал в одно из машинных отделений и встретил там группку ошарашенных йети, тщетно силящихся вспомнить свои имена.

Все это время кораблем фактически управлял один замоним. Философский камень лично руководил работой каждой машины, каждой печи, каждого поршня и каждого винта на «Молохе», здесь не было ни капитана, ни опытных офицеров, только лишь сотни покорных рабов, которые бездумно исполняли приказы. Без замонима команда не знала, что делать. А машинное отделение корабля было так сложно устроено и настолько огромно, что даже мне потребовались бы годы, чтобы разобраться, что к чему. Сознание этого пришло ко мне именно в тот момент, когда один из йети-кочегаров попросил у меня автограф. Последним его воспоминанием была гладиаторская дуэль в Мегатеатре Атлантиса с моим участием.

Я снова поднялся на палубу. В принципе, положение наше было не совсем безнадежно. Рано или поздно топливо в печах перегорит, и машины остановятся сами собой, нужно только

немного подождать. Тогда можно будет спустить на воду шлюпки и отпустить «Молох» в свободное плавание.

— Ну как, нашел тормоза? — поинтересовался Цилле.

— У «Молоха» нет тормозов.

— А жаль. Они бы нам сейчас пригодились. Слышишь звук?

Звук. Я слышал. Это были удары поршней машин. Урчание топок. Шипение вырывающегося пара. Топот и возгласы обалдевших йети. И еще какое-то клокотание.

— Да, что-то клокочет.

Звук показался мне странно знакомым. Где же я его слышал?

— Еще как клокочет, — подтвердил Цилле. — Что бы это могло быть? Тут в дыму ничего не разглядишь. Все громче и громче. Похоже, мы плывем прямо на него.

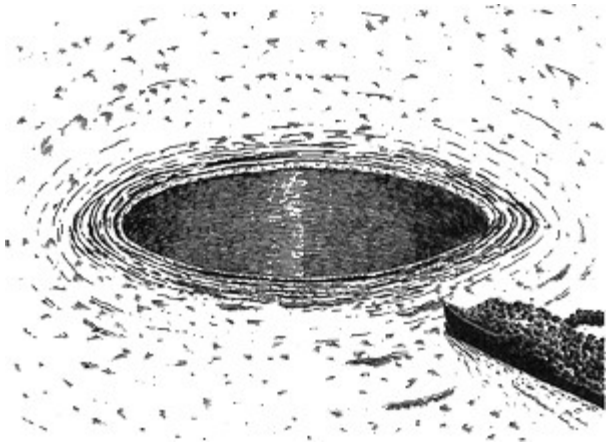
— Давайте залезем на трубу и посмотрим, — предложил Грот.

Мы выбрали самую длинную трубу из тех, что были в тот момент не в работе. Сбоку у нее оказались приделаны металлические ступеньки, уходящие далеко наверх и исчезающие в густых облаках дыма. Поднявшись приблизительно метров на тридцать, мы совершенно лишились возможности что-либо видеть. Дым сгустился и стал настолько едким, что нам пришлось зажмуриться и не дышать, поспешно продолжая свой путь вслепую, с плотно закрытыми ртами.

И вот наконец копоть рассеялась. Мы висели примерно в двухстах метрах над водой. Внизу распростерся плотный ковер черного дыма, что несколько успокаивало, создавая обманчивое впечатление мягкой страховки на случай падения. За границами облака, особенно со стороны бака, море было хорошо видно. Здесь, наверху, клокотание слышалось еще отчетливее. Теперь я наконец понял, почему оно мне показалось знакомым. Я уже однажды слышал этот звук.

Хотя теперь и так было видно, откуда он шел. На расстоянии приблизительно десяти километров от нас в море зияла огромнейшая дыра, гигантский водоворот, бурлящий круг, во много раз превосходящий размерами «Молох».

То был Жерлоток, легендарная морская воронка, из которой меня так удачно спасли карликовые пираты.



И мы на полном ходу неслись прямо на него.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЖЕРЛОТОК, находящееся к северу от Замонии и очень не любимое моряками круговое течение в океане. Жерлоток представляет собой крутящуюся водяную воронку диаметром около десяти километров и глубиной от двадцати до тридцати километров. На дне океана он заканчивается в кратере огромного подводного вулкана диаметром около пяти километров.

Жерлоток отмечен на всех навигационных картах, и всем судам следует обходить его стороной, поскольку, стоит только какому-нибудь плавательному средству попасть в воды Жерлотока, его неминуемо засасывает в воронку. Рыбы и морские животные инстинктивно стараются держаться от Жерлотока подальше, чего нельзя сказать о не в меру любопытных моряках, которые снова и снова погибают в опасной пучине, стараясь как можно ближе подойти к гигантской дыре.

Куда исчезают в таком количестве воды Жерлотока, до сих пор неизвестно, что, естественно, является плодородной почвой для возникновения всевозможных легенд. Во многих народных сказках кратер подводного вулкана отождествляется с воротами ада, а разные несерьезные ученые утверждают, что Жерлоток

закачивает воду из океана в полость внутри Земли, отчего та скоро взорвется.

Итак, мы находились на окруженном со всех сторон акулами, полном беспомощных существ корабле, который на полном ходу и при отсутствии возможности к торможению несся к дыре в океане глубиной более двадцати пяти километров.

Из помощников у меня были только карлик с провалами в памяти и здоровенный, неотесанный варвар. Филинчик, наверное, уже успел ускакать на своем Облаке Тьмы на другой конец океана.

Все остальные мои друзья, вероятно, парили сейчас где-то, на расстоянии нескольких световых лет от Земли, на гигантском космическом корабле в межпланетном пространстве, и каждую пару минут ко мне подбегал какой-нибудь йети и спрашивал, где у нас туалет, — а я не в состоянии был ответить даже на этот простой вопрос. Вот это я называю безвыходной ситуацией!

— Что будем делать? — спросил Цилле.

— Как насчет того, чтобы умереть? — ответил вопросом на вопрос я.

Рев Жерлотока между тем усилился настолько, что понимать друг друга можно было, только крича во все горло. Команда, похоже, понемногу начала приходить в себя. Очнувшиеся от чар старательно пытались растолковать своим коллегам-зомби, что происходит. Только это вряд ли могло нам теперь помочь: до воронки оставалось уже не более километра, и корабль, как бы пританцовывая, начал плавно кружиться в ее водовороте. От этого паника на борту усилилась. Все бросились к бортам и, глядя вниз, окончательно убедились в том, что нам не спастись. Поднялся страшный крик. Некоторые падали на колени и плакали.

«Молох» кружился все быстрее и быстрее. Нас неумолимо влекло к краю воронки. К счастью, рев воды заглушал крики и плач на палубе. А нос корабля уже завис над краем водоворота и постепенно начал клониться вниз.

Грот и Цилле, словно окаменев, стояли у борта, вцепившись в поручни.

Корабль накренился еще сильнее. До того момента, как он опрокинется в бездну, остались считаные минуты.

«Всего 13 жизней», — промелькнуло у меня в голове.

Вдруг облако дыма над «Молохом» заколебалось, закрутилось вихрями и во многих местах расступилось, уступая натиску сильных крыльев, звуки ударов которых отчетливо слышались даже на фоне рева Жерлотока.

Сквозь образовавшиеся просветы на палубу опустились сотни, нет, тысячи гигантских птиц. Крики на корабле стихли, все смолкли при виде целой армии динозавров-спасателей.

Один из них опустился прямо передо мной. Это был Дэус Экс Ма́хина.

— Что ж, — заметил он, — похоже, мы подоспели в последнюю секунду.

Эвакуация. Бывшие рабы корабля торопливо лезли на спины птеродактилей. Некоторые исполинские птицы уже поднялись в воздух. «Молох» неторопливо переваливался через край воронки.

Мак, как всегда, оставался невозмутим.

— Знаешь, мне совсем не понравилось в доме престарелых. Они там сидят целый день, играют в очко и хвастают былыми подвигами. А я терпеть не могу настольные игры. Я вообще не выношу никакого общества. А как меня раздражают стены! Не говоря уж о потолках! Оказывается, мне требовался не отдых, мне нужны были хорошие очки. Как, по-твоему, мне идет?

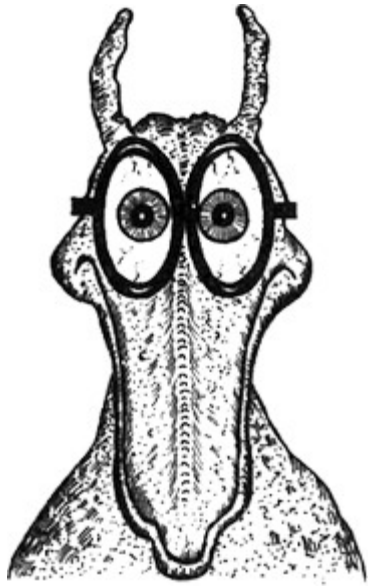
Мак вопросительно заморгал на меня глазами. Его зрачки через линзы очков смотрелись как два подноса. На белках водянистых глаз отчетливо проступили красные прожилки.

— Еще как! — кивнул я. — Просто супер!

— Вот так. Запомни, мой мальчик: жизнь слишком дорога, чтобы доверять ее воле случая.

«Молох» уже на две трети корпуса навис над краем воронки.

— Мы оказались неподалеку из-за событий в Атлантисе. Все динозавры-спасатели уже давно собрались над городом. Мы чувствовали, что грядет катастрофа. Воздух был просто пронизан опасностью. Мы, правда, думали, что город уйдет под воду, а он вместо этого взмыл в небо.



Маку приходилось кричать все громче, чтобы заглушать рокот водоворота. Лучше бы он рассказал мне все это уже в воздухе, подальше отсюда.

— Но нам не пришлось ничего делать. Никто не вывалился из Атлантиса. Никто не прыгнул вниз из страха или гордыни. Кто бы ни организовал все это, он сделал свое дело как надо.

— Это люди-невидимки. Послушай, Мак, тебе не кажется…

— Потом мы еще какое-то время кружили над морем, думали: вдруг кого-нибудь смыло гигантской волной, ведь океан хлынул в дыру, которая образовалась на месте Атлантиса. Но нам встретился только сумасшедший Филинчик на своем бешеном аппарате. Казалось, он решил выиграть дерби. Он кричал что-то про «Молох» и северо-восточное направление. Так мы оказались здесь.

На «Молохе» трещали все переборки, винты и гайки, словно пули свистели в воздухе. Корабль балансировал уже на самой кромке водоворота, еще секунда — и он опрокинется в пропасть. Грот и Цилле уже давно смылись. На борту остались только двое — я и Мак.

— Хм, Мак, не обижайся, но мне кажется, нам уже пора…

— Конечно, мой мальчик, влезай ко мне на спину.

Мак подставил мне спину. В этот момент меня что-то с силой ударило сзади. Я отлетел к борту, больно ударился головой и на какое-то мгновение потерял ориентацию. А на спину Маку карабкалось отвратительное существо.

Пещерный тролль.

Прежде чем я успел раскрыть рот, Мак оттолкнулся задними

лапами и взмыл в воздух. Он быстро поднимался, вовсю работая мощными крыльями. Пещерный тролль, довольный, махал мне рукой. А потом их поглотило облако дыма.

«Молох» рухнул в воронку водоворота.

Итак, подведем итог. Вся команда корабля была спасена, спаслись все, кроме вашего покорного слуги, заслуживающего самого искреннего сострадания. Каждый динозавр-спасатель улетел, унося на спине одного или нескольких йети, добраньских быков или каких-либо других существ. Мак, ни о чем не подозревая, вместо меня спас пещерного тролля, и уж мне ли было не знать, как хорошо тот умеет имитировать чужие голоса. Ему не составит большого труда убедить Мака, что у него на спине сижу именно я. Стало быть, и помощи с этой стороны ожидать было нечего.

Сказать, что корабль рухнул в воронку водоворота, наверное, было бы не совсем корректно по отношению к тому, что происходило с ним на самом деле. Хотя «Молох» действительно опрокинулся через край воронки, его все еще удерживала центростремительная сила, и он довольно медленно опускался вниз. Вращаясь вместе с водоворотом, корабль двигался по гигантской спирали к центру воронки. Из-за огромных размеров «Молоха» и Жерлотока это происходило не быстро, так что у меня осталось еще время напоследок подумать о жизни.

И я пришел к выводу, что постигшая меня участь вполне справедлива.

Именно по моей вине случилось все это, именно я уничтожил замоним и, пусть даже сам того не желая, отправил корабль на верную гибель. Я же принял командование кораблем на себя, стал, так сказать, его капитаном. Поэтому мой долг теперь отправиться вместе с ним на дно. Ничего не поделаешь, таков уж морской обычай. Я схватился за поручни и смело взглянул смерти в лицо. А лицо у нее оказалось точь-в-точь таким, какой мне представлялась черная дыра, вырезанная в небе профессором Филинчиком при помощи его филинотрона. Я сделал глубокий вдох.

И в нос мне ударил весьма неприятный запах.

Он был одновременно и знакомый, и совершенно чужой, ведь в такой концентрации я его еще ни разу не ощущал.

Пахло серодородом.

Знаю, что момент был в высшей степени неподходящий, но мне все же очень хотелось узнать, что же это такое — серодород? Поэтому умирать пока было рано.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

СЕРОДОРОД. Неприятно пахнущий газ, распространяемый улитками времени. Одной из главных загадок универсума является вопрос — куда уходит время. Все мы ежедневно наблюдаем его уход. Уходят секунды, минуты, дни, месяцы, годы, — только вот куда они уходят? Ответ очень прост: в пространственные дыры, куда же еще. Если бы не существовало этих отверстий в пространстве, атмосфера Земли уже давно переполнилась бы временем и взорвалась, поэтому пространственные дыры крайне необходимы, чтобы сквозь них могло утекать прошедшее время. Вот какую важную функцию выполняют пространственные дыры. Но если бы время утекало только в другие измерения, они в конце концов тоже переполнились бы временем и взорвались. Поэтому существуют так называемые улитки времени, они сидят на краях пространственных дыр и поедают текущее сквозь них время, переваривают его и снова выбрасывают в атмосферу в виде не очень приятно пахнущего газа, которому исследователи пространственных дыр дали название «серодород». Таким образом, серодород представляет собой не что иное, как отработанное и переваренное время.

Так, значит, Жерлоток — это пространственная дыра.

Похоже, эти дыры притягивают меня как магнитом. Кверт бы обзавидовался!

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЖЕРЛОТОК [продолжение]. Некоторые эксперты в области исследования пространственных дыр утверждают, что Жерлоток является самой большой из известных пространственных дыр универсума. Во всяком случае, такой вывод позволяет сделать уровень

концентрации серодорода на ее краях, поскольку ученым пока неизвестно место с более высокой концентрацией этого неприятно пахнущего газа.

Я, конечно, не горел желанием провалиться вместе с «Молохом» в самую гигантскую в мире пространственную дыру, но все же путешествие на огромном корабле по просторам Галактики казалось мне куда заманчивее, чем кончина на дне водоворота.

Вот, оказывается, почему я тогда, в состоянии вульгарной кататонии, видел «Молох», парящий в межзвездном пространстве, — это наше с ним будущее.

В этом даже было что-то величественное: мало того что я провалился на самом здоровенном корабле всех времен и народов в самую огромную дыру в океане, так я еще стал жертвой самой мощной пространственной дыры универсума. Вот это размах!

Я стоял, вцепившись в борт, на носу корабля и отважно смотрел в бурлящую бездну. Моя тринадцатая жизнь подходила к концу небывало достойным и грандиозным образом.

Но самым необычным было совсем не это.

Меня поразило то, что навстречу мне из черного зева Жерлотока, или, вернее, пространственной дыры, выплыл ковер. Но и это было отнюдь не самым необычным.

Ведь на ковре этом сидел мой друг Кверт Цуиопю.

Желейный принц в состоянии вульгарной кататонии. Уже издали было видно, что Кверт пребывает в состоянии вульгарной кататонии. В это состояние полного безразличия к происходящему, которое я уже однажды подробно описал в своей книге, можно прийти только посредством падения в пространственную дыру. Это такой защитный механизм организма, с помощью которого мозг способен противостоять сильнейшему стрессу, вызванному полетом сквозь время, пространство и измерения. Поэтому ничего удивительного, что Кверт не обратил на меня ровным счетом никакого внимания.

Он даже не заметил летящий на него огромный корабль, во всяком случае не проявил к нему никакого интереса.

Так что пришлось мне брать инициативу в свои руки. До Кверта все еще оставалось несколько сотен метров, и траектория его полета, к счастью, проходила чуть в стороне от «Молоха».

Я со всей силы оттолкнулся ногами от палубы, раскинул

передние лапы — и полетел!

Само собой, это не был настоящий полет, такой, о котором я рассказывал в одной из своих историй на гладиаторской арене, но я все же мог самостоятельно управлять направлением своего падения. Сильнейший встречный воздушный поток весьма мне в этом способствовал. Отчаянно работая лапами, мне удавалось поймать нужное направление, в нужный момент придавать себе ускорение или тормозить.

В результате я сумел вырулить навстречу Кверту, который с бешеной скоростью летел теперь прямо на меня.

До него оставалось каких-нибудь пятьдесят метров.

Кверт приоткрыл глаза. Похоже, он очнулся от вульгарной кататонии.

Сорок метров.

Мой друг начал протирать глаза. Это никак не входило в мои планы. Я рассчитывал проскользнуть под его ковром, а потом ухватиться сзади за кисточки. Замысел, требующий ювелирного исполнения. Если он сейчас проснется и начнет менять курс — все пропало.

Двадцать метров.

Кверт распахнул глаза и ошарашенно уставился на меня.

Десять метров.

Я вытянул вперед лапы.

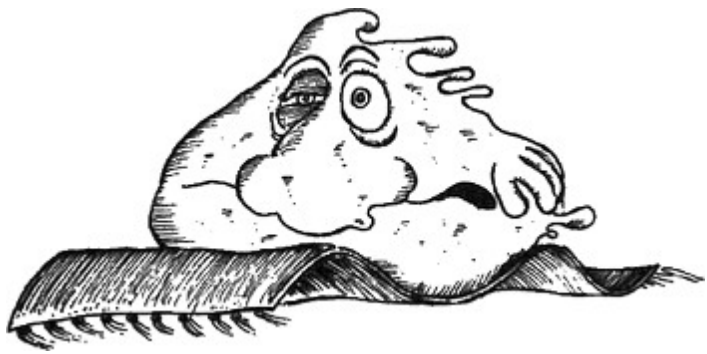
Теперь я проскользнул точно под ковром Кверта.

Пять метров.

Кверт испуганно подался вперед и потянул за край ковра. Ковер сделал резкий поворот и ушел на недосягаемое для меня расстояние.

Мы понеслись в разные стороны, едва успев взглянуть друг на друга.

— Синий Медведь? — послышался у меня за спиной удивленный голос Кверта.



Впереди у меня, на расстоянии приблизительно двухсот

метров, маячила черная точка, в которой собирался водяной вихрь, превращаясь в пространственную дыру. Как бы отчаянно я ни барахтался в воздухе и ни колотил по нему лапами, иллюзия целенаправленного полета, было появившаяся у меня в верхней части воронки, быстро исчезала по мере того, как я приближался к ее центру. Теперь мне, напротив, казалось, что я беспомощно несусь вниз, влекомый неумолимой и страшной силой, удвоившей, утроившей свое воздействие.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЖЕРЛОТОК [продолжение]. В самой нижней части Жерлотока наблюдаются весьма курьезные явления, противоречащие всем существующим в обычной природе законам физики. Начиная с расстояния двухсот метров до центра воронки, скорость падающего предмета удваивается каждые пять метров, что приводит к тому, что в самом низу он достигает скорости, равной скорости света. Ученые объясняют это явление совместным воздействием трех факторов: вращательного момента, центростремительной силы и принадлежности Жерлотока к классу пространственных дыр.

Скорость падения действительно возрастала с каждой секундой. Встречный поток оттянул назад мои уши и щеки, и я, сам того не желая, оскалился, словно голодный волк, демонстрируя все свои зубы. Глаза вжались в глазницы. Потом послышался оглушительный хлопок, эхом отразившийся от стен водоворота.

ДУ-ДУММ!

Я только что перешагнул звуковой барьер. Скорость моя возросла невероятно. Встречный ветер уже вырывал из шкуры волоски.

ДУ-ДУММ!

Второй удар, не менее громкий.

И голос совсем рядом:

— Эй, Синий Медведь!

Это был Кверт на своем ковре. Он, видно, уже совсем оправился от вульгарной кататонии и повернул назад.

— Сейчас подлечу к тебе! — кричал он. — Прыгай на ковер и крепко держись за меня! Самое сложное будет повернуть обратно. Надо сделать это, прежде чем мы рухнем в пространственную дыру.

Он был уже рядом, я взобрался на ковер и крепко обхватил Кверта лапами.

— У тебя получится! — крикнул я.

— Надеюсь, — ответил он. — Я еще не делал такого маневра!

Кверт сделал резкий наклон вперед и, словно уздечку коня, потянул на себя концы ковра. Ковер взвился на дыбы, описал элегантную дугу и поменял направление полета на противоположное. Позади «Молох» с грохотом рухнул в раскрытую пасть универсума, со скоростью никак не меньше скорости света.

— Вот видишь, — сказал я Кверту. — А ты боялся.

Мы держали курс на юг, туда, где когда-то находился Атлантис. Там я надеялся встретить динозавров-спасателей.

Кверта не очень-то удивило произошедшее с нами чудо, но того, кто только что вынырнул из пространственной дыры, вообще нелегко удивить.

Разъяснения. Я вкратце поведал ему, что случилось со мной, а он рассказал мне свою историю.

Он, как ни странно, из Темных гор попал действительно прямиком в свое родное измерение, как раз незадолго до момента коронации. Это привело к тому, что в 2364-м измерении стало два Кверта Цуиопю. Ситуация получилась совершенно абсурдная: Кверт наблюдал за своей собственной коронацией из толпы. Он даже разыскал свой ковер жизни и держал его теперь, аккуратно свернутый, под мышкой. Наблюдая за торжественной процессией, он увидел, как я случайно стал виновником падения его второго «я» в пространственную дыру, бросился на помощь и сам угодил вслед за нами туда же. Зато ему во время падения удалось развернуть ковер и удобно устроиться на нем. Так что второй Кверт Цуиопю все еще носится где-то там, в пространственных лабиринтах.

На месте Атлантиса теперь было большое круглое озеро, кратер глубиной в несколько километров, быстро заполнившийся морской водой (потом поползут слухи, что именно это стало причиной гибели Замонии, что люди-невидимки якобы выдернули из континента затычку, но легенды, как известно, склонны все упрощать).

Навстречу нам бросился взволнованный Мак. Он рассказал нам, что, едва только он коснулся земли, пещерный тролль соскользнул у него со спины и был таков. До чего же все-таки подлое существо! Было видно, что Маку ужасно неловко из-за всей этой истории.

Остальные динозавры-спасатели приземлились неподалеку от озера, бывшие рабы «Молоха» залезли в воду, чтобы смыть с себя копоть, машинное масло, запах, да и вообще воспоминания о стальном корабле.

Это был настоящий водный праздник. Многие из рабов «Молоха» все это время видели воду только из иллюминатора, мыться или стирать на корабле было не принято. Йети и добраньские быки дурачились и брызгались, словно дети. Даже я не удержался и нырнул пару раз. Потом Мак позвал нас на ужин. Динозавры приготовили стол из свежих овощей и фруктов, который для многих из нас стал первой нормальной едой за долгие годы. Усталые и голодные, мы вышли на берег.

За время купания с черными медведями произошла удивительная перемена. Я заметил, что мех у них вовсе не черного цвета, чернота оказалась обычной смесью масла и копоти, которая теперь расплылась жирными пятнами по поверхности озера. У первого же медведя, который вынырнул у меня на глазах из воды, мех оказался не черный, а ярко-рыжий, как у лошадей ирландской породы. У другого шкура имела золотистый оттенок. Потом из воды вышел зеленый медведь, за ним медведица со светло-русым мехом. На солнечном берегу отряхивались от воды медведи всех цветов радуги: желтые, зеленые, красные, — я даже обнаружил среди них парочку синих.

Из «Лексикона подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей», составленного профессором Абдулом Филинчиком

ЦВЕТНЫЕ МЕДВЕДИ, уникальный вид обитающих за пределами городов Замонии всеядных млекопитающих с густым мехом (ursidae). Сильные, высотой до двух метров животные обладают способностью овладевать речевыми навыками. Самой яркой отличительной чертой этого вида является цветовая индивидуальность каждой особи. Так, к примеру, многие из цветных медведей имеют красный цвет меха, но при этом каждый из них обладает своим уникальным оттенком: кирпичным, медно-рыжим, янтарным, огненно-красным, цвета махагон, цвета черешни, пурпурно-красным, терракотовым, бронзовым, красно-бордовым, рубиновым или розовым, как у фламинго. Существует также великое множество всевозможных оттенков желтого, от лимонного и яичного до ярко-оранжевого: соломенно-желтый, солнечно-золотистый, цвет электрического света, блондин, русый блондин, светлый блондин, платиновый блондин, медово-желтый, банановый, масляно-желтый, золотисто-желтый, пепельно-желтый, горчичный, кукурузный, русый, золотисто-русый, канареечный, натифтофский желтый, желтый лимонник, венецианский желтый, светло-желтый, темно-желтый и натурально-желтый.

Не менее распространен среди цветных медведей и зеленый цвет, имеющий великое множество вариантов, как то: изумрудный, оливковый, бирюзовый, нефритовый, цвет молодой резеды или шпината, а еще желто-зеленый, сине-зеленый, болотно-зеленый, цвет еловых иголок, травы, морских водорослей, морской волны, озерной тины, бутылочного стекла, плесени, серебристо-зеленый, ядовито-зеленый, цвет пальмовых листьев, гороха, сосны, плюща и еще многие сотни других оттенков этого цвета.

И это всего лишь основные цвета, кроме которых существует еще бесконечное множество разнообразных комбинаций, дающих огромное количество новых оттенков, например: фиолетовый, сиреневый, лиловый, цвет мальвы, рододендрона, аметиста, пармской ветчины, корицы, какао, сурика, хрома, лосося, абрикоса, цвет флорентийской меди, светло-лиловый, цвет слоновой кости, жемчужно-белый, пепельно-серый, красно-розовый, серо-коричневый. Встречаются и медведи очень редких оттенков: аквамариновые, цианитовые, золотисто-берилловые, цитриновые,

хризоберилловые, хризолитовые, демантоидные, диоптазовые, молдавитовые, ляпис-лазурные, цвета топаз, циркон, аксинит, гиацинт, титанит, шпинель, азурит, малахит, коралл, карнеол и цвета морской пены.

Есть также цвета, встречающиеся только в Замонии: неоловый, сириловый, замонит, клеробит, эльфонит, гномонит, цант, опализам, ведьмо-зеленый, хромолитовый, пермолит, вольтигорковый, мельфиловый, халухациновый и филиново-черный. А если эти цвета смешиваются с другими приятными глазу оттенками, то получается так называемый замонианский двуцвет: неолово-зеленый, неолово-красный, сирилово-голубой, апализамо-зеленый, пермолитово-желтый, красно-вольтигорковый и, конечно же, все возможные сочетания самих этих оттенков, — короче говоря, в природе не существует такого цвета, который не могли бы иметь цветные медведи. Причина внезапного вымирания, то есть полного исчезновения цветных медведей с материка Замония, до сих пор остается загадкой. Населявшие ранее Большой лес цветные медведи в один прекрасный день все до единого исчезли оттуда.

Настал момент великого торжества.

Постепенно к бывшим рабам «Молоха» начала возвращаться память. Цветные медведи вспоминали, как родители рассказывали им, что когда-то, много-много лет назад, их предки населяли Большой лес.

Они вели мирную жизнь, посвященную в основном разведению пчел. Но потом обстоятельства изменились, в лесную чащу явился огромный паук-ведун и прогнал всех медведей своими бесчестными методами охоты. Медведям не осталось ничего другого, как покинуть лес, расстаться со своим излюбленным занятием, разведением пчел, и посвятить себя рыбной ловле. Лесные медведи превратились в морских медведей, они очень быстро освоили строительство деревянных кораблей, изготовление рыболовной снасти и стали добывать себе пропитание из воды. А потом пришел замоним и превратил их в своих рабов.

А еще некоторые медведи помнили молодую пару, ультрамаринового медведя и медведицу цвета индиго, которые бросились в море, чтобы спасти своего новорожденного сына от страшной участи рабства на «Молохе». Точно сказать теперь,

конечно, нельзя, но это вполне могли быть мои родители, пожертвовавшие собой ради того, чтобы сохранить мне свободу.

Это, во всяком случае, объясняло, почему «Молох» все время вызывал у меня такое странное чувство — я всегда чувствовал в нем что-то родное. Но прояснить этот факт мог только замоним, а его уже переваривало Облако Тьмы.

В этот вечер пролилось немало слез, слез радости и печали. Многие из бывших рабов горевали по тем годам, которые отнял у них проклятый замоним. Другие предавались безудержному веселью, радуясь новообретенной свободе. Динозавры-спасатели в это время беспомощно топтались в сторонке, с проявлением чувств у них всегда были проблемы.

Мы не спали до глубокой ночи, все говорили и говорили. Я рассказал медведям о своем забеге по Большому лесу. Узнав о том, какая участь постигла паука-ведуна, медведи стали подумывать, а не вернуться ли им опять в Большой лес. Рассказал я им и о людях-невидимках, о моем путешествии в недра Атлантиса и о том, что город улетел в космос. К счастью, Мак подтвердил правдивость моих слов.

А потом все мы заснули крепким, глубоким сном, и только динозавры-спасатели не спали, они охраняли нас.

Домой. Наутро медведи окончательно утвердились в мысли вернуться в Большой лес. Паука-ведуна там больше не было, поэтому мы снова могли его населить.

Остальные решили разойтись кто куда. Некоторые просто остались на озере и начали заново отстраивать город.

Грот и Цилле направились в Бухтянск, чтобы там сесть на корабль и пуститься в далекое плавание. Им хотелось увидеть новые континенты, «расширить свои горизонты», как выразился Цилле. Кверт сказал, что пойдет вместе с нами в Большой лес. Он слишком много времени провел в пространственной дыре и теперь хотел немного отдохнуть и поработать над своим ковром, прежде чем снова провалится в какую-нибудь дыру.

Динозавры-спасатели заявили, что сами доставят нас куда надо, чтобы мы по пути не попали в какую-нибудь переделку и им не пришлось снова лететь нас спасать.

Мы взяли курс на запад, свободно пролетев тем ущельем в Пиритонических горах, где раньше лежала голова боллога. Потом была бесконечная Сладкая пустыня, и я, сидя на спине у Мака, видел торнадо и — совсем крошечных — чудичей, семенящих в

песках.

Спустя пару дней мы достигли цели. Сначала вдали показались вершины Темных гор, а через несколько часов мы приземлились на опушке Большого леса.

Мак, как всегда, был невозмутим, только попросил меня придерживаться вегетарианской диеты, по-видимому не сомневаясь, что ему все равно скоро придется вытаскивать меня из какой-нибудь новой передряги. Он взмахнул крыльями и взмыл в небо. Очки его так запотели от избытка чувств, что он сразу же чуть было не налетел на дерево.

13. Половина жизни в покое

Первым делом я и другие медведи принялись наводить порядок в лесу. Мы валили деревья, расчищали поляны и возводили на скорую руку временные дома.

Мы развели косуль и белочек, ведь без них не представить себе настоящего леса. Мы намели целые горы сухой листвы. Я научил других медведей, как при помощи воды удалять сети коварного паука. Нашлось даже его тело. Мы сожгли его вместе с паутиной. Потом у нас еще несколько дней появлялись галлюцинации от ядовитого дыма.

Постепенно я перезнакомился со всеми медведями. На это, правда, потребовалось некоторое время, ведь их было несколько тысяч. Попадались и такие, которые вполне могли быть моими родственниками, — дяди-тети, братья-сестры моих предполагаемых родителей.

Поначалу все жили в общих бараках, но со временем семейные пары начали обзаводиться своими собственными избушками. Мне самому лично больше нравилось жить вместе с остальными. На что одинокому медведю отдельный дом?

Мы построили школу, где я преподавал замонианские диалекты, пчеловодство, граландскую демонологию, филинистику, высшую математику и еще около тридцати

различных предметов. Кверт Цуиопю тоже стал учителем и, наряду с ковровым делом, биологией, замонианской географией и философией, читал лекции по пространственным дырам, предмету, в котором он был непревзойденным специалистом. В свободное от работы время он любил полетать на своем ковре над Большим лесом и помечтать о 2364-м измерении. Как-то раз мне в голову пришла идея записать **«Лексикон подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей»,** но статьи из него по-прежнему посещали меня произвольно, когда хотели. Как я ни старался: бил кулаками по голове, выкрикивал заглавия словарных статей, проклинал профессора Филинчика — все было напрасно. «Ну почему профессор не снабдил меня руководством по правилам пользования этим упрямым справочником?» — подумал я.

Правила пользования «Лексиконом». В тот же самый миг мозг мой словно пронзило электрическим током, и в голове возникли правила пользования «Лексиконом».

Правила пользования «Лексиконом подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей»

1. Удостоверьтесь, что ваша черепная коробка настроена на прием «Лексикона».
2. Затруднения с вызовом статей (расплывчатый, нечитабельный шрифт, перевернутый текст) могут быть связаны только с нарушением вашего мозгового кровообращения. Проконсультируйтесь с врачом!
3. Если вместо статей «Лексикона» вам слышатся голоса из других измерений, сигналы далеких галактик или же в мозгу у вас появляются образы давно умерших родственников, тем более необходимо срочно проконсультироваться с врачом!
4. Чтобы вызвать статью из раздела «Чудеса», дерните себя левой рукой за правое ухо и громко и четко, по буквам, произнесите вызываемое понятие.
5. Чтобы вызвать статью из раздела «Тайны», дерните себя правой рукой за левое ухо и опять же по буквам произнесите желаемое понятие.
6. Чтобы вызвать статью из раздела «Феномены»,

дерните себя двумя руками крест-накрест за оба уха и произнесите по буквам желаемое понятие.

7. В случае иных нарушений и нежелательных побочных явлений обращайтесь лично к профессору Абдулу Филинчику: Западная Замония, Темные горы, Ночная школа.

Ага, были, значит, и «Правила пользования», просто я не додумался о них спросить!

Последующие месяцы я занимался исключительно тем, что переписывал статьи «Лексикона» из своей головы на бумагу. Полученный рукописный экземпляр я поручил еще раз переписать ученикам нашей школы. Это занятие превратилось у нас в подобие обязательного факультатива по правописанию.

А еще я нередко предпринимал пешие прогулки по Большому лесу, составляя географический план окрестностей и изучая местную растительность. Во время таких прогулок я частенько думал о том, что надо бы как-то упорядочить жизнь общины цветных медведей, принять обязательные для всех законы и правила. Во-первых, следовало незамедлительно издать запрет на проживание в Большом лесу пауков-ведунов, а также расставить знаки, предупреждающие о наличии пространственных дыр, и, конечно же, распределить среди медведей обязанности: кто будет убирать прошлогоднюю листву, кто разводить пчел, а кто возводить дома.

Поляна. Как-то раз, путешествуя по лесу, я забрел на ту самую поляну, где началось мое приключение с пауком-ведуном. Лесная поляна ничуть не изменилась с тех пор, и у меня по коже побежали мурашки, хотя, как и в прошлый раз, светило теплое вечернее солнышко. И тут в голове моей вдруг сама собой родилась мысль, которую я так долго вынашивал и которой суждено было лечь в основу нашей медвежьей конституции: «Все цветные медведи не равны, среди них есть желтые, красные, зеленые, синие, фиолетовые, замонитовые и опализамовые…»

А потом я услышал нежный голос, напевающий песенку, которая показалась мне на удивление знакомой, да и сам голос я как будто уже слышал. В высокой траве на поляне сидела молодая медведица, пришедшая в лес за грибами, ягодами и медом диких пчел. Я ни разу не видел ее в нашей общине, но

знал, кажется, лучше, чем любого другого из своих соплеменников. Мех у нее был василькового цвета.

Она выглядела именно так, как медведица из моих грез.

И она читала **«Лексикон подлежащих объяснению чудес, тайн и феноменов Замонии и ее окрестностей»** профессора Абдула Филинчика.

Авриель. А что было дальше, я вам не расскажу. Ту половину жизни, что я провел в Большом лесу с цветными медведями и синей красавицей, которую, как потом выяснилось, звали Авриель, прошу считать приватной областью, не предназначенной для чужих глаз и ушей. Добавлю только, что я построил для нас с Авриель отдельный домик — точь-в-точь как тот, что привиделся мне во сне. Авриель разбила перед домом небольшой цветник и несколько овощных грядок, мы вырыли посреди поляны пруд и поставили пчелиный улей. Вы, наверное, назовете меня суеверным, но я твердо верил, что наше счастье останется с нами до тех пор, пока в горшке на плите плавает хотя бы парочка клецек.

Со временем к нам стали приезжать торговцы со всей Замонии. Они предлагали цветным медведям на обмен свои товары, но многие так и остались жить в Большом лесу и основали здесь свои собственные общины. Часть цветных медведей ушли из Большого леса и осели на побережье у самого моря. Они занялись рыбной ловлей и стали строить рыболовецкие суда.

Большой лес вскоре снова стал желанным местом для туристов со всех концов материка. Их влекли сюда романтические лесные трактиры и кабачки, где можно было отведать

кулинарных деликатесов, приготовленных цветными медведями. В школе наряду с основными предметами я вел еще и факультатив для будущих поваров, где делился с учениками знаниями, полученными в пиццерии у Цакоба Йоа. Мою двойную пиццу можно было найти в меню любой таверны Большого леса.

Паучий мед. Привлекали туристов и наши пасеки, где можно было разжиться самым вкусным в мире медом. Мед был действительно очень хорош, и получали мы его в огромном количестве. А все потому, что долгие годы в лесу не водилось вообще никаких насекомых, и медоносные бутоны были просто переполнены чудесным нектаром. Неудивительно, что наши пчелы славились своим трудолюбием и жизнерадостностью. «Нектар Авриель» пользовался большой популярностью, наряду с «Дарами паука-ведуна», которые именно по причине своего сомнительного названия особенно нравились детям.

Однажды вечером мы с Авриель гуляли по берегу моря, как раз в том месте, где когда-то причалил «Молох», поработивший потом всех цветных медведей.

Море было спокойное, но от него тянуло холодком. Ясное, безоблачное небо распростерлось над нами безграничной чернотой универсума. Среди мириад звезд виднелась одна совершенно новая, непохожая на другие. Она была не просто новая, она каждый вечер появлялась на новом месте. Она двигалась, и двигалась не по прямой, как комета или какое-нибудь другое небесное тело, а зигзагом. Да еще светилась и переливалась в темноте всеми цветами радуги, словно ярко освещенный огнями город. То был Атлантис, плывущий в межзвездном пространстве.

Я крепко прижал к себе Авриель, защищая ее от холода, и потянул носом воздух. Свежий морской бриз принес с собой едва уловимый знакомый запах. Это был запах далекого пожарища, с легкой примесью корицы. А так — как мы уже знаем — могут пахнуть только приключения.

— Иногда стоит дать судьбе шанс, — сказал я.

— Не сейчас, — отозвалась Авриель.

Мы пошли назад в знакомый, родной лес.

Говорят, жизнь коротка.

Не знаю, бывает по-разному. Одна короткая, другая длинная, третья так, серединка на половинку.

У меня их было еще целых тринадцать с половиной.

notes

Примечания

1

‡ — В бумажной книге электрический треск вместо букв «Ч» и «Ц» в словах обозначался символом молнии ( ). Из-за отсутствия подходящего значка в электронной версии заменен на «‡». */Прим. верст./*